Русский Вестник
1862 № 8 (авг.) т. 40

КНЯЗЬ СЕРЕБРЯНЫЙ

ПОВѢСТЬ ВРЕМЕНЪ ІОАННА ГРОЗНАГО.

— At nunc patientia servilis tantumque sanguinis domi perditum fatigant animum et moestitia restringunt, neque aliam defensionem ab iis, quibus ista noscentur, exegerim, quam ne oderim tam segniter pereuntes.

Tac. Ann. Lib. XVI.

Пров. 50

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

8286

Всемилостивѣйшая Государыня!

Имя Вашего Величества, которое Вы позволили мнѣ поставить во главѣ повѣсти времен Іоанна Грознаго, есть лучшее ручательство, что непроходимая бездна отдѣляетъ темныя явленія нашего минувшаго отъ свѣтлаго духа настоящей поры.

Въ этомъ утѣшительномъ убѣжденіи, съ глубокимъ чувствомъ благодарности и довѣрія, подношу мой трудъ Вашему Величеству.

Графъ Алексѣй Толстой.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Представляемый здѣсь разказъ имѣетъ цѣлію не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія.

Оставаясь вѣрнымъ исторіи въ общихъ ея чертахъ, авторъ позволилъ себѣ и нѣкоторыя отступленія въ подробностяхъ, не имѣющихъ исторической важности. Такъ, между прочимъ, казнь Вяземскаго и обоихъ Басмановыхъ, случившаяся на дѣлѣ въ 1570 году, помѣщена, для сжатости разказа, въ 1565 годъ. Этотъ умышленный анахронизмъ едва ли навлечетъ на себя строгое порицаніе, если принять въ соображеніе, что безчисленныя казни, послѣдовавшія за низверженіемъ Сильвестра и Адашева, хотя много служатъ къ личной характеристикѣ Іоанна, но не имѣютъ вліянія на общій ходъ событій.

Въ отношеніи къ ужасамъ того времени, авторъ оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ, по возможности, въ отдаленіи. Тѣмъ не менѣе, онъ сознается, что при чтеніи источниковъ, книга не разъ выпадала у него изъ рукъ и онъ бросалъ перо въ негодованіи, не столько отъ мысли что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія. Это тяжелое чувство постоянно мѣшало необходимой въ эпическомъ сочиненіи объективности и было отчасти причиной, что романъ, начатый болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, оконченъ только въ настоящемъ году. Послѣднее обстоятельство послужитъ, быть-можетъ, нѣкоторымъ извиненіемъ для тѣхъ неровностей слога, которыя, вѣроятно, не ускользнутъ отъ читателя.

Въ заключеніе авторъ полагаетъ нелишнимъ сказать, что чѣмъ вольнѣе онъ обращался со второстепенными историческими происшествіями, тѣмъ строже онъ старался соблюдать истину и точность въ описаніи характеровъ и всего что касается до народнаго быта и до археологіи.

Если удалось ему воскресить наглядно физіономію очерченной имъ эпохи, онъ не будетъ сожалѣть о своемъ трудѣ и почтетъ себя достигшимъ желанной цѣли.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Опричники.

Лѣта отъ сотворенія міра семь тысячъ семьдесятъ третьяго, или по нынѣшнему счисленію 1565 года, въ жаркій лѣтній день, 28 іюня, молодой бояринъ князь Никита Романовичъ Серебряный подъѣхалъ верхомъ къ деревнѣ Медвѣдевкѣ, верстъ за тридцать отъ Москвы.

За нимъ ѣхала толпа ратниковъ и холопей.

Князь провелъ цѣлыхъ пять лѣтъ въ Литвѣ. Его посылалъ царь Иванъ Васильевичъ къ королю Жигимонту подписать миръ на многія лѣта послѣ бывшей тогда войны. Но на этотъ разъ царскій выборъ вышелъ неудаченъ. Правда, Никита Романовичъ упорно отстаивалъ выгоды своей земли, и казалось бы нельзя и желать лучшаго посредника, но Серебряный не былъ рожденъ для переговоровъ. Отвергая тонкости посольской науки, онъ хотѣлъ вести дѣло на чистоту и, къ крайней досадѣ сопровождавшихъ его дьяковъ, не позволялъ имъ никакихъ изворотовъ. Королевскіе совѣтники, уже готовые на уступки, скоро воспользовались простодушіемъ князя, вывѣдали отъ него наши слабыя стороны и увеличили свои требованія. Тогда онъ не вытерпѣлъ: среди полнаго сейма ударилъ кулакомъ по столу и разорвалъ докончальную грамоту, приготовленную къ подписанію. „Вы-де и съ королемъ вашимъ вьюны да оглядчики! Я съ вами говорю по совѣсти; а вы все норовите какъ бы меня лукавствомъ обойдти! Такъ-де чинить не повадно!“ Этотъ горячій поступокъ разрушилъ въ одинъ мигъ успѣхъ прежнихъ переговоровъ, и не миновать

бы Серебряному опалы, еслибы, къ счастью его, не пришло въ тотъ же день отъ Москвы повелѣніе не заключать мира, а возобновить войну. Съ радостью выѣхалъ Серебряный изъ Вильно, смѣнилъ бархатную одежду на блестящіе бахтерцы, и давай бить Литовцевъ, гдѣ только Богъ посылалъ. Показалъ онъ свою службу въ ратномъ дѣлѣ лучше чѣмъ въ думномъ, и прошла про него великая хвала отъ русскихъ и литовскихъ людей.

Наружность князя соотвѣтствовала его нраву. Отличительными чертами болѣе пріятнаго чѣмъ красиваго лица его были простосердечіе и откровенность. Въ его темносѣрыхъ глазахъ, осѣненныхъ черными рѣсницами, наблюдатель прочелъ бы необыкновенную, безсознательную и какъ бы невольную рѣшительность, непозволявшую ему ни на мигъ задуматься въ минуту дѣйствія. Неровныя взъерошенныя брови и косая между ними складка указывали на нѣкоторую безпорядочность и непослѣдовательность въ мысляхъ. Но мягко и опредѣлительно изогнутый ротъ выражалъ честную, ничѣмъ непоколебимую твердость, а улыбка — безпритязательное, почти дѣтское добродушіе, такъ что иной, пожалуй, почелъ бы его ограниченнымъ, еслибы благородство дышащее въ каждой чертѣ его не ручалось, что онъ всегда постигнетъ сердцемъ чего, можетъ-быть, и не сумѣетъ объяснить себѣ умомъ. Общее впечатлѣніе было въ его пользу и рождало убѣжденіе, что можно смѣло ему довѣриться во всѣхъ случаяхъ, требующихъ рѣшимости и самоотверженія, но что обдумывать свои поступки не его дѣло, и что соображенія ему не даются.

Серебряному было лѣтъ двадцать пять. Роста онъ былъ средняго, широкъ въ плечахъ, тонокъ въ поясѣ. Густые русые волосы его были свѣтлѣе загорѣлаго лица и составляли противоположность съ темными бровями и черными рѣсницами. Короткая борода, немного темнѣе волосъ, слегка отѣняла губы и подбородокъ.

Весело было теперь князю и легко на сердцѣ возвращаться на родину. День былъ свѣтлый, солнечный, одинъ изъ тѣхъ дней, когда вся природа дышитъ чѣмъ-то праздничнымъ, цвѣты кажутся ярче, небо голубѣе, вдали прозрачными струями зыблется воздухъ, и человѣку дѣлается такъ легко, какъ будто бы душа его сама перешла въ

природу, и трепещетъ на каждомъ листѣ, и качается на каждой былинкѣ.

Свѣтелъ былъ іюньскій день, но князю, послѣ пятилѣтняго пребыванія въ Литвѣ, онъ казался еще свѣтлѣе. Отъ полей и лѣсовъ такъ и вѣяло Русью.

Безъ лести и кривды радѣлъ Никита Романовичъ къ юному Іоанну. Твердо держалъ онъ свое крестное цѣлованіе, и ничто не поштатнуло бы его крѣпкаго стоятельства за государя. Хотя сердце и мысль его давно просились на родину, но еслибы теперь же пришло ему повелѣніе вернуться на Литву, не увидя ни Москвы, ни родныхъ, онъ безъ ропота поворотилъ бы коня и съ прежнимъ жаромъ кинулся бы въ новыя битвы. Впрочемъ не онъ одинъ такъ мыслилъ. Всѣ русскіе люди любили Іоанна всею землею. Казалось, съ его праведнымъ царствіемъ насталъ на Руси новый золотой вѣкъ, и монахи, перечитывая лѣтописи, не находили въ нихъ государя равнаго Іоанну.

Еще не доѣзжая деревни, князь и люди его услышали веселыя пѣсни, а когда подъѣхали къ околицѣ, то увидѣли что въ деревнѣ праздникъ. На обоихъ концахъ улицы парни и дѣвки составили по хороводу, и оба хоровода несли по березкѣ, украшенной пестрыми лоскутьями. На головахъ у парней и дѣвокъ были зеленые вѣнки. Хороводы пѣли то оба вмѣстѣ, то, очередуясь, разговаривали одинъ съ другимъ и перекидывались шуточною бранью. Звонко раздавался между пѣснями дѣвичій хохотъ, и весело пестрѣли въ толпѣ цвѣтныя рубахи парней. Стаи голубей перелетали съ крыши на крышу. Все двигалось и кипѣло; веселился православный народъ.

У околицы старый стремянной князя съ нимъ поровнялся.

— Эхва! сказалъ онъ весело,—вишь какъ они, батюшка, тетка ихъ подкурятина, справляютъ Аграфену Купальницу-то! Ужь не поотдохнуть ли намъ здѣсь? Кони-то замучились, да и намъ-то, поѣмши, веселѣе будетъ ѣхать. По сытому брюху, батюшка, самъ знаешь, хоть обухомъ бей!

— Да, я чай, уже не далеко до Москвы! сказалъ князь, очевидно не желавшій остановиться.

— Эхъ, батюшка, вѣдь ты сегодня ужь разовъ пять спрошалъ. Сказали тебѣ добрые люди, что будетъ отсюда

еще поприщъ за сорокъ. Вели отдохнуть, князь, право кони устали!

— Ну добро, сказалъ князь,—отдыхайте!

— Эй, вы! закричалъ Михеичъ, обращаясь къ ратникамъ,—долой съ коней, сымай котлы, раскладывай огонь!

Ратники и холопи были всѣ въ приказѣ у Михеича; они спѣшились и стали развязывать вьюки. Самъ князь слѣзъ съ коня и снялъ служилую броню. Видя въ немъ человѣка роду честнаго, молодые прервали хороводы, старики сняли шапки и всѣ стояли, переглядываясь въ недоумѣніи, продолжать или нѣтъ веселіе.

— Не чинитесь, добрые люди, сказалъ ласково Никита Романовичъ,—кречетъ соколамъ не помѣха!

— Спасибо, бояринъ, отвѣчалъ пожилой крестьянинъ.— Коли милость твоя нами не брезгаетъ, просимъ покорно, садись на завалину, а мы тебѣ, коли соизволишь, медку поднесемъ; уважь, бояринъ, выпей на здоровье!—Дуры! продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвкамъ,—чего испугались? Аль не видите, это бояринъ съ своею челядью, а не какіенибудь опричники! Вишь ты, бояринъ, съ тѣхъ поръ, какъ настала на Руси опричнина, такъ нашъ братъ всего боится; житья нѣту бѣдному человѣку! И въ праздникъ пей да не допивай; пой да оглядывайся. Какъ разъ нагрянутъ, ни съ того ни съ другаго, словно снѣгъ на голову!

— Какая опричнина? Что за опричники? спросилъ князь.

— Да провалъ ихъ знаетъ! Называютъ себя царскими людьми. Мы-де люди царскіе, опричники! А вы-де земщина! Намъ-де васъ грабить да обдирать, а вамъ-де терпѣть да кланяться. Такъ-де царь указалъ!

Князь Серебряный вспыхнулъ.

— Царь указалъ обижать народъ! Ахъ они окаянные! Да кто они такіе? Какъ вы ихъ, разбойниковъ, не перевяжете!

— Перевязать! опричниковъ-то! Эхъ, бояринъ! видно ты издалека ѣдешь, что не знаешь опричнины! Попытайся-ка что съ ними сдѣлать! Ономнясь наѣхало ихъ человѣкъ десять на дворъ къ Степану Михайлову, вонъ на тотъ дворъ, что на запорѣ; Степанъ-то былъ въ полѣ; они къ старухѣ: давай того, давай другаго. Старуха все ставитъ да кланяется. Вотъ они: давай, баба, денегъ! Заплакала старуха, да нечего дѣлать, отперла сундукъ, вынула изъ тряпицы два алтына, подаетъ со слезами: берите, только живу

оставьте. А они говорятъ: мало! Да какъ хватитъ ее одинъ опричникъ въ високъ, такъ и духъ вонъ! Приходитъ Степанъ съ поля, видитъ: лежитъ его старуха съ разбитымъ виском; онъ не вытерпѣлъ. Давай ругать царскихъ людей: Бога вы не боитесь, окаянные! Не было-бъ вамъ на томъ свѣту ни дна, ни покрышки! А они ему, сердечному, петлю на шею, да и повѣсили на воротахъ!

Вздрогнулъ отъ ярости Никита Романовичъ. Закипѣло въ немъ ретивое.

— Какъ, на царской дорогѣ, подъ самою Москвой, разбойники грабятъ и убиваютъ крестьянъ! Да что же дѣлаютъ ваши сотскіе да губные старосты? Какъ они терпятъ, чтобы станичники себя царскими людьми называли?

— Да, подтвердилъ мужикъ,—мы-де люди царскіе, опричники; намъ-де все вольно, а вы-де земщина! И старшіе у нихъ есть; знаки носятъ: метлу да собачью голову. Должно-быть и въ правду царскіе люди.

— Дурень! вскричалъ князь,—не смѣй станичниковъ царскими людьми величать! Ума не приложу, подумалъ онъ.— Особые знаки? Опричники? Что это за слово? Кто эти люди? Какъ пріѣду на Москву, обо всемъ доложу царю. Пусть велитъ мнѣ сыскать ихъ! Не спущу имъ, какъ Богъ святъ, не спущу.

Между тѣмъ хороводъ шелъ своимъ чередомъ.

Молодой парень представлялъ жениха, молодая дѣвка невѣсту; парень низко кланялся родственникамъ своей невѣсты, которыхъ также представляли парни и дѣвки.

— Государь мой, тестюшка, пѣлъ женихъ вмѣстѣ съ хоромъ,—свари мнѣ пива!

— Государыня теща, напеки пироговъ!

— Государь свояк, осѣдлай мнѣ коня!

Потомъ, взявшись за руки, дѣвки и парни кружились вокругъ жениха и невѣсты, сперва въ одну, потомъ въ другую сторону. Женихъ выпилъ пиво, съѣлъ пироги, изъѣздилъ коня и выгоняетъ свою родню.

— Пошелъ, тесть, къ чорту!

— Пошла, теща, къ чорту!

— Пошелъ, свояк, къ чорту!

При каждомъ стихѣ онъ выталкивалъ изъ хоровода то дѣвку, то парня.

Мужики хохотали.

Вдругъ раздался пронзительный крикъ. Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, весь окровавленный, бросился въ хороводъ.

— Спасите! спрячьте! кричалъ онъ, хватаясь за полы мужиковъ.

— Что съ тобой, Ваня? Чего орешь? Кто тебя избилъ? Ужь не опричники ль?

Въ одинъ мигъ оба хоровода собрались въ кучу; всѣ окружили мальчика; но онъ отъ страху едва могъ говорить.

— Тамъ, тамъ, произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ,—за огородами, я пасъ телятъ.... они наѣхали, стали колоть телятъ, рубить саблями, пришла Дунька, стала просить ихъ, они Дуньку взяли, потащили, потащили съ собой, а меня...

Новые крики перебили мальчика. Женщины бѣжали съ другаго конца деревни.

— Бѣда, бѣда! кричали онѣ,—опричники! бѣгите, дѣвки, прячьтесь въ рожь! Дуньку и Аленку схватили, а Сергѣвну убили на смерть!

Въ то же время показались всадники, человѣкъ съ пятьдесятъ, сабли наголо. Впереди скакалъ чернобородый дѣтина въ красномъ кафтанѣ, въ рысьей шапкѣ съ парчевымъ верхомъ. Къ сѣдлу его привязаны были метла и собачья голова.

— Гойда! Гойда! кричалъ онъ,—колите скотъ, рубите мужиковъ, ловите дѣвокъ, жгите деревню! За мной, ребята! Никого не жалѣть!

Крестьяне бѣжали куда кто могъ.

— Батюшка! Бояринъ! вопили тѣ, которые были ближе къ князю,—не выдавай насъ, сиротъ! Оборони горемычныхъ!

Но князя уже не было между ними.

— Гдѣ жь бояринъ? спросилъ пожилой мужикъ, оглядываясь на всѣ стороны.—И слѣдъ простылъ! И людей его не видать! Ускакали видно, сердечные! Охъ бѣда неминучая, охъ смерть намъ настала!

Дѣтина въ красномъ кафтанѣ остановилъ коня.

— Эй ты, старый хрѣнъ! здѣсь былъ хороводъ, куда дѣвки разбѣжались?

Мужикъ кланялся молча.

— На березу его! закричалъ черный,—любитъ молчать, такъ пусть себѣ молчитъ на березѣ!

Нѣсколько всадниковъ сошли съ коней и накинули мужику петлю на шею.

— Батюшки, кормилицы! Не губите старика, отпустите, родимые! Не губите старика!

— Ага! Развязалъ языкъ, старый хрычъ! Да поздно, братъ, въ другой разъ не шути! На березу его!

Опричники потащили мужика къ березѣ. Въ эту минуту изъ-за избы раздалось нѣсколько выстрѣловъ, человѣкъ десять пѣшихъ людей бросились съ саблями на душегубцевъ, и въ то же время всадники князя Серебрянаго, вылетѣвъ изъ-за угла деревни, съ крикомъ напали на опричниковъ. Княжескихъ людей было вдвое менѣе числомъ, но нападеніе совершилось такъ быстро и неожиданно, что они въ одинъ мигъ опрокинули опричниковъ. Князь самъ рукоятью сабли сшибъ съ лошади ихъ предводителя. Не давъ ему опомниться, онъ спрыгнулъ съ коня, придавилъ ему грудь колѣномъ и стиснулъ горло.

— Кто ты, мошенникъ? спросилъ князь.

— А ты кто? отвѣчалъ опричникъ, хрипя и сверкая глазами.

Князь приставилъ ему пистольное дуло ко лбу.

— Отвѣчай, окаянный, или застрѣлю какъ собаку!

— Я тебѣ не слуга, разбойникъ, отвѣчалъ черный, не показывая болзни,—а тебя повѣсятъ, чтобы не смѣлъ трогать царскихъ людей!

Курокъ пистоли щелкнулъ, но кремень осѣкся и черный остался живъ.

Князь посмотрѣлъ вокругъ себя. Нѣсколько опричниковъ лежали убитые, другихъ княжескіе люди вязали, прочіе скрылись.

— Скрутите и этого! сказалъ боярин, и глядя на звѣрское, но безстрашное лицо его, онъ не могъ удержаться отъ удивленія. „Нечего сказать, молодецъ! подумалъ князь,—жаль что разбойникъ!“

Между тѣмъ подошелъ къ князю стремянный его, Михеичъ.

— Смотри, батюшка, сказалъ онъ, показывая пукъ тонкихъ и крѣпкихъ веревокъ съ петлями на концѣ,—вишь они какіе осилы возятъ съ собою! Видно не впервой имъ душегубствовать, тетка ихъ подкурятина!

Тутъ ратники подвели къ князю двухъ лошадей, на которыхъ сидѣли два человѣка, связанные и прикрученные къ сѣдламъ. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ съ кудрявою,

сѣдою головой и длинною бородой. Товарищъ его, черноглазый молодецъ, казался лѣтъ тридцати.

— Это что̀ за люди? спросилъ князь.—Зачѣмъ вы ихъ къ сѣдламъ прикрутили?

— Не мы, боярин, а разбойники прикрутили ихъ къ сѣдламъ. Мы нашли ихъ за огородами, и стража къ нимъ была приставлена.

— Такъ отвяжите ихъ и пустите на волю!

Освобожденные плѣнники потягивали онѣмѣлые члены, но, не спѣша воспользоваться свободою, остались посмотрѣть что̀ будетъ съ побѣжденными.

— Слушайте, мошенники, сказалъ князь связаннымъ опричникамъ,—говорите, какъ вы смѣли называться царскими слугами? Кто вы таковы?

— Что̀ у тебя глаза лопнули, что̀ ли? отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.—Аль не видишь кто мы? Извѣстно кто! Царскіе люди, опричники!

— Окаянные! вскричалъ Серебряный:—коли жизнь вамъ дорога, отвѣчайте правду!

— Да ты, видно, съ неба свалился, сказалъ съ усмѣшкой черный дѣтина,—чѣо никогда опричниковъ не видалъ? И подлинно съ неба свалился! Чортъ его знаетъ, откуда выскочилъ, провалиться бы тебѣ сквозь землю!

Упорство разбойниковъ взорвало Никиту Романовича.

— Слушай, молодецъ, сказалъ онъ,—твоя дерзостность мнѣ было пришлась по нраву, я хотѣлъ было пощадить тебя. Но если ты сейчасъ же не скажешь мнѣ, кто ты таковъ, какъ Богъ святъ, велю тебя повѣсить!

Разбойникъ гордо выпрямился.

— Я Матвѣй Хомякъ! отвѣчалъ онъ, стремянный Григорія Лукьяновича Скуратова-Бѣльскаго; служу вѣрно господину моему и царю въ опричникахъ. Метла, что̀ у насъ при сѣдлѣ, значитъ, что мы Русь метемъ, выметаемъ измѣну изъ царской земли; а собачья голова, что мы грыземъ враговъ царскихъ. Теперь ты вѣдаешь кто я; скажи жь и ты, какъ тебя называть, величать, какимъ именемъ помянуть, когда придется тебѣ тею свернуть?

Князь простилъ бы опричнику его дерзкія рѣчи. Безстрашіе этого человѣка въ виду смерти ему нравилось. Но Матвѣй Хомякъ клеветалъ на царя, и этого не могъ снести Никита Романовичъ. Онъ далъ знакъ ратникамъ. Привыкшіе

слушаться боярина и сами раздраженные дерзостью разбойниковъ, они накинули имъ петли на шеи и готовились исполнить надъ ними казнь, незадолго передъ тѣмъ угрожавшую бѣдному мужику.

Тутъ младшій изъ людей, которыхъ князь велѣлъ отвязать отъ сѣделъ, подошелъ къ нему.

— Дозволь, бояринъ, слово молвить!

— Говори!

— Ты, бояринъ, сегодня доброе дѣло сдѣлалъ, вызволилъ насъ изъ рукъ этихъ собачьихъ дѣтей, такъ мы хотимъ тебѣ за добро добромъ заплатить. Ты, видно, давно на Москвѣ не бывалъ, бояринъ. А мы такъ знаемъ что тамъ дѣется. Послушай насъ, бояринъ. Коли жизнь тебѣ не постыла, не вели вѣшать этихъ мошенниковъ. Отпусти ихъ, и этого бѣса, Хомяка, отпусти. Не ихъ жаль, а тебя боярина. А ужь попадутся намъ въ руки, вотъ-те Христосъ, самъ повѣшу ихъ. Не миновать имъ осина, только бы не ты ихъ къ чорту отправилъ, а нашъ братъ!

Князь съ удивленіемъ посмотрѣлъ на незнакомца. Черные глаза его глядѣли твердо и проницательно; темная борода покрывала всю нижнюю часть лица, крѣпкіе и ровные зубы сверкали ослѣпительною бѣлизной. Судя по его одеждѣ, можно было принять его за посадскаго, или за какого-нибудь зажиточнаго крестьянина, но онъ говорилъ съ такою увѣренностью и, казалось, такъ искренно хотѣлъ предостеречь боярина, что князь сталъ пристальнѣе вглядываться въ черты его. Тогда показалось князю, что на нихъ отпечатокъ необыкновеннаго ума и смѣтливости, а взглядъ обнаруживаетъ человѣка привыкшаго повелѣвать.

— Ты кто, молодецъ? спросилъ Серебряный; — и зачѣмъ вступаешься за людей, которые самого тебя прикрутили къ сѣдлу?

— Да, бояринъ, кабы не ты, то висѣть бы мнѣ вмѣсто ихъ! А все-таки послушай мово слова, отпусти ихъ; жалѣть не будешь, какъ пріѣдешь на Москву. Тамъ, бояринъ, не то что прежде, не тѣ времена! Кабы всѣхъ ихъ перевѣшать, я бы не прочь, за чѣмъ бы не повѣсить! А то и безъ этихъ довольно ихъ на Руси останется; а тутъ еще человѣкъ десять ихнихъ ускакало; такъ если этотъ дьяволъ, Хомякъ, не воротится на Москву, они не на кого другаго, а прямо на тебя покажутъ!

Князя, вѣроятно, не убѣдили бы темныя рѣчи незнакомца, но гнѣвъ его успѣлъ простыть. Онъ разсудилъ, что скорая расправа съ злодѣями немного принесетъ пользы, тогда какъ предавъ ихъ правосудію, онъ, можетъ-быть, откроетъ всю шайку этихъ загадочныхъ грабителей. Разспросивъ подробно, гдѣ имѣетъ пребываніе ближній губной староста, онъ приказалъ старшему ратнику съ товарищами проводить туда плѣнныхъ, и объявилъ, что поѣдетъ далѣе съ однимъ Михеичемъ.

— Власть твоя посылать этихъ собакъ къ губному старостѣ, сказалъ незнакомецъ,—только повѣрь мнѣ, староста тотчасъ велитъ развязать имъ руки. Лучше бы самому тебѣ отпустить ихъ на всѣ четыре стороны. Впрочемъ на то твоя боярская воля.

Михеичъ слушалъ все молча и только почесывалъ за ухомъ. Когда незнакомецъ кончилъ, старый стремянный подошелъ къ князю и поклонился ему въ поясъ.

— Батюшка бояринъ, сказалъ онъ,—оно тово, можетъ-быть, этотъ молодецъ и правду говоритъ: неравно староста отпуститъ этихъ разбойниковъ. А ужь коли ты ихъ, по мягкосердечію твоему, отъ петли помиловалъ, за что Богъ и тебя, батюшка, не оставитъ, то дозволь по крайности, передъ отправкой-то, на всякъ случай, влѣпить имъ по полсотенкѣ нагайками, чтобъ впередъ-то не душегубствовали, тетка ихъ подкурятина!

И, принимая молчаніе князя за согласіе, онъ тотчасъ велѣлъ отвесть плѣнныхъ въ сторону, гдѣ предложенное имъ наказаніе было исполнено точно и скоро, несмотря ни на угрозы, ни на бѣшенство Хомяка.

— Это самое питательное дѣло!.. сказалъ Михеичъ, возвращаясь съ довольнымъ видомъ къ князю.—Оно съ одной стороны и безобидно, а съ другой и памятно для нихъ будетъ!

Незнакомецъ, казалось, самъ одобрялъ счастливую мысль Михеича. Онъ усмѣхался, поглаживая бороду, но скоро лицо его приняло прежнее суровое выраженіе.

— Бояринъ, сказалъ онъ,—ужь коли ты хочешь ѣхать съ однимъ только стремяннымъ, то дозволь хоть мнѣ съ товарищемъ къ тебѣ примкнуться; намъ дорога одна, а вмѣстѣ будетъ веселѣе; къ тому жь неровенъ часъ, коли

придется опять работать руками, такъ восемь рукъ больше четырехъ вымолотятъ.

У князя не было причинъ подозрѣвать своихъ новыхъ товарищей. Онъ позволилъ имъ ѣхать съ собою и, послѣ краткаго отдыха, всѣ четверо пустились въ путь.

ГЛАВА II.

Новые Товарищи.

Дорогой Михеичъ нѣсколько разъ пытался вывѣдать отъ незнакомцевъ кто они таковы, но тѣ отшучивались или отдѣлывались разными изворотами.

— Тьфу, тетка ихъ подкурятина! сказалъ наконецъ, самъ про себя, Михеичъ,—что̀ за народъ! Словно вьюны какіе! Думаешь, вотъ поймалъ ихъ за хвостъ, а они тебѣ промежь пальцевъ!

Между тѣмъ стало темнѣть; Михеичъ подъѣхалъ къ князю.

— Бояринъ, сказалъ онъ,—хорошо ли мы сдѣлали, что взяли съ собой этихъ молодцовъ? Они что-то больно увертливы, никакъ отъ нихъ толку не добьешься. Да и народъ-то плечистый, не хуже Хомяка. Ужь не лихіе ли люди?

— А хоть и лихіе, отвѣчалъ беззаботно князь,—все же они постоятъ за насъ, коли неравно попадутся намъ еще опричники!

— А провалъ ихъ знаетъ, постоятъ ли, батюшка! Воронъ ворону глазъ не выклюетъ; а я слышалъ какъ они промежь себя поговаривали чортъ-знаетъ на какомъ языкѣ, ни слова не понять, а кажись было по-русски! Берегись, бояринъ, береженаго коня и звѣрь не вредитъ!

Темнота усиливалась. Михеичъ замолчалъ. Бояринъ также молчалъ. Слышенъ былъ только лошадиный топъ, да изрѣдка чуткое фырканье.

Ѣхали лѣсомъ. Одинъ изъ незнакомцевъ затянулъ пѣсню, другой сталъ подтягивать.

Пѣснь эта раздающаяся ночью, среди лѣса, послѣ всѣхъ дневныхъ происшествій, странно подѣйствовала на князя: ему сдѣлалось грустно. Онъ вспомнилъ о прошедшемъ, вспомнилъ объ отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, за пять лѣтъ назадъ, и въ воображеніи очутился опять въ той церкви, гдѣ передъ отъѣздомъ слушалъ молебенъ и гдѣ сквозь торжественное пѣніе, сквозь шопотъ толпы, его поразилъ нѣжный и звучный голосъ, котораго не заглушилъ ни стукъ мечей, ни громъ литовскихъ пищалей. „Прости, князь, говорилъ ему украдкою этотъ голосъ, я буду за тебя молиться!...“ Между тѣмъ незнакомцы продолжали пѣть, но слова ихъ не соотвѣтствовали размышленіямъ боярина. Въ пѣсни говорилось про широкое раздолье степей, про матушку Волгу, про разгульное бурлацкое житье. Голоса то сходились, то расходились, то текли ровнымъ токомъ какъ рѣка широкая, то бурными волнами вздымались и опускались, и наконецъ, взлетѣвъ высоко, высоко парили въ небесахъ какъ орлы съ распростертыми крыльями.

Грустно и весело въ тихую лѣтнюю ночь, среди безмолвнаго лѣса, слушать размашистую русскую пѣсню. Тутъ и тоска безконечная, безнадежная, тутъ и сила непобѣдимая, тутъ и роковая печать судьбы, желѣзное предназначеніе, одно изъ основныхъ началъ нашей народности, которымъ можно объяснить многое, что въ русской жизни кажется непонятнымъ. И чего не слышно еще въ протяжной пѣсни среди лѣтней ночи и безмолвнаго лѣса!

Пронзительный свистъ прервалъ мысли боярина. Два человѣка выпрыгнули изъ-за деревьевъ и взяли лошадь его подъ уздцы. Двое другихъ схватили его за руки. Сопротивленіе стало невозможно.

— Ахъ мошенники! вскричалъ Михеичъ, котораго также окружили неизвѣстные люди,—ахъ тетка ихъ подкурятина! Вѣдь подвели же, окаянные!

— Кто ѣдетъ! спросилъ грубый голосъ.

— Бабушкино веретено! отвѣчалъ младшій изъ новыхъ товарищей князя.

— Въ дѣдушкиномъ лаптѣ! сказалъ грубый голосъ.—Откуда Богъ несетъ, земляки?

— Не трясти яблони! Дай дрожжамъ взойдти, самъ четвертъ урожаю! продолжалъ спутникъ князя.

Руки, державшія боярина, тотчасъ опустились, и конь

почувствовалъ свободу, сталъ опять фыркать и шагать между деревьями.

— Вишь, бояринъ, сказалъ незнакомецъ, равняясь съ княземъ,—вѣдь говорилъ я тебѣ, что вчетверомъ веселѣе ѣхать чѣмъ самъ-другъ! Теперь дай себя только до мельницы проводить, а тамъ простимся. Въ мельницѣ найдешь ночлегъ и кормъ лошадямъ. Дотудова будетъ версты двѣ, не болѣе, а тамъ скоро и Москва!

— Спасибо, молодцы, за услугу. Коли придется намъ когда встрѣтиться, не забуду я, что долгъ платежемъ красенъ!

— Не тебѣ, бояринъ, а намъ помнить услуги. Да врядъ ли мы когда и встрѣтимся. А еслибы привелъ Богъ, такъ не забудь, бояринъ, что русскій человѣкъ добро помнитъ, и что мы всегда тебѣ вѣрные холопи!

— Спасибо, ребята, а имени своего не скажете?

— У меня имя не одно, отвѣчалъ младшій изъ незнакомцевъ. Покамѣсть я Ванюха Перстень, а тамъ, можетъ, и другое прозваніе мнѣ найдется.

Вскорѣ они приблизились къ мельницѣ. Несмотря на ночное время, колесо шумѣло въ водѣ. На свистъ Перстня показался мельникъ. Лица его нельзя было разглядѣть за темнотою, но судя по голосу, онъ былъ старикъ.

— Ахъ ты, мой кормилецъ! сказалъ онъ Перстню, не ждалъ я тебя сегодня, да еще съ проѣзжими! Чтобы тебѣ съ ними ужь до Москвы доѣхать? А у меня, родимый, нѣтъ ни овса, ни сѣна, ни ужина!

Перстень сказалъ что-то мельнику на непонятномъ условномъ языкѣ. Старикъ отвѣчалъ такими же непонятными словами, и прибавилъ въ полголоса:

— И радъ бы, родимый, да гостя жду; такого гостя, Боже сохрани, какой сердитый!

— А комора за ставомъ? сказалъ Перстень.

— Вся завалена мѣшками!

— А кладовая? Слышь ты, братъ, чтобъ сейчасъ отыскалось мѣсто, овесъ лошадямъ и ужинъ боярину! Мы вѣдь знаемъ другъ друга, меня не морочь!

Мельникъ, ворча, повелъ пріѣзжихъ въ комору, стоявшую шагахъ въ десяти отъ мельницы, и гдѣ, несмотря на мѣшки съ хлѣбомъ и мукою, было очень довольно мѣста.

Пока онъ сходилъ за лучиной, Перстень и товарищъ его простились съ бояриномъ.

— А скажите, молодцы, спросилъ Михеичъ,—гдѣ жь отыскать васъ, еслибъ, неравно, по сегодняшнему дѣлу, князю понадобились свидѣтели?

— Спроси у вѣтра, отвѣчалъ Перстень,—откуда онъ? Спроси у волны перебѣжной гдѣ живетъ она? Мы, что̀ стрѣлы острыя съ тетивы летимъ: куда вонзится калена̀ стрѣла, тамъ и домъ ея! Въ свидѣтели, продолжалъ онъ, усмѣхаясь,—мы его княжеской милости не годимся. А еслибъ мы зачѣмъ другимъ понадобились, приходи, старичина, къ мельнику; онъ тебѣ скажетъ, какъ отыскать Ваню̀ху Перстня!

— Вишь ты, тетка твоя подкурятина! проворчалъ себѣ подъ носъ Михеичъ:—какія кудрявыя рѣчи выговариваетъ!

— Бояринъ, сказалъ Перстень, удаляясь,—послушай же меня, не хвались на Москвѣ, что хотѣлъ повѣсить слугу Малюты Скуратова, и потомъ отодралъ его какъ Сидорову козу!

— Вишь, что̀ наладилъ, проворчалъ опять Михеичъ,—отпусти разбойника, не вѣшай разбойника, да и не хвались, что хотѣлъ повѣсить! Затвердила сорока Якова, видно съ одного поля ягода! Не безпокойся, братъ, прибавилъ онъ громко,—нашъ князь никого не боится; наплевать ему на твово Скурлатова; онъ одному царю отвѣтъ держитъ!

Мельникъ принесъ зажженую лучину и воткнулъ ее въ стѣну. Потомъ принесъ щей, хлѣба и кружку браги. Въ чертахъ его была странная смѣсь добродушія и плутовства; волосы и борода были совсѣмъ сѣдые, а глаза ярко-сѣраго цвѣта; морщины во всѣхъ направленіяхъ разсѣкали лицо его.

Поужинавъ и помолившись Богу, князь и Михеичъ расположились на мѣшкахъ; мельникъ пожелалъ имъ доброй ночи, низко поклонился, погасилъ лучину и вышелъ.

— Бояринъ, сказалъ Михеичъ, когда они остались одни,—сдается мнѣ, что напрасно мы здѣсь остановились. Лучше было ѣхать до Москвы.

— Чтобы тревожить народъ Божій среди ночи? Слѣзать съ коней, да отмыкать рогатки на каждой улицѣ?

— Да что̀, батюшка, лучше отмыкать рогатки, чѣмъ

спать въ чертовой мельницѣ. И угораздило же ихъ, окаянныхъ, привести именно въ мельницу! Да еще на Ивана Купала. Тьфу ты пропасть.

— Да что тебѣ здѣсь худо, что ли?

— Нѣтъ, батюшка, не худо; и лежать покойно, и щи были добрые, и лошадямъ овесъ засыпанъ; да только то худо, что хозяинъ-то, вишь, мельникъ.

— Что жъ съ того, что онъ мельникъ?

— Какъ что, что мельникъ? сказалъ съ жаромъ Михеичъ.— Да развѣ ты не знаешь, князь, что нѣтъ мельника, которому бы нечистый не приходился съ родни? Али ты думаешь, онъ сумѣетъ безъ нечистаго плотину насыпать? Да, чорта съ два! Тетка его подкурятина!

— Слыхалъ я про это, сказалъ князь—мало ли что люди говорятъ. Да теперь не время разбирать, бери, что Богъ послалъ.

Михеичъ немного помолчалъ, потомъ зѣвнулъ, еще помолчалъ и спросилъ уже заспаннымъ голосомъ.

— А какъ ты думаешь, боярикъ, что за человѣкъ этотъ Матвѣй Хомякъ, котораго ты съ лошади сшибъ?

— Я думаю, разбойникъ.

— И я тоже думаю. А какъ ты думаешь, бояринъ, что за человѣкъ этотъ Ванюха Перстень?

— Я думаю тоже разбойникъ.

— И я такъ думаю. Только этотъ разбойникъ будетъ почище того разбойника. А тебѣ какъ покажется, бояринъ, который разбойникъ будетъ почище, Хомякъ, или Перстень?

И не дожидаясь отвѣта, Михеичъ захрапѣлъ. Вскорѣ уснулъ и князь.

ГЛАВА III.

Колдовство.

Мѣсяцъ взошелъ на небо, звѣзды ярко горѣли. Полуразвалившаяся мельница и шумящее колесо были озарены серебрянымъ блескомъ.

Вдругъ раздался конскій топотъ, и вскорѣ повелительный голосъ закричалъ подъ самою мельницей:

— Эй, колдунъ!

Казалось, новый пріѣзжій не привыкъ дожидаться, ибо не слыша отвѣта, онъ закричалъ еще громче:

— Эй, колдунъ! Выходи, не то въ куски изрублю!

Послышался голосъ мельника:

— Тише, князь, тише, батюшка, теперь мы не одни, остановились у меня проѣзжіе; а вотъ я сейчасъ къ тебѣ выйду, батюшка, дай только сундукъ запереть.

— Я-те дамъ сундукъ запирать, чортова кочерга! закричалъ тотъ, котораго мельникъ назвалъ княземъ,—развѣ ты не зналъ, что я буду сегодня! Какъ смѣлъ ты принимать проѣзжихъ! Вонъ ихъ отсюда!

— Батюшка, не кричи, Бога ради не кричи, все испортишь! Я тебѣ говорилъ уже, дѣло боится шуму, а проѣзжихъ прогнать я не властенъ. Да они же намъ и не мѣшаютъ; они спятъ теперь, коли ты, родимый, не разбудилъ ихъ!

— Ну добро, старикъ, только смотри, коли ты меня морочишь, лучше бы тебѣ на свѣтъ не родиться. Еще не выдумано, не придумано такой казни, какую я найду тебѣ!

— Батюшка, умилосердись! что жь мнѣ дѣлать, старику? Что увижу, то и скажу, что послѣ случится, въ томъ одинъ Богъ властенъ! А если твоя княжеская милость меня казнить собирается, такъ лучше я и дѣла не начну!

— Ну, ну, старикъ, не бойся, я пошутилъ.

Проѣзжій привязалъ лошадь къ дереву. Онъ былъ высокаго роста, и, казалось, молодъ. Мѣсяцъ игралъ на запонкахъ его однорядки. Золотыя кисти мурмолки болтались по плечамъ.

— Что жь, князь, сказалъ мельникъ,—выучилъ ты слова?

— И слова выучилъ, и ласточкино сердце ношу на шеѣ.

— Что жь, бояринъ, и это не помогаетъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ досадой князь,—ничего не помогаетъ! Намѣдни я увидѣлъ ее въ саду. Лишь узнала она меня, поблѣднѣла, отвернулась, убѣжала въ свѣтлицу!

— Не прогнѣвись, бояринъ, не руби безвинной головы, а дозволь тебѣ слово молвить.

— Говори, старикъ.

— Слушай, бояринъ, только я боюсь говорить...

— Говори! закричалъ князь, и топнулъ ногой.

— Слушай же, батюшка, ужь не любитъ ли она другаго?

— Другаго? Кого жь другаго? мужа? старика?

— А если... продолжалъ мельникъ, запинаясь,—если она любитъ не мужа?..

— Ахъ ты, лѣшій! вскричалъ князь,—да какъ это тебѣ на умъ взбрело? Да еслибъ я только подумалъ про кого, я бъ у нихъ у обоихъ своими руками сердце вырвалъ!

Мельникъ отшатнулся въ страхѣ.

— Колдунъ, продолжалъ князь, смягчая свой голосъ,— помоги мнѣ! Одолѣла меня любовь, змѣя лютая! Ужь чего я не дѣлалъ! Цѣлыя ночи передъ иконами молился! Не вымолилъ себѣ покою. Бросилъ молиться, сталъ скакать и рыскать по полямъ съ утра до ночи, не одного добраго коня заморилъ, а покоя не выѣздилъ! Сталъ гулять по ночамъ, выпивалъ цѣлые ковши вина крѣпкаго, не запилъ тоски, не нашелъ себѣ покоя въ похмѣльѣ! Махнулъ на все рукой и пошелъ въ опричники. Сталъ гулять за царскимъ столомъ вмѣстѣ со страдниками, съ Грязными, съ Басмановыми! Самъ хуже ихъ злодѣйствовалъ, разорялъ села и слободы, увозилъ женъ и дѣвокъ, а не залилъ кровью тоски моей! Боятся меня и земскіе, и опричники, жалуетъ царь за молодечество, проклинаетъ народъ православный. Имя князя Аѳанасья Вяземскаго стало также страшно, какъ имя Малюты Скуратова! Вотъ до чего довела меня любовь, погубилъ я душу мою! Да что мнѣ до нея! Во дѣ адовомъ не будетъ хуже здѣшняго! Ну, старикъ, чего смотришь мнѣ въ глаза? Али думаешь, я помѣшался? Не помѣшался Аѳанасій Ивановичъ; крѣпка голова, крѣпко тѣло его! Тѣмъ-то и ужасна моя мука, что не можетъ извести меня!

Мельникъ слушалъ князя и боялся. Онъ опасался его буйнаго нрава, опасался за жизнь свою.

— Что жь ты молчишь, старикъ? али нѣтъ у тебя зелья, али нѣтъ корня какого приворотить ее? Говори, высчитывай, какія есть чародѣйныя травы? Да говори же, колдунъ.

— Батюшка, князь Аѳанасій Ивановичъ, какъ тебѣ сказать? Всякія есть травы. Есть колюка-трава, сбирается въ Петровъ постъ. Обкуришь ею стрѣлу, промаху не дашь. Есть тирличъ-трава, на Лысой горѣ, подъ Кіевомъ, растетъ. Кто ее носитъ на себѣ, на того ввѣкъ царскаго гнѣва не будетъ. Есть еще плакунъ-трава, вырѣжешь изъ корня

крестъ, да повѣсишь на шею, всѣ тебя будутъ какъ огня бояться!

Вяземскій горько усмѣхнулся.

— Меня ужь и такъ боятся, сказалъ онъ,—не надо мнѣ плакуна твоего. Называй другія травы.

— Есть еще Адамова голова, около болотъ растетъ, разрѣшаетъ роды и подарки приноситъ. Есть голубецъ болотный, коли хочешь идти на медвѣдя, выпей взвару голубца, и никакой медвѣдь тебя не тронетъ. Есть ревенка-трава, когда станешь изъ земли выдергивать, она стонетъ и реветъ словно человѣкъ, а надѣнешь на себя, никогда въ водѣ не утонешь.

— А болѣ нѣтъ другихъ?

— Какъ не быть, батюшка, есть еще кочедыжникъ или папортникъ; кому удастся сорвать цвѣтъ его, тотъ всѣми кладами владѣетъ. Есть Иванъ-да-Марья, кто знаетъ какъ за нее взяться, тотъ на первой клячѣ отъ лучшаго скакуна удеретъ.

— А такой травы, чтобы молодушка полюбила постылаго, не знаешь?

Мельникъ замялся.

— Не знаю, батюшка, не гнѣвайся, родимый, видитъ Богъ не знаю!

— А такой, чтобы свою любовь перемочь, не знаешь?

— И такой не знаю, батюшка; а вотъ есть разрывъ-трава; когда дотронешься ею до замка, али до двери желѣзной, такъ и разорветъ на куски!

— Пропадай ты съ своими травами! сказалъ гнѣвно Вяземскій, и устремилъ мрачный взоръ свой на мельника.

Мельникъ опустилъ глаза и молчалъ.

— Старикъ! вскричалъ вдругъ Вяземскій, хватая его за воротъ,—подавай мнѣ ее! Слышишь? Подавай ее, подавай ее, лѣшій! Сейчасъ подавай!

И онъ трясъ мельника за воротъ обѣими руками.

Мельникъ подумалъ, что насталъ послѣдній часъ его.

Вдругъ Вяземскій выпустилъ старика и повалился ему въ ноги.

— Сжалься надо мной! зарыдалъ онъ:—излѣчи меня! Я задарю тебя, озолочу тебя, пойду въ кабалу къ тебѣ! Сжалься надо мной, старикъ!

Мельникъ еще болѣе испугался.

— Князь, бояринъ! Что съ тобой? Опомнись! Это я, Давыдычъ, мельникъ!.. Опомнись, князь!

— Не встану, пока не излѣчишь!

— Князь! князь! сказалъ дрожащимъ голосомъ мельникъ:— пора за дѣло. Время уходитъ, вставай! Теперь темно, не видалъ я тебя, не знаю гдѣ ты! Скорѣй, скорѣй за дѣло!

Князь всталъ.

— Начинай, сказалъ онъ,—я готовъ.

Оба замолчали. Все было тихо. Только колесо, освѣщенное мѣсяцемъ, продолжало шумѣть и вертѣться. Гдѣ-то въ дальнемъ болотѣ кричалъ дергачъ. Сова завывала порой въ гущинѣ лѣса.

Старикъ и князь подошли къ мельницѣ.

— Смотри, князь, подъ колесо, а я стану нашептывать.

Старикъ прилегъ къ землѣ и, еще задыхаясь отъ страха, сталъ шептать какія-то слова. Князь смотрѣлъ подъ колесо. Прошло нѣсколько минутъ.

— Что видишь, князь?

— Вижу будто жемчугъ сыплется, будто червонцы играютъ.

— Будешь ты богатъ, князь, будешь всѣхъ на Руси богаче!

Вяземскій вздохнулъ.

— Смотри еще, князь, что видишь?

— Вижу будто сабли трутся одна о другую, а промежь нихъ какъ золотыя гривны!

— Будетъ тебѣ удача въ ратномъ дѣлѣ, бояринъ, будетъ счастье на службѣ царской! Только смотри, смотри еще, говори что видишь?

— Теперь сдѣлалось темно, вода помутилась. А вотъ стала краснѣть вода, вотъ почервонѣла словно кровь. Что это значитъ?

Мельникъ молчалъ.

— Что это значитъ, старикъ?

— Довольно, князь. Долго смотрѣть не годится, пойдемъ!

— Вотъ потянулись багровыя нитки, словно жилы кровавыя; вотъ будто клещи растворяются и замыкаются, вотъ...

— Пойдемъ, князь, пойдемъ, будетъ съ тебя!

— Постой, сказалъ Вяземскій, отталкивая мельника,—вотъ словно пила зубчатая ходитъ взадъ и впередъ, а изъ подъ нея словно кровь брызжетъ!

Мельникъ хотѣлъ оттащить князя.

— Постой, старикъ, мнѣ дурно, мнѣ больно въ составахъ... Охъ больно!

Князь самъ отскочилъ. Казалось, онъ понялъ свое видѣніе.

Долго оба молчали. Наконецъ Вяземскій сказалъ:

— Хочу знать, любитъ ли она другаго!

— А есть ли у тебя, боярин, какая вещица отъ нея?

— Вотъ что нашелъ я у калитки!

Князь показалъ голубую ленту.

— Брось подъ колесо!

Князь бросилъ.

Мельникъ вынулъ изъ-за пазухи глиняную сулею.

— Хлебни! сказалъ онъ, подавая сулею князю.

Князь хлебнулъ. Голова его стала ходить кругомъ, въ очахъ помутилось.

— Смотри теперь, что видишь?

— Ее, ее!

— Одною?

— Нѣтъ не одну! Ихъ двое: съ ней русый молодецъ въ кармазинномъ кафтанѣ, только лица его не видно.

Постой! Вотъ они сплываются... все ближе, ближе... Анаѳема! Они цѣлуются! Анаѳема! Будь ты проклятъ, колдунъ, будь проклятъ, проклятъ!

Князь бросилъ мельнику горсть денегъ, оторвалъ отъ дерева узду коня своего, вскочилъ въ сѣдло, и застучали въ лѣсу конскія подковы. Потомъ топотъ замеръ въ отдаленьи, и лишь колесо въ ночной тиши продолжало шумѣть и вертѣться.

ГЛАВА IV.

Дружина Андреевичъ и его жена.

Еслибы читатель могъ перенестись лѣтъ за триста назадъ и посмотрѣть съ высокой колокольни на тогдашнюю Москву, онъ нашелъ бы въ ней мало сходства съ теперешнею. Берега Москвы-рѣки, Яузы и Неглинной покрыты были множествомъ деревянныхъ домовъ съ тесовыми или

соломенными крышами, большею частью почернѣвшими отъ времени. Среди этихъ темныхъ крышъ рѣзко бѣлѣли и краснѣли стѣны кремля, Китай-города и другихъ укрѣпленій, возникшихъ въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій. Множество церквей и колоколень подымали свои золоченыя головы къ небу. Подобныя большимъ зеленымъ и желтымъ пятнамъ, виднѣлись между домами густыя рощи и покрытыя хлѣбомъ поля. Черезъ Москву-рѣку пролегали зыбкіе живые мосты, сильно дрожавшіе и покрывавшіеся водою когда по нимъ проѣзжали возы, или всадники. На Яузѣ и на Неглинной вертѣлись десятками мельничныя колеса, одно подлѣ другаго. Эти рощи, поля и мельницы среди самаго города, придавали тогдашней Москвѣ много живописнаго. Особенно весело было смотрѣть на монастыри, которые, съ бѣлыми оградами и пестрыми кучами цвѣтныхъ и золоченыхъ головъ, казались отдѣльными городами.

Надо всею этою путаницей церквей, домовъ, рощъ и монастырей, гордо воздымались кремлевскія церкви и недавно отдѣланный храмъ Покрова Богоматери, который Іоаннъ заложилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ память взятія Казани, и который мы знаемъ нынѣ подъ именемъ Василія Блаженнаго. Велика была радость Москвитянъ, когда упали наконецъ лѣса закрывавшіе эту церковь, и предстала она во всемъ своемъ причудливомъ блескѣ, сверкая золотомъ и красками, и удивляя взоръ разнообразіемъ украшеній. Долго не переставалъ народъ дивиться искусному зодчему, благодарить Бога и славить царя, даровавшаго православнымъ зрѣлище дотолѣ невиданное. Хороши были и прочія церкви московскія. Не щадили Москвитяне, ни рублей, ни трудовъ на благолѣпіе домовъ Божіихъ. Вездѣ видны были дорогіе цвѣта, позолота и большія наружныя иконы во весь ростъ человѣческій. Любили православные украшать дома Божіи, но за то мало заботились о наружности своихъ домовъ; жилища ихъ почти всѣ были выстроены прочно и просто, изъ сосновыхъ или дубовыхъ брусьевъ, не обшитыхъ даже тесомъ, по старинной русской пословицѣ: не красна изба углами, а красна пирогами.

Одинъ домъ боярина Дружины Андреевича Морозова, на берегу Москвы рѣки, отличался особенною красотою. Дубовыя бревна были на подборъ круглы и ровны; всѣ углы рублены въ лапу, домъ возвышался въ три жилья, не счи-

тая свѣтлицы. Навѣсная кровля, надъ крутымъ крыльцомъ, поддерживалась пузатыми, вычурными столбами и щеголяла мелкою рѣзьбою. Ставни были искусно расписаны цвѣтами и птицами, а окна пропускали свѣтъ божій не сквозь тусклые бычачьи пузыри, какъ въ большей части домовъ московскихъ, но сквозь чистую, прозрачную слюду. На широкомъ дворѣ стояли службы, кладовыя, сушилы, голубятня и лѣтняя опочивальня боярина. Ко двору примыкали, съ одной стороны, домовая каменная церковь, съ другой, пространный садъ, окруженный дубовымъ частоколомъ, изъ-за котораго подымались красивыя качели также съ узорами и живописью. Словомъ, домъ выстроенъ былъ на славу. Да и было на кого строить!

Бояринъ Дружина Андреевичъ, тѣломъ дородный, нрава крутаго, несмотря на свои преклонныя лѣта, недавно женился на первой московской красавицѣ. Всѣ дивились, когда вышла за него двадцатилѣтняя Елена Дмитріевна, дочь окольничаго Плещеева-Огина, убитаго подъ Казанью. Не такого жениха прочили ей московскія свахи. Но Елена была на выданьи, безъ отца и матери; а красота дѣвушки, при нечестивыхъ нравахъ новыхъ царскихъ любимцевъ, бывала ей чаще на бѣду чѣмъ на радость.

Морозовъ, женившись на Еленѣ, сдѣлался ея покровителемъ, а всѣ знали на Москвѣ, что не легко обидѣть ту, которую бралъ подъ свою защиту бояринъ Дружина Андреевичъ!

Много любимцевъ царскихъ, до замужества Елены, старались ей понравиться, но никто такъ ни старался какъ князь Аѳанасій Ивановичъ Вяземскій. И подарки дорогіе присылалъ онъ къ ней, и въ церквахъ становился супротивъ нея, и на бѣшеномъ конѣ мимо воротъ скакалъ, и въ кулачномъ бою ходилъ одинъ на стѣну. Не было удачи Аѳанасью Ивановичу! Свахи приносили ему назадъ его подарки, а при встрѣчѣ съ нимъ Елена отворачивалась. Отъ того ли она отворачивалась, что не нравился ей Аѳанасій Ивановичъ, или въ сердцѣ дѣвичьемъ была уже другая зазнобушка, только какъ ни бился князь Вяземскій, а все получалъ отказы. Наконецъ осерчалъ Аѳанасій Ивановичъ и пошелъ бить челомъ въ своей неудачѣ царю Ивану Васильевичу. Царь обѣщалъ самъ заслать свахъ къ Еленѣ Дмитріевнѣ. Узнавъ о томъ, Елена залилась слезами. Пошла

съ мамкою въ церковь, стала на колѣни предъ Божьею Матерью, плачетъ и кладетъ земные поклоны.

Въ церкви народу не было; но когда встала Елена и оглянулась, за нею стоялъ бояринъ Морозовъ въ бархатномъ зеленомъ кафтанѣ, въ парчевомъ терликѣ на распашку.

— О чемъ ты плачешь, Елена Дмитріевна? спросилъ Морозовъ.

Узнавъ боярина, Елена обрадовалась.

Онъ былъ когда-то въ дружбѣ съ ея родителями, да и теперь навѣщалъ ее и любилъ какъ родную. Елена его почитала какъ бы отца и повѣряла ему всѣ свои мысли; одной лишь не повѣрила; одну лишь схоронила отъ боярина; схоронила себѣ на горе, ему на погибель!

И теперь, на вопросъ Морозова, она не сказала ему той завѣтной мысли, а сказала лишь, что я-де плачу о томъ, что пріѣдутъ царскія свахи, приневолятъ меня за Вяземскаго!

— Елена Дмитріевна, сказалъ бояринъ,—полно, вправду ли не любъ тебѣ Вяземскій? Подумай хорошенько. Знаю, доселѣ онъ былъ тебѣ не по сердцу; да вѣдь у тебя, я чаю, никого еще нѣтъ на мысли, а до той поры сердце дѣвичье—воскъ: стерпится, слюбится!

— Никогда, отвѣчала Елена,—никогда не полюблю его. Скорѣе сойду въ могилу!

Бояринъ посмотрѣлъ на нее съ участіемъ.

— Елена Дмитріевна, сказалъ онъ, помолчавъ;—есть средство спасти тебя. Послушай. Я старъ и сѣдъ, но люблю тебя какъ дочь свою. Поразмысли, Елена, согласна-ль ты выйдти за меня, старика?

— Согласна! вскричала радостно Елена и повалилась Морозову въ ноги.

Тронуло боярина нежданное слово, обрадовался онъ восторгу Елены, не догадался, старый, что то былъ восторгъ утопающаго, который хватается за кустъ терновый.

Ласково поднялъ онъ Елену и поцѣловалъ въ чело.

— Дитятко, сказалъ онъ,—цѣлуй же мнѣ крестъ, что не обезчестишь ты сѣдой головы моей! Клянись здѣсь, предъ Спасителемъ!

— Клянусь, клянусь! прошептала Елена.

Бояринъ велѣлъ позвать священника и вскорѣ совершился обрядъ обрученія; когда же явились къ Еленѣ цар-

скія свахи, она уже была невѣстою Дружины Андреевича Морозова.

Не по любви вышла Елена за Морозова; но она цѣловала крестъ быть ему вѣрною и твердо рѣшилась сдержать свою клятву, не погрѣшить противъ господина своего ни словомъ, ни мыслію.

И зачѣмъ бы не любить ей Дружины Андреевича? Правда, не молодъ былъ бояринъ; но Господь благословилъ его и здоровьемъ, и дородствомъ, и славою ратною, и волею твердою, и деревнями, и селами, и широкими угодьями за Москвой-рѣкой, и кладовыми полными золота, парчи и мѣховъ дорогихъ. Лишь однимъ не благословилъ Господь Дружину Андреевича: не благословилъ его милостью царскою. Какъ узналъ Иванъ Васильевичъ, что опоздали его свахи, опалился на Морозова, повершилъ наказать боярина; велѣлъ позвать его ко столу своему и посадилъ не только ниже Вяземскаго, но и ниже Годунова, Бориса Ѳеодоровича, еще не вошедшаго въ честь и не имѣвшаго никакого сана.

Не снесъ боярынъ такого безчестія; всталъ изъ-за стола: невмѣстно-де Морозову быть меньше Годунова! Тогда опалился царь горшею злобою и выдалъ Морозова головою Борису Ѳеодоровичу. Понесъ боярынъ ко врагу повинную голову, но обругалъ Годунова жестоко и назвалъ щенкомъ.

И узнавъ о томъ, царь вошелъ въ ярость великую, приказалъ Морозову отойдти отъ очей своихъ и отпустить сѣдые волосы, доколѣ не сымется съ него опала. И удалился отъ двора боярынъ; и ходитъ онъ теперь въ смирной одеждѣ, съ бородою нечесаною, падаютъ сѣдые волосы на крутое чело. Грустно боярину не видать очей государевыхъ, но не опозорилъ онъ своего роду, не сѣлъ ниже Годунова!

Домъ Морозова былъ чаша полная. Слуги боялись и любили боярина. Всякъ, кто входилъ къ нему, былъ принимаемъ съ радушіемъ. И свои, и чужіе хвалились его ласкою; всѣхъ дарилъ онъ и словами привѣтными, и одежей богатою, и совѣтами мудрыми. Но никого такъ не ласкалъ, никого такъ не дарилъ онъ, какъ свою молодую жену, Елену Дмитріевну. И жена отвѣчала за ласку ласкою, и каждое утро, и каждый вечеръ долго стояла на колѣнахъ въ своей образной и усердно молилась за его здравіе.

Виновата ли была Елена Дмитріевна, что среди привѣтливыхъ рѣчей Дружины Андреевича, среди теплой молитвы передъ иконами, внезапно представлялся воображенію ея молодой витязь, летящій на конѣ съ поднятымъ шестоперомъ, и передъ нимъ бѣгущіе въ безпорядкѣ литовскіе полки?

Виновата ли была Елена Дмитріевна, что образъ этого витязя преслѣдовалъ ее вездѣ, и дома, и въ церкви, и днемъ, и ночью, и съ упрекомъ говорилъ ей: „Елена! Ты не сдержала своего слова, ты не дождалась моего возврата, ты обманула меня!...“

Тысяча пятьсотъ шестьдесятъ пятаго года, іюня двадцать четвертаго, въ день Ивана Купалы, всѣ колокола московскіе раскачались съ самаго утра и звонили безъ умолку. Всѣ церкви были полны. По окончаніи обѣдни народъ разсыпался по улицамъ. Молодые и старые, бѣдные и богатые, несли домой зеленыя вѣтви, цвѣты, березки убранныя лентами. Все было пестро, живо и весело. Однако къ полуденной порѣ улицы стали пустѣть. Мало-по-малу народъ началъ расходиться, и вскорѣ на Москвѣ нельзя было бы встрѣтить ни одного человѣка. Воцарилась мертвая тишина. Православные покоились въ своихъ опочивальняхъ, и не было никого кто бы гнѣвилъ Бога, гуляя по улицамъ, ибо Богъ и человѣку, и всякой твари велѣлъ покоиться въ полуденную пору; а грѣшно идти противъ воли божіей, развѣ ужь принудитъ неотложное дѣло.

Итакъ всѣ спали; Москва казалась необитаемымъ городомъ. Только на Балчугѣ, въ недавно выстроенномъ кружечномъ дворѣ, или кабакѣ слышны были крики, ссоры и пѣсни. Тамъ, несмотря на полдень, пировали ратники, почти всѣ молодые, въ богатыхъ нарядахъ. Они расположились внутри дома, и на дворѣ, и на улицѣ. Всѣ были пьяны; иной лежа на голой землѣ, проливалъ на платье чарку вина, другой силился, хриплымъ голосомъ, подтягивать товарищамъ, но издавалъ лишь глухіе, невнятные звуки. Осѣданные кони стояли у воротъ. Къ каждому сѣдлу привязана была метла и собачья голова.

Въ это время два всадника показались на улицѣ. Одинъ изъ нихъ, въ кармазинномъ кафтанѣ съ золотыми кистями и въ бѣлой парчевой шапкѣ, изъ-подъ которой вилися густыя, русыя кудри, обратился къ другому всаднику.

— Михеичъ, сказалъ онъ,—видишь ты этихъ пьяныхъ людей?

— Вижу, бояринъ, тетка ихъ подкурятина! Вишь, бражники, какъ расходились!

— А видишь ты, что у лошадей за сѣдлами?

— Вижу; метлы да песьи морды, какъ у того разбойника. Стало и въ самомъ дѣлѣ царскіе люди, коль на Москвѣ гуляютъ! Надѣлали жь мы дѣла, бояринъ, наварили каши!

Серебряный нахмурился.

— Поди, спроси у нихъ гдѣ живетъ бояринъ Морозовъ!

— Эй, добрые люди, господа честные! закричалъ Михеичъ, подъѣзжая къ толпѣ,—гдѣ живетъ бояринъ Дружина Андреичъ Морозовъ?

— А на что тебѣ знать, гдѣ эта собака живетъ?

— У моего боярина, князя Серебрянаго, есть грамота къ Морозову отъ воеводы князя Ивана Пронскаго, изъ большаго полку.

— Давай сюда грамоту!

— Что ты, что ты, тетка твоя под.... что ты? Въ умѣ ли? Какъ дать тебѣ князеву грамоту?

— Давай грамоту, старый сычъ, давай ее! Посмотримъ, ужь не затѣялъ ли этотъ Морозовъ измѣны, ужь не хочетъ ли извести государя!

— Ахъ ты, мошенникъ! вскричалъ Михеичъ, забывая осторожность, съ которою началъ было говорить,—да развѣ мой господинъ знается съ измѣнниками!

— А, такъ ты еще ругаться! Долой его съ лошади, ребята, въ плети его!

Тутъ самъ Серебряный подскакалъ къ опричникамъ.

— Назадъ! закричалъ онъ, такъ грозно, что они невольно остановились.

— Если кто изъ васъ, продолжалъ князь,—хоть пальцемъ тронетъ этого человѣка, я тому голову разрублю, а остальные будутъ отвѣчать государю!

Опричники смутились; но новые товарищи подошли изъ сосѣднихъ улицъ и обступили князя. Дерзкія слова посыпались изъ толпы; многіе вынули сабли, и не сдоброватъ бы Никитѣ Романовичу, еслибы въ это время не послышался вблизи голосъ, поющій псаломъ, и не остановилъ

опричниковъ какъ будто волшебствомъ. Всѣ оглянулись въ сторону откуда раздавался голосъ. По улицѣ шелъ человѣкъ лѣтъ сорока, въ одной полотняной рубахѣ. На груди его звенѣли желѣзные кресты и вериги, а въ рукахъ были деревянныя четки. Блѣдное лицо его выражало необыкновенную доброту, на устахъ, осѣненныхъ рѣденькою бородой, играла улыбка, но глаза глядѣли мутно и неопредѣленно.

Увидѣвъ Серебрянаго, онъ прервалъ свое пѣніе, подошелъ поспѣшно къ нему и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо.

— Ты, ты! сказалъ онъ, какъ будто удивляясь,—зачѣмъ ты здѣсь, между ними?

И не дожидаясь отвѣта, онъ началъ пѣть: Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!

Опричники посторонились съ видомъ почтенія, но онъ, не обращая на нихъ вниманія, опять сталъ смотрѣть въ глаза Серебряному.

— Микитка, Микитка! сказалъ онъ, качая головой,—куда ты заѣхалъ?

Серебряный никогда не видалъ этого человѣка и удивился, что онъ называетъ его по имени.

— Развѣ ты знаешь меня? спросилъ онъ.

Блаженный засмѣялся.

— Ты мнѣ братъ! отвѣчалъ онъ:—я тотчасъ узналъ тебя. Ты такой же блаженный какъ и я. И ума-то у тебя неболѣ моего, а то бы ты сюда не пріѣхалъ. Я все твое сердце вижу. У тебя тамъ чисто, чисто, одна голая правда; мы съ тобой оба юродивые! А эти, продолжалъ онъ, указывая на вооруженную толпу,—эти намъ не родня! У!

— Вася, сказалъ одинъ изъ опричниковъ,—не хочешь ли чего? Не надо ль тебѣ денегъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчалъ блаженный:—отъ тебя ничего не хочу! Вася ничего не возьметъ отъ тебя, а подай Микиткѣ чего онъ проситъ!

— Божій человѣкъ, сказалъ Серебряный,—я спрашивалъ, гдѣ живетъ бояринъ Морозовъ?

— Дружинка-то? Этотъ нашъ! Этотъ праведникъ! Только голова у него непоклонная! у, какая непоклонная! А скоро поклонится, скоро поклонится, да ужь и не подымется!

— Гдѣ онъ живетъ? повторилъ ласково Серебряный.

— Не скажу! отвѣтилъ блаженный, какъ будто разсердившись, — не скажу, пусть другіе скажутъ. Не хочу посылать тебя на дурное дѣло!

И онъ поспѣшно удалился, затянувъ опять свой прерванный псаломъ.

Не понимая его словъ и не тратя времени на догадки, Серебряный снова обратился къ опричникамъ.

— Что жъ, спросилъ онъ, скажете ли вы наконецъ какъ мнѣ найдти домъ Морозова?

— Ступай все прямо, отвѣчалъ грубо одинъ изъ нихъ.— Тамъ, какъ поворотишь налѣво, тамъ тебѣ и будетъ гнѣздо стараго ворона.

По мѣрѣ того какъ князь удалялся, опричники, усмиренные появленіемъ юродиваго, опять начинали буянить.

— Эй! закричалъ одинъ:—отдай Морозову поклонъ отъ насъ, да скажи, чтобы готовился скоро на висѣлицу; больно зажился!

— Да и для себя припаси веревку! крикнулъ въ догонку другой.

Но князь не обратилъ вниманія на ихъ ругательства.

„Что хотѣлъ сказать мнѣ блаженный? думалъ онъ потупя голову.—Зачѣмъ не указалъ онъ мнѣ домъ Морозова, да еще прибавилъ, что не хочетъ посылать меня на дурное дѣло?“

Продолжая ѣхать далѣе, князь и Михеичъ встрѣтили еще много опричниковъ. Иные были уже пьяны, другіе только шли въ кабакъ. Всѣ смотрѣли нагло и дерзко, а нѣкоторые даже дѣлали вслухъ такія грубыя замѣчанія насчетъ всадниковъ, что легко можно было видѣть, сколь они привыкли къ безнаказанности.

ГЛАВА V.

Встрѣча.

Проѣзжая верхомъ по берегу Москвы-рѣки, можно было поверхъ частокола видѣть весь садъ Морозова.

Цвѣтущія липы осѣняли свѣтлый прудъ, доставлявшій боярину въ постные дни обильную пищу. Далѣе зеленѣли

яблони, вишни и сливы. Въ некошеной травѣ пролегали узенькія дорожки. День былъ жаркій. Надъ алыми цвѣтами пахучаго шиповника кружились золотые жуки; въ липахъ жужжали пчелы; въ травѣ трещали кузнечики; изъ-за кустовъ красной смородины большіе подсолнечники подымали широкія головы и, казалось, нѣжились на полуденномъ солнцѣ.

Бояринъ Морозовъ уже съ часъ какъ отдыхалъ въ своей опочивальнѣ. Елена съ сѣнными дѣвушками сидѣла подъ липами на дерновой скамьѣ, у самаго частокола. На ней былъ голубой аксамитный лѣтникъ съ яхонтовыми пуговицами. Широкіе кисейные рукава, собранные въ мелкія складки, перехватывались, повыше локтя, алмазными запястьями, или заручазниками. Такія же серьги висѣли по самыя плечи; голову покрывалъ кокошникъ съ жемчужными наклопами, а сафьянные сапожки блестѣли золотою нашивкой.

Елена казалась весела. Она смѣялась и шутила съ дѣвушками.

— Боярыня, сказала одна изъ нихъ,—примѣрь еще вотъ эти запястья, они повиднѣе.

— Будетъ съ меня примѣрять, дѣвушки, отвѣчала ласково Елена,—вотъ ужь битый часъ вы меня наряжаете да укручиваете, будетъ съ меня!

— Вотъ еще только монисто надѣнь! Какъ надѣнешь монисто, будешь, право слово, ни дать ни взять, святая икона въ окладѣ!

— Полно, Пашенька, стыдно грѣхъ такой говорить!

— Ну, коли не хочешь наряжаться, боярыня, такъ не поиграть ли намъ въ горѣлки, или въ камушки? Не хочешь ли рыбку покормить, или на качеляхъ покачаться? Или ужь не спѣть ли тебѣ чего?

— Спой мнѣ, Пашенька, спой мнѣ ту пѣсню, что̀ ты намѣдни пѣла, какъ вы ягоды собирали!

— И, боярыня, лапушка ты моя, что̀ жь въ той пѣсни веселаго! То грустная пѣсня, не праздничная.

— Нужды нѣтъ; мнѣ хочется ее послушать, спой мнѣ, Пашенька!

— Изволь, боярыня, коли твоя такая воля, спою; только ты послѣ не пеняй на меня, если не равно тебѣ сгрустнется! Нуте жь, подруженьки, подтягивайте!

Дѣвушки усѣлись въ кружокъ и Пашенька затянула жалобнымъ голосомъ:

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;
Ахъ кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бъ я, подпершися,
Не глядѣла бъ я во чисто поле...
. . . . . .
Я по сѣнямъ шла, по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы своему сыну,
Своему сыну, моему мужу!

Пашенька посмотрѣла на боярыню. Двѣ слезы катились изъ очей ея.

— Ахъ я глупенькая! сказала Пашенька:—чего я надѣлала. Вотъ на свою голову послушалась боярыни! Да и можно ли, боярыня, на такія пѣсни набиваться!

— Охота жь тебѣ и знать ихъ! подхватила Дуняша, быстроглазая дѣвушка съ черными бровями.—Вотъ я такъ спою пѣсню, не твоей чета, смотри коли не развеселю боярыню!

И вскочивъ на ноги, Дуняша уперла одну руку въ бокъ, другую подняла къ верху, перегнулась на сторону и, плавно подвигаясь, запѣла:

Павтелей государь ходитъ по двору,
Кузмичъ гуляетъ по широкому,
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Сужена-то смотритъ изъ-подъ пологу,
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема.
Бояре-то молвятъ: чей-то такой?
Боярыни молвятъ: чей-то господинъ?
А сужена молвитъ: мой дорогой!

Кончила Дуняша, и сама засмѣялась. Но Еленѣ стало еще грустнѣе. Она крѣпилась, крѣпилась, закрыла лицо руками и зарыдала.

— Вотъ тебѣ и пѣсня! сказала Пашенька.—Что намъ теперь дѣлать! Увидитъ Дружина Андреичъ заплаканные глазки боярыни, на насъ же осердится: не умѣете вы дескать, глупыя, и занять ее!

— Дѣвушки, душечки! сказала вдругъ Елена, бросаясь на шею къ Пашенькѣ,—пособите порыдать, помогите поплакать!

— Да что съ тобой сталось, боярыня? Съ чего ты вдругъ раскручинилась?

— Не вдругъ, дѣвушки! Мнѣ съ самаго утра грустно. Какъ начали къ заутрени звонить, да увидѣла я изъ свѣтлицы, какъ народъ божій весело спѣшитъ въ церковь, такъ, дѣвушки, мнѣ стало тяжело... и теперь еще сердце надрывается... а тутъ еще день выпалъ такой свѣтлый, такой солнечный, да еще всѣ эти уборы, что вы на меня надѣли... скиньте съ меня запястья, дѣвушки, скиньте кокошникъ, заплетите мнѣ косу по-вашему, по-дѣвичьи!

— Что ты, боярыня, грѣхъ какой! Заплесть тебѣ косу по-дѣвичьи! Боже сохрани! Да не равно узнаетъ Дружина Андреичъ!

— Не узнаетъ, дѣвушки! Я опять кокошникъ надѣну!

— Нѣтъ, боярыня, грѣшно! Власть твоя, а мы этого на душу не возьмемъ!

„Неужели, подумала Елена, грѣшно и вспоминать о прошломъ!“

— Такъ и быть, сказала она,—не сниму кокошника, только подойди сюда, моя Пашенька, я тебѣ заплету косу какъ бывало мнѣ заплетали!

Пашенька, краснѣя отъ удовольствія, стала на колѣни передъ боярыней. Елена распустила ей волосы, раздѣлила ихъ на равныя дѣляпки и начала заплетать широкую русскую косу въ девяносто прядей. Много требовалось на то умѣнья. Надо было плесть какъ можно слабѣе, чтобы коса, подобно рѣшеткѣ, закрывала весь затылокъ, и потомъ падала вдоль спины, суживаясь непримѣтно. Елена прилежно принялась за дѣло. Перекладывая пряди, она искусно перевивала ихъ жемчужными нитками.

Наконецъ, коса поспѣла. Боярыня ввязала въ кончикъ треугольный косникъ и насадила на него дорогія перстни.

— Готово, Пашенька, сказала она, радуясь своей ра-

ботѣ;—встань-ка да пройдись передо мною. Ну смотрите, дѣвушки, не правда ли, эта коса красивѣе кокошника?

— Все въ свою пору, боярыня, отвѣчали, смѣясь, дѣвушки,—а вотъ Дуняша, не прочь бы и отъ кокошника!

— Полноте вы, пересмѣшницы! отвѣчала Дуняша.—Мнѣ бы хотя вѣкъ косы не расплетать! А вотъ знаю я такихъ, что̀ глазъ не сводятъ съ боярскаго ключника!

Дѣвушки залились звонкимъ смѣхомъ, а иныя смѣшались и покраснѣли. Видно ключникъ былъ въ самомъ дѣлѣ молодецъ.

— Нагнись, Пашенька, сказала боярыня,—я тебѣ повяжу еще ленту съ поднизами... Дѣвушки, да вѣдь сегодня Ивана Купала, сегодня и русалки косы заплетаютъ!

— Не сегодня, боярыня, а въ Семикъ и Троицынъ день заплетаютъ русалки косы. На Ивана Купала онѣ бѣгаютъ съ распущенными волосами и отманиваютъ людей отъ папортника, чтобы кто не сорвалъ его цвѣта.

— Богъ съ ними, сказала Пашенька,—мало ли что̀ бываетъ въ Ивановъ день, не приведи Богъ увидѣть!

— А ты боишься русалокъ, Пашенька?

— Какъ ихъ не бояться! Сегодня и въ лѣсъ ходить страшно, все равно, что̀ въ Троицынъ день, или на русальную недѣлю. Дѣвушку защекотятъ, молодца любовью изсушатъ!

— Говоришь, а сама не знаешь! перебила ее другая дѣвушка.—Какія подъ Москвой русалки! Здѣсь ихъ нѣтъ и заводу. Вотъ на Украинѣ, тамъ другое дѣло, тамъ русалокъ гибель. Сказываютъ, не одного добраго молодца съ ума свели. Сто́итъ только разъ увидѣть русалку, такъ до смерти все по ней тосковать будешь; коли женатый—бросишь жену и дѣтей, коли холостой—забудешь свою ладушку!

Елена задумалась.

— Дѣвушки, сказала она, помолчавъ,—что̀ въ Литвѣ есть русалки?

— Тамъ-то ихъ самая родина; что̀ на Украинѣ, что̀ въ Литвѣ—то все одно...

Елена вздохнула. Въ эту минуту послышался конскій топотъ, и бѣлая шапка Серебрянаго показалась надъ частоколомъ.

Увидя мущину, Елена хотѣла скрыться; но бросивъ еще взглядъ на всадника, она вдругъ стала какъ вкопаная. Князь также остановилъ коня. Онъ не вѣрилъ глазамъ своимъ. Тысяча мыслей въ одно мгновеніе втѣснились въ его голову, одна другой противорѣча. Онъ видѣлъ предъ собой Елену, дочь Плещеева-Огина, ту самую, которую онъ любилъ и которая клялась ему въ любви пять лѣтъ тому назадъ. Но какимъ случаемъ она попала въ садъ къ боярину Морозову?

Тутъ только Никита Романовичъ замѣтилъ на головѣ Елены жемчужный кокошникъ и поблѣднѣлъ.

Она была замужемъ!

„Брежу ли я? проговорилъ онъ, вперивъ въ нее неподвижный, какъ будто испуганный взглядъ,—во снѣ ли это вижу?“

— Дѣвушки! упрашивала Елена: — отойдите, я позову васъ,—отойдите немного, оставьте меня одную! Боже мой, Боже мой! Пресвятая Богородица! Что мнѣ дѣлать! Что сказать мнѣ!

Серебряный между тѣмъ оправился.

— Елена Дмитріевна, произнесъ онъ рѣшительно,—отвѣчай мнѣ единымъ словомъ: ты замужемъ? Это не обманъ? Не шутка? Ты точно замужемъ?

Елена въ отчаяньи искала словъ и не находила ихъ.

— Отвѣчай мнѣ, Елена Дмитріевна, не морочь меня долѣе, теперь не святки!

— Выслушай меня, Никита Романовичъ! прошептала Елена.

Князь задрожалъ.

— Нечего мнѣ слушать, сказалъ онъ,—я все понялъ. Не трать рѣчей понапрасну, прости, боярыня!

И онъ рванулъ коня назадъ.

— Никита Романычъ! вскричала Елена:—молю тебя Христомъ и Пречистою Его Матерью, выслушай меня! Убей меня послѣ, но сперва выслушай!

Она не въ силахъ была продолжать; голосъ ея замеръ, колѣни опустились на дерновую скамью; она протянула умоляющія руки къ Серебряному.

Судорога пробѣгала по всѣмъ членамъ князя, но жалость зашевелилась въ его сердцѣ. Онъ остановился.

Елена, задыхаясь отъ слезъ, стала разказывать, какъ преслѣдовалъ ее Вяземскій, какъ наконецъ царь взялся ее сосватать за своего любимца и какъ она въ отчаяніи отдалась старому Морозову. Прерывая разказъ свой рыданіями, она винилась въ невольной измѣнѣ, говорила, что должна бы скорѣй наложить на себя руки чѣмъ выйдти за другаго, и проклинала свое малодушіе.

— Ты не можешь меня любить, князь, говорила она, — не написано тебѣ любить меня! Но обѣщай мнѣ, что не проклянешь меня; скажи, что прощаешь меня, въ великой винѣ моей.

Князь слушалъ, нахмуря брови, но не отвѣчалъ ничего.

— Никита Романычъ, прошептала Елена боязливо,—ради Христа, вымолви хоть словечко!

И она устремила на него глаза, полные страха и ожиданія, и вся душа ея обратилась въ краснорѣчивый умоляющій взоръ.

Сильная борьба происходила въ Серебряномъ.

— Боярыня, сказалъ онъ наконецъ, и голосъ его дрожалъ,—видно на то была воля Божія... и ты не такъ виновата... да, ты не виновата... не за что прощать тебя, Елена Дмитріевна, я не кляну тебя, — нѣтъ — видитъ Богъ, не кляну—видитъ Богъ, я... я попрежнему люблю тебя!

Слова эти вырвались у князя сами собою.

Елена вскрикнула, зарыдала и кинулась къ частоколу.

Въ тотъ же мигъ князь поднялся на стременахъ и схватился за колья ограды. Елена, съ другой стороны, уже стояла на скамьѣ. Безъ размышленія, безъ самосознанія, они бросились другъ къ другу, и уста ихъ соединились...

Поцѣловала Елена Дмитріевна молодаго боярина! Обманула жена лукавая мужа стараго! Забыла клятву, что дала передъ Господомъ! какъ покажется она теперь Дружинѣ Андреичу? Догадается онъ обо всемъ по глазамъ ея. И не таковъ онъ мужъ, чтобъ простилъ ее! Не дорога жизнь боярину, дорога ему честь его! Убьетъ онъ, старый, убьетъ и жену, и Никиту Романыча!

ГЛАВА VI.

Пріемъ.

Морозовъ зналъ князя еще ребенкомъ, но они давно потеряли другъ друга изъ виду. Когда Серебряный отправился въ Литву, Морозовъ воеводствовалъ гдѣ-то далеко; они не видались болѣе десяти лѣтъ, но Дружина Андреевичъ мало перемѣнился, былъ добръ попрежнему, и князь съ перваго взгляда вездѣ бы узналъ его, ибо старый бояринъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ личность глубоко врѣзывается въ памяти. Одинъ ростъ и дородность его уже привлекали вниманіе. Онъ былъ цѣлою головой выше Серебрянаго. Темнорусые волосы, съ сильною просѣдью, падали въ безпорядкѣ на умный лобъ его, разсѣченный нѣсколькими шрамами. Окладистая борода, почти совсѣмъ сѣдая, покрывала половину груди. Изъ-подъ темныхъ навислыхъ бровей сверкалъ проницательный взглядъ, а вокругъ устъ играла привѣтливая улыбка, сквозь которую просвѣчивало то что̀ въ просторѣчіи называется: себѣ на умѣ. Въ его пріемахъ, въ осанистой поступи было что-то львиное, какая-то особенно спокойная важность, достоинство, неторопливость и увѣренность въ самомъ себѣ. Глядя на него, всякій сказалъ бы: хорошо быть въ ладу съ этимъ человѣкомъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ всякій подумалъ бы: не хорошо съ нимъ поссориться! Дѣйствительно, всматриваясь въ черты Морозова, легко было догадаться, что спокойное лицо его можетъ, въ минуту гнѣва, сдѣлаться страшнымъ. Но привѣтливая улыбка и открытое, неподдѣльное радушіе скоро изглаживали это впечатлѣніе.

— Здравствуй, князь, здравствуй, гость дорогой! Добро пожаловать! сказалъ Морозовъ, вводя Серебрянаго въ большую брусяную избу, съ изразцовою лежанкой, съ длинными дубовыми лавками, съ драгоцѣннымъ оружіемъ на стѣнахъ и со множествомъ золотой и серебряной посуды, красиво установленной на широкихъ полкахъ.

— Здравствуй, здравствуй, князь! Вотъ какого гостя мнѣ

Богъ подарилъ! А вѣдь помню я тебя, Никитушка, еще маленькаго! Охъ удалъ же ты былъ, нечего сказать! Какъ бывало начнутъ ребята въ городки играть, бѣда той сторонѣ, что̀ супротивъ тебя! Разлетишься словно соколъ ясный, да какъ расходится въ тебѣ кровь молодая, такъ бывало разозлишься, словно медвѣженокъ, прости, Никита Романычъ, грубое слово! Такъ и начнешь валять, кого направо, кого налѣво, смотрѣть даже весело! Ну да и вышелъ же молодецъ изъ тебя, князь! Слыхалъ я про дѣла твои въ Литовской землѣ! Каталъ же ты ихъ, супостатовъ, какъ прежде ребятъ каталъ!

И Морозовъ весело улыбался, и львиное лицо его сіяло радушіемъ.

— А помнишь ли, Никитушка, продолжалъ онъ, обнявъ князя одною рукой за плеча,—помнишь ли какъ ты ни въ какой игрѣ обмана не терпѣлъ? Бороться ли съ кѣмъ начнешь, али на кулачкахъ биться, скорѣй дашь себя на землю свалить, чѣмъ подъ-ножку подставишь, или что̀ противъ уговора сдѣлаешь. Все бывало снесешь, а ужь лукавства ни себѣ, ни другимъ не позволишь!

Князю сдѣлалось неловко въ присутствіи Морозова.

— Боярин, сказалъ онъ,—вотъ грамота къ тебѣ отъ князя Пронскаго.

— Спасибо, князь. Послѣ прочту; время терпитъ; теперь дай угостить тебя! Да гдѣ же Елена Дмитріевна? Эй, кто тамъ! Скажите женѣ, что у насъ гость дорогой, князь Никита Романычъ Серебряный, чтобы сошла поподчивать!

Тихо и плавно вошла Елена съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ были кубки съ разными винами. Елена низко поклонилась Серебряному, какъ будто въ первый разъ его видѣла! Она была какъ смерть блѣдна.

— Князь, сказалъ Морозовъ,—это моя хозяйка, Елена Дмитріевна! Люби и жалуй ее. Вѣдь ты, Никита Романычъ, намъ почитай родной. Твой отецъ и я, мы были словно братья, такъ и жена моя тебѣ не чужая. Кланяйся, Елена, проси боярина! Кушай, князь, не брезгай нашей хлѣбомъ-солью! Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады! Вотъ романея, вотъ венгерское, вотъ медъ малиновый, сама хозяйка на ягодахъ сытила!

Морозовъ низко кланялся.

Князь отвѣчалъ обоимъ поклонами и осушилъ кубокъ.

Елена не взглянула на Серебрянаго. Длинныя рѣсницы ея были опущены. Она дрожала, и кубки на подносѣ звенѣли одинъ о другой.

— Что̀ съ тобой, Елена? сказалъ вдругъ Морозовъ:—ужь не больна ли ты? Лицо твое словно снѣгъ побѣлѣло! Оленушка, прибавилъ онъ, шопотомъ, ужь не опять ли проѣзжалъ Вяземскій? Такъ! должно-быть, этотъ окаянный проѣзжалъ мимо саду! Не кручинься, Елена. Въ томъ нѣтъ твоей вины. Безъ меня не ходи лучше въ садъ; да утѣшься, мое дитятко, я не дамъ тебя никому въ обиду! Улыбнись скорѣй, будь веселѣе, а то гость замѣтитъ!—Извини, Никита Романычъ, извини, захлопотался, говорилъ вотъ женѣ, чтобы велѣла тебѣ кушать подать поскорѣе. Вѣдь ты не обѣдалъ, князь.

— Благодарю, бояринъ, обѣдалъ.

— Нужды нѣтъ, Никита Романычъ, ещѐ разъ пообѣдаешь! Ступай, Елена, ступай, похлопочи! А ты, бояринъ, закуси чѣмъ Богъ послалъ, не обидь старика опальнаго! И безъ того мнѣ горя̀ довольно!

Морозовъ указалъ на свои длинные волосы.

— Вижу, бояринъ, вижу и очамъ вѣры нейму! Ты подъ опалою! За что̀! Прости вопросъ нескромный.

Морозовъ вздохнулъ.

— За то, что̀ держусь стараго обычая, берегу честь боярскую, да не кланяюсь новымъ людямъ!

При этихъ словахъ лицо его омрачилось, и глаза приняли суровое выраженіе.

Онъ разказалъ о ссорѣ своей съ Годуновымъ, горько жалуясь на несправедливость царя.

— Многое, князь, многое стало на Москвѣ не такъ, какъ было, съ тѣхъ поръ какъ учинилъ государь на Руси опричнину!

— Да что̀ это за опричнина, бояринъ? Встрѣчалъ я опричниковъ, только въ толкъ не возьму!

— Прогнѣвили мы видно Бога, Никита Романычъ; помрачилъ Онъ свѣтлыя царскія очи! Какъ возложили клеветники измѣну на Сильвестра да на Адашева, какъ прогналъ ихъ отъ себя царь, прошли наши красные дни! Зачалъ вдругъ Иванъ Васильичъ на насъ мнѣніе держать, на насъ вѣрныхъ слугъ своихъ! Зачалъ толковать про измѣны, про заговоры, чего и въ мысль человѣку не вмѣстится!

А новые-то люди обрадовались, да и давай ему шептать на бояръ, кто по-насердки, кто чая себѣ милости, и ко всѣмъ сталъ онъ преклонять слухъ свой. У кого была какая вражда, тотъ и давай доводить на недруга, будто онъ слова про царя говорилъ, будто хана или короля подымаетъ. И въ томъ они, окаянные, не бояся страшнаго суда Божія, и крестъ накривѣ цѣловали и руки въ письмахъ лживили! Много безвинныхъ людей вожено въ темницы, Никита Романычъ, и съ очныхъ ставокъ пытано. Кто только хотѣлъ, тотъ и сказывалъ за собою государево слово. Прежде бывало, коли кто донесъ на тебя, тотъ и очищай самъ свою улику; а теперь какая у него ни будь рознь въ словахъ, берутъ тебя и пытаютъ по одной язычной молвкѣ! Трудное настало время, Никита Романычъ! Такой ужасъ отъ царя, какого искони еще не видано! Послѣ пытокъ пошли казни. И кого же казнили!.. Но ты, князь, уже можетъ слыхалъ про это?

— Слыхалъ, бояринъ, но глухо. Не скоро вѣсти доходятъ до Литвы. Впрочемъ, чему дивиться. Царь воленъ казнить своихъ злодѣевъ!

— Кто противъ этого, князь. На то онъ царь, чтобы карать и миловать. Только то больно, что не злодѣевъ казнили, а все вѣрныхъ слугъ государевыхъ: окольничаго Адашева (Алексѣева брата) съ малолѣтнымъ сыномъ; трехъ Сатиныхъ; Ивана Шишкина съ женою да съ дѣтьми; да еще многихъ другихъ безвинныхъ.

Негодованіе выразилось на лицѣ Серебрянаго.

— Бояринъ, въ этомъ знать не царь виновенъ, а наушники его!

— Охъ, князь! Горько вымолвить, страшно подумать! Не по однимъ навѣтамъ наушническимъ сталъ царь проливать кровь неповинную. Вотъ хоть бы Басмановъ, новый кравчій царскій, билъ челомъ государю на князя Оболенскаго-Овчину въ какомъ-то непригожемъ словѣ. Что жь сдѣлалъ царь? За обѣдомъ своею рукою вонзилъ князю ножъ въ сердце!

— Бояринъ! вскричалъ Серебряный, вскакивая съ мѣста, еслибы мнѣ кто другой сказалъ это, я назвалъ бы его клеветникомъ! Я бы самъ наложилъ руки на него!

— Никита Романычъ, старъ я клеветать. И на кого же? На государя моего!

— Прости, бояринъ. Но что же думать о такой перемѣнѣ? Ужь не обошли ли царя?

— Должно-быть, князь. Но садись, слушай далѣе. Въ другой разъ Иванъ Васильевичъ, упившись, началъ (и подумать срамно!) съ своими любимцами въ личинахъ плясать. Тутъ былъ бояринъ князь Михайло Репнинъ. Онъ заплакалъ съ горести. Царь давай и а него личину надѣвать. Нѣтъ! сказалъ Репнинъ, не бывать тому, чтобъ я посрамилъ санъ свой боярскій! и растопталъ личину ногами. Дней пять спустя, убитъ онъ по царскому указу во храмѣ Божіемъ!

— Бояринъ! Это Богъ насъ караетъ!

— Да будетъ же надъ нами его святая воля, князь. Но слушай далѣе. Казнямъ не было конца. Что день, то кровь текла и на лобномъ мѣстѣ, и въ тюрьмахъ, и въ монастыряхъ. Что день, то хватали боярскихъ холопей и возили въ застѣнокъ. Многіе випились съ огня и говорили со страху на бояръ своихъ. Тѣ же, которые, не хотя отдать души во дно адово, очищали бояръ, тѣхъ самихъ предавали смерти. Многіе потерпѣли въ правдѣ, многіе пріяли вѣнецъ мученическій, Никита Романычъ! Временемъ, царь какъ будто приходилъ въ себя, и каялся, и молился, и плакалъ, и самъ назывался смертнымъ убійцею и сыроядцемъ. Разсылалъ вклады въ разные монастыри и приказывалъ панихиды по убитымъ. Каялся Иванъ Васильевичъ, но не долго, и что же придумалъ? Слушай, князь. Просыпаюсь я разъ утромъ, вижу великое смятенье. Разсыпался народъ по улицамъ, кто бѣжитъ къ Кремлю кто отъ Кремля. Всѣ голосятъ: „уѣзжаетъ государь, не вѣдомо куда!“ Такъ меня холодомъ и обдало! Надѣваю платье, сажусь на конь; со всѣхъ мѣстъ бояре спѣшатъ ко Кремлю, кто верхомъ, кто самъ о себѣ словно простой человѣкъ даже никто о чести своей не думаетъ! Добрались до Иверскихъ воротъ, видимъ ратники выѣзжаютъ; народъ передъ ними такъ и раздается. За ратниками сани, въ нихъ царь съ царицею и съ царевичемъ. За царскими санями многое множество саней, а въ нихъ всѣ пожитки, вся казна, весь обиходъ царскій; за санями окольничьи, и дворяне, и приказные, и воинскіе, и всякихъ чиновъ люди—всѣ выѣзжаютъ изъ Кремля. Бросились мы было къ царскимъ санямъ, да не допустили насъ ратники, говорятъ: не велѣлъ государь! И потянулся поѣздъ вдоль по Москвѣ, и выѣхалъ за посады.

— Воротились мы въ домы и долго ждали, не передумаетъ ли царь, не вернется ли? Проходитъ недѣля, получаетъ высокопреосвященный грамоту; пишетъ государь, что я-де отъ великой жалости сердца, не хотя вашихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставляю мои государства и ѣду-де куда Богъ укажетъ путь мнѣ! Какъ пронеслася эта вѣсть, зачался вопль на Москвѣ: бросилъ насъ батюшка-царь! Кто теперь будетъ надъ нами государить!

—Нечего правды таить, грозенъ былъ Иванъ Васильевичъ, да вѣдь самъ Богъ поставилъ его надъ нами, и видно по Божьей волѣ, для очищенія грѣховъ нашихъ, каралъ онъ насъ. Собралися мы въ думѣ и порѣшили ѣхать всѣ съ своими головами за государемъ, бить ему челомъ и плакаться. Узнали мы, что остановился царь въ Александровой слободѣ, а будетъ та слобода отсюда за восьмьдесять слишкомъ верстъ. Помолившися Богу, поѣхали. Какъ завидѣли издали слободу, остановились; еще разъ помолились: страшно стало; не то страшно что прикажетъ царь смерти предать, а то что не допуститъ предъ свои очи. Только ничего не случилось. Допустилъ насъ царь. Какъ вошли мы, такъ вѣришь ли бояринъ, не узнали Ивана Васильича! И лицо-то будто не его; и волосы, и борода почитай совсѣмъ вылѣзли. Что съ нимъ сталось, и царь, и не царь! Долго говорилъ онъ съ нами; въ небывалыхъ измѣнахъ высчитывалъ намъ наши вины, которыхъ мы не вѣдали за собою, и наконецъ сказалъ, что я-де только по упросу богомольцевъ моихъ, епископовъ, беру паки мои государства, но и то на уговорѣ. Пожаловалъ насъ къ рукѣ и отпустилъ.

— А какой же уговоръ онъ просилъ себѣ? спросилъ Серебряный.

— А вотъ увидишь, князь; слушай: прошло недѣли три, прибылъ Иванъ Васильичъ на Москву. Настала радость великая; такая радость, что и въ свѣтлое Христово воскресенье не бываетъ такой. Вотъ созвалъ онъ въ думу и насъ, и духовенство. А когда собралися мы, объявилъ намъ, что я-де съ тѣмъ только принимаю государство, чтобы казнить моихъ злодѣевъ, власть мою опалу на измѣнниковъ, имать ихъ остатки и животы, и чтобы ни отъ митрополита, ни отъ властей не было мнѣ бездѣльной докуки о милости. Беру-де себѣ, говоритъ, опасную стражу

и беру на свой особный обиходъ разные города и пригородки и на самой Москвѣ разныя улицы. И тѣ города и улицы и свою особную стражу называю, говоритъ, опричниной, а все достальное, то земщина. А боярамъ-де и митрополиту со властьми въ мой домовой особный обиходъ не вступаться. И на томъ, говоритъ, беру мои государства! Съ этого дня началъ онъ новыхъ людей набирать, да все такихъ чтобы не были знатнаго роду, да чтобы цѣловали крестъ не вести хлѣба-соли съ боярами. Отдалъ имъ всю землю, всѣ домы и все добро, что̀ отрѣзалъ на свой обиходъ; а старыхъ вотчинниковъ, тысячъ примѣрно съ двѣнадцать, выгналъ изъ опричины словно животину. Право, Никита Романычъ, вѣдь своими глазами видѣлъ, а доселѣ не вѣрится! Ѣздятъ теперь по святой Руси ихъ дьявольскіе, кровоядные полки съ метлами да съ песьими головами; топчатъ правду, выметаютъ не измѣну, но честь русскую; грызутъ не враговъ государевыхъ, а вѣрныхъ слугъ его, и нѣтъ на нихъ нигдѣ ни суда, ни расправы!

— Да зачѣмъ же вы согласились на этотъ уговоръ? замѣтилъ Серебряный.

— Что̀ ты, князь? Развѣ царю можно указывать? Развѣ онъ не отъ Бога?

— Вѣстимо, отъ Бога. Да вѣдь онъ самъ же спрашивалъ васъ? Зачѣмъ вы не сказали ему, что не хотите опричнины?

— А кабы онъ опять уѣхалъ? Что̀ бы тогда? Безъ государя было оставаться, что̀ ли? А народъ что̀ бы сказалъ?

Серебряный задумался.

— Такъ, проговорилъ онъ, немного помолчавъ,—нельзя было быть безъ гоударя. Только теперь-то чего вы ждете? Зачѣмъ не скажете ему, что отъ опричнины вся земля гибнетъ? Зачѣмъ смотрите на все да молчите?

— Я-то, князь, не молчу, отвѣчалъ Морозовъ съ достоинствомъ.—Я никогда не таилъ моей мысли; оттого-то я теперь и подъ опалой. Позови меня царь къ себѣ, я не стану молчать, только онъ не позоветъ меня. Нашихъ теперь уже нѣтъ у него въ приближеніи. Посмотри-ка, кѣмъ окружилъ онъ себя? Какіе древніе роды около него? Нѣтъ древнихъ родовъ! Все подлые страдники, которыхъ отцы нашимъ отцамъ въ холопство бъ не пригожались! Бери хоть любаго на выдержку: Басмановы, отецъ и сынъ, ужъ не

знаю, который будетъ гнуснѣе; Малюта Скуратовъ, не вѣсть мясникъ, не вѣсть звѣрь какой, вѣчно кровью обрызганъ; Васька Грязной,—ему всякое студное дѣло не почемъ! Борисъ Годуновъ,—этотъ и отца и мать продастъ, да еще и дѣтей дастъ въ придачу, лишь бы повыше взобраться; всадитъ тебѣ ножъ въ горло, да еще и поклонится. Одинъ только и есть тамъ высокаго роду, князь Аѳанасій Вяземскій. Опозорилъ онъ и себя, и насъ всѣхъ, окаянный! Ну да что про него!

Морозовъ махнулъ рукой. Другія мысли заняли старика. Задумался и Серебряный. Задумался онъ о страшной перемѣнѣ въ царѣ и забылъ на время объ отношеніяхъ, въ которыя судьба поставила его къ Морозову.

Между тѣмъ слуги накрыли на столъ.

Несмотря ни на какія отговорки, Дружина Андреевичъ принудилъ своего гостя отвѣдать многочисленныхъ блюдъ: студеней разнаго роду, жаркихъ, похлебокъ, кулебякъ и бужинины. А когда поставили передъ ними разные напитки, Морозовъ налилъ себѣ и князю по стопѣ малвазіи, всталъ изъ-за стола, откинулъ назадъ свои опальные волосы и сказалъ, поднявъ высоко стопу:

— Во здравіе великаго государя нашего, царя Ивана Васильича!

— Просвѣти его Богъ! Открой ему очи! отвѣчалъ Серебряный, осушая стопу, и оба перекрестились.

Елена не показывалась во время стола и не присутствовала при разговорѣ бояръ.

Многое еще разказывалъ Морозовъ про дѣла государственныя, про нападенія Крымцевъ на рязанскія земли, разспрашивалъ Серебрянаго о литовской войнѣ, и горько осуждалъ Курбскаго за бѣгство его къ королю. Князь отвѣчалъ подробно на всѣ вопросы и наконецъ разказалъ про схватку свою съ опричниками въ деревнѣ Медвѣдевкѣ, про ссору съ ними въ Москвѣ и про встрѣчу съ юродивымъ, не рѣшившись, впрочемъ, упомянуть о темныхъ словахъ послѣдняго.

Морозовъ выслушалъ его съ большимъ вниманіемъ.

— Плохо, князь, сказалъ онъ, почесывая крутой лобъ свой,—больно плохо. Что они грабежъ въ той деревнѣ чинили, тому нечего дивиться: деревня-то вишь моя; а которая вотчина опальнаго боярина, ту теперь всякому вольно

грабить. Дѣло знамое, что̀ можно взять, берутъ, чего же не поднимутъ, то огнемъ палятъ; рогатый животъ на смерть колютъ. Это теперь ихъ обычай. А юродиваго-то я знаю. Онъ подлинно Божій человѣкъ. Не тебя одного онъ при первой встрѣчѣ по имени назвалъ; онъ всякаю словно насквозь видитъ. Его и царь боится. Сколько разъ онъ Ивана Васильича въ глаза уличалъ. Побольше бы такихъ святыхъ людей, такъ пожалуй и опричнины-то не было бы! Скажи, князь, продолжалъ Морозовъ,—когда хотѣлъ ты здравствовать государю?

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, какъ выйдетъ его милость изъ опочивальни.

— Что̀ ты, князь? Теперь ужь смерклось, а тебѣ слишкомъ сто верстъ ѣхать!

— Какъ? Развѣ царь не въ Кремлѣ?

— Нѣтъ, князь, не въ Кремлѣ. Прогнѣвили мы Господа, бросилъ насъ государь, воротился въ Александрову слободу, живетъ тамъ съ своими поплечниками, не было бъ имъ ни дна ни покрышки!

— Коли такъ, то прости, бояринъ, надо спѣшить. Я еще и дома не былъ. Осмотрюсь немного, а завтра чѣмъ свѣтъ отправлюсь въ слободу.

— Не ѣзди, князь!

— Отчего, бояринъ?

— Не снести тебѣ головы, Никита Романычъ.

— На то Божья воля, бояринъ; что̀ будетъ, то будетъ!

— Послушай, Никита Романычъ. Вѣдь ты меня забылъ, а я помню тебя еще маленькаго. Отецъ твой покойный жилъ со мной рука въ руку, душа въ душу. Умеръ онъ, царствіе ему небесное; некому остеречь тебя, некому тебѣ совѣта подать, а не завидна твоя доля, видитъ Богъ, не завидна! Коли поѣдешь въ слободу, пропалъ ты, князь, съ головою пропалъ.

— Что̀ жь, бояринъ, видно мнѣ такъ на роду написано!

— Никитушка, останься, я тебя схороню. Никто тебя не сыщетъ, холопи мои тебя не выдадутъ, ты будешь у меня въ домѣ какъ сынъ родной!

— Бояринъ, вспомни, что ты самъ говорилъ про Курбскаго. Не честно русскому боярину прятаться отъ царя своего.

— Никита Романычъ, Курбскій—измѣнникъ. Онъ ушелъ

ко врагу государеву; а я кто же? Развѣ я врагъ государевъ?

— Прости, бояринъ, прости необдуманное слово, но чему быть того не миновать!

— Кабы ты, Никитушка, остался у меня, можетъ и простылъ бы гнѣвъ царскій, можетъ мы съ высокопреосвященнымъ и уладили бъ твое дѣло, а теперь ты попадешь какъ смола на уголья!

— Жизнь наша въ рукѣ Божіей, бояринъ. Не пригоже стараться продлить ее хитростью болѣ чѣмъ Богу угодно. Спасибо за хлѣбъ-соль, прибавилъ Серебряный, вставая,— спасибо за дружбу (при этихъ словахъ онъ невольно смутился), но я поѣду. Прости, Дружина Андреичъ!

Морозовъ посмотрѣлъ на князя съ грустнымъ участіемъ, но видно было, что внутри души своей онъ его одобряетъ и что самъ не поступилъ бы иначе, еслибы былъ на его мѣстѣ.

— Да будетъ же надъ тобой благословеніе Божіе, Никита Романычъ! сказалъ онъ, подымаясь со скамьи и обнимая князя,—да умягчитъ Господь сердце царское. Да вернешься ты невредимъ изъ слободы, какъ отрокъ изъ пещи пламенной, и да обниму тебя тогда какъ теперь обнимаю, отъ всего сердца, отъ всей души!

Пословица говорится: пѣшаго до воротъ, коннаго до коня провожаютъ. Князь и бояринъ разстались на порогѣ сѣней. Было уже темно. Проѣзжая вдоль частокола, Серебряный увидѣлъ въ саду бѣлое платье. Сердце его забилось. Онъ остановилъ коня. Къ частоколу подошла Елена.

— Князь, сказала она шепотомъ,—я слышала твой разговоръ съ Дружиной Андреичемъ, ты ѣдешь въ слободу... Боже сохрани тебя, князь, ты ѣдешь на смерть!

— Елена Дмитріевна! Видно такъ угодно Господу, чтобы пріялъ я смерть отъ царя. Не на радость вернулся я на родину, не судилъ мнѣ Господь счастья, не мнѣ ты досталась, Елена Дмитріевна! Пусть же надо мной воля Божія!

— Князь, они тебя замучатъ! Мнѣ страшно подумать! Боже мой, ужели жизнь тебѣ вовсе постыла?

— Пропадай она! сказалъ Серебряный, и махнулъ рукой.

— Пресвятая Богородица! Коли ты себя не жалѣешь, пожалѣй хоть другихъ! Пожалѣй хоть меня, Никита Романычъ! Вспомни какъ ты любилъ меня!

Мѣсяцъ вышелъ изъ-за облакъ. Лицо Елены, ея жемчужный кокошникъ, ожерелье и алмазныя серьги, ея глаза, полные слезъ, озарились чудеснымъ блескомъ. Еще плакала Елена, но уже готова была сквозь слезы улыбнуться. Одно слово князя обратило бы ея печаль въ безпредѣльную радость. Она забыла о мужѣ, забыла всю осторожность. Серебряный прочелъ въ ея глазахъ такую любовь, такую тоску, что невольно поколебался. Счастье было для него на вѣки потеряно. Елена принадлежала другому, но она любила одного Серебрянаго. Для чего бы ему не остаться, не отложить поѣздки въ слободу? Не самъ ли Морозовъ его упрашивалъ?

Такъ мыслилъ князь, и очаровательныя картины рисовались въ его воображеніи, но чувство чести, на мигъ уснувшее, внезапно пробудилось.

„Нѣтъ, подумалъ онъ,—да будетъ мнѣ стыдно, если я, хотя мыслію, оскорблю друга отца моего! Одинъ безчестный платитъ за хлѣбъ-соль обманомъ, одинъ трусъ бѣжитъ отъ смерти!“

— Мнѣ нельзя не ѣхать! сказалъ онъ рѣшительно.—Не могу хорониться одинъ отъ царя моего, когда лучшіе люди гибнутъ. Прости, Елена!

Слова эти какъ ножъ вонзились въ сердце боярыни. Она въ отчаяніи ударилась о земь.

— Разступись же подо мной, мать сыра земля! простонала она:—не жилица я на бѣломъ свѣтѣ! Наложу на себя руки, изведу себя отравой! Не переживу тебя, Никита Романычъ! Я люблю тебя болѣ жизни, болѣ свѣту Божьяго, я никого кромѣ тебя не люблю и любить не буду!

Сердце Серебрянаго надрывалось. Онъ хотѣлъ утѣшить Елену; но она рыдала все громче. Люди могли ее услышать, подсмотрѣть князя и донести боярину. Серебряный это понялъ, и, чтобы спасти Елену, рѣшился отъ нея оторваться.

— Елена, прости! сказалъ онъ:—прости душа, радость дней моихъ! Уйми свои слезы, Богъ милостивъ, авось мы еще увидимся!

Облака задернули мѣсяцъ; вѣтеръ потрясъ вершины липъ, и благовоннымъ дождемъ посыпались цвѣты на князя и на Елену. Закачалися старыя вѣтви, будто желая сказать: на

кого намъ цвѣсти, на кого зеленѣть! Пропадаетъ даромъ добрый молодецъ, пропадаетъ и его полюбовница!

Оглянувшись послѣдній разъ на Елену, Серебряный увидѣлъ за нею, въ глубинѣ сада, темный человѣческій образъ. Почудилось ли то князю, или слуга какой проходилъ по саду, или ужь не былъ ли то самъ боярин Дружина Андреевичъ?

ГЛАВА VII.

Александрова слобода.

Дорога отъ Москвы до Троицкой Лавры, а отъ Лавры до Александровой слободы представляла самую живую картину. Безпрестанно скакали по ней царскіе гонцы; толпы людей всѣхъ сословій шли пѣшкомъ на богомолье; отряды опричниковъ спѣшили взадъ и впередъ; сокольники отправлялись изъ слободы въ разныя деревни за живыми голубями; купцы тащились съ товарами, сидя на возахъ, или провожая верхомъ длинные обозы. Проходили толпы скомороховъ, съ гудками, волынками и балалайками. Они были одѣты пестро, вели съ собою ручныхъ медвѣдей, пѣли пѣсни, или просили милостыни у богатыхъ проѣзжихъ.

— Пожалѣйте, государи, насъ, говорили они на всѣ голоса,—вамъ Господь далъ и вотчины, и всякое достояніе, а намъ указалъ питаться вашею подачей, такъ не оставьте насъ, скудныхъ людей, государи!

— Отцы наши, батюшки! пѣли иные протяжно, сидя у самой дороги,—дай вамъ Господи доброе здоровье! Донеси васъ Богъ до Сергія Троицы!

Другіе прибавляли къ этимъ словамъ разныя прибаутки, такъ что иной проѣзжій въ награду за веселое слово бросалъ имъ цѣлый кораблемникъ.

Нерѣдко у скомороховъ случались драки съ толпами оборванныхъ нищихъ, которые изъ городовъ и монастырей спѣшили въ слободу поживиться царскою милостыней.

Проходили также слѣпые гусляры и сказочники, съ гуслями на плечахъ, и держась одинъ за другаго.

Все это шумѣло, пѣло, ругалось. Лошади, люди, медвѣди, ржали, кричали, ревѣли. Дорога шла густымъ лѣсомъ. Несмотря на ея многолюдность, случалось иногда, что вооруженные разбойники нападали на купцовъ и обирали ихъ дочиста.

Разбои въ окрестностяхъ Москвы особенно умножились съ тѣхъ поръ какъ опричники вытѣснили цѣлыя села хлѣбопашцевъ, цѣлые посады мѣщанъ. Лишась жилищъ и хлѣба, люди эти пристали къ шайкамъ станичниковъ, укрѣпились въ засѣкахъ и, по множеству своему, сдѣлались не на шутку опасны. Опричники, поймавъ разбойниковъ, вѣшали ихъ безъ милосердія; за то и разбойники не оставались у нихъ въ долгу, когда случалось имъ поймать опричника. Впрочемъ не одни разбойники грабили на дорогахъ. Скоморохи и нищіе, заставъ подъ вечеръ плохо-оберегаемый обозъ, часто избавляли разбойниковъ отъ хлопотъ. Купцамъ было всего хуже. Ихъ грабили и разбойники, и скоморохи, и нищіе, и пьяные опричники. Но они утѣшались пословицей, что какъ надъ съ барышомъ уголъ объ уголъ живутъ, и не переставали ѣздить въ слободу, говоря: „Богъ милостивъ, авось доѣдемъ.“ И неизвѣстно какъ оно случалось, но только на повѣрку всегда выходило, что купцы оставались въ барышахъ.

Въ Троицкой Лаврѣ Серебряный исповѣдался и причастился. То же сдѣлали и его холопи. Архимандритъ, прощаясь съ Никитой Романовичемъ, благословилъ его какъ идущаго на вѣрную смерть.

Верстахъ въ трехъ отъ слободы стояла на заставѣ воинская стража и останавливала проѣзжихъ, спрашивая каждаго кто онъ и зачѣмъ ѣдетъ въ *неволю*? Этимъ прозваніемъ народъ, въ насмѣшку, замѣнилъ слово: слобода, значившее въ прежнее время свободу. Серебряный и холопи его также выдержали подробный допросъ о цѣли ихъ пріѣзда. Потомъ начальный человѣкъ отобралъ отъ нихъ оружіе, и четыре опричника сѣли на-конь проводить пріѣзжихъ. Вскорѣ показались вдали крашеныя главы и причудливыя, золоченыя крыши царскаго дворца. Вотъ что говоритъ объ этомъ дворцѣ нашъ историкъ, по свидѣтельству чужеземныхъ современниковъ Іоанна.

„Въ семъ грозно-увеселительномъ жилищѣ, Іоаннъ посвящалъ бо́льшую часть времени церковной службѣ, чтобы

непрестанною дѣятельностью успокоить душу. Онъ хотѣлъ даже обратить дворецъ въ монастырь, а любимцевъ своихъ въ иноковъ: выбралъ изъ опричниковъ 300 человѣкъ, самыхъ злѣйшихъ, назвалъ ихъ братіею, себя игуменомъ, князя Аѳанасія Вяземскаго келаремъ, Малюту Скуратова параклисіархомъ; далъ имъ тафьи или скуфейки и черныя рясы, подъ коими носили они, богатые, золотомъ блестящіе кафтаны, съ собольею опушкою; сочинилъ для нихъ уставъ монашескій, и служилъ примѣромъ въ исполненіи онаго. Такъ описываютъ сію монастырскую жизнь Іоаннову. Въ четвертомъ часу утра онъ ходилъ на колокольню съ царевичами и Малютою Скуратовымъ благовѣстить къ заутренѣ, братья спѣшили въ церковь, кто не являлся, того наказывали осмидневнымъ заключеніемъ. Служба продолжалась до шести или семи часовъ. Царь пѣлъ, читалъ, молился столь ревностно, что на лбу всегда оставались у него знаки крѣпкихъ земныхъ поклоновъ. Въ восемь часовъ опять собирались къ обѣднѣ, а въ десять садились за братскую трапезу, всѣ, кромѣ Іоанна, который, стоя, читалъ вслухъ душеспасительныя наставленія. Между тѣмъ братья ѣли и пили до-сыта; всякій день казался праздникомъ: не жалѣли ни вина, ни меду; остатокъ трапезы выносили изъ дворца на площадь для бѣдныхъ. Игуменъ, то-есть царь, обѣдалъ послѣ, бесѣдовалъ съ любимцами о законѣ, дремалъ, или ѣхалъ въ темницу пытать какого-нибудь несчастнаго. Казалось, что сіе ужасное зрѣлище забавляло его: онъ возвращался съ видомъ сердечнаго удовольствія; шутилъ, говаривалъ тогда веселѣе обыкновеннаго. Въ восемь часовъ шли къ вечернѣ; въ десятомъ Іоаннъ уходилъ въ спальню, гдѣ трое слѣпыхъ разказывали ему сказки; онъ слушалъ ихъ и засыпалъ, но не надолго: въ полночь вставалъ, и день его начинался молитвою! Иногда докладывали ему въ церкви о дѣлахъ государственныхъ; иногда самыя жестокія повелѣнія давалъ Іоаннъ во время заутрени, или обѣдни. Единообразіе сей жизни онъ прерывалъ такъ-называемыми объѣздами, посѣщалъ монастыри, и ближніе, и дальніе, осматривалъ крѣпости на границѣ, ловилъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и пустыняхъ; любилъ въ особенности медвѣжью травлю; между тѣмъ вездѣ и всегда занимался дѣлами: ибо земскіе бояре, мнимо уполномоченные правители государства не смѣли ничего рѣшить безъ его воли!“

Въѣхавъ въ слободу, Серебряный увидѣлъ, что дворецъ или монастырь государевъ отдѣленъ отъ прочихъ зданій глубокимъ рвомъ и валомъ. Трудно описать великолѣпіе и разнообразіе этой обители. Ни одно окно не походило на другое, ни одинъ столбъ не равнялся съ другимъ узорами, или краской. Множество главъ вѣнчали зданіе. Онѣ тѣснились одна возлѣ другой, громоздились одна на другую, и сквозили, и пузырились. Золото, серебро, цвѣтные изразцы, какъ блестящая чешуя, покрывали дворецъ съ верху до низу. Когда солнце его освѣщало, нельзя было издали догадаться, дворецъ ли это, или кустъ цвѣтовъ исполинскихъ, или то жаръ птицы слетѣлись въ густую стаю и распустили на солнцѣ свои огненныя перья?

Не далеко отъ дворца стоялъ печатный дворъ, съ принадлежащею къ нему словолитней, съ жилищемъ наборщиковъ и съ особымъ помѣщеніемъ для иностранныхъ мастеровъ, выписанныхъ Іоанномъ изъ Англіи и Германіи. Далѣе тянулись безконечныя дворцовыя службы, въ которыхъ жили ключники, подключники, сытники, повара, хлѣбники, конюхи, псари, сокольники и всякіе дворовые люди на всякій обиходъ.

Не малымъ богатствомъ сіяли слободскія церкви. Славный храмъ Богоматери покрытъ былъ снаружи яркою живописью; на каждомъ кирпичѣ блестѣлъ крестъ, и церковь казалась одѣтою въ золотую сѣтку.

Очаровательный видъ этотъ разогналъ на время черныя мысли, которыя не оставляли Серебрянаго во всю дорогу. Но вскорѣ непріятное зрѣлище напомнило князю его положеніе. Они проѣхали мимо нѣсколькихъ висѣлицъ, стоявшихъ одна подлѣ другой. Тутъ же были срубы съ плахами и готовыми топорами. Срубы и висѣлицы, окрашенныя черною краской, были выстроены крѣпко и прочно, не на день, не на годъ, а на многія лѣта.

Какъ ни безстрашенъ бываетъ человѣкъ, онъ никогда не равнодушенъ къ мысли, что его ожидаетъ близкая смерть, не славная смерть среди стука мечей или грома орудій, но темная и постыдная, отъ рукъ презрѣннаго палача. Видно, Серебряный, проѣзжая мимо мѣста казней, не умѣлъ подавить внутренняго волненія, и оно невольно отразилось на впечатлительномъ лицѣ его; вожатые посмотрѣли на князя и усмѣхнулись.

— Это наши качели, бояринъ, промолвилъ одинъ изъ нихъ, указывая на висѣлицы;—видно они приглянулись тебѣ, что ты съ нихъ глазъ не сводишь!

Михеичъ, ѣхавшій позади, не сказалъ ничего, но только посвистѣлъ и покачалъ головою.

Подъѣхавъ къ валу, князь и товарищи его спѣшились и привязали лошадей къ столбамъ, въ которые нарочно для того были ввинчены кольца. Пріѣзжіе вошли на огромный дворъ, наполненный нищими. Они громко молились, распѣвали псалмы и обнажали свои отвратительныя язвы. Царскій дворецкій, стоя на ступеняхъ крыльца, раздавалъ имъ отъ имени Іоанна яства и денежныя дачи. Время отъ времени по двору прохаживались опричники. Другіе сидѣли на скамьяхъ и играли въ шахматы, или въ зернь. Такъ называли тогда игру въ кости. Иные, собравшись въ кружокъ, бросали свайку и громко смѣялись, когда проигравшій нѣсколько разъ сряду вытаскивалъ изъ земли глубоко всаженную *рѣдьку*. Одежда опричниковъ представляла разительную противоположность съ лохмотьями нищихъ. Царскіе тѣлохранители блистали золотомъ. На каждомъ изъ нихъ была бархатная, или парчевая тафья, усаженная жемчугомъ и дорогими каменьями и всѣ они казались живыми украшеніями волшебнаго дворца, съ которымъ составляли какъ бы одно цѣлое.

Одинъ изъ опричниковъ особенно привлекъ вниманіе Серебрянаго. То былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, необыкновенной красоты, но съ непріятнымъ, наглымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ онъ былъ богаче другихъ, носилъ, въ противность обычаю, длинные волосы, бороды не имѣлъ вовсе, а въ пріемахъ выказывалъ какую-то женоподобную небрежность. Обращеніе съ нимъ товарищей также было довольно странно. Они съ нимъ говорили какъ съ равнымъ и не оказывали ему особенной почтительности; но когда онъ подходилъ къ какому-нибудь кружку, то кружокъ раздвигался, а сидѣвшіе на лавкахъ вставали и уступали ему мѣсто. Казалось, его берегли, или, можетъ-быть, опасались. Увидя Серебрянаго и Михеича, онъ окинулъ ихъ надменнымъ взглядомъ, подозвалъ провожатыхъ и, казалось, освѣдомился объ имени пріѣзжихъ. Потомъ онъ прищурился на Серебрянаго, усмѣхнулся и шепнулъ что-то товарищамъ. Тѣ также усмѣхнулись и разошлись

въ разныя стороны. Самъ онъ взошелъ на крыльцо и, облокотясь на перилы, продолжалъ насмѣшливо глядѣть на Никиту Романовича. Вдругъ между нищими сдѣлалось волненіе. Густая толпа отхлынула прямо на князя и чуть не сбила его съ ногъ. Нищіе съ крикомъ бѣжали отъ дворца, ужасъ изображался на ихъ лицахъ. Князь удивился, но вскорѣ понялъ причину общаго испуга. Огромный медвѣдь скокомъ преслѣдовалъ нищихъ. Въ одно мгновеніе дворъ опустѣлъ и князь остался одинъ, глазъ на глазъ съ медвѣдемъ. Мысль о бѣгствѣ не пришла ему въ голову. Серебряный не разъ ходилъ на медвѣдя одинъ на одинъ. Эта охота была его забавой. Онъ остановился, и въ то мгновеніе какъ медвѣдь, прижавъ уши къ затылку, подвалился къ нему, загребая его лапами, князь сдѣлалъ движеніе чтобы выхватить саблю. Но сабли не было! Онъ забылъ, что отдалъ ее опричникамъ передъ въѣздомъ въ *неволю*. Молодой человѣкъ глядѣвшій съ крыльца захохоталъ.—Такъ, такъ сказалъ онъ,—ищи своей сабли!

Одинъ ударъ медвѣжьей лапы свалилъ князя на землю, другой своротилъ-бы ему черепъ, но къ удивленію своему, князь не принялъ втораго удара, и почувствовалъ что его обдала струя теплой крови.

— Вставай, бояринъ! сказалъ кто-то подавая ему руку.

Князь всталъ и увидѣлъ незамѣченнаго имъ прежде опричника, лѣтъ семнадцати, съ окровавленною саблей въ рукѣ. Медвѣдь съ разрубленною головой, лежалъ на спинѣ и, махая лапами, издыхалъ у ногъ его.

Опричникъ, казалось, не гордился своею побѣдой. Кроткое лицо его являло отпечатокъ глубокой грусти. Увѣрившись что медвѣдь не сломалъ князя и не дожидаясь спасиба, онъ хотѣлъ отойдти.

— Добрый молодецъ! сказалъ ему Серебряный, назовись по имени-прозвищу, чтобы зналъ я за кого Богу помолиться!

— Что тебѣ до моего прозвища, бояринъ! отвѣчалъ опричникъ.—Не люблю я его, Богъ съ нимъ!

Такой странный отвѣтъ удивилъ Серебрянаго, но избавитель его уже удалился.

— Ну, батюшка, Никита Романычъ, сказалъ Михеичъ, обтирая полою кафтана медвѣжью кровь съ князя,—набрал-

ся же я страху! Ужь я, батюшка, кричалъ медвѣдю: гу! гу! чтобы бросилъ онъ тебя, да на меня бы навалился, какъ этотъ молодецъ, дай Богъ ему здоровья, черепъ ему раскроилъ. А вѣдь все это затѣялъ вонъ тотъ голобородый съ масляными глазами, что̀ съ крыльца смотритъ, тетка его подкурятина! Да куда мы заѣхали, прибавилъ Михеичъ шепотомъ; виданное ли это дѣло, чтобы среди царскаго двора медвѣдей съ цѣпей спускали?

Замѣчаніе Михеича было основательно, но слобода имѣла свои обычаи, и ничто не происходило въ ней обыкновеннымъ порядкомъ.

Царь любилъ звѣриный бой. Нѣсколько медвѣдей всегда кормились въ желѣзныхъ клѣткахъ на случай травли. Но время отъ времени Іоаннъ, или опричники его, выпускали звѣрей изъ клѣтокъ, драли ими народъ и потѣшались его страхомъ. Если медвѣдь кого увѣчилъ, царь награждалъ того деньгами. Если же медвѣдь задиралъ кого до смерти, то деньги выдавались его роднымъ, а онъ вписывался въ синодикъ для поминовенія по монастырямъ вмѣстѣ съ прочими жертвами царской потѣхи, или царскаго гнѣва.

Вскорѣ вышли изъ дворца два стольника и сказали Серебряному, что царь видѣлъ его изъ окна и хочетъ знать кто онъ таковъ? Передавъ царю имя князя, стольники опять возвратились и сказали, что царь-де спрашиваетъ тебя о здоровьи и велѣлъ-де тебѣ сегодня быть у его царскаго стола.

Эта милость не совсѣмъ обрадовала Серебрянаго. Іоаннъ можетъ-быть не зналъ еще о ссорѣ его съ опричниками въ деревнѣ Медвѣдевкѣ. Можетъ-быть также (и это случалось довольно часто), царь скрывалъ на время гнѣвъ свой подъ личиною милости, дабы внезапное наказаніе, среди пира и веселья, показалось виновному тѣмъ ужаснѣе. Какъ бы то ни было, Серебряный приготовился ко всему и мысленно прочиталъ молитву.

Этотъ день былъ исключеніемъ въ Александровой слободѣ. Царь, готовясь ѣхать въ Суздаль на богомолье, объявилъ заранѣ что будетъ обѣдать вмѣстѣ съ братіей, и приказалъ звать къ столу, кромѣ трехъсотъ опричниковъ, составлявшихъ его всегдашнее общество, еще четыреста, такъ что всѣхъ званыхъ было семьсотъ человѣкъ.

ГЛАВА VIII.

Пиръ.

Въ огромной двусвѣтной палатѣ, между узорчатыми расписными столбами, стояли длинные столы въ три ряда. Въ каждомъ ряду было по десяти столовъ, на каждомъ столѣ по двадцати приборовъ. Для царя, царевича и ближайшихъ любимцевъ стояли особые столы въ концѣ палаты. Гостямъ были приготовлены длинныя скамьи, покрытыя парчею и бархатомъ; государю высокія рѣзныя кресла, убранныя жемчужными и алмазными кистями. Два льва замѣняли ножки креселъ, а спинку образовалъ двуглавый орелъ съ подъятыми крыльями, золоченый и раскрашенный. Въ серединѣ палаты стоялъ огромный четвероугольный столъ, съ поставомъ изъ дубовыхъ досокъ. Крѣпки были толстыя доски, крѣпки точеные столбы, на коихъ покоился столъ; имъ надлежало поддерживать цѣлую гору серебряной и золотой посуды. Тутъ были и тазы литые, которые четыре человѣка съ трудомъ подняли бы за узорчатыя ручки, и тяжелые ковши, и кубки, усыпанные жемчугомъ, и блюда разныхъ величинъ съ чеканными узорами. Тутъ были и чары сердоликовыя и кружки изъ строфокамиловыхъ яицъ, и турьи рога оправленные въ золото. А между блюдами и ковшами стояли золотые кубки, страннаго вида, представлявшіе медвѣдей, львовъ, пѣтуховъ, павлиновъ, журавлей, единороговъ и строфокамиловъ. И всѣ эти тяжелыя блюда, суды, ковши, чары, черпала, звѣри и птицы громоздились кверху клинообразнымъ зданіемъ, котораго конецъ упирался почти въ самый потолокъ.

Чинно вошла въ палату блестящая толпа царедворцевъ и размѣстилась по скамьямъ. На столахъ, въ это время, кромѣ солонокъ, перечницъ и уксусницъ не было никакой посуды, а изъ яствъ стояли только блюда холоднаго мяса

на постномъ маслѣ, соленые огурцы, сливы и кислое молоко въ деревянныхъ чашахъ.

Опричники усѣлись, но не начинали обѣда, ожидая государя.

Вскорѣ стольники, попарно, вошли въ палату и стали у царскихъ креселъ; за стольниками шествовали дворецкій и кравчій.

Наконецъ загремѣли трубы, зазвенѣли дворцовые колокола и, медленнымъ шагомъ, вошелъ самъ царь, Иванъ Васильевичъ.

Онъ былъ высокъ, строенъ и широкоплечъ. Длинная парчевая одежда его, испещренная узорами, была окаймлена вдоль разрѣза и вокругъ подола жемчугомъ и дорогими каменьями. Драгоцѣнное перстяное ожерелье украшалось финифтивыми изображеніями Спасителя, Богоматери, апостоловъ и пророковъ. Большой узорный крестъ висѣлъ у него на шеѣ на золотой цѣпи. Высокіе каблуки красныхъ сафьянныхъ сапоговъ были окованы серебряными скобами. Страшную перемѣну увидѣлъ въ Іоаннѣ Никита Романовичъ. Правильное лицо все еще было прекрасно; но черты обозначились рѣзче, орлиный носъ сталъ какъ-то круче, глаза горѣли мрачнымъ огнемъ, и на челѣ явились морщины, которыхъ не было прежде. Всего болѣе поразили князя рѣдкіе волосы въ бородѣ и усахъ. Іоанну было отъ роду тридцать пять лѣтъ; но ему казалось за-сорокъ. Выраженіе лица его совершенно измѣнилось. Такъ измѣняется зданіе послѣ пожара. Еще стоятъ хоромы, но украшенія упали, мрачныя окна глядятъ зловѣщимъ взоромъ, и въ пустыхъ покояхъ поселилось недоброе.

Со всѣмъ тѣмъ, когда Іоаннъ взиралъ милостиво, взглядъ его еще былъ привлекателенъ. Улыбка его очаровывала даже тѣхъ, которые хорошо его знали и гнушались его злодѣяніями. Съ такою счастливою наружностью Іоаннъ соединялъ необыкновенный даръ слова. Случалось, что люди добродѣтельные, слушая царя, убѣждались въ необходимости ужасныхъ его мѣръ и вѣрили, пока онъ говорилъ, справедливости его казней.

Съ появленіемъ Іоанна всѣ встали и низко поклонились ему. Царь медленно прошелъ между рядами столовъ до своего мѣста, остановился и, окинувъ взоромъ собраніе, поклонился на всѣ стороны; потомъ прочиталъ вслухъ

длинную молитву, перекрестился, благословилъ трапезу и опустился въ кресла. Всѣ, кромѣ кравчаго и шести стольниковъ, послѣдовали его примѣру.

Множество слугъ, въ бархатныхъ кафтанахъ фіялковаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ, стали передъ государемъ, поклонились ему въ поясъ, и по два въ рядъ отправились за кушаньемъ. Вскорѣ они возвратились, неся сотни двѣ жареныхъ лебедей на золотыхъ блюдахъ.

Этимъ начался обѣдъ.

Серебряному пришлось сидѣть не далеко отъ царскаго стола, вмѣстѣ съ земскими боярами, то-есть съ такими, которые не принадлежали къ опричинѣ, но по высокому сану своему, удостоились на этотъ разъ обѣдать съ государемъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Серебряный зналъ до отъѣзда своего въ Литву. Онъ могъ видѣть съ своего мѣста и самаго царя, и всѣхъ бывшихъ за его столомъ. Грустно, сдѣлалось Никитѣ Романовичу, когда онъ сравнилъ Іоанна, оставленнаго имъ пять лѣтъ тому назадъ, съ Іоанномъ, сидящимъ нынѣ въ кругу новыхъ любимцевъ.

Никита Романовичъ обратился съ вопросомъ къ своему сосѣду, одному изъ тѣхъ, съ которыми онъ былъ знакомъ прежде.

— Кто этотъ отрокъ, что сидитъ по правую руку царя, такой блѣдный и пасмурный?

— Это царевичъ Іоаннъ Іоанновичъ, отвѣчалъ бояринъ, и оглянувшись по сторонамъ, прибавилъ шепотомъ:

— Помилуй насъ Господи! Не въ дѣда онъ пошелъ, а въ батюшку, и не по младости исполнено его сердце свирѣпства; не будетъ намъ утѣхи отъ его царствованья!

— А этотъ молодой черноглазый, въ концѣ стола, съ такимъ привѣтливымъ лицомъ? Черты его мнѣ знакомы, но не припомню гдѣ я его видѣлъ?

— Ты видѣлъ его, князь, пять лѣтъ тому, рындою при дворѣ государя; только далеко ушелъ онъ съ тѣхъ поръ и далеко уйдетъ еще; это Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, любимый совѣтникъ царскій. Видишь, продолжалъ бояринъ, понижая голосъ, видишь возлѣ него этого широкоплечаго, рыжаго, что ни на кого не смотритъ, а убираетъ себѣ лебедя, нахмуря брови? Знаешь ли кто это? Это Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій, по прозванію Малюта. Онъ и другъ, и поплечникъ, и палачъ государевъ. Здѣсь же,

въ монастырѣ, онъ сдѣланъ, прости Господи, параклисіархомъ. Кажется, государь безъ него ни шагу; а скажи только слово Борисъ Ѳедорычъ, такъ выйдетъ не по Малютину, а по Борисову!—А вонъ тамъ, этотъ молоденькій, словно красная дѣвица, что̀ царю наряжаетъ вина, это Ѳедоръ Алексѣичъ Басмановъ.

— Этотъ? спросилъ Серебряный, узнавая женоподобнаго юношу, котораго наружность поразила его на царскомъ дворѣ, а неожиданная шутка чуть не стоила ему жизни.

— Онъ самый. Ужь какъ царь-то любитъ его; кажется, и жить безъ него не можетъ; а случись дѣло какое, у кого совѣта спросятъ? Не у него, а у Бориса!

— Да, сказалъ Серебряный, вглядываясь въ Годунова,— теперь припоминаю его. Не ѣздилъ ли онъ у царскаго саадака?

— Такъ, князь. Онъ точно былъ у саадака. Кажется, должность незнатная, какъ тутъ показать себя? Только случилось разъ, затѣяли на охотѣ изъ лука стрѣлять. А былъ тутъ ханскій посолъ Девлетъ-Мурза. Тотъ, что̀ ни пуститъ стрѣлу, такъ и всадитъ ее въ татарскую шляпу, что̀ поставили на шестѣ, ступней во̀ сто отъ царской ставки. Дѣло-то было ужь послѣ обѣда, и много ковшей уже прошло кругомъ стола. Вотъ всталъ Иванъ Васильичъ да и говоритъ:—Подайте мнѣ мой лукъ, и я не хуже татарина попаду!—А татаринъ-то обрадовался:—Попади, бачка-царь! говоритъ; моя пошла тысяча лошадей табунъ, а твоя что̀ пошла? то-есть по нашему, во что̀ ставишь закладъ свой? — Идетъ городъ Рязань! сказалъ царь и повторилъ: —Подайте мой лукъ!—Бросился Борисъ къ коновязи, гдѣ стоялъ конь съ саадакомъ, вскочилъ въ сѣдло, только видимъ мы, бьется подъ нимъ конь, вздымается на дыбы, да вдругъ какъ пустится, закусивъ удила, такъ и пропалъ съ Борисомъ. Черезъ четверть часа вернулся Борисъ, и колчанъ и налучье изорваны, лукъ пополамъ, стрѣлы всѣ разсыпались, самъ Борисъ съ разбитою головой. Соскочилъ съ коня да и въ ноги царю:—виноватъ, государь, не смогъ коня удержать, не соблюлъ твоего саадака!—А у царя, вишь, межь тѣмъ хмѣль-то ужь выходить началъ.—Ну, говоритъ,— не быть же болѣ тебѣ, неучу, при моемъ саадакѣ, а изъ чужаго лука стрѣлять не стану!—Съ этого дня пошелъ Борисъ въ гору, да посмотри, князь, куда уйдетъ еще!

И что̀ это за человѣкъ, продолжалъ бояринъ, глядя на Годунова, никогда не суется впередъ, а всегда тутъ; никогда не прямитъ, не перечитъ царю, идетъ себѣ окольнымъ путемъ, ни въ какое кровавое дѣло не замѣшанъ, ни къ чьей казни не причастенъ. Кругомъ его кровь такъ и хлещетъ, а онъ себѣ и чистъ, и бѣлъ какъ младенецъ, даже и въ опричнину не вписанъ. Вонъ тотъ, продолжалъ онъ, указывая на человѣка съ недоброю улыбкой, то Алексѣй Басмановъ, отецъ Ѳедора, а тамъ, подалѣ, Василій Грязной, а вонъ тамъ отецъ Левкій, Чудовскій архимандритъ; прости ему Господи грѣхи его; не пастырь онъ церковный, угодникъ страстей мірскихъ!

Серебряный слушалъ съ любопытствомъ и съ горестью.

— Скажи, бояринъ, спросилъ онъ,—кто этотъ высокій кудрявый, лѣтъ тридцати, съ черными глазами? Вотъ ужь онъ четвертый кубокъ осушилъ, одинъ за другимъ, да еще какіе кубки! Здоровъ онъ пить, нечего сказать, только вино ему, будто не на радость. Смотри какъ онъ нахмурился, а глаза-то горятъ словно молонья. Да что̀ онъ съ ума сошелъ? Смотри, какъ скатерть ножемъ поретъ!

— Этого-то, князь, ты кажись бы, долженъ знать; этотъ былъ изъ нашихъ. Правда, перемѣнился онъ съ тѣхъ поръ какъ всему боярству на срамъ, въ опричники пошелъ! Это князь Аѳанасій Иванычъ Вяземскій. Онъ будетъ всѣхъ ихъ удалѣе, только не вынести ему головы! Какъ прикочнулась къ его сердцу зазнобушка, сдѣлался онъ самъ не свой. И не видитъ ничего, и не слышитъ, и одинъ съ собою разговариваетъ, словно помѣшанный, и при царѣ держитъ такія рѣчи, что индо страшно. Но до сихъ поръ ему все съ рукъ сходило; жалѣетъ его государь. А говорятъ, онъ по любви и въ опричники-то вписался.

И бояринъ нагнулся къ Серебряному, желая, вѣроятно, разказать ему подробнѣе про Вяземскаго, но въ это время подошелъ къ нимъ стольникъ и сказалъ, ставя передъ Серебрянымъ блюдо жаркаго:

— Никита-ста! Великій государь жалуетъ тебя блюдомъ съ своего стола.

Князь всталъ и, слѣдуя обычаю, низко поклонился царю.

Тогда всѣ, бывшіе за однимъ столомъ съ княземъ, также встали и поклонились Серебряному, въ знакъ поздравленія

съ царскою милостью. Серебряный долженъ былъ каждаго отблагодарить особымъ поклономъ.

Между тѣмъ стольникъ возвратился къ царю и сказалъ ему, кланяясь въ поясъ:

— Великій государь! Никиста-ста принялъ блюдо, челомъ бьетъ!

Когда съѣли лебедей, слуги вышли, попарно, изъ палаты и возвратились съ тремя сотнями жареныхъ павлиновъ, которыхъ распущенные хвосты качались подъ каждымъ блюдомъ, въ видѣ опахала. За павлинами слѣдовали кулебяки, курники, пироги съ мясомъ и съ сыромъ, блины всѣхъ возможныхъ родовъ, кривые пирожки и аладьи. Пока гости кушали, слуги разносили ковши и кубки съ медами: вишнёвымъ, можжевеловымъ и черемховымъ. Другіе подавали разныя иностранныя вина: романею, рейнское и мушкатель. Особые стольники ходили взадъ и впередъ между рядами, чтобы смотрѣть и всказывать въ столы.

Напротивъ Серебрянаго сидѣлъ одинъ старый бояринъ, на котораго царь, какъ поговаривали, держалъ гнѣвъ. Бояринъ предвидѣлъ себѣ бѣду, но не зналъ какую, и ожидалъ спокойно своей участи. Къ удивленію всѣхъ, кравчій Ѳедоръ Басмановъ изъ своихъ рукъ поднесъ ему чашу вина.

— Василій-су! сказалъ Басмановъ,—великій государь жалуетъ тебя чашею!

Старикъ всталъ, поклонился Іоанну и выпилъ вино, а Басмановъ, возвратясь къ царю, донесъ ему:

— Василій-су выпилъ чашу, челомъ бьетъ!

Всѣ встали и поклонились старику; ожидали себѣ и его поклона, но бояринъ стоялъ неподвижно. Дыханіе его сперлось, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Внезапно глаза его налились кровью, лицо посинѣло и онъ грянулся о земь.

— Бояринъ пьянъ, сказалъ Иванъ Васильевичъ, вынести его вонъ! Шопотъ пробѣжалъ по собранію, а земскіе бояре переглянулись и потупили очи въ свои тарелки, не смѣя вымолвить ни слова.

Серебряный содрогнулся. Еще недавно не вѣрилъ онъ разказамъ о жестокости Іоанна, теперь же самъ сдѣлался свидѣтелемъ его ужасной мести.

Ужь не ожидаетъ ли и меня такая же участь? подумалъ онъ. Между тѣмъ старика вынесли, и обѣдъ продолжался,

какъ будто ничего не случилось. Гусли звучали, колокола гудѣли, царедворцы громко разговаривали и смѣялись. Слуги, бывшіе въ бархатной одеждѣ, явились теперь всѣ въ парчевыхъ доломанахъ. Эта перемѣна платья составляла одну изъ роскошей царскихъ обѣдовъ. На столы поставили сперва разные студени; потомъ журавлей съ прянымъ зельемъ, разсольныхъ пѣтуховъ съ имбиремъ, безкостныхъ курицъ и утокъ съ огурцами. Потомъ принесли разныя похлебки и трехъ родовъ уху: курячью бѣлую, курячью черную и курячью шафранную. За ухою подали рябчиковъ со сливами, гусей со пшеномъ и тетерекъ съ шафраномъ.

Тутъ наступилъ прогулъ, въ продолженіи котораго разносили гостямъ меды, смородинный, княжій и боярскій, а изъ винъ: аликантъ, бастръ и малвазію.

Разговоры становились громче, хохотъ раздавался чаще, головы кружились. Серебряный, всматриваясь въ лица опричниковъ, увидѣлъ за отдаленнымъ столомъ молодаго человѣка, который нѣсколько часовъ передъ тѣмъ спасъ его отъ медвѣдя. Князь спросилъ объ немъ у сосѣдей, но никто изъ земскихъ не зналъ его. Молодой опричникъ, облокотясь на столъ и опустивъ голову на руки, сидѣлъ въ задумчивости и не участвовалъ въ общемъ весельи. Князь хотѣлъ было обратиться съ вопросомъ къ проходившему слугѣ, но вдругъ услышалъ за собой:

— Никита-ста! Великій государь жалуетъ тебя чашею!

Серебряный вздрогнулъ. За нимъ стоялъ, съ наглою усмѣшкой, Ѳедоръ Басмановъ и подавалъ ему чашу.

Не колеблясь ни минуты, князь поклонился царю и осушилъ чашу до капли. Всѣ на него смотрѣли съ любопытствомъ, онъ самъ ожидалъ неминуемой смерти и удивился, что не чувствуетъ дѣйствій отравы. Вмѣсто дрожи и холода, благотворная теплота пробѣжала по его жиламъ и разогнала на лицѣ его невольную блѣдность. Напитокъ присланный царемъ былъ старый и чистый бастръ. Серебряному стало ясно, что царь или отпустилъ вину его, или не знаетъ еще объ обидѣ опричины.

Уже болѣе четырехъ часовъ продолжалось веселье, а столъ былъ только во полу-столѣ. Отличился въ этотъ день царскіе повара. Никогда такъ не удавались имъ лимонныя кальи, верченыя почки и караси съ бараниной. Особенное

удивленіе возбуждали исполинскія рыбы, пойманныя въ Студеномъ морѣ и присланныя въ слободу изъ Соловецкаго монастыря. Ихъ привезли живыхъ, въ огромныхъ бочкахъ; путешествіе продолжалось нѣсколько недѣль. Рыбы эти едва умѣщались на серебряныхъ и золотыхъ тазахъ, которые вносили въ столовую нѣсколько человѣкъ разомъ. Затѣйливое искусство поваровъ выказывалось тутъ въ полномъ блескѣ. Осетры и шевриги были такъ надрѣзаны, такъ посажены на блюда, что походили на пѣтуховъ съ простертыми крыльями, на крылатыхъ зміевъ съ разверзтыми пастями. Хороши и вкусны были также зайцы въ лапшѣ, и гости, какъ уже не нагрузились, но не пропустили ни перепеловъ съ чесночною подливкой, ни жаворонковъ съ лукомъ и шафраномъ. Но вотъ, по знаку стольниковъ, убрали со столовъ соль, перецъ и уксусъ и сняли всѣ мясныя и рыбныя яства. Слуги вышли по два въ рядъ, и возвратились въ новомъ убранствѣ. Они замѣнили парчевые доломаны лѣтними кунтушами изъ бѣлаго аксамита съ серебрянымъ шитьемъ и собольею опушкой. Эта одежда была еще красивѣе и богаче двухъ первыхъ. Убранные такимъ образомъ, они внесли въ палату сахарный кремль, въ пять пудовъ вѣсу, и поставили его на царскій столъ. Кремль этотъ былъ вылитъ очень искусно. Зубчатыя стѣны и башни, и даже пѣшіе и конные люди были тщательно отдѣланы. Подобные кремли, но только поменьше, пуда въ три, не болѣе, украсили другіе столы. Вслѣдъ за кремлями внесли около сотни золоченыхъ и крашеныхъ деревьевъ, на которыхъ, вмѣсто плодовъ, висѣли пряники, коврижки и сладкіе пирожки. Въ то же время явились на столахъ львы, орлы и всякія птицы литыя изъ сахара. Между городами и птицами возвышались груды яблоковъ, ягодъ и волошскихъ орѣховъ. Но плодовъ никто уже не трогалъ, всѣ были сыты. Иные допивали кубки романеи, болѣе изъ приличія, чѣмъ отъ жажды, другіе дремали, облокотясь на столъ; многіе лежали подъ лавками, всѣ безъ исключенія распоясались и разстягнули кафтаны. Нравъ каждаго обрисовался яснѣе.

Царь почти вовсе не ѣлъ. Въ продолженіи стола онъ много разсуждалъ, шутилъ и милостиво говорилъ съ своими окольными. Лицо его не измѣнилось въ концѣ обѣда. То же можно было сказать и о Годуновѣ. Борисъ Ѳедоровичъ,

казалось, не отказывался ни отъ лакомаго блюда, ни отъ братины крѣпкаго вина; онъ былъ веселъ, занималъ царя и любимцевъ его умнымъ разговоромъ, но ни разу не забывался. Черты Бориса являли теперь, какъ и въ началѣ обѣда, смѣсь проницательности, обдуманнаго смиренія и увѣренности въ самомъ себѣ. Окинувъ быстрымъ взоромъ толпу пьяныхъ и сонныхъ царедворцевъ, молодой Годуновъ неприметно улыбнулся, и презрѣніе мелькнуло на лицѣ его.

Царевичъ Іоаннъ пилъ много, ѣлъ мало, молчалъ, слушалъ, и вдругъ перебивалъ говорящаго нескромною, или обидною шуткой. Болѣе всѣхъ доставалось отъ него Малютѣ Скуратову, хотя Григорій Лукьяновичъ не похожъ былъ на человѣка способнаго сносить насмѣшки. Наружность его вселяла ужасъ въ самыхъ не робкихъ. Лобъ его былъ низокъ и сжатъ, волосы начинались почти надъ бровями; скулы и челюсти, напротивъ, были несоразмѣрно развиты, черепъ, спереди узкій, переходилъ безъ всякой постепенности въ какой-то широкій котелъ къ затылку, а за ушами были такія выпуклости, что уши казались впалыми. Глаза неопредѣленнаго цвѣта не смотрѣли ни на кого прямо, но страшно дѣлалось тому, кто нечаянно встрѣчалъ ихъ тусклый взглядъ. Казалось, никакое великодушное чувство, никакая мысль, выходящая изъ круга животныхъ побужденій, не могла проникнуть въ этотъ узкій мозгъ, покрытый толстымъ черепомъ и густою щетиной. Въ выраженіи этого лица было что-то неумолимое и безнадежное. Глядя на Малюту, чувствовалось, что всякое стараніе отыскать въ немъ человѣческую сторону было бы напрасно. И подлинно, онъ нравственно уединилъ себя отъ всѣхъ людей, жилъ посреди ихъ особнякомъ, отказался отъ всякой дружбы, отъ всякихъ пріязненныхъ отношеній, пересталъ быть человѣкомъ и сдѣлалъ изъ себя царскую собаку, готовую растерзать безъ разбора всякаго на кого Іоанну ни вздумалось бы натравить ее.

Единственною свѣтлою стороной Малюты казалась горячая любовь его къ сыну, молодому Максиму Скуратову, но то была любовь дикаго звѣря, любовь безсознательная, хотя и доходившая до самоотверженія. Ее усугубляло любочестіе Малюты. Происходя самъ отъ низкаго сословія, будучи человѣкомъ *худороднымъ*, онъ мучился завистью при видѣ блеска и знатности и хотѣлъ по крайней мѣрѣ возвысить свое

потомство, начиная съ сына своего. Мысль, что Максимъ, котораго онъ любилъ тѣмъ сильнѣе, что не зналъ другой родственной привязанности, будетъ всегда стоять въ глазахъ народа ниже тѣхъ гордыхъ бояръ, которыхъ онъ, Малюта, казнилъ десятками, приводила его въ бѣшенство. Онъ старался золотомъ достичь почестей, недоступныхъ ему по рожденію, и съ сугубымъ удовольствіемъ предавался убійствамъ: онъ мстилъ ненавистнымъ боярамъ, обогащаясь ихъ добычею, и возвышаясь въ милости царской, думалъ возвысить и возлюбленнаго сына. Но независимо отъ этихъ разчетовъ, кровь была для него потребностью и наслажденіемъ. Много душегубствъ совершилъ онъ своими руками, и лѣтописи разказываютъ, что иногда, послѣ казней, онъ собственноручно разсѣкалъ мертвыя тѣла топоромъ и бросалъ ихъ псамъ на съѣденіе. Чтобы довершить очеркъ этого лица, надобно прибавить, что несмотря на свою умственную ограниченность, онъ, подобно хищному звѣрю, былъ въ высшей степени хитеръ, въ бояхъ отличался отчаяннымъ мужествомъ, въ сношеніяхъ съ другими былъ мнителенъ, какъ всякій рабъ попавшій въ незаслуженную честь, и что никто не умѣлъ такъ помнить обиды какъ Малюта Григорій Лукьяновичъ Скуратовъ-Бѣльскій.

Таковъ былъ человѣкъ, надъ которымъ столь неосторожно издѣвался царевичъ.

Особенный случай подалъ Іоанну Іоанновичу поводъ къ насмѣшкамъ. Малюта, мучимый завистью и любочестіемъ, издавна домогался боярства; но царь, уважавшій иногда обычаи, не хотѣлъ унизить верховнаго русскаго сана въ лицѣ своего худороднаго любимца и оставлялъ происки его безъ вниманія. Скуратовъ рѣшился напомнить о себѣ Іоанну. Въ этотъ самый день, при выходѣ царя изъ опочивальни, онъ билъ ему челомъ, исчислилъ всѣ свои заслуги и въ награжденіе просилъ боярской шапки. Іоаннъ выслушалъ его терпѣливо, засмѣялся и назвалъ собакой. Теперь за столомъ, царевичъ напоминалъ Малютѣ о неудачной его челобитнѣ. Не напомнилъ бы о ней царевичъ, еслибы зналъ короче Григорья Лукьяновича!

Малюта молчалъ, становился блѣднѣе. Царь съ неудовольствіемъ замѣчалъ непріязненныя отношенія между Малютой и сыномъ. Чтобы перемѣнить разговоръ, онъ обратился къ Вяземскому.

— Аѳанасій, сказалъ онъ, полу-ласково, полу-насмѣшливо, долго ли тебѣ кручиниться! Не узнаю моего добраго опричника! Аль въ конецъ заѣла тебя любовь змѣя лютая!

— Вяземскій не опричникъ, замѣтилъ царевичъ. Онъ вздыхаетъ какъ красная дѣвица. Ты-бъ, государь-батюшка, велѣлъ надѣть на него сарафанъ да обрить ему бороду, какъ Ѳедькѣ Басманову, или приказалъ бы ему пѣть съ гусляpами. Гусли то ему, я чай, будутъ сподручнѣе сабли!

— Царевичъ! вскричалъ Вяземскій,—если бы тебѣ было годковъ пять поболѣ, да не былъ бы ты сынокъ государевъ, я бы за безчестіе позвалъ тебя къ Москвѣ на Троицкую площадь, мы помѣрялись бы съ тобой, и самъ Богъ разсудилъ бы, кому владѣть саблей, кому на гусляхъ играть!

— Аѳанасій! сказалъ строго царь. — Не забывай передъ кѣмъ рѣчь ведешь!

— Что жь, батюшка, господинъ Иванъ Васильевичъ, отвѣчалъ дерзко Вяземскій,—коли повиненъ я передъ тобой, вели мнѣ голову рубить, а царевичу не дамъ порочить себя.

— Нѣтъ, сказалъ, смягчаясь, Иванъ Васильевичъ, который за молодечество прощалъ Вяземскому его выходки,—рано Аѳонѣ голову рубить! Пусть еще послужитъ на царской службѣ. Я тебѣ, Аѳоня, лучше сказку скажу, что разказывалъ мнѣ прошлою ночью слѣпой Филька:

„Въ славномъ Ростовѣ, въ красномъ городѣ, проживалъ добрый молодецъ, Алеша Поповичъ. Полюбилась ему пуще жизни молодая княгиня, имени не припомню. Только была она, княгиня, замужемъ за старымъ Тугариномъ Зміевичемъ, и какъ ни бился Алеша Поповичъ, все только отказы отъ нея получалъ.—Не люблю-де тебя, добрый молодецъ; люблю одного мужа мово, милаго, стараго Зміевича.—Добро, сказалъ Алеша, полюбишь же ты и меня, бѣлая лебедушка!—Взялъ двѣнадцать слугъ своихъ добрыихъ, вломился въ теремъ Зміевича и увезъ его молоду жену.—Исполать тебѣ, добрый молодецъ, сказала жена,—что умѣлъ меня любить, умѣлъ и мечомъ добыть; и за то я тебя люблю пуще жизни, пуще свѣту, пуще стараго поганаго мужа мово Зміевича!“

— А что, Аѳоня, прибавилъ царь, пристально смотря на Вяземскаго,—какъ покажется тебѣ сказка слѣпаго Фильки?

Жадно слушалъ Вяземскій слова Ивана Васильевича. Запали они въ душу его, словно искры въ снопы овин-

ные, загорѣлась страсть въ груди его, запылали очи пожаромъ.

— Аѳанасій, продолжалъ царь,—я этими днями ѣду молиться въ Суздаль, а ты ступай на Москву къ боярину Дружинѣ Морозову, спроси его о здоровьѣ, скажи что я-де прислалъ тебя снять съ него мою опалу... Да возьми, прибавилъ онъ значительно,—возьми съ собой, для почету, поболѣ опричниковъ!

Серебряный видѣлъ, съ своего мѣста, какъ Вяземскій измѣнился въ лицѣ, и какъ дикая радость мелькнула на чертахъ его, но не слыхалъ онъ о чемъ шла рѣчь между княземъ и Иваномъ Васильевичемъ.

Кабы догадался Никита Романовичъ чему радуется Вяземскій, забылъ бы онъ близость государеву, сорвалъ бы со стѣны саблю острую, и разсѣкъ бы Вяземскому буйную голову. Погубилъ бы Никита Романовичъ и свою головушку, но спасли его на этотъ разъ гусли звонкія, колокола дворцовые и говоръ опричниковъ. Не узналъ онъ, чему радуется Вяземскій.

Наконецъ Іоаннъ всталъ. Всѣ царедворцы зашумѣли какъ пчелы потревоженныя въ ульѣ. Кто только могъ, поднялся на ноги, и всѣ поочередно стали подходить къ царю, получать отъ него сушеныя сливы, которыми онъ надѣлялъ братію изъ собственныхъ рукъ.

Въ это время сквозь толпу пробрался опричникъ, не бывшій въ числѣ пировавшихъ, и сталъ шептать что-то на ухо Малютѣ Скуратову. Малюта вспыхнулъ, и ярость изобразилась на лицѣ его. Она не скрылась отъ зоркаго глаза царя. Іоаннъ потребовалъ объясненія.

— Государь! вскричалъ Малюта,—дѣло неслыханное! Измѣна, бунтъ на твою царскую милость!

При словѣ измѣна, царь поблѣднѣлъ и глаза его засверкали.

— Государь, продолжалъ Малюта,—намѣдни послалъ я кругъ Москвы объѣздъ, для того, государь, такъ ли московскіе люди соблюдаютъ твой царскій указъ? Какъ вдругъ невѣдомый бояринъ съ холопями напалъ на объѣзжихъ людей. Многихъ убили до смерти, и больно изувѣчили моего стремяннаго. Онъ самъ здѣсь, стоитъ за дверьми, жестоко избитый! Прикажешь позвать?

Іоаннъ окинулъ взоромъ опричниковъ и на всѣхъ ли-

цахъ прочелъ гнѣвъ и негодованье. Тогда черты его приняли выраженіе какого-то страннаго удовольствія, и онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ.

— Позвать!

Вскорѣ разступилась толпа и въ палату вошелъ Матвѣй Хомякъ, съ повязанною головой.

ГЛАВА IX.

Судъ.

Не смылъ Хомякъ крови съ лица, замаралъ ею нарочно и повязку и одежду: пусть-де увидитъ царь какъ избили слугу его!

Подойдя къ Іоанну, онъ упалъ ницъ и ожидалъ на колѣняхъ позволенія говорить.

Всѣ любопытно смотрѣли на Хомяка. Царь первый прервалъ молчаніе.

— На кого ты просишь, спросилъ онъ;—какъ было дѣло? Разказывай по ряду!

— На кого прошу и самъ не вѣдаю, надежа православный царь! Не сказалъ онъ мнѣ, собака, своего роду-племени. А бью челомъ твоей царской милости, въ бою моемъ и въ увѣчьи, что билъ меня своимъ великимъ огурствомъ незнаемый человѣкъ!

Общее вниманіе удвоилось. Всѣ притаили дыханіе. Хомякъ продолжалъ:

— Пріѣхали мы государь, объѣздомъ въ деревню Медвѣдевку, какъ вдругъ они окаянные, откуда ни возьмись, напустились на насъ напускомъ, грянули какъ снѣгъ на голову, перекололи, перерубили человѣкъ съ десятеро, достальныхъ перевязали; а боляринъ-то ихъ, разбойникъ, хотѣлъ было насъ всѣхъ перевѣшать, а двухъ станичниковъ, что̀ мы было объѣздомъ захватили, велѣлъ свободить и пустить на волю!

Замолчалъ Хомякъ и поправилъ на головѣ своей кровавую повязку. Недовѣрчивый ропотъ пробѣжалъ между

опричниками. Разказъ казался невѣроятнымъ. Царь усомнился.

— Полно, правду ли ты говоришь, дѣтинушка, сказалъ онъ, пронзая Хомяка насквозь орлинымъ окомъ;—не закачено ль у тебя въ головѣ? Не у браги ль ты добылъ увѣчья?

— Готовъ на своей правдѣ крестъ цѣловать, государь; кладу голову порукой въ рѣчахъ моихъ!

— А скажи, зачѣмъ не повѣсилъ тебя невѣдомый бояринъ?

— Должно-быть раздумалъ; никого не повѣсилъ; велѣлъ лишь всѣхъ насъ избить нагайками!

Ропотъ опять пробѣжалъ по собранію.

— А много ль васъ было въ объѣздѣ?

— Пятьдесятъ человѣкъ, я пятьдесятъ первый!

— А много ль ихнихъ было?

— Нечего грѣха таить, ихнихъ было поменѣ, примѣрно человѣкъ двадцать, или тридцать.

— И вы дали себя перевязать и пересѣчь, какъ бабы! Что за оторопь на васъ напала? Руки у васъ отсохли, аль душа ушла въ пяты? Право смѣху достойно! И что это за бояринъ средь бѣла дня напалъ на опричниковъ? Быть того не можетъ. Пожалуй и хотѣли бъ они извести опричнину, да жжется! И меня пожалуй съѣли бъ, да зубъ нейметъ! Слушай, коли хочешь чтобъ я взялъ тебѣ вѣру, назови того боярина, не то повинися во лжи своей. А не назовешь и не повинишься, не сдобровать тебѣ, дѣтинушка!

— Надёжа-государь! отвѣчалъ стремянной съ твердостію, видитъ Богъ, я говорю правду. А казнить меня твоя воля; не боюся я смерти, боюся кривды; и въ томъ клянусь на цѣлую рать твою!

Тутъ онъ окинулъ глазами опричниковъ, какъ бы призывая ихъ въ свидѣтели. Внезапно взоръ его встрѣтился со взоромъ Серебрянаго.

Трудно описать, что произошло въ душѣ Хомяка. Удивленіе, сомнѣніе и наконецъ злобная радость изобразились на чертахъ его.

— Государь, сказалъ онъ, вставая,—коли хочешь вѣдать, кто напалъ на насъ, порубилъ товарищей и велѣлъ избить насъ нагайками, прикажи вонъ этому боярину назваться по имени, по изотчеству!

Всѣ глаза обратились на Серебрянаго. Царь сдвинулъ безволосыя брови и пристально въ него вглядывался, но не говорилъ ни слова. Никита-Романовичъ стоялъ неподвижно, спокойный, но блѣдный.

— Никита! сказалъ наконецъ царь, медленно выговаривая каждое слово,—подойди сюда. Становись къ отвѣту. Знаешь ты этого человѣка?

— Знаю, государь.

— Нападалъ ты на него съ товарищи?

— Государь, человѣкъ этотъ съ товарищи самъ напалъ на деревню...

Хомякъ прервалъ князя. Чтобы погубить врага, онъ рѣшился не щадить самого себя.

— Государь! сказалъ онъ,—не слушай боярина. То онъ на меня соромъ лаетъ, затѣмъ, что я малый человѣкъ, и въ томъ промежь насъ правды не будетъ; а прикажи снять допросъ съ товарищей, или пожалуй, прикажи пытать насъ обоихъ накрѣпко; и въ томъ будетъ промежь насъ правда.

Серебряный презрительно взглянулъ на Хомяка.

— Государь, сказалъ онъ, я не запираюсь въ своемъ дѣлѣ. Я напалъ на этого человѣка, велѣлъ его съ товарищи бить нагайками, затѣмъ велѣлъ бить...

— Довольно! сказалъ строго Иванъ Васильевичъ. Отвѣчай на допросъ мой. Вѣдалъ ли ты когда напалъ на нихъ, что они мои опричники?

— Не вѣдалъ, государь.

— А когда хотѣлъ повѣсить ихъ, сказались они тебѣ?

— Сказались, государь.

— Зачѣмъ же ты раздумалъ ихъ вѣшать?

— Затѣмъ, государь, чтобы твои судьи сперва допросили ихъ.

— Отчего жь ты съ самаго почину не отослалъ ихъ къ моимъ судьямъ?

Серебряный не нашелся отвѣчать.

Царь вперилъ въ него испытующій взоръ и старался проникнуть въ самую глубь души его.

— Не затѣмъ, сказалъ онъ,—не затѣмъ раздумалъ ты вѣшать ихъ, чтобы передать ихъ судьямъ, а затѣмъ, что сказались они тебѣ людьми царскими. И ты, продолжалъ царь съ возрастающимъ гнѣвомъ,—ты, вѣдая, что они мои люди, велѣлъ бить ихъ нагайками?

— Государь...

— Довольно! загремѣлъ Іоаннъ.—Допросъ оконченъ. Братія! продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ любимцамъ,—говорите, что̀ заслужилъ себѣ бояринъ князь Никита? Говорите какъ мыслите, хочу знать, что̀ думаетъ каждый!

Голосъ Іоанна былъ умѣренъ, но взоръ его говорилъ, что онъ въ сердцѣ своемъ уже рѣшилъ участь князя и что бѣда ожидаетъ того, чей приговоръ окажется мягче его собственнаго.

— Говорите жь, люди, повторилъ онъ, возвышая голосъ — что̀ заслужилъ себѣ Никита?

— Смерть! отвѣчалъ царевичъ.

— Смерть! повторили Скуратовъ, Грязной, отецъ Левкій и оба Басмановы.

— Такъ пусть же пріиметъ онъ смерть! сказалъ Іоаннъ хладнокровно. Писано-бо: пріемшіе ножъ, ножемъ погибнутъ. Человѣки, возмите его!

Серебряный молча, поклонился Іоанну. Нѣсколько человѣкъ тотчасъ окружили его и вывели изъ палаты.

Многіе послѣдовали за ними посмотрѣть на казнь; другіе остались. Глухой говоръ раздавался въ палатѣ. Царь обратился къ опричникамъ. Видъ его былъ торжественъ.

— Братія! сказалъ онъ,—правъ ли судъ мой?

— Правъ, правъ! раздалось между ближними опричниками.

— Правъ, правъ! повторили отдаленные.

— Не правъ! сказалъ одинъ голосъ.

Опричники взволновались.

— Кто это сказалъ? Кто вымолвилъ это слово? Кто говоритъ, что не правъ судъ государевъ? послышалось отовсюду.

На всѣхъ лицахъ изобразилось удивленіе, всѣ глаза засверкали негодованіемъ. Лишь одинъ, самый свирѣпый, не показывалъ гнѣва. Малюта былъ блѣденъ какъ смерть.

— Кто находитъ, что не правъ судъ мой? спросилъ Іоаннъ, стараясь придать чертамъ своимъ самое спокойное выраженіе.—Пусть кто говорилъ, выступитъ предъ лицо мое!

— Государь, произнесъ Малюта въ сильномъ волненіи, между добрыми слугами твоими теперь много пьяныхъ, много такихъ, которые говорятъ, не помня, не спрошаючи разума! Не вели искать этого бражника, государь! Протрез-

вится, самъ не повѣритъ какую рѣчь пьянымъ дѣломъ держалъ!

Царь недовѣрчиво взглянулъ на Малюту.

— Отецъ параклисіархъ! сказалъ онъ, усмѣхаясь,—давно ль ты умилился сердцемъ.

— Государь! продолжалъ Малюта,—не вели...

Но уже было поздно,

Сынъ Малюты выступилъ впередъ, и стоялъ почтительно передъ Іоанномъ. Максимъ Скуратовъ былъ тотъ самый опричникъ, который спасъ Серебрянаго отъ медвѣдя.

— Такъ это ты, Максимушка, охаиваешь судъ мой, сказалъ Іоаннъ, посматривая съ недоброю улыбкой то на отца, то на сына.—Ну говори, Максимушка, почему судъ мой тебѣ не по сердцу?

— Потому, государь, что не выслушалъ ты Серебрянаго, не далъ ему очиститься передъ тобою и не спросилъ его даже, за что онъ хотѣлъ повѣсить Хомяка?

— Не слушай его, государь, умолялъ Малюта,—онъ пьянъ, ты видишь онъ пьянъ! Не слушай его! Пошелъ, бражникъ, вишь какъ нарѣзался! Пошелъ, уноси свою голову!

— Максимъ не пилъ ни вина, ни меду, замѣтилъ злобно царевичъ.—Я все время на него смотрѣлъ, онъ и усовъ не омочилъ!

Малюта взглянулъ на царевича такимъ взглядомъ, отъ котораго всякій другой задрожалъ бы. Но царевичъ считалъ себя не доступнымъ Малютиной мести. Второй сынъ Грознаго, наслѣдникъ престола, вмѣщалъ въ себѣ почти всѣ пороки отца, а злые примѣры все болѣе и болѣе заглушали то, что было въ немъ добраго. Іоаннъ Іоанновичъ уже не зналъ жалости.

— Да, прибавилъ онъ, усмѣхаясь,—Максимъ не ѣлъ и не пилъ за обѣдомъ. Ему не по сердцу наше житье. Онъ гнушается батюткиной опричниной!

Въ продолженіи этого разговора Борисъ Годуновъ не спускалъ глазъ съ Іоанна. Онъ, казалось, изучалъ выраженіе лица его, и тихо, никѣмъ не замѣченный, вышелъ изъ столовой.

Малюта повалился государю въ ноги.

— Батютка, государь Иванъ Васильичъ! проговорилъ онъ, хватаясь за полы царской одежды,—сего утра я, дуракъ глупый, деревенщина необтесанный, просилъ тебя

пожаловать мнѣ боярство. Гдѣ былъ разумъ мой? Куда дѣвался смыслъ человѣческій? Мнѣ ли, смрадному рабу, носить шапку боярскую? Забудь государь, дурацкія слова мои, вели снять съ меня кафтанъ золоченый, одѣнь въ рогожу, только отпусти Максиму вину его! Молодъ онъ, государь, глупъ, не смыслитъ что̀ говоритъ! А ужь если казнить кого, такъ вели меня казнить, не давай я, дуракъ, напиваться сыну допьяна! Дозволь, государь, я снесу на плаху глупую голову? Прикажи, тотчасъ самъ на себя руки наложу!

Жалко было видѣть какъ исказилось лицо Малюты, какъ отчаянье написалось на чертахъ, никогда не отражавшихъ ничего, кромѣ звѣрства.

Царь засмѣялся.

— Не за что̀ казнить ни тебя, ни сына твоего! сказалъ онъ.—Максимъ правъ!

— Что̀ ты, государь? вскричалъ Малюта,—какъ Максимъ правъ?—и радостное удивленіе его выразилось было глупою улыбкой, но она тотчасъ исчезла, ибо ему представилось, что царь надъ нимъ издѣвается.

Эти быстрыя перемѣны на лицѣ Малюты были такъ необыкновенны, что царь, глядя на него, опять принялся смѣяться.

— Максимъ правъ, повторилъ онъ наконецъ, принимая свой прежній степенный видъ,—я исторопился. Того быть не можетъ, чтобы Серебряный вольною волей что-либо учинилъ на меня. Помню я Никиту еще до литовской войны. Я всегда любилъ его. Онъ былъ мнѣ добрый слуга. Это вы, окаянные, продолжалъ царь, обращаясь къ Грязному и къ Басмановымъ,—это вы всегда подбиваете меня кровь проливать! Мало еще было вамъ смертнаго убойства? Нужно было извести моего добраго боярина? Что̀ стоите, звѣри! Бѣгите, остановите казнь! Только нѣтъ, и не ходите! Поздно! Я чаю ужь слетѣла съ него голова! Вы всѣ заплатите мнѣ за кровь его!

— Не поздно, государь, сказалъ Годуновъ, возвращаясь въ палату. Я велѣлъ подождать казнить Серебрянаго. На милость образца нѣтъ, государь; а мнѣ вѣдомо, что ты милостивъ, что иной разъ и присудишь, и простишь виноватаго. Только уже Серебряный положилъ голову на плаху,

палачъ, снёмъ кафтанъ, засуча рукава, ждетъ твоего царскаго велѣнія!

Лицо Іоанна прояснилось.

— Борисъ, сказалъ онъ,—подойди сюда, добрый слуга мой. Ты одинъ знаешь мое сердце. Ты одинъ вѣдаешь, что я кровь проливаю не ради потѣхи, а чтобъ измѣну вывести. Ты меня не считаешь за сыроядца. Подойди сюда, Ѳедорычъ, я обниму тебя.

Годуновъ наклонился. Царь поцѣловалъ его въ голову.

— Подойди и ты, Максимъ, я тебя къ рукѣ пожалую. Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь! Такъ и на предки чини. Выдать ему три сорока соболей на шубу!

Максимъ поклонился въ землю и поцѣловалъ царскую руку.

— Какое идетъ тебѣ жалованье? спросилъ Іоаннъ.

— Противъ рядовыхъ людей обычное, государь.

— Я сравняю тебя съ начальными людьми. Будетъ тебѣ идти кормъ и всякій обиходъ противу начальныхъ людей. Да у тебя, я вижу, что-то на языкѣ мотается, говори безъ зазору, проси чего хочешь!

— Государь! не заслужилъ я твоей великой милости, не достоинъ одежи богатой, есть постарше меня. Объ одномъ прошу, государь. Пошли меня воевать съ Литвой, пошли въ Ливонскую землю. Или, государь, на Рязань пошли, Татаръ колотить!

Что-то въ родѣ подозрѣнія выразилось въ глазахъ Іоанна.

— Что тебѣ такъ воевать захотѣлось, молодецъ? Аль постыла жизнь слободская?

— Постыла, государь.

— Что такъ? спросилъ Іоаннъ, глядя пристально на Максима.

Малюта не далъ отвѣчать сыну.

— Государь, сказалъ онъ,—хотѣлось бы, вишь, ему послужить твоей милости. Хотѣлось бы и гривну на золотой цѣпочкѣ получить изъ царскихъ рукъ твоихъ. Горяча въ немъ кровь, государь. Затѣмъ и просится на Татаръ да Нѣмцевъ.

— Не затѣмъ онъ просится, подхватилъ царевичъ,—а затѣмъ, чтобы на своемъ поставить: не хочу-де быть опричникомъ, такъ и не буду! Пусть-де выйдетъ по моему, а не по цареву!

— Вотъ какъ! сказалъ Іоаннъ насмѣшливо:—такъ ты, Максимушка, меня осилить хочешь? Вишь какой богатырь! Ну гдѣ мнѣ, убогому, на тебя! Что жь, не хочешь быть опричникомъ, я пожалуй велю тебя въ зорники вписать!

— Эхъ, государь! поспѣшилъ сказать Малюта:—куда твоя милость ни велитъ вписать Максима, вездѣ готовъ онъ служить по указу твоему! Да поди домой, Максимъ, поздно; скажи матери, чтобы не ждала меня; у насъ дѣло въ тюрьмѣ: Колычевыхъ пытаемъ. Поди, Максимъ, поди!

Максимъ удалился. Царь велѣлъ позвать Серебрянаго.

Опричники ввели его съ связанными руками, безъ кафтана, воротъ рубахи отстегнутъ. За княземъ вошелъ главный палачъ, Терешка, засуча рукава, съ блестящимъ топоромъ въ рукахъ. Терешка вошелъ, потому что не зналъ, прощаетъ ли царь Серебрянаго, или хочетъ только измѣнить родъ его казни.

— Подойди сюда, князь! сказалъ Іоаннъ.—Мои молодцы исторопились было надъ тобой. Не прогнѣвайся. У нихъ ужь таковъ обычай, не посмотря въ святцы, да бухъ въ колоколъ! Того не разочтутъ, что казнить человѣка всегда успѣешь, а слетитъ голова, не приставишь. Спасибо Борису. Безъ него отправили бъ тебя на тотъ свѣтъ; не у кого было бъ и про Хомяка спросить. Повѣдай-ка, за что ты напалъ на него?

— За то, государь, что самъ онъ напалъ на безвинныхъ людей среди деревни. Не зналъ я тогда, что онъ слуга твой, и не слыхивалъ до того про опричнину. Ѣхалъ я отъ Литвы къ Москвѣ обратнымъ путемъ, когда Хомякъ съ товарищи нагрянули на деревню, и стали людей рѣзать!

— А кабы зналъ ты, что они мои слуги, побилъ бы ты ихъ тогда?

Царь пристально посмотрѣлъ на Серебрянаго. Князь на минуту задумался.

— И тогда побилъ бы, государь, сказалъ онъ простодушно,—не повѣрилъ бы я, что они по твоему указу душегубствуютъ!

Іоаннъ вперилъ въ князя мрачный взоръ, и долго не отвѣчалъ. Наконецъ онъ прервалъ молчаніе.

— Добрый твой отвѣтъ, Никита! сказалъ онъ, одобрительно кивнувъ головой.—Не для того поставилъ я на Руси

опричнину, чтобы слуги мои побивали людей безвинныхъ. Поставлены они, аки добрые псы, боронить отъ пыхающихъ волковъ овцы моя, дабы могъ сказать я на страшномъ судѣ Божіемъ, по пророческому словеси: се азъ и дѣти, яже далъ ми Богъ! Добрый твой отвѣтъ. Скажу на весь міръ: ты да Борисъ, вы одни, познали меня. Другіе не такъ мыслятъ: называютъ меня кровопійцею, а не вѣдаютъ того, что проливая кровь, я заливаюсь слезами! Кровь видятъ всѣ; она красна, всякому бросается въ глаза; а сердечнаго плача моего никто не зритъ; слезы безцвѣтно падаютъ мнѣ на душу, но словно смола горячая, проѣдаютъ, прожигаютъ ее насквозь по всѣ дни! (И царь при этихъ словахъ поднялъ взоръ свой кверху съ видомъ глубокой горести.) Яко же древле Рахиль, продолжалъ онъ, и глаза его закатились подъ самый лобъ,—яко же древле Рахиль, плачуще о дѣтяхъ своихъ, такъ я, многогрѣшный, плачу о моихъ озорникахъ и злодѣяхъ. Добрый твой отвѣтъ, Никита. Отпускаю тебѣ вину твою. Развяжите ему руки. Убирайся, Теретка, ты намъ не надобенъ... Или нѣтъ, погоди маленько!

Іоаннъ обратился къ Хомяку.

— Отвѣчай, сказалъ онъ грозно,—что вы неистовымъ своимъ обычаемъ въ Медвѣдевкѣ чинили?

Хомякъ взглянулъ искоса на Теретку, потомъ на Серебрянаго, потомъ почесалъ затылокъ.

— Потравились маленько съ мужиками! отвѣчалъ онъ, полухитро, полудерзко;—нечего грѣха таить; въ томъ виноваты, государь, что съ твоими съ опальниками потравились. Вѣдь деревня-то, государь, боярина Морозова!

Грозное выраженіе Іоанна смягчилось. Онъ усмѣхнулся.

— Что жь, сказалъ онъ,—удоволенъ ты княжескими телепугами? Я чай, будетъ съ тебя? Пожалуй, такъ ужь и быть, и тебя прощу. Убирайся, Теретка, видно ужь день такой выпалъ!

При милостивомъ обращеніи Іоанна къ Серебряному, шопотъ удовольствія пробѣжалъ между земскими боярами. Чуткое ухо царя услышало этотъ шопотъ, а подозрительный умъ объяснилъ его по своему. Когда Хомякъ и Теретка вышли изъ палаты; Іоаннъ устремилъ свой проницательный взоръ на земскихъ бояръ.

— Вы! сказалъ онъ строго:—не думайте, глядя на судъ

мой, что я вамъ началъ мирволить! И въ то же время въ безпокойной душѣ его зародилась мысль, что, пожалуй, и Серебряный припишетъ его милосердіе послабленію. Въ эту минуту онъ пожалѣлъ, что простилъ его, и захотѣлъ поправить свою ошибку.

— Слушай! произнесъ онъ, глядя на князя,—я помиловалъ тебя сегодня за твое правдивое слово, и прощенія моего назадъ не возьму. Только знай, что если будетъ на тебѣ какая новая вина, я взыщу съ тебя и старую. Ты же тогда, вѣдая за собою свою неправду, не захоти уходить въ Литву или къ хану, какъ иные чинятъ, а дай мнѣ теперь же клятву, что гдѣ бы ты ни былъ, ты вездѣ будешь ожидать наказанія, какое захочу положить на тебя.

— Государь, сказалъ Серебряный,—жизнь моя въ рукѣ твоей. Хорониться отъ тебя не въ моемъ обычаѣ.—Обѣщаю тебѣ, если будетъ на мнѣ какая вина, ожидать твоего суда и отъ воли твоей не уходить!

— Цѣлуй же мнѣ на томъ крестъ! сказалъ важно Іоаннъ, и приподымая висѣвшій у него на груди узорный крестъ, онъ подалъ его Серебряному, съ косвеннымъ взглядомъ на земскихъ бояръ.

Среди общаго молчанія слышно было бряцаніе золотой цѣпи, когда Іоаннъ выпустилъ изъ рукъ изображеніе Спасителя, къ которому, перекрестившись, приложился Серебряный.

— Теперь ступай! сказалъ Іоаннъ:—и молись премилостивой Троицѣ и всѣмъ святымъ угодникамъ, чтобы сохранили тебя отъ новой, хотя бы и легкой вины!

— Вы же, прибавилъ онъ, глядя на земскихъ бояръ,—вы слышавшіе нашъ уговоръ, не ждите новаго прощенія Никитѣ, и не помыслите печаловаться мнѣ о немъ, если онъ въ другой разъ заслужитъ гнѣвъ мой!

Облекши такимъ образомъ возможность будущаго произвола надъ Серебрянымъ въ подобіе нравственнаго права, Іоаннъ выразилъ на лицѣ своемъ удовлетвореніе.

— Ступайте всѣ, сказалъ онъ,—каждый къ своему дѣлу! Земскимъ вѣдать приказы по прежнему, а опричникамъ, избраннымъ слугамъ и полчанамъ моимъ, помнить свое крестное цѣлованіе и не смущаться тѣмъ, что я сегодня простилъ Никиту: нѣсть бо въ сердцѣ моемъ лицепріятія ни къ ближнимъ, ни къ дольнимъ!

Стали расходиться. Каждый побрелъ домой, унося съ собою, кто страхъ, кто печаль, кто злобу, кто разныя надежды, кто просто хмѣль въ головѣ. Слобода покрылась мракомъ, мѣсяцъ зарождался за лѣсомъ. Страшенъ казался темный дворецъ, съ своими главами, теремками и гребнями. Онъ издали походилъ на чудовище, свернувшееся клубомъ и готовое вспрянуть. Одно не закрытое окно свѣтилось оловно око чудовища. То была царская опочивальня. Тамъ усердно молился царь.

Молился онъ о тишинѣ на святой Руси, молился о томъ, чтобъ далъ ему Господь побороть измѣну и непокорство, чтобы благословилъ его окончить дѣло великаго поту, сравнять сильныхъ со слабыми, чтобы не было на Руси одного выше другаго, чтобы всѣ были въ равенствѣ, а онъ бы стоялъ одинъ надо всѣми, аки дубъ во чистомъ полѣ!

Молится царь и кладетъ земные поклоны. Смотрятъ на него звѣзды въ окно косящатое, смотрятъ свѣтлыя, притуманившись,—притуманившись будто думая: ахъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ! Ты затѣялъ дѣло не въ добрый часъ, ты затѣялъ, насъ не спрошаючи: не рости двумъ колосьямъ въ уровень, не сравнять крутыхъ горъ со пригорками, не бывать на землѣ безбоярщинѣ!

ГЛАВА X.

Отецъ и сынъ.

Была уже ночь, когда Малюта, послѣ пытки Колычевыхъ, родственниковъ и друзей сведеннаго митрополита, вышелъ наконецъ изъ тюрьмы. Густыя тучи, какъ черныя горы, нависли надъ слободою и грозили непогодой. Въ домѣ Малюты всѣ уже спали. Не спалъ одинъ Максимъ. Онъ вышелъ на встрѣчу къ отцу.

— Батюшка, сказалъ Максимъ,—я ждалъ тебя; мнѣ нужно переговорить съ тобою.

— О чемъ? спросилъ Малюта; и невольно отворотилъ взглядъ. Григорій Лукьяновичъ никогда не дрожалъ передъ врагомъ, но въ присутствіи Максима ему было неловко.

— Я завтра ѣду, продолжалъ Максимъ,—прости батюшка!

— Куда? спросилъ Малюта и этотъ разъ устремилъ тусклый взглядъ свой на Максима.

— Куда глаза глядятъ, батюшка; земля не клиномъ сошлась, мѣста довольно!

— Да что, ты съ ума спятилъ, али дурь на себя напустилъ? И подлинно дурь напустилъ! что ты сегодня за обѣдомъ надѣлалъ? Какъ у тебя языкъ повернулся царю перечить? Знаешь ли, кто онъ и кто ты?

— Знаю, батюшка; и знаю, что онъ мнѣ за то спасибо сказалъ. А все же мнѣ нельзя оставаться.

— Ахъ ты самодуръ! Да откуда у тебя своя воля взялась? Что сталось съ тобой сегодня? Отчего ты теперь уѣзжать вздумалъ, когда царь тебя пожаловать изволилъ, съ начальными людьми сравнялъ? Отчего именно теперь?

— Мнѣ давно тяжело съ вами, батюшка; ты самъ знаешь; но я не довѣрялъ себѣ; съ самаго дѣтства только и слышалъ отовсюду, что царева воля—Божья воля, что нѣтъ тяжелѣе грѣха, какъ думать иначе чѣмъ царь. И отецъ Левкій, и всѣ попы слободскіе мнѣ на духу въ великій грѣхъ ставили, что я къ вамъ не мыслю. Поневолѣ иногда раздумье брало, правъ ли я одинъ противу всѣхъ васъ? Поневолѣ уѣзжать откладывалъ. А сегодня, продолжалъ Максимъ, и румянецъ живо заигралъ на лицѣ его,—сегодня я понялъ, что я правъ! Какъ услышалъ князя Серебрянаго, какъ узналъ, что онъ твой объѣздъ за душегубство разбилъ и не заперся передъ царемъ въ своемъ правомъ дѣлѣ, но какъ мученикъ пошелъ за него на смерть—тогда забилось къ нему сердце мое, какъ ни къ кому еще не бивалось, и вышло изъ мысли моей колебаніе, и стало мнѣ ясно какъ день, что не на вашей сторонѣ правда!

— Такъ вотъ кто тебя съ толку сбилъ! вскричалъ Малюта и безъ того озлобленный на Серебрянаго,—такъ вотъ кто тебя съ толку сбилъ! Попадись онъ мнѣ только въ руки, не скорою смертью издохнетъ онъ у меня, собака!

— Господь сохранитъ его отъ рукъ твоихъ! сказалъ Максимъ, дѣлая крестное знаменіе;—не попуститъ онъ тебя все доброе на Руси погубить! Да, продолжалъ, одушевляясь, сынъ Малюты,—лишь увидѣлъ я князя Никиту Романыча, понялъ, что хорошо бъ жить вмѣстѣ съ нимъ, и захотѣлось мнѣ попроситься къ нему, но совѣстно подойдти было: очи

мои на него не подымутся, пока буду эту одежду носить!

Малюта слушалъ сына, и два чувства спорили въ немъ между собою. Ему хотѣлось закричать на Максима, затопать на него ногами и привести его угрозами къ повиновенію, но невольное уваженіе сковывало его злобу. Онъ понималъ чутьемъ, что угроза теперь не подѣйствуетъ, и въ низкой душѣ своей началъ искать другихъ средствъ чтобъ удержать сына.

— Максимушка! сказалъ онъ, принимая заискивающій видъ, насколько позволяло звѣрское лицо его,—не въ пору ты уѣзжать затѣялъ! Твое слово понравилось сегодня царю. Хоть и напугалъ ты меня порядкомъ, да заступились видно святые угодники за насъ, умягчили сердце батюшки государя. Вмѣсто чтобъ казнить, онъ похвалилъ тебя, и жалованья тебѣ прибавилъ, и собольею шубой пожаловалъ! Посмотри коли ты теперь въ гору не пойдешь! А покамѣсть, чѣмъ тебѣ здѣсь не житье?

Максимъ бросился въ ноги Малюты.

— Не житье мнѣ здѣсь, батюшка, не житье! Не по силамъ здѣсь дома оставаться! Не въ моготу слышать вой да плачъ по всѣ дни, не въ терпежъ видѣть что отецъ мой.....

Максимъ остановился.

— Ну? сказалъ Малюта.

— Что отецъ мой—палачъ! произнесъ Максимъ и опустилъ взоръ, какъ-бы испугавшись, что могъ сказать отцу такое слово.

Но Малюта не смутился этимъ названіемъ.

— Палачъ палачу рознь! произнесъ онъ, покосившись въ уголъ избы.—Ино рядовой человѣкъ, ино начальный; ино простыхъ воровъ казнить, ино бояръ, что подтачиваютъ царскій престолъ и всему государству шатанье готовятъ. Я въ разбойный приказъ не вступаюсь; мой топоръ только и сѣчетъ что измѣнничьи боярскія головы!

— Замолчи, отецъ! сказалъ вставая, Максимъ;—не возмущай мнѣ сердца такою рѣчью! Кто изъ тѣхъ, кого погубилъ ты, умышлялъ на царя? Кто изъ нихъ замутилъ государство? Не по винамъ, а по злобѣ своей сѣчешь ты боярскія головы! Кабы не ты, и царь былъ бы милостивѣе. Но вы ищите измѣны, вы пытками вымучиваете извѣты, вы, вы всей крови заводчики! Нѣтъ, отецъ, не гнѣви

Бога, не клевещи на бояръ, а скажи лучше, что безъ разбора хочешь въ конецъ извести боярскій корень!

— Да ты-то съ чего за нихъ заступаешься? сказалъ съ злобною усмѣткой Малюта.—Или тебѣ весело видѣть, что ты какъ ни статенъ, какъ ни красенъ собой, а все остаешься между ними послѣдній? А чѣмъ любой изъ нихъ не по плечу тебѣ? Чѣмъ гордятся они передъ нами? Изъ другой, что ли, земли, Господь ихъ вылѣпилъ? Коли богачествомъ гордятся, такъ дайте срокъ, государи! Царь не забываетъ вѣрныхъ слугъ своихъ, а какъ дойдутъ до смертной казни Колычевы, такъ животы ихъ никому другому, а намъ же достанутся. Довольно я надъ ними, окаянными, въ застѣнкѣ-то промучился; жиловаты собаки, нечего сказать!

Злоба кипѣла въ сердцѣ Малюты, но онъ еще надѣялся убѣдить Максима и скривилъ ротъ свой въ ласковую улыбку. Не личила такая улыбка Малютѣ и, глядя на нее, Максиму сдѣлалось страшно.

Но Малюта этого не замѣтилъ.

— Максимушка, сказалъ онъ,—на кого-же я денежки-то копилъ? На кого тружусь и работаю? Не уѣзжай отъ меня, останься со мною. Ты еще молодъ, не поспѣлъ еще въ ратный строй. Не уѣзжай отъ меня! Вспомни, что я тебѣ отецъ! Какъ посмотрю на тебя, такъ и прояснится на душѣ, словно царь меня похвалилъ, или къ рукѣ пожаловалъ, а обидь тебя кто, такъ, кажется, съѣлъ бы живаго!

Максимъ молчалъ, Малюта постарался придать лицу своему самое нѣжное выраженіе.

— Уже ли ты, Максимушка, вовсе не любишь меня? уже ли ничего ко мнѣ въ сердцѣ не шелохнется?

— Ничего, батюшка!

Малюта подавилъ свою злобу.

— А царь что скажетъ, когда узнаетъ про твой отъѣздъ, коли подумаетъ, что ты отъ него уѣхалъ?

— Отъ него-то я и ѣду, батюшка. Меня страхъ беретъ. Знаю, что Богъ велитъ любить его, а какъ посмотрю иной разъ, какія дѣла онъ творитъ, такъ все нутро во мнѣ перевернется. И хотѣлось бы любить, да силъ не хватаетъ. Какъ уѣду изъ слободы, да не будетъ у меня безвинной крови передъ очами, тогда, дастъ Богъ, снова царя

полюблю. А не удастся полюбить, и такъ ему послужу, только-бы не въ опричникахъ!

— А что будетъ съ матерью твоею? сказалъ Малюта, прибѣгая къ послѣднему средству.—Не пережить ей такого горя! Убьешь ты старуху! Посмотри, какая она, голубушка, хворая!

— Премилостивый Богъ не оставитъ матери моей, отвѣтилъ со вздохомъ Максимъ. — Она проститъ меня.

Малюта началъ ходить по избѣ взадъ и впередъ.

Когда остановился онъ передъ Максимомъ, ласковое выраженіе, къ которому онъ приневолилъ черты свои, совершенно исчезло. Грубое лицо его являло одну непреклонную волю.

— Слушай, молокососъ, сказалъ онъ, перемѣняя пріемы и голосъ, — доселѣ я упрашивалъ тебя, теперь скажу вотъ что: Нѣтъ тебѣ на отъѣздъ моего благословенія. Не пущу тебя ѣхать. А не уймешься, завтра же заставлю своими руками злодѣевъ царскихъ казнить. Авось когда самъ окровавишься, бросишь быть бѣлоручкой, перестанешь отцомъ гнушаться!

Поблѣднѣлъ Максимъ отъ рѣчи Малюты и не отвѣчалъ ничего. Зналъ онъ, что крѣпко слово Григорія Лукьяновича, и что не переломить ему отцовской воли.

— Вишь, продолжалъ Малюта,—разговорился я съ тобой; скоро ночь глубокая, пора къ царю, ключи отъ тюрьмы отнести. Вотъ и дождь полилъ! Подай мнѣ терликъ. Смотри пожалуй, какой сталъ прыткій! ѣхать да ѣхать хочу, не житье мнѣ здѣсь! Дай ему воли, пожалуй, и меня на свой ладъ переиначитъ! Нѣтъ, братъ, рано крылышки распустилъ! Я и не такихъ какъ ты унималъ! Я-те, научу слушаться! Эхъ погода, погода! Подай мнѣ шапку. А молонья-то, молонья! Ишь какъ небо раззѣвается! словно вся слобода загорѣлась. Заволоки окно, да ступай спать, авось къ утру выкинешь дурь изъ головы. А ужь до твоего Серебрянаго я доберусь! Ужь я ему это припомню!

Малюта вышелъ. Оставшись одинъ, Максимъ задумался. Все было тихо въ домѣ; лишь на дворѣ гроза шумѣла, да, время отъ времени, вѣтеръ, ворвавшись въ окно, качалъ цѣпи и кандалы, висѣвшія на стѣнѣ, и они, ударяя одна о другую, звенѣли зловѣщимъ желѣзнымъ звономъ. Максимъ подошелъ къ лѣстницѣ, которая вела въ верхнее

жилье, къ его матери. Онъ наклонился и сталъ прислушиваться. Все молчало въ верхнемъ жильѣ. Максимъ тихонько взошелъ по крутымъ ступенямъ и остановился передъ дверью, за которою покоилась мать его.

— Господи Боже мой! сказалъ Максимъ про себя. Ты зришь мое сердце, вѣдаешь мои мысли! Ты знаешь, Господи, что я не по гордости моей, не по духу строптивому ослушаюсь батюшки! Прости меня, Боже мой, аще преступаю Твою заповѣдь! И ты, моя матушка, прости меня! Покидаю тебя безъ вѣдома твоего, уѣзжаю безъ благословенія; знаю, матушка, что надорву тебя сердцемъ, но ты бъ не отпустила меня вольною волей! Прости меня, государыня матушка, не увидишь ты меня болѣе!

Максимъ припалъ къ порогу свѣтлицы и облобызалъ его. Потомъ онъ нѣсколько разъ перекрестился, сошелъ съ лѣстницы и вышелъ на дворъ. Дождь лилъ такъ сердито, какъ бы злился на весь людъ Божій. На дворѣ не было живой души. Максимъ вошелъ въ конюшню, конюхи спали. Онъ самъ вывелъ изъ стойла любимаго коня и осѣдлалъ его. Большая цѣпная собака, прикованная у входа, вылѣзла изъ конуры и стала визжать и рваться, какъ бы чуя съ нимъ разлуку. То былъ косматый песъ изъ породы пастушьихъ волкодавовъ. Длинная и жесткая шерсть дымчато-бураго цвѣта падала ему въ безпорядкѣ на черную морду, такъ что почти вовсе не было видно умныхъ глазъ его.

Максимъ погладилъ собаку, а она положила ему свои черныя лапы на плеча и стала лизать его лицо.

— Прощай, Буянъ, сказалъ Максимъ, — стереги домъ нашъ, служи вѣрно матери!—Онъ вскочилъ въ сѣдло, выѣхалъ въ ворота и ускакалъ отъ родительскаго дома.

Еще не доскакалъ онъ до земляного валу, какъ услышалъ громкій лай и увидѣлъ Буяна, который прыгалъ вокругъ коня, радуясь, что сорвался съ цѣпи и что можетъ сопутствовать своему господину.

ГЛАВА XI.

Ночное шествіе.

Пока Малюта разговаривалъ съ сыномъ, царь продолжалъ молиться. Уже потъ катился съ лица его; уже кровавые знаки, напечатленные на высокомъ челѣ прежними земными поклонами, яснѣе обозначались отъ новыхъ поклоновъ; вдругъ шорохъ въ избѣ заставилъ его обернуться. Онъ увидѣлъ свою мамку, Онуфревну.

Стара была его мамка. Взялъ ее въ Верьхъ еще блаженной памяти великій князь Василій Іоанновичъ; служила она еще Еленѣ Глинской. Іоаннъ родился у нея на рукахъ; у нея же на рукахъ благословилъ его умирающій отецъ. Говорили про Онуфревну, что многое ей извѣстно, о чемъ никто и не подозрѣваетъ. Въ малолѣтство царя, Глинскіе боялись ея; Шуйскіе и Бѣльскіе старались всячески угождать ей.

Много сокрытаго узнавала Онуфревна посредствомъ гаданья и никогда не ошибалась. Въ самое величіе князя Телепнева—Іоанну тогда было четыре года—она предсказала князю, что онъ умретъ голодною смертью. Такъ и сбылось. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, а еще свѣжо было въ памяти стариковъ это предсказанье.

Теперь Онуфревнѣ добивалъ чуть ли не десятый десятокъ. Она согнулась почти вдвое; кожа на лицѣ ее такъ сморщилась, что стала походить на древесную кору, и какъ на старой корѣ пробивается мохъ, такъ на бородѣ Онуфревны пробивались волосы сѣдыми клочьями. Зубовъ у нея давно уже не было, глаза, казалось, не могли видѣть, голова судорожно шаталась.

Онуфревна опиралась костлявою рукой на клюку. Долго смотрѣла она на Іоанна, вбирая въ себя пожелтѣвшія губы, какъ будто бы что-то жевала, или бормотала.

— Что? сказала наконецъ мамка глухимъ, дребезжащимъ голосомъ,—молишься, батюшка? Молись, молись, Иванъ Ва-

сильичъ! Много еще тебѣ отмаливаться! Еще бъ одни старые грѣхи лежали на душѣ твоей! Господь-то милостивъ; авось и простилъ бы! А то вѣдь у тебя что ни день, то новый грѣхъ, а иной разъ и по два и по три на день придется!

— Полно, Онуфревна, сказалъ царь, вставая, — сама не знаешь что говоришь!

— Не знаю, что говорю! Да развѣ я изъ ума выжила, что ли?

И безжизненные глаза старухи внезапно заблистали.

— Да что ты сегодня за столомъ-то сдѣлалъ? За что отравилъ боярина-то? Ты думалъ, я и не знаю! Что? чего брови-то хмуришь? Вотъ погоди, какъ пробьетъ твой смертный часъ; погоди только! Ужь привяжутся къ тебѣ грѣхи твои, какъ тысячи тысячъ пудовъ; ужь потянутъ тебя на дно адово! А дьяволы-то подскочатъ да и подхватятъ тебя на крючья!

Старуха опять принялась сердито жевать.

Усердная молитва приготовила царя къ мыслямъ набожнымъ. Раздражительное воображеніе не разъ уже представляло ему картину будущаго возмездія, но сила воли одолѣвала страхъ загробныхъ мученій. Іоаннъ увѣрялъ себя, что страхъ этотъ и даже угрызенія совѣсти возбуждаемы въ немъ врагомъ рода человѣческаго, чтобъ отвлечь помазанника Божія отъ высокихъ его начинаній. Хитростямъ дьявола царь противуставилъ молитву; но часто изнемогалъ подъ жестокимъ напоромъ воображенія. Тогда отчаяніе схватывало его какъ желѣзными когтями. Неправость дѣлъ его являлась во всей наготѣ, и страшно зіяли передъ нимъ адскія бездны. Но это продолжалось не долго. Вскорѣ Іоаннъ негодовалъ на свое малодушіе. Въ гнѣвѣ на самого себя и на духа тьмы, онъ опять, на зло аду и на перекоръ совѣсти, начиналъ дѣло великой крови и великаго поту, и никогда жестокость его не достигала такой степени, какъ послѣ невольнаго изнеможенья.

Теперь мысль объ адѣ, оживленная наступающею грозой и пророческимъ голосомъ Онуфревны, проняла его насквозь лихорадочною дрожью. Онъ сѣлъ на постель. Зубы его застучали одинъ о другой.

— Ну что, батюшка? сказала Онуфревна, смягчая свой голосъ,—что съ тобой сталось? Захворалъ что ли? Такъ и

есть, захворалъ! Напугала же я тебя! Да нужды нѣтъ, утѣшься, батюшка, хоть и велики грѣхи твои, а благость-то Божія еще больше! Только покайся, да впередъ не грѣши. Вотъ и я молюсь, молюсь о тебѣ, и денно и нощно, а теперь и того болѣ стану молиться. Что тутъ говорить? Ужь лучше сама въ рай не попаду, да тебя отмолю!

Іоаннъ взглянулъ на свою мамку,—она какъ будто улыбалась, но не привѣтлива была улыбка на суровомъ лицѣ ея.

— Спасибо, Онуфревна, спасибо; мнѣ легче; ступай себѣ съ Богомъ!

— То-то легче! Какъ обнадежишь тебя, куда и страхъ дѣвался! ужь и гнать меня вздумалъ: ступай, молъ, съ Богомъ! А ты на долготерпѣніе-то Божіе слишкомъ не разчитывай, батюшка. На тебя и у самого у Господа терпѣнія-то не станетъ. Отречется онъ отъ тебя, посмотри, а сатана-то обрадуется, да шархъ! и войдетъ въ тебя. Ну вотъ, опять дрожать началъ! Не худо-бъ тебѣ збитеньку испить. Испей збитеньку, батюшка! Бывало и родитель твой на ночь збитень пивалъ, царствіе ему небесное! И матушка твоя, упокой Господи душу ея, любила збитень. Въ збитьнѣ-то и опоили ее проклятые Шуйскіе!

Старуха какъ будто забылась. Глаза ея померкли; она опять принялась жевать губами, безпрерывно шатая головой.

Вдругъ что-то застучало въ окно. Иванъ Васильевичъ вздрогнулъ.

Старуха перекрестилась дрожащею рукой.

— Вишь, сказала она,—дождь полилъ! И молонья блистать начинаетъ! А вотъ и громъ, батюшка, помилуй насъ Господи!

Гроза усиливалась все болѣе, и скоро разыгралась по небу безпрерывными перекатами, безпрестанною молніей.

При каждомъ ударѣ грома Іоаннъ вздрагивалъ.

— Вишь, какой у тебя ознобъ, батюшка! Вотъ погоди маленько, я велю тебѣ збитеньку заварить...

— Не надо, Онуфревна, я здоровъ...

— Здоровъ! Да на тебѣ лица не видать. Ты бъ на постелю-то легъ, одѣяломъ-то прикрылся бы. И что-й-то, у тебя за постель право! Доски голыя. Охота тебѣ! Царское ли это дѣло! Вѣдь это хорошо монаху, а ты не монахъ какой!

Іоаннъ не отвѣчалъ. Онъ къ чему-то прислушивался.

— Онуфревна, сказалъ онъ вдругъ съ испугомъ, — кто тамъ ходитъ въ сѣняхъ? Я слышу шаги чьи-то!

— Христосъ съ тобой, батюшка! кому теперь ходить. Послышалось тебѣ.

— Идетъ, идетъ кто-то! Идетъ сюда! Посмотри, Онуфревна!

Старуха отворила дверь. Холодный вѣтеръ пахнулъ въ избу. За дверью показался Малюта.

— Кто это? спросилъ царь, вскакивая.

— Да твой рыжій песъ, батюшка, отвѣчала мамка, сердито глядя на Малюту,—Гришка Скуратовъ; вишь какъ напугалъ, проклятый!

— Лукьянычъ! сказалъ царь, обрадованный приходомъ любимца,—добро пожаловать; откуда?

— Изъ тюрьмы, государь; былъ у розыску, ключи принесъ! Малюта низко поклонился царю и покосился на мамку.

— Ключи! проворчала старуха:—ужь припекутъ тебя на томъ свѣтѣ раскаленными ключами, сатана ты этакій! Ей-Богу сатана! И лицо-то дьявольское! Ужь кому другому, а тебѣ не миновать огня вѣчнаго! Будешь, Гришка, лизать сковороды горячія за всѣ клеветы свои! Будешь, проклятый, въ смолѣ кипѣть, помяни мое слово!

Молнія освѣтила грозящую старуху, и страшна была она съ подъятою клюкой, съ сверкающими глазами.

Самъ Малюта нѣсколько струсилъ; но Іоанна ободрило присутствіе любимца.

— Не слушай ее, Лукьянычъ, сказалъ онъ,—знай свое дѣло, не смотри на бабьи толки. А ты ступай себѣ, старая дура, оставь насъ!

Глаза Онуфревны снова засверкали.

— Старая дура? повторила она:—я старая дура? Вспомянете вы меня на томъ свѣтѣ, оба вспомянете! Всѣ твои поплечники, Ваня, всѣ примутъ мзду свою, еще въ сей жизни примутъ, и Грязной, и Басмановъ, и Вяземскій; кому-жъ воздастся по дѣламъ его, а этотъ, продолжала она, указывая клюкою на Малюту,—этотъ не приметъ мзды своей: по его дѣламъ нѣтъ и муки на землѣ; его мука на днѣ адовомъ; тамъ ему и мѣсто готово; ждутъ его дьяволы и радуются ему! И тебѣ есть тамъ мѣсто, Ваня, великое, теплое мѣсто!

Старуха вышла, шаркая ногами и стуча клюкой.

Іоаннъ былъ блѣденъ. Малюта не говорилъ ни слова. Молчаніе продолжалось довольно долго.

— Что жь Лукъянычъ, сказалъ наконецъ царь,—винятся Колычевы?

— Нѣтъ еще, государь. Да ужь повинятся, у меня не откатляются!

Іоаннъ вошелъ въ подробности допроса. Разговоръ о Колычевыхъ далъ его мыслямъ другое направленіе.

Ему показалось, что онъ можетъ заснуть. Отославъ Малюту, онъ легъ на постель и забылся.

Его разбудилъ какъ будто внезапный толчокъ.

Изба слабо освѣщалась образными лампадами. Лучъ мѣсяца, проникая сквозь низкое окно, игралъ на расписанныхъ изразцахъ лежанки. За лежанкой кричалъ сверчокъ. Мышь грызла гдѣ-то дерево.

Среди этой тишины Ивану Васильевичу опять сдѣлалось страшно.

Вдругъ ему почудилось, что приподымается половица, и смотритъ изъ-подъ нея отравленный бояринъ.

Такія видѣнія случались съ Іоанномъ нерѣдко. Онъ приписывалъ ихъ адскому мороченью. Чтобы прогнать призракъ, онъ перекрестился.

Но призракъ не исчезъ, какъ то случалось прежде. Мертвый бояринъ продолжалъ смотрѣть на него изъ-подлобья. Глаза старика были также на выкатѣ, лицо также сине, какъ за обѣдомъ, когда онъ выпилъ присланную Іоанномъ чашу.

„Опять навожденіе! подумалъ царь; но не поддамся я прелести сатанинской, сокрушу хитрость дьявольскую. Да воскреснетъ Богъ и да расточатся врази его!“

Мертвецъ медленно вытянулся изъ-подъ полу и приблизился къ Іоанну.

Царь хотѣлъ закричать, но не могъ. Въ ушахъ его страшно звенѣло.

Мертвецъ наклонился передъ Іоанномъ.

— Здравъ буди, Иване! произнесъ глухой нечеловѣческій голосъ,—се кланяюся тебѣ, иже погубилъ еси мя безвинно!

Слова эти отозвались въ самой глубинѣ души Іоанна. Онъ не зналъ, отъ призрака ли ихъ слышитъ, или собственная его мысль выразилась ощутительнымъ для уха звукомъ.

Но вотъ приподнялась другая половица; изъ-подъ нея показалось лицо окольничаго Данилы Адашева, казненнаго Іоанномъ четыре года тому назадъ.

Адашевъ также вытянулся изъ подъ-полу, поклонился царю и сказалъ:

— Здравъ буди, Иване, се кланяюся тебѣ, иже казнилъ еси мя безвинно!

За Адашевымъ явилась болярыня Марія, казненная вмѣстѣ съ дѣтьми. Она поднялась изъ-подъ полу съ пятью сыновьями. Всѣ поклонились царю, и каждый сказалъ:

— Здравъ буди, Иване! се кланяюся тебѣ!

Потомъ показались князь Курлятевъ, князь Оболенскій, Никита Шереметевъ и другіе казненные, или убитые Іоанномъ.

Изба наполнилась мертвецами. Всѣ они низко кланялись царю, всѣ говорили:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване, се кланяемся тебѣ!

Вотъ поднялись монахи, старцы, иноки, всѣ въ черныхъ ризахъ, всѣ блѣдные и кровавые.

Вотъ показались воины, бывшіе съ царемъ подъ Казанью.

На нихъ зіяли страшныя раны, но не въ бою добытыя, а нанесенныя палачами.

Вотъ явились дѣвы въ растерзанной одеждѣ и молодыя жены съ грудными младенцами. Дѣти протягивали къ Іоанну окровавленныя ручонки и лепетали:

— Здравъ буди, здравъ буди, Иване, иже погубилъ еси насъ безвинно!

Изба все болѣе наполнялась призраками. Царь не могъ уже различать воображенія отъ дѣйствительности.

Слова призраковъ повторялись стократными отголосками. Отходныя молитвы и панихидное пѣніе въ то же время раздавались надъ самыми ушами Іоанна. Волосы его стояли дыбомъ.

— Именемъ Бога живаго, произнесъ онъ, — если вы бѣсы, насланные вражьею силою — сгиньте! Если вы вправду души казненныхъ мною — дождитесь страшнаго суда Божія! Господь меня съ вами разсудитъ!

Взвыли мертвецы и закружились вокругъ Іоанна, какъ осенніе листья гонимые вихремъ. Жалобнѣе раздалось панихидное пѣніе, дождь опять застучалъ въ окно, и среди

шума вѣтра, царю послышались какъ будто звуки трубъ и голосъ, взывающій:

— Иване, Иване! на судъ, на судъ!

Царь громко вскрикнулъ. Спальники вбѣжали изъ сосѣднихъ покоевъ въ опочивальню.

— Вставайте! закричалъ царь:—кто спитъ теперь! Насталъ послѣдній день, насталъ послѣдній часъ! Всѣ въ церковь! Всѣ за мною!

Царедворцы засуетились. Раздался благовѣстъ. Только что уснувшіе опричники услышали знакомый звонъ, вскочили съ палатей и спѣшили одѣться.

Многіе изъ нихъ пировали у Вяземскаго. Они сидѣли за кубками и пѣли удалыя пѣсни. Услышавъ звонъ, они вскочили и надѣли черныя рясы поверхъ богатыхъ кафтановъ, а головы накрыли высокими шлыками.

Вся слобода пришла въ движеніе. Церковь Божіей Матери ярко освѣтилась. Встревоженные жители бросились къ воротамъ и увидѣли множество огней, блуждающихъ во дворцѣ изъ покоя въ покой. Потомъ огни образовали длинную цѣпь, и шествіе потянулось змѣею по наружнымъ переходамъ соединявшимъ дворецъ со храмомъ Божіимъ.

Всѣ опричники, одѣтые однолично въ шлыки и черныя рясы, несли смоляные свѣточи. Блескъ ихъ чудно игралъ на рѣзныхъ столбахъ и на стѣнныхъ украшеніяхъ. Вѣтеръ раздувалъ рясы, а лунный свѣтъ вмѣстѣ съ огнемъ отражался на золотѣ, жемчугѣ и дорогихъ каменьяхъ.

Впереди шелъ царь, одѣтый инокомъ, билъ себя въ грудь и взывалъ, громко рыдая:

— Боже помилуй мя грѣшнаго! Помилуй мя смраднаго пса! Помилуй мою скверную голову! Упокой, Господи, души побитыхъ мною безвинно!

У преддверія храма Іоаннъ упалъ въ изнеможеніи.

Свѣточи озарили старуху, сидѣвшую на ступеняхъ. Она протянула къ царю дрожащую руку.

— Встань, батюшка! сказала Онуфревна:—я помогу тебѣ. Давно я жду тебя. Войдемъ, Ваня, помолимся вмѣстѣ!

Двое опричниковъ подняли царя подъ руки. Онъ вошелъ въ церковь.

Новыя шествія, также въ черныхъ рясахъ, также въ высокихъ шлыкахъ, спѣшили по улицамъ съ зажженными свѣточами. Храмовыя врата поглощали все новыхъ и

новыхъ опричниковъ, и исполинскіе лики святыхъ, смотрѣли на нихъ, негодуя, съ высоты стѣнъ и главъ церковныхъ.

Среди ночи, дотолѣ безмолвной, раздалось пѣніе нѣсколькихъ сотъ голосовъ, и далеко слышны были звонъ колокольный и протяжные псалмы.

Узники въ темницахъ вскочили, гремя цѣпями, и стали прислушиваться.

— Это царь заутреню служитъ! сказали они.— Умягчи, Боже, его сердце, вложи милость въ душу его!

Маленькія дѣти въ слободскихъ домахъ, спавшія близь матерей, проснулись въ испугѣ и подняли плачъ.

Иная мать долго не могла унять своего ребенка.

— Молчи! говорила она наконецъ:—молчи, не то Малюта услышитъ!

И при имени Малюты, ребенокъ переставалъ плакать въ испугѣ прижимался къ матери, и среди ночнаго безмолвія раздавались опять лишь псалмы опричниковъ да безпрерывный звонъ колокольный.

ГЛАВА XII.

Клевета.

Солнце взошло, но не радостное утро настало для Малюты. Возвратясь домой, онъ не нашелъ сына и догадался, что Максимъ навсегда бросилъ слободу. Велика была ярость Григорья Лукьяныча. Во всѣ концы поскакала погоня. Конюховъ, проспавшихъ отъѣздъ Максима, Малюта велѣлъ тотчасъ вкинуть въ темницу.

Нахмуря брови, стиснувъ зубы, ѣхалъ онъ по улицѣ и раздумывалъ, доложить ли царю, или скрыть отъ него бѣгство Максима.

Конскій топотъ и веселая молвь послышались за его спиною. Малюта оглянулся. Царевичъ съ Басмановымъ и толпою молодыхъ удальцовъ возвращался съ утренней прогулки. Рыхлая земля размокла отъ дождя, кони ступали въ грязи по самыя бабки. Завидѣвъ Малюту, царевичъ

пустилъ своего аргамака вскачь и обрызгалъ грязью Григорья Лукьяновича.

— Кланяюсь тебѣ земно, бояринъ Малюта! сказалъ царевичъ, останавливая коня.—Встрѣтили мы тотчасъ твою погоню. Видно Максиму солоно пришлось, что онъ отъ тебя тягу далъ. Али ты, можетъ, самъ послалъ его къ Москвѣ за боярскою шапкой, да потомъ раздумалъ?

И царевичъ захохоталъ.

Малюта, по обычаю, слѣзъ съ коня. Стоя съ обнаженною головой, онъ всею ладонью стиралъ грязь съ лица своего. Казалось, ядовитые глаза его хотѣли пронзить царевича.

— Да что онъ грязь-то стираетъ? замѣтилъ Басмановъ, желая подслужиться царевичу,—добро на комъ другомъ, а на немъ не замѣтно!

Басмановъ говорилъ вполголоса, но Скуратовъ его услышалъ. Когда вся толпа, смѣясь и разговаривая, ускакала за царевичемъ, онъ надѣлъ шапку, влѣзъ опять на коня и шагомъ поѣхалъ ко дворцу.

„Добро! думалъ онъ про себя: — дайте срокъ, государи, дайте срокъ!“ И поблѣднѣвшія губы его кривились въ улыбку, и въ сердцѣ, уже раздраженномъ сыновнимъ побѣгомъ, медленно созрѣвало надежное мщеніе неосторожнымъ оскорбителямъ.

Когда Малюта вошелъ во дворецъ, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ покоѣ. Лицо его было блѣдно, глаза горѣли. Черную рясу замѣнилъ онъ желтымъ становымъ кафтаномъ, стеганымъ полосами и подбитымъ голубою бахтой. Восемь шелковыхъ завязокъ съ длинными кистями висѣли вдоль разрѣза. Посохъ и колпакъ, украшенный большимъ изумрудомъ, лежали передъ царемъ на столѣ. Ночныя видѣнія, безпрерывная молитва, отсутствіе сна, не истощили силъ Іоанновыхъ, но лишь привели его въ высшую степень раздражительности. Все испытанное ночью опять представилось ему обмороченьемъ дьявола. Царь стыдился своего страха.

„Врагъ имени Христова, думалъ онъ,—упорно перечитъ мнѣ и помогаетъ моимъ злодѣямъ. Но не дамъ ему надо мною тѣшиться! Не устрашуся его навожденій! Покажу ему, что не по плечу онъ себѣ борца нашелъ!“

И рѣшился царь карать попрежнему измѣнниковъ и

предавать смерти злодѣевъ своихъ, хотя были бъ ихъ тысячи.

И сталъ онъ мыслію пробѣгать подданныхъ и между ними искать предателей.

Каждый взглядъ, каждое движеніе теперь казалось ему подозрительнымъ.

Онъ припоминалъ разныя слова своихъ приближенныхъ и въ словахъ этихъ искалъ ключа къ заговорамъ. Самые родные не избѣжали его подозрѣній.

Малюта засталъ его въ состояніи похожемъ на лихорадочный бредъ.

— Государь, сказалъ, помолчавъ, Григорій Лукьяновичъ,—ты велишь пытать Колычевыхъ про новыхъ измѣнниковъ. Ужь положись на меня. Я про все заставлю Колычевыхъ съ пытокъ разказать. Одного только не сумѣю: не сумѣю заставить ихъ назвать твоего набольшаго супротивника!

Царь съ удивленіемъ взглянулъ на любимца.

Въ глазахъ Малюты было что-то необыкновенное.

— Оно, государь, дѣло такое, продолжалъ Скуратовъ, и голосъ его измѣнился,—что и глазъ видитъ, и ухо слышитъ, а вымолвить языкъ не поворотится...

Царь смотрѣлъ на него вопрошающимъ окомъ.

— Вотъ ты, государь, примѣрно, уже много воровъ казнилъ, а измѣна все еще на Руси не вывелась. И еще ты столько же казнишь, и вдесятеро болѣе, а измѣны все не избудешь!

Царь слушалъ и не догадывался.

— Оттого, государь, не избыть тебѣ измѣны, что ты рубишь у нея сучья да вѣтви, а стволъ-то самый и съ корнемъ стоитъ здоровехонекъ!

Царь все еще не понималъ, но слушалъ съ возрастающимъ любопытствомъ.

— Видишь, государь, какъ бы тебѣ сказать. Вотъ, примѣрно, вспомни, когда ты при смерти лежалъ, дай Богъ тебѣ много лѣтъ здравствовать! а бояре-то на тебя труднаго заговоръ затѣяли. Вѣдь у нихъ былъ тогда старшой, примѣрно, братецъ твой Володиміръ Андреичъ!

„А! подумалъ царь: — такъ вотъ что значили мои ночныя видѣнія! Врагъ хотѣлъ помрачить разумъ мой, чтобъ

убоялся я сокрушить замыслы брата. Но будетъ не такъ. Не пожалѣю и брата!"

— Говори, сказалъ онъ, обращаясь грозно къ Малютѣ,— говори что́ знаешь про Володиміра Андреича.

— Нѣтъ, государь, моя рѣчь теперь не про Володиміра Андреича. Въ немъ я уже того не чаю, чтобы онъ что-либо надъ тобой учинилъ. И бояре къ нему теперь уже не мыслятъ. Давно пересталъ онъ подыскиваться подъ тобою царства. Моя рѣчь не про него!

— Про кого же? спросилъ царь съ удивленіемъ, и черты его судорожно задвигались.

— Видишь, государь: Володиміръ-то Андреичъ раздумалъ государство мутить, да бояре-то не раздумали. Они себѣ на умѣ; не удалось-молъ его на царство посадить, такъ мы посадимъ...

Малюта замялся.

— Кого? спросилъ царь, и глаза его запылали.

Малюта позеленѣлъ.

— Государь! Не все пригоже выговаривать. Нашъ братъ думай да гадай, а языкъ держи за зубами.

— Кого? повторилъ Іоаннъ, вставая съ мѣста.

Малюта медлилъ отвѣтомъ.

Царь схватилъ его за воротъ обѣими руками, придвинулъ лицо его къ своему лицу и впился въ него глазами.

Ноги Малюты стали подкашиваться.

— Государь, сказалъ онъ вполголоса,—ты на него не гнѣвайся, вѣдь онъ не самъ вздумалъ!

— Говори! произнесъ хриплымъ шепотомъ Іоаннъ и стиснулъ крѣпче воротъ Малюты.

— Ему-то и на умъ бы не взбрело, продолжалъ Малюта, избѣгая царскаго взора,—ну, а должно-быть подбили его. Кто къ нему поближе, тотъ и подбилъ. А онъ, грѣшный человѣкъ, подумалъ себѣ: не много позже, не много ранѣ, все тѣмъ же кончится.

Царь началъ догадываться. Онъ сдѣлался блѣднѣе. Пальцы его стали разгибаться и выпускать воротъ Малюты.

Малюта оправился. Онъ понялъ, что настала пора для рѣшительнаго удара.

— Государь! сказалъ онъ вдругъ рѣзко:—не ищи измѣны далеко. Супротивникъ твой сидитъ супротивъ тебя, онъ

пьетъ съ тобой съ одного ковша, ѣстъ съ тобой съ одного блюда, платье носитъ съ одного плеча!

Замолчалъ Скуратовъ и, полный ожиданія, рѣшился устремить на царя кровавые глаза свои.

Замолчалъ и царь. Руки его опустились. Понялъ онъ наконецъ Малюту.

Въ это мгновеніе раздались на дворѣ радостные крики.

Еще въ самое-то время какъ начался разговоръ между царемъ и Скуратовымъ, царевичъ съ своими окольными въѣхалъ на дворъ, гдѣ ожидали его торговые люди черныхъ сотенъ и слободъ, пришедшіе отъ Москвы съ хлѣбомъ-солью и съ челобитьемъ.

Увидѣвъ царевича, они всѣ стали на колѣни.

— Чего вы просите, аршинники? спросилъ небрежно царевичъ.

— Батюшка! отвѣчали старшины,—пришли мы плакаться твоей милости! Будь намъ заступникомъ! Умилосердись надъ нашими головами! Раззоряютъ насъ совсѣмъ опричники, заѣдаютъ и съ женами, и съ дѣтьми!

— Вишь дурачье! сказалъ царевичъ, обращаясь съ усмѣшкой къ Басманову.—Они бъ хотѣли и женъ, и товаръ про себя однихъ держать! Да чего вы расхныкались? Ступайте себѣ домой; я, пожалуй, попрошу батюшку за васъ, дураковъ!

— Отецъ ты нашъ, дай Богъ тебѣ многія лѣта! закричали торговые люди.

Царевичъ сидѣлъ на конѣ. Возлѣ него былъ Басмановъ. Просители стояли передъ ними на колѣняхъ. Старшій держалъ золотое блюдо съ хлѣбомъ-солью.

Малюта все видѣлъ изъ окна.

— Государь, шепнулъ онъ царю,—должно-быть его подбилъ кто-нибудь изъ тѣхъ, что теперь съ нимъ. Посмотри, вотъ уже народъ ему на царствѣ здороваетъ!

И какъ чародѣй пугается недоброй силы, которую самъ онъ вызвалъ, такъ Малюта испугался выраженія, которое слова его вызвали на чертахъ Іоанна.

Съ лица царя исчезло все человѣческое. Такимъ страшнымъ никогда не видывалъ его Малюта.

Прошло нѣсколько мгновеній. Вдругъ Іоаннъ улыбнулся.

— Гриша, сказалъ онъ, положивъ обѣ руки на плеча

Скуратова,—какъ бишь ты сейчасъ говорилъ? Я рублю сучья да вѣтви, а стволъ-то стоитъ здоровешенекъ?

— Гриша, продолжалъ царь, медленно выговаривая каждое слово и смотря на Малюту съ какой-то страшной довѣрчивостью,— берешься ли ты вырвать съ корнемъ измѣну?

Злобная радость скривила ротъ Малюты.

— Для твоей милости берусь, прошепталъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Выраженіе Іоанна мгновенно измѣнилось. Улыбка исчезла, и черты приняли холодную, непреклонную неподвижность. Лицо его казалось высѣченнымъ изъ мрамора.

— Не надо медлить! сказалъ онъ отрывисто и повелительно.—Никто чтобы не зналъ объ этомъ. Онъ сегодня будетъ на охотѣ. Сегодня же пусть найдутъ его въ лѣсу. Скажутъ, онъ убился съ коня. Знаешь ты Поганую Лужу?

— Знаю, государь.

— Тамъ чтобъ нашли его! Царь указалъ на дверь.

Малюта вышелъ и въ сѣняхъ вздохнулъ свободнѣе.

Царь долго оставался неподвиженъ. Потомъ онъ медленно подошелъ къ образамъ и упалъ предъ ними на колѣни.

Изо всѣхъ слугъ Малютиныхъ самый удалый и расторопный былъ стремянной его Матвѣй Хомякъ. Онъ никогда не уклонялся отъ опасности, любилъ буйство и нахѣдничество и уступалъ въ звѣрствѣ лишь своему господину. Нужно ли было поджечь деревню или подкинуть грамоту, по которой послѣ казнили боярина, требовалось ли увезти жену чью-нибудь, всегда посылали Хомяка. И Хомякъ поджигалъ деревни, подкидывалъ грамоты и вмѣсто одной жены привозилъ ихъ нѣсколько.

Къ Хомяку обратился и теперь Григорій Лукьяновичъ. Что они толковали вмѣстѣ, того никто не услышалъ. Но въ это самое утро, когда гончія царевича дружно заливались въ окрестностяхъ Москвы, а вниманіе охотниковъ, стоявшихъ на лазахъ, было поглощено ожиданіемъ, и каждый напрягалъ свое зрѣніе, и ни одинъ не заботился о томъ что дѣлали его товарищи,—въ это время, по глухому проселку, скакали, удаляясь отъ мѣста охоты, Хомякъ и Малюта, а промежь нихъ съ связанными руками, прикрученный къ сѣдлу, скакалъ кто-то третій, котораго лицо

скрывалъ черный башлыкъ, надвинутый до самаго подбородка. На одномъ изъ поворотовъ проселка примкнули къ нимъ двадцать вооруженныхъ опричниковъ, и всѣ вмѣстѣ продолжали скакать, не говоря ни слова.

Охота межь тѣмъ шла своимъ чередомъ, и никто не замѣтилъ отсутствія царевича, исключая двухъ стремянныхъ, которые теперь издыхали въ оврагѣ, пронзенные ножами.

Верстъ тридцать отъ слободы, среди дремучаго лѣса, было топкое и непроходимое болото, которое народъ прозвалъ Поганою Лужей. Много чудеснаго разказывали объ этомъ мѣстѣ. Дровосѣки боялись въ сумерки подходить къ нему близко. Увѣряли, что въ лѣтнія ночи надъ водою прыгали и рѣзвились огоньки, души людей, убитыхъ разбойниками и брошенныхъ ими въ Поганую Лужу.

Даже среди бѣлаго дня болото имѣло видъ мрачной таинственности. Большія деревья, лишенныя снизу вѣтвей, поднимались изъ воды, мутной и черной. Отражаясь въ ней какъ въ туманномъ зеркалѣ, они принимали чудный видъ уродливыхъ людей и небывалыхъ животныхъ. Не слышно было вблизи болота человѣческаго голоса. Стаи дикихъ утокъ прилетали иногда плескаться на его поверхности. Въ камышѣ раздавался жалобный крикъ водяной курочки. Черный воронъ пролеталъ надъ вершинами деревъ, и зловѣщее карканье его повторялось отголосками. Иногда слышны были далеко, далеко стукъ топора, трескъ надрубленнаго дерева и глухое паденіе.

Но когда солнце опускалось за вершины, когда надъ болотомъ подымался прозрачный паръ, стукъ топора умолкалъ, и прежніе звуки замѣнялись новыми. Начиналось однообразное кваканье лягушекъ, сперва тихое и отрывистое, потомъ громко, слитымъ хоромъ.

Чѣмъ болѣе сгущалась темнота, тѣмъ громче кричали гады. Голоса ихъ составляли какъ бы одинъ безпрерывный и продолжительный гулъ, такъ что ухо къ нему привыкало и различало сквозь него и дальній вой волковъ, и вопли филина. Мракъ становился гуще; предметы теряли свой прежній видъ и облекались въ новую наружность. Вода, древесныя вѣтви и туманныя полосы сливались въ одно цѣлое. Образы и звуки смѣшивались вмѣстѣ и ускользали

отъ человѣческаго понятія. Поганая Лужа дѣлалась достояніемъ силы нечистой.

Къ сему-то проклятому мѣсту, но не въ темную ночь, а въ утро солнечное, Малюта и опричники его направляли бѣгъ свой.

Въ то самое время какъ они торопились и погоняли коней, другіе молодцы недобраго вида, собирались въ дремучемъ лѣсу, не далеко отъ Поганой Лужи.

ГЛАВА XIII.

Ванюха Перстень и его товарищи.

На широй полянѣ, окруженной древними дубами и непроходимымъ ломомъ, стояло нѣсколько земляныхъ куреней; а между ними на опрокинутыхъ пняхъ, на вывороченныхъ корняхъ, на кучахъ сѣна и сухихъ листьевъ, лежало и сидѣло множество людей разныхъ возрастовъ, въ разныхъ одеждахъ. Вооруженные молодцы безпрестанно выходили изъ глубины лѣса и присоединялись къ товарищамъ. Много было между ними разнообразія. Сермяги, ферязи и зипуны, иные въ лохмотьяхъ, другіе блестящіе золотомъ; виднѣлись сквозь вѣтви деревъ. У иныхъ молодцовъ были привѣшены къ бедрамъ сабли, другіе мотали въ рукахъ кистени, или опирались на широкіе бердыши. Не мало было тутъ рубцовъ, морщинъ, всклокоченныхъ головъ и бородъ нечесаныхъ.

Удалое товарищество раздѣлилось на разные кружки. Въ самой серединѣ поляны варили кашу и жарили на прутьяхъ говядину. Надъ трескучимъ огнемъ висѣли котлы; дымъ отдѣлялся сизымъ облакомъ отъ зеленаго мрака, окружавшаго поляну какъ бы плотною стѣной. Кашевары покашливали, терли себѣ глаза и отворачивались отъ дыму.

Немного подалѣе, старикъ, съ сѣдою кудрявою головой, съ длинною бородой, разказывалъ молодежи какую-то сказку. Онъ говорилъ стоя и опершись на топоръ, насаженный на длинную палку. Въ этомъ положеніи старику было ловчѣе

разказывать чѣмъ сидя. Онъ могъ и выпрямиться, и обернуться во всѣ стороны, и въ приличномъ мѣстѣ взмахнуть топоромъ, и присвистнуть по-молодецки. Ребята слушали его съ истиннымъ наслажденіемъ. Они и уши поразвѣсили и рты поразиѣвали. Кто присѣлъ на землю, кто взобрался на сучокъ, кто просто разставилъ ноги и выпучилъ глаза; но бо́льшая часть лежала на животахъ, упершись локтями о земь, а подбородкомъ о ладони: оно-де сподручнѣе.

Далѣе, двое молодцовъ тузили другъ друга по головѣ кулаками. Игра состояла въ томъ, что кто-де изъ насъ первый попроситъ пощады. И ни одному не хотѣлось просить ея. Уже оба противника побагровѣли какъ двѣ свеклы, но дюжіе кулаки не переставали стучать о головы, словно молоты о наковальни.

— Эй, не будетъ ли съ тебя, Хлопко? спросилъ тотъ, который казался послабѣе.

— Небось, братъ, Андрюшка! когда будетъ, скажу. А вотъ тебѣ такъ сейчасъ плохо придется!

И кулаки продолжали стучать.

— Смотрите, братцы, вотъ Андрюшка тотчасъ свалится, говорили зрители.

— Нѣтъ, не свалится! отвѣчали другіе;—зачѣмъ ему свалиться, у него голова здорова!

— А вотъ увидишь, свалится!

Но Андрюшкѣ и подлинно не хотѣлось свалиться. Онъ изловчился, и вмѣсто того чтобы ударить противника по макушкѣ, хватилъ его кулакомъ въ високъ.

Хлопко опрокинулся.

Многіе изъ зрителей захохотали, но бо́льшая часть изъявила негодованіе.

— Не честно! не честно! закричали они:—Андрюшка слукавилъ! Отодрать Андрюшку!

И Андрюшку тотчасъ же отодрали.

— Откуда молодцовъ Богъ несетъ? спросилъ старый сказочникъ у нѣсколькихъ парней, которые подошли къ огню и робко озирались во всѣ стороны.

— Ихъ привелъ ражій дѣтина съ широкимъ ножомъ за поясомъ: на парняхъ не было оружія, они казались новичками.

— Слышь, вы, соколики! сказалъ, обращаясь къ нимъ ра-

жій дѣтина,—дѣдушка Коршунъ спрашиваетъ, откуда васъ Богъ принесъ? Отвѣчайте дѣдушкѣ!

— Да оно, тово, вотъ какъ будетъ. Я-то изъ-подъ Москвы! отвѣчалъ одинъ изъ парней, немного запинаясь.

— А зачѣмъ изъ гнѣздышка вылетѣлъ? спросилъ Коршунъ: — нѣшто морозомъ хватило, али черезчуръ жарко стало?

— Стало-быть жарко! отвѣчалъ парень;—какъ опричники избу-то запалили, такъ сперва стало жарко, а какъ сгорѣла-то изба, такъ и морозомъ хватило на дворѣ!

— Вотъ оно какъ. Ты парень не глупый. Ну, а ты чего пришелъ?

— А родни искать!

Разбойники захохотали.

— Вишь что выдумалъ! Какой тебѣ родни?

— Да какъ убили опричники матушку да батюшку, сестеръ да братьевъ, скучно стало одному на свѣтѣ; думаю себѣ: пойду къ добрымъ людямъ; они меня накормятъ, напоятъ, будутъ мнѣ братьями да отцами! Встрѣтилъ въ кружалѣ вотъ этого молодца, догадался, что онъ вашъ, да и попросилъ взять съ собою.

— Добрый ты парень! сказали разбойники:—садись съ нами, хлѣбъ да соль, мы тебѣ будемъ братьями!

— А этотъ чего стоитъ, повѣся носъ, словно не солоно хлебалъ? Эй ты, плакса, что губы надулъ? Откуда ты?

— Сподъ Коломны! отвѣчалъ, лѣниво ворочая языкомъ, дюжій молодой парень, стоявшій съ печальнымъ видомъ позади другихъ.

— Что жь, и тебя опричники обидѣли, что ли?

— Нявѣсту взяли! отвѣчалъ парень нехотя и протяжно.

— А ну-ка разкажи!

— Да что тутъ разказывать! Наѣхали, да и взяли!

— Ну а потомъ?

— Что жь, потомъ? Потомъ ничаво!

— Зачѣмъ же ты не отбилъ невѣсты?

— Гдѣ жь ее было отбивать? Какъ наѣхали, такъ и взяли.

— А ты на нихъ такъ и смотрѣлъ, разиня ротъ?

— Нѣтъ, опосля, какъ удрали-то, такъ ужь такъ осерчалъ, что Боже сохрани.

Разбойники опять захохотали.

— Да ты, братъ, видно, тяжелъ на подъемъ!

Парень скроилъ глупое лицо и не отвѣчалъ.

— Эй ты, пареная рѣпа! сказалъ одинъ разбойникъ,— взяли у тебя невѣсту, такъ изъ-за этого еще нечего киснуть! другую найдешь!

Парень смотрѣлъ, разиня ротъ, и не говорилъ ни слова. Лицо его разбойникамъ показалось забавнымъ.

— Слышь ты, съ тобой говорятъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, толкая его подъ бокъ.

Парень молчалъ.

Разбойникъ толкнулъ его крѣпче.

Парень посмотрѣлъ на него такъ глупо, что всѣ опять принялись хохотать.

Нѣсколько человѣкъ подошли къ нему и стали толкать его.

Парень не зналъ, сердиться ли ему или нѣтъ; но одинъ толчокъ сильнѣе другихъ вывелъ его изъ соннаго хладнокровія.

— Полно вамъ пхаться! сказалъ онъ: — что́ я вамъ куль муки что́ ль дался? Перестаньте, осерчаю!

Разбойники пуще стали смѣяться.

Парню и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось разсердиться, только лѣнь и природная сонливость превозмогали его гнѣвъ. Ему казалось, что не стоитъ сердиться изъ-за бездѣлицы, а важной-то причины не было!

— Серчай же, дурень! сказали разбойники,—что́ жь ты не серчаешь?

— А нутка, толкните-ка ящо!

— Вишь, какой лакомый! На, вотъ тебѣ!

— А нутка крѣпчае!

— Вотъ тебѣ!

— Ну тяперь держитесь! сказалъ парень, разсердясь наконецъ не на шутку.

Онъ засучилъ рукава, плюнулъ въ кулаки и принялся катать праваго и виноватаго. Разбойники не ожидали такого нападенія. Тѣ, которые были поближе, въ одинъ мигъ опрокинулись и сшибли съ ногъ товарищей. Вся ватага отхлынула къ огню; котелъ упалъ, и щи разлились на уголья.

— Тише, ты, тише, сатана! Чего расходился! Говорятъ тебѣ: тише! кричали разбойники.

Но парень уже ничего не слыхалъ. Онъ продолжалъ ма-

хать кулаками вправо и влѣво и каждымъ ударомъ сшибалъ по разбойнику, а иногда и по два.

— Вишь медвѣдь! говорили тѣ, которые успѣвали отскочить въ сторону.

Наконецъ парень образумился. Онъ пересталъ драться и остановился посреди опрокинутыхъ и разбитыхъ горшковъ, почесывая затылокъ, какъ будто желая сказать:

— Что жь это я въ самомъ дѣлѣ надѣлалъ!

— Ну, братъ, сказали разбойники, подымаясь на ноги и потирая ребра, — кабы ты тогда въ пору осерчалъ, не отбили бы у тебя невѣсты! Вишь какой Илья Муромецъ!

— Да какъ тебя зовутъ, молодца? спросилъ старый разбойникъ.

— А Митькою!

— Ну Митька! Ай-да Митька!

— Вотъ ужь Митька!

— Ребята! сказалъ подбѣгая къ нимъ одинъ молодецъ,—атаманъ опять началъ разказывать про свое житье на Волгѣ. Всѣ бросили и пѣсни пѣть, и сказки слушать, сидятъ вокругъ атамана. Пойдемъ поскорѣе, а то мѣста не найдемъ!

— Пойдемъ, пойдемъ слушать атамана! раздалось между разбойниками.

На срубленномъ пнѣ, подъ тѣнью огромнаго дуба, сидѣлъ широкоплечій дѣтина, средняго роста въ богатомъ зипунѣ шитомъ золотомъ. Голову его покрывала мисюрка, или желѣзная круглая шапка, въ родѣ тафьи, называвшаяся также и наплешникомъ. Къ шапкѣ придѣлана была бармица, или стальная кольчатая сѣть, защищавшая отъ сабельныхъ ударовъ затылокъ, шею и уши. Широкоплечій дѣтина держалъ въ рукѣ чеканъ, молотъ заостренный съ задней стороны и насаженный на топорище. Въ этомъ убранствѣ трудно было бы узнать стараго нашего знакомца, Ваньку Перстня. Глаза его бѣгали во всѣ стороны. Изъ-подъ коротких черныхъ усовъ сверкали зубы столь ослѣпительной бѣлизны, что они, казалось, освѣщали все лицо его.

Разбойники молчали и слушали.

— Такъ вотъ, братцы, говорилъ Перстень,—это еще не диковина, остановить обозъ, или боярина ограбить, когда васъ десятеро на одного. А вотъ была бы диковина, кабы одинъ остановилъ да ограбилъ человѣкъ пятьдесятъ или болѣ!

— Эхъ хватилъ! отозвались разбойники:—малаго захотѣлъ! Небось, ты остановишь!

— Моя рѣчь не про меня, а знаю я молодца, что̀ и одинъ обозъ останавливалъ!

— Ужь не опять ли твой волжскій богатырь!

— Да не кто другой. Вотъ примѣрно, тянулось разъ судишко на бичевѣ изъ-подъ Астрахани вверхъ по матушкѣ Волгѣ. На судишкѣ-то народу было не мало; все купцы молодцы съ пищалями, съ саблями, кафтаны на распашку, шапки на бекрень, не хуже нашего брата. А грузу-то: золота, каменьевъ самоцвѣтныхъ, жемчугу, вещицъ астраханскихъ и всякой дряни: еще, али полно! Берегъ-то высокій, бичевникъ-то узенькій, а среди Волги островъ: скала голая, да супротивъ теченья, словно ножомъ уголъ вышелъ, такой острый что Боже упаси.

„Вотъ провѣдалъ мой молодецъ, съ чѣмъ Богъ несетъ судно. Не сказалъ никому ни слова, пошелъ съ утра, засѣлъ въ кусты, въ усъ не дуетъ. Проходитъ часъ, проходитъ другой, идутъ, попатужившись, лямочники, человѣкъ двѣнадцать, одинъ за другимъ, налегли на ремни, да и кряхтятъ, высунувъ языки. Судишко-то видно не легонько, да и быстрина-то народу не подъ силу!

„Вотъ мой молодецъ и прожди, чтобъ они скалу-то остру миновали саженей на полсотни. Да какъ выскочитъ изъ-за кустовъ, да какъ хватитъ саблей поперегъ бичевы, такъ и перерубилъ пополамъ, а лямочники-то какъ шли сердечные, такъ и шлепнулись о земь носами. Тутъ онъ кого кистенемъ, кого кулакомъ, а кто вскочилъ да давай Богъ ноги! Понесло судно назадъ по теченію, прямо на скалу. Всполошились купцы, никто и стрѣлять не думаетъ, думаютъ только, какъ бы миновать уголъ, чтобы судна-то не разбить! А мой молодецъ одной рукой поймай бичеву, а другой ухватись за дерево да и останови судно.

„— Эй вы, артинники, купцы! удалые молодцы! Бросайте въ воду сабли да пищали, честью прошу, не то бичеву пущу, такъ васъ и съ грузомъ поминай какъ звали!

„Купцы навели было на богатыря стволики, да тотчасъ и опустили; думаютъ: какъ же это? убьемъ его, такъ некому и бичевы подержать!

„Нечего дѣлать, побросали оружіе въ воду, да только не все; думаютъ, какъ взойдешь, молодецъ, на палубу, грабить

судно, такъ мы тутъ тебѣ и карачунъ! Да мой богатырь не промахъ.

„— Добро, говоритъ, купчики голубчики, пошло оружіе ко дну, ступайте жь и вы куда кому годно! А сказать другими словами прыгайте съ судна внизъ головами!

„Они было замялись, а онъ, ребятушки, зацѣпилъ бичеву за дерево, схватилъ пищаль да и пустилъ по нихъ пулю.

„Тутъ всѣ, сколько ни было ихъ, попрыгали въ воду, словно лягушки.

„А онъ кричитъ:

„— Не плыть сюда, приставай къ тому берегу, не то всѣхъ какъ утокъ перестрѣляю!“

— Что, ребята, каковъ богатырь?

— Молодецъ! сказали разбойники,—вотъ ужь подлинно молодецъ! Да что жь онъ съ судномъ-то сдѣлалъ?

— Съ судномъ-то? А намоталъ на руку бичеву, словно нитку съ бумажнымъ змѣемъ, да и вытащилъ судно на мель.

— Да что жь онъ, ростомъ съ Полкана, что ли?

— Нѣтъ не съ Полкана. Ростомъ-то онъ не болѣ мово, да плечики будутъ пошире!

— Шире твоихъ! Что жь это, на что жь онъ похожъ выходитъ!

— Да похожъ на молодца: голова кудластая, борода черная, сутуловатъ маленько, лицо плоское, да за то глаза посмотрѣть — страхъ!

— Воля твоя атаманъ, ты про него говоришь, какъ про чудо какое, а намъ что-то не вѣрится. Ужь молодцоватѣе тебя мы не видывали!

— Не видывали лучше меня! Да что вы, дураки, видѣли! Да знаете ли, продолжалъ Перстень съ жаромъ, — знаете ли, что я передъ нимъ ничего! Дрянь, просто дрянь, да и только!

— Да какъ же зовутъ твоего богатыря?

— Зовутъ его братцы, Ермакомъ Тимоѳеичемъ!

— Вишь, какое имя! Что жь онъ одинъ, что ли, безъ шайки промышляетъ?

— Нѣтъ, не одинъ. Есть у него шайка добрая, есть и вѣрные эсаулики. Только разгнѣвался на нихъ царь православный. Послалъ на Волгу дружину свою разбить ихъ,

голубчиковъ, а одному эсаулику, Ивану Кольцу, головушку велѣлъ отсѣчь да къ Москвѣ привезти.

— Что жь, поймали его?

— Поймали было царскіе люди Кольцо, только проскользнуло оно у нихъ промежь пальцевъ, да и покатилось по бѣлу свѣту. Гдѣ оно теперь сердечное, Богъ-вѣсть, только, я чаю, скоро опять на Волгу перекатится! Кто разъ побывалъ на Волгѣ, тому не ужиться на другой сторонушкѣ!

Замолчалъ атаманъ и задумался.

Задумались и разбойники. Опустили они буйныя головы на груди могучія и поглаживали, молча, усы длинные и бороды широкія. О чемъ думали удальцы разудалые, сидя на полянѣ, среди лѣса дремучаго? О молодости ли своей погибшей, когда были еще честными воинами и мирными поселянами? О матушкѣ ли Волгѣ серебряной? или о дивномъ богатырѣ, про котораго разказывалъ Перстень? или думали они о хоромахъ высокихъ среди поля чистаго, о двухъ столбикахъ съ перекладинкой, о которыхъ, въ минуту грусти, думала въ то время всякая лихая, забубенная голова?

— Атаманъ! вскричалъ одинъ разбойникъ, подбѣгая къ Перстню, и весь запыхавшись,—верстъ пять отсюда, по рязанской дорогѣ ѣдутъ человѣкъ двадцать вершниковъ съ богатымъ оружіемъ, всѣ въ золоченыхъ кафтанахъ! Аргамаки и бахматы подъ ними рублей во сто каждый, или болѣ!

— Куда ѣдутъ? спросилъ Перстень, вскакивая.

— Вотъ только что поворотили къ Поганой Лужѣ. Я какъ увидѣлъ, такъ напрямикъ сюда и прибѣжалъ болотомъ да лѣсомъ.

— Ну, ребята, вскричалъ Перстень,—полно бобы на печи разводить! двадцать человѣкъ чтобы шли за мной!

— Ты, Коршунъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ старому разбойнику,—возьми двадцать другихъ, да засядьте у криваго дуба, отрѣжьте имъ дорогу, коли мы неравно опоздаемъ. Ну, живо за сабли!

Перстень взмахнулъ чеканомъ и сверкнулъ очами. Онъ походилъ на грознаго полководца среди послушнаго войска.

Прежнее свободное обращеніе разбойниковъ исчезло и уступило мѣсто безусловной покорности.

Въ одинъ мигъ сорокъ станичниковъ отошли отъ толпы и раздѣлились на два отряда.

— Эй, Митька! сказалъ Коршунъ молодому парню изъ-подъ Коломны,—на тебѣ посошокъ, ступай съ нами, да понатужься, авось осерчаешь!

Митька скроилъ глупую рожу, взялъ хладнокровно изъ рукъ старика огромную дубину, взвалилъ ее на плеча и пошелъ, переваливаясь, за своимъ отрядомъ ко кривому дубу.

Другой отрядъ, предводимый Перстнемъ, поспѣшилъ къ Поганой Лужѣ, на переемъ неизвѣстнымъ всадникамъ.

ГЛАВА XIV.

Оплеуха.

Въ то самое время какъ Малюта и Хомякъ, сопровождаемые отрядомъ опричниковъ, везли незнакомца къ Поганой Лужѣ, Серебряный сидѣлъ въ дружеской бесѣдѣ съ Годуновымъ за столомъ уставленнымъ кубками.

— Скажи, Борисъ Ѳедорычъ, говорилъ Серебряный,—что сталось съ царемъ сею ночью? съ чего поднялась вся слобода на полунощницу? Аль то у васъ часто бываетъ?

Годуновъ пожалъ плечами.

— Великій государь нашъ, сказалъ онъ,—часто жалѣетъ и плачетъ о своихъ злодѣяхъ, и часто молится за ихъ души. А что онъ созвалъ насъ на молитву ночью, тому дивиться нечего. Самъ Василій Великій во второмъ посланіи къ Григорію Назіанзину говоритъ: что другимъ утро, то трудящимся въ благочестіи полунощь. Среди ночной тишины, когда ни очи, ни уши не допускаютъ въ сердце вредительнаго, пристойно уму человѣческому пребывать съ Богомъ!

— Борисъ Ѳедорычъ! Случалось мнѣ видѣть и прежде какъ царь молился; оно было не такъ. Все теперь стало иначе. И опричины я въ толкъ не возьму. Это не монахи, а разбойники. Немного дней какъ я на Москву вернулся, а столько неистовыхъ дѣлъ наслышался и насмотрѣлся, что и повѣрить трудно. Должно-быть обошли государя. Вотъ

ты, Борисъ Ѳедорычъ, близокъ къ нему, онъ любитъ тебя, чтобъ тебѣ сказать ему про опричнину!

Годуновъ улыбнулся простотѣ Серебрянаго.

— Царь милостивъ ко всѣмъ, сказалъ онъ, съ притворнымъ смиреніемъ,—и меня жалуетъ не по заслугамъ. Не мнѣ судить о дѣлахъ государскихъ, не мнѣ царю указывать. А опричнину понять не трудно: вся земля государева, всѣ мы подъ его высокою рукой, что̀ возьметъ государь на свой обиходъ, то и его, а что̀ намъ оставитъ, то наше; кому велитъ быть около себя, тѣ къ нему близко, а кому не велитъ, тѣ далеко. Вотъ и вся опричнина.

— Такъ, Борисъ Ѳедорычъ, когда ты говоришь, оно выходитъ гладко, а на дѣлѣ не то. Опричники губятъ и насилуютъ земщину хуже татаръ. Нѣтъ на нихъ никакого суда. Вся земля отъ нихъ гибнетъ! Ты бы сказалъ царю. Онъ бы тебѣ повѣрилъ!

— Князь Никита Романычъ, много есть зла на свѣтѣ. Не потому люди губятъ людей, что одни опричники, другіе земскіе, а потому что и тѣ и другіе люди! Положимъ, я бы сказалъ царю; что̀ жь изъ того выйдетъ? Всѣ на меня подымутся и самъ царь на меня жъ опалится!..

— Что̀ жь? Пусть опалится, а ты сдѣлалъ по совѣсти, сказалъ ему правду!

— Никита Романычъ! Правду сказать не долго, да говорить-то надо умѣючи. Кабы сталъ я перечить царю, давно бы меня здѣсь не было, а не было бъ меня здѣсь, кто бъ тебя вчера отъ плахи спасъ?

— Что̀ дѣло, то дѣло, Борисъ Ѳедорычъ, дай Богъ тебѣ здоровья, пропалъ бы я безъ тебя!

Годуновъ подумалъ, что убѣдилъ князя.

— Видишь ли, Никита Романычъ, продолжалъ онъ,—хорошо стоять за правду, да одинъ въ полѣ не воевода. Чтобъ ты сдѣлалъ, кабы примѣрно сорокъ воровъ стали при тебѣ рѣзать безвиннаго?

— Что̀ бъ сдѣлалъ? А хватилъ бы саблею по всѣмъ по сорока и сталъ бы крошить ихъ доколѣ бъ души Богу не отдалъ!—Годуновъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— И отдалъ бы душу, Никита Романычъ, сказалъ онъ,—на пятомъ, много на десятомъ ворѣ; а достальные все-таки бъ зарѣзали безвиннаго. Нѣтъ; лучше не трогать ихъ, князь; а какъ станутъ они обдирать убитаго, тогда крик-

нуть, что Степка-де взялъ на себя болѣе Мишки, такъ они и сами другъ друга перерѣжутъ!

Серебряному былъ такой отвѣтъ не по сердцу. Годуновъ замѣтилъ это и перемѣнилъ разговоръ.

— Вишь, сказалъ онъ, глядя въ окно,—кто это сюда скачетъ, сломя шею? Смотри, князь, никакъ твой стремянной?

— Врядъ ли! отвѣчалъ Серебряный;—онъ отпросился у меня сегодня верстъ за двадцать на богомолье...

Но вглядѣвшись пристальнѣе во всадника, князь въ самомъ дѣлѣ узналъ Михеича. Старикъ былъ блѣденъ какъ смерть. Сѣдла подъ нимъ не было; казалось, онъ вскочилъ на перваго коня, попавшагося подъ руку, а теперь, вопреки приличію, влетѣлъ на дворъ, подъ самыя красныя окна.

— Батюшка Никита Романычъ! кричалъ онъ еще издали,—ты пьешь, ѣшь, прохлажаешься, а кручинушки-то не вѣдаешь? Сейчасъ встрѣлъ я, вонъ за церквой Малюту Скуратова да Хомяка; оба верхомъ, а промежь нихъ, руки связаны, кто бы ты думалъ? Самъ царевичъ! самъ царевичъ, князь! Надѣли они на него черный башлыкъ, проклятые, только вѣтромъ-то сдуло башлыкъ, я и узналъ царевича! Посмотрѣлъ онъ на меня, словно помощи проситъ, а Малюта, тетка его подкурятина, подскочилъ, да опять и нахлобучилъ ему башлыкъ на лицо!

Серебряный вспрянулъ съ мѣста.

— Слышишь, слышишь, Борисъ Ѳедорычъ! вскричалъ онъ, сверкая глазами.—Али ждать еще, чтобъ воры перессорились межь собой! И онъ бросился съ крыльца.

— Давай коня, крикнулъ онъ, вырывая узду изъ рукъ Михеича.

— Да это, сказалъ Михеичъ,—конь-то не по тебѣ, батюшка, это конь плохой, да и сѣдла-то на немъ нѣтути... да и какъ же тебѣ на такомъ конѣ къ царю ѣхать?...

Но князь уже вскочилъ и полетѣлъ не къ царю, а въ погоню за Малютой...

Есть старинная пѣсня, можетъ-быть, современная Іоанну, которая описываетъ по своему приводимое здѣсь событіе:

Когда зачиналась каменна Москва,
Зачинался царь Иванъ, государь Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,
Подъ Казань городъ, подъ Астрахань;

Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ царя и съ царицею;
Выводилъ измѣну изъ Пскова,
Изъ Пскова и изъ Новгорода.
Какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы!
Что возговоритъ Малюта, злодѣй Скурлатовичъ:
„Ахъ ты гой еси царь Иванъ Васильевичъ!
„Не вывесть тебѣ измѣнушки до вѣку!
„Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
„Ѣстъ съ тобой съ одного блюда
„Пьетъ съ тобой съ одного ковша,
„Платье носитъ съ одного плеча!“
И тутъ царь догадается,
На царевича осержается.
„Ахъ вы гой еси, князья и бояре!
„Вы берите царевича подъ бѣлы руки,
„Надѣвайте на него платье черное,
„Поведите его на то болото жидкое,
„На тое ли Лужу Поганую,
„Вы предайте его скорой смерти!“
Всѣ бояре разбѣжалися,
Одинъ остался Малюта злодѣй,
Онъ бралъ царевича за бѣлы руки,
Надѣвалъ на него платье черное,
Повелъ на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романычу:
„Гой еси, батюшка, Никита Романычъ!
„Ты пьешь, ѣшь, прохлажаешься,
„Надъ собой кручинушки не вѣдаешь!
„Упадаетъ звѣзда поднебесная,
„Угасаетъ свѣча воску яраго,
„Не становится млада царевича!“
Никита Романычъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли Лужу Поганую.
Онъ ударилъ Малюту по щекѣ:
„Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
„Не за свой ты кусъ принимаешься,
„Ты этимъ кусомъ подавишься!...“

Пѣсня эта, можетъ-быть и несходная съ дѣйствительными событіями, согласна однако съ духомъ того вѣка. Не полно и не ясно доходили до народа извѣстія о томъ, что случалось при царскомъ дворѣ, или въ кругу царскихъ приближенныхъ, но въ то время, когда сословія еще не

были разъединены правами и не жили врозь одно другаго, извѣстія эти, даже искаженныя, не выходили изъ границъ правдоподобія и носили на себѣ печать общей жизни и общихъ понятій.

Таковъ ли ты былъ, князь Никита Романовичъ, какимъ воображаю тебя—про то знаютъ лишь стѣны кремлевскія да древніе дубы подмосковные! Но такимъ ты предсталъ мнѣ въ часъ тихаго мечтанія, въ вечерній часъ, когда поля покрывались мракомъ, вдали замиралъ шумъ хлопотливаго дня, а вблизи все было безмолвно, и лишь вѣтеръ шелестѣлъ въ листьяхъ, и лишь жукъ вечерній пролеталъ мимо. И грустно, и больно сказывалась во мнѣ любовь къ родинѣ, и ясно выступала изъ тумана наша горестная и славная старина, какъ будто въ замѣнъ зрѣнія, загражденаго темнотою, открывалось во мнѣ внутреннее око, которому столѣтія не составляли преграды. Такимъ предсталъ ты мнѣ, Никита Романовичъ, и ясно увидѣлъ я тебя, летящаго на конѣ въ погоню за Малютой, и перенесся я въ твое страшное время, гдѣ не было ничего невозможнаго!

Забылъ Серебряный, что онъ безъ сабли и пистолей, и не было ему нужды, что конь подъ нимъ старъ. А былъ то добрый конь въ свое время; прослужилъ онъ лѣтъ двадцать и на войнѣ, и въ походахъ; только не выслужилъ себѣ покою на старости; выслужилъ упряжь водовозную, сѣно гнилое да удары палочные!

Теперь почуялъ онъ на себѣ сѣдока могучаго и вспомнилъ о прежнихъ дняхъ, когда носилъ богатырей въ грозныя сѣчи, и кормили его отборнымъ зерномъ, и поили медвяною сытой. И раздулъ онъ красныя ноздри, и вытянулъ шею, и летитъ въ погоню за Малютой Скуратовымъ.

Скачетъ Малюта въ дремучемъ лѣсу съ своими опричниками. Онъ торопитъ ихъ къ Поганой Лужѣ, поправляетъ башлыкъ на царевичѣ, чтобъ не узнали опричники, кого везутъ на смерть. Кабы узнали они, отступились бы отъ Малюты, схоронились бы большій за меньшаго. Но думаютъ опричники, что скачетъ простой человѣкъ межъ Хомяка и Малюты, и только дивятся, что везутъ его казнить такъ-далеко.

Торопитъ Малюта опричниковъ, серчаетъ на коней, бьетъ ихъ плетью по крутымъ бедрамъ.

— Ахъ вы, волчья сыть, травяные мѣшки! Не одумался бъ царь, не послалъ бы за нами погони.

Скачетъ злодѣй Малюта въ дремучемъ лѣсу, смотрятъ на него пташки, вытянувъ шейки, летятъ надъ нимъ черные вороны—уже близко Поганая Лужа!

— Эй, говоритъ Малюта Хомяку,—никакъ стучатъ за нами чужія подковы?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Хомякъ,—то отъ нашихъ коней топотъ въ лѣсу раздается.

И пуще торопитъ Малюта опричниковъ, и чаще бьетъ коней по крутымъ бедрамъ.

— Эй, говоритъ онъ Хомяку,—никакъ кто-то кричитъ за нами?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Хомякъ,—то нашу молвь отголоски разносятъ.

И серчаетъ Малюта на коней.

— Ахъ вы, волчья сыть, травяные мѣшки! Ой не было бъ за нами погони!

Вдругъ слышитъ Малюта за собою:

— Стой, Григорій Лукьянычъ!

Серебряный былъ у Скуратова за плечами. Не выдалъ его старый конь водовозный.

— Стой, Малюта! повторилъ Серебряный и, нагнавъ Скуратова, ударилъ его въ щеку рукою могучею.

Силенъ былъ ударъ Никиты Романовича. Раздалася пощечина, словно выстрѣлъ пищальный; загудѣлъ сыръ боръ, посыпались листья; бросились звѣри со всѣхъ ногъ въ чащу; вылетѣли изъ дупелъ пучеглазыя совы; а мужики, далеко оттолѣ дравшіе лыки, посмотрѣли другъ на друга и сказали, дивясь:

— Слышь, какъ треснуло! ужь не старый ли дубъ надломился надъ Поганою Лужей.

Малюта свалился съ сѣдла. Бѣдный старый конь Никиты Романовича споткнулся, покатился и испустилъ духъ свой.

— Малюта! вскричалъ князь, вскочивъ на ноги,—не за свой ты кусъ принимаешься! Ты этимъ кусомъ подавишься!

И вырвавъ изъ ноженъ саблю Малюты, онъ замахнулся разрубить ему черепъ.

Внезапно другая сабля свиснула надъ головою князя. Матвѣй Хомякъ прилетѣлъ господину на помощь. Завя-

зался бой межь Хомякомъ и Серебрянымъ. Опричники напали съ голыми саблями на князя, но деревья и ломъ защитили Никиту Романовича, не дали всѣмъ вдругъ окружить его.

„Вотъ, думалъ князь, отбивая удары,—придется животъ положить, не спася царевича! Кабы далъ Богъ хоть съ полчаса подержаться, авось подоспѣла бы откуда-нибудь подмога!“

И лишь только онъ подумалъ, какъ пронзительный свистъ раздался въ лѣсу; ему отвѣчали громкіе окрики. Одинъ опричникъ, уже занесшій саблю на князя, упалъ съ раздробленною головой, а надъ трупомъ его явился Ванюха Перстень, махая окровавленнымъ чеканомъ. Въ тотъ же мигъ разбойники, какъ стая волковъ, бросились на Малютиныхъ слугъ, и пошла между ними рукопашная. Хотѣлъ бы Малюта съ своими дать дружный напускъ на враговъ, да негдѣ было разогнаться, все пришелъ лѣсъ да валежникъ. Многіе легли на мѣстѣ; но другіе скоро оправились. Крикнули: гой-да! и потоптали удалую вольницу. Самъ Перстень, раненый въ руку, уже слабѣе разилъ чеканомъ, какъ новый свистъ раздался въ лѣсу.

— Стойте дружно, ребята! закричалъ Перстень:—то дѣдушка Коршунъ идетъ на прибавку!

И не успѣлъ онъ кончить рѣчи, какъ Коршунъ съ своимъ отрядомъ ударилъ на опричниковъ, и зачался межь ними бой великій, свальный, самый красный.

Трудно было всадникамъ стоять въ лѣсу противъ пѣшихъ. Кони вздымались на дыбы, падали навзничь, давили подъ собой сѣдоковъ. Опричники отчаялись на смерть. Сабля Хомяка свистѣла какъ вихорь, надъ головой его сверкала молнія.

Вдругъ среди общей свалки сдѣлалось колебанье. Дюжій Митька буравилъ толпу и лѣзъ прямо на Хомяка, валяя безъ разбору и чужихъ и своихъ. Митька узналъ похитителя невѣсты. Поднявъ обѣими руками дубину, онъ грянулъ ею въ своего недруга. Хомякъ отшатнулся, ударъ палъ въ конскую голову, конь покатился мертвый, дубина переломилась.

— Погоди! сказалъ Митька, наваливаясь на Хомяка,— теперь не уйдешь!

Кончилась битва. Не съ кѣмъ было болѣе драться, всѣ опричники легли мертвые, одинъ Малюта спасся на лихомъ аргамакѣ.

Стали разбойники считать своихъ и многихъ не досчитались. Было и между ними довольно урону.

— Вотъ, сказалъ Перстень, подходя къ Серебряному и стирая потъ съ лица,—вотъ, бояринъ, гдѣ довелось свидѣться!

Серебряный, съ первымъ появленіемъ разбойниковъ, бросился къ царевичу и отвелъ его коня въ сторону; царевичъ былъ привязанъ къ сѣдлу. Серебряный саблею разрѣзалъ веревки, помогъ царевичу сойдти и снялъ платокъ, которымъ ротъ его былъ завязанъ. Во все время сѣчи князь отъ него не отходилъ, и заслонялъ его собою.

— Царевичъ, сказалъ онъ, видя, что станичники уже принялись грабить мертвыхъ и ловить разбѣжавшихся коней,—битва кончена, всѣ твои злодѣи полегли, одинъ Малюта ушелъ, да я чаю, и ему не сдобровать, когда царь велитъ сыскать его!

При имени царевича, Перстень отступилъ назадъ.

— Какъ? сказалъ онъ:—это самъ царевичъ? Сынъ государевъ? Такъ вотъ за кого Богъ привелъ постоять! Такъ вотъ кого они, собаки, связамши, везли!

И атаманъ повалился Іоанну Іоанновичу въ ноги.

Вѣсть о его присутствіи быстро разнеслась межъ разбойниковъ. Всѣ бросили выворачивать карманы убитыхъ и пришли бить челомъ царевичу.

— Спасибо вамъ, добрые люди! сказалъ онъ ласково безъ обычнаго своего высокомѣрія:—кто бъ вы ни были, спасибо вамъ!

— Не на чемъ, государь! отвѣчалъ Перстень:—кабы зналъ я что это тебя везутъ, я бы привелъ съ собою не сорокъ молодцовъ, а сотенки двѣ; тогда не удралъ бы отъ насъ этотъ Скурлатычъ; взяли бъ мы его живьемъ да при тебѣ бы вздернули. Впрочемъ есть у насъ, кажись, его стремянной; онъ же мнѣ старый знакомый, а на безрыбьи и ракъ рыба. Эй молодецъ, у тебя онъ что ли?

— У меня! отвѣчалъ Митька, лежа на животѣ и не выпуская изъ-подъ себя своей жертвы.

— Давай его сюда, не бось, не уйдетъ! А вы, ребятуш-

ки, разложите-ка огоньку для допросу, да приготовьте веревку, аль, пожалуй, хоть чумбуръ отрѣжь.

Митька всталъ. Изъ-подъ него поднялся здоровый дѣтина; но лишь только онъ обернулся лицомъ къ разбойникамъ, всѣ вскрикнули отъ удивленія.

— Хлопко! раздалося отовсюду:—да это Хлопко! это онъ Хлопка притиснулъ вмѣсто опричника.

Митька смотрѣлъ, разиня ротъ.

Хлопко насилу дышалъ.

— Ишь, проговорилъ наконецъ Митька,—такъ это я, должно-быть, тебя придавилъ! Чаво жь ты молчалъ.

— Гдѣ жь мнѣ было говорить, коли ты у меня на горлѣ сидѣлъ, тюлень этакій! Тьфу!

— Да чаво жь ты подвернулся?

— Чаво! чаво! Какъ ты, медвѣдь, треснулъ коня по лбу, такъ сѣдокъ-то на меня и свалился, а ты, болванъ, вмѣсто чтобы на него, да на меня и сѣлъ, да и давай душить сдуру, знай обрадовался!

— Ишь! сказалъ Митька:—вотъ што!—и почесалъ затылокъ.

Разбойники захохотали. Самъ царевичъ улыбнулся. Хомяка нигдѣ не могли найдти.

— Нечего дѣлать, сказалъ Перстень,—видно не доспѣлъ ему часъ, а жаль право! Ну, такъ и быть, дастъ Богъ въ другой разъ не сверпется! А теперь дозволь, государь, я тебя съ ребятами до дороги провожу. Совѣстно мнѣ, государь! Не приходилось бы мнѣ, худому человѣку, и говорить съ твоею милостью, да что жь дѣлать, безъ меня тебѣ отселѣ не выбраться!

— Ну, ребята, продолжалъ Перстень,—собирайтесь оберегать его царскую милость. Вотъ ты, бояринъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Серебряному,—ты бы сѣлъ на этого коня, а я себѣ, пожалуй, вотъ этого возьму. Тебѣ, дядя Коршунъ, я чай, пѣшему будетъ сподручнѣе, а тебѣ, Митька, и подавно!

— Ништо! сказалъ Митька, ухватясь за гриву одного коня, который отъ этого покачнулся на сторону,—и я сяду!

Онъ занесъ ногу въ стремя, но не могши попасть въ него, взвалился на коня животомъ, проѣхалъ такъ нѣсколько саженей рысью и наконецъ уже взобрался на сѣдло.

— Эхва! закричалъ онъ, болтая ногами и подкидывая локти.

Вся толпа двинулась изъ лѣсу, окружая царевича.

Когда показалось наконецъ поле, а вдали запестрѣла крыша Александровой слободы, Перстень остановился.

— Государь, сказалъ онъ, соскакивая съ коня,—вотъ твоя дорога, вонъ и слобода видна. Не пристало намъ долѣ съ твоею царскою милостью оставаться. Къ тому жь тамъ пыль по дорогѣ встаетъ; должно-быть идутъ ратные люди. Прости, государь, не взыщи; поневолѣ Богъ свелъ!

— Погоди, молодецъ! сказалъ царевичъ, который по миновании опасности, началъ возвращаться къ своимъ прежнимъ пріемамъ.—Погоди, молодецъ! Скажи-ка напередъ, какого ты боярскаго рода, что золоченый зипунъ носишь?

— Государь, отвѣтилъ скромно Перстень,—много насъ здѣсь бояръ безъ имени-прозвища, много князей безъ роду-племени. Носимъ, что̀ Богъ послалъ!

— А знаешь ли, продолжалъ строго царевичъ,—что такимъ князьямъ какъ ты высокія хоромы на площади ставятъ и что ты самъ своего зипуна не стоишь? Не сослужи ты мнѣ службы сегодня, я велѣлъ бы тѣмъ ратникамъ всѣхъ васъ перехватать да къ слободѣ привезти. Но ради сегодняшняго дѣла, я твое прежнее воровство на милость кладу, и батюшкѣ царю за тебя слово замолвлю, коли ты ему повинную принесешь!

— Спасибо на твоей ласкѣ, государь, много тебѣ благодарствую; только не пришло еще мнѣ время нести царю повинную. Тяжелы мои грѣхи передъ Богомъ, велики винности передъ государемъ; врядъ ли проститъ меня батюшка царь, а хоча бы и простилъ, такъ не приходится бросать товарищей!

— Какъ? сказалъ удивленный царевичъ:—ты не хочешь оставить воровства своего, когда я самъ тебѣ мой упросъ обѣщаю? Видно грабить-то по дорогамъ прибыльнѣе, чѣмъ честно жить?

Перстень погладилъ черную бороду и лукавою усмѣшкой выказалъ два ряда ровныхъ и бѣлыхъ зубовъ, отъ которыхъ загорѣлое лицо его показалось еще смуглѣе.

— Государь! сказалъ онъ:—на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! Не привыченъ я ни къ ратному строю,

ни къ торговому дѣлу. Прости, государь; вонъ-ужь пыль сюда подвигается; пора назадъ; рыба ищетъ гдѣ поглубже, а нашъ братъ гдѣ мѣсто покрѣпче!

И Перстень исчезъ въ кустахъ, уводя за собою коня. Разбойники одинъ за другимъ пропали межь деревьевъ, а царевичъ самъ-другъ съ Серебрянымъ поѣхали къ слободѣ и вскорѣ встрѣтились съ отрядомъ конницы, которую велъ Борисъ Годуновъ.

Что дѣлалъ царь во все это время? Послушаемъ, что говоритъ пѣсня и какъ она выражаетъ народныя понятія того вѣка.

Что возговоритъ грозный царь:
„Ахъ вы гой еси, князья мои и бояре!
„Надѣвайте платье черное,
„Собирайтеся ко заутрени,
„Слушать по царевичѣ панихиду,
„Я всѣхъ васъ, бояре, въ котлѣ сварю!“
Всѣ бояре испугалися,
Надѣвали платье черное,
Собиралися ко заутрени,
Слушать по царевичѣ панихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада царевича,
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ грозный царь:
„Ахъ, ты гой еси, Никита Романовичъ!
„Что въ глаза ль ты мнѣ насмѣхаешься?
„Какъ упала звѣзда поднебесная,
„Что угасла свѣча воску яраго,
„Не стало у меня млада царевича.
Что возговоритъ Никита Романовичъ:
„Ахъ, ты гой еси, надежа, православный царь!
„Мы не станемъ по царевичѣ панихиду пѣть,
„А станемъ мы пѣть молебенъ заздравный!“
Онъ бралъ царевича за бѣлу руку,
Выводилъ изъ-за сѣверныхъ дверей.
Что возговоритъ грозный царь:
„Ты, Никита, Никита Романовичъ!
„Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
„Или тебѣ полцарства дать?
„Или золотой казны сколько надобно?“
—„Ахъ, ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
„Не сули мнѣ полцарства, ни золотой казны,
„Только дай мнѣ злодѣя Скурлатова:
„Я сведу на то болото жидкое,

„Что на ту ли Лужу Поганую!“
Что возговоритъ царь Иванъ Васильевичъ:
„Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
„И дѣлай съ нимъ что̀ хочешь ты!“

Такъ гласитъ пѣсня; но не такъ было на дѣлѣ. Лѣтописи показываютъ намъ Малюту въ чести у Ивана Васильевича еще долго послѣ 1565 года. Много любимцевъ, въ разныя времена, пали жертвою царскихъ подозрѣній. Не стало ни Басмановыхъ, ни Грязнаго, ни Вяземскаго, но Малюта ни разу не испыталъ опалы. Онъ, по предсказанію старой Онуфревны, не пріялъ своей муки въ этой жизни и умеръ честною смертію. Въ обиходѣ монастыря Св. Іосифа Волоцкаго, гдѣ погребено его тѣло, сказано, что онъ убитъ на государственномъ дѣлѣ подъ Пайдою.

Какъ оправдался Малюта въ клеветѣ своей,—мы не знаемъ.

Можетъ-быть Іоаннъ, когда успокоилась встревоженная душа его, приписалъ поступокъ любимца обманутому усердію; можетъ-быть не вполнѣ отказался отъ подозрѣній на царевича. Какъ бы то ни было, Скуратовъ не только не потерялъ довѣрія царскаго, но съ этой поры сталъ еще драгоцѣннѣе Іоанну. Доселѣ одна Русь ненавидѣла Малюту, теперь сталъ ненавидѣть его и самый царевичъ; Іоаннъ былъ отнынѣ единственною опорой Малюты. Общая ненависть ручалась царю за его вѣрность.

Намекъ на Басманова также не прошелъ даромъ. Въ Іоанновомъ сердцѣ остался зародышъ подозрѣнія, и хотя не тотчасъ пустилъ въ немъ корни, но значительно охладилъ расположеніе его къ своему кравчему, ибо царь никогда не прощалъ тому кого однажды опасался, хотя бы въ послѣдствіи и самъ призналъ свое опасеніе напраснымъ.

ГЛАВА XV.

Поцѣлуйный обрядъ.

Пора намъ возвратиться къ Морозову. Смущеніе Елены въ присутствіи Серебрянаго не ускользнуло отъ проницательности боярина. Правда, сначала онъ подумалъ, что

встрѣча съ Вяземскимъ тому причиной, но въ послѣдствіи новое подозрѣніе зародилось въ душѣ его.

Простившись съ княземъ и проводивъ его до сѣней, Морозовъ возвратился въ избу. Навислыя брови его были грозно сдвинуты; глубокія морщины бороздили чело; его бросало въ жаръ, ему было душно. „Елена теперь спитъ, подумалъ онъ,—она не будетъ ждать меня; пройдусь я по саду, авось освѣжу свою голову.“

Морозовъ вышелъ; въ саду было темно. Подходя къ оградѣ, онъ увидѣлъ бѣлую ферязь. Онъ сталъ всматриваться.

Внезапно любовныя рѣчи поразили его слухъ. Старикъ остановился. Онъ узналъ голосъ жены. За оградою рисовался на звѣздномъ небѣ неопредѣленный образъ всадника. Незнакомецъ нагнулся къ Еленѣ и что-то говорилъ ей. Морозовъ притаилъ дыханье, но порывъ вѣтра потрясъ вершины деревъ и умчалъ слова и голосъ незнакомца. Кто былъ этотъ незнакомецъ? Ужели Вяземскій успѣлъ своею настойчивостію склонить къ себѣ Елену? Загадочно женское сердце! Ему нравится сегодня, что̀ вчера возбуждало его ненависть! Или ужь не Серебряный ли назначилъ свиданіе женѣ его? Кто знаетъ? Быть-можетъ, князь, котораго онъ принялъ какъ сына, нанесъ ему въ тотъ же день кровавое оскорбленіе, ему, лучшему другу отца его; ему, который готовъ былъ подвергнуть опасности собственную жизнь, чтобы скрыть Серебрянаго отъ царскаго гнѣва!

„Но нѣтъ, подумалъ Морозовъ,—это не Серебряный! Это какой-нибудь опричникъ, новый любимецъ царскій. Имъ не въ диковину безчестить столбоваго боярина. А жена-то, змѣя подколодная! Ужь ея ли не любилъ я! Ея ли не держалъ какъ дочь родную? И не вольною ли волей вышла она за меня? Не благодарила ль меня, лукавая? Не клялась ли мнѣ въ вѣрности? Нѣтъ, не надѣйся Дружина Андреичъ на вѣрность женскую! Женская вѣрность — теремъ высокій, дверь дубовая, да запоры желѣзные! Поторопился Дружина Андреичъ вручать дѣвкѣ честь свою! Обуяло тебя, стараго, сердце пылкое! Провела тебя жена, молодая змѣя; посмѣются надъ тобою люди московскіе!“

Такъ думалъ Морозовъ и мучился догадками. Ему хотѣлось ринуться впередъ. Но всадникъ могъ ускакать, и бо-

яринъ не узналъ бы врага своего. Онъ рѣшился повременить.

Какъ нарочно въ эту ночь вѣтеръ не переставалъ шумѣть, а мѣсяцъ не выходилъ изъ-за облакъ. Морозовъ не узналъ ни лица, ни голоса всадника. Онъ только разслышалъ, что боярыня сказала ему сквозь слезы:

— Я люблю тебя болѣе жизни, болѣе солнца краснаго! Я ни кого, кромѣ тебя, не любила и любить не могу, и не буду.

Вскорѣ Елена прошла мимо Морозова, не замѣтивъ его. Медленно послѣдовалъ за нею Дружина Андреичъ.

На другой день онъ не показалъ и виду, что подозрѣваетъ Елену. Онъ былъ съ нею попрежнему привѣтливъ и ласковъ. По временамъ лишь, когда она того не примѣчала, бояринъ забывался, сдвигалъ брови, и грозно смотрѣлъ на Елену. Страшную думу думалъ тогда Дружина Андреевичъ. Онъ думалъ, какъ бы сыскать ему своего недруга.

Прошло дня четыре. Морозовъ сидѣлъ въ брусяной избѣ за дубовымъ столомъ. На столѣ лежала разогнутая книга, оболоченная червчатымъ бархатомъ, съ серебряными застежками и жуками. Но бояринъ думалъ не о чтеніи. Глаза его скользили надъ пестрыми заголовками и узорными травами страницы, а воображеніе бродило отъ женщиной свѣтлицы къ садовой оградѣ.

Наканунѣ этого дня Серебряный возвратился изъ слободы и, по данному обѣщанію, посѣтилъ Морозова.

Елена въ этотъ день сказалась больною и не вышла изъ свѣтлицы. Морозовъ ни въ чемъ не измѣнилъ своего обращенія съ Никитой Романовичемъ. Но, поздравляя его съ счастливымъ возвратомъ, и подчуя прилежно дорогаго гостя, онъ не переставалъ вникать въ выраженіе его лица и старался уловить на немъ признаки его преступленія. Серебряный былъ задумчивъ, но простъ и откровененъ попрежнему; Морозовъ не узналъ ничего.

И вотъ о чемъ думалъ онъ теперь, сидя за столомъ передъ разогнутою книгой.

Размышленія его перервалъ вошедшій слуга, но, увидя нахмуренный лобъ Морозова, онъ почтительно остановился. Морозовъ вопросилъ его взглядомъ.

— Государь, сказалъ слуга,—ѣдутъ царскіе люди. Преди

всѣхъ князь Аѳанасій Иванычъ Вяземскій; ужь они близко; прикажете встрѣчать?

Въ то же время послышался звонъ бубна, въ который билъ кожаною плетью, или вощагой, передовой холопъ, чтобы разгонять народъ и очищать дорогу господину.

— Вяземскій ѣдетъ ко мнѣ? сказалъ Морозовъ.—Что онъ рехнулся? Да, можетъ, онъ ѣдетъ мимо. Ступай къ воротамъ и подожди! а если онъ поворотитъ сюда, скажи ему, что мой домъ не кружало, что опричниковъ я не знаю и съ ними хлѣба-соли не веду! Ступай!

Слуга колебался.

— Что еще? спросилъ Морозовъ.

— Бояринъ, твоя надо мной воля, а этого не скажу Вяземскому.

— Ступай! закричалъ Морозовъ и топнулъ ногой.

— Бояринъ! сказалъ, вбѣгая, дворецкій,—князь Вяземскій съ опричниками подъѣзжаютъ къ нашимъ воротамъ! Князь говоритъ, я-де посланъ отъ самого государя.

— Отъ государя? Онъ тебѣ сказалъ, отъ государя? Настежь ворота! Подайте золотое блюдо съ хлѣбомъ-солью! Вся дворня чтобы шла навстрѣчу посланнымъ государя!

Между тѣмъ ближе и ближе слышались звонъ и бряцанье бубна; человѣкъ двадцать всадниковъ, а впереди ихъ князь Аѳанасій Ивановичъ на статномъ караковомъ жеребцѣ, въ серебряной сбруѣ, въѣхали шагомъ на дворъ Морозова. На князѣ былъ бѣлый атласный кафтанъ. Изъза низко вырѣзаннаго ворота виднѣлось жемчужное ожерелье рубахи. Жемчужныя запястья плотно стягивали у кистей широкіе рукава кафтана, небрежно подпоясаннаго малиновымъ шелковымъ кушакомъ съ выпущенною въ два конца золотою бахрамой, съ заткнутыми по бокамъ узорными перчатками. Бархатные малиновые штаны заправлены были въ желтые сафьянные сапоги, съ серебряными скобами на каблукахъ, съ голенищами шитыми жемчугомъ и спущенными въ частыхъ складкахъ до половины икоръ. Поверхъ кафтана надѣтъ былъ въ накидку шелковый легкій опашень, золотистаго цвѣта, застегнутый на груди двойною алмазною запоной. Голову князя покрывала бѣлая парчевая мурмолка съ гибкимъ алмазнымъ перомъ, которое качалось отъ каждаго движенія, играя солнечными лучами. Черныя кудри Аѳанасія Ивановича, выбѣгая изъ-

подъ шапки, смѣшивались съ его бородой, короткою и кудрявою. Легкій усъ образовывалъ надъ верхнею губой не черную полосу, но лишь темную тѣнь. Станъ Вяземскаго былъ высокъ и строенъ; видъ молодъ и веселъ.

Согласно роскошному обычаю того времени, пѣшіе конюха вели за нимъ подъ уздцы шесть верховыхъ коней въ полномъ убранствѣ; изъ нихъ одинъ былъ вороной, одинъ булапый, одинъ желѣзно-сѣрый, а три совершенно бѣлой масти. На головахъ коней качались цвѣтныя перья, на хребтахъ ихъ пестрѣли звѣриныя кожи, или парчевые чепраки и чалдары, усаженные дорогими каменьями, и всѣ шестеро звенѣли на ходу множествомъ серебряныхъ бубенчиковъ, или золочеными прорѣзными яблоками, подобранными въ согласный звонъ и висѣвшими по обѣимъ сторонамъ налобниковъ длинными гроздами.

При появленіи Дружины Андреевича, Вяземскій и всѣ опричники сошли съ коней.

Морозовъ съ золотымъ блюдомъ медленно шелъ къ нимъ навстрѣчу, а за нимъ столь же медленно шли знакомцы, держальники и холопи боярскіе.

— Князь, сказалъ Морозовъ,—ты посланъ ко мнѣ отъ государя. Спѣшу встрѣтить съ хлѣбомъ-солью тебя и твоихъ! И сивые волосы боярина пали ему на глаза отъ низкаго поклона.

— Бояринъ, отвѣтилъ Вяземскій,—великій государь велѣлъ тебѣ сказать свой царскій указъ: Бояринъ Дружина! царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси слагаетъ съ тебя гнѣвъ свой, сымаетъ съ главы твоей свою царскую опалу, милуетъ и прощаетъ тебя во всѣхъ твоихъ винностяхъ; и быть тебѣ боярину Дружинѣ, попрежнему въ его великаго государя милости, и служить тебѣ и на предки великому государю, и писаться твоей чести попрежнему жь!

Изговоря рѣчь, Вяземскій заложилъ одну руку за кушакъ, другою погладилъ бороду, пріосанился и, устремивъ на Морозова орлиные глаза, ожидалъ его отвѣта.

При началѣ рѣчи, Морозовъ опустился на колѣни. Теперь держальники подняли его подъ руки. Онъ былъ блѣденъ.

— Да благословятъ же Святая Троица и московскіе чудотворцы нашего великаго государя! произнесъ онъ

дрожащимъ голосомъ:—да продлитъ прещедрый и премилостивый Богъ безъ счету царскіе дни его! Не тебя ожидалъ я, князь, но ты посланъ ко мнѣ отъ государя, пойди въ домъ мой. Войдите, господа опричники! Прошу вашей милости! А я пойду отслужу благодарственный молебенъ, а потомъ сяду съ вами пировать до поздней ночи.

Опричники вошли.

Морозовъ подозвалъ холопа.

— Садись на-конь, скачи къ князю Серебряному, отвези ему поклонъ и скажи, что прошу отпраздновать сегодняшній день; царь-де пожаловалъ меня милостію великою, изволилъ-де спять съ меня свою опалу!

Отдавъ это приказаніе и проводивъ въ сѣни гостей, Морозовъ отправился черезъ дворъ въ домовую церковь; передъ нимъ шли знакомцы и держальники, а за нимъ многочисленные холопи. Въ домѣ остался лишь дворецкій, да сколько было нужно людей для прислуги опричникамъ.

Подали разныя закуски и наливки, но обѣдъ былъ еще впереди.

Вскорѣ пріѣхалъ Серебряный, также сопровождаемый знакомцами и холопями, ибо въ тогдашнее время ѣздить боярину въ важныхъ случаяхъ одиночествомъ или малолюдствомъ считалось порухою чести.

Столъ уже былъ накрытъ въ большой избѣ, слуги стояли по мѣстамъ, всѣ ожидали хозяина.

Дружина Андреевичъ, отслушавъ молебенъ, вошелъ въ добромъ платьѣ, въ парчевомъ кафтанѣ, съ собольей шапкою въ рукахъ. Сивыя кудри его были ровно подстрижены, борода тщательно расчесана. Онъ поклонился гостямъ, гости ему поклонились, и всѣ сѣли за столъ.

Зачался почестный пиръ, зазвенѣли кубки и братины, и вмѣстѣ съ ними зазвенѣлъ еще другой звонъ, несовмѣстный со звуками веселаго пира. Зазвенѣли подъ кафтанами опричниковъ невидимые доспѣхи.

Но Морозовъ не услышалъ зловѣщаго звона. Другіе мысли занимали его. Внутреннее чувство говорило Морозову, что ночной его оскорбитель пируетъ съ нимъ за однимъ столомъ, и бояринъ придумалъ наконецъ средство его открыть. Средство это, по мнѣнію его, было надежно.

Уже много кубковъ осушили гости; пили они про государя, и про царицу, и про весь царскій домъ; пили про

митрополита и про все русское духовенство; пили про Вяземскаго, про Серебрянаго и про ласковаго хозяина; пили про каждаго изъ гостей особенно. Когда всѣ здоровья были выпиты, Вяземскій всталъ и предложилъ еще здоровье молодой боярыни.

Того-то и ожидалъ Морозовъ.

— Дорогіе гости, сказалъ онъ,—непригоже безъ хозяйки пить про хозяйку! Сходите, продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ,—сходите за боярыней, пусть сойдетъ подчивать изъ своихъ рукъ дорогихъ гостей!

— Ладно, ладно! зашумѣли гости:—безъ хозяйки и медъ не сладокъ!

Черезъ нѣсколько времени явилась Елена въ богатомъ сарафанѣ, сопровождаемая двумя сѣнными дѣвушками; она держала въ рукахъ золотой подносъ съ одною только чаркой. Гости встали. Дворецкій наполнилъ чарку тройнымъ зеленчакомъ, Елена прикоснулась къ ней губами и начала обносить ее кругомъ гостей, кланяясь каждому, малымъ обычаемъ, въ поясъ. По мѣрѣ того, какъ гости выпивали чарку, дворецкій наполнялъ ее снова.

Когда Елена обошла всѣхъ безъ изъятія, Морозовъ, пристально за ней слѣдившій, обратился къ гостямъ.

— Дорогіе гости, сказалъ онъ,—теперь, по старинной русской обыкности, прошу васъ, уважали бъ вы домъ мой, не положили бъ охулы на мое хозяйство, прошу васъ, дорогіе гости, не побрезгали бы вы поцѣловать жену мою! Дмитріевна! становись въ большомъ мѣстѣ, и отдавай всѣ поцѣлуи, каждому поочередно!

Гости благодарили хозяина. Елена съ трепетомъ стала возлѣ печи и опустила глаза.

— Князь, подходи! сказалъ Морозовъ Вяземскому.

— Нѣтъ, нѣтъ, по обычаю! закричали гости:—пусть хозяинъ поцѣлуетъ первый хозяйку! Пусть будетъ по обычаю, какъ отъ предковъ повелось!

— Пусть же будетъ по обычаю, сказалъ Морозовъ, и подойдя къ женѣ, онъ сперва поклонился ей въ ноги. Когда они поцѣловались, губы Елены горѣли, какъ огонь; какъ ледъ были холодны губы Дружины Андреевича.

За Морозовымъ подошелъ Вяземскій.

Морозовъ сталъ примѣчать.

Глаза Аѳанасья Ивановича сверкали словно уголья, но

лицо Елены осталось неподвижно. Она при мужѣ, при Серебряномъ не боялась нахальнаго князя.

— Не онъ, подумалъ Морозовъ.

Вяземскій положилъ земной поклонъ и поцѣловалъ Елену; но какъ поцѣлуй его длился долѣе, чѣмъ было нужно, она отвернулась съ примѣтною досадой.

— Нѣтъ, не онъ! повторилъ про себя Морозовъ.

За Вяземскимъ подошли поочередно нѣсколько опричниковъ. Они всѣ кланялись, большимъ обычаемъ, въ землю и потомъ цѣловали Елену; но Дружина Андреевичъ ничего не могъ прочесть на лицѣ жены своей, кромѣ безпокойства. Нѣсколько разъ длинныя рѣсницы ея подымались, и взоръ, казалось, со страхомъ искалъ кого-то между гостями.

— Онъ здѣсь! сказалъ про себя Морозовъ.

Вдругъ ужасъ овладѣлъ Еленой. Глаза ея встрѣтились съ глазами мужа и, съ свойственною женскому сердцу смѣтливостію, она отгадала его мысли. Подъ этимъ тяжелымъ, неподвижнымъ взоромъ ей показалось невозможнымъ поцѣловать Серебрянаго и не быть въ тотъ же мигъ уличенною. Всѣ обстоятельства ихъ встрѣчи у садовой ограды, въ первый пріѣздъ Серебрянаго, живо представились ея памяти. Теперешнее ея положеніе и ожидающій ее поцѣлуй показались ей Божьимъ наказаніемъ за ту преступную встрѣчу, за тотъ преступный поцѣлуй. Смертельный холодъ пробѣжалъ по ея членамъ.

— Я нездорова... прошептала она,—отпусти меня, Дружина Андреичъ...

— Останься, Елена, сказалъ спокойно Морозовъ,—подожди; ты не можешь теперь уйдти; это не видано, не слыхано; надо кончить обрядъ!

И онъ проникалъ жену насквозь испытующимъ взглядомъ.

— Ноги не держатъ меня!.. произнесла Елена.

— Что? сказалъ Морозовъ, будто не разслышавъ — угорѣла? эка невидаль!

— Прошу васъ, государи, подходите, не слушайте жены! Она еще ребенокъ; больно застѣнчива, ей въ новинку обрядъ! Да къ тому еще угорѣла! Подходите, дорогіе гости, прошу васъ!

— Да гдѣ же Серебряный? подумалъ Дружина Андреевичъ, пробѣгая глазами гостей.

Князь Никита Романовичъ стоялъ въ сторонѣ. Отъ него не скрылось необыкновенное вниманіе, съ какимъ Морозовъ всматривался въ жену и въ каждаго подходившаго къ ней гостя. Онъ прочелъ на лицѣ Елены страхъ и безпокойство. Никита Романовичъ, всегда рѣшительный, когда совѣсть его ни въ чемъ не укоряла, теперь не зналъ что̀ дѣлать. Онъ боялся, подойдя къ Еленѣ, умножить ея смущеніе, боялся, оставаясь позади другихъ, возбудить подозрѣніе мужа. Еслибы могъ онъ сказать ей хоть одно слово непримѣтно, онъ ободрилъ бы ее и возвратилъ бы ей, можетъ-быть, потерянную силу, но Елену окружали гости, мужъ не спускалъ съ нея глазъ; надо было на что-нибудь рѣшиться.

Серебряный подошелъ, поклонился Еленѣ, но не зналъ, смотрѣть ли ей въ глаза, или нарочно не встрѣчать ея взора. Это колебаніе выдало князя. Съ своей стороны, Елена не выдержала пытки, которой подвергалъ ее Морозовъ.

Елена обманула мужа не по легкомыслію, не по внушенію сердца испорченнаго. Она обманула его, потому что сама обманулась, думая, что можетъ полюбить Дружину Андреевича. Когда ночью у садовой ограды, она увѣряла Серебрянаго въ любви своей, слова вырывались у нея невольно; она не торговалась выраженіями, и еслибы тогда она увидѣла за собою мужа, то призналась бы ему во всемъ чистосердечно. Но воображеніе Елены было пылко, а нравъ робокъ. Послѣ ночнаго свиданія съ Серебрянымъ, се не переставали мучить угрызенія совѣсти. Къ нимъ присоединилось еще смертельное безпокойство объ участи Никиты Романовича. Сердце ея раздиралось противоположными ощущеніями; ей хотѣлось пасть къ ногамъ мужа и просить у него прощенія и совѣта; но она боялась его гнѣва, боялась за Никиту Романовича.

Эта борьба, эти мученія, страхъ внушаемый ей мужемъ, добрымъ и ласковымъ, но неумолимымъ во всемъ что̀ касалось его чести, все это разрушительно потрясло ея тѣлесныя силы. Когда губы Серебрянаго прикоснулись къ губамъ ея, она задрожала какъ въ лихорадкѣ, ноги подъ ней подкосились, а изъ устъ вырвались слова:

— Пресвятая Богородица! пожалѣй меня!

Морозовъ подхватилъ Елену.

— Эхъ! сказалъ онъ:—вотъ женское-то здоровье! Посмотрѣть, такъ кровь съ молокомъ, а немного угару, такъ и ноги не держатъ. Да ничего, пройдетъ! Подходите дорогіе гости!

Голосъ и пріемы Морозова ни въ чемъ не измѣнились. Онъ также казался спокоенъ, также былъ привѣтливъ и доброхотенъ.

Серебряный остался въ недоумѣніи, въ самомъ ли дѣлѣ онъ проникъ его тайну?

Когда кончился обрядъ, и Елена, поддерживаемая дѣвушками, удалилась въ свѣтлицу, гости, по приглашенію Морозова, опять сѣли за столъ.

Дружина Андреевичъ всѣхъ нудилъ и подчивалъ съ прежнею заботливостью и не забывалъ ни одной изъ мелочныхъ обязанностей, доставлявшихъ въ тѣ времена хозяину дома славу добраго хлѣбосола.

Уже было поздно. Вино горячило умы, и странныя слова проскакивали иногда среди разговора опричниковъ.

— Князь, сказалъ одинъ изъ нихъ, наклонясь къ Вяземскому,—пора бы за дѣло!

— Молчи! отвѣчалъ шепотомъ Вяземскій:—старикъ услышитъ!

— Хоть и услышитъ, не пойметъ! продолжалъ громко опричникъ съ настойчивостью пьянаго.

— Молчи! повторилъ Вяземскій.

— Я-те говорю, князь, пора! Ей-Богу пора! Вотъ я знакъ подамъ!

И опричникъ двинулся встать.

Вяземскій сильною рукою пригвоздилъ его къ скамьѣ.

— Уймись, сказалъ онъ ему на ухо,—не то вонжу этотъ ножъ тебѣ въ горло!

— Ого, да ты еще грозишь! вскричалъ опричникъ, вставая со скамьи;—вишь ты какой! Я говорилъ, что нельзя тебѣ вѣрить! Вѣдь ты не нашъ братъ! Ужь я бы васъ всѣхъ князей да бояръ, что̀ наше жалованье заѣдаете! Да погоди, посмотримъ, чья возметъ. Долой изъ-подъ кафтана кольчугу-то! Вымай саблю! Посмотримъ, чья козметъ!

Слова эти были произнесены не вѣрнымъ языкомъ, среди общаго говора и шума; но нѣкоторыя изъ нихъ долетѣли

до Серебрянаго и возбудили его вниманіе. Морозовъ ихъ не слыхалъ. Онъ видѣлъ только, что между гостями вспыхнула ссора.

— Дорогіе гости! сказалъ онъ, вставая изъ-за стола,—на дворѣ ужь темная ночь! Не пора ли на покой? Всѣмъ вамъ готовы и перины мягкія, и подушки пуховыя!

Опричники встали, благодарили хозяина, раскланялись и пошли въ приготовленныя для нихъ на дворѣ опочивальни.

Серебряный также хотѣлъ удалиться.

Морозовъ остановилъ его за руку.

— Князь, сказалъ онъ шепотомъ,—обожди меня здѣсь!

И оставя Серебрянаго, Дружина Андреевичъ отправился на половину жены.

ГЛАВА XVI.

Похищеніе.

Во время обѣда вокругъ дома происходило нѣчто необыкновенное.

Съ наступленіемъ сумерекъ новые опричники стали являться, по одному, возлѣ садовой ограды, возлѣ забора окружавшаго дворъ, и наконецъ на самомъ дворѣ.

Люди Морозова не обратили на нихъ вниманія.

Когда настала ночь, домъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ опричниками!

Стремянной Вяземскаго вышелъ изъ застольной, будтобы напоить коня. Но не дойдя конюшни, онъ оглянулся, посмотрѣлъ на всѣ стороны, подошелъ къ воротамъ и просвисталъ какъ-то особенно. Кто-то къ нему подкрался.

— Всѣ ли вы? спросилъ стремянной.

— Всѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Много ли васъ?

— Пятьдесятъ.

— Добро, ожидайте знака.

— А скоро ли? Ждать надоѣло.

— Про то знаетъ князь. Да слышь ты, Хомякъ, князь не велитъ ни жечь, ни грабить дома!

— Не велитъ! Да что, онъ мнѣ господинъ, что ли?

— Видно, господинъ, коли Григорій Лукьянычъ велѣлъ быть тебѣ сегодня у него въ приказѣ.

— Служить-то я ему, послужу, да только ему, а не Морозову. Помогу князю увезти боярыню, а потомъ ужь и мнѣ никто не указывай!

— Смотри, Хомякъ, князь не шутитъ!

— Да что ты, съ ума спятилъ? сказалъ Хомякъ, злобно усмѣхаясь.—Князь княземъ, а я самъ по себѣ. Коли мнѣ хочется погулять, кому какое дѣло?

Въ то самое время, какъ разговоръ этотъ происходилъ у воротъ, Морозовъ, остановивъ Серебрянаго, вошелъ на половину Елены.

Боярыня еще не ложилась. На головѣ ея уже не было кокошника. Густая, полураспущенная коса упадала на ея бѣлыя плечи. Лѣтникъ былъ на груди разстегнутъ. Елена готовилась раздѣться, но склонила голову на плечо и забылась. Мысли ея блуждали въ прошедшемъ. Она вспоминала первое свое знакомство съ Серебрянымъ, свои надежды, отчаянье, предложеніе Морозова и данную клятву. Ей живо представилось, какъ въ Радуницу, передъ самой свадьбой, она, по обычаю сиротъ, пошла на могилу матери, поставила подъ крестомъ чашу съ красными яйцами, мысленно христосовалась съ матерью и просила благословенія на любовь и союзъ съ Морозовымъ.

Она вѣрила въ то время, что переможетъ первую любовь свою, вѣрила, что будетъ счастлива за Морозовымъ; а теперь?... Елена вспомнила о поцѣлуйномъ обрядѣ, и ее обдало холодомъ. Бояринъ вошелъ, непримѣченный ею, и остановился на порогѣ. Лицо его было сурово и грустно. Нѣсколько времени смотрѣлъ онъ, молча, на Елену. Она была еще такъ молода, такъ неопытна, такъ неискусна въ обманѣ, что Морозовъ почувствовалъ невольную жалость.

— Елена! сказалъ онъ:—отчего ты смутилась во время обряда?

Елена вздрогнула и устремила на мужа глаза полные страха. Ей хотѣлось пасть къ его ногамъ и сказать всю правду, но она подумала, что, можетъ-быть, онъ еще не

подозрѣваетъ Серебрянаго и побоялась навлечь на него мщеніе мужа.

— Отчего смутилась ты? повторилъ Морозовъ.

— Мнѣ понездоровилось... отвѣчала Елена шепотомъ.

— Такъ. Тебѣ нездоровилось, но не тѣломъ, а душой. Болѣзнь твоя душевная. Ты погубишь свою душу, Елена!

Боярыня дрожала.

— Когда сего утра, продолжалъ Морозовъ,—Вяземскій съ опричниками пріѣхали въ домъ нашъ, я читалъ священное писаніе. Знаешь ли, что̀ говорится въ писаніи о невѣрныхъ женахъ?

— Боже мой! произнесла Елена.

— Я читалъ, продолжалъ Морозовъ,—о наказаніи за прелюбодѣйство...

— Господи! умоляла боярыня:—будь милостивъ, Дружина Андреичъ, пожалѣй меня, я не столько виновна, какъ ты думаешь... Я не измѣнила тебѣ...

Морозовъ грозно сдвинулъ брови.

— Не лги, Елена. Не мудрствуй. Не умножай грѣха своего лукавою рѣчью. Ты не измѣнила мнѣ, потому что для измѣны нужна хотя краткая вѣрность, а ты никогда не была мнѣ вѣрна...

— Дружина Андреичъ, пожалѣй меня!

— Ты никогда не была мнѣ вѣрна! Когда насъ вѣнчали, когда ты своею великою неправдой цѣловала мнѣ крестъ, ты любила другаго... Да, ты любила другаго! продолжалъ онъ, возвышая голосъ.

— Боже мой, Боже мой! прошептала Елена, закрывъ лицо руками.

— Дмитріевна! А Дмитріевна! Зачѣмъ не сказала ты мнѣ, что любишь его!

Елена плакала и не отвѣчала ни слова.

— Когда я тебя увидѣлъ въ церкви, беззащитную сироту, въ тотъ день какъ хотѣли выдать тебя насильно за Вяземскаго, я рѣшился спасти тебя отъ постылаго мужа, но хотѣлъ твоей клятвы, что не посрамишь ты сѣдыхъ волосъ моихъ. Зачѣмъ ты дала мнѣ клятву? Зачѣмъ не призналась во всемъ! Словами ты была со мною, а сердцемъ и мыслію съ другимъ! Еслибы зналъ я про любовь твою, развѣ я взялъ бы тебя? Я бы схоронилъ тебя гдѣ-нибудь въ глухомъ помѣстьи, далеко отъ Москвы, или свезъ бы

въ монастырь; но не женился бы на тебѣ, видитъ Богъ не женился бъ! Лучше было отойдти отъ міра, чѣмъ достаться постылому. Зачѣмъ ты не отошла отъ міра? Зачѣмъ защитилась моимъ именемъ, какъ стѣной каменною, а потомъ насмѣхалась мнѣ съ твоимъ полюбовникомъ? Вы думали: Морозовъ старъ, Морозовъ слабъ, намъ легко его одурачить!

— Нѣтъ, господинъ мой! взрыдала Елена и упала на колѣни:—я никогда этого не думала! Ни въ умѣ, ни въ помышленіи того не было! Да онъ же въ ту пору былъ въ Литвѣ...

При словѣ *онъ*, глаза Морозова засверкали, но онъ овладѣлъ собою и горько усмѣхнулся.

— Такъ. Вы не въ ту пору спознались, но позже, когда онъ вернулся. Вы спознались ночью, въ саду у ограды, въ тотъ самый вечеръ, когда я принялъ и обласкалъ его какъ сына. Скажи, Елена, ужели въ самомъ дѣлѣ вы думали, что я не угадаю вашего замысла, дамъ себя одурачить, не сумѣю наказать жену вѣроломную и злодѣя моего, ея сводчика? Ужели чаялъ этотъ молокососъ, что гнусное его дѣло сойдетъ ему съ рукъ? Аль не читалъ онъ, что въ книгахъ Левитъ написано: человѣкъ аще прелюбы содѣетъ съ мужнею женой, смертію да умрутъ прелюбодѣй и прелюбодѣйца.

Елена съ ужасомъ взглянула на мужа. Въ глазахъ его была холодная рѣшительность.

— Дружина Андреичъ! сказала она въ испугѣ:—что ты хочешь сдѣлать?

Боярынъ вынулъ изъ-подъ опашня длинную пистолю.

— Что ты дѣлаешь? вскричала боярыня, и отступила назадъ.

Морозовъ усмѣхнулся.

— Не бойся за себя! сказалъ онъ холодно:—тебя я не убью. Возьми свѣчу, ступай передо мною!

Онъ осмотрѣлъ пистолю и подошелъ къ двери. Елена не двигалась съ мѣста. Морозовъ оглянулся.

— Свѣти мнѣ! повторилъ онъ повелительно.

Въ эту минуту послышался на дворѣ шумъ. Нѣсколько голосовъ говорили вмѣстѣ. Слуги Морозова звали другъ друга. Боярынъ сталъ прислушиваться. Шумъ усиливался. Казалось, множество людей врывалось въ подклѣти. Раздался выстрѣлъ.

Еленѣ представилось, что Серебряный убитъ по волѣ Морозова. Негодованье возвратило ей силы.

— Бояринъ! вскричала она, и взоръ ея загорѣлся,—меня, меня убей! Я одна виновна!

Но Морозовъ не обратилъ вниманія на слова ея. Онъ слушалъ, наклоня голову, и лицо его выражало удивленіе.

— Убей меня! просила въ отчаяньи Елена;—я не хочу, я не могу пережить его! Убей меня! Я обманула тебя, я насмѣхалась тебѣ! Убей меня!

Морозовъ посмотрѣлъ на Елену, и еслибы кто увидѣлъ его въ это мгновенье, тотъ не рѣшилъ бы, жалость, или негодованье преобладали въ его взорѣ.

— Дружина Андреичъ! раздался голосъ снизу:—измѣна! Предательство! Опричники врываются къ женѣ твоей! Остерегись, Дружина Андреичъ!

То былъ голосъ Серебрянаго. Узнавъ его, Елена въ неизъяснимой радости бросилась къ двери. Морозовъ оттолкнулъ жену; задвинулъ запоръ и укрѣпилъ дверь на желѣзный крюкъ.

Поспѣшные шаги послышались на лѣстницѣ, потомъ стукъ сабель, потомъ проклятія, борьба, громкій крикъ и паденіе.

Дверь затрещала отъ ударовъ.

— Бояринъ! кричалъ Вяземскій: — отопри, не то весь домъ раскидаю по бревнамъ!

— Не вѣрю, князь! отвѣчалъ съ достоинствомъ Морозовъ.—Еще не видано на Руси, чтобы гость безчестилъ хозяина, чтобы силой врывался въ теремъ жены его. Хмѣленъ былъ медъ мой; онъ вскружилъ тебѣ голову, князь, поди, выспись; завтра все забудемъ. Не забуду лишь я, что ты гость мой.

— Отопри! повторилъ князь, напирая дверь.

— Аѳанасій Иванычъ! вспомни кто ты? Вспомни, что ты не разбойникъ, но князь и бояринъ!

— Я опричникъ! слышишь, бояринъ, я опричникъ! Нѣтъ у меня чести! Полюбилась мнѣ жена твоя, слышишь, бояринъ! Не боюся студнаго дѣла; всю Москву пущу на дымъ, а добуду Елену!

Внезапно изба ярко освѣтилась. Морозовъ увидѣлъ въ окно, что горятъ крыши людскихъ службъ. Въ то же время дверь, потрясенная новыми ударами, повалилась съ

трескомъ, и Вяземскій явился на порогѣ, озаренный пожаромъ, съ переломленною саблей въ рукѣ.

Бѣлая, атласная одежда его была истерзана; по ней струилась кровь. Видно было, что онъ не безъ боя достигъ до свѣтлицы.

Морозовъ выстрѣлилъ въ Вяземскаго, почти въ упоръ, но рука измѣнила боярину: пуля ударилась въ косякъ; князь бросился на Морозова.

Не долго продолжалась между ними борьба.

Отъ сильнаго удара рукоятью сабли Морозовъ упалъ навзничь. Вяземскій подбѣжалъ къ боярынѣ, но лишь только кровавыя руки его коснулись ея одежды, она отчаянно вскрикнула и лишилась чувствъ. Князь схватилъ ее на руки и помчалъ внизъ по лѣстницѣ, метя ступени ея распущенною косой.

У воротъ дожидались кони. Вскочивъ въ сѣдло, князь полетѣлъ съ полумертвою боярыней, а за нимъ, гремя оружіемъ, полетѣли его холопи.

Ужасъ былъ въ домѣ Морозова. Пламя охватило всѣ службы. Дворня кричала, падая подъ ударами хищниковъ. Сѣнныя дѣвушки бѣгали съ воплемъ взадъ и впередъ. Товарищи Хомяка грабили домъ, выбѣгали на дворъ и бросали въ одну кучу дорогую утварь, деньги и богатыя одежды. На дворѣ, надъ грудой серебра и золота, заглушая голосомъ шумъ, крики и трескъ огня, стоялъ Хомякъ, въ красномъ кафтанѣ.

— Эхъ, весело! говорилъ онъ, потирая руки,—вотъ пиръ, такъ пиръ!

— Хомякъ! вскричалъ одинъ опричникъ:—дворня увезла Морозова по рѣкѣ. Догнать, аль не надо?

— Чортъ съ нимъ! Не до него теперь! Эй вы! Всѣ на дворъ, не то скоро задохнемся!

— Хомякъ! сказалъ другой:—что велишь дѣлать съ Серебрянымъ?

— Не трогать его ни пальцемъ! Приставить къ нему сторожевыхъ, чтобъ глазъ съ него не сводили. Отвеземъ его милость къ слободѣ съ почетомъ. Вѣдь видѣли вы какъ онъ князь Аѳанасья Иваныча хватилъ? Какъ нашихъ саблей крошилъ?

— Видѣли, видѣли!

— А будете въ томъ крестъ цѣловать передъ государемъ?

— Будемъ, будемъ! Всѣ будемъ крестъ цѣловать!

— Ну жь смотрите! Теперь чтобъ никто не смѣлъ его обидѣть, а какъ пріѣдемъ домой, такъ ужь Григорій Лукьянычъ припомнитъ ему свою оплеуху, а я мои нагайки!

Долго еще шумѣли и грабили опричники, и когда поѣхали они, навьючивъ лошадей тяжелою добычей, то еще долго послѣ ихъ отъѣзда видно было зарево надъ мѣстомъ, гдѣ недавно стоялъ домъ Дружины Андреевича; и Москва-рѣка, протекая мимо, до самаго утра играла огненными струями, какъ растопленнымъ золотомъ.

ГЛАВА XVII.

Заговоръ на кровь.

Сосѣдніе люди, узнавъ о нападеніи опричниковъ и видя зарево надъ дворомъ Морозова, спѣшили запирать ворота и гасить огонь.

— Господи! говорили, крестясь, тѣ изъ нихъ, мимо которыхъ скакалъ Вяземскій съ своими холопями,—Господи, помилуй насъ! Пронеси бѣду мимо!

И лишь топотъ коней удалялся, и бряцанье броней замирало въ пустыхъ улицахъ, жители говорили:—слава Богу, миновала бѣда! И опять крестились.

Между тѣмъ князь продолжалъ скакать и уже далеко оставилъ за собою холопей. Онъ положилъ на мысль, еще до разсвѣта достичь деревни, гдѣ ожидала его подстава, а оттуда перевезть Елену въ свою рязанскую вотчину. Но не проскакалъ князь и пяти верстъ, какъ увидѣлъ, что сбился съ дороги.

Въ то же время онъ почувствовалъ, что раны, на которыя онъ сгоряча не обратилъ вниманія, теперь причиняютъ ему нестерпимую боль.

— Боярыня! сказалъ онъ, останавливая коня,—мои холопи отстали... надо обождать!

Елена понемногу приходила въ себя. Открывъ глаза, она увидѣла сперва далекое зарево, потомъ стала различать лѣсъ и дорогу, потомъ почувствовала, что лежитъ на хребтѣ коня и что держатъ ее сильныя руки. Мало-помалу она начала вспоминать событія этого дня, вдругъ узнала Вяземскаго и вскрикнула отъ ужаса.

— Боярыня, сказалъ Аѳанасій Ивановичъ съ горькою усмѣшкой,—я тебѣ страшенъ? Ты клянешь меня? Не меня кляни, Елена Дмитріевна! Кляни долю свою! Напрасно хотѣла ты миновать меня. Не миновать никому судьбы, не объѣхать коемъ суженаго! Видно, искони, боярыня, было тебѣ на роду написано, чтобы досталась ты мнѣ!

— Князь, прошептала Елена, дрожа отъ ужаса,—коли нѣтъ въ тебѣ совѣсти, вспомни боярскую честь свою, вспомни хоть стыдъ...

— Нѣтъ у меня чести, нѣтъ стыда! Все, все отдалъ я за тебя, Елена Дмитріевна!

— Князь, вспомни судъ Божій, не погуби души своей!

— Поздно, боярыня! отнѣчалъ Вяземскій со смѣхомъ.—Я уже погубилъ ее! Или ты думаешь, кто платитъ за хлѣбъ-соль какъ я, тотъ можетъ спасти душу? Нѣтъ, боярыня! Этою ночью я потерялъ ее на вѣки! Вчера еще было время, сегодня нѣтъ для меня надежды, нѣтъ ужъ мнѣ прощенія въ моемъ окаянствѣ! Да и не хочу я райскаго блаженства мимо тебя, Елена Дмитріевна!

Вяземскій слабѣлъ все болѣе. Онъ видѣлъ свое изнеможеніе, но тщетно крѣпился. Бредъ отуманилъ его разсудокъ.

— Елена, сказалъ онъ,—я истекаю кровью, холопи мои далеко... помощи взять не откуда, быть-можетъ, чрезъ короткій часъ я отойду въ пламень вѣчный... полюби меня, полюби на одинъ часъ... чтобъ не даромъ отдалъ я душу сатанѣ!.. Елена!—продолжалъ онъ, собирая послѣднія силы,—полюби меня, прилука моего сердца, погубительница души моей...

Князь хотѣлъ сжать ее въ кровавыхъ объятіяхъ, но силы ему измѣнили, поводья выпали изъ рукъ, онъ зашатался и свалился на землю. Елена удержалась за конскую гриву. Не чуя сѣдока, конь пустился вскачь. Елена хотѣла остановить его, конь бросился въ сторону, помчался лѣсомъ и унесъ съ собою боярыню.

Долго мчались они въ темномъ бору. Сначала Елена силилась удержать коня, но вскорѣ руки ея ослабли, и она, ухватясь за гриву, отдалася на Божью волю. Конь мчался безъ остановки. Сучья цѣплялись за платье Елены, вѣтви хлестали ее въ лицо. Когда неслась она черезъ поляны, освѣщенныя мѣсяцемъ, ей казалось, что въ бѣломъ туманѣ двигаются русалки и манятъ ее къ себѣ. Она слышала отдаленный, однообразный шумъ, повторяемый отголосками. Лѣшій ли то хохоталъ, или что̀ другое шумѣло, но звукъ становился все громче, сердце Елены замирало отъ ужаса, и она крѣпче держалась за конскую гриву. Какъ нарочно конь скакалъ прямо на шумъ. Вотъ мелькнулъ огонекъ, вотъ какъ будто серебристый призракъ махнулъ крыльями... вдругъ конь остановился, и Елена лишилась чувствъ.

Она очнулась на мягкой травѣ. Вокругъ нея разливалась пріятная свѣжесть. Воздухъ былъ напитанъ древеснымъ запахомъ; шумъ еще продолжался, но въ немъ не было ничего страшнаго. Онъ, какъ старая знакомая пѣсня, убаюкивалъ и усыплялъ Елену.

Она съ трудомъ раскрыла глаза. Большое колесо движимое водою, шумя, вертѣлось передъ нею и далеко летѣли вокругъ него брызги. Отражая луну, они напомнили ей алмазы, которыми дѣвушки украшали ее въ саду, въ тотъ день, когда пріѣхалъ Серебряный.

— Ужь не въ саду ли я у себя? подумала Елена.—Уже ль опять въ саду? Дѣвушки! Пашенька! Дуняша! Гдѣ вы?

Но вмѣсто свѣжаго дѣвичьяго лица, сѣдая сморщенная голова нагнулась надъ Еленой; бѣлая какъ снѣгъ борода почти коснулась ея лица.

— Вишь, какъ Господь тебя соблюлъ, боярыня, сказалъ незнакомый старикъ, любопытно вглядываясь въ черты Елены;—вѣдь возьми конь немного лѣвѣе, прямо попала бы въ плёсъ; ну да и конь-то привычный, продолжалъ онъ про себя;—мѣсто ему знакомо; слава Богу не въ первый разъ на мельницѣ!

Появленіе старика испугало было Елену; она вспомнила разказы про лѣшихъ, и странно подѣйствовали на нее морщины и бѣлая борода незнакомца, но въ голосѣ его было что-то добродушное; Елена, перемѣнивъ внезапно мысли, бросилась ему въ ноги.

— Дѣдушка, дѣдушка! вскричала она:—оборони меня, укрой!

Мельникъ тотчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло: конь, на которомъ прискакала Елена, принадлежалъ Вяземскому. По всѣмъ вѣроятностямъ, она была боярыня Морозова, та самая, которую онъ пытался приворожить къ князю. Онъ никогда ее не видалъ, но много узналъ о ней черезъ Вяземскаго. Она не любила князя, просила о помощи, стало быть она, вѣроятно, спаслась отъ князя на его же конѣ.

Старикъ въ мигъ сообразилъ всѣ эти обстоятельства.

— Господь съ тобою, боярыня! сказалъ онъ:—какъ мнѣ оборонить тебя? Силенъ князь Аѳанасій Иванычъ, длинны у него руки, погубитъ онъ меня старика!

Елена со страхомъ посмотрѣла на мельника.

— Ты знаешь... сказала она,—ты знаешь, кто я?

— Мало ли что̀ я знаю, матушка Елена Дмитріевна! Много на моемъ вѣку нажурчала мнѣ вода, нашептали деревья! Знаю я довольно; не обо всемъ говорить пригоже!

— Дѣдушка, коли все тебѣ вѣдомо, ты, стало-быть, знаешь, что Вяземскій не погубитъ тебя, что онъ лежитъ теперь на дорогѣ, изрубленный. Не его боюсь, дѣдушка, боюсь опричниковъ и холопей княжескихъ... ради Пречистой Богородицы, дѣдушка, укрой меня!

— Охъ, охъ, охъ! сказалъ старикъ, тяжело вздыхая,—лежитъ Аѳанасій Иванычъ на дорогѣ изрубленный! Но не отъ меча ему смерть написана. Встанетъ князь Аѳанасій Иванычъ, прискачетъ на мельницу, скажетъ: гдѣ моя боярыня-душа, зазноба ретива сердца мово? А какую дамъ я ему отповѣдь? Не таковъ онъ человѣкъ, чтобы толковать съ нимъ. Изрубитъ въ куски!

— Дѣдушка, вотъ мое ожерелье! Возьми его! Еще больше дамъ тебѣ, коли спасешь меня!

Глаза мельника заблистали. Онъ взялъ жемчужное ожерелье изъ рукъ боярыни и сталъ любоваться имъ на мѣсяцѣ.

— Боярыня, лебедушка моя, сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ,—да благословитъ тебя прещедрый Господь и московскіе чудотворцы! Не легко мнѣ укрыть тебя отъ княжескихъ людей, коль неравно они сюда наѣдутъ! Только ужь послужу тебѣ своею головою, авось Богъ насъ помилуетъ!

Еще не успѣлъ старикъ договорить, какъ въ лѣсу послышался конскій топотъ.

— Ѣдутъ, ѣдутъ! вскричала Елена:—не выдавай меня, дѣдушка!

— Добро, боярыня, сюда ступай за мною!

Мельникъ поспѣшно повелъ Елену въ мельницу.

— Притаись здѣсь за мѣшками, сказалъ онъ, заперъ за нею дверь и побѣжалъ къ коню.

— Ахъ, Богъ ты мой, какъ бы коня то схоронить, чтобъ не догадался!

Онъ взялъ его за узду, отвелъ на другую сторону мельницы, гдѣ была у него пасѣка, и привязалъ въ кустахъ за ульями.

Между тѣмъ топотъ коней и людскіе голоса раздавались ближе. Мельникъ заперся въ коморѣ и задулъ лучину.

Вскорѣ показались на полянѣ люди Вяземскаго. Двое изъ холопей шли пѣшіе и несли на сплетенныхъ вѣтвяхъ безчувственнаго князя. У мельницы они остановились.

— Полно, сюда ли мы заѣхали? спросилъ старшій изъ всадниковъ.

— Сюда конь убѣжалъ! отвѣчалъ другой.—Я слѣдъ видѣлъ! Да здѣсь же и знахарь живетъ. Пусть посмотритъ князя!

— Опустите на землю его милость, да съ береженіемъ! Что, кровь не унимается?

— Не даетъ Богъ легче, отвѣчали холопи,—вотъ ужъ третій разъ князь на ходу очнется, да и опять обомретъ! Коли мельникъ не остановитъ руды, такъ и не встать князю, истечетъ до капли!

— Да гдѣ онъ, колдунъ проклятый? Ведите его проворнѣй!

Опричники стали стучать въ мельницу и въ комору. Долго стукъ ихъ и крики оставались безъ отвѣту. Наконецъ въ коморѣ послышался кашель, изъ прорубленнаго отверстія высунулась голова мельника.

— Кого это Господь принесъ въ такую пору? сказалъ старикъ, кашляя такъ тяжело, какъ будто бы готовился выкашлять душу.

— Выходи, колдунъ, выходи скорѣе, кровь унять! Бояринъ князь Вяземскій посѣченъ саблей!

— Какой бояринъ? спросилъ старикъ, притворяясь глухимъ.

— Ахъ ты, бездѣльникъ! Еще спрашиваетъ: какой! Ломайте двери, ребята!

— Постойте, кормилицы, постойте! Самъ выйду, зачѣмъ ломать? Самъ выйду!

— Ага, небось, услышалъ, глухой тетеревъ!

— Не взыщи, батюшка, сказалъ мельникъ, вылѣзая,— виноватъ, родимый, тугъ на ухо, иначе съ разу не пойму! Да къ тому жь, нечего грѣха таить, какъ стали вы, родимые, долбить въ дверь да въ стѣну, я испужался, подумалъ, оборони Боже, ужь не станичники ли! Вѣдь тутъ, кормилицы, ихъ самыя засѣки и притоны. Живешь въ лѣсу со страхомъ, все думаешь: что коли, не дай Богъ, навернутся!

— Ну, ну, разговорился! Иди сюда, смотри: вишь какъ кровь бѣжитъ. Что, можно унять?

— А вотъ посмотримъ, родимые! Эхъ батюшки-свѣты! Да кто жь это такъ сѣкануль-то его? Вотъ будь на полвершка пониже, какъ разъ бы високъ разсѣкъ! Ну, соблюлъ его Богъ! А здѣсь-то? Плечо мало не до кости прорубано! Эхъ, должно быть, ловокъ рубиться, кто такъ хватилъ его милость!

— Можно ль унять кровь, старикъ?

— Трудно, кормилецъ, трудно. Сабля-то была наговорная!

— Наговорная? Слышите, ребята, я говорилъ, наговорная. А то, какъ бы ему одному семерыхъ посѣчь!

— Такъ, такъ! отозвался опричники:—вѣстимо наговорная; куды Серебряному на семерыхъ!

Мельникъ все слушалъ и примѣчалъ.

— Ишь, какъ руда точится! продолжалъ онъ:—ну какъ ее унять? Кабы сабля была не наговорная, можно бъ унять, а то теперь... оно, пожалуй, и теперь можно, только я боюсь. Какъ стану нашептывать, языкъ у меня отымется!

— Нужды нѣтъ, нашептывай!

— Да! нужды нѣтъ! Тебѣ-то нѣтъ нужды, родимый, а мнѣ-то будетъ каково!

— Истома! сказалъ опричникъ одному холопу: — подай сюда кошель съ Морозовскими червонцами. На тебѣ, старикъ, горсть золотыхъ! Коль уймешь руду, еще горсть дамъ; не уймешь—духъ изъ тебя вышибу!

— Спасибо, батюшка, спасибо! награди тебя Господь и всѣ святые угодники! Нечего дѣлать, кормилицы, постараюсь, хоть на свою голову, горю пособить. Отойдите, родимые, дѣло глаза боится!

Опричники отошли. Мельникъ нагнулся надъ Вяземскимъ,

перевязалъ ему раны, прочиталъ Отче нашъ, положилъ руку на голову князя и началъ шептать:

„Ѣхалъ человѣкъ старъ, конь подъ нимъ карь, по пристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать, руда жильная, жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя, руда мать, не бывало. Пухъ земля, одна семья, будь по моему! Слово мое крѣпко!“

По мѣрѣ того, какъ старикъ шепталъ, кровь текла медленнѣе и съ послѣднимъ словомъ со всѣмъ перестала течь. Вяземскій вздохнулъ, но не открылъ глазъ.

— Подойдите, отцы родные, сказалъ мельникъ,—подойдите безъ опасенья; унялась руда, будетъ живъ князь; только мнѣ худо... вотъ ужь теперь замѣчаю, языкъ костенѣетъ!

Опричники обступили князя. Мѣсяцъ освѣщалъ лицо его, блѣдное какъ смерть, но кровь уже не текла изъ ранъ.

— И впрямь унялась руда! Вишь старичина, не ударилъ лицомъ въ грязь!

— На тебѣ твои золотые! сказалъ старшій опричникъ.— Только это еще не все. Слушай, старикъ. Мы по слѣдамъ знаемъ, что этой дорогой убѣжалъ княжескій конь, а можетъ, на немъ и боярыня ускакала. Коли ты ихъ видѣлъ, скажи!

Мельникъ вытаращилъ глаза, будто ничего не понималъ.

— Видѣлъ ты коня съ боярыней?

Старикъ сталъ было колебаться, сказать или нѣтъ? Но тотъ же часъ онъ сдѣлалъ слѣдующій разчетъ:

Кабы Вяземскій былъ здоровъ, то скрыть отъ него боярыню, было бъ ой какъ опасно, а выдать ее, куда какъ выгодно! Но Вяземскій оправится ль, нѣтъ ли, еще Богъ вѣсть! А Морозовъ не оставитъ услуги безъ награды. Да и Серебряный-то видно любитъ не на шутку боярыню, коль порубилъ за нее князя. Стало-быть, думалъ мельникъ, Вяземскій меня теперь не обидитъ, а Серебряный и Морозовъ, каждый скажетъ мнѣ спасибо, коль я выручу боярыню.

Этотъ разчетъ рѣшилъ его сомнѣнія.

— И слухомъ не слыхалъ, и видомъ не видалъ, родимые! сказалъ онъ:—и не знаю про какого коня, про какую боярыню говорите!

— Ей, не совралъ бы ты старикъ!

— Будь я анаѳема! Не видать мнѣ царствія небеснаго! Вотъ пусть меня тутъ же громомъ хлопнетъ, коли я что̀ знаю про коня, либо про боярыню!

— А вотъ давай лучину, посмотримъ нѣтъ ли слѣдовъ на пескѣ!

— Да нечего смотрѣть! сказалъ одинъ опричникъ.—Хотя бы и были слѣды, наши кони ихъ затоптали. Теперь ничего не увидимъ!

— Такъ нечего и смотрѣть. Отворяй старикъ комору, князя перенесть!

— Сейчасъ, родимые, сейчасъ. Эхъ старъ я кормилицы, а то бы сбѣгалъ на постоялый дворъ, притащилъ бы вамъ браги, да вина зеленчатаго!

— А дома развѣ нѣтъ?

— Нѣтъ, родимые. Куда мнѣ убогому! Нѣтъ ни вина, харчей, ни лошадямъ вашимъ корма. Вотъ на постояломъ дворѣ, тамъ все есть. Тамъ такое вино, что хоть бы царю на столъ. Тѣсненько вамъ будетъ у меня, государи честные, и перекусить-то нечего; да вѣдь вы люди ратные, и безъ ужина обойдетесь! Кони ваши травку пощиплютъ... вотъ одно худо, что трава-то здѣсь такая... иной разъ наѣстся конь, да такъ его разопретъ, что̀ твоя гора! Покачается, покачается да и лопнетъ!

— Чортъ тебя дери, боровикъ ты старый! Что̀ жь ты хочешь, чтобъ наши кони перелопались?

— Оборони Богъ, родимые! Коней можно привязать, чтобъ не ѣли травы; одну почку не бѣда, и такъ простоятъ! А васъ, государи мои, прошу покорно, уважьте мою комору; нѣтъ въ ней ни сѣна, ни соломы, земля голая. Здѣсь не то, что постоялый дворъ. Вотъ только, какъ будете спать ложиться, такъ не забудьте передъ сномъ прочитать молитву отъ ночнаго страха... оно здѣсь не чисто!

— Ахъ ты, чортовъ кумъ этакій! Провались ты и съ своею коморой! Вишь, чѣмъ подчивать вздумалъ! Ребята, ѣдемъ на постоялый дворъ! Далеко ль дотудова, старикъ?

— Близко, родимые, совсѣмъ близко. Вотъ ступайте этою тропою; какъ выѣдете на большую дорогу, повернете влѣво, проѣдете не болѣе версты, тутъ вамъ будетъ и постоялый дворъ!

— Ѣдемъ! сказали опричники.

Вяземскій все еще былъ въ обморокѣ. Холопи подняли его и осторожно понесли на носилкахъ. Опричники сѣли на коней и поѣхали вслѣдъ.

Лишь только удалилась толпа, и не стало болѣе слышно въ лѣсу человѣческаго голоса, старикъ отперъ мельницу.

— Боярыня! Ушли! сказалъ онъ.—Пожалуй въ комору. Ахъ ты, сотикъ мой забрушенный, какъ притаилась-то! Пожалуй въ комору, лебедушка моя, тамъ тебѣ будетъ получше!

Онъ настлалъ свѣжаго моху въ углу коморы, зажегъ лучину и поставилъ передъ Еленой деревянную чашку съ медовыми сотами и краюху хлѣба.

— Ѣшь на здоровье, боярыня! сказалъ онъ, низко кланяясь,—вотъ я тебѣ сейчасъ винца принесу.

Сбѣгавъ еще разъ въ мельницу, онъ вынесъ изъ нея большую сулею и глиняную кружку.

— Во здравіе твое, боярыня!

Старикъ, какъ хозяинъ, первый опорожнилъ кружку. Вино его развеселило.

— Выпей, боярыня! сказалъ онъ:—теперь некого тебѣ бояться! Они ищутъ постолаго двора! Хе, хе! Найдутъ ли, не найдутъ ли, а ужь сюда не вернутся; не по такой дорогѣ я ихъ послалъ; хе, хе! Да что ты, боярыня, винца не отвѣдаешь? А впрочемъ и не отвѣдывай! Это вино дрянь! Плюнь на него; я тебѣ другаго принесу!

Мельникъ опять сбѣгалъ на мельницу и этотъ разъ воротился съ баклагою подъ мышкой и съ серебрянымъ кубкомъ въ рукахъ.

— Вотъ вино, такъ вино! сказалъ онъ, нагибая баклагу надъ кубкомъ.—Во здравіе твое, боярыня! Это вино и съ кубкомъ подарилъ мнѣ добрый человѣкъ.... зовутъ его Перстнемъ..... хе, хе! Здѣсь много живетъ добрыхъ людей въ лѣсу: всѣ они со мной въ дружбѣ! Ѣшь, боярыня! Да что же ты сотовъ не ѣшь? Это соты не простые. Такихъ сотовъ за сто верстъ кругомъ не найдешь. А почему они не простые? Потому что я пчелиное дѣло знаю лучше любаго вѣдуна. Я не такъ какъ другіе! Я каженное лѣто самый лучшій улей въ болото бросаю водяному дѣдушкѣ: на тебѣ дѣдушка, кушай! Хе, хе! А онъ, боярыня, дай Богъ ему здоровья, мою пасѣку бережетъ. Вѣдь отъ него-

то на землѣ и пчелы пошли. Какъ заѣздилъ онъ коня, да бросилъ въ болото, такъ отъ этого-то коня и пчелы отроились; а рыбаки-то вишь, закинули неводъ, да вмѣсто рыбы и вытащили пчелъ.... Эхъ боярыня, мало ѣшь, мало пьешь! А вотъ посмотри, коли не заставлю тебя винца испить.... слушай, боярыня! Во здравіе.... хе, хе! Во здравіе князя.... князя, то-есть, не того, а Серебрянаго! Дай Богъ ему здоровья, вишь какъ порубилъ того-то, то-есть Вяземскаго-то! А, бояринъ-то Дружина Андреичъ, хе, хе! Во здравіе его, боярыня! Поживешь у меня денька два въ похоронкахъ, а потомъ куда хошь ступай, хошь къ Дружинѣ Андреичу, хошь къ Серебряному, мнѣ какое дѣло! Во здравіе твое!

Чудно и болѣзненно отозвались въ груди Елены слова пьянаго мельника. Самыя сокровенныя мысли ея казались ему извѣстны; онъ какъ будто читалъ въ ея сердцѣ; лучина воткнутая въ стѣну, озаряла его сморщенное лицо яркимъ свѣтомъ; сѣрые глаза его были отуманены хмѣлемъ, но, казалось, проникали Елену насквозь. Ей опять сдѣлалось страшно, она стала громко молиться.

— Хе, хе! сказалъ мельникъ:—молись, боярыня, я этого не боюсь.... меня молитвой не испугаешь, ладономъ не выкуришь.... я самъ умѣю причитывать.... я не какой-нибудь такой.... меня и водяной дѣдъ знаетъ, и лѣсавой дѣдъ.... меня знаютъ русалки.... и вѣдьмы.... и кикиморы.... меня всѣ знаютъ.... меня.... меня.... вотъ хошь я ихъ позову! Шикалу! Ликалу!

— Господи! прошептала Елена.

— Шикалу! Ликалу! Чтò? нейдутъ? Постой я ихъ приведу! Бду, бду!

Старикъ всталъ и, шатаясь и приплясывая, вышелъ изъ коморы. Елена въ ужасѣ заперла за нимъ дверь. Долго мельникъ разговаривалъ за дверью самъ съ собою.

— Меня всѣ знаютъ! повторялъ онъ хвастливымъ, но уже не вѣрнымъ голосомъ,—и лѣсавой дѣдъ.... и водяной дѣдъ.... и русалки.... и кикиморы.... я не какой-нибудь такой!.... меня всѣ знаютъ! Бду, бду!

Слышно было какъ старикъ плясалъ и притопывалъ ногами. Потомъ голосъ его сталъ слабѣть, онъ легъ на землю, и вскорѣ раздалося его храпѣніе, которое во всю ночь сливалось съ шумомъ мельничнаго колеса.

ГЛАВА XVIII.

Старый Знакомый.

На другой день послѣ разоренія Морозовскаго дома, пожилой ратникъ пробирался на вороной лошади въ дремучемъ лѣсу. Онъ безпрестанно снималъ шапку и къ чему-то прислушивался.

— Тише, Галка, полно те фыркать, говорилъ онъ, трепля лошадь по крутой шеѣ,—вишь какая неугомонная, ничего разслушать не дастъ. Фу ты пропасть, никакъ и мѣста не спознаю! Все липа да орѣшникъ, а когда въ ту пору ночью ѣхали, кажись, смолою попахивало!

И всадникъ продолжалъ путь свой.

— Постой, Галка! сказалъ онъ вдругъ, натянувъ поводья,—вотъ теперь опять какъ будто слышу! Да стой ты смирно, экъ тебя разбираетъ! И вправду слышу! Это ужь не листъ шумитъ, это мельничное колесо! Вишь она, мельница, куда запряталась! Только ужь постой! Теперь отъ меня не уйдешь, тетка твоя подкурятина!

И Михеичъ, какъ будто опасаясь опять сбиться съ дороги, пустился во всю прыть по направленію шума.

— Ну, слава ти, Господи, сказалъ онъ, когда между деревьями сталъ виднѣться поросшій мохомъ срубъ съ вертящимся колесомъ,—на силу-то догналъ; а то вѣдь чуть было не уморился: то впереди шумъ, то за самою спиной, ничего не разберешь! Вотъ она и мельница! Вонъ съ той стороны мы въ ту пору съ бояриномъ подъѣхали, когда станичники-то дорогу указывали. Да какъ же это опять будетъ? Въ ту пору колесо было справа, а теперь слѣва; въ ту пору комора стояла окномъ къ мельницѣ, а дверью къ лѣсу, а теперь стоитъ окномъ къ лѣсу, а дверью къ мельницѣ! Тьфу ты, ужь этотъ мнѣ мельникъ! Вишь какъ глаза отводитъ! Не даромъ же я и колесилъ цѣлый день кругъ этого мѣста; кабы не боярина выручать, ни за что бы сюда не пріѣхалъ!

Михеичъ слѣзъ съ своей Галки, привязалъ ее къ дереву, подошелъ съ нѣкоторою боязнію къ мельницѣ и постучался въ дверь.

— Хозяинъ, а хозяинъ!

Никто не отвѣчалъ.

— Хозяинъ, а хозяинъ!

Внутри мельницы было молчаніе: только жернова гудѣли, да шестерни постукивали.

Михеичъ попытался толкнуть дверь; она была заперта.

— Да что̀ онъ, сѣдой чортъ, спитъ, али притаился? подумалъ Михеичъ и сталъ изо всей мочи стучать въ дверь и руками и ногами. Отвѣту не было. Михеичъ началъ горячиться.

— Эй ты, хрѣнъ! закричалъ онъ:—вылѣзай, не то огоньку подложу!

Раздался кашель и сквозь небольшое отверстіе надъ дверью показалась бѣлая борода и лицо, изрытое морщинами, среди которыхъ свѣтились два глаза ярко-сѣраго цвѣта.

Михеичу стало неловко въ присутствіи мельника.

— Здравствуй, хозяинъ! сказалъ онъ ласковымъ голосомъ.

— Господь съ тобою! отвѣчалъ мельникъ:—чего тебѣ, добрый человѣкъ?

— Аль не узналъ меня, хозяинъ? Вѣдь я у тебя ономнясь съ бояриномъ ночевалъ!

— Съ княземъ-то? Какъ не узнать, узналъ! Что̀ жь, батюшка, съ чѣмъ Богъ принесъ?

— Да что̀ жь ты, хозяинъ, забился какъ филинъ въ дупло! Или меня впусти, или самъ выйди; такъ говорить несподручно!

— Постой, батюшка, дай только хлѣбушка подсыпать, вотъ я къ тебѣ сейчасъ выйду!

„Да! подумалъ Михеичъ:—посмотрѣлъ бы я какого ты, чортовъ кумъ, хлѣба подсыпишь! Я чай, кости жидовскія вѣдьмамъ на муку перемалываешь! Тутъ и завозу быть не можетъ; вишь какая глушь, и колеи-то всѣ травой заросли!“

— Ну вотъ, батюшка, я къ тебѣ и вышелъ, сказалъ мельникъ, тщательно запирая за собою дверь.

— Насилу-то вышелъ! Довольно ты поломался, хозяинъ.

— Да что, куманекъ, живу вѣдь не на базарѣ, въ лѣсу. Всякому отпирать не приходится; далеко ли до бѣды: видно, что человѣкъ, а почему знать, хлѣбъ ли святой у него подъ полой, или камень булыжникъ!

„Вишь мухоморъ! подумалъ Михеичъ:—прикидывается, что разбойниковъ боится, а я чай, пѣтъ лѣшаго, съ которымъ бы дѣтей не крестилъ!“

— Ну, батюшка, что тебѣ до меня? Ты мнѣ разкажи, а я послушаю!

— Да вотъ что хозяинъ: бѣда случилась, хуже смерти пришлось; схватили окаянные опричники господина моего, повезли къ слободѣ съ великою крѣпостью, сидитъ онъ теперь, должно-быть, въ тюрьмѣ, горемъ крутитъ, горе мыкаетъ; а за что, про что сидитъ, одному Богу вѣдомо; не сотворилъ онъ никакого дурна ни передъ царемъ, ни передъ Господомъ; постоялъ лишь за правду, за боярина Морозова, да за боярыню его, когда они лукавствомъ своимъ, среди веселья на домъ напали и до тла разорили.

Глаза мельника приняли странное выраженіе.

— Охъ, охъ, охъ! сказалъ онъ;—худо, кормилецъ; худо, кормилецъ; худо карасю, когда въ шумъ заплываетъ. Худо князю твоему въ темницѣ сидѣть, хуже Морозову безъ жены молодой, еще хуже Вяземскому отъ чужой жены!

Михеичъ удивился.

— Да ты почемъ знаешь, что Вяземскій Морозова жену увезъ? Я тебѣ ничего про это не сказывалъ!

— Эхъ, куманекъ, не то одно вѣдомо, что сказывается; иной разъ далеко въ лѣсу стукнетъ, близко отзовется; когда подъ колесомъ воды убыло, знать есть засуха и за сто верстъ, и будетъ хлѣбу недородъ великъ, а нашъ братъ, старикъ живетъ себѣ, молча; слушаетъ какъ трава растетъ, да мотаетъ себѣ за ухо!

— Что жь, хозяинъ, ужь не знаешь ли, какъ помочь боярину? Я вотъ все думалъ да гадалъ, раскидывалъ умомъ-разумомъ, ничего не придумалъ. Пойду, говорю, къ доброму человѣку, попрошу совѣта. Да, признаться, и тотъ молодецъ на умѣ все мотался, что проводилъ-то насъ до тебя. Говорилъ мнѣ тогда: коли понадоблюсь, говоритъ, боярину, приходи, говоритъ, на мельницу, спроси у дѣдушки, гдѣ Ванюха Перстень, а я, говоритъ, радъ боярину служить; за него, говоритъ, и животъ положу! Вотъ я къ тебѣ и

пріѣхалъ, хозяинъ; сдѣлай божескую милость, научи какъ боярина вызволить. А научишь, ужь не забудетъ тебя князь Никита Романычъ, да и я, горемычный, буду вѣчнымъ слугою твоимъ.

„Провалиться бы тебѣ сквозь землю, тетка твоя подкурятина, прибавилъ мысленно Михеичъ,—вотъ кому довелось кланяться!“

— Что жь, батюшка, почему не попытаться горю пособить. Плохо дѣло, что и говорить, да вѣдь ухватомъ изъ поломя горшки вымаются, а бываетъ инольды, и зернушко изъ-подъ жернова цѣло выскочитъ; всяко бываетъ, какое кому счастье!

— Оно такъ, хозяинъ, при счастьи и пѣтушокъ яичко снесетъ, а при несчастьи и жукъ забодаетъ, только бью тебѣ челомъ, научи уму-разуму, что мнѣ теперь дѣлать?

Мельникъ опустилъ голову, и сталъ какъ будто прислушиваться къ шуму колеса.

Прошло нѣсколько минутъ. Старикъ покачалъ головой и заговорилъ, не обращая вниманія на Михеича.

„Ходитъ, ходитъ колесо кругомъ, что было высоко, то будетъ низко, что было низко, будетъ высоко; слышу, далеко звонитъ колоколъ, невѣсть на похороны, невѣсть на свадьбу; а кого вѣнчать, кого хоронить, не слыхать, вода шумитъ, не видать за великимъ дымомъ!

„Слетаются вороны издалека, кличутъ другъ друга на богатый пиръ, а кого клевать, кому очи вымать, и сами не чуютъ, летятъ да кричатъ! Наточенъ топоръ, наряженъ палачъ; по дубовымъ доскамъ побѣгутъ, потекутъ теплой крови ручьи; слетятъ головы съ плечъ да невѣдомо чьи!“

Михеичъ струсилъ.

— Что ты, дѣдушка, говоришь такое, да еще и причитываешь словно по покойникѣ?

Мельникъ, казалось, не слыхалъ Михеича. Онъ уже ничего не говорилъ, но только бормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Губы его безъ умолку шевелились, а сѣрые глаза смотрѣли такъ тускло, какъ будто ничего не видѣли.

— Дѣдушка, а дѣдушка! и Михеичъ дернулъ его за рукавъ.

— А? отозвался мельникъ и обратился къ Михеичу, будто теперь только его замѣтилъ.

— Что ты бормочешь, дѣдушка?

— Эхъ, куманекъ! Много слышится, мало сказывается Ступай теперь путемъ дорогой мимо этой сосны. Ступай все прямо; много тебѣ будетъ поворотовъ и вправо и влѣво, а ты все прямо ступай; верстъ пять проѣдешь, будетъ въ сторонѣ избушка, въ той избушкѣ нѣтъ живой души. Подожди тамъ до ночи, придутъ добрые люди, отъ нихъ больше узнаешь. А обратнымъ путемъ заѣзжай сюда, будетъ тебѣ работа; залетѣла жаръ-птица въ западню; отвезешь ее къ царю Далмату, а выручку пополамъ!

И не дожидаясь отвѣта, старикъ вошелъ въ мельницу и заперъ за собою дверь.

— Дѣдушка! закричалъ ему вслѣдъ Михеичъ,—да скажи мнѣ толкомъ, про какихъ ты людей говоришь, про какую птицу?

Но мельникъ не отозвался на голосъ Михеича, и сколько тотъ ни прислушивался, онъ ничего не могъ услышать, кромѣ шума воды и стука колесъ.

— Вишь, тетка его подкурятина! сказалъ Михеичъ:—куда вздумалъ посылать! Верстъ пять будетъ избушка, въ ней жди до ночи, а тамъ чортъ знаетъ кто придетъ, больше скажетъ! Послалъ бы я тебя самого туда, хрѣнъ этакій! Кабы не бояринъ, ужь я бы далъ тебѣ! Вишь какой, въ самомъ дѣлѣ! Тьфу! Ну, Галка, нечего дѣлать, давай искать чортовой избушки!

И сѣвъ на коня, Михеичъ присвистнулъ и пустился рысцой по направленію указанному мельникомъ.

ГЛАВА XXI.

Русскій человѣкъ добро помнитъ.

Было уже поздно, когда Михеичъ увидѣлъ въ сторонѣ избушку, черную и закоптѣвшую, похожую больше на полуистлѣвшій грибъ, чѣмъ на человѣческое жилище. Солнце уже зашло. Полосы тумана стлались надъ высокою травой на небольшой разчищенной полянѣ. Было свѣжо и сыро. Птицы перестали щебетать, лишь иныя время отъ

времени зачинали сонную пѣснь, и не окончивъ ее, засыпали на вѣтвяхъ. Мало-по-малу и онѣ замолкли, и среди общей тишины слышно было лишь слабое журчанье невидимаго ручья, да изрѣдка жужжаніе вечернихъ жуковъ.

— Вишь куда заѣхали, сказалъ Михеичъ, оглядываясь кругомъ,—и подлинно тутъ живой души нѣтъ! Подожду, посмотрю, кто такой придетъ, какого дастъ совѣта? Ну а коли, не дай Богъ, кто-нибудь такой придетъ, что... тьфу! Съ нами крестная сила! Далъ бы я карачуна этому мельнику, кабы не боярина выручать.

Михеичъ слѣзъ съ своей Галки, стреножилъ ее путами, снялъ узду и пустилъ лошадку на волю Божію.

— Щипли себѣ травку, сказалъ онъ,—а я войду въ избу, коли дверь не заперта, посмотрю нѣтъ ли чего перекусить! Хозяйство, можетъ, хоть и не доброе, да вѣдь и голодъ не тетка!

Онъ толкнулъ ногой низенькую косую дверь; странно раздался въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ ея продолжительный скрипъ, почти похожій на человѣческій плачъ. Когда наконецъ, повернувшись на петляхъ, она ударилась въ стѣну, Михеичъ нагнулся и вошелъ въ избу. Его обдало темнотой и запахомъ остывшаго дыма. Пошаривъ кругомъ, онъ ощупалъ на столѣ краюху хлѣба и принялся убирать ее за обѣ щеки. Потомъ подошелъ къ очагу, порылся въ золѣ, нашелъ тамъ горячіе уголья, раздулъ ихъ не безъ труда и зажегъ лучину, валявшуюся на лавкѣ. Между печью и стѣною были укрѣплены палати. На нихъ лежало разное платье, между прочимъ одинъ парчевый кафтанъ, шитый хоть бы на боярина. На стѣнѣ висѣла мисюрка съ богатою золотою насѣчкой. Но болѣе всего привлекъ вниманіе Михеича стоявшій на коскѣ образъ, весь почернѣвшій отъ дыма. Онъ примирилъ его съ неизвѣстными хозяевами.

Михеичъ нѣсколько разъ на него перекрестился, потомъ погасилъ лучину, влѣзъ на палати, растянулся, покряхтѣлъ и заснулъ богатырскихъ сномъ. Онъ спалъ довольно сладко, когда внезапный ударъ кулакомъ въ бокъ свалилъ его съ палатей.

— Это что? вскричалъ Михеичъ, проснувшись уже на голой землѣ,—кто это дерется? смотри, тетка твоя...

Передъ нимъ стоялъ дѣтина со всклоченною бородой, съ

широкимъ ножомъ за поясомъ, и готовился поподчивать его новымъ ударомъ кулака.

— Не замай! сказалъ ему другой дюжій парень, у котораго только-что усъ пробивался,—что онъ тябѣ сдѣлалъ? А? При этомъ онъ оттеръ товарища плечомъ, а самъ уставился на Михеича и выпучилъ глаза.

— Ишь, сядой! замѣтилъ онъ съ какимъ-то почтительнымъ удивленіемъ.

— Да ты тюлень, чего ввязался! закричалъ на него первый:—что онъ тебѣ отецъ, али сватъ?

— А то онъ мнѣ, что старикъ. Ишь сядой, потому старикъ. Я те говорю, не тронь, осерчаю!

Громкій смѣхъ раздался между людьми вошедшими толпою въ избу.

— Эй, Хлопко, сказалъ одинъ изъ нихъ,—берегись! Коли Митька осерчаетъ, плохо будетъ! Съ нимъ, братъ, не связывайся!

— Лѣшій съ нимъ свяжется! отвѣчалъ Хлопко, отходя въ сторону;—жили, жили въ лѣсу, да и нажили медвѣдя!

Другіе молодцы, всѣ вооруженные, обступили Михеича и смотрѣли на него не слишкомъ ласково.

— Откуда кожанъ залетѣлъ? спросилъ одинъ изъ нихъ глядя ему прямо въ глаза.

Михеичъ между тѣмъ успѣлъ оправиться.

— Эге! подумалъ онъ:—да это они-то и есть, станичники-то! Здравствуйте, добрые люди! А гдѣ у васъ тотъ, что зовутъ Ванюхой Перстнемъ?

— Такъ тебѣ атамана надо? Чего жъ ты прежде не говорилъ? Сказалъ бы сразу, такъ не отвѣдалъ бы тумака!

— А вотъ и атаманъ! прибавилъ другой, указывая на Перстня, который только что вошелъ въ сопровожденіи стараго Коршуна.

— Атаманъ! закричали разбойники:—вотъ пришелъ человѣкъ, про тебя спрашиваетъ!

Перстень окинулъ быстрымъ окомъ Михеича и тотчасъ узналъ его.

— А, это ты, товарищъ! сказалъ онъ:—добро пожаловать! Ну что его княжеская милость, какъ здравствуетъ съ того дня, какъ мы вмѣстѣ Малютиныхъ опричниковъ щелкали? Досталось имъ отъ насъ на Поганой Лужѣ! Жаль только, что Малюта Лукьянычъ ускользнулъ, да что этотъ увалень,

Митька, Хомяка упустилъ. Не сдобровать бы имъ у меня въ рукахъ! Что, я чай, батюшка царь куда какъ обрадовался, какъ царевича-то увидалъ! Я чай не нашелъ, чѣмъ и пожаловать князь Никиту Романыча!

— Да! отвѣчалъ со вздохомъ Михеичъ,—жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь! Батюшка государь Иванъ Васильичъ, дай Богъ ему здоровья, таки миловалъ господина моего. Только видно не угодилъ Никита Романычъ опричникамъ окаяннымъ. Правда, не за что имъ и любить насъ. Перво въ Медвѣдевкѣ мы ихъ нагайками отшлепали, да вдругорь на Поганой Лужѣ Малютѣ оплеуху дали, да вотъ вчера на Москвѣ бояринъ таки порубилъ ихъ порядкомъ. А они, окаянные, навалились на него многолюдствомъ, опрокинули, связали да и повезли къ слободѣ. Оно бы все ничего, да этотъ Малюта, песій сынъ, обнесетъ насъ передъ государемъ, выместитъ на князѣ свою оплеуху!

— Гмъ! сказалъ Перстень, садясь на скамью,—такъ царь не велѣлъ повѣсить Малюту? Какъ же такъ? Ну, про то знаетъ его царская милость. Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Да что, батюшка, Иванъ, не знаю, какъ и величать твое здоровье по изотчеству...

— Величай Ванюхой и дѣло съ концомъ!

— Ну, батюшка, Ванюха, я и самъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Авось ты чего не пригадаешь ли? Вѣдь одинъ-то умъ хорошъ, а два лучше! Вотъ и мельникъ ни къ кому другому, а къ тебѣ послалъ: ступай, говоритъ, къ атаману, онъ поможетъ; ужь я, говоритъ, по примѣтамъ вижу, что ему отъ этого будетъ всякая удача и корысть богатая! Ступай, говоритъ, къ атаману!

— Ко мнѣ! Такъ и сказалъ, ко мнѣ?

— Къ тебѣ, батюшка, къ тебѣ. Ступай, говоритъ, къ атаману, отдай отъ меня поклонъ, скажи, чтобы во что бъ ни стало выручилъ князя. Я-де, говоритъ, ужь вижу, что ему отъ этого будетъ корысть богатая, по примѣтамъ, дескать, вижу. Пусть, во что бъ ни стало, выручитъ князя! Я-де, говоритъ, этой службы не забуду. А не выручитъ атаманъ князя, всякая, говоритъ, будетъ напасть на него; исчахнетъ, говоритъ, словно былинка; совсѣмъ, говоритъ, пропадетъ!

— Вотъ что! сказалъ Перстень, потупя голову и какъ будто задумавшись,—ужель и вправду исчахну?

— Да, батюшка, и руки и ноги, говоритъ, отсохнутъ; а на головѣ такая, говоритъ, пойдетъ дрянь, что не приведи Господи!

Перстень поднялъ голову и пристально взглянулъ на Михеича.

— А еще ничего не сказалъ мельникъ?

— Какъ же, батюшка! продолжалъ Михеичъ, поглядывая съ боку на дымящійся горшокъ щей, который разбойники поставили на столъ,—еще мельникъ сказалъ такъ: скажи, дескать, атаману, чтобъ онъ тебя накормилъ и напоилъ хорошенько, примѣрно, какъ бы самого меня. А главное, говоритъ, чтобъ выручилъ князя. Вотъ что, батюшка, мельникъ сказалъ.

И Михеичъ посматривалъ на атамана, извѣдывая какое впечатлѣніе произвели его слова?

Но Перстень взглянулъ на него еще пристальнѣе и вдругъ залился самымъ громкимъ, самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Эхъ, старина, старина! Такъ тебѣ и вправду мельникъ сказалъ, что, коли не выручу князя, такъ вотъ такъ и пропаду?

— Да, батюшка, отвѣчалъ стремянной, не много запинаясь,—и руки и ноги....

— Хитеръ же ты, братъ! перебилъ Перстень, ударивъ его по плечу и продолжая смѣяться,—только меня-то напрасно надувать вздумалъ! Садись съ нами, прибавилъ онъ, придвигаясь къ столу,—хлѣбъ да соль! На тебѣ ложку, повечеряемъ; а коли можно помочь князю, я и безъ твоихъ выдумокъ помогу. Только какъ и чѣмъ помочь? Вѣдь князь-то въ тюрьмѣ сидитъ?

— Въ тюрьмѣ, батюшка:

— Въ той самой, что на площади у самаго у Малютина дома?

— Да ужь ни какой другой. Эта будетъ покрѣпче!

— А ключи вѣдь у кого? У Малюты?

— Да какъ были мы въ слободѣ, такъ бывало видѣли, какъ Григорій Лукьяновичъ хаживалъ въ тюрьму пытать людей. Ключи бывало, всегда съ нимъ. А къ ночи, бывало, онъ ихъ къ царю относитъ, а ужъ царь, всѣмъ вѣдомо, подъ самое изголовье кладетъ.

— Ну такъ вить ли! сказалъ Перстень, опуская ложку

въ щи,—какой тутъ бѣсъ твоему князю поможетъ? Ну говори самъ: какой бѣсъ ему поможетъ?

Михеичъ почесалъ затылокъ.

— Такъ ты видишь, что нельзя помочь?

— Вижу, отвѣчалъ Михеичъ и ложку бросилъ. Стало и мнѣ не жить на бѣломъ свѣтѣ! Пойду къ господину, сложу старую голову подлѣ его головы, стану ему на томъ свѣтѣ служить, коль на этомъ заказано!

— Ну, ну, ужь и отходную затянулъ! Еще, можетъ, князь твой и не въ тюрьмѣ. Тогда и плакать нечего; а коли въ тюрьмѣ, такъ дай подумать.... слободу-то я хорошо знаю; я туда прошедшаго мѣсяца медвѣдя водилъ, и дворецъ знаю, все высмотрѣлъ; думалъ себѣ: когда-нибудь пригодится!... Постой, дай поразмыслить...

Перстень задумался.

— Нашелъ! вскричалъ онъ вдругъ, и вскочилъ съ мѣста.— Дядя Коршунъ! Насъ съ тобой князь Серебряный отъ смерти спасъ—спасемъ и мы его; теперь наша очередь! Хочешь идти со мной на трудное дѣло?

Старый разбойникъ нахмурился и покачалъ кудрявою головой.

— Что, Коршунъ, нешто не хочется тебѣ?

— Да что ты, атаманъ, съ ума что ли спятилъ? Аль не слыхалъ, гдѣ сидитъ князь? Аль не слыхалъ, что ключи днемъ у Малюты, а ночью у царя подъ изголовьемъ? Что тутъ дѣлать? Плетью обуха не перешибешь. Пропалъ онъ, такъ и пропалъ! Нешто изъ-за него и намъ пропадать? Легче ему, что ли, будетъ когда съ насъ шкуру сдерутъ?

— Оно такъ, Коршунъ, да вѣдь не даромъ пословица говорится: долгъ платежомъ красенъ! Вѣдь не спаси насъ въ то время князь, гдѣ бы мы теперь были? Висѣли бы гдѣ-нибудь на березѣ, вѣтеръ бы насъ покачивалъ! А каково-то ему теперь? Я чай думаетъ себѣ: вотъ, я въ ту пору ребятушекъ вызволилъ изъ бѣды, теперь и они меня вызволятъ! А какъ бросимъ мы его, да какъ поведутъ его казнить,—тьфу! скажетъ,—что-й-то за люди были, воровать-разбойничать умѣютъ, а добра-то не помнятъ! Только, скажетъ, кровь неповинную проливаютъ, а христіанина спасти не ихъ дѣло! Я, скажетъ, за нихъ Господу Богу и добраго слова не замолвлю! Пусть себѣ, скажетъ, и на

этомъ свѣту, и на томъ пропадаютъ! Вотъ что скажетъ князь!

Коршунъ еще болѣе нахмурилъ брови. Внутренняя борьба отразилась на суровомъ лицѣ его. Замѣтно было, что Перстень удачно тронулъ живую струну въ очерствѣломъ его сердцѣ.

Но не долго продолжалась эта борьба. Старикъ махнулъ рукою.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ,—пустое затѣваешь; своя рубаха ближе къ тѣлу! Не пойду!

— Ну нѣтъ, такъ нѣтъ! сказалъ Перстень. Подождемъ, утра, авось что другое придумаемъ, утро вечера мудренѣе! А теперь, ребятушки, пора бы и соснуть! Кто можетъ Богу молиться, молись, а кто не можетъ, такъ ложись!

Атаманъ посмотрѣлъ искоса на Коршуна. Видно, зналъ онъ что-нибудь за старикомъ, ибо Коршунъ слегка вздрогнулъ, и чтобъ никто того не замѣтилъ, сталъ громко зѣвать, а потомъ напѣвать себѣ что-то подъ носъ.

Разбойники встали. Иные тотчасъ влѣзли на палати; другіе еще долго молились передъ образомъ. Изъ числа послѣднихъ былъ Митька. Онъ усердно клалъ земные поклоны, и еслибъ одежда и вооруженіе не обличали ремесла его, никто бы по добродушному лицу Митьки, не узналъ въ немъ разбойника.

Не таковъ былъ старый Коршунъ. Когда всѣ улеглись, Михеичъ увидѣлъ при слабомъ мерцаніи огня, какъ старикъ слѣзъ съ лежанки и подошелъ къ образу. Нѣсколько разъ онъ перекрестился, что-то пробормоталъ, и наконецъ сказалъ съ сердцемъ:

— Нѣтъ, не могу! А чаялъ, будетъ легче сегодня!

Долго слышалъ Михеичъ, какъ Коршунъ ворочался съ боку на бокъ, ворчалъ что-то про себя, но не могъ заснуть. Передъ разсвѣтомъ онъ разбудилъ атамана.

— Атаманъ, сказалъ онъ, а атаманъ!

— Чего тебѣ, дядя?

— Пожалуй, я пойду съ тобой; веди куда знаешь!

— Что такъ?

— Да такъ, спать не могу. Вотъ ужь которую ночь не спится.

— А назадъ не попятишься.

— Ужь сказалъ иду, такъ не попячусь!

— Ну ладно, дядя Коршунъ, спасибо! Теперь только бы еще одного товарища, а болѣ не надо! Много ли ночи осталось?

— Ужь слышно птахи заиграли.

— Ну такъ уже въ волю полежано, и вставать пора Митька! сказалъ Перстень, толкая подъ бокъ Митьку.

— А? отвѣчалъ, раскрывъ глаза парень.

— Хочешь идти съ нами?

— Кудь?

— Тебѣ что за дѣло? Спрашиваютъ тебя, хочешь ли идти со мной да съ дѣдушкой Коршуномъ?

— А дляча! отвѣчалъ Митька, зѣвая, и свѣсилъ ноги съ палатей.

— Ну за это люблю. Иди куда поведутъ, а не спрашивай: кудь? Расшибутъ тебѣ голову, не твое дѣло, про то мы будемъ знать, а тебѣ какая нужда! Ну смотри жь, взялся за гужъ, не говори, не дюжъ; попятишься назадъ, ракомъ назову!

— Ня назовешь! отвѣчалъ Митька, и сталъ обертывать ноги онучами.

Разбойники начали одѣваться.

Въ чемъ состояла выдумка Перстня, и удачно ль онъ исполнилъ ее,—узнаемъ изъ слѣдующихъ главъ.

ГР. АЛ. ТОЛСТОЙ.

О
РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ
ПОДАТЕЙ.

На всякомъ правительствѣ лежитъ обязанность передъ обществомъ, надъ которымъ оно установлено, ограждать личныя права и собственность подданныхъ, охранять внутренній порядокъ и спокойствіе, и блюсти за цѣлостью внѣшнихъ границъ государства. Съ другой стороны, общество обязано доставлять правительству средства для выполненія упомянутыхъ выше обязанностей составляющихъ цѣль его учрежденія.

Эти взаимныя обязанности правительства и общества составляютъ первое и необходимое условіе существованія государства. Поэтому, одновременно съ основаніемъ государствъ вездѣ появляется подать въ различныхъ видахъ и формахъ соотвѣтственно степени образованія обществъ и нераздѣльнаго съ тѣмъ развитія матеріяльныхъ средствъ.

Первую, начальную подать составляла защита границъ и въ ней участвовали по мѣрѣ надобности всѣ члены общества. Въ послѣдствіи, къ этой начальной формѣ присоединились различнаго рода повинности и работы установляемыя въ видахъ общественной пользы.

Личная обязательная служба составляла характеръ и исключительную форму первыхъ податей. Форма эта господствовала повсемѣстно, пока возрастаніе матеріяльныхъ средствъ не дозволило облагать податью не человѣка, а его собственность. Часть личной натуральной повинности стала замѣняться тогда натуральною повинностью другаго рода, и переходъ этотъ выразился въ формѣ десятины взимаемой со скотоводства и всѣхъ сельскихъ произведеній. Наконецъ со временемъ, когда стала входить въ общее употребленіе монета, подать натуральная стала постепенно переводиться на деньги, такъ что въ настоящее время, она или приняла уже окончательно эту послѣднюю форму, или, по мѣрѣ правильнаго развитія финансовыхъ системъ, направлена вездѣ къ этой перемѣнѣ, столько же выгодной для правительства, какъ и для лицъ, обложенныхъ податью.

Мы не станемъ доказывать преимущества денежной подати предъ натуральною, полагая, что никто въ томъ не сомнѣвается. Но замѣтимъ, что съ того времени какъ подать обратилась изъ натуральной въ денежную, она начала постепенно увеличиваться. Это происходитъ не столько отъ того, что денежные сборы опредѣляются и взимаются несравненно легче чѣмъ повинности въ натурѣ, сколько по той причинѣ, что по мѣрѣ развитія промышленности, образованія и всѣхъ условій общественнаго быта, обязанности правительства, о которыхъ мы упомянули въ самомъ началѣ, дѣлаясь важнѣе, обширнѣе и сложнѣе, требовали болѣе и болѣе со стороны его издержекъ, а слѣдовательно и болѣе пожертвованій со стороны общества.

Это весьма естественно, ибо чѣмъ болѣе страна образуется, а промышленность и народное богатство развиваются, тѣмъ болѣе нужно внутренняго устройства для обезпеченія въ особенности правъ собственности, принимающей новыя формы и разнообразныя условія. Правосудіе, военная сила, полиція, пути сообщенія и различнаго рода публичныя учрежденія, имѣющія въ виду общественную пользу, при постепенномъ своемъ развитіи, вовлекаютъ правительство въ увеличенныя издержки, а эти издержки не могутъ быть пополняемы иначе, какъ установленіемъ новыхъ налоговъ или увеличеніемъ прежнихъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ и благоразумномъ употребленіи, увеличенныя подати не только не отягощаютъ народа, и не только не стѣсняютъ матеріяльнаго

благосостоянія общества, но могутъ способствовать его развитію въ мѣрѣ далеко превышающей пожертвованія на публичные расходы. Римская имперія пала подъ бременемъ такихъ налоговъ которыхъ цифра почиталась бы нынѣ умѣренною, потому что налоги были несоразмѣрны со средствами для ихъ удовлетворенія; и наоборотъ, несмотря на то, что подати которыми обложены нынѣ Франція и Англія превышаютъ въ четыре раза цифру налоговъ существовавшихъ тамъ въ первой половинѣ XVII столѣтія, за всѣмъ тѣмъ, теперешнее ихъ бремя можетъ быть почитаемо менѣе тягостнымъ чѣмъ прежнее. Тягость подати для плательщика есть предметъ условный: возвышенная подать не будетъ тягостна, если ей соотвѣтствуютъ соразмѣрныя средства. Статистическія свѣдѣнія показываютъ обыкновенно, сколько изъ общей цифры податей выставленной въ бюджетѣ приходится на одного жителя. Но эти свѣдѣнія недостаточны для заключеній о тягости подати для плательщиковъ. Извѣстно, напримѣръ, что во Франціи приходится подати, по крайней мѣрѣ, 30 франковъ на жителя [1], а въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи только 10 и даже 6 фр.; несмотря на это, подать въ 30 фр. можетъ быть легче въ департаментѣ, поставленномъ въ благопріятныя обстоятельства, нежели подать въ 6 фр. въ бѣдномъ швейцарскомъ кантонѣ.

Но само собою разумѣется, что чѣмъ умѣреннѣе подать, также чѣмъ удобнѣе ея основаніе (assiette), распредѣленіе и способъ взиманія, тѣмъ легче она для общества.

Вопросъ о томъ въ какихъ предѣлахъ подать можетъ быть полезна и необходима, представляетъ большую важность не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи. Конечно, одно богатство не составляетъ счастія каждаго человѣка взятаго отдѣльно, но судьба народовъ, безспорно, зависитъ въ значительной степени отъ богатства. Гдѣ господствуетъ нищета, тамъ трудно развивается человѣческое достоинство. Оно можетъ выказываться развѣ только рѣдкими примѣрами, по одиночкѣ, но вокругъ этихъ счастливыхъ исключеній степень образованія массы народа всегда будетъ зависѣть отъ мате-

[1] Иные считаютъ до 40 и болѣе.

ріяльныхъ его средствъ. Политическій успѣхъ обыкновенно слѣдуетъ за успѣхомъ экономическимъ, а такъ какъ послѣдній можетъ быть совершенно задержанъ и подавленъ тягостью податей, то очевидно что подати имѣютъ важное вліяніе даже на нравственный бытъ народа. Онѣ могутъ содѣйствовать его развитію, но могутъ быть также причиною его стѣсненія, и это случится непремѣнно, если превышая доходы плательщиковъ, подать станетъ касаться капиталовъ. Поэтому, первымъ условіемъ при установленіи какой-либо подати должно быть, чтобъ она соотвѣтствовала только извѣстной части чистаго дохода (за отчисленіемъ издержекъ производящихъ доходъ, потому что тѣ же издержки необходимы производителю для дальнѣйшаго возобновленія дохода). Иначе подать, поражая капиталъ, то-есть источникъ дохода, вела бы прямо къ его уничтоженію. Кромѣ того, подать будетъ также имѣть вредныя послѣдствія, если станетъ отнимать у плательщиковъ значительную часть ихъ дохода, ибо безъ надежды пользоваться плодами своихъ трудовъ, они не найдутъ ни побужденія къ новымъ предпріятіямъ, ни возможности дѣлать сбереженія для накопленія капиталовъ, безъ которыхъ дѣятельность ихъ была бы безплодна.

Что умѣренность въ расходахъ составляетъ одну изъ главныхъ обязанностей каждаго правительства; что оно обязано пещись о томъ, чтобы подати не отнимали у общества матеріяльныхъ средствъ болѣе чѣмъ требуетъ необходимость, въ этомъ никто не сомнѣвается. Но такъ какъ подати бываютъ различнаго рода, то возникаетъ чрезвычайно важный вопросъ, которымъ изъ нихъ слѣдуетъ отдать преимущество предъ другими, какія изъ нихъ, при равной пользѣ для правительства, слѣдуетъ почитать удобнѣйшими для общества? Этотъ вопросъ давно уже занимаетъ экономистовъ, но по своей сложности не получилъ еще положительнаго рѣшенія, и едва ли будетъ когда-либо рѣшенъ безусловно.

Англія и Франція, несмотря на высокую степень просвѣщенія, долгое время слѣдовали двумъ совершенно противоположнымъ одна другой финансовымъ системамъ, которыхъ черты и нынѣ пробиваются въ ихъ администраціи Подати раздѣлены въ этихъ государствахъ между движимою и недвижимою собственностью весьма неуравнительно. Во Франціи подать ложится тяжкимъ бременемъ на поземель-

ную собственность, тогда какъ англійскій бюджетъ весь основанъ на косвенныхъ податяхъ, составляющихъ обыкновенно $^4/_5$ общей бюджетной суммы [1]. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что одну изъ этихъ системъ надлежитъ признать правильною и другую какъ можно скорѣе отмѣнить? Мы полагаемъ, что и та другая система, развиваясь постепенно въ согласіи съ мѣстными обстоятельствами, обычаями и направленіемъ общаго законодательства своей страны, находили въ нихъ естественныя причины существованія. Полагаемъ также, что никакая теорія, принимаемая безусловно, съ упущеніемъ изъ вида существующаго и исторически сложившагося порядка вещей, не принесетъ желаемаго результата, и не можетъ обѣщать успѣха, если не опирается на то, что выработано уже самою такъ сказать народною жизнью. Наконецъ мы полагаемъ, что финансовая система господствующая въ каждомъ государствѣ, болѣе чѣмъ другія части законодательства, находится въ тѣсной связи съ народною жизнью, и что въ этомъ особенно дѣлѣ нельзя оставлять безъ вниманія факты, для безусловнаго слѣдованія теоріи, а что напротивъ, необходимо принимать *status quo* за точку отправленія при каждомъ нововведеніи.

Кто-то сказалъ, что въ финансовомъ дѣлѣ лучшая система есть та, которая доставляетъ правительству *maximum* средствъ возбуждая *minimum* неудовольствій. Это было бы очень справедливо, еслибы цѣль финансовой системы состояла единственно въ возможномъ увеличеніи доходовъ правительства безъ вниманія къ средствамъ ихъ увеличенія. Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ взглядомъ болѣе чѣмъ одностороннимъ, и полагаемъ, что всякое благонамѣренное правительство прежде всего будетъ имѣть въ виду *maximum* справедливости. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагаемъ,

---

[1] Мы должны прибавить здѣсь, что нѣкоторые экономисты находятъ преувеличеннымъ общее мнѣніе объ умѣренности поземельной подати въ Англіи, потому что хотя подать, собираемая собственно въ пользу правительства, дѣйствительно весьма умѣренна, но къ ней слѣдуетъ прибавить налоги собираемые на различныя мѣстныя потребности, изъ которыхъ подать на бѣдныхъ составляетъ самую важную цифру. Макъ-Коллокъ утверждаетъ даже, что если счесть всѣ выплаты поземельной собственности въ Англіи на общественныя надобности, то цифра ихъ превзойдетъ цифру податей лежащихъ на недвижимости во Франціи.

что если во всякомъ дѣлѣ полезно имѣть за себя общественное мнѣніе, то еще болѣе въ финансовыхъ вопросахъ, ибо въ нихъ обоюдные интересы правительства и народа находятся всегда въ тѣсной и нераздѣльной связи. За всѣмъ тѣмъ, возвращаясь къ тому что̀ мы сказали о различіи финансовыхъ системъ издревле принятыхъ во Франціи и въ Англіи, нельзя не отдать справедливости благоразумію съ которымъ современныя правительства этихъ странъ принимаютъ постепенно мѣры направленныя къ болѣе уравнительному чѣмъ прежде распредѣленію податей между собственностью всякаго рода.

Что касается собственно нашего теоретическаго взгляда, то предпринимая высказать нѣсколько сужденій о различныхъ системахъ податей, мы не намѣрены отдавать преимущество какой-либо системѣ предъ прочими; напротивъ полагаемъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою хорошую сторону и можетъ быть употреблена съ пользою въ извѣстныхъ предѣлахъ и при соотвѣтствующихъ условіяхъ. Не входя въ подробности примѣненія системъ, мы намѣрены выставить сперва общія условія подлежащія соблюденію относительно всѣхъ вообще податей; за тѣмъ, сдѣлавъ систематическое раздѣленіе податямъ, постараемся очертить характеръ каждой изъ нихъ, а также вліяніе, какое каждаго рода подать можетъ имѣть на народное благосостояніе какъ по самой природѣ подати, такъ и по степени ея возвышенности; наконецъ коснемся вопроса живо заинтересовавшаго современную науку о возможности или невозможности установленія единственной прямой подати (impôt unique).

Приводя иногда для соображенія различныя статистическія свѣдѣнія относящіяся къ европейскимъ державамъ, мы не упоминаемъ о Россіи по двумъ причинамъ: вопервыхъ по неимѣнію достаточныхъ и вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, вовторыхъ потому, что хотя мы посвящаемъ трудъ нашъ Русскимъ, но дѣлаемъ это не съ цѣлью указывать читателямъ, лучше насъ знающимъ Россію, что̀ по мнѣнію нашему можетъ быть нужно русскому государству, а дабы и съ своей стороны содѣйствовать знакомству читателей съ общими вопросами науки, которой для собственной пользы мы съ давняго времени отдаемъ свои досуги.

I.

Адаму Смиту принадлежитъ безъ сомнѣнія честь перваго раціональнаго разъясненія общихъ условій которыя должны быть наблюдаемы относительно податей всякаго рода [1]. Соображенія его по этому предмету приняты всѣми новѣйшими экономистами; мы почитаемъ ихъ классическими; они составляютъ основаніе финансовой науки нашего времени; поэтому приводимъ ихъ здѣсь съ поясненіями, опредѣляющими истинный ихъ смыслъ и значеніе. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

I. Каждая подать должна быть соразмѣрна со средствами тѣхъ съ кого требуется. Соблюденіе этого правила называется уравнительностію, а отступленіе отъ него неуравнительностью подати.

Условіе это, основанное на справедливости, полагается самымъ важнымъ. Общая цифра сборовъ нужная на публичные расходы соотвѣтствуетъ извѣстной части средствъ принадлежащихъ совокупности общества; слѣдовательно доля требующаяся съ каждаго члена общества должна быть соразмѣрна участію его въ сказанныхъ средствахъ. Иначе, она облегчала бы нѣоткорыхъ съ явнымъ ущербомъ для другихъ. Уравнительность не только требуется справедливостью, но она и полезна въ экономическомъ отношеніи, ибо составляетъ одно изъ условій постепеннаго свободнаго и естественнаго развитія народнаго благосостоянія. Неуравнительность же податей ведетъ къ искусственному направленію всего народнаго быта. Подати, раскладываемыя неуравнительно на различныя части народнаго дохода, или взимаемыя безъ вниманія къ мѣрѣ участія плательщиковъ въ достояніи всего общества, нарушаютъ равновѣсіе въ производительныхъ его силахъ и тѣмъ самымъ препятствуетъ постепенному ихъ увеличенію. Неудобство это дѣлается сильнѣе, если подать ложится съ

[1] *Wealth of Nations.*

невыгодною неуравнительностію на бѣдные классы. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ матеріяльныхъ средствъ ихъ зависитъ и нравственное ихъ образованіе; слѣдовательно, отнимая у нихъ часть достоянія пріобрѣтаемаго трудами собственныхъ рукъ, государство будетъ не только подвергать ихъ матеріяльнымъ лишеніямъ, но и преграждать имъ путь нравственнаго улучшенія и образованія.

Всякая подать должна предполагать доходъ, ибо безъ дохода платить подати не изъ чего. Наука политической экономіи полагаетъ три источника дохода различной природы:

a) Чистый доходъ съ поземельной собственности, рента.

b) Доходы съ капиталовъ и промышленности.

c) Доходъ пріобрѣтаемый личнымъ трудомъ.

Каждый изъ этихъ источниковъ можетъ быть обложенъ податью; отсюда три разряда податей различной природы.

Уравнительность подати можетъ быть двоякаго рода, именно уравнительность въ распредѣленіи подати между доходами получаемыми съ каждаго изъ этихъ трехъ источниковъ, и уравнительность въ отношеніи къ лицамъ по мѣрѣ доходовъ каждаго. Соблюденіе той и другой уравнительности необходимо въ одинаковой мѣрѣ.

Уравнительное распредѣленіе податей между помянутыми тремя источниками доходовъ состоитъ въ томъ, чтобъ естественное отношеніе между этими доходами, то-есть то, какое можно предположить при отсутствіи подати, не было нарушено. Такъ какъ эти доходы должны возобновляться, а для возобновленія ихъ нужно въ извѣстной мѣрѣ взаимное ихъ содѣйствіе, то еслибы подать легла сильнѣе на одинъ изъ источниковъ дохода, послѣдствіемъ было бы сокращеніе производства, слѣдовательно доходъ не возобновлялся бы, и тѣмъ менѣе было бы надежды на увеличеніе его.

Уравнительность подати въ отношеніи къ лицамъ понимается экономистами различно, и различіе въ ихъ мнѣніяхъ по этому предмету отражается на нѣкоторыхъ финансовыхъ системахъ. Мы принимаемъ за первое основаніе равенство подати относительно всѣхъ плательщиковъ, ибо всякое дѣйствіе правительства должно быть основано на одинавой для всѣхъ справедливости безъ различія лицъ. Правительство, принимая на себя одинаковыя относительно всѣхъ подданныхъ обязательства, въ правѣ требовать отъ нихъ пожертвованій въ такой соразмѣрности, чтобъ они были

одинаково чувствительны для каждаго. Слѣдовательно, въ дѣлѣ подати, равенство должно соотвѣтствовать возможности жертвовать, а это значитъ, что участіе въ публичныхъ расходахъ должно быть опредѣлено такимъ образомъ, чтобы отъ его послѣдствій одинъ не потерпѣлъ болѣе другаго. Конечно, это идеалъ, котораго достигнуть невозможно, но тѣмъ не менѣе всѣ финансовыя системы должны быть направлены къ этому идеалу и могутъ быть оцѣняемы по мѣрѣ приближенія къ нему.

Не всѣ однако понимаютъ означеннымъ образомъ вопросъ о равенствѣ подати. Многіе, не довольствуясь высказаннымъ выше общимъ соображеніемъ, рѣшаютъ вопросъ положительнѣе. Они смотрятъ на подать какъ на вознагражденіе правительства за его покровительство и полагаютъ, что каждый долженъ участвовать въ несеніи податей соразмѣрно своему состоянію. Итакъ, если кто имѣетъ состоянія вдвое противъ сосѣда, то, по ихъ мнѣнію, долженъ платить за покровительство своей собственности вдвое противъ него. Притомъ, такъ какъ нельзя утверждать, чтобы защита собственности была исключительнымъ предметомъ обязанности правительства, то нѣкоторые изъ приверженцевъ разсматриваемаго нами мнѣнія полагаютъ, что такъ какъ не только собственность, но и лицо нуждается въ покровительствѣ, и такъ какъ мѣра личнаго покровительства для всѣхъ одинакова, то и подать должна быть двоякаго рода, одна съ лица, опредѣляемая въ равной мѣрѣ съ каждаго, другая пропорціональная въ соразмѣрности съ собственностію.

Мы признаемъ за этимъ предположеніемъ лишь достоинство обманчиваго вида. Вопервыхъ, намъ кажется что ни покровительство, ни мѣра его необходимости для лица, не могутъ быть опредѣляемы цифрами. Для оцѣнки того въ какой мѣрѣ покровительство закона важно для каждаго, слѣдовало бы сообразить послѣдствія отсутствія покровительства, а по мнѣнію нашему, отсутствіе это, если допустить его умственно, выразилось бы наиболѣе неудобнымъ образомъ для лишенныхъ всякаго образованія и неимущихъ, а это повело бы къ заключенію, что такъ какъ неимущіе болѣе другихъ нуждаются въ покровительствѣ, то и должны болѣе другихъ содѣйствовать правительству въ его расходахъ. Но, кромѣ невозможности исполненія, это было бы совершенно противно понятіямъ объ уравнительной справед-

ливости, цѣль которой состоитъ въ возможномъ смягченіи естественныхъ различій въ положеніи членовъ общества.

Полагая государство необходимымъ условіемъ общественнаго быта, мы за тѣмъ считаемъ излишнимъ разсмотрѣніе вопроса кто болѣе другихъ можетъ быть въ немъ заинтересованъ: еслибы какое-либо лицо или сословіе было лишено законнаго покровительства до такой степени чтобы можно было сомнѣваться въ обязанности ихъ участвовать въ публичныхъ расходахъ, то подобное положеніе дѣлъ угрожало бы общественному быту. При добровольной подпискѣ на предметъ общаго интереса или общей пользы, можно считать исполнившими свою обязанность всѣхъ тѣхъ, которые подписываются по мѣрѣ своихъ средствъ, то-есть дѣлаютъ равное пожертвованіе, каждый сравнительно съ своимъ положеніемъ. При соблюденіи того же самаго основанія для распредѣленія подати, можно почитать ее справедливо уравнительною.

Равенство подати не можетъ быть ариѳметическое, а надо чтобы подать была одинаково для всѣхъ чувствительна. Объяснимъ это цифрами: напримѣръ, я, отецъ большаго семейства, имѣю 1.000 руб дохода, при которомъ перебиваюсь такъ-сказать съ большимъ затрудненіемъ: взявъ съ меня $^1/_5$ часть моего дохода, то-есть 200 руб., вы очевидно отымете часть необходимаго и это будетъ для меня трудная подать. Сосѣдъ мой имѣетъ 100.000 руб. дохода; возьмите у него также $^1/_5$ часть; это составитъ 20.000; судя по цифрѣ, это подать бо́льшая; сосѣдъ вынужденъ ограничить расходы, но онъ не будетъ въ необходимости бороться съ нуждою, въ которую поставила меня подать одинаковаго оклада.

За симъ спрашиваемъ: въ чемъ же можетъ состоять равенство подати? По мнѣнію нашему,—въ такой пропорціональности, чтобы за уплатою ея всякій находился въ томъ положеніи сравнительно съ другими, въ какомъ былъ до установленія подати. Итакъ, при взятомъ нами для примѣра окладѣ $^1/_5$ части дохода, пользовавшійся, до обложенія податью, тремя тысячами руб. дохода могъ существовать безъ затрудненія; пользовавшійся доходомъ въ 100 тысячъ существовалъ не отказывая себѣ ни въ чемъ. Справедливость и равенство требуетъ, чтобы за уплатою подати, первый не былъ въ нуждѣ, а послѣдній въ необходимости

отказывать себѣ во многомъ. По всему вѣроятію, то и другое будетъ достигнуто при обращеніи въ подать $^1/_5$ части ихъ дохода, но съ тою же вѣроятностію можно заключать, что переходящій съ дохода въ 1.000 руб. на 800, существовать уже не можетъ. Изъ этого заключаемъ, что положеніе его сравнительно съ другими двумя сдѣлалось бы не одинаковымъ прежнему.

Этотъ недостатокъ подати пропорціональной далъ поводъ къ системѣ подати прогрессивной (impôt progressif). Она состоитъ въ томъ, чтобы при взиманіи напримѣръ 1 на 100 съ дохода въ 1.000 руб. взимать 3 или 4 на 100 съ дохода въ 10.000, 10, 12 или болѣе съ дохода въ 100.000 и такъ далѣе. Это называется податью прогрессивною, и приверженцы ея полагаютъ что посредствомъ нея можно достигнуть истиннаго равенства для плательщиковъ.

Трудно дѣлать сильныя возраженія противъ мысли давшей поводъ къ прогрессивной подати, хотя на практикѣ она могла бы дѣйствовать только въ извѣстныхъ предѣлахъ, ибо, если примѣнять ее безъ всякаго ограниченія къ доходамъ весьма возвышенной цифры, то она повела бы окончательно къ поглощенію всего дохода. Это объясняется тѣмъ, что если увеличивать постепенно извѣстный процентъ со 100, то процентъ долженъ когда-нибудь поравняться съ этою цыфрой. Къ этому прибавимъ еще и то, что прогрессивная подать будетъ удобна или неудобна смотря по тому, какая будетъ принята мѣра для ея прогрессіи; очевидно, что при быстрой прогрессіи она сдѣлается тягостною для возвышенныхъ доходовъ, а при прогрессіи слабой, она не будетъ соотвѣтствовать цѣли, съ которою предлагается.

Предложеніе прогрессивной подати есть родъ реакціи противъ податныхъ системъ, установленныхъ въ то время когда богатыя и сильныя сословія успѣвали пользоваться привилегіями для освобожденія себя отъ участія въ публичныхъ расходахъ. Они успѣвали безъ затрудненія сваливать налоги на сословія бѣднѣйшія, потому что имѣли въ рукахъ своихъ силу. Затѣмъ, весьма естественно что по мѣрѣ развитія демократическаго элемента, явились со стороны низшихъ классовъ или ихъ защитниковъ разныя попытки воспользоваться новымъ ходомъ дѣлъ для перевода

налоговъ на богатѣйшія сословія въ непропорціональныхъ размѣрахъ.

Радикальное неудобство прогрессивной подати состоитъ въ ея нравственномъ неблагопріятномъ дѣйствіи. По нашему мнѣнію, два условія необходимы для возможнаго развитія производительныхъ силъ каждой страны, именно чтобы усилія каждаго къ улучшенію своего быта находили вознагражденіе соотвѣтствующее трудамъ, и чтобы привычки сбереженія могли переходить въ народные обычаи. Между тѣмъ, прогрессивная подать, требуя отъ частныхъ лицъ пожертвованій въ размѣрахъ, превышающихъ самое пріобрѣтеніе ими средствъ, ослабляла бы тѣ побужденія, на которыхъ основано развитіе благосостоянія. Опредѣляя степень богатства, выше котораго оно переставало бы нѣкоторымъ образомъ быть личною собственностью, она уничтожала бы поощреніе къ производительному труду и препятствовала бы приращенію капиталовъ: по достиженіи извѣстной цыфры, капиталы дѣлались бы все менѣе и менѣе производительны для ихъ владѣльца. Такимъ образомъ прогрессивная подать парализировала бы самые источники народнаго богатства.

Кромѣ того нѣтъ спора, что всякому свойственно искать полезнѣйшаго употребленія матеріяльныхъ и умственныхъ средствъ, которыми онъ можетъ располагать. Согласно съ этимъ естественнымъ закономъ, капиталы направляются всегда на пути, обѣщающіе бо́льшія и вѣрнѣйшія выгоды. Незначительная разница въ этихъ выгодахъ побуждаетъ употреблять капиталы, даже не стѣсняясь границами своего государства. Согласно съ этимъ закономъ, еслибы прогрессивная подать, постигая значительные капиталы, стала понижать обыкновенную нормальную ихъ доходность, то владѣльцы ихъ успѣли бы уклониться отъ предстоящаго имъ убытка, скрывая капиталы или переводя ихъ заграницу, и это причинило бы ущербъ народной промышленности. Удержать переселеніе капиталовъ въ другія страны было бы невозможно. Капиталы и металлы успѣютъ всегда уйдти отъ всякой регламентаціи, стѣсняющей ихъ употребленіе, и обратятся въ ту сторону, гдѣ найдутъ выгоднѣйшія для себя условія; самыя строгія запретительныя мѣры окажутся недостаточными для ихъ удержанія, и если они не найдутъ возможнымъ пробраться черезъ границу подъ име-

немъ настоящаго ихъ владѣльца, то перейдутъ подъ видомъ займовъ.

Нигдѣ не сдѣлано еще опыта прогрессивной подати въ широкихъ размѣрахъ, но не трудно предсказать неизбѣжныя ея послѣдствія. Они состояли бы въ слѣдующемъ: большія достоянія уже существующія стали бы принимать иные виды, съ цѣлью уклониться отъ подати; достоянія вновь пріобрѣтаемыя оставались бы видимыми только до извѣстной цыфры; капиталы стали бы искать употребленія въ другихъ странахъ, а переселеніе ихъ стало бы приводить въ упадокъ всѣ отрасли народной промышленности и всякій производительный трудъ.

Возвратимся къ подати пропорціональной доходу. Мы указали уже ея недостатокъ. Онъ состоитъ въ томъ, что 1.000 руб. взятые на подать съ дохода въ 100.000 рублей не могутъ раззорить, но 50 руб., то-есть подать взятая въ той же пропорціи съ дохода въ 500 руб., составляетъ пожертвованіе гораздо чувствительнѣйшее перваго и для плательщика раззорительное. Затѣмъ спрашиваемъ, какимъ образомъ устранить это неудобство пропорціональной подати. По нашему мнѣнію, это можетъ быть достигнуто приблизительно двумя способами: или принятіемъ подати прогрессивной съ соблюденіемъ сдѣланныхъ нами въ отношеніи ея оговорокъ и съ возможною при томъ пощадой скромныхъ доходовъ, или совершеннымъ освобожденіемъ отъ подати какого-нибудь *minimum* дохода необходимаго для самой скромной жизни. Бентамъ совѣтовалъ исполнить это слѣдующимъ образомъ: предположивъ для примѣра, что доходъ въ 50 фунтовъ стерлинговъ можетъ обезпечить самыя первыя потребности жизни, онъ предлагалъ освободить отъ подати всѣхъ пользующихся доходомъ ниже 50 фунтовъ и до этой цифры включительно; съ тѣхъ же, которые пользуются высшимъ доходомъ, взимать подать только съ той части дохода, какая превышаетъ 50 фунтовъ. Итакъ, изъ дохода въ 60 фунтовъ не принималось бы въ разчетъ при исчисленіи подати 50 фунтовъ признанныхъ какъ *minimum* необходимыхъ издержекъ и облагались бы податью только 10 ф.; съ дохода въ 600 ф. облагались бы податью только 550. Бентамъ заключаетъ тѣмъ, что подобная подать, не касаясь средствъ необ-

ходимыхъ для существованія, ложилась бы только на избытокъ дохода противъ этихъ средствъ.

Остается разсмотрѣть, какимъ образомъ нужная въ распредѣленіи податей уравнительность можетъ быть примѣнена къ каждому изъ трехъ видовъ дохода различной природы, о которыхъ мы говорили выше.

Вообще уравнительность можетъ быть соблюдена по мѣрѣ того какъ предметъ облагаемый податью можетъ по природѣ своей подлежать оцѣнкѣ болѣе или менѣе положительной и вѣрной. Въ этомъ отношеніи, поземельная собственность удобнѣе прочихъ, по крайней мѣрѣ при опредѣленіи ея количества, ибо пространство измѣренное однажды не измѣняется ни отъ времени, ни отъ переходовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Но съ другой стороны, относительно качествъ отъ которыхъ зависитъ доходность поземельной собственности, она не представляетъ постоянности, потому, вопервыхъ, что подлежитъ улучшеніямъ, и кромѣ того, по самой природѣ своей имѣетъ различныя свойства. Этому неудобству помогаютъ раздѣленіемъ собственности на разряды сообразно различію почвы и производительной ея силѣ.

Тщательно составленный кадастръ можно считать лучшимъ условіемъ для уравнительнаго распредѣленія поземельной подати, и чѣмъ вѣрнѣе будетъ кадастръ, тѣмъ справедливѣе можетъ быть уравнена подать. За всѣмъ тѣмъ однако, и при самыхъ удовлетворительныхъ условіяхъ вѣрнаго кадастра, уравнительность будетъ только временною, и должна измѣняться вмѣстѣ съ улучшеніями поземельной собственности и нѣкоторыми другими причинами, дѣйствующими на измѣненіе цифры дохода исчисленнаго по кадастру при его составленіи. По истеченіи нѣкотораго времени болѣе или менѣе продолжительнаго, отношеніе подати къ цѣнности земли или къ исчисленному съ нея доходу, будетъ неминуемо нарушено, и первоначальная уравнительность подати потеряетъ свое значеніе.

Уравнительное распредѣленіе податей относительно двухъ другихъ источниковъ дохода представляетъ еще болѣе затрудненій нежели уравнительность по отношенію къ поземельной собственности по слѣдующимъ причинамъ:

1. Успѣхи промышленности, а слѣдовательно и ея доходность, а равно доходы отъ капиталовъ, зависятъ весьма

часто отъ личныхъ способностей тѣхъ кто распоряжается ими.

2. Въ предпріятіяхъ одного и того же рода, кромѣ личныхъ способностей, они зависятъ еще отъ другихъ, весьма разнообразныхъ условій, какъ то: отъ обширности капиталовъ, отъ степени кредита, отъ легкаго сбыта произведеній или дешевой покупки матеріяловъ и отъ многихъ мѣстныхъ причинъ.

3. Доходъ со всякой движимости, цѣнность ея и даже самое существованіе, не легко могутъ быть приведены въ извѣстность и могутъ уклоняться отъ самаго бдительнаго за ними наблюденія.

4. То же самое можно сказать насчетъ чистаго дохода людей содержащихъ себя трудами собственныхъ рукъ. Затрудненіе относительно ихъ увеличивается еще тѣмъ, что при одинаковыхъ средствахъ этихъ людей, они бываютъ поставлены въ различное положеніе; напримѣръ, средства одинокихъ будутъ превышать средства семейныхъ, несмотря на одинаковое вознагражденіе за трудъ ихъ.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что доходы отъ капиталовъ, промышленности и труда имѣютъ болѣе или менѣе характеръ личный. Лучшимъ способомъ ихъ оцѣнки полагаютъ мѣру расходовъ каждаго, разумѣется, расходовъ дѣлаемыхъ независимо отъ первыхъ потребностей жизни. И въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что послѣ удовлетворенія этимъ потребностямъ, каждый расходуетъ на то, что̀ составляетъ уже нѣкоторую роскошь, по мѣрѣ своихъ средствъ. Имѣя это въ виду, обыкновенно облагаютъ податью различные предметы потребленія. Въ этомъ правительства находятъ самое удобное средство отдѣлить въ свою пользу часть доходовъ, происходящихъ изъ разсматриваемыхъ нами двухъ источниковъ. Само собою разумѣется, что подати этого рода не должны падать на предметы первой необходимости; иначе, онѣ касались бы средствъ самой бѣдной части народа, не рѣдко сниска-вающей свое пропитаніе съ большими усиліями, тогда какъ по смыслу своего установленія подати этого рода должны падать на избытокъ. Подобнымъ же образомъ, установленіемъ подати съ различныхъ сдѣлокъ и актовъ, имѣющихъ предметомъ капиталы и движимость въ различныхъ формахъ, также со сдѣлокъ облзывающихъ къ какимъ-либо уплатамъ,

правительство взимаетъ съ движимости какъ бы случайную дань за мгновенное появленіе ея существованія.

II. Вторымъ общимъ условіемъ относительно податей всякаго рода, Адамъ Смитъ полагаетъ, чтобъ оклады подати, сроки взносовъ, и самый способъ взиманія, были опредѣлены самымъ точнымъ и положительнымъ образомъ, и доступны для повѣрки заинтересованнымъ лицамъ.

Извѣстность и положительность доли, причитающейся съ каждаго плательщика, можно считать дѣломъ столько же важнымъ какъ ея уравнительность, такъ какъ при отсутствіи этого условія, платящій можетъ подвергаться произволу и злоупотребленіямъ со стороны взимающихъ, и какъ бы законъ ни былъ справедливъ относительно уравнительности, подать, отъ злоупотребленій при взиманіи, могла бы оказаться на дѣлѣ весьма тягостною, чему исторія фискальной администраціи представляетъ частые примѣры. Это условіе достигается преимущественно гласностію законодательныхъ мѣръ относящихся къ податямъ.

При обложеніи податью предметовъ потребленія; она вносится обыкновенно антрепренерами, которые уже сами возвышаютъ продажныя цѣны въ соразмѣрности съ суммою внесенною ими на подать. Въ этихъ случаяхъ, трудно опредѣлить долю возвышенія цѣны, приходящуюся на подать; но такъ какъ отъ покупателей зависитъ обходить того изъ продавцовъ, который вздумалъ бы непомѣрно возвысить цѣны, то этому неудобству противодѣйствуетъ соревнованіе между продавцами. Если же подобная подать соединена съ монополіей, какъ напримѣръ при откупахъ, тогда нѣтъ спасенія отъ произвола и злоупотребленій.

III. Третьимъ условіемъ относительно податей всякаго рода должно быть, чтобы подать взималась въ такіе сроки, которые для плательщиковъ удобнѣе; самый способъ взиманія подати тоже долженъ быть по возможности наименѣе неудобный.

Срокъ для подати съ домовъ и съ поземельной собственности можно полагать удобнымъ, если онъ совпадаетъ со сроками принятыми для уплатъ взимаемыхъ съ жильцовъ и уплатъ оброчныхъ статей по поземельной собственности, также съ фермеровъ, гдѣ таковые имѣются.

Надо полагать, что подати, которыми обложены предметы потребленія принадлежащіе къ роскоши, всегда уплачиваются въ удобное время, ибо онѣ уплачиваются постепенно

по мѣрѣ покупокъ, дѣлаемыхъ потребителями; при томъ же, отъ каждаго зависитъ совершенно воздержаться отъ покупки, или отложить ее до удобнѣйшаго времени. Но если податью обложены предметы первой необходимости, то по отношенію къ ней удобство свободнаго выбора времени взноса не можетъ имѣть мѣста, потому что къ покупкѣ такихъ предметовъ вынуждаетъ необходимость.

Смотря по обычаямъ, принятымъ въ различныхъ странахъ, сроки для уплаты доходовъ съ недвижимостей бываютъ полугодичные, третные или трехмѣсячные. Поэтому казалось бы, что согласно со сказаннымъ выше слѣдовало бы принять тѣ же сроки для взиманія съ нихъ податей. Однако, Франція представляетъ намъ примѣръ противный. Тамъ доходы собираются въ упомянутые выше сроки, а срочныя подати взимаются ежемѣсячно въ $^1/_{12}$ доли годоваго оклада. Успѣшные и бездоимочные къ концу года взносы доказываютъ, что разсрочка уплатъ на двѣнадцать разъ въ году облегчаетъ контрибуэнтовъ.

Неудобства нераздѣльныя съ различными способами взиманія податей принадлежатъ по большей части къ злоупотребленіямъ со стороны взимающихъ. Поэтому, они бываютъ обыкновенно болѣе или менѣе важны смотря по степени образованія страны. Болѣе всего даютъ повода къ злоупотребленіямъ подати, которыми облагаются съѣстные припасы и напитки съ предоставленіемъ права продажи антрепренерамъ.

IV. Четвертымъ условіемъ Адамъ Смитъ полагаетъ, чтобы польза получаемая правительствомъ отъ подати была по возможности равна пожертвованіямъ народа, также чтобы послѣ взноса контрибуэнтами, правительство могло распоряжаться поступившими отъ плательщиковъ деньгами безъ промедленія.

Противное сему можетъ имѣть мѣсто по слѣдующимъ причинамъ:

а) Способъ принятый для взиманія можетъ требовать сложной администраціи, большаго числа взимающихъ и обширнаго контроля, и можетъ поглащать не малую часть самой подати; наконецъ онъ можетъ давать поводъ къ злоупотребленіямъ. Очевидно, что при подобныхъ обстоятельствахъ между цифрою пожертвованій контрибуэнтовъ, и цифрой чистаго дохода правительства выйдетъ

большая разница, и что вся она падетъ на первыхъ, безъ всякой пользы для правительства.

b) Подать можетъ стѣснять народную промышленность, можетъ препятствовать развитію торговли и свободѣ труда, и черезъ это уменьшать средства и доходы значительной части жителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ быть мало доходною для правительства. Въ подобномъ случаѣ, польза получаемая правительствомъ не будетъ соразмѣрна съ пожертвованіями контрибуэнтовъ. Неудобства подобной подати должны измѣряться не только цифрою наличныхъ средствъ отнятыхъ у общества, но и тѣми средствами развитію которыхъ мѣшаетъ подать.

c) Пени и взысканія съ уклоняющихся отъ установленныхъ податей могутъ быть, по строгости ихъ, во многихъ случаяхъ раззорительны; уклоненіе отъ подати, обѣщая значительныя выгоды; можетъ вводить жителей въ искушеніе, а для недопущенія уклоненій пришлось бы усиливать мѣры взысканія за преступленія противъ фискальныхъ постановленій; подобная подать есть двоякій вредъ: она вредна въ нравственномъ отношеніи, и вредна разстройствомъ тѣхъ, кого сама же она ввела въ искушеніе.

Есть подати, которыхъ взиманіе требуетъ различнаго рода обысковъ и ревизій. Всѣ онѣ даютъ поводъ къ важнымъ неудобствамъ. Хотя эти неудовольствія не могутъ быть оцѣняемы на деньги, но во многихъ случаяхъ жители предпочли бы откупиться отъ нихъ денежными пожертвованіями съ выгодой для казны.

Полагаемъ излишнимъ доказывать сколько выгодно, если правительство можетъ располагать сборами безъ промедленія послѣ ихъ взноса. Это достигается употребленіемъ на мѣстные расходы администраціи податей собираемыхъ въ каждой мѣстности, избѣгая по возможности перевозки суммъ требующей времени и расходовъ. Для этого необходимо, чтобы высшее финансовое управленіе имѣло всегда свѣдѣніе о цифрѣ реализированныхъ податей на различныхъ точкахъ, и распоряжалось ассигнованіемъ ихъ на расходы тѣхъ мѣстъ, гдѣ подати собраны.

При упущеніи изъ вида указанныхъ въ этомъ пунктѣ соображеній, до правительства доходила бы только часть пожертвованій общества, и отнятыя у плательщиковъ средства обращались бы имъ во вредъ безъ всякой пользы для

правительства, а равно терялось бы понапрасну время между взносами плательщиковъ и употребленіемъ ихъ на публичные расходы.

Эти соображенія Смита насчетъ податей такъ важны, и вѣрность ихъ такъ очевидна, что всѣ правительства имѣютъ теперь въ виду сдѣлать подать по возможности уравнительною, положительною въ отношеніи къ количеству, опредѣлительною въ отношеніи къ срокамъ взноса, и удобною въ отношеніи къ способу взиманія, наконецъ умѣренною, дабы не отнимать у общества болѣе средствъ нежели требуетъ строгая необходимость.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ экономистовъ къ четыремъ условіямъ Адама Смита прибавляютъ пятое, именно, что подать не должна представлять плательщикамъ возможности уклоняться отъ полнаго несенія ея. Нельзя полагать, чтобъ это условіе ускользнуло отъ вниманія Смита, но такъ какъ онъ только вскользь упомянулъ о немъ, то можно думать, что въ его время оно не имѣло той важности, какую представляетъ нынѣ.

Условіе это мы почитаемъ заслуживающимъ особеннаго вниманія и важнымъ не менѣе другихъ.

Подать, отъ несенія которой можно уклоняться, кромѣ прямаго ущерба казны, влечетъ за собою другія неудобства. Обыкновенно въ глазахъ народа фискальныя учрежденія не имѣютъ характера нравственно-обязательнаго; поэтому большинство публики даже въ странахъ образованныхъ не почитаетъ предосудительнымъ уклоняться по мѣрѣ возможности отъ платежа податей. Отсюда возникаетъ борьба съ фискальными постановленіями, борьба безнравственная, сопровождаемая хитростью и обманомъ. Привычка утаивать отъ казны то что ей слѣдуетъ и уклоняться отъ распоряженій правительства, которыя однакоже имѣютъ въ этомъ случаѣ характеръ закона, вредно дѣйствуетъ на нравственное достоинство человѣка и отражается на всемъ его образѣ жизни. Эта привычка тѣмъ вреднѣе, что не рѣдко, переходя по преданію изъ рода въ родъ, дѣлается наслѣдственною, и въ народѣ образуется особое сословіе контрабандистовъ, а извѣстно, что безнравственность не только бываетъ спутницею контрабанды, но и укореняется въ обычаяхъ народа по мѣрѣ того какъ развивается контрабанда. Соображенія этого рода подтверждаютъ ту истину,

что всякій политическій вопросъ, не исключая фискальныхъ, имѣетъ свою нравственную сторону. Пренебрегать этою стороной, значило бы дѣйствовать не только не похвально въ нравственномъ отношеніи, но и неблагоразумно въ видахъ матеріяльной выгоды.

Къ изложенію условій Смита мы еще прибавимъ, что по нашему мнѣнію всѣ они одинаково важны въ финансовомъ отношеніи, ибо лишь при соединеніи и совокупномъ дѣйствіи, они могутъ обезпечивать успѣхъ, взятое же отдѣльно каждое изъ нихъ теряетъ свое значеніе. Самая даже уравнительность податей, требуемая справедливостью, если она не поддерживается прочими условіями, будетъ оставаться мертвою буквой на бумагѣ, свидѣтельствующею лишь о благихъ намѣреніяхъ правительства парализованныхъ недостатками финансовой системы. Прибавимъ еще и то, что законодатель, желающій установить какую-либо подать, прежде всего долженъ быть вполнѣ увѣренъ, на кого она падетъ окончательно, и кто отъ нея можетъ потерпѣть. Вопросъ этотъ, кажется простой, не легко рѣшаетъ наука. Политическая экономія во многихъ случаяхъ опредѣляетъ только главныя основанія правильнаго распредѣленія податей (assiette), и то не безъ различія во мнѣніяхъ писателей, сдѣлавшихся извѣстными на ученомъ поприщѣ.

Чтобъ еще болѣе разъяснить условія указанныя Адамомъ Смитомъ, приведемъ здѣсь нѣсколько мыслей Сисмонди [1]. Онъ говоритъ о податяхъ слѣдующее:

1. Каждая подать должна падать на доходъ не касаясь капитала. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ тратить лишь то, что было бы истрачено частными лицами; во второмъ, оно будетъ уничтожать средства къ существованію частныхъ лицъ и своему собственному.

2. При распредѣленіи податей необходимо различать продукты производства отъ чистаго дохода. Въ первыхъ заключается не только чистый доходъ, но весь оборотный капиталъ и часть продуктовъ производства, необходимая для возобновленія или поддержанія основнаго капитала, слѣдовательно нужная для продолженія всѣхъ предпріятій и содержанія всѣхъ производителей.

---

[1] Sismondi T. II. L.VI. Chap. 8.

3. Подать считается возвратомъ выгодъ, и потому не должна быть требуема отъ тѣхъ, кто не пользуется выгодами; она не должна касаться той части дохода, безъ которой плательщики существовать не могутъ.

4. Подать не должна имѣть вліянія на существованіе той части богатства, съ котораго взимается; слѣдовательно, должна соразмѣряться съ жизненными условіями каждаго богатства; она не должна касаться части дохода нужной для продолженія его существованія.

Сисмонди замѣчаетъ, что при соблюденіи этихъ условій совокупно съ условіями Смита, подать хотя и не можетъ никогда обратиться въ благодѣяніе, но можетъ сдѣлаться болѣе сносною.

Какъ образцикъ другаго рода приведемъ мнѣніе англійскаго писателя Джона Стюарта Милля. Послѣ исчисленія условій Смита, Милль говоритъ, что нѣкоторые прибавляютъ къ нимъ требованіе, чтобы подать взималась собственно только съ доходовъ, не касаясь капитала. Съ своей стороны Милль полагаетъ весьма важнымъ, чтобы подать не уменьшала народныхъ капиталовъ; но когда это случится, то по его мнѣнію это обстоятельство зависитъ не столько отъ основанія подати (assiette), сколько отъ непомѣрной величины ея. По мнѣнію Милля, никакая финансовая система не можетъ предупредить, чтобы часть подати не легла на народный капиталъ, ибо никакъ нельзя утверждать, чтобы суммы идущія на уплату податей, при отсутствіи податей, были непремѣнно всѣ истрачиваемы на потребленіе, напротивъ весьма вѣроятно, что онѣ обращались бы, по крайней мѣрѣ отчасти, въ сбереженія, слѣдовательно увеличивали бы народный капиталъ. Поэтому можно предполагать, что часть подати ложится всегда на капиталъ. Но послѣдствія этого вліянія подати бываютъ различны. Въ странѣ бѣдной всякая подать сильно противодѣйствуетъ развитію богатства. Напротивъ, въ странахъ изобилующихъ капиталами и гдѣ укоренены привычки сбереженія, вредное дѣйствіе подати на приращеніе капиталовъ очень можетъ быть не замѣтно. Если страна такъ-сказать пресыщена капиталами, если при удовлетвореніи всѣхъ требованій промышленности, доходы съ капитала понизились до возможнаго *minimum*, и возвышенія ихъ можно ожидать только отъ коммерческихъ кризисовъ и отъ переселенія

капиталовъ за границу, то обращеніе въ подать той части капиталовъ, которая могла бы взять одно изъ сказанныхъ направленій, произвело бы то же самое послѣдствіе, какое производитъ коммерческій кризисъ или переселеніе за границу: оно открыло бы лишь мѣсто новымъ сбереженіямъ.

При томъ, какъ замѣчаетъ Милль, часть подати, обращаемая на уплату по внутреннимъ государственнымъ долгамъ, не уменьшаетъ народныхъ капиталовъ, ибо эта часть, не переставая быть капиталомъ, перемѣщается только изъ однѣхъ рукъ въ другія.

Такъ Англія, которая своими сбереженіями доставляетъ капиталы не только достаточные для собственныхъ требованій, но и снабжаетъ ими значительную часть міра, можетъ удовлетворить всѣмъ публичнымъ расходамъ избытками своихъ капиталовъ, и не была бы вѣроятно богаче при отсутствіи всякихъ податей. Подати не лишаютъ Англію производительныхъ силъ, а забираютъ только часть средствъ, которую, при отсутствіи податей, частныя лица могли бы непроизводительно истратить на себя, или которую они увезли бы за границу, ибо еслибы подати не существовали, то каждый по мѣрѣ того какъ обязанъ нынѣ къ ихъ уплатѣ, или предавался бы отдыху, вмѣсто того чтобы трудиться на подать, или пользовался бы новыми удобствами жизни независимо отъ настоящихъ, а еслибы пожелалъ дать этимъ средствамъ производительное употребленіе, то сталъ бы искать этого употребленія внѣ предѣловъ своей страны, то-есть тамъ гдѣ капиталы дороже.

Отъ этого разсужденія Милля не очень далеко до заключенія, что въ видахъ обогащенія народа не безполезно было бы иногда увеличивать подати. Несмотря на странность подобной мысли, она проявилась между нѣкоторыми экономистами, и къ этому, какъ кажется, подало поводъ въ особенности изученіе того кризиса, который былъ въ Англіи слѣдствіемъ окончанія въ 1815 году европейской войны. Съ заключеніемъ мира, усиленные расходы англійскаго правительства сократились, подати также уменьшились, и это уменьшеніе было въ очевидной связи съ кризисомъ. Вотъ что подало поводъ къ заключенію, что высокіе налоги могутъ оживлять производительность. Но здѣсь, по нашему мнѣнію, есть недоразумѣніе. Нѣтъ сомнѣнія, что страна обладающая большими производительными средствами, если

имъ дано экстренное развитіе при большихъ спросахъ и значительномъ новомъ потребленіи, найдетъ возможность не только выплачивать увеличенныя подати, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлать новыя сбереженія. Таково именно было положеніе Англіи, пока продолжалась война, и пока миръ не прекратилъ усиленнаго производства сопровождавшаго войну во все ея продолженіе. Одновременно съ заключеніемъ мира уменьшились налоги, но уменьшеніе это, само по себѣ благодѣтельное, не могло достаточно перевѣсить послѣдствій остановки экстреннаго развитія производства. Произошелъ застой, а за тѣмъ кризисъ и нераздѣльныя съ нимъ бѣдствія. Уменьшеніе податей не предупредило бѣдствій кризиса. Но разсуждая о причинахъ этой неудачи слѣдуетъ принимать во вниманіе, что тогда въ Англіи еще не было принято тѣхъ мѣръ, которыя со временъ Роберта Пиля содѣйствовали правильному распредѣленію благосостоянія по всей странѣ. По нашему мнѣнію, именно невыгодное распредѣленіе народнаго богатства между разными видами производства и разными классами общества придало тогдашнему кризису особенно суровый характеръ. Еслибы народное благосостояніе заключалось лишь въ высокой цифрѣ производительныхъ капиталовъ, то для опредѣленія благосостоянія слѣдовало бы только подводить итоги. Но подобныя цифры еще не ручаются за благосостояніе, и въ особенности не представляютъ залоговъ его прочности. Страна можетъ быть очень богата, имѣть значительные капиталы, промышленность развитую въ высокой степени, производить огромное количество продуктовъ для сбыта и значительную торговлю; но если эти богатства распредѣлены неуравнительно, подъ вліяніемъ разныхъ искусственныхъ мѣръ, если большинство жителей содержитъ себя собственнымъ трудомъ, нанимаясь у промышленниковъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточены капиталы, то при подобныхъ условіяхъ страна, несмотря на свое богатство, можетъ часто испытывать кризисы подобные тѣмъ, какіе потерпѣла Англія послѣ 1815 года.

Съ 1793 года, то-есть съ того времени какъ въ Англіи получила необыкновенное развитіе мануфактурная промышленность, воспользовавшаяся недостаткомъ конкурренціи, который былъ слѣдствіемъ продолжительныхъ войнъ на материкѣ Европы, съ того времени народное богатство ея

стало быстро возвышаться. Но какъ причина этихъ успѣховъ (то-есть европейскія войны), такъ и ихъ направленіе были неестественны. Общее благосостояніе рабочихъ классовъ, то-есть большей части народа, далеко не поспѣвало за возрастаніемъ народнаго богатства, и застой торговыхъ дѣлъ послѣ 1815 года, то-есть послѣ заключенія европейскаго мира, лишь развилъ зло, зародышъ котораго существовалъ съ давняго времени.

Трудно согласиться съ тѣми писателями, которые утверждаютъ, что подати, увеличенныя по случаю продолжительной войны противъ Франціи, не ложились на народъ тяжкимъ бременемъ, когда очевидно, что пожертвованія его должны были соотвѣтствовать усиліямъ правительства, и что податьми облагаемы были предметы общаго потребленія. Достаточно посмотрѣть, какъ велико было возвышеніе налоговъ. Подать съ солода увеличена была отъ 10 до 34; съ пива отъ 9 до 17; съ чаю отъ 20 до 96; съ табаку отъ 1 до 2; съ соли отъ 14 до 19, а все это для англійскаго народа предметы самой первой необходимости. Съ окончаніемъ войны въ 1815 году, англійскіе землевладѣльцы обезпечили свои доходы воспрещеніемъ привоза заграничнаго хлѣба; хлѣбъ вздорожалъ; все прочее подешевѣло; въ 1816 году сдѣлались несостоятельными 37 банкировъ и около 3.000 негоціантовъ. Такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ, бремя войны легло все-таки на бѣдную часть народа, а это не могло не содѣйствовать суровости кризиса.

Теоретики, разсуждая хладнокровно о кризисахъ, называютъ ихъ переходами къ лучшему, но такіе переходы составляютъ для людей бѣдныхъ истинное бѣдствіе: періодъ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ трудномъ положеніи, имѣетъ большое значеніе въ жизни бѣднаго человѣка. Поэтому доброжелательное правительство должно всего болѣе заботиться о сохраненіи мира, объ избѣжаніи войнъ со всѣми ихъ кризисами и о соблюденіи умѣренности въ государственныхъ расходахъ.

Но возвратимся къ общему вопросу о вліяніи податей на народное благосостояніе.

Другіе экономисты представляютъ тотъ же вопросъ въ видѣ совершенно противномъ. По мнѣнію ихъ, подать, даже

самая необходимая, составляетъ для народа лишеніе; она можетъ быть оправдана единственно тою услугой, которою правительство отплачиваетъ обществу за это лишеніе, доставляя его членамъ покровительство. Такъ, говорятъ, въ нѣкоторыхъ странахъ случается путешественникамъ нужда въ эскортѣ для огражденія отъ разбоевъ, и путешественники съ благодарностію платятъ эскорту опредѣленныя деньги. Съ этой точки зрѣнія подать не должна превышать того что̀ необходимо для обезпеченія лицъ и собственности отъ разныхъ неправдъ и случайностей. Все взимаемое свыше этой мѣры есть безвозвратная потеря. Всѣ государственные расходы поглащаютъ чистый доходъ безъ всякой производительности.

Мы назовемъ эти взгляды также совершенно неосновательными и противными раціональнымъ правиламъ науки. Государственные расходы могутъ быть почитаемы разорительными лишь въ томъ случаѣ, если они не направлены къ полезной цѣли.

Подать вообще нельзя называть неудобствомъ, хотя и сознаваясь въ необходимости этого неудобства; еще менѣе можно считать непроизводительными всякіе публичные расходы. Расходы на содержаніе арміи, разумѣется въ извѣстныхъ границахъ, и на различныя отрасли администраціи, по результатамъ своимъ, соотвѣтствуютъ не тратѣ чистыхъ доходовъ, а производительному употребленію капиталовъ. Правительство можетъ производить многоразличными способами. Хотя и не прямымъ непосредственнымъ образомъ, но оно участвуетъ въ производствѣ всего народнаго богатства. Предположивъ умственно отсутствіе закона и публичной силы, можно вообразить, во что обратились бы производительныя средства общества, народное богатство и наконецъ даже самое общество. Кромѣ того, правительство можетъ производить и непосредственнымъ образомъ. Всѣ дороги, рѣки сдѣланныя судоходными, каналы, порты, суть не что иное, какъ принадлежащія всему обществу, построенныя правительствомъ машины.

Тутъ представляются соображенія совершенно новыя. Разсуждая о государственныхъ расходахъ, нельзя ограничиться тѣснымъ взглядомъ на необходимую обществу безопасность, которой каждый ожидаетъ отъ правительства. Оно имѣетъ еще высшее призваніе; оно обязано заботиться о рас-

пространеніи полезнаго въ тѣхъ многихъ случаяхъ, когда участіе и дѣятельность частныхъ лицъ недостаточны для основанія учрежденій обширнѣйшаго размѣра. Еслибы напримѣръ правительство сказало: вотъ законы, присутственныя мѣста, и армія; за симъ призваніе мое исполнено; остальное дѣлайте сами; если вамъ нужно сообщаться, устраивайте дороги и каналы,—то по всему вѣроятію, многія мѣста, на которыхъ мы теперь видимъ желѣзныя дороги и судоходство, оставались бы непроходимыми дебрями.

Нѣтъ сомнѣнія, что исторія представляетъ многіе примѣры государственныхъ расходовъ безъ цѣли. Равномѣрно справедливо и то, что при содѣйствіи государственныхъ расходовъ родъ человѣческій не во всемъ шагалъ такъ быстро какъ многіе желали бы и считали бы возможнымъ, но тѣмъ не менѣе, мы въ значительной части обязаны сдѣланными успѣхами именно той причинѣ, что усилія государственной власти не ограничивались обезпеченіемъ личной безопасности, а направлены были къ дѣятельному участію въ матеріяльномъ и нравственномъ развитіи рода человѣческаго.

Въ дѣлѣ частной промышленности мы считаемъ всякое правительство слабымъ производителемъ; мы совершенно убѣждены въ томъ, что частная промышленность можетъ производить лучше и дешевле, но дѣлаемъ различіе между высказаннымъ нами мнѣніемъ, и мнѣніемъ тѣхъ, которые утверждаютъ, что расходы правительства не могутъ быть вовсе производительны, и что по природѣ своей, они составляютъ только потребленіе чистыхъ доходовъ общества. Многіе изъ расходовъ правительства составляютъ благодѣяніе именно для той части народа, которая мало участвуетъ въ народномъ богатствѣ. Если напримѣръ правительство въ видахъ гигіеническихъ дѣлаетъ расходы на содержаніе городовъ въ опрятности, если оно открываетъ новыя улицы или устраиваетъ водопроводы, то оно дѣлаетъ воду, воздухъ и свѣтъ доступными для тѣхъ въ особенности, которые по недостатку собственныхъ средствъ были бы лишены этихъ удобствъ. Сообразно съ этимъ можно сказать, что если правительство производитъ, то оно дѣлаетъ это не только въ пользу лицъ участвующихъ въ расходахъ, но безусловно въ пользу всѣхъ, тогда какъ производительные расходы частныхъ лицъ, не исключая самыхъ полезныхъ для

общества, бываютъ направлены въ видахъ собственной пользы и требуютъ вознагражденія отъ желающихъ пользоваться предлагаемыми выгодами или удобствами.

По этимъ уваженіямъ, публичные расходы, если они направлены благоразумно, можно считать въ числѣ выгодъ общественнаго быта, лишь бы они были производительны и полезны не для нѣкоторыхъ, а для всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе этихъ мыслей могло бы если не повести насъ къ предмету для насъ постороннему, то по крайней мѣрѣ отвлечь насъ отъ той стороны предмета, разсмотрѣніе которой мы предприняли. Вопросъ о податяхъ имѣетъ экономическую, политическую и моральную сторону. Природа каждой подати, свойства ея, вліяніе на общее производство, рѣшеніе вопроса на кого окончательно падаетъ каждая подать, составляетъ экономическую сторону. Соображенія объ общей цифрѣ податей нужныхъ правительству для обезпеченія публичныхъ расходовъ, также о томъ, въ какомъ размѣрѣ казенныя деньги могутъ быть употреблены на каждый предметъ расхода взятый отдѣльно, принадлежатъ къ сторонѣ политической и моральной. Мы предприняли разсмотрѣніе только первой стороны, и касаться второй можемъ развѣ случайно. Поэтому теперь переходимъ къ вопросу о раздѣленіи податей.

Смотря по способу взиманія, подати называются или *прямыми* (impôts directs) или *косвенными* (impôts indirects). Первыми мы будемъ называть тѣ, которыя уплачиваются непосредственно самими контрибуэнтами; послѣдними—тѣ подати, которыя вносятся третьимъ лицомъ съ предоставленіемъ ему права возврата съ контрибуэнтовъ. Напримѣръ акцизная подать, будучи внесена впередъ производителемъ или антрепренеромъ, возвращается ему народнымъ потребленіемъ предметовъ предоставленныхъ его продажѣ; также таможенная пошлина, хотя вносится купцомъ, но окончательно падаетъ не на него, а на потребителей товаровъ, которымъ онъ возвышаетъ цѣну въ соразмѣрности пошлины.

Подать прямая можетъ быть взимаема съ дохода или съ расхода контрибуэнтовъ; бо́льшая часть податей съ расходовъ принадлежатъ къ косвеннымъ податямъ, хотя въ числѣ ихъ могутъ быть и прямыя, то-есть такія, которыя вносятся не третьимъ лицомъ, а самимъ контрибуэнтомъ. На-

примѣръ, если подать съ домовъ взимается прямо съ жильцовъ, то она принадлежитъ къ прямымъ податямъ съ расхода, а та же подать, если взимается съ хозяина дома, почитается косвенною. Подать съ лошадей, съ экипажей и другія извѣстныя въ Англіи подъ названіемъ *assessed taxes*, составляютъ подати прямыя съ расходовъ контрибуэнтовъ.

Всѣ почти экономисты раздѣляютъ подати на прямыя и косвенныя, но при подведеніи различныхъ податей подъ эти разряды, не всѣ одинаково понимаютъ названіе прямой и косвенной подати. Такъ Французы принимаютъ обыкновенно за прямую ту подать, которая вытребывается съ каждаго контрибуэнта поименно въ опредѣленный срокъ, а косвенными считаютъ всѣ непостоянныя подати, то-есть такія, уплата которыхъ не можетъ быть указана контрибуэнту въ причитающейся съ него ежегодно долѣ, слѣдовательно такія, которыхъ общая цифра не можетъ быть опредѣлена впередъ положительнымъ образомъ, а зависитъ отъ обстоятельствъ и случайностей. При подобномъ подраздѣленіи, Французы принимаютъ въ соображеніе постоянность или ея отсутствіе.

Англичане считаютъ преимущественно прямыми тѣ подати, которыя взимаются непосредственно съ собственности или труда, а косвенными—подати, взимаемыя съ потребленія извѣстныхъ предметовъ или за право нѣкоторой привилегіи. Раздѣленіе это основано на различіи въ основаніи подати и въ способѣ ея взиманія.

Сообразно съ этимъ, подать съ оконъ, подходящая у Французовъ подъ разрядъ прямыхъ податей, признается Англичанами за косвенную.

Наконецъ г. Рау (въ сочиненіи *Finanzwissenschaft*) принимаетъ еще иное основаніе для опредѣленія прямыхъ и косвенныхъ податей. Прямою онъ называетъ подать взимаемую съ того, кто ее несетъ дѣйствительно; косвенною ту, которая вносится третьимъ лицомъ съ правомъ возврата съ тѣхъ, на кого она должна падать окончательно. Впрочемъ, пошлина съ явки всякаго рода актовъ (enregistrement), и съ штемпеля, составляетъ въ Германіи особую категорію подъ названіемъ *Gebühren*, отдѣльно отъ налоговъ, *Steuern*, какъ Нѣмцы называютъ почти всѣ другія подати. Вѣроятно что связь подати съ явки и съ штемпеля съ гражданскими законами охраняющими права собственности,

дала поводъ германской школѣ къ подобному подраздѣленію. Подъ общимъ выраженіемъ *Auflagen*, налоги, она подразумѣваетъ какъ *Gebühren*, такъ и *Steuern* (Rau 227).

Одинъ изъ новѣйшихъ писателей г. Курсель Сенель (Courcelle Seneuil) [1] дѣлитъ подати на три разряда: 1) подати въ натурѣ (prestations), какъ напримѣръ военная служба, квартирная повинность, содержаніе путей сообщеній; 2) подать съ поземельной собственности; 3) всѣ прочія подати.

За всѣми этими различіями въ подраздѣленіяхъ, мы не признаемъ иного значенія какъ развѣ значеніе фискальной терминологіи, и не приписываемъ имъ особенной важности. Каждая школа, смотря на предметъ съ своей точки, можетъ имѣть справедливое основаніе для своихъ подраздѣленій, но мы не входимъ въ ихъ разсмотрѣніе потому, что различіе въ подраздѣленіяхъ не измѣняетъ характера каждой подати, изученіе котораго составляетъ предметъ нашего труда, и не рѣшаетъ вопроса о томъ на кого подать падаетъ окончательно. Но такъ какъ для соблюденія послѣдовательности въ разсмотрѣніи податей, необходимо принять какое-либо подраздѣленіе, то мы, раздѣливъ ихъ на прямыя и косвенныя, причисляемъ къ первымъ всѣ безъ исключенія подати постоянныя и непостоянныя, взимаемыя съ лица или собственности съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы—подать пала на того съ кого взимается, а ко вторымъ—подати, которыми облагаются предметы потребленія. Итакъ, прямыми полагаемъ:

1. Подать съ лица.
2. Съ поземельной собственности.
3. Съ домовъ и строеній.
4. Съ доходовъ [2].
5. Съ различныхъ званій.
6. Съ права на наслѣдство.

---

[1] *Traité théorique et pratique d'Economie Politique*. T. 1. Ploutologie.

[2] Мы не дѣлаемъ особаго подраздѣленія для податей съ капиталовъ на томъ основаніи, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ подать можетъ быть исчисляема соразмѣрно капиталу, но это дѣлается не иначе какъ съ цѣлію взять подать не съ самаго капитала, а съ его доходовъ. Поэтому и подати этого рода должны быть отнесены къ податямъ съ доходовъ.

7. Съ актовъ при различныхъ переходахъ собственности.
8. Съ гербовой бумаги.

Косвенными считать будемъ:

1. Таможенныя пошлины.
2. Подати съ предметовъ потребленія.

Главное различіе между принятыми въ европейскихъ державахъ финансовыми системами состоитъ въ преимуществѣ, отдаваемомъ прямымъ или косвеннымъ податямъ. Въ новѣйшее время послѣднія получаютъ почти вездѣ большее развитіе.

Подать прямая бываетъ всегда положительнѣе. При этой системѣ, окладъ подати одинаково извѣстенъ законодателю и контрибуэнту. Въ глазахъ экономистовъ эта положительность составляетъ большое достоинство, но если имѣть въ виду собственно увеличеніе фискальныхъ доходовъ, то именно эта положительность окажется невыгодною. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы не было иныхъ податей какъ прямыя, то цифры налоговъ были бы умѣреннѣе, а цифры бюджетовъ возрастали бы гораздо медленнѣе.

Косвенныя подати имѣютъ то свойство, что уплачиваются контрибуэнтами почти незамѣтнымъ образомъ, малыми частями; но именно по этой причинѣ онѣ весьма обманчивы, и въ окончательномъ результатѣ становятся возвышеннѣе прямыхъ. Взиманіе ихъ сложно, требуетъ значительныхъ расходовъ, слѣдовательно поглащаетъ часть самой подати. Кромѣ того, косвенныя подати, если взимаются съ предметовъ необходимости, разлагаются неуравнительно, ибо ложатся болѣе на бѣдные чѣмъ на богатые классы.

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній мы можемъ приступить къ подробному изложенію соображеній на счетъ каждаго изъ поименованныхъ видовъ подати.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЛЕВЪ ГЕЧЕВИЧЪ.

ПРОШЛОЕ ЛѢТО ВЪ ДЕРЕВНѢ [1]

V. Еще жертва крестьянскаго вопроса.

Чтобы не поселять въ читателѣ чувствъ заслуженнаго презрѣнія къ слабости моего характера, я умолчу о доводахъ, которыми непосѣдливый Иванъ Петровичъ склонилъ меня отвѣчать согласіемъ на предводительское приглашеніе. Поѣздка предстояла не близкая, верстъ почти за тридцать, но грѣхъ мой смягчался тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Петровскомъ подоспѣлъ храмовой праздникъ, и съ нимъ, какъ водится, должны были соединиться три дня непристойной попойки, при полной остановкѣ всѣхъ полевыхъ работъ. Итакъ, къ полному торжеству добродушнаго сосѣда, бричку его отправили впередъ на всякій случай; мой экипажъ велѣли закладывать; въ дорожный мѣшокъ положили, для непредвидѣнныхъ казусовъ, бутылочку съ пороткомъ отъ насѣкомыхъ; и когда всѣ приготовленія кончились, мы оба усѣлись въ коляску и выѣхали по направленію къ уѣздному городу.

День стоялъ сѣренькій и прохладный; ни дорога, по которой мы двигались, ни виды, на которые мы любовались, не могли назваться привлекательными: первая размокла отъ очень долгой непогоды, вторые состояли изъ двухъ сплошныхъ стѣнъ чего-то средняго между лѣсомъ и кустарникомъ. Созрѣвшій хлѣбъ на поляхъ, какъ помѣщичьихъ такъ и крестьянскихъ, на половину былъ еще не убранъ;

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. №№ 2, 3, 5, 6 и 7.

на нѣкоторыхъ давно сжатыхъ снопахъ, отъ влажности, показывалась уже предательская зелень. Тѣмъ не менѣе, въ деревняхъ намъ попадавшихся, шло полное ликованіе; не одинъ Петровскій приходъ, но всѣ имѣнія верстъ на пятнадцать въ окружности, не работали, и варили пиво въ нашъ храмовой праздникъ. Только по случаю воли трехдневное увеселеніе замѣнилось четырехдневнымъ и вѣроятно пошло бы далѣе, еслибы въ большинствѣ деревень женщины, вступясь за свои права, не положили предѣла гулянкѣ мужей и родителей. Прежде велось такъ, что старцы и домохозяева пили безъ просыпа, не забывая однако же гонять женщинъ и дѣвушекъ на работу въ свое поле; такимъ образомъ и хозяйство шло, и люди веселились; если жь бабѣ доставалась двойная работа, на то она и родилась бабой. Прошлый годъ однако прекрасный полъ нашего края не захотѣлъ нести доли Индіанокъ или Черкешенокъ; бабы, потолковавши между собой, объявили въ семьяхъ, что если хозяевамъ не скучно пить и съ утра ревѣть пѣсни не человѣческимъ голосомъ, то и онѣ ни сколько не желаютъ надсаживать себя въ полѣ. Произошли семейныя пренія, даже потасовки; но женщины не поддались, и утро пятаго дня застало мущинъ уже за работой, конечно всклоченными, распухшими, осовѣвшими, но по возможности трезвыми.

Иванъ Петровичъ, подобно барышнѣ Олимпіадѣ Павловнѣ, любилъ, чтобы все вокругъ него веселилось, пѣло пѣсни, таскало другъ друга за чубъ или по меньшей мѣрѣ имѣло праздничный взглядъ, а носъ красносизый. Совершенно счастливый, во всемъ блескѣ популярности, онъ нюхалъ свой зеленый табакъ, чиханіемъ пугалъ лошадей, и ни одного прохожаго, направлявшагося на праздникъ, не пропускалъ безъ привѣтственныхъ возгласовъ.

— Аверьянъ Трифонычъ, ты здѣсь какими судьбами? Какъ еще ты не насвистался по сіе время?

— Эхъ ты краснобай! отвѣчалъ мужичокъ:—должно быть шило тебѣ воткнули... Чего ты отъ праздника удираешь? Заѣхалъ бы лучше ко мнѣ съ бариномъ.

— Ты что попатываешься, старый сычь, али въ пиво багульнику подсыпалъ? [1]

[1] Багульникъ—вредная и одуряющая трава, которую, какъ говоритъ народъ, откупщики кладутъ въ вино, уже слишкомъ разсыропленное водою.

— Ты меня сычомъ не зови, а вотъ отпей изъ ведерка, оттого что лучше моего пива самому ампиратору не сварятъ!

— Эй, Иванъ Кондратьичъ, бѣги подъ гору; отецъ твой никакъ въ канавѣ растянулся.

— Бѣгу, бѣгу, батюшка Иванъ Петровичъ; спасибо что сказалъ; вишь какая вода, еще захлебнется старичина!

— Ай, ай, ай, отецъ дьячокъ! Чего вензеля-то отвертываешь, я чай ужь всѣ твои снопы въ полѣ погнили!

— Пускай погнили; будетъ день, будетъ и пища! возражалъ дьячокъ пытаясь сохранить достоинство.

— Будетъ тебѣ пища, въ свою очередь, говорилъ находчивый Иванъ Петровичъ:—попищишь, попищишь, да и такъ ляжешь!

Эта послѣдняя острота возбудила во всѣхъ прохожихъ восторженное одобреніе. О разговорахъ съ женщинами лучше будетъ умолчать, ради скромности. По пословицѣ, на ловца звѣрь бѣжитъ; почти во всякой встрѣчной деревенькѣ мы нападали на сцены достойныя если не подробнаго описанія, то по крайней мѣрѣ бѣглаго взгляда и усмѣшки. Такъ въ селѣ Демьяновскомъ, возлѣ харчевни, увидали мы десятка два стариковъ, изъ которыхъ двумъ или тремъ было лѣтъ по девяносту. Эти почтенные патріархи, прогнавъ отъ себя молодежь и выпивши какъ слѣдуетъ, силились составить хоръ и пѣть: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“. Не могу выразить, что это были за голоса и какъ шла пѣсня, никакъ не подвигавшаяся далѣе первой строчки. А еще черезъ три версты, въ деревнѣ Похмѣльной, самъ владѣлецъ ея, мелкопомѣстный помѣщикъ Плѣшаковъ, вторгнувшись въ хороводъ дѣвокъ, плясалъ съ необычайнымъ усердіемъ, и когда мы проѣзжали, утвердился на одной ногѣ, и поднялъ другую выше носа, въ то же время посылая Ивану Петровичу воздушные поцѣлуи.

— Веселый старикъ! промолвилъ мой спутникъ, со вздохомъ и какъ-то задумчиво. — Отроду ему чуть не семьдесять лѣтъ, намъ съ вами въ дѣды годится, а мы съ вами эдакъ ноги ни за что не поднимемъ!

Въ подобнаго рода наблюденіяхъ время прошло незамѣтно, и скоро показался передъ нами нашъ уѣздный городъ, довольно красиво раскинувшійся на холмѣ, надъ

водою. Въ предшествовавшихъ главахъ, упоминая о нашемъ городѣ, я назвалъ его собраніемъ грязныхъ чулановъ; но такой нелестный отзывъ отпущенъ былъ лишь для красоты слога, въ противоположность великолѣпной жадринской Версали. Извѣстно, что наши маленькіе города имѣютъ видъ или подлый или опрятный, смотря потому дорогъ или дешевъ лѣсъ въ мѣстахъ ихъ расположенія, а мимо нашего текла рѣка удобная, коли не для судовъ, то для сплавовъ, и стало быть онъ не нуждался въ строительномъ матеріялѣ. Домики стояли крѣпко, были обшиты тесомъ, снабжены узорчатыми заборчиками, а за заборомъ красовались или сады, или по крайней мѣрѣ палисаднички. На меня всегда видъ тихаго и чистенькаго, утонувшаго въ зелени, города наводитъ самыя свѣтлыя мысли, неосновательность которыхъ я очень хорошо знаю и которые ужъ никакъ не могли подходить къ *chef-lieu* нашего уѣзда. Иванъ Петровичъ, живая хроника многихъ русскихъ городовъ, всегда говорилъ, что рѣдкій изъ нихъ по своей *забулдыжности* могъ равняться съ нашимъ. По его словамъ, ни одно изъ городскихъ увеселеній не проходило тутъ безъ драки, и весьма немногіе изъ городскихъ жителей, даже высшаго ранга, могли похвалиться тѣмъ, что въ теченіи года не носили на своихъ лицахъ фонарей или иныхъ боевыхъ знаковъ. Причинъ такой странности было очень много; достаточно упомянуть о двухъ главныхъ. Съ давняго времени въ нашемъ городѣ, благодаря дешевой жизни и довольно близкому его положенію къ проѣзжимъ трактамъ, поселялись люди выгнанные изъ службы, состоящіе подъ судомъ, неимѣющіе права въѣзжать въ столицы, и вообще наторѣлые по части житейскихъ треволненій; они веселились по своему и не могли жить очень тихо. Съ другой стороны, общее состояніе городскихъ нравовъ отличалось какимъ-то истинно-россійскимъ совмѣщеніемъ разгула съ терпимостью. Обыватели ссорились на вечерахъ, бушевали и даже подавали другъ на друга жалобы въ судъ; но не взирая на это, жили душа въ душу. Размолвки не вели къ мизантропіи, жалобы въ судъ не нарушали общительности, и даже рукопашные бои только давали поводъ къ замиренію, а стало-быть къ новымъ пиршествамъ.

— Однако, дорогой Иванъ Петровичъ, сказалъ я, когда нашъ экипажъ началъ нырять по колеямъ и страшнымъ

лмамъ немощеныхъ городскихъ улицъ, — мы съ вами кажется не рѣшили гдѣ остановиться на ночь. Я не знаю какова городская квартира предводителя, да и самъ онъ навѣрное въ хлопотахъ по уши...

— Боже васъ сохрани! возразилъ Иванъ Петровичъ:—да чтобы не бесѣдовать лишняго часа съ его сестрицей, я готовъ провести вечеръ и ночь гдѣ-нибудь подъ плакучей ивою!

— А гостиницы въ городѣ все еще нѣту?

— Какія гостиницы при такомъ гостепріимномъ населеніи! Я всегда пристаю у Пучкова, и везу васъ къ нему безъ церемоніи.

— Постойте, постойте, Иванъ Петровичъ: Пучковъ, у котораго имѣніе взято въ опеку?

— Точно взято; а вамъ что до его имѣнія?

— Да помилуйте, это господинъ скандалезный.

— Не онъ, а жена его скандалезная. Кузьма, бери направо въ переулокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Иванъ Петровичъ! протестовалъ я:—въ деревнѣ я вамъ ввѣряюсь какъ Дантъ Виргилію, а здѣсь вы путеводитель не безопасный. Изъ оконъ налѣво и направо вамъ отдаютъ поклонъ какіе-то господа съ фіолетовыми носами... все это не предвѣщаетъ ничего добраго. И какое право имѣю я вломиться къ Пучкову?

— Нѣженка вы и дрянной баловень, перебилъ сосѣдъ:— Кузьма, держи вонъ къ тому сѣрому домику, что его слушать! У Пучкова, батюшка мой, городская квартира Владиміра Матвѣича, и вы въ ней пріютитесь какъ у себя въ кабинетѣ. Самъ Матвѣевъ будетъ сюда только завтра поутру, къ мировому съѣзду, и меня просилъ распорядиться какъ дома. Поглядите, какое хорошенькое строеніе. Довольны, что ли? Будто я васъ повезу куда-нибудь въ *эдикуль?*..

Не успѣлъ я освѣдомиться о томъ что разумѣетъ мой спутникъ подъ словомъ *эдикуль*, какъ уже мы подъѣхали къ жилищу господина Пучкова. Иванъ Петровичъ зналъ мою слабость къ чистенькимъ домикамъ, обставленнымъ зеленью, и пріютъ имъ выбранный походилъ на милое гнѣздышко двухъ самыхъ идиллическихъ любовниковъ. Палисадничекъ пестрѣлъ цвѣтами, изъ сада пахнуло ябло-

ками, самый домъ со стѣнами свѣтло-шоколаднаго цвѣта и зелеными ставнями, словно улыбался гостю.

„Жребій брошенъ, подумалъ я, выходя изъ коляски, быть не можетъ, чтобы въ этомъ поэтическомъ пріютѣ человѣку могли разбить носъ или нанести какую-либо непріятность.“

— То-то же, одобрительно промолвилъ Иванъ Петровичъ разгадавъ мои мысли.

Дверь была не замкнута, людей не являлось; на счетъ чего другаго, можетъ-быть грѣшилъ нашъ городъ, но по части воровъ его никогда не упрекали. Мы вошли въ чистую большую комнату, съ геранiумомъ и бальзаминами на окнахъ, и тутъ встрѣтилъ насъ кривой старичокъ въ халатѣ, съ лицомъ озабоченнымъ и сморщеннымъ, но добродушнымъ.

— А, дорогіе гости, добро пожаловать! сказалъ онъ отдавая мнѣ поклонъ и обнимая Ивана Петровича:—сейчасъ лишь пришла записка отъ Матвѣева, я велѣлъ отворить его комнаты, а покуда пожалуйте въ кабинетъ, да не хотите ли чего покушать. Эй, Варя, Наташа! Дуня! обратился старичокъ къ нѣсколькимъ прибѣжавшимъ дѣвушкамъ въ сарафанахъ:—снесите вещи господъ въ половину Владиміра Матвѣича, да накройте столъ поскорѣе.

— Ай, ай, ай, старая перечница! замѣтилъ Иванъ Петровичъ хозяину:—что это у тебя все женская прислуга? И какія все дѣвчоночки славныя! Ну, а какъ въ недобрый часъ, сама супружница сюда пожалуетъ?

— Хе, хе, хе! не пожалуетъ, развеселившись отвѣтилъ Пучковъ:—тамъ ее въ Москвѣ что-то пристукнуло, отъ злости должно-быть, да она и такъ сюда носа не сунетъ.

Мы вошли въ кабинетъ, повидимому вовсе не подходящій къ игривой манерѣ хозяина. Онъ былъ весь заставленъ книгами юридическаго вида; *Сводъ Законовъ* красовался повсюду; сверхъ того въ глаза кидалась цѣлая полка съ картонками, на которыхъ сіяли такія надписи: *Труды редакціонной коммиссіи, Общіе проекты по крестьянскому дѣлу,—по губернскому комитету, Свѣдѣнія по губерніи, Записки подъ №№ 9, 10 и 11.* На большомъ зеленомъ столѣ, сверхъ груды бумагъ, лежало богато переплетенное *Положеніе*, отъ котораго, какъ разноцвѣтные лучи, шли длинныя ленты розовой, голубой, зеленоватой и свѣтлофіоле-

товой бумаги; на лентахъ было написано: „о дворовыхъ людяхъ“, „о надѣлѣ крестьянъ“, „о смѣшанной повинности“ и т. д.; онѣ были вклеены въ книгу, такъ что чуть надобился какой-нибудь пунктъ, книга тотчасъ же раскрывалась на желаемомъ мѣстѣ. Въ углу комнаты, за небольшимъ столомъ, сидѣлъ военный писарь и что-то строчилъ на большихъ листахъ превосходной бумаги. Во время бесѣды, Гаврила Астафьевичъ Пучковъ подбѣгалъ къ нему нѣсколько разъ съ такими фразами:

— Смотри не прозѣвай примѣчанія; я тебѣ говорилъ, надо потереть сандаракомъ. Опять капнулъ чернилами? Вѣдь знаешь въ какія руки пойдетъ бумага; гляди въ оба! Что? разобрать не можешь? Дай сюда черновую. Фу, ты чортъ возьми, самъ писалъ, и самъ теперь не разбираю! А, понялъ, понялъ!... пиши *при обязательномъ выкупѣ*.

— Ужь посадятъ тебя въ желтый домъ, драгоцѣнный мой Гаврила Астафьичъ, сказалъ Германъ, поглядѣвъ на писаря и бумаги.—И дался тебѣ этотъ крестьянскій вопросъ, и какого бѣса ты въ немъ разумѣешь?

— Вотъ извольте-ка прослушать дорогаго сосѣда, возразилъ, обращаясь ко мнѣ хозяинъ.—Вотъ каково у насъ поощреніе мыслящимъ людямъ! Вотъ какъ у насъ награждаютъ тѣхъ, кто безкорыстно трудится на пользу общую!

Не оставалось болѣе сомнѣній на счетъ спеціяльности престарѣлаго чудака Пучкова. Подобно тому какъ во всякомъ италіянскомъ городкѣ васъ непремѣнно познакомятъ съ старичкомъ испытавшимъ необычайные казусы въ любви и оттого всѣми до крайности уважаемымъ, какъ въ кружкѣ Нѣмцевъ никогда не обойдется безъ политика помѣшаннаго на Наполеонѣ III и его замыслахъ противъ Германіи, такъ точно въ Россіи, со времени крестьянскаго вопроса, нѣтъ города и мѣстечка, въ коихъ не проживало бы по человѣку съ головою, поставленною вверхъ дномъ этимъ вопросомъ. Когда дѣло устроится и реформа благополучно войдетъ въ нашу жизнь, государство изъ состраданія должно позаботиться объ этихъ невинныхъ страдальцахъ, которые къ тому времени вѣроятно совершенно лишатся разсудка. Пучковъ, по счастію, былъ еще далекъ отъ полнаго помѣшательства. Большею частію (и опять-таки это чисто русская черта) люди, поглощенные крестьянскимъ дѣломъ, до мономаніи, не имѣютъ въ немъ никакихъ личныхъ ин-

тересовъ; почти вся ихъ масса состоитъ изъ профессоровъ, учителей на пенсіи, отставныхъ военныхъ, домовладѣльцевъ губернскаго города, и т. д. Гаврила Астафьевичъ не былъ исключеніемъ и по этой части. Состояніе его заключалось въ небольшомъ капиталѣ и извѣстномъ намъ домикѣ свѣтлошоколаднаго цвѣта; жена его, бѣшеная баба, имѣла деревню, но деревня эта давно поступила въ опеку, такъ какъ госпожа помѣщица равно мучила крестьянъ и своихъ, и своего сожителя. Съ утвержденіемъ уставной грамоты, опекѣ предстояло прекратиться, такъ что въ нѣкоторомъ смыслѣ отъ крестьянскаго вопроса Пучковъ могъ получить однѣ выгоды. Пучковъ хозяйствомъ не занимался, любилъ покойную жизнь и уѣздный городъ, но вся его жизнь измѣнилась съ первыми рескриптами по извѣстному вопросу. Лучшіе друзья отъ него бѣгали; уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ не говорилъ ни о чемъ кромѣ выкупа, надѣла, издѣльной повинности, сочинялъ записки, тратился на ихъ переписываніе, безпрестанно слалъ въ Петербургъ проекты, и въ почтовый день не обѣдалъ, а только курилъ трубку за трубкой. Онъ былъ человѣкъ не глупый и одна изъ его записокъ, за скудостью практическихъ данныхъ, доставила Пучкову очень ласковый отзывъ отъ бывшей редакціонной коммиссіи; со времени означеннаго отзыва, болѣзнь стала неизлѣчимою. Еслибъ Пучкову не отвѣтили, можетъ быть его рьяность утихла бы за недостаткомъ пищи.

Иванъ Петровичъ хорошо зналъ слабость Гаврилы Астафьевича, но только въ послѣдствіи сообщилъ мнѣ всѣ эти подробности: ему казалось пріятнымъ отдать меня на растерзаніе; самъ же онъ мастерски уклонялся отъ своей доли по экзекуціи. Едва мы сѣли за столъ, какъ Пучковъ прочелъ намъ краткую записку „о причинахъ дурнаго исполненія издѣльной повинности“, наскоро похлебалъ простывшаго супу и сталъ излагать сущность громаднаго проекта въ настоящую минуту переписываемаго для отправленія въ столицу.

— Посовѣтуйтесь обо всемъ этомъ съ Иваномъ Петровичемъ, сказалъ я ему,—онъ хоть и глядитъ вѣтреникомъ, но я знаю, что его мысли сходны съ вашими.

— Да, да, конечно, завтра я самъ кое-что тебѣ прочитаю, возразилъ Иванъ Петровичъ и пустился бесѣдовать съ Дуняшей, притащившею пирогъ съ грибами.

— Бросьте его, Сергѣй Ильичъ, добавилъ Пучковъ махнувъ рукою,—вѣрьте мнѣ что онъ ничего не понимаетъ во всемъ вопросѣ. Ему надо радоваться и загребать деньги, а онъ чуть-чуть сдуру не продалъ имѣнія.

Всѣ мои усилія обратить бѣду на плечи Ивана Петровича оказывались тщетными.

За жаркимъ нашъ хозяинъ воодушевился такъ, что рѣдкіе прохожіе, заслышавъ его голосъ, на минуту останавливались подъ раскрытыми окнами и потомъ отходили, улыбаясь.

— Что такое крестьянскій вопросъ? говорилъ Пучковъ, для большей внушительности ухвативъ меня за пуговицу.—Крестьянскій вопросъ есть война.

— Вотъ куда поѣхало! замѣтилъ Иванъ Петровичъ, котораго Наташа за что-то больно ударила по рукѣ и тѣмъ заставила на минуту обратиться въ нашу сторону.—Коли война, такъ мы тебя выберемъ въ ополченіе.

— Не слушайте этого пустослова, перебилъ Пучковъ величественно.—Крестьянскій вопросъ есть война. Война съ чѣмъ? Война съ язвою рабства, которая уже начала вредить общественному организму и съ годами могла бы его разрушить. Я не изъ тѣхъ, которые, искренно или не искренно, видѣли въ крѣпостномъ правѣ немедленную опасность, но я близко знаю къ чему ведетъ его злоупотребленіе, и испыталъ самъ...

— Тебя и безъ крѣпостнаго права жена запирала въ погребъ, спокойно замѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Тьфу ты празднословъ!—и Гаврило Астафьевичъ плюнулъ.—Какъ бы то ни было, война злу объявлена. Та война хороша, которая коротка, а коротка война лишь тогда когда ее ведутъ съ энергіею, не щадя средствъ и не скупясь. Если мы, *всѣ безъ исключенія*, замѣтьте, всѣ безъ исключенія, приносили жертвы, когда кровь лилась вокругъ Севастополя, то во сколько дороже Севастополя должно быть намъ будущее благосостояніе всей родины? Итакъ, пришло время жертвовать, и жертвы должны падать на всѣхъ, не на однихъ землевладѣльцевъ, владѣющихъ населенными имѣніями. Пагубная, отвратительная мысль о томъ, что одни помѣщики должны поплатиться за всѣ временныя невыгоды перемѣны, не имѣетъ даже практическаго смысла. Тягота неразумно сброшенная на одинъ только классъ об-

щества, по закону экономической реакціи, помимо нашей воли, породитъ тысячу тягостей всѣмъ другимъ классамъ, тягостей можетъ-быть значительнѣйшихъ, непремѣнно значительнѣйшихъ чѣмъ размѣръ жертвъ поровну распредѣленныхъ. Мы уже видимъ начало этихъ тягостей во всеобщей дороговизнѣ первыхъ потребностей жизни, въ недостаткѣ покупателей на предметы нѣкоторой роскоши, и, что̀ хуже всего, въ раздраженіи класса самаго почтеннаго и заинтересованнаго въ дѣлѣ порядка, класса землевладѣльцевъ. Онъ считаетъ себя обреченнымъ на раззореніе, тщетно ждетъ помощи и весьма естественно сѣтуетъ на несправедливость. Противъ всѣхъ бѣдъ этихъ, какъ я уже сообщилъ вамъ, надо, если дозволено такъ выразиться, созвать общее ополченіе жертвователей. Всѣ сыны Россіи должны нести свою лепту, начиная отъ удѣльнаго крестьянина, платящаго подати втрое легчайшія противъ крестьянина, временно-обязаннаго, до первѣйшихъ сановниковъ, которыхъ годоваго жалованья достаточно на выкупъ мелкопомѣстныхъ имѣній цѣлаго уѣзда. Вотъ основная мысль моего главнаго проекта. Если ее нельзя назвать вполнѣ новою, то по крайней мѣрѣ я сдѣлалъ все возможное, чтобы придать ей ту практичность, безъ которой она болѣе ничего какъ утопическое мечтаніе. Не щадя хлопотъ и издержекъ, я повсюду собиралъ данныя и трудился надъ ними, дѣлая приблизительное вычисленіе лицъ, отъ которыхъ можно требовать жертвы на пользу общую, и капиталовъ, которые такимъ образомъ могутъ реализироваться. Это былъ великій трудъ, и я откровенно признаюсь, что я только обозначилъ путь, по которому нужно идти; для самого же труда необходима цѣлая коммиссія людей трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ...

До сихъ поръ все шло довольно сносно, и рѣчи Пучкова не могли бы назваться особенно странными.

— Высказавъ вамъ основную идею всей задачи, продолжалъ хозяинъ, хватая съ сосѣдняго стола толстую тетрадищу,—я считаю долгомъ перейдти къ сторонѣ болѣе практической. Вотъ работа, на которую потратилъ я болѣе года. Въ тетради этой изложены у меня всѣ средства и рессурсы нашего уѣзднаго города, высчитаны капиталы и доходы всѣхъ его жителей и подведенъ итогъ расходовъ, которые имъ были потребованы съ цѣлію....

— Для которой конечно не годимся мы съ Сергѣемъ Ильичемъ, по неимѣнію денегъ, — перебилъ Иванъ Петровичъ, вставая изъ-за стола, ибо трапеза давно кончилась. —Что его слушать? добавилъ онъ обращаясь ко мнѣ,—завалимтесь спать, а вечеромъ онъ доскажетъ что̀ надо.

— Будто Сергѣй Ильичъ спитъ послѣ обѣда? спросилъ сконфуженный хозяинъ.

— Не только спитъ, а еще и ругается съ тѣми кто отстаетъ отъ этого святаго обычая, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ.—Да и тебѣ, старый сморчокъ, слѣдовало бы дать отдыхъ своему глазу, онъ у тебя одинъ, а ты его надсаживаешь надъ бумагами. Право, побереги себя, я тебѣ дурнаго не посовѣтую.

Послѣдній доводъ подѣйствовалъ на Гаврилу Астафьевича; онъ проводилъ насъ до двери и потребовалъ себѣ подушку. Я до того былъ ошеломленъ и утомленъ тирадами по крестьянскому вопросу, такъ неожиданно упавшими на мою голову, что съ наслажденіемъ вошелъ въ городскіе покои Владиміра Матвѣевича. Все въ нихъ глядѣло необыкновенно чисто и просто; только стѣна спальни была завѣшена разнымъ оружіемъ, къ которому нашъ посредникъ, какъ старый кавказецъ, имѣлъ такую страсть, что набивалъ имъ всякую комнату, хотя бы въ ней приходилось ему проводить лишь по нѣсколько часовъ въ мѣсяцъ.

До вечера мы были ограждены отъ импровизаціи нашего прожектера-хозяина, но нельзя же оставаться въ заперти до ночи, и сердце говорило мнѣ, что Пучковъ, вытащивъ изъ кортонокъ записки позанимательнѣе, уже готовитъ на насъ серіозную атаку. Къ счастію, однакоже, мой изобрѣтательный путеводитель на сей разъ превзошелъ дантовскаго Виргилія. Онъ сообщилъ Гаврилѣ Астафьевичу, что Викторъ Петровичъ Краснопольскій, ожидаемый завтра вмѣстѣ съ другимъ сановнымъ гостемъ, будетъ истинно радъ поскорѣе ознакомиться съ знаменитымъ проектомъ о круговыхъ пожертвованіяхъ въ пользу крестьянскаго дѣла. Въ виду сношеній съ однимъ изъ корифеевъ современнаго вопроса, Пучковъ страшно захлопотался, выпросилъ изъ винной конторы лишняго писаря, зажегъ множество свѣчъ, и не только вечеромъ, но и ночью уже не выходилъ изъ своего кабинета.

VI. Завтракъ у предводителя.

Съ первыми лучами солнца, городъ ожилъ и зашевелился; можно было подумать, что и онъ намѣревается справлять мой храмовой праздникъ, еслибъ озабоченныя лица горожанъ на каждомъ шагу не выдавали тревожнаго ожиданія. Исправничьи казаки шныряли повсюду, подобно метеорамъ; мелкіе чиновники въ мундирахъ бѣгали по разнымъ направленіямъ; инвалидная команда приводила главную улицу въ видъ наиболѣе благообразный; въ одномъ мѣстѣ наскоро красили заборъ, въ другомъ изгоняли бабу-торговку съ рыбою издающею дурной запахъ. Городничій, больной и раненый офицеръ, еще до полудня убѣгалъ себя такъ, что совсѣмъ ослабѣлъ и потребовалъ у доктора какихъ-то крѣпительныхъ капель. По всѣмъ направленіямъ плыли экипажи, начиная отъ щегольской вѣнской коляски до простѣйшаго россійскаго „телеграфа“: посредники съѣзжались на съѣздъ, чиновники направлялись къ мѣстамъ служенія, помѣщики къ своему гостепріимному предводителю. Лица вовсе неприкосновенныя къ торжеству и не имѣвшія никакой причины ни бояться, ни любить ожидаемаго Ивана Ивановича, какъ всегда водится, оказывали усердіе ни съ чѣмъ несравненное: мимо нашего дома, будто на пожаръ, разъ пять проскакалъ на заморенныхъ лошадяхъ извѣстный читателю помѣщикъ Евдокимовъ; мало того, Петръ Иванычъ Зарудкинъ, рѣдко выѣзжавшій изъ имѣнія, оказался въ городѣ, и не только оказался, но цѣлое утро торчалъ на улицѣ, и отдавалъ инвалидамъ какія-то повелѣнія, имѣя на себѣ ергакъ, то-есть нѣчто въ родѣ хитона изъ конской шкуры, и теплыя калоши, хотя погода стояла очень жаркая. Дѣло объяснялось тѣмъ, что онъ когда-то служилъ въ одномъ полку съ городничимъ и пріѣхалъ помогать раненому товарищу въ критическій день встрѣчи.

Матвѣева мы увидѣли на одну минутку; онъ пріѣхалъ часовъ въ девять, переодѣлся и пошелъ на съѣздъ, гдѣ ему кажется предстояло предсѣдательствовать за хлопотами предводителя. Пучковъ бѣгалъ туда и сюда съ огромною

начисто-переписанною тетрадью, выходилъ изъ дома, начиналъ читать ее проходящимъ знакомымъ, но каждый его прогонялъ отчаянно махая руками, и стремился по своему назначенію. Намъ самимъ съ Германомъ не сидѣлось при видѣ всей этой дѣятельности; выждавъ благопристойнаго часа, мы нарядились какъ должно, и пошли къ предводительской квартирѣ, по дорогѣ захвативши съ собой выбившагося изъ силъ и закутаннаго Петра Ивановича.

О предводителѣ нашемъ, Михайлѣ Егоровичѣ Дауровѣ, говорить много я не имѣю времени. Онъ правилъ свою должность чуть ли не пятое трехлѣтіе, и хотя никакими доблестями не отличался, но свыкся съ уѣздомъ и уѣздъ привыкъ къ нему, такъ что лучше и требовать было не можно. Имѣніе его лежало какъ-то всѣмъ на перепутьи; городская квартира въ извѣстные дни отворялась для званыхъ и незваныхъ; на кухнѣ трудились повара кончившіе курсъ обученія въ московскомъ англійскомъ клубѣ. Въ послѣдніе годы однако предводителю много повредилъ, по части популярности, пріѣздъ его сестры, Ирины Егоровны Байбаковой, овдовѣвшей и попромотавшейся, а потому рѣшившейся на время кинуть якорь во владѣніяхъ своего вдоваго и бездѣтнаго брата. Извѣстно, что въ нашемъ отечествѣ имѣется нѣсколько дворянскихъ фамилій, нисколько не отличавшихся въ исторіи, подобно Роганамъ, не имѣющихъ ни графскаго, ни княжескаго титула, но по отчаянной спѣси заткнувшихъ за поясъ всѣхъ Рогановъ Европы. Для фамилій этихъ *ип Байбаковъ*, *ип Муравейниковъ*, *ип Аналыковъ*, считаются людьми не нуждающимися ни въ какихъ титулахъ, особами потому только не ходившими на войну съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, что у себя дома за ихъ отсутствіе все бы пошло къ черту. Ирина Егоровна Байбакова, по тупоумному чванству, достойно поддерживала имя доставшееся ей по замужеству, но не однимъ этимъ она отравляла собранія гостепріимнаго своего братца. Она принадлежала къ неземнымъ существамъ старыхъ временъ, воспѣтымъ еще въ *Монастыркѣ* Погорѣльскаго и съ той поры наплодившимся въ великомъ изобиліи. По сиротству она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ и вышла оттуда до того нѣжною, нервною, воздушною, исполненною дѣтскихъ прелестей, ни къ чему дѣльному непригодною, что сочла первымъ долгомъ оставаться такою же до лѣтъ са-

мыхъ зрѣлыхъ. Съ пріѣздомъ ея, образцовое домашнее хозяйство Михайла Егоровича начало приходить въ упадокъ. „Въ чьемъ домѣ, сударь мой, говаривалъ Иванъ Петровичъ, хозяйничаетъ или просто имѣетъ голосъ бывшая институтка, тамъ тебя непремѣнно накормятъ гнилою рыбой и тухлымъ тетеревомъ.“ Такой обидный афоризмъ вполнѣ примѣнялся къ Иринѣ Егоровнѣ. Она не могла передѣлать на свой ладъ всѣхъ порядковъ (предводитель слишкомъ любилъ хорошую жизнь и свое брюхо для этого), но напортила вездѣ гдѣ могла, перебаловала прислугу, устранила дѣльныхъ людей, бралась сама вести цѣлый домъ и по недѣлямъ изъ-за какого-нибудь каприза не выходила изъ своей комнаты. Добрый Михаилъ Егоровичъ жался и крякхтѣлъ, но неудовольствія его доходили почти до отчаянія всякій разъ когда предстояло какое-нибудь экстренное пиршество, требующее всевозможныхъ заботъ и неусыпнаго рвенія въ распорядителяхъ.

Не успѣли мы войдти въ домъ, занимаемый нашимъ амфитріономъ, какъ печальное положеніе хозяина стало для насъ яснымъ. Квартира была набита гостями, въ залѣ красовался столъ для великолѣпнаго завтрака, сановникъ и его свита могли каждую минуту показаться у городскихъ вратъ, а хозяйка Ирина Егоровна не глядѣла ни на что, не занималась ни гостями, ни предстоящимъ пиршествомъ, но полулежала на диванѣ, будто послѣ первнаго припадка. Всѣ посѣтители обходили ее или лишь на самый кратчайшій срокъ оставались близь ея дивана; я думалъ изъ приличія остаться подольше, и не могъ; Ирина Егоровна, въ подражаніе придворной модѣ, говорила такимъ тихимъ и угасшимъ голосомъ, что я просто не понялъ ни одной фразы. За то въ десяти шагахъ отъ едва-выговаривавшей слова особы шли бесѣды самыя оживленныя, даже съ криками. Кто-то стравилъ Пучкова съ Евдокимовымъ, и они просто орали, хватая другъ друга то за пуговицу, то за лацканъ. Въ другомъ углу, исправникъ, тучный дѣтина, со времени назначенія мировыхъ посредниковъ еще болѣе расплывшійся, разказывалъ нѣсколькимъ неопытнымъ сосѣдямъ о своихъ заслугахъ на пользу общую, непрестанныхъ разъѣздахъ и трудахъ достойныхъ Иракла. „Все вретъ, повѣрьте мнѣ, вретъ: по цѣлому мѣсяцу не выѣзжаетъ изъ города,“ шепнулъ мнѣ предводитель, проскользнувшій около разка-

щика. Еще далѣе, на пунктѣ, изъ котораго можно было видать взоры въ столовую, публику забавлялъ разказами отставной капитанъ Подосиновикъ, человѣкъ словоохотный, но истинно скандалезный, ибо при большихъ обѣдахъ имѣлъ обыкновеніе напиваться, не добравшись до втораго блюда. Въ иное время предводитель не имѣлъ бы ничего противъ такого гостя, но въ настоящій день посѣщеніе Подосиновика было чревато бѣдами, какъ въ послѣдствіи читатель самъ увидитъ.

Въ безтолковой бесѣдѣ и безпрестанномъ глазѣньи изъ оконъ, да еще въ частомъ выбѣганьи служащихъ лицъ за ворота прошло все утро. Пробило два часа, и такъ какъ всѣ встали рано, то аппетитъ началъ разыгрываться. Въ критическую минуту, когда вслѣдствіе голода, говоръ затихъ, а лица стали принимать сумрачное выраженіе, лакей въ красномъ камзолѣ вошелъ и подалъ письмо предводителю.

— Вотъ тебѣ разъ! сказалъ Михаилъ Егоровичъ, пробѣжавъ посланіе.—Викторъ Петровичъ пишетъ, что ранѣе четырехъ часовъ мы никого не дождемся; Варвара Михайловна удержала старичка завтракать.

— Вы должны были ждать этого, Михаилъ Егоровичъ, сказала одна изъ дамъ, гостившихъ у его сестры:—Иванъ Ивановичъ—всегдашній рыцарь *de la belle madame Krasnopolski*; весь Петербургъ это знаетъ.

— Я человѣкъ не петербургскій, Ольга Ѳедоровна, отвѣчалъ предводитель.—Вотъ теперь за пріемомъ и осмотромъ города придется обѣдать часовъ въ семь, а ужь это по моему чистое окаянство. По крайней мѣрѣ сядемте теперь за столъ, да поѣдимъ надосугѣ.

— Вотъ это вы разсудили какъ Соломонъ мудрый, подхватилъ Иванъ Петровичъ, и всѣ пошли завтракать.

— Что же я не вижу никого изъ посредниковъ нашихъ? спросилъ Петръ Иванычъ Зарудкинъ, котораго злая судьба помѣстила между Пучковымъ и Евдокимовымъ.

— На съѣздѣ, батюшка, на съѣздѣ, отвѣчалъ предводитель,—они у насъ такіе рьяные, меня самого едва отпустили.

— И животы у нихъ, разбойниковъ, не подводитъ? лаконически бряknулъ капитанъ Подосиновикъ.

— Батюшка, Сергѣй Ильичъ, шепнулъ предводитель, уса-

дивши меня около своей особы,—поглядите-ка черезъ столъ, а вѣдь еще бульйону не кончили!..

Я взглянулъ на Подосиновика: онъ уже былъ пьянъ, и около его прибора стояли двѣ бутылки мадеры, опорожненныя съ непостижимою быстротой.

— Это Иванъ Петровичъ его *наизволиваетъ*, продолжалъ предводитель.—И нарочно засѣлъ около; вѣдь эдакъ просто бѣда случится!

— Ужь коли быть бѣдѣ, отвѣчалъ я,—такъ пусть его лучше напьется теперь чѣмъ при именитыхъ посѣтителяхъ.

— И теперь напьюсь, добродушно перебилъ Подосиновикъ, вслушавшись въ разговоръ съ чуткостью, позременамъ находящею на истинныхъ жрецовъ Бахуса:—и теперь нарѣжусь, и за обѣдомъ насвищусь еще прекраснѣе. На этотъ счетъ оставайтесь благонадежны, дорогой Михало Егорычъ; въ грязь лицомъ не ударимъ.

Ирина Егоровна окинула непристойнаго гостя холодно-изумленнымъ взглядомъ, но взглядъ этотъ, такъ сильно дѣйствовавшій на нарушителей декорума въ ея петербургской гостиной, повелъ только къ тому, что капитанъ залпомъ пропустилъ стаканъ портвейна, отвѣтивъ на вниманіе хозяйки молодецкимъ поклономъ. Mme Байбакова только пожала плечомъ и отвернулась.

— Ну что прикажете дѣлать съ такимъ человѣкомъ? обратился ко мнѣ городничій, послѣ крѣпительныхъ капель и первыхъ блюдъ завтрака почувствовавшій себя бодрѣе:—по совѣсти вамъ скажу, Сергѣй Ильичъ, что этотъ Подосиновикъ сведетъ меня въ могилу, хоть иногда заставляетъ хохотать до упаду. Просто, какой-то бѣсъ въ него поселился, и если его сегодня не запрутъ гдѣ-нибудь въ чуланъ, безъ исторіи не обойдется. Повѣрите ли, что за годъ на него поступаетъ изъ одного города жалобъ сорокъ, и пособить тутъ никто не можетъ, потому что сами челобитчики пьянствуютъ и не прерываютъ сношеній съ Подосиновикомъ. Позовутъ его куда—непремѣнно состроитъ онъ скандалъ въ томъ домѣ; не позовутъ, онъ сочинитъ какую-нибудь гадость либо въ саду, либо подъ окнами. Вотъ хоть на прошлой недѣлѣ были крестины у засѣдателя; послѣ крестинъ, ужь оно по моему некстати, еще священника не проводили, а начались танцы. Въ этомъ еще покуда

дурнаго немного, народъ все собрался веселый. Барышня одна бренчала на фортепіано, все шло какъ водится. Вдругъ Подосиновикъ куда-то пропалъ, и вернулся съ кастрюлей изъ кухни, за нимъ Краснобаевъ со сковородой и письмоводитель становаго нашего съ мѣднымъ тазомъ. „Музыка, говоритъ, у васъ такая печальная, вотъ мы отъ себя поработаемъ," да и пошли валять кто въ тазъ, кто въ сковороду. Засѣдатель, сами можетъ-быть видали, дѣтина неуступчивый...

— Ну, вмѣшался въ нашу рѣчь предводитель,—глядите-ка на храбраго капитана!

Такъ какъ на столъ, для выиграніа времени, были разомъ поставлены всѣ кушанья и всѣ напитки, то Подосиновикъ, вѣроятно привлеченный стройнымъ видомъ фіаски съ мараскиномъ, покончилъ ее всю и поникъ главою, не говоря ни слова.

— Мишель, язвительно сказала Ирина Егоровна, обратясь къ брату,—такъ какъ ты за столомъ любишь англійскіе обычаи, то вѣроятно позволишь намъ (и она глазами указала на двухъ или трехъ дамъ тутъ находившихся) поанглійски же оставить васъ на свободѣ.

Затѣмъ она поднялась со стула; ея гостьи и родственницы сдѣлали тоже.

— Вотъ ушла себѣ, съ горечью сказалъ предводитель, слѣдя за тѣмъ какъ удалялся изъ залы безмѣрный кринолинъ его сестрицы,—ушла и ужь навѣрное станетъ дуться цѣлую недѣлю. Кто теперь приглядитъ за обѣдомъ? Какого дождешься въ домѣ порядка, коли хозяйка такая? Иванъ Петровичъ, а, Иванъ Петровичъ! кажется вашему сосѣду дурно.

Сосѣду Ивана Петровича скорѣе было слишкомъ хорошо чѣмъ дурно; но такъ какъ онъ не могъ держаться на стулѣ, то явились служители и отвели или скорѣе отнесли его въ сосѣднюю со столовой комнатку.

— Ну теперь онъ будетъ покоенъ до почи, сказалъ исправникъ,—и дальнѣйшихъ скандаловъ опасаться нечего.

— Я боюсь, чтобъ онъ не умеръ, замѣтилъ мнительный нашъ другъ, Петръ Ивановичъ Зарудкинъ,—и можно ли подумать, что человѣкъ способенъ выпить цѣлую склянку мараскина? Со мною есть походная аптечка, и если Михаилъ Егорычъ позволитъ...

— Да, умретъ онъ! возразилъ городничій:—вы должно-быть не помните какъ онъ эту зиму, въ двадцать градусовъ, ночевалъ на снѣгу и даже голова у него не заболѣла.

— Что̀ за неслыханныя дѣла разказываете вы, Платонъ Платонычъ! проговорилъ я съ изумленіемъ.

— Ничего тутъ нѣтъ неслыханнаго, это вамъ весь городъ подтвердитъ, да и вашъ же другъ, Иванъ Петровичъ, былъ тутъ причиною. Надо вамъ сказать, что у насъ на святкахъ бываютъ балы по подпискѣ. Вотъ-съ послѣ Рождества, или нѣтъ... ужь послѣ Крещенья, въ большой морозъ такой балъ и устроился. Натурально, молодежь танцовала, наши жуиры занимались болѣе около буфета; впрочемъ особеннаго ничего не было, даже Подосиновика не выводили. За ужиномъ сидитъ онъ рядомъ съ Иванъ Петровичемъ, какъ сегодня. „Гдѣ ты, говоритъ, ночуешь, Иванъ Петровичъ?“—Нигдѣ не ночую, говоритъ тотъ,—а вотъ поужинаю и въ деревню поѣду.—„Ночуй лучше у меня!“ —У тебя, братецъ, и дивана цѣлаго нѣтъ, и самъ ты спишь, кажется, на полѣньяхъ.—„Эй, ночуй, чего добраго разбойники нападутъ дорогой.“—Ну, ну, говоритъ Иванъ Петровичъ,—промой лучше глаза, гдѣ это у васъ завелись разбойники, да и не такой я человѣкъ, чтобъ воровъ бояться.—Слышитъ это Подосиновикъ и думаетъ спьяну: продѣлаю же я штуку съ пріятелемъ. Былъ ужь шестой часъ на зарѣ, морозъ трещитъ на славу. Вышелъ нашъ капитанъ тихонько изъ собранія, пробрался изъ города, взялъ предлинную хворостину, а кто говоритъ колъ, да и сѣлъ подъ деревомъ около дороги: вотъ, думаетъ себѣ, какъ поѣдетъ Иванъ Петровичъ, такъ я крикну, да и пугну его какъ слѣдуетъ. Сидитъ онъ полчаса, а пріятель все не ѣдетъ; угнѣздился Подосиновикъ попокойнѣе, да и заснулъ какъ у себя на постели. Проѣхалъ Иванъ Петровичъ, и солнце взошло, и снѣжокъ сталъ моросить, а онъ себѣ храпитъ будто на печкѣ. Ѣдутъ, наконецъ, мужики въ городъ съ дровами, видятъ, спитъ себѣ человѣкъ подъ кустомъ, картузъ съ головы свалился, а въ рукахъ колъ... Вотъ-съ, драгоцѣнный Сергѣй Ильичъ, какіе богатыри проживаютъ въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ...

Тутъ завтракъ кончился, и предводитель, собираясь за-

глянуть на мировой съѣздъ, пригласилъ любителей гласнаго дѣлопроизводства за нимъ послѣдовать. Но такими любителями оказались лишь я съ Иваномъ Петровичемъ: изъ остальныхъ гостей иные были слишкомъ заняты ожиданіемъ сановника; другіе же хладнокровно отозвались, что и безъ мироваго съѣзда имъ надоѣло слушать про мужиковъ, про надѣлъ и про Положеніе.

VII. Мировой съѣздъ нашего уѣзда.

Зданіе присутственныхъ мѣстъ, въ которомъ совершались ежемѣсячные мировые съѣзды, какъ двѣ капли воды походило на трактиръ изъ того разряда печальныхъ каравансераевъ, какими украшаются малые города на трактахъ бойкихъ, но не щегольскихъ, то-есть не осчастливленныхъ частымъ проѣздомъ знатныхъ особъ или громовержцевъ-сановниковъ. При одномъ взглядѣ на его желтыя стѣны и тусклыя окна, воображенію представлялись вертлявые половые, куски подогрѣтаго бифштекса, словно выкроенные изъ стараго голенища, кислое вино изъ погребовъ купца Соболева и лѣнивые щи съ плавающими въ нихъ мертвыми мухами. Комната, отведенная для съѣздовъ, поражала своею величиной, множествомъ оконъ, опять-таки желтою краской стѣнъ; но ей придавала нѣкоторый видъ домовитости разнохарактерная мебель, появлявшаяся у зеленаго стола въ дни съѣздовъ. Совѣщанія и пренія обыкновенно тянулись такъ долго, что посредникамъ, очень часто сломавшимъ тридцативерстный переѣздъ до города, не сидѣлось на форменныхъ деревянныхъ стульяхъ; всякій добылъ изъ города что̀ могъ помягче; только одинъ Игнатій Петровичъ Путиловъ, о которомъ еще будетъ идти рѣчь, по чиновности своей натуры, считалъ такую вольность вредною и сидѣлъ на жесткомъ плетеномъ сѣдалищѣ. Остальные посредники, всѣ народъ нестарый, въ интермедіяхъ совѣщаній, забавлялись щекотливостію собрата и придумывали ему безконечные сюрпризы. То, къ ужасу добраго старика, въ присутственной комнатѣ зажигались три сигары и двѣ трубки, то на исполненный святыни зеленый столъ ставился сборный завтракъ, то въ углу комнаты, о ужасъ! являлся диванъ, и

даже диванъ весьма либеральной формы, какой-то изогнутый, съ пружинами, совсѣмъ не такой диванъ, на которомъ, слушая докладъ, иногда покоитъ свои дряхлые члены убѣленный сѣдинами директоръ канцеляріи. Напрасно протестовалъ Игнатій Петровичъ, напрасно намекалъ онъ, что одинъ видъ такой обстановки можетъ повредить цѣлому уѣзду въ глазахъ губернатора, или, чего Боже сохрани, какой-нибудь заѣзжей столичной пташки,—диванъ стоялъ на старомъ мѣстѣ, сигары не угасали, а панталоны и джекеты посредниковъ помоложе просто возмущали душу какъ цвѣтомъ, такъ и покроемъ.

Описывая всякій парламентъ, прежде всего начертываютъ состояніе партій, въ немъ борющихся; ту же методу приму и я въ разказѣ о членахъ нашего мироваго съѣзда. Весь онъ состоялъ изъ людей довольно трудолюбивыхъ и честныхъ, но не равно способныхъ на дѣло. Безполезнѣе всѣхъ былъ Ставицкій, способнѣе и опытнѣе—Матвѣевъ; обоихъ мы уже знаемъ достаточно. Рядомъ съ Матвѣевымъ и всегда за одно съ нимъ, шелъ юноша лѣтъ двадцати-трехъ, Иванъ Николаевичъ Лѣсниковъ, очень красивый и привлекательный представитель дѣльнаго молодаго поколѣнія. Когда онъ поселился въ уѣздѣ, сталъ самъ управлять имѣніемъ и принялъ должность посредника, рѣдкій изъ сосѣдей не покачалъ головою и не приготовился имѣть дѣло съ отчаяннымъ „Французомъ“. Дѣйствительно, Лѣсниковъ, образованный наскоро и непрочно, восторженный и вспыльчивый по природѣ, испорченный столичными болтунами, и не успѣвшій перебродиться, обѣщалъ мало дѣльнаго. Всѣ знали, что въ имѣніи своемъ онъ надѣлалъ въ короткое время множество нелѣпыхъ опытовъ, заискивая популярности у крестьянъ, позорно напился на еельскомъ праздникѣ водкою, и въ порядочныхъ домахъ отпускалъ сентенціи, которыя, даже во Франціи временъ террора, показались бы рѣчью полоумнаго. Для бо́льшаго сближенія съ народомъ, онъ привезъ съ собою шляпу, украшенную павлиньимъ перомъ, зипунъ и цвѣтныя рубашки, но надѣлъ все это одинъ только разъ и бросилъ. Жизнь быстро отрезвила его счастливо устроенную, хотя и горячую голову. Русская лѣнь загубила Ставицкаго, при всемъ его образованіи; русскій здравый смыслъ спасъ Лѣсникова при всей его плохой нравственной подго-

товкѣ. Онъ не только отдѣлался отъ причудъ и бредней, захваченныхъ на вѣру съ чужаго голоса, но уже могъ отъ чистаго сердца смѣяться надъ собою. Мужики первые подивились тому какъ скоро молодой баринъ уже начинавшій получать между ними славу шута гороховаго, научился входить въ ихъ нужды, не допускать никакихъ праздныхъ работъ по хозяйству, править дѣла по совѣсти, и въ запутанной дѣятельности посредника, во всѣхъ спорахъ, нелицепріятно стоять за правую сторону. Неутомимый на разъѣзды, довольный своею дѣятельностью и почти такой же веселый какъ Иванъ Петровичъ, молодой Лѣсниковъ могъ назваться балованнымъ посредникомъ всего края. На съѣздахъ, къ сожалѣнію, его еще неуходившаяся натура причиняла частыя тревоги. Помня свою прежнюю юношескую нелѣпость и придавая ей слишкомъ постыдное значеніе, онъ не терпѣлъ людей имѣвшихъ въ себѣ долю этой нелѣпости. Ставицкій считалъ его ренегатомъ; онъ звалъ Ставицкаго мальчишкой. Со всѣмъ что̀ носило видъ ярко-сентиментально-современной фразы, или чиновничьяго либерализма, Лѣсниковъ лѣзъ въ ожесточенную распрю. Онъ былъ глубоко убѣжденъ что не только въ столицѣ, но даже въ губернскомъ городѣ ни одинъ человѣкъ не знаетъ іоты въ деревенскихъ дѣлахъ, не способенъ даже заикнуться о хозяйствѣ, мужикѣ и ходѣ крестьянскаго вопроса, не сказавши колоссальной глупости и не заслуживъ рѣзкаго отпора. Понятно, что при такихъ крайностяхъ Лѣсниковъ распалялъ всѣ споры и раздражалъ людей, которые при болѣе спокойномъ ходѣ преній были бы не прочь съ нимъ поладить.

Кромѣ Ставицкаго, на съѣздѣ не было ни одного Француза; неуступчивыхъ крѣпостниковъ тоже не оказывалось: единственный помѣщикъ изъ этой партіи, попавшій въ посредники, еще до своего утвержденія не пожелалъ составлять вѣчнаго меньшинства, и уклонился отъ должности. Но, за неимѣніемъ лицъ постоянно гнущихъ въ одну сторону, оказывалось нѣсколько человѣкъ съ крайне-неопредѣленнымъ взглядомъ, за голосъ которыхъ никакъ нельзя было поручиться. Предводитель первый кидался изъ крайности въ крайность, хотя и дѣлалъ это изъ простодушія, а никакъ не изъ угодливости или разчетовъ. Онъ не искалъ ничего, всѣмъ отличіямъ предпочиталъ салатъ

изъ омаровъ или птицу выкормленную грецкими орѣхами, боялся только столкновеній, даже пріятныхъ, съ какимъ бы то ни было начальствомъ. До лѣта, онъ былъ противъ освобожденія крестьянъ и боялся, что въ Россіи черезъ мѣсяцъ не останется камня на камнѣ; когда же камни остались на камняхъ и даже уѣздъ его отличился примѣрнымъ спокойствіемъ, онъ возликовалъ сердцемъ и рѣшилъ, что въ крестьянскомъ вопросѣ нѣтъ ничего труднаго и все идетъ какъ по маслу. Во всѣхъ частныхъ вопросахъ онъ былъ также способенъ переходить отъ унынія къ веселію, и если къ этому присоединялось еще разстройство желудка, то каждый желающій могъ на мировомъ съѣздѣ его запугать, обрадовать, опечалить или вовсе сбить съ толку, смотря по надобности.

Членъ отъ правительства, Андрей Густавовичъ Бигельманъ, принадлежалъ къ разряду людей скромныхъ; о крестьянскомъ же вопросѣ и вообще о всѣхъ вопросахъ, не имѣющихъ прямаго отношенія къ собственному карману, онъ помышлялъ менѣе нежели я помышляю о будущихъ судьбахъ хлопчатобумажной промышленности. Онъ очень дорожилъ своимъ мѣстомъ, не совсѣмъ спокойнымъ для костей, ибо каждый мѣсяцъ Бигельману приходилось облетать всѣ уѣздные города губерніи обширнѣйшей чѣмъ многія королевства,—но мѣстомъ въ сущности нетруднымъ и виднымъ. Въ Матвѣевѣ и Лѣсниковѣ онъ разгадалъ людей чисто практическихъ, держался ихъ мнѣній и не расходился бы съ ними никогда, еслибъ оба они, особенно юноша, выказывали меньшее озлобленіе противу всего что̀ имѣло форменный и бюрократическій оттѣнокъ. Самый спокойный чиновникъ, изъ молодыхъ, имѣетъ свой *esprit de corps*, а если онъ при томъ да изъ Нѣмцевъ и въ числѣ его начальниковъ водятся Нѣмцы, то невозможно и требовать отъ него особеннаго безстрастія. На нашемъ мировомъ съѣздѣ про силы губернскія иногда говорилось съ насмѣшкой, на столичныхъ корифеевъ крестьянскаго дѣла тамъ глядѣли какъ на сановныхъ поэтовъ или импровизаторовъ, съ которыми чѣмъ меньше имѣть сношеній тѣмъ лучше. Бигельману оно не могло нравиться, но онъ терпѣлъ скрѣпя сердце. Душа его не выдерживала только, если губернатора звали сѣдымъ сычомъ, губернаторскихъ чиновниковъ нахалами, или какое-нибудь почтенное присутственное мѣсто—

скверномъ вертепомъ. Тутъ Андрей Густавовичъ блѣднѣлъ, принималъ обидныя позы и всегда шелъ противъ дерзостныхъ злоязычниковъ, хотя бы въ дѣлѣ, о которомъ шла рѣчь, они были и правы.

Теперь слѣдуетъ мнѣ воспѣть, хотя и въ прозѣ, отставнаго статскаго совѣтника Игнатія Петровича Путилова, самого непокладливаго, хотя по возрасту и самого зрѣлаго изъ нашихъ посредниковъ. Такого смѣшенія добра и зла, такого переплета золотыхъ и каррикатурныхъ особенностей какъ въ этомъ человѣкѣ, не скоро найдешь даже перебирая россійскихъ помѣщиковъ. Путиловъ началъ свою жизнь усердною службой, въ качествѣ малѣйшаго канцелярскаго чиновника; честностію и трудолюбіемъ выдвинулся впередъ, не достигнувъ пятидесяти лѣтъ получилъ чинъ статскаго совѣтника, полную пенсію, а изъ жалованья и денежныхъ наградъ скопилъ капиталецъ, на который купилъ крошечную деревеньку съ усадьбой. Обыкновенно случается, что закоренѣлые чиновники, удалясь въ деревню и успокоивая свои геморроиды на собственной мызѣ, не только жмутъ крестьянъ, но, изъ наслажденія властью, совершаютъ дѣла скверная самоуправства. Путиловъ напротивъ того оказался самымъ нежаднымъ, самымъ снисходительнымъ, даже самымъ идиллическимъ помѣщикомъ. Забавно было глядѣть какъ этотъ типъ благонамѣреннаго чиновника старыхъ временъ, считающій за смертный грѣхъ надѣть свѣтлыя панталоны или немножко позапустить свои узенькія, подбритыя бакенбарды, ходилъ за грибами, подобно простому смертному, разговаривалъ съ нечесанымъ мужикомъ, словно съ младшимъ членомъ своего семейства. За свой добрый нравъ, за свое кроткое хозяйство, онъ и попалъ въ посредники и былъ бы посредникомъ хорошимъ, еслибы не несчастные слѣды его почти сорокалѣтней департаментской службы. Бигельманъ былъ чиновникомъ по хладному головному разчету, Путиловъ же по какому-то влеченію сердца, по преданіямъ дѣтства, по несокрушаемой складкѣ всей своей натуры. Одинъ былъ готовъ за тройное жалованье завтра же перейдти въ откупъ, въ купеческую контору, поѣхать кругомъ свѣта, издавать газету, представлять друидовъ въ оперѣ *Норма*; другой не согласился бы отпустить себѣ бороды за всѣ милліоны Исаака Перейры. На бумагу съ канцелярскимъ бланкомъ Путиловъ

глядѣлъ какъ на что-то родное и вмѣстѣ съ тѣмъ священное; если въ городъ зачѣмъ-нибудь пріѣзжала чиновная особа изъ столицы, Путиловъ уже являлся къ ней въ переднюю; удержать его отъ такого ненужнаго визита не могли бы всѣ силы земныя. Чего онъ искалъ, зачѣмъ угождалъ всякому заѣзжему стрикулисту, отчего голосъ всякой превосходительной особы придавалъ молодость и огонь его крови—это тайна неразрѣшимая. Своекорыстныхъ цѣлей тутъ не имѣлось. Игнатій Петровичъ, какъ Горацій, былъ совершенно доволенъ своимъ скромнымъ достаткомъ; въ чинобѣсіи, собственно для себя, никто не могъ его заподозрить. А между тѣмъ большей угодливости, даже рабства передъ всякимъ голосомъ изъ губернскаго города и изъ столицы, не позволилъ бы себѣ въ наше время жадный искатель мѣстъ съ отличіями. По самому своему значенію, мировой съѣздъ долженъ имѣть большую долю независимости; соприкасаясь живымъ и насущнымъ сторонамъ жизни онъ не можетъ не расходиться, и весьма часто, со взглядами людей канцелярскихъ, и Путиловъ, какъ человѣкъ неглупый, зналъ это; но натура его не имѣла силы дѣйствовать по здравому принципу. Ни странность запросовъ, ни неудобоисполнимость инструкцій, ни измѣнчивость приговоровъ, ничто не образумливало Игнатія Петровича; голосъ его всегда совпадалъ съ голосомъ прилетавшимъ изъ губернскаго города или столицы. Гдѣ только посредникамъ ни приходилось стоять за свою независимость, непремѣнно поднималась оппозиція со стороны Путилова; всюду гдѣ предстоялъ вопросъ, требовавшій практическаго обсужденія, Игнатій Петровичъ стоялъ за рутину. Онъ бѣсилъ своихъ товарищей гораздо болѣе нежели шаткій предводитель, или Французъ Ставицкій. Еслибъ ему дали волю, изъ уѣзднаго мироваго съѣзда нашего вышла бы такая усердная, скрипящая перомъ, покорная, чистенькая и мертвая канцелярія, что на нее стоило бы любоваться пріѣзжимъ мастерамъ.

Чтобъ опредѣлить теперь, какъ причудливо группировались голоса на нашемъ съѣздѣ, придется разказать одну исторію, вслѣдствіе которой Игнатій Петровичъ на короткое время привелъ въ отчаяніе всѣхъ людей порядочныхъ. Начальство потребовало свѣдѣній о томъ, какъ исполняется въ различныхъ мѣстностяхъ

издѣльная повинность, и какое количество земель, прежде засѣвавшихся хлѣбомъ, на будущій годъ останется незасѣяннымъ по случаю новыхъ порядковъ. Кажется, споровъ по поводу отвѣта не могло быть; но нашъ старецъ, не конфузясь, не краснѣя, не только отозвался съѣзду, что въ его участкѣ барщина прелесть, а запашекъ никто не бросаетъ, но даже намекнулъ, что всякій отвѣтъ въ другомъ тонѣ проявитъ со стороны съѣзда неблагонадежность, строптивость, непочтительность. Лѣсниковъ, какъ бомба, прыгнулъ съ кресла, но отъ ожесточенія не могъ выговорить ни одного слова.

— Бога вы не боитесь, Игнатій Петровичъ! сказалъ Матвѣевъ:—да не я ли ѣздилъ въ ваше собственное имѣніе, гдѣ крестьяне не хотѣли работать, хотя вы убавили полей до послѣдней возможности? Въ жизнь свою вы не обманули ни одного человѣка, а теперь хотите надувать правительство.

— Это не обманъ, спокойно возразилъ Путиловъ,—вы служили, простите меня, на сумазбродномъ Кавказѣ, а потомъ по выборамъ, оттого порядки настоящаго дѣлопроизводства отъ васъ закрыты. — Какого порядка, какой исполнительности можно ждать тамъ, гдѣ нѣсколько новыхъ людей станутъ начальству на его запросы отвѣчать жалобами: вотъ дескать какихъ ты дѣлъ натворило! Старшіе чины лучше насъ знаютъ о положеніи края, если имъ нужны наши отзывы, то конечно для того лишь чтобъ успокоить людей рабочихъ или поразить тѣхъ, кто разсѣваетъ печальные слухи!

Ставицкій, по весьма понятнымъ причинамъ ищущій случаевъ всегда идти противъ Матвѣева, отозвался, что по его мнѣнію обо всемъ дѣлѣ спорить не стоитъ и что высказывать начальству всей правды не слѣдуетъ, ибо враги освобожденія могутъ ухватиться за свѣдѣнія доставленныя съѣздомъ. Лѣсниковъ, кое-какъ получившій опять даръ слова, вспылилъ и по обыкновенію своему, такъ худо заговорилъ о Петербургѣ, что Бигельманъ обидѣлся, подалъ свой голосъ противъ него и рѣшеніе вопроса осталось за предводителемъ. Долго будетъ разказывать о подробностяхъ пренія, но правая сторона восторжествовала только потому, что три посредника, стоявшіе за отвѣтъ по совѣсти, объявили что въ случаѣ

отзыва лживаго, угодливаго или даже просто уклончиваго, они предъявятъ свое особливое мнѣніе и затѣмъ подадутъ въ отставку.

Теперь, какъ намъ кажется, характеръ нашего мироваго съѣзда не нуждается въ дальнѣйшихъ опредѣленіяхъ, и мы можемъ опять взяться за прерванную нить разказа. Объ одномъ лишь оставшемся безъ описанія посредникѣ, и о посредникѣ весьма знатнаго рода, князѣ Туманскомъ, не мѣшаетъ сдѣлать краткій отзывъ для полноты очерка. Это былъ добрый малый, лѣтъ подъ тридцать, не дальнихъ способностей, но малый съ врожденнымъ тактомъ и честный какъ двадцать пять рыцарей. И русскую грамоту онъ зналъ плохо, и рѣчистымъ не могъ назваться, но очень уважая Владиміра Матвѣевича, совѣтовался съ нимъ во всемъ, и на съѣздѣ всегда подавалъ заодно съ нимъ голосъ. Лучшею его рекомендаціей, какъ и правомъ на званіе посредника, служило то, что князь Туманскій, принявъ отъ безумной старушонки матери замотанное, раззоренное имѣніе, повыгналъ управляющихъ, сталъ самъ жить въ уѣздѣ, и далъ крестьянамъ такія льготы, что они благодаря счастливому расположенію нашего края по части заработковъ, въ нѣсколько лѣтъ значительно поправились.

VII. Сцены на мировомъ съѣздѣ.

Всѣ посредники находились налицо, когда мы съ предводителемъ и Иваномъ Петровичемъ вошли въ залу присутствія: предсѣдательствовалъ покуда статскій совѣтникъ Путиловъ; съ приходомъ настоящаго предсѣдателя онъ уступилъ ему мѣсто, и перетащилъ свой жесткій стулъ подалѣе отъ табашниковъ, къ сторонѣ Андрея Густавовича Бигельмана, не употреблявшаго ни трубки, ни сигары. Постороннихъ слушателей въ комнатѣ не имѣлось; до нашего прихода, въ качествѣ обожателей гласности, заходили лишь уѣздный учитель, да престарѣлый жуиръ уѣзднаго города, отставленный отъ службы коммиссаріатскій чиновникъ Краснобаевъ: первый сконфузился своего одиночества и скоро ушелъ, второй сталъ мѣшать засѣданію, и отпускать такіе игривые разказцы, что ему дали двѣ си-

гары, нахлобучили фуражку, и предложили удалиться въ какое-нибудь мѣсто болѣе веселое. Услыхавъ объ этомъ, мы съ Иваномъ Петровичемъ смирнехонько усѣлись въ уголку, видъ же приняли до того благонравный и благонадежный, что Игнатій Петровичъ ласково намъ улыбнулся, далъ намъ понюхать своего табаку, и шепнулъ, что онъ былъ всегда за гласность дѣлопроизводства, даже въ прежнюю пору пагубнаго застоя.

— Знаетъ разбойникъ, съ какой стороны подулъ вѣтеръ! сказалъ мнѣ Иванъ Петровичъ, и притаился, потому что какъ нарочно, съ нашимъ приходомъ, пренія съѣзда вступили на путь обѣщавшій особенное одушевленіе.

Дѣла по текущимъ вопросамъ и жалобамъ были покончены безъ предводителя; просмотръ поданныхъ за мѣсяцъ уставныхъ грамотъ, какъ требующій особенно долгаго засѣданія, отложили до другаго дня; лихорадочное состояніе, обуявшее предводителя, Путилова и даже Бигельмана по случаю ожидаемаго посѣтителя, дѣлало ихъ просто неспособными къ работѣ, требующей усидчивости. Когда мы пришли, производитель дѣлъ мироваго съѣзда читалъ отзывы и предложенія, полученныя изъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Я очень мало зналъ наше губернское начальство, но по первой бумагѣ, которую слушали при мнѣ, не рѣшился бы составить о его членахъ очень лестнаго мнѣнія. Въ бумагѣ этой сообщалось, весьма сухо и гладкимъ слогомъ, что мировые посредники нашего уѣзда, не взирая на сообщеніе, сдѣланное имъ отъ такого-то члена и за такимъ-то номеромъ, не представили, за исключеніемъ одного статскаго совѣтника Путилова, срочныхъ двухъ-недѣльныхъ вѣдомостей о своей дѣятельности, тогда какъ, по мнѣнію присутствія, такія вѣдомости.... и прочая, и прочая. Мертвый тонъ сообщенія нѣсколько смягчался обычною фіоритурой, безъ которой не обходятся присутственныя мѣста новаго времени: фіоритура состояла въ томъ, что вѣдомости посредниковъ могутъ служить на пользу разумной гласности, и что, при составленіи ихъ, можно не держаться строгой формальности, такъ какъ даже форма этимъ вѣдомостямъ не дана отъ присутствія, а предоставлена просвѣщенному усмотрѣнію самихъ господъ посредниковъ.

— Стрикулисты!!! раздался рѣзкій, полуженскій и звонкій

годосъ Ивана Николаевича Лѣсникова, когда чтеніе кончилось.

Андрей Густавовичъ Бигельманъ пожалъ плечами, и взглядомъ укора указалъ на любителей гласности, то-есть на меня и на Ивана Петровича.

— Это пріятели, да къ тому Иванъ Петровичъ уже дремлетъ, сказалъ Матвѣевъ, чтобы замять грозившую распрю.

Но запальчивый юноша не унимался.

— Не только передъ пріятелями, а передъ цѣлою вселенной я скажу, началъ онъ,—я скажу, что приставать къ людямъ съ такимъ вздоромъ способенъ лишь стрикулистъ самый неисправимый! Какія вѣдомости? Для чего вѣдомости? Какой посредникъ, честно дѣлающій свое дѣло, найдетъ возможность и время въ мѣсяцъ два раза наяривать цѣлую тетрадь о томъ что должно быть извѣстно всякой губернской власти, если только она не заложила своихъ глазъ въ какомъ-нибудь водочномъ магазинѣ? Для чего же сидитъ это присутствіе и беретъ жалованье, если оно намѣрено знакомиться съ ходомъ дѣлъ черезъ наши срочныя вѣдомости, если оно не знаетъ этого хода во всей подробности, своимъ глазомъ, своимъ опытомъ?..

— Я не знаю, перебилъ Андрей Густавовичъ Бигельманъ, сжавши губы такъ что изъ нихъ образовалось нѣчто похожее на устье пузыря съ финиками,—я не знаю до какой степени, на мировомъ съѣздѣ, въ присутствіи постороннихъ слушателей, могутъ быть дозволены подобныя, болѣе чѣмъ рѣзкія выраженія...

— Я не разъ уже дѣлалъ подобный же вопросъ Ивану Николаичу, прибавилъ Игнатій Петровичъ Путиловъ,—и хотя конечно его молодая кровь горячѣе нашей...

— Прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности, перебилъ Лѣсниковъ, подобно азардному молодому соколу, кидаясь отъ одной добычи на новаго противника,—уже я знаю что вы станете говорить, дражайшій Игнатій Петровичъ. Вы таки забѣжали впередъ, вы таки представили вѣдомость! Еслибы губернаторскіе чиновники потребовали отъ посредниковъ, кромѣ срочныхъ вѣдомостей, чтобъ они имъ мыли и гладили лѣтніе бѣлые панталоны, вы себѣ заведете утюгъ и иголки, и все что надо.

— Иванъ Николаичъ, сказалъ Матвѣевъ, одинъ только имѣвшій власть по временамъ обуздывать рьянаго товарища.

— Вѣдь нельзя всякое лыко ставить въ строку, Иванъ Николаичъ, добавилъ предводитель съ умиротворяющимъ видомъ,—извѣстно, этотъ народъ пишетъ себѣ такъ, чтобы нумеровъ накопить побольше. Плюньте, настрочите имъ какой-нибудь чепухи на полулисточкѣ, вотъ вамъ и вѣдомость...

Тутъ краснорѣчіе бѣднаго старичка оборвалось, при такой новой, даже обидной защитѣ канцелярскихъ властей, и Игнатій Петровичъ и Бигельманъ съ ужасомъ отодвинулись отъ зеленаго стола. Но, увы, имъ предстояло услышать нѣчто еще худшее!

— Не хочу знать срочныхъ вѣдомостей, не напишу ни одной пока я зовусь мировымъ посредникомъ! кричалъ Лѣсниковъ, топая ногой какъ дитя, между тѣмъ какъ яркая и молодая кровь кинулась ему въ голову.—Я не хочу чтобы на меня смотрѣли какъ на какую-нибудь регистратурную крысу, не хочу, потому что горжусь званіемъ посредника, и не дамъ его равнять съ писарскою должностью. Въ этой нотаціи по случаю срочныхъ вѣдомостей я вижу оскорбленіе себѣ и всѣмъ посредникамъ. Мало того что наши вопросы оставляютъ безъ разрѣшенія, мало того что губернское присутствіе предоставило себѣ по крестьянскому дѣлу всю гротовую филантропію, а на насъ глядитъ какъ на чернорабочихъ, ему еще не нравится то, что мы по возможности ведемъ дѣла безъ переписки, и не плодимъ отношеній съ принятіемъ увѣреній въ совершенномъ почтеніи и милостивыми государями! Поэтому я полагалъ бы на предложеніе присутствія отвѣчать рѣзкимъ отзывомъ, а васъ, Михайло Егорычъ (тутъ юноша обратился къ предводителю) попросимъ, отъ имени всего съѣзда, лично переговорить съ высокосановнымъ старцемъ, котораго вы ожидаете.

Предводитель, только заслышавъ о томъ, что на его долю можетъ выпасть щекотливое объясненіе, и еще съ такимъ сановнымъ гостемъ, совершенно поблѣднѣлъ и растерялся.

Ставицкій отпустилъ ядовитую шуточку, изъ которой явствовало, что если всѣ чиновники совершенная дрянь,

въ чемъ онъ совершенно согласенъ, то и посредники еще не показали себя ничѣмъ особеннымъ, за исключеніемъ своего извѣстнаго пристрастія къ помѣщичьимъ интересамъ.

Бигельманъ заговорилъ въ защиту губернскаго присутствія, но отъ волненія сталъ дѣлать ужасныя ошибки въ русскомъ языкѣ, и даже брякнулъ нѣмецкую длинную фразу съ частицей *-zu* на концѣ, которой впрочемъ никто не понялъ.

Что до Путилова, то ему и ораторствовать не настояло надобности; его лицо яснѣе всѣхъ языковъ говорило: Гдѣ мы, куда мы идемъ? Земля дрожитъ подъ моими ногами! О дѣловой перепискѣ отзываются съ омерзеніемъ! Его высокопревосходительство Ивана Ивановича иронически называютъ *старцемъ!*

Посреди общаго волненія сталъ говорить Владиміръ Матвѣевичъ, по своему обыкновенію, тихо и сжато. При первыхъ звукахъ его голоса, всѣ притихли. Неурядица въ совѣщаніи была такъ очевидна, что даже всегдашніе антагонисты нашего посредника увидали надобность въ голосѣ человѣка спокойнаго.

— Я положительно расхожусь съ мнѣніями Ивана Николаича, сказалъ Матвѣевъ.—Кругомъ насъ довольно ссоръ и всякой путаницы, а мы выбраны не за тѣмъ, чтобы пикироваться съ губернскимъ по крестьянскому дѣлу присутствіемъ. Одно изъ двухъ: или дѣло о срочныхъ вѣдомостяхъ будетъ упорно поддерживаться и мы придемъ къ необходимости полнаго объясненія съ присутствіемъ, или, что вѣрнѣе, оно заглохнетъ само собою.

Путиловъ возвысилъ было голосъ, но Владиміръ Матвѣевичъ взглянулъ на него и попросилъ минуту для своей рѣчи.

— Въ первомъ случаѣ, продолжалъ Матвѣевъ,—дѣло, не взирая на его ничтожность, потребуетъ всего нашего вниманія. Тутъ уже выступитъ вопросъ о канцелярскомъ порядкѣ и лишней перепискѣ, то-есть о томъ что положительно несовмѣстно съ кругомъ нашей дѣятельности. Уступивъ на первомъ шагѣ, мы дѣйствительно подчинимъ себя регистратурѣ; навьючивъ на себя срочныя вѣдомости, мы дадимъ поводъ мучить себя сотнею другихъ вредныхъ фор-

мальностей. Но дѣло еще не дошло до столкновенія, и второй исходъ мнѣ кажется вѣрнѣе. Всѣ мы знаемъ изъ какихъ источниковъ вытекла бо́льшая часть обременительныхъ мелочей въ бумажномъ дѣлопроизводствѣ. Прихоть новаго начальника, праздная привычка чернить бумагу, иногда просто корыстный разчетъ дряннаго писаришки, вотъ что̀ породило и поддерживало всѣ эти горы бумагъ, вѣдомостей и отношеній.

— Владиміръ Матвѣичъ, опять перебилъ Путиловъ, собравшись съ силами,—позвольте попросить васъ объясниться обстоятельнѣе. Гдѣ могли замѣтить вы, чтобы *разчетъ дряннаго писаришки* былъ въ состояніи, какъ вы говорите, поддерживать горы бумагъ и вѣдомостей?

— Мнѣ хотѣлось бы скорѣй перейдти къ другимъ дѣламъ по съѣзду, отвѣчалъ нашъ посредникъ,—но если вамъ угодно вызвать меня на подтвержденіе словъ моихъ, за примѣромъ дѣло не станетъ. Передъ службой на Кавказѣ и по выборамъ, я служилъ въ гвардіи. Какъ всѣ младшіе офицеры, я часто ходилъ занимать караулы при заставахъ, караулы теперь уничтоженные. Сидя и зѣвая въ грязной караульной комнатѣ, я всегда дивился обилію листовъ, даже тетрадей, которыя приходилось мнѣ подписывать и отправлять въ ордонансъ-гаузъ. Въ тетрадяхъ этихъ были выписаны всѣ проѣзжающіе изъ города и въ городъ; при отправленіи списка, караульный офицеръ всегда прилагалъ къ нему серебряную монету, кажется полтинникъ, *для писаря*. Дивясь этому вороху бумагъ ни къ чему не ведущихъ и особенно таинственному полтиннику, я подумалъ, что награжденіе, хотя и незаконное, идетъ писарю строчащему всѣ эти списки проѣзжихъ; ничуть не бывало. Труженикъ оставался ни при чемъ, офицерскія деньги шли писарю принимавшему списки. Одинъ разъ для̀ опыта, я попробовалъ исправить это распредѣленіе благостыни, труженику далъ полтинникъ, списки же послалъ безъ прилагательнаго. Черезъ день я получилъ бумагу, въ которой меня требовали въ канцелярію ордонансъ-гауза. Забывъ о караулѣ, я счелъ это приглашеніе серіознымъ, поѣхалъ и нашелъ въ канцеляріи выжигу писаря, который сталъ показывать мнѣ въ спискахъ какія-то ошибки, и видя мои прапорщичьи эполеты, намекать на скупость и невѣжливо стращать меня отвѣтственностью. Я ругнулъ его

какъ слѣдуетъ и уѣхалъ съ ожесточеніемъ. Черезъ два дня, адъютантъ полковой сообщилъ мнѣ, что изъ-за меня затянулась цѣлая переписка, посовѣтовалъ послать писарю три цѣлковыхъ и объяснилъ, что все дѣло произошло изъза полтинника... Не стоитъ разказывать о томъ, какъ дѣло кончилось; важно не оно, а фактъ давшій къ нему поводъ. Вотъ вамъ, Игнатій Петровичъ, примѣръ, какого вы желали... Мнѣ совѣстно, продолжалъ затѣмъ Владиміръ Матвѣевичъ, — далѣе задерживать дѣла по съѣзду, и потому вотъ мое мнѣніе въ самыхъ короткихъ словахъ. Пусть всякій изъ насъ пишетъ или не пишетъ срочныхъ вѣдомостей по своему усмотрѣнію, затѣмъ подождемъ что скажетъ присутствіе, и если оно не догадается оставить насъ въ покоѣ, тогда, съ общаго согласія, мы рѣшимъ, принимать ли мѣры противъ домогательствъ такого рода.

Рѣшено было остаться при этомъ, даже Путиловъ согласился подождать настоящій болѣе положительныхъ; но и тутъ Игнатій Петровичъ, по обыкновенію своему, не могъ не разжечь пренія благополучно угасавшаго.

— Я самъ почти согласенъ, началъ онъ,—что при безпрестанныхъ разъѣздахъ посредникамъ не совсѣмъ легко заготовлять слишкомъ частыя срочныя вѣдомости, но во-первыхъ отчетность и порядокъ важнѣе всего, во-вторыхъ я не могу не протестовать противъ того обиднаго неразположенія ко всему носящему званіе чиновника, противъ того враждебнаго чувства ко всѣмъ высшимъ присутственнымъ мѣстамъ, которое, говорю съ глубокимъ сожалѣніемъ, слишкомъ часто высказывается въ рѣчахъ и замѣчаніяхъ моихъ высоко-уважаемыхъ товарищей.

— Вы истинный Цицеронъ въ вицмундирѣ, возразилъ неугомонный Лѣсниковъ,—но я не могу не заспорить съ вами опять, нашъ высокоуважаемый Игнатій Петровичъ! Враждебнаго чувства не имѣемъ мы ни къ кому; чтобы честно покончить то дѣло соглашенія, на которое мы призваны, всякій изъ насъ готовъ подать руку личному своему недругу, лишь бы онъ помогалъ намъ отъ чистаго сердца. Нерасположеніе къ чиновникамъ—дѣло другое. Чиновникъ не помогаетъ намъ ни въ чемъ, чиновникъ прямо недоволенъ тѣмъ, что намъ оказано большое довѣріе и отъ властей, и отъ обще ства. Дѣятельность хорошаго посредника, вся

живая и практическая, безъ мертвыхъ бумагъ, безъ возможности доходовъ, безгрѣшныхъ и грѣшныхъ,—бѣльмо на глазу и укоръ для истаго чиновника. Враждовать съ чиновникомъ я не хочу, а любить его мнѣ не за что̀... Я ужь не трогаю высшихъ мѣстъ, комитетовъ и коммиссій; но что̀ дѣлалось у насъ въ губернскомъ городѣ, пока еще крестьянскій вопросъ обсуждался? Кто проповѣдывалъ, что всѣ мы, здѣшніе помѣщики, враждебны дѣлу освобожденія? Кто силился представить всякую практическую замѣтку, обусловленную мѣстностью нашего края, воплемъ плантаторовъ и желаніемъ затянуть дѣло? Все это дѣлали чиновники. Гдѣ мы видѣли самое дѣло и жизнь, они видѣли только свое личное спокойствіе. Развѣ на языкѣ ихъ не было вѣчнаго: другіе молчатъ и сидятъ смирно, изъ чего жь наша губернія полѣзетъ съ своими совѣтами? И добро бы въ этомъ противодѣйствіи имѣлось сочувствіе къ выгодамъ народа; но откуда могло взяться это сочувствіе, и развѣ голосъ дѣльныхъ помѣщиковъ нашихъ говорилъ во вредъ простому народу?..

— Иванъ Николаичъ, наконецъ перебилъ Матвѣевъ,—если мы станемъ вдаваться въ частные споры, наше засѣданіе никогда не кончится. Будьте такъ добры, отложите пренія до другаго раза, войдите хоть въ положеніе господина секретаря, у котораго цѣлая куча бумагъ еще не прочитанныхъ.

Всѣ приготовились опять приступить къ дѣлу, но къ несчастію двери комнаты съ шумомъ отворились, и приставъ втораго стана поспѣшно вошелъ съ извѣстіемъ, что ихъ превосходительство ужь у самаго города.

Тутъ послѣдовала тревога тѣмъ болѣе шумная, что члены мироваго съѣзда не условились напередъ о томъ что̀ предстоитъ дѣлать въ настоящую минуту. Матвѣевъ и его товарищи болѣе хладнокровные разчитывали, что засѣданіе будетъ идти своимъ чередомъ, не взирая ни на какихъ именитыхъ гостей; но они не собразили, что предводитель потеряетъ голову, а Путиловъ съ Бигельманомъ ринутся туда гдѣ идетъ встрѣча. Появленіе вѣстника было сигналомъ суматохи. Бигельманъ кинулся бѣжать, не говоря ни слова, но князь Туманскій нарочно спряталъ его шапку подъ бумагами, и бѣдный Андрей Густавовичъ сталъ кубаремъ вертѣться по всѣмъ угламъ залы, разыскивая

свой годовной уборъ. Путиловъ началъ было: „Намъ кажется, должно всѣмъ встрѣтить гостей у города,“ но видя что никто ему не отвѣтилъ, потихоньку направился къ выходу. Старичокъ предводитель то подбѣгалъ къ дверямъ, то возвращался къ зеленому столу. „Ужь предсѣдательствуйте вы, Владиміръ Матвѣичъ, говорилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—вѣроятно Иванъ Ивановичъ захочетъ побывать въ засѣданіе съѣзда. Ахъ, Господи! никуда я не гожусь въ этихъ суматохахъ! Такъ мы къ вамъ и придемъ, а вы бы велѣли поставить стульевъ побольше. Ради Бога, не уходите, Сергѣй Ильичъ; вѣдь нашъ съѣздъ гласный, это нынче любятъ... Да что съ вами, Андрей Густавовичъ? Вы меня совсѣмъ съ ногъ сбили. Хорошо бы и выбрать для доклада дѣльце позанимательнѣе; такъ ли, Владиміръ Матвѣичъ?..“

— Какъ же, какъ же, отвѣчалъ Матвѣевъ, кусая губы,— за этимъ конечно дѣло не станетъ. О смѣнѣ волостнаго старшины Куприянова за пьянство и драку съ писаремъ, прибавилъ онъ проглядывая бумаги.

— Что вы, что вы, Боже васъ сохрани, какое это дѣло!

— Или жалобу помѣщицы Канифасовой на посредника Матвѣева за потворство...

— Вотъ еще выдумали! Какой самоотверженный Брутъ отыскался! Спрячьте это подальше! Господи, я думаю они уже въ городѣ!

— Еще дѣло, прибавилъ Лѣсниковъ, смѣясь:—о самовольной порубкѣ крестьянами...

— Бога вы не боитесь! Станутъ говорить въ Петербургѣ, что наши мужики рубятъ лѣсъ самовольно!

— Я думаю, Михайло Егорычъ, сказалъ Матвѣевъ вставши,—что лучше будетъ отложить наше засѣданіе до отъѣзда высокихъ посѣтителей. Бо́льшая часть присутствующихъ такъ взволнована, что дѣла не могутъ не потерпѣть отъ этого. Что вы бѣгаете по комнатѣ, Андрей Густавовичъ? Что̀ съ вами такое?

— Шляпы не могу отыскать, моей шляпы, проговорилъ Бигельманъ, задыхаясь, и бросился къ дивану, на которомъ сидѣлъ я, не двигаясь съ мѣста.

Причина, по которой я одинъ сидѣлъ, не двигаясь съ мѣста, состояла въ томъ, что мой добрый сосѣдъ и спутникъ Иванъ Петровичъ, мало интересуясь ходомъ засѣда-

нія и позавтракавши именно въ тотъ часъ когда у себя дома обыкновенно обѣдалъ, счелъ долгомъ сперва прилечь головою къ спинкѣ дивана; и всѣдъ затѣмъ заснуть сномъ невиннаго младенца. Во все время пока шли пренія, я прикрывалъ соперника своею фигурой и даже руку положилъ такъ что она нѣсколько закрывала его физіономію, но диванъ стоялъ не далеко отъ выхода, и когда Бигельманъ принялся искать на немъ своей шляпы, истина не могла долѣе скрываться. Я всталъ съ мѣста, обнаруживъ распростертую особу любителя гласныхъ мировыхъ совѣщаній. Матвѣевъ, Лѣсниковъ и князь Туманскій разсмѣялись; но бѣдный предводитель, захлопотавшійся до того, что лишился способности понимать все вокругъ происходящее, отшатнулся и произнесъ:—Что это такое? что съ нимъ? Поглядите что это съ Иванъ Петровичемъ?

— Должно быть его отъ страха хлопнулъ кондратка, сказалъ Лѣсниковъ, любившій поткольничать.

— Да и кого не стукнетъ послѣ вашего завтрака? прибавилъ Ставицкій.

— Господи, этого только не доставало! вскричалъ Михаилъ Егоровичъ:—доктора, ради Бога за докторомъ!—И онъ сталъ щупать пульсъ у Ивана Петровича.

— А! вы что тутъ! лупи его!.. въ свою очередь зашумѣлъ Иванъ Петровичъ, такъ неожиданно пробужденный:—Ба, ба, ба, кого я вижу? Вы ли это, нашъ обожаемый шефъ и амфитріонъ —скаго уѣзда? Дѣльно, дѣльно вы разсуждали, я не проронилъ ни одного словечка; Сергѣй Ильичъ вамъ за то порукой. Срочныя вѣдомости? Точно это вздоръ, а губернскія вѣдомости еще хуже; я давно хотѣлъ вамъ сказать, за что это дурень исправникъ ихъ намъ навязываетъ?.. — И понюхавъ своего зеленаго табаку, онъ разразился яростнымъ чиханіемъ.

— Съ вами пропадешь только, отчаянно сказалъ предводитель, махнувъ рукою.—Смѣются, нюхаютъ скверный табакъ... посадилъ бы я васъ всѣхъ въ мою кожу!

— Да идемте же, Михайло Егорычъ, перебилъ Путиловъ, все время теребившій предводителя за рукавъ,—не слышите какой шумъ? Они изволили пріѣхать!

— Вотъ наконецъ моя шляпа! радостно возгласилъ Бигельманъ совершенно неожиданно усмотрѣвъ ее посреди зеленаго стола, на видномъ мѣстѣ.

— Идемте, идемте наконецъ! заключилъ предводитель, хватая подъ руки Игнатія Петровича и Андрея Густавовича.—Никогда не буду больше предводителемъ; ну изъ-за чего я безпокоюсь и убиваюсь какъ каторжный? И эти гости тоже хороши! Ну чего они лѣзутъ къ намъ, какого рожна удастся имъ обревизовать въ одни сутки?

При этомъ неуважительномъ, но изъ сердца вырвавшемся сѣтованіи, Бигельманъ и Путиловъ укорительно отдѣлились отъ своего спутника, а затѣмъ всѣ трое побѣжали внизъ встрѣчать вожделѣннаго гостя и его свиту.

— Чего это ихъ розобрало? спросилъ Иванъ Петровичъ:— сидѣли, сидѣли, разсуждали очень толково, я просто заслушался, а кинулись словно на драку!

— Да какъ же было не кинуться? отвѣчалъ Лѣсниковъ, принявъ озабоченную физіономію.—Иванъ Иванычъ просто переругалъ насъ всѣхъ; я, говоритъ, доведу это до свѣдѣнія высшей власти; вы господа, говоритъ, составляете позоръ мировымъ учрежденіямъ!

— Какъ Иванъ Иванычъ? спросилъ мой сосѣдъ, вытаращивъ глаза:—да вѣдь его еще только ждутъ къ обѣду?..

— Зарѣзали вы насъ, Иванъ Петровичъ, продолжалъ юноша,—и угораздило васъ захрапѣть на всю комнату; выспались бы у себя дома; вѣдь это дѣло не шуточное. Право я думалъ, что старичокъ всѣхъ насъ сошлетъ на поселеніе! Если на мировомъ съѣздѣ у васъ спятъ въ неприличномъ и развращенномъ видѣ, говорилъ онъ, такъ что же должно дѣлаться въ волостяхъ и въ мировыхъ участкахъ?

— И записалъ вашу фамилію въ большую черную книгу, добавилъ князь Туманскій.

Иванъ Петровичъ задумался на мгновеніе, но инстинктъ стараго проказника не замедлилъ ему объяснить дѣло.—Ну, ну, вы, школяры! промолвилъ онъ весело:—еще молоды слишкомъ! А теперь куда намъ дѣваться до обѣда? или представлять ликующій народъ вокругъ дорогихъ посѣтителей?

— Ликующему народу достанется одни тычки отъ полиціи, сказалъ князь Туманскій,—пойдемте лучше на мою квартиру, будетъ покойнѣе, а Ивана Петровича положимъ опять спать, и накроемъ тулупомъ.

VII. Описаніе торжественнаго обѣда со спичами даннаго нашимъ предводителемъ въ честь ихъ превосходительствъ Ивана Ивановича и Виктора Петровича.

Приступая къ главѣ съ такимъ торжественнымъ и длиннымъ заглавіемъ, я, человѣкъ не трусливый, ощущаю нѣкоторое замѣшательство. Мнѣ предстоитъ говорить о сановникѣ Иванѣ Ивановичѣ, и я чувствую, что почти каждый изъ моихъ читателей, при одномъ этомъ имени, съ особеннымъ рвеніемъ принимается доискиваться какого-то именно изъ нынѣ-благополучно процвѣтающихъ сановниковъ, я собираюсь изобразить печатно. Таковъ уже самый благонадежный изъ читателей; ему, какъ масло къ кашѣ, всегда нуженъ маленькій скандальчикъ, и вотъ почему я именно поведу мой разказъ такъ, чтобы не оказалось въ немъ ни маленькаго скандальчика, ни большаго скандала. Пускай любитель догадокъ самъ разказываетъ, кто такой Иванъ Ивановичъ, отъ меня онъ не дождется никакихъ указаній или откры тій; напротивъ того, я представлю почтеннаго старца такъ что онъ самъ себя не узнаетъ. На то у меня свои причины. Хорошо было подшучивать надъ сильными сего міра, когда они за это злились и готовы были лѣзть на стѣну съ досады; теперь же послѣдній изъ журнальныхъ Катоновъ караетъ ихъ сколько душѣ угодно и даже учитъ ихъ политической мудрости, не подвергая себя черезъ это никакой серіозной непріятности. Теперь никого даже не огорчишь ни портретомъ, ни каррикатурою; если вы считаетесь порядочнымъ человѣкомъ и совершите подобный грѣхъ, на васъ только взглянутъ съ нѣмымъ и глубокимъ укоромъ, какъ на добраго пріятеля, который вдругъ разрѣзвился до того, что въ многолюдномъ собраніи сталъ таскать платки изъ кармана, или разказывать дамамъ наигрязнѣйшіе анекдоты. Я никогда никого не изображалъ въ каррикатурѣ, но на меня не разъ добрые люди взирали съ этимъ нѣмымъ и глубокимъ укоромъ, изъ-за одного подозрѣнія въ чемъ-то по-

добномъ. Тѣмъ болѣе осторожности намѣренъ я держаться, и тѣмъ ненавистнѣе для меня все имѣющее видъ скандала или скандальчика.

По правдѣ сказать, сановника Ивана Ивановича я и не изучилъ на столько, чтобы по поводу его пуститься въ обширное пѣснопѣніе. Встрѣчалъ я его, кромѣ театровъ и огромныхъ баловъ, лишь въ одной гостиной, у Варвары Михайловны; къ ней старецъ питалъ то чувство имѣющее въ себѣ и любовь, и дружбу, и родственную пріязнь, котораго нынче никто не ощущаетъ къ женщинамъ, за недосугомъ, но которое красило собою жизнь всѣхъ почти лучшихъ людей стараго времени. Изъ этого видно, что нашъ сановникъ не принадлежалъ къ лицамъ азартнымъ и свирѣпымъ. Въ старое время, его считали человѣкомъ очень либеральнымъ, почти опаснымъ, ибо онъ съ подчиненными былъ вѣжливъ, не металъ молніеносныхъ взоровъ на растерявшагося просителя, и за десять лѣтъ времени успѣлъ два раза побывать въ Парижѣ, откуда каждый разъ возвращался ужасно хилымъ и съ такими тоненькими ножками, что доктора сажали его на сырой бифстексъ, а всѣ домашніе печально качали головами. Другихъ либеральныхъ подвиговъ за Иваномъ Ивановичемъ не имѣлось; оттого, я думаю, онъ самъ удивился, когда въ пору преобразованій и нововведеній ему пришлось взяться за дѣло и работать, такъ что онъ совсѣмъ отощалъ, хуже чѣмъ послѣ Парижа. Въ пылу новой дѣятельности съ нимъ случилось тоже что съ предводителемъ нашимъ: сперва онъ подумалъ, что міръ распадается, и что въ Россіи черезъ мѣсяцъ не останется ни одного помѣщика неумерщвленнымъ; но мѣсяцъ, шесть мѣсяцевъ, даже годъ, прошли безъ всякой напасти, и сановникъ, забывъ свои опасенія, оказался готовымъ заключить въ свои объятія весь родъ человѣческій. И дѣла шли кое-какъ, и меньшимъ братьямъ готовилось много хорошаго, и самому жилось въ почетѣ, и награды готовились въ свое время: чего же больше могъ требовать самый взыскательный смертный? Былъ ли Иванъ Ивановичъ столько же способенъ, сколько добръ сердцемъ и вѣжливъ въ обращеніи,— это вопросъ, о которомъ предоставляю судить людямъ ближе меня знакомымъ съ его дѣятельностію; отъ себя только могу сказать, что въ жизнь свою почти не отлучаясь изъ столицы, онъ былъ отчасти человѣкъ въ провинціальномъ

обществѣ. Будь нашъ старичокъ простымъ громовержцемъ и угощай онъ насъ, уѣздныхъ червяковъ, отрывистыми повелительными фразами, я не нашелъ бы ничего сказать противъ его манеры; на бѣду однако онъ желалъ обласкать насъ, и не взирая на все содѣйствіе ловкаго Виктора Петровича, дѣлалъ порядочные промахи.

Было уже шесть часовъ вечера, когда именитый гость и его спутники, осмотрѣвъ все что только стоило осмотра, явились въ гостиной предводителя. Народу собралось тамъ болѣе полусотни; имѣлись даже личности, которымъ повидимому слѣдовало бы укрываться въ темный лѣсъ отъ очей посѣтителя, какъ напримѣръ Краснобаевъ, выгнанный изъ службы со скандаломъ, бывшій директоръ акціонерной компаніи *Гусь*, Сидоренко, состоящій подъ судомъ за разныя непохвальныя художества, и Евдокимовъ, извѣстный уже читателю вводитель вольнаго труда, для котораго не проходилъ годъ, не принося съ собою какой-либо бурной исторіи. Послѣ представленія дамамъ и краткой бесѣды съ сестрицею Михаила Егоровича, сановнику были представлены мировые посредники. Онъ привѣтствовалъ ихъ до того ласково, что Бигельманъ словно выросъ, а Путиловъ отъ наслажденія обомлѣлъ, онѣмѣлъ и сталъ никуда негоднымъ. Матвѣева старичокъ обозрѣлъ съ большимъ вниманіемъ и спросилъ его, не съ братомъ ли его онъ имѣлъ честь встрѣтиться на кавказскихъ водахъ и не разъ обѣдывать у покойнаго князя Михаила Семеновича.

Владиміръ Матвѣевичъ сообщилъ, что особа, десять лѣтъ тому назадъ имѣвшая счастіе встрѣчаться съ Иваномъ Ивановичемъ на Кавказѣ, въ настоящую минуту стоитъ передъ его очами.

— Какъ же это? Боже мой, скажите пожалуста, съ недоумѣніемъ сказалъ старецъ:—да вѣдь вы тогда были адъютантомъ намѣстника?

Матвѣевъ молча поклонился.

— Передъ вами открывалась такая дорога; я помню, вы получили георгіевскій крестъ, и самъ князь пилъ за ваше здоровье. Я думаю, что въ десять лѣтъ вы обгоните всѣхъ стариковъ... и вотъ встрѣчаю васъ...

— Въ такомъ захолустьи, улыбаясь договорилъ Матвѣевъ.

— Жена говорила вамъ про Владиміра Матвѣича, доро-

гой Иванъ Ивановичъ, подхватилъ Викторъ Петровичъ, носомъ почуявшій, что слѣдовало вмѣшаться въ бесѣду:— что до насъ, здѣшнихъ помѣщиковъ, то мы думаемъ, что такого посредника какъ Владиміръ Матвѣичъ не во всякой край судьба посылаетъ, и не отдадимъ его никому, ни для какихъ перспективъ служебныхъ.

— Да, да, да, оно конечно! забормоталъ сановникъ, и смѣясь перенесся къ идеямъ новыхъ временъ:— нынче настоящая служба отечеству здѣсь... въ уединенныхъ пріютахъ между народомъ, который, такъ сказать... воскресаетъ къ новой жизни.

Затѣмъ Иванъ Ивановичъ сталъ разспрашивать помѣщиковъ о томъ, какъ идетъ вольный трудъ, и опять напалъ на предметъ неловкій, потому что весьма немногіе изъ присутствующихъ успѣли что-нибудь предпринять по этой части, а предпринявъ, еще сами не дождались результатовъ сколько-нибудь опредѣленныхъ. Одинъ Лѣсниковъ, по ретивости своей, еще съ весны выписавшій партію Мекленбургцевъ, похвалилъ ихъ какъ рабочихъ, но сказалъ что по его мнѣнію этотъ опытъ слишкомъ раззорителенъ для кармана и едва ли привьется въ нашемъ краѣ.—Жены рабочихъ, прибавилъ онъ,—до того сварливы и неуживчивы, что поддерживать порядокъ между ними нѣтъ никакой возможности. Сверхъ того сами иностранцы, не зная ни нашего языка, ни условій нашей почвы, хороши лишь въ такомъ случаѣ, если самъ помѣщикъ имѣетъ возможность проводить всѣ часы дня на полевыхъ работахъ.

Иванъ Ивановичъ, непремѣнно ожидавшій отъ молодаго человѣка хвалебныхъ тирадъ, покачалъ головой и сказалъ ему, отечески улыбаясь:—Не посѣтуйте на мое замѣчаніе, но мнѣ кажется что теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, помѣщикъ не можетъ не посвящать всѣхъ часовъ дня своимъ полевымъ работамъ.

— Даже если онъ имѣетъ честь быть мировымъ посредникомъ, ваше превосходительство? въ свою очередь сказалъ Иванъ Николаевичъ.

— Своихъ-то, своихъ русскихъ людей оставлять намъ не слѣдуетъ, вмѣшался въ бесѣду Аполлонъ Андреевичъ Евдокимовъ.—Вотъ и я жду цѣлой партіи Нѣмцевъ изъ Эндкундена въ Пруссіи, да откровенно признаюсь, выписалъ ихъ такъ, больше для сравненія. Свои люди у меня такъ

трудятся по найму, что глядѣть весело. Просто иногда самъ схватишь грабли и кинешься ворочать сѣно; не утерпѣть, просто не утерпѣть, глядя какъ иной молодецъ дѣлую копну подброситъ на вилахъ! Воодушевить, научить, пріохотить рабочаго, вотъ дѣло искуснаго хозяина. Въ его рукахъ нашъ мѣстный рабочій просто орелъ, десяти Нѣмцамъ не спуститъ!

Такая дѣльная рѣчь была истинною манной для петербургскаго гостя; онъ поторопился обласкать Евдокимова, и тотъ развернулся такъ что голосъ его одинъ наполнялъ всю большую залу. Доложили что обѣдъ поданъ, и Иванъ Ивановичъ повелъ Ирину Егоровну въ столовую, не забывъ попросить чтобъ Аполлонъ Андреевичъ помѣстился ближе къ нему: „такъ много полезныхъ свѣдѣній разчитываю я извлечь изъ вашей бесѣды," добавилъ онъ обязательно.

Когда мы шли изъ гостиной, Викторъ Петровичъ подошелъ ко мнѣ и таинственно указалъ на Пучкова.

— Сергѣй Ильичъ, сказалъ онъ,—чѣмъ болѣе я живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что если правительство нуждается въ людяхъ съ головою, то это лишь по собственному нашему недосмотру.

Я поглядѣлъ на мужа Варвары Михайловны, не понимая, къ чему онъ клонитъ бесѣду.

— Вы ни разу даже не намекнули мнѣ, продолжалъ Краснопольскій,—что въ нашемъ краю, и въ здѣшнемъ городѣ живетъ человѣкъ, котораго проектъ по крестьянскому дѣлу въ свое время и меня и другихъ лицъ привелъ въ восхищеніе. Я сейчасъ говорилъ съ господиномъ Пучковымъ и откровенно вамъ признаюсь, что это человѣкъ необыкновенный.

— Очень можетъ быть, дорогой Викторъ Петровичъ; я самъ только что вчера съ нимъ познакомился.

— Онъ мнѣ сейчасъ излагалъ мысль своей новой записки. Мысль немного утопическая, но смѣлая и въ сущности правильная. Пришло время во многомъ смягчить тотъ взглядъ на помѣщиковъ, котораго придерживались съ нѣкоторою исключительностью... обо всемъ этомъ я еще поговорю съ вами, ознакомившись со всѣмъ проектомъ... Кстати, что это за Евдокимовъ, за котораго такъ удѣ-

пился нашъ старецъ? Мнѣ кажется что это пустой враліще, и ничего болѣе.

Сѣли за столъ. Я уклонился отъ почетнаго мѣста подлѣ Виктора Петровича, которое, неизвѣстно почему, уготовалъ мнѣ предводитель, и вакантный стулъ достался необыкновенному человѣку уѣзда, то-есть Гаврилѣ Астафьевичу Пучкову. Такимъ образомъ Аполлонъ Андреевичъ и Пучковъ поступили въ число какъ бы героевъ праздника, что̀ не понравилось лишь Бигельману и исправнику; всѣ прочіе состояли при томъ мнѣніи, что пускай себѣ дитя тѣшится, лишь бы только не осердилось. Мало-помалу прояснились лица даже у Бигельмана съ исправникомъ. Столичные гости были такъ кротки, вѣжливы и внимательны, они такъ желали остаться всѣмъ довольны и всякому сказать доброе слово, что нельзя было на эту привѣтливость отвѣчать сухо. Часть гостей состояла изъ чиновниковъ, и чиновниковъ старыхъ: припоминая посѣщенія прежнихъ вельможъ, посѣщенія украшенныя головомойками, разпеканьями и угрозами (въ сущности все-таки безплодными), и сравнивая это съ настоящимъ днемъ, они не могли не почувствовать въ сердцѣ нѣкоторой медоточивости. И самый видъ гостей, говоря не шутя, былъ пріятенъ: такъ мало походили они на былыхъ потрясателей губерніи, воинственныхъ, краснолицыхъ, изъ-за всякой дряни возвышавшихъ голосъ, съ гнѣвомъ взиравшихъ на усы уѣзднаго судьи и на потертую форменную хламиду голяковъ учителей уѣзднаго Атенея. Сѣдины Ивана Ивановича не имѣли ничего грознаго; звѣзды, въ изобиліи украшавшія его грудь, нисколько не способствовали къ возбужденію ужаса, и сверкали привѣтливымъ, ни какъ не зловѣщимъ блескомъ. Что до Виктора Петровича, то онъ, въ черномъ фракѣ превосходнаго покроя, безъ малѣйшихъ знаковъ отличія, съ своими чуть начинающими сѣдѣть бакенбардами англійскаго образца, глядѣлъ изящнымъ и поднимающимся членомъ парламента, на минуту забывшимъ всѣ дѣла для оживленнаго и дружескаго пира.

Обѣдъ шелъ шумно и весело, въ торжественную минуту тостовъ всѣ умолкли, и Михаилъ Егоровичъ, вставъ съ мѣста съ вознесеннымъ бокаломъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ провозгласилъ здоровье Освободителя десяти милліоновъ русскихъ людей. Когда затихли крики сочув-

ствія и вино было выпито, Иванъ Ивановичъ поднялся съ мѣста и сказалъ такую рѣчь:

„Милостивые государи! Здѣсь между вами нѣтъ ни одного ровесника мнѣ по годамъ; нѣтъ даже никого, какъ мнѣ кажется, кто по возрасту не могъ бы мнѣ быть сыномъ. Потому вы простите мнѣ, если я упомяну сейчасъ о поэтѣ, котораго можетъ-быть вы и не читаете. Я родился и воспитывался въ то время, когда на Руси не замолкъ еще голосъ Державина, пѣвца Екатерины. Въ трудахъ его я никогда безъ умиленія не могъ читать тѣхъ стиховъ, гдѣ поэтъ, прославляя духъ милосердія и кротости, проявлявшійся въ преобразованіяхъ великой императрицы, говоритъ шутливо, но съ глубокимъ чувствомъ:

Мы можемъ пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не страшась, въ обѣдахъ,
За здравіе царей не пить.

И всякій разъ, когда приходилось мнѣ прочитывать эти строки, такая мысль посѣщала мою голову. Какъ часто, думалъ я, и поэтъ, и лучшіе люди его времени, пили за здоровье той государыни, которая не требовала тостовъ, и пили ея здоровье именно потому что она ни отъ кого ихъ не требовала! Сдѣлаемте же и мы то, что когда-то дѣлали люди Екатерининской эпохи. Сейчасъ мы пили здоровье того, кто освободилъ десять милліоновъ Русскихъ, кто истребилъ послѣдній остатокъ рабства въ Европѣ. И онъ также не требуетъ заздравныхъ привѣтовъ, онъ уклоняется даже отъ проявленій благодарности за подвигъ свободы, только что совершенный. По этому-то выпьемъ же еще разъ за него, за достойнаго правнука той кроткой государыни, которая внушила пѣвцу своего времени мною приведенное сейчасъ, изъ сердца вырвавшееся привѣтствіе.“

Послѣ этого краткаго, умнаго и всѣмъ по сердцу пришедшагося спича, Иванъ Ивановичъ окончательно сталъ общимъ любимцемъ и веселье закипѣло пуще прежняго. Какъ въ жизни торжественная минута смѣняется забавною и за трогательными изреченіями непосредственно идутъ остроты наипошлѣйшаго разбора, такъ и на нашемъ обѣдѣ иное серіозное слово затихало то подъ грохотомъ чепухи возглашаемой Евдокимовымъ, то вслѣдствіе какого-нибудь веселаго шутовства отпущеннаго на томъ

концѣ стола, гдѣ пріютились школяры въ родѣ Ивана Петровича, Лѣсникова и князя Туманскаго. Сама Ирина Егоровна совершенно просіяла лицомъ, и не только просіяла, но объявила всѣмъ желающимъ слушать, что она съ завтрашняго дня заводить школу въ имѣніи брата, такъ что, по ея разчету, къ зимѣ не останется ни одного неграмотнаго крестьянина во всемъ околоткѣ. Да одна ли Ирина Егоровна смягчилась! Молодые столичные чиновники, составлявшіе свиту сановника Ивана Ивановича, чиновники со стеклышками въ глазу и въ началѣ обѣда ломавшіеся до того что исправникъ прозвалъ ихъ халдеями безобразными, словно позабыли свою великосвѣтскость и напились какъ долженъ напиваться истый столичный джентльменъ, то-есть выразили на лицахъ своихъ чувство благополучія, но съ тѣмъ вмѣстѣ поблѣднѣли и недвижнѣе прежняго утвердились на своихъ стульяхъ.

— Ну! засмѣявшись сказалъ помѣстившійся возлѣ меня Матвѣевъ.—Саулъ попалъ во пророки. Глядите, Бога ради, Михайла Егорычъ хочетъ говорить рѣчь! До чего мы дожили!

Дѣйствительно, достойнѣйшій нашъ предводитель, всю жизнь свою боявшійся спичей хуже черта, и уже исполнившій свой долгъ провозглася здоровье дорогихъ гостей безо всякаго добавленія, вдругъ преисполнился духомъ болѣе подходящимъ къ природѣ пиѳіи. Глаза его засіяли, раскраснѣвшееся лицо разгорѣлось еще пуще, грудь стала радостно воздыматься, и вдругъ, Михаилъ Егоровичъ, не разсуждая и не колеблясь, воздвигся съ поднятымъ бокаломъ. Воцарилось глубокое и чуть-чуть насмѣшливое молчаніе, въ родѣ того молчанія, которое наступаетъ въ гостиной, когда какой-нибудь господинъ, ни разу не разнимавшій рта и всѣми принимавшійся за нѣчто въ родѣ мебели, вдругъ разразится совершенно неожиданною тирадою. Но нашему амфитріону было не до того, чтобъ анализировать молчаніе вокругъ него водворившееся. Буря краснорѣчія въ первый разъ взволновала его душу и бороться съ нею онъ не видѣлъ ни средствъ, ни надобности.

„Милостивые государи, дорогіе гости!“ началъ онъ поспѣшно, но разборчиво и довольно внятно. „Мы здѣсь въ отдаленіи отъ столицъ, и такъ сказать въ уединенномъ сельскомъ уголку обширнаго нашего отечества. Поэтому не

мудрено, что многое издали кажется намъ не въ совершенно-ясномъ видѣ, что современныя дѣйствія важныхъ сановныхъ лицъ иногда кажутся намъ лучшими, иногда же худшими, нежели *они суть* въ самомъ дѣлѣ. Но одно мы всѣ знаемъ, по крайней мѣрѣ я знаю. Знаю я то, что никогда еще въ нашемъ любезномъ отечествѣ не было столько добрыхъ и ко злу неспособныхъ лицъ на высшихъ ступеняхъ лѣствицы государственной дѣятельности. Годы покажутъ результатъ ихъ дѣяній; другіе люди произнесутъ приговоръ ихъ способностямъ. Намъ же, хорошо знающимъ коль рѣдки истинно добрые люди на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе на высокихъ поприщахъ, остается лишь привѣтствовать сихъ людей, и почтить ихъ всѣхъ въ лицѣ нашихъ сегодняшнихъ дорогихъ посѣтителей. Милостивые государи, за здоровье ихъ превосходительствъ Ивана Ивановича и Виктора Петровича!"

Затѣмъ Михайло Егоровичъ, уже неизвѣстно для чего, быстро опустился на свое мѣсто и заплакалъ.

Но это проявленіе послѣобѣденной чувствительности не повредило успѣху спича. Вопервыхъ всѣ были расположены радоваться; вовторыхъ, каждаго поразилъ нашъ предводитель въ новой и никакъ не ожидаемой отъ него роли оратора; втретьихъ его рѣчь, хотя и не очень складная, своею наивностью подходила къ общему настроенію. Всѣ закричали: браво! застучали ногами; кто сидѣлъ поближе, тотъ поцѣловалъ Амфитріона, между тѣмъ какъ князь Туманскій увѣнчалъ его цвѣтами изъ стоявшихъ на столѣ, а Иванъ Петровичъ отеръ платкомъ ему слезы, струившіяся въ изобиліи. Успѣхъ могъ назваться громаднымъ; онъ растевелилъ даже лицъ, все время отличавшихся нѣкоторою сдержанностью. Викторъ Петровичъ, до той поры пившій мало, и со стороны котораго никто не разчитывалъ на спичъ, какъ не разчитываютъ на рѣчь Дизраэли или Брайта въ скромномъ волостномъ сходѣ, тихо поднялся, взялъ бокалъ и слегка кашлянулъ. „Пальмерстонъ! Лучше всякаго Пальмерстона!!" послышалось очень внятное замѣчаніе со стороны совершенно повергнутаго въ восторгъ, гуляки Краснобаева.

Викторъ Петровичъ сперва предложилъ тостъ въ честь лицъ служащихъ по мировымъ учрежденіямъ, а потомъ уже началъ рѣчь, посреди жаднаго вниманія. Излагать ее слово въ слово я не могу; она была длинна, хотя чрезвычайно

умна и краснорѣчива. Отлично похваливъ насъ помѣщиковъ, и даже сообщивъ что изъ-за дальняго Океана крѣпостники когда-то Соединенныхъ Штатовъ должны взирать на насъ со стыдомъ и угрызеніемъ совѣсти, онъ добавилъ, что совершенства на свѣтѣ не бываетъ и что поэтому онъ дозволяетъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя исключенія. Исключенія эти, къ нашей горести, заняли половину рѣчи. Сперва Викторъ Петровичъ поразилъ горькимъ словомъ тѣхъ поклонниковъ всего отжившаго, кои подобно совамъ на солнцѣ, жмурятъ глаза и вопіютъ противъ дневнаго свѣта. Затѣмъ обработалъ онъ безобразныхъ фантазеровъ, всегда готовыхъ стремиться за предѣлы реформъ исполнимыхъ. Кончивъ съ сими ораторъ обратился со строгими совѣтами къ лицамъ нравственно робкимъ и до сей поры не создавшимъ себѣ прочныхъ убѣжденій, къ лицамъ можетъ быть жаждущимъ добра, но пугливымъ на перемѣну и какъ бы не полагающимъ вѣры въ людей неуклонно указывающихъ путь общему нашему развитію. Наконецъ оканчивая экзекуцію, Викторъ Петровичъ обратилъ свои громы на такъ-называемыхъ *людей практическихъ*, не умѣющихъ устремить взора далѣе рубежа своихъ собственныхъ полей и маетностей, да вдобавокъ еще скрывающихъ свое недовѣріе къ труженикамъ дѣйствительно ставшимъ высоко, но ставшимъ на такую высоту лишь потому что съ нея далѣе видно, и кругозоръ не въ примѣръ шире.

„Ужь сказалъ бы ты прямо,“ шепнулъ Иванъ Петровичъ своимъ сосѣдямъ:—сказалъ бы ты, что свинья тотъ, кто не считаетъ тебя великимъ мудрецомъ, а друзей твоихъ жемчужинами вселенной.“

Кончились исключенія, и пришло время спустить букетъ фейерверка.

— И не смотря на все сказанное, произнесъ Викторъ Петровичъ,—я довѣрчиво и радостно предлагаю мой тостъ за представителей нашихъ новыхъ мировыхъ учрежденій, и мало того что предлагаю его, но смѣло говорю: пускай предстанетъ передъ насъ тотъ, кто имѣетъ сказать что-нибудь противъ моего привѣта. На нашемъ дружескомъ пирѣ, гдѣ всѣ сердца соединились въ одно, я смѣло кидаю мой вызовъ и открыто провозглашаю: пускай предстанетъ

передъ насъ тотъ, кто рѣшается звать и считать насъ своими противниками!

На этомъ мѣстѣ рѣчи, двери боковой комнаты, находившейся въ десяти шагахъ отъ верхняго конца стола и, слѣдовательно, величавой Ирины Егоровны, двери уже нѣсколько минутъ какъ-то странно поскрипывавшія и колыхавшіяся, съ трескомъ распахнулись на обѣ стороны, и изъ нихъ, на самую средину комнаты, вылетѣлъ и растянулся на полу коренастый, красный, толстопузый человѣкъ по виду совершенно сходный съ сатирами на картинахъ Рубенса, и, что еще ужаснѣе, человѣкъ въ такомъ скудномъ и неприличномъ костюмѣ, что дамы вскрикнули, а хозяйка немедленно упала въ обморокъ.

Чтобъ объяснить какъ произошла такая неопрятная и неловкая интермедія, намъ слѣдуетъ вернуться немного назадъ и сказать кое-что объ отставномъ капитанѣ Подосиновикѣ, котораго проницательный читатель, безъ сомнѣнія, угадалъ въ растянувшемся пришельцѣ.

Послѣ предварительнаго завтрака или вѣрнѣе бутылки мараскина, выпитой всѣмъ на изумленіе, сей достопочтенный, но несовсѣмъ удобный для общежитія гость, былъ вынесенъ въ ближайшую отъ столовой комнату и положенъ на диванъ въ состояніи полнаго безчувствія, въ скорости перешедшаго въ сонъ весьма спокойный и крѣпкій. Уходя на мировой съѣздъ, предводитель забылъ распорядиться насчетъ Подосиновика; Ирина же Егоровна, никуда не годная какъ хозяйка, а сверхъ того дувшаяся на всѣхъ съ самаго утра, не позаботилась обозрѣть ни столовой, ни сосѣднихъ съ ней аппартаментовъ. Наступило время обѣда и вся публика принялась за закуску, когда исправникъ, на минуту вышедшій изъ столовой для какихъ-то приказаній, открылъ убѣжище Подосиновика, еще не проснувшагося, въ такомъ опасномъ сосѣдствѣ. Онъ попробовалъ поднять его съ дивана; капитанъ только зарычалъ какъ тигръ гирканскій. Минуты были дороги, передвиженіе невозможно. Наскоро кликнувъ двоихъ служителей, исправникъ велѣлъ имъ снять со спящаго Подосиновика сапоги и верхнее платье, покрыть его шинелью, загородить ломбернымъ столомъ дверь ведущую въ столовую, и уходя самъ, замкнулъ снаружи обѣ двери, черезъ которыя забулдыга могъ бы улизнуть изъ своего заточенія. Сдѣлавъ все это

и разчитывая на крѣпкій сонъ бывшаго воина, исправникъ успокоился и вернулся въ столовую, гдѣ уже всѣ размѣщались передъ трапезой.

Разчетъ нашего тучнаго блюстителя благочинія могъ назваться отличнымъ; но, къ сожалѣнію, обѣдъ затянулся чрезвычайно долго, а восторженные крики послѣ первыхъ тостовъ разбудили Подосиновика. Капитанъ щелкнулъ языкомъ, весело осмотрѣлся вокругъ, приподнялся на диванѣ, понялъ что возлѣ него, за дверьми совершается пиръ и вознамѣрился было тотчасъ же влетѣть къ гостямъ, повернуться на одной ногѣ, пропѣть какую-нибудь удалую пѣсню, однимъ словомъ совершить что-либо, по его мнѣнію, совершенно подходящее къ правиламъ всякаго оживленнаго собранія. Несмотря на вечерній сумракъ, онъ однако увидалъ что ни сапоговъ, ни платья не имѣется ни на немъ, ни по близости. Къ чести Подосиновика надо заявить, что это обстоятельство тутъ же положило преграду его веселымъ замысламъ. Идти на пиръ, не имѣя на себѣ приличной одежды не согласился бы онъ и за цѣлую бутыль старой наливки. „По крайней мѣрѣ погляжу какъ они тамъ уписываютъ,“ кротко сказалъ онъ, взбираясь на столъ, приставленный исправникомъ и направляя взоры въ большую щель между разсохшеюся дверью и не совсѣмъ ровною дверною рамой. Пышное освѣщеніе столовой, наряды дамъ, звѣзды Ивана Ивановича, богатая сервировка стола поразили зрителя, даже усилили въ его душѣ запасъ кротости. Въ это время Викторъ Петровичъ говорилъ свою рѣчь, и Подосиновикъ, не желая проронить ни одного слова, сильно налегъ животомъ на дверь, не замѣчая того какъ она поскрипываетъ и подается. Ораторъ Краснопольскій совершенно поразилъ и отуманилъ его. „Каково откалываетъ? говоритъ самъ себѣ Подосиновикъ. Ни одного крестика на груди нѣтъ, а глядитъ страшнѣе всякаго генерала. Не хотѣлъ бы я попасть къ нему въ руки, да и вообще радъ что не попалъ на обѣдъ, а сижу себѣ въ безопасности за дверью...“ Но посредн такого размышленія, дверь не выдержала тягости на нее налегшей. Замокъ отскочилъ, обѣ половинки стремительно распахнулись какъ створы градскихъ воротъ, сбитыхъ Гекторомъ, и бѣдный наблюдатель пира ринулся съ высоты стола и покатился подъ ноги пирующимъ.

Смятеніе поднялось страшное, но оно продолжалось не-

долго. Иринѣ Егоровнѣ одна дама дала понюхать, въ маленькомъ флакончикѣ, такой чертовщины, что она быстро очнулась и чихнула три раза не хуже Ивана Петровича. Гости, едва удерживавшіеся отъ хохота, дали волю своему веселью; исправникъ бросился было изгонять Подосиновика, но въ томъ не настояло надобности. Капитанъ самъ вскочилъ на ноги, и по счастливому стеченію обстоятельствъ, прежде всего кинулъ взоры на удивленное, холодное и строгое лицо его превосходительства Виктора Петровича. При этомъ видѣ вся остальная храбрость изъ него выскочила; онъ пустился бѣжать въ припрыжку, миновалъ двери, въ передней вытребовалъ свои сапоги, и не добиваясь остальнаго, даже не надѣвъ сапогъ, пустился вдоль по улицѣ.

Всѣ хохотали, но Михайло Егоровичъ и нѣкоторые изъ друзей его riaient jaune, по выраженію изящныхъ петербургскихъ чиновниковъ. По счастію, князь Туманскій, которому замѣчательный и врожденный тактъ замѣнялъ многія достоинства ума и образованія, поднялъ голосъ и произнесъ кратчайшую изъ спичей, совершенно кстати: „Нашъ дорогой гость, началъ онъ, глазами указывая на Виктора Петровича, прерванъ былъ неожиданно на томъ самомъ мѣстѣ рѣчи, гдѣ онъ вызывалъ на судъ общества всѣхъ противниковъ новыхъ мировыхъ учрежденій. Посреди общаго сочувствія, изъ боковой двери вылетѣлъ незнакомецъ скандалезнаго вида, вылетѣлъ не для спора, а только затѣмъ чтобы растянуться у ногъ достопочтеннѣйшаго оратора. Лучшаго ничего онъ не могъ выдумать: я пью за его здоровье и позволяю себѣ пожелать чтобъ и другіе, болѣе серіозные противники, нашли себѣ такую же участь.“

— Браво, браво, браво! закричали всѣ, а Михаилъ Егоровичъ обнялъ князя и снова заплакалъ такими радостными слезами, что обѣдъ кончился посреди веселія и чувствительнѣйшихъ изліяній.

С. БЕЗЫМЕННЫЙ.

ПЕРЕДЪ БАРЕЛЬЕФОМЪ.

(Подражаніе А. Шенье.)

Смотрите—грозный быкъ плыветъ въ пучинѣ водъ
Онъ дѣву на хребтѣ прекрасную несетъ,
И дѣва робкая дрожащими руками
Схватилась за рога; глаза полны слезами;
Въ чертахъ ея мольба, смятеніе, испугъ...
Она въ отчаньи зоветъ своихъ подругъ...
Нога скользитъ въ волнахъ... Коса по вѣтру вьется...
А радостный пловецъ все далѣе несется.
И дѣва бѣдная боится внизъ взглянуть...
Кружится голова, тревожно дышетъ грудь,
Во взорахъ все слилось, все мчится, все мелькаетъ,
И сердце юное дрожитъ и замираетъ.
А быкъ средь грозныхъ волнъ клокочущихъ морей
Стремится дерзостно, какъ яростный Борей,
Отъ Тирскихъ береговъ къ брегамъ тѣнистымъ Крита...
Поднявшись изъ воды, царица Амфитрита
Въ недоумѣніи на бѣгъ его глядитъ,
И робкія стада стыдливыхъ Нереидъ
Укрылись въ тростники, и съ трепетомъ оттуда
Глядятъ на дивное, невиданное чудо.

Хвала художнику! Безплотную мечту
Онъ въ очью воплотилъ въ гранитную плиту,
И силѣ творческой рѣзецъ его послушный
Далъ душу и языкъ матеріи бездушной.
Вглядитесь: этотъ быкъ—онъ богъ, онъ самъ Хронидъ!
Смотрите—молнія въ глазахъ его горитъ;
Въ нихъ мощь спокойная верховной царской власти
И сила грозная упрямой, бурной страсти.

Въ семъ чудномъ образѣ отецъ и царь боговъ
Предсталъ предъ дѣвою близь Тирскихъ береговъ,
Любовью тайною къ красамъ ея пылая пылая;
Онъ къ ней ласкается, и дѣва молодая
Сперва бѣжитъ его, пугается... Потомъ
Смѣется; какъ дитя, любуется быкомъ
И гладитъ по спинѣ, какъ смирнаго ягненка...
И вдругъ, съ веселостью игриваго ребенка
И съ звонкимъ хохотомъ схвативъ его за рогъ,
Вспорхнула на него, какъ быстрый мотылекъ,—
И быкъ, какъ бѣшеный рванулся, и стрѣлою
Помчался къ берегу съ добычей дорогою,
Побѣдой, страстію и счастьемъ обуянъ;
Примчалъ,—и ринулся въ шумящій океанъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

1862 г. 15-го іюня.

ЯЗЫКЪ ФИЗІОЛОГОВЪ И ПСИХОЛОГОВЪ [1]

Физіологія обыденной жизни. Соч. Г. Г. Льюиса. Перев. съ англійскаго Борзенкова и Рачинскаго. Т. I. II. Москва 1861—62 г.

„Ни одно ощущеніе не заканчивается само въ себѣ; но должно разрѣшиться или въ какое-нибудь вторичное ощущеніе, или въ импульсъ къ движенію. Въ большинствѣ случаевъ и то и другое имѣетъ мѣсто“ (46). Таковъ новый законъ чувствительности. Если брать его въ общемъ значеніи, то это одна изъ безспорныхъ истинъ естествознанія. Ощущеніе, какъ и всякое явленіе, не имѣетъ въ себѣ самомъ своего начала, но также оно не имѣетъ въ себѣ самомъ и своего конца, слѣдовательно оно не замыкается само въ себѣ ни съ той, ни съ другой стороны: оно есть событіе возникшее изъ опредѣленныхъ условій и есть условіе возникающихъ изъ него событій. Такъ мы уже выше показали, что ощущеніе или измѣняетъ наше общее чувство, или производитъ формальное вліяніе на теченіе нашихъ мыслей, или обогащаетъ насъ новымъ знаніемъ. „Ощущенія, говоритъ также Льюисъ, возбуждаютъ другія ощущенія, идеи порождаютъ новыя идеи“ (171). Только, чтобъ этотъ новый законъ чувствительности былъ плодотворенъ для объясненія явленій ду-

[1] См. *Русск. Вѣстн.* №№ 4 и 5.

шевной и органической жизни, нужно еще показать, какія обстоятельства понуждаютъ ощущеніе разрѣшиться въ разныя, отличныя отъ него явленія, почему ощущеніе переходитъ здѣсь въ движеніе членовъ тѣла, тамъ въ ощущеніе вторичное, а въ большинствѣ случаевъ—въ то и другое. Льюисъ полагаетъ, что „ощущеніе обыкновенно разрѣшается путемъ удобнѣйшимъ“ (48), и доказываетъ, что этотъ удобнѣйшій путь есть во всякомъ случаѣ физіологическій. Тамъ, „гдѣ мышечное сокращеніе представляетъ легчайшій, удобнѣйшій путь исхода для ощущенія, всякій стимулъ производитъ рефлективныя дѣйствія“ (47, 48). Но можетъ статься, что, по связи нервныхъ узловъ, для ощущенія удобнѣе будетъ возбуждать не нервъ движенія, а какой-нибудь нервный узелъ, и тогда оно разрѣшится не въ рефлективное дѣйствіе, а въ новое, „во вторичное“ ощущеніе. „Это рефлективное чувствованіе можетъ въ свою очередь разрѣшиться въ дѣйствіе, или еще въ другое чувствованіе“ (47, 169). „Вторичное ощущеніе, замѣчаетъ при этомъ Льюисъ, я называю рефлективнымъ чувствованіемъ, желая указать на сходство его, какъ *физіологическаго процесса*, съ рефлективнымъ дѣйствіемъ“ (47).

Если законъ чувствительности, представленный Льюисомъ, и можно назвать новымъ, то задачи, которыя онъ долженъ бы порѣшить, далеко не новы. Въ физіологіи съ давнихъ поръ дѣлаются попытки привязать каждое ощущеніе, каждое представленіе, каждую идею, вообще всѣ направленія, положенія и формы нашего сознанія къ опредѣленнымъ нервнымъ центрамъ, какъ различныя дѣятельности къ ихъ носителямъ. Въ началѣ нашего столѣтія, вѣнскій физіологъ Галль развилъ теорію (краніологію, органологію, или френологію), которая для каждой психической формы указывала соотвѣтствующій органъ въ головномъ мозгѣ. Онъ предполагалъ, что моральныя и умственныя способности прирождены человѣку, какъ инстинкты животныхъ, и съ другой стороны, что головной мозгъ не есть общій органъ животной жизни, но что онъ представляетъ сумму отдѣльныхъ и самостоятельныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый носитъ въ себѣ опредѣленную форму душевной жизни. Такимъ образомъ душа будетъ имѣть различныя способности, наклонности и страсти, будетъ обнаруживать различныя моральныя и интеллектуальныя качества, бу-

детъ разсуждать глупо или умно, дѣйствовать честно или подло, смотря потому какіе мозговые органы развиты и какіе нѣтъ, или какіе изъ этихъ органовъ выросли, вслѣдствіе того что къ мѣсту гдѣ они расположены притекали достаточныя питательныя средства, и какіе не выросли или не доросли, вслѣдствіе бѣднаго притока питательныхъ веществъ къ ихъ мѣсту. Ученикъ Галля, Шпурцгеймъ, развилъ органологію до подробностей, которыя даже на первый взглядъ должны показаться странными. Ему удалось, напримѣръ, найдти особенные мозговые органы для любви къ дѣтямъ, для побужденій къ воровству, къ убійству, также мозговые органы, отъ которыхъ зависитъ явленіе спѣси, тщеславія, справедливости, надежды, религіозности, вѣры въ чудеса и т. д. Онъ былъ слишкомъ счастливъ въ своихъ наблюденіяхъ и находилъ, напримѣръ, что матери, которыя убивали своихъ дѣтей или вытравляли зародыши, не имѣли на черепѣ шишекъ соотвѣтствовавшихъ органу любви къ дѣтямъ, и значитъ, не имѣли самаго органа. Также черепа воровъ и убійцъ никогда не представляли ему возвышеній, которыя свидѣтельствовали бы о томъ, что въ ихъ мозгу помѣщались когда-то органы справедливости, общительности и т. д.

Въ наше время это ученіе брошено: оно размѣщало формы душевной жизни на мозгу, какъ на ландкартѣ, и приписывало самостоятельный характеръ такимъ внутреннимъ явленіямъ, которыя выходили изъ осложненія и видоизмѣненія немногихъ основныхъ представленій, чувствованій и стремленій. Какой особенный мозговой органъ нуженъ, напримѣръ, для побужденія къ воровству, для любви къ дѣтямъ, для чувства справедливости? И если одна умная общественная мѣра, напримѣръ, постановленіе, которое обезпечиваетъ собственность и свободный трудъ, или даже постановленіе относительно продажи вина и устройства кабаковъ уменьшаетъ число воровъ и увеличиваетъ число честныхъ работниковъ; то, безъ сомнѣнія, никто не станетъ воображать, что такая мѣра произвела перемѣну въ мозговыхъ органахъ. Теорія, которая говоритъ, что одинъ человѣкъ раждается воромъ, другой—справедливымъ, третій—набожнымъ, ничего не объясняетъ; она считаетъ простымъ произведеніемъ природы то что происходитъ только вслѣдствіе связи многихъ дѣй-

ствительно простыхъ элементовъ и что исчезаетъ безъ слѣда, какъ только эта связь разрѣшается. Наша душевная жизнь въ своемъ началѣ очень бѣдна, проста и не разнообразна: только воспитаніе, образованіе, развитіе, зависящее отъ ея взаимнодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ, раждаетъ тѣ многочисленныя и сложныя формы, которыя мы находимъ въ зрѣлой душѣ и которыя поэтому не изготовляются особыми мозговыми органами.

Но и въ наше время физіологи и психологи убѣждены, что различныя части мозговой массы играютъ не одинаковую роль въ судьбѣ душевной жизни. Даже обыкновенный смыслъ повидимому знаетъ, что въ мозгу есть органы, отъ развитія которыхъ зависитъ особенное совершенство тѣхъ или другихъ душевныхъ способностей. Высокому челу мы приписываемъ большія умственныя дарованія. По складу головки новорожденнаго ребенка, бабушки стараются предсказать его будущее душевное развитіе и опредѣлить количество совершенствъ и счастія, которыми онъ будетъ пользоваться. Поэтъ, прежде чѣмъ знакомить насъ съ характеромъ и страстями своего героя, описываетъ намъ его физіономію, указываетъ на особенности, которыя выдаются въ устройствѣ его головы и лба, даетъ намъ насмотрѣться на него,, предполагая что наружность героя, формы его головы и лба сами собою указываютъ на то, какова должна быть душа героя и какихъ дѣйствій можно ожидать отъ него въ теченіи романа. Но если отъ этой обычной символики мы обратимся къ изслѣдованіямъ физіологіи о значеніи различныхъ частей мозга для душевной жизни, то здѣсь мы не найдемъ ни одной теоріи, которая заслуживала бы общее одобреніе. Правда, общую территорію мозга раздѣлили физіологи довольно согласно на нѣсколько провинцій; такъ, когда дѣло идетъ объ умѣ, о способности соображать положеніе и измѣненіе внѣшнихъ вещей, почти всѣ голоса говорятъ о переднемъ большомъ мозгѣ, какъ объ органѣ этой способности. Но въ попыткахъ указать опредѣленную роль другимъ частямъ мозга, или привязать другія душевныя дѣятельности къ опредѣленнымъ органамъ, мы встрѣчаемъ разногласіе, которое повидимому доказываетъ или то, что время для разрѣшенія этого вопроса еще не пришло, или что этотъ вопросъ и не можетъ быть рѣшенъ удовлетворитель-

нымъ образомъ. Воззрѣнія на этотъ предметъ, отличающіяся законченностію и полнотою и заслужившія общую извѣстность, принадлежатъ Карусу и Флурансу.

Карусъ находитъ, что три первичные или зародышные мозговые шарика составляютъ съ постепеннымъ развитіемъ переднюю массу мозга или полушарія, среднюю или четверохолміе, и заднюю или мозгъ малый. Сравнительная анатомія и физіологія убѣдили его, что первая часть служитъ органомъ представленій, познанія, воображенія; вторая—органомъ образовательной дѣятельности души и общихъ жизнечувствованій, въ которыхъ отражается эта дѣятельность; наконецъ, малый мозгъ есть органъ побужденій, влеченій, инстинктовъ, пожеланій, особенно половаго вожделѣнія. Опредѣленный строй душевной жизни каждаго отдѣльнаго лица зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ развиты у него эти органы и насколько одинъ изъ нихъ преобладаетъ надъ другими. Но это же физіологическое обстоятельство раздѣляетъ и цѣлый человѣческій родъ на три большія расы, кавказскую, монгольскую и эѳіопскую. Народы кавказскіе, „дневные“, историческіе, мыслящіе, художественные, призванные повидимому къ безпредѣльному совершенствованію, отличаются хорошо развитымъ переднимъ мозгомъ. Народы эѳіопскіе, „ночные“, увлекаемые необузданными инстинктами и страстями, не поднимающіеся до самообладанія, до разума и человѣческой гражданственности, имѣютъ своимъ характеристическимъ признакомъ преобладающее развитіе малаго мозга. Какъ господствующимъ развитіемъ среднихъ частей мозга, такъ и среднимъ достоинствомъ отличаются народы монгольскіе, „сумеречные“, создавшіе Срединное царство, способные къ упорному труду, къ искусству и знанію, но не обнаруживающіе тѣхъ высшихъ, идеальныхъ порывовъ духа и тѣхъ доблестей характера, которые даютъ особенную цѣну исторіи кавказской породы.

Флурансъ надѣялся рѣшить вопросъ о значеніи различныхъ частей мозга для душевной дѣятельности на основаніи точныхъ физіологическихъ опытовъ. Онъ сносилъ у животныхъ различныя части мозга постепенно, и такимъ образомъ лишалъ ихъ то одной, то другой душевной способности. Изъ такихъ опытовъ онъ убѣждался, что большой мозгъ есть исключительный органъ ощущенія, воли и всѣхъ инстинктовъ, что мозгъ малый есть органъ, согла-

сующій мышечныя движенія, или приводящій ихъ въ равновѣсіе, какое необходимо для того чтобы животное могло стоять, ходить, летать и т. д.; наконецъ мозгъ продолговатый есть настоящій органъ жизни: въ немъ помѣщается какъ бы жизненный узелъ, съ разрушеніемъ котораго животное умираетъ мгновенно. Вообще, говоритъ Флурансъ, „большой мозгъ *чувствуетъ* и *хочетъ;* продолговатый мозгъ и спинной мозгъ *исполняютъ*, мозжечокъ *согласуетъ*.“ Подробное изложеніе и разборъ выводовъ, сдѣланныхъ Флурансомъ изъ своихъ наблюденій, можно найдти у Льюиса (86—120), который впрочемъ не соглашается съ этимъ физіологомъ уже потому что Флурансъ, какъ и бо́льшая часть физіологовъ, не въ каждомъ, наудачу взятомъ нервномъ центрѣ, находитъ способность ощущенія и сознательности.

Личныя свои наблюденія и основанныя на нихъ воззрѣнія Льюисъ сокращаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: „отправленія продолговатаго мозга, говоритъ онъ, состоятъ въ содѣйствіи дыхательнымъ и многимъ другимъ рефлективнымъ дѣйствіямъ. Отправленія мозжечка остаются до сихъ поръ неопредѣленными. Отправленія мозговыхъ полушарій состоятъ въ умственной дѣятельности и душевныхъ движеніяхъ“ (124). Итакъ, во всякомъ случаѣ мозговыя полушарія нужно бы считатать органомъ всѣхъ формъ и явленій сознательности, какъ это и утверждаетъ большинство физіологовъ. Въ другомъ мѣстѣ (96), Льюисъ сводитъ къ умственной дѣятельности и душевнымъ движеніямъ всѣ психическія явленія, помѣщая въ первой группѣ ощущенія, воззрѣнія и идеи, а во второй—ощущенія, инстинкты, или позывы, и душевныя движенія. Но если органомъ всѣхъ этихъ формъ онъ считаетъ мозговыя полушарія, то казалось бы, что уже нѣтъ возможности приписывать всѣмъ нервнымъ центрамъ способность ощущенія и сознанія. Однако же Льюисъ замѣчаетъ, что всѣ три части мозга, которыя мы назвали выше, обладаютъ чувствительностію, что всѣ онѣ должны считаться органами духа, что всѣ онѣ содѣйствуютъ общей сознательности, наконецъ, что и всѣ остальныя части нервной системы представляютъ другія, особенныя формы сознательности (124). Противорѣчіе, заключающееся въ этихъ положеніяхъ, можно бы устранить замѣчаніемъ, которое такъ знакомо психологіи

идеализма, и которое само собою навязывается тому, кто убѣжденъ, что душа есть жизненная сила тѣла. Какъ нельзя серіозно утверждать, что тѣло есть сумма органовъ и ничто болѣе, какъ въ тѣлѣ кромѣ органовъ, имѣющихъ нарочитое отправленіе и рѣзко отличающихся другъ отъ друга, есть еще основная, не разложенная на особенные органы масса клѣточекъ (паренхимъ), какъ всѣ опредѣленные органы тѣла можно бы считать только мѣстнымъ обособленіемъ этой безразличной массы, такъ и въ душевной жизни было бы легко различить общее, безразличное психическое основаніе и частныя обособленныя психическія явленія, которыя возникаютъ изъ него. Каждая часть нервной сестемы была бы носителемъ того психическаго зерна, которое пока еще не имѣетъ опредѣленнаго цвѣта, а мозговыя полушарія были бы носителями цвѣтовъ и плодовъ, выростающихъ изъ этого зерна. Говоримъ, что это различіе между безсознательнымъ, безразличнымъ основаніемъ душевной жизни и ея опредѣленными сознательными формами примиряло бы противорѣчіе, заключающееся въ физіологическомъ ученіи Льюиса, который съ одной стороны видитъ въ мозговыхъ полушаріяхъ органъ умственной дѣятельности и душевныхъ движеній, а съ другой находитъ, что и всѣ нервные центры должны считаться органами сознательности. Въ этомъ случаѣ новый законъ чувствительности, законъ, не позволяющій ощущеніямъ замыкаться въ себѣ самихъ, но заставляющій ихъ возбуждать другіе нервные центры и разрѣшаться въ другія ощущенія, только означалъ бы, что различные нервные центры имѣютъ не одинаковую психическую энергію, и что ощущеніе, возбужденное въ какомъ-нибудь центрѣ, достигаетъ полной энергіи, а вслѣдствіе этого и полной сознательности, только тогда, когда оно дойдетъ по лѣстницѣ посредствующихъ центровъ до мозговыхъ полушарій. Собственно около этой мысли и вращается психологическое ученіе Льюиса. „Въ оптическомъ центрѣ, говоритъ онъ, свѣтъ *ощущается*, въ большомъ мозгѣ *замѣчается*. Когда ощущеніе доходитъ до большаго мозга, оно становится или умственнымъ процессомъ, или душевнымъ движеніемъ; мы или мыслимъ о вещахъ, или испытываемъ душевныя потрясенія“ (94). Такимъ образомъ ученіе Льюиса, что всѣ мозговые центры чувствительны, не имѣло бы на психологію ни-

какого замѣтнаго вліянія: оно болѣе удовлетворяло бы нашему любопытству нежели помогало бы намъ объяснять опредѣленныя явленія душевной жизни. Довольно, что и для Льюиса, какъ для бо́льшаго числа физіологовъ, мозговыя полушарія служатъ органомъ всѣхъ душевныхъ явленій, о существованіи которыхъ мы знаемъ заподлинно изъ нашего внутренняго опыта: а затѣмъ, если есть нѣкоторыя основанія размѣщать душевную жизнь по всей широтѣ и долготѣ голово-спиннаго мозга, то во всякомъ случаѣ эта жизнь будетъ представляться нашему воображенію какъ нѣчто общее, какъ безразличное основаніе душевныхъ явленій. Такъ естествоиспытатель можетъ различать міръ опредѣленныхъ вещей и тотъ космическій туманъ, который наше воображеніе полагаетъ далеко позади этого міра, какъ первичную форму его существованія.

Каково бы ни было частное ученіе Льюиса, оно касается вопроса, въ которомъ легче всего можетъ произойдти разногласіе между физіологіей и психологіей. Привыкая относить каждое измѣненіе, каждое движеніе къ вещи, которая измѣняется и движется, физіологи очень часто предполагаютъ, что и каждое душевное измѣненіе, каждая мысль, фантазія, непремѣнно исходятъ изъ какого-нибудь нервнаго центра, и что вообще для всѣхъ душевныхъ движеній и состояній находятся въ мозгѣ, или въ его передней части, соотвѣтствующіе носители. Льюисъ называетъ всѣ умственные процессы и душевныя движенія мозговыми ощущеніями (94). Какъ мы видѣли, онъ доказываетъ, что это ощущенія вторичныя, или рефлективныя, что онѣ происходятъ, когда ощущеніе, возбужденное въ какомъ-нибудь центрѣ, рефлектируется на головной мозгъ и возбуждаетъ его центры, и что въ этихъ случаяхъ ощущеніе избираетъ путь удобнѣйшій въ физіологическомъ отношеніи. Какое заключеніе выведу я изъ сравненія наблюдаемыхъ явленій, какія мечты проснутся во мнѣ, когда я свижусь послѣ долгой разлуки съ моимъ лучшимъ другомъ, какимъ разчетомъ и соображеніемъ я буду руководствоваться во время прогулки, когда увижу, что далѣе дорога, по которой иду я, пересѣкается высокою оградой, домомъ или большимъ рвомъ; также какая поэма или картина мнѣ понравится и какая нѣтъ, какой поступокъ покажется мнѣ честнымъ и какой безчестнымъ, когда при встрѣчѣ съ

незнакомымъ лицомъ пробудится во мнѣ довѣрчивость и когда—подозрительность: все это будетъ зависѣть отъ взаимнодѣйствія нервныхъ центровъ, все это будетъ зависѣть отъ того, въ какомъ физіологическомъ направленіи будутъ разрѣшаться свѣжія, первоначальныя ощущенія, какой путь изберутъ они, пробѣгая до мозга, и на какіе мозговые центры они подѣйствуютъ. Еслибы дѣйствительно таково было отношеніе между жизнію душевною и центральными органами, тогда эта жизнь была бы совершенно празднымъ явленіемъ на почвѣ мозга; въ ней только повторялись бы пассивно процессы, которые уже произошли въ нервныхъ центрахъ. Но что это предположеніе несовмѣстно съ простыми данными психологіи, можно убѣдиться немногими примѣрами. Представимъ себѣ, что нѣсколько человѣкъ отправились въ одно время за городъ, на дачу: всѣ глаза, какіе тутъ были, получали впечатлѣнія роскошной растительности, разнообразной игры красокъ, и охотно останавливались на лучшихъ ландшафтахъ; всѣ носы втягивали въ себя ароматическій запахъ цвѣтовъ; всѣ уши были пріятно возбуждаемы неопредѣленною музыкой насѣкомыхъ; кожа доставляла всѣмъ ощущенія воздуха мягкаго, теплаго, располагающаго къ нѣгѣ. Всѣ получили одинаковыя впечатлѣнія; всѣ имѣли одинаковые начальные пункты для дѣятельности фантазіи или мышленія. Однакоже мысли и мечты у нихъ пошли по направленіямъ, различнымъ до безконечности. Одинъ сталъ думать объ урожаѣ, какого можно ожидать въ этомъ году, вспомнилъ неурожаи прошлыхъ годовъ, принялъ участіе въ положеніи земледѣльческаго люда въ Россіи, задумался надъ отношеніемъ этого класса къ классу промышленному, отсюда перешелъ къ политической экономіи, началъ сравнивать разныя теоріи и можетъ-быть порѣшилъ повѣрить ихъ на фактахъ или примѣнить ихъ къ особеннымъ условіямъ русскаго быта. На лицѣ эти мысли выражались отпечаткомъ спокойствія и серіозности. Другой сталъ рисовать въ своемъ воображеніи контрастъ между жизнію сельскою и городскою, пришелъ даже въ легкую досаду отъ того, зачѣмъ обстоятельства заставляютъ его жить въ городѣ, гдѣ столько пыли и книгъ, гдѣ нѣтъ ни свѣжаго воздуха, ни свѣжихъ людей, гдѣ такъ безпощадно трутся другъ о друга самолюбія, и гдѣ вся жизнь есть толкотня, тревога, война всѣхъ противъ всѣхъ,

война за деньги, за чины, за связи, за выгодныя мѣста, вспомнилъ Виргиліевы *Георгики*, вспомнилъ мечтанія Руссо, и почти согласился съ этимъ философомъ, что человѣкъ мыслящій, человѣкъ городской, есть испорченное животное. Результатомъ этихъ размышленій было выраженіе лица нѣсколько грустное и усталое. Третій вспомнилъ прежнія встрѣчи и мечталъ о счастливой будущности, и эту тему варіировалъ на тысячу ладовъ, оплодотворяя ее неисчислимымъ множествомъ представленій. Лицо его было свѣтлое, даже улыбающееся. Можно ли сказать, что всѣ эти процессы были условлены возбужденіями физіологическихъ органовъ? Вопервыхъ, въ каждомъ изъ трехъ случаевъ свѣжія ощущенія вызывали мечты и мысли сообразныя съ прошедшею исторіей человѣка, съ его интересами, занятіями, общественнымъ положеніемъ и образованіемъ. Слѣдовательно, ощущенія разрѣшались здѣсь въ мысли путемъ удобнѣйшимъ въ отношеніи психологическомъ, а не физіологическомъ. Безъ этой передвижки ощущеній по путямъ удобнѣйшимъ въ отношеніи психологическомъ, художественное воспроизведеніе характеровъ, которые во всѣхъ положеніяхъ и при самыхъ различныхъ обстоятельствахъ оказываются вѣрны самимъ себѣ и въ которыхъ свѣжія ощущенія вызываютъ мысли и чувства всегда сообразныя съ ихъ постоянными стремленіями и интересами, было бы необходимо признать древнѣйшею и новѣйшею ложью поэзіи. Вовторыхъ, еслибы каждое изъ необозримаго множества представленій, которыя поднимаются въ сознаніи по поводу немногихъ свѣжихъ ощущеній, происходило вслѣдствіе прямаго и непосредственнаго возбужденія мозговаго центра, тогда для самой бѣдной души понадобилась бы масса мозга, которая своею величиной, быть-можетъ, равнялась бы Альпамъ. Согласитесь только, что каждый первный центръ есть величина пространственная, и попробуйте сдѣлать въ вашемъ воображеніи приблизительное исчисленіе, какое пространство понадобилось бы для мозга, который заключалъ бы въ себѣ центры для всѣхъ „умственныхъ процессовъ и душевныхъ движеній“, для всѣхъ представленій, воспоминаній, фантазій, идей, также для всѣхъ страстей, наклонностей, душевныхъ потрясеній, стремленій, желаній, намѣреній, плановъ дѣятельности и наслажденія. Изъ того, что

существуютъ центры, возбужденіемъ которыхъ условливаются спеціальныя ощущенія красокъ, тоновъ и т. д., мы не можемъ заключать, что есть такіе же особенные мозговые центры для сужденій, понятій, умозаключеній. Оптическій центръ поможетъ вамъ образовать представленія объ опредѣленномъ числѣ цвѣтовъ: но вы можете исходить всѣ углы міра, смотрѣть и наблюдать все и вездѣ, и этотъ центръ не обогатитъ васъ знаніемъ ни одного новаго цвѣта. Также если ваше ухо различаетъ нынѣ двѣнадцать октавъ тоновъ, то эту же самую сумму знаній оно будетъ доставлять вамъ и всегда, какъ бы ни поднялось ваше умственное развитіе. Итакъ знаніе, данное въ этихъ ощущеніяхъ, отмѣрено вамъ въ опредѣленномъ числѣ постояннымъ устройствомъ мозговыхъ органовъ, и въ этомъ отношеніи геніальная голова ничѣмъ не отличается отъ головы обыкновенной: какъ число центровъ и ихъ устройство, такъ и сумма представленій, зависящихъ отъ ихъ раздраженія, равны въ той и другой головѣ. Ничего подобнаго нельзя сказать о воспоминаніяхъ, фантазіяхъ, мысляхъ, о способности комбинировать ощущенія, судить о нихъ, сравнивать ихъ одно съ другимъ и т. д., человѣческія головы, которыя, конечно, устроены по одному и тому же типу, разнятся здѣсь до безконечности, и умственные процессы того же человѣка въ позднѣйшую пору его развитія такъ не похожи на умственные процессы, которые совершались въ немъ во время душевной незрѣлости, что это различіе пришлось бы объяснять изъ совершеннаго преобразованія мозга, если бы мы все еще хотѣли считать эти процессы за мозговыя ощущенія. Но мы видимъ здѣсь, что этимъ процессамъ не достаетъ всѣхъ тѣхъ качествъ, которыми отличаются элементарныя представленія, зависящія отъ возбужденія нервныхъ центровъ.

Возьмите и еще два состоянія: съ одной стороны ощущеніе зубной боли, холода и жара, съ другой—мысль о зубной боли, о холодѣ, о жарѣ. Въ первомъ случаѣ вы испытываете органическое потрясеніе; вы не знаете, куда вамъ дѣваться отъ пытки причиняемой этими ощущеніями: не справляясь съ физіологіей, вы убѣждаетесь, что эти душевныя состоянія зависятъ отъ возбужденій мозга. Но когда вы имѣете только мысли объ этихъ ощущеніяхъ, думаете о нихъ, изучаете ихъ, вы хорошо знаете, что отъ мысли о зубной боли вамъ

не больно, мысль о холодѣ не холодна, мысль о жарѣ не жжетъ васъ. Вы находитесь въ области простаго и безучастнаго знанія, куда не простирается потрясеніе, свойственное ощущенію, и гдѣ нѣтъ ничего патологическаго. Ежедневные опыты доказываютъ, что это знаніе теряетъ всѣ свои характеристическія качества, какъ только нервные центры начинаютъ предлагать ему свои услуги. Когда къ нашему воспоминанію и мышленію присоединяются возбужденія мозга, тогда воспоминаніе и мышленіе превращаются въ ощущеніе и въ воззрѣніе. Такъ происходятъ ложныя видѣнія, фантасмы, галлюцинаціи. Подъ этимъ же условіемъ и во снѣ представленія превращаются въ настоящіе образы, которые какъ бы стоятъ передъ нами, будто дѣйствительныя вещи. Къ состоянію мечтаній, видѣній, галлюцинацій, человѣкъ приближается каждый разъ, какъ только его тѣлесный организмъ испытываетъ сильное и ненормальное возбужденіе: мозговые центры, приходя въ дѣятельность, переводятъ общія понятія на частные образы; изъ мыслей дѣлаютъ вещи, изъ ожиданій дѣйствительныя событія. Человѣческій родъ, котораго благополучію, конечно, нельзя позавидовать, нашелъ въ этомъ физіологическомъ фактѣ источники отдыха и успокоенія отъ неблагодарной борьбы съ упорною дѣйствительностью. Можно всегда пожить нѣкоторое время въ такомъ мірѣ, какой необходимъ для нашего счастія. Можно въ самомъ дѣлѣ видѣть, какъ наши желанія исполнились, какъ наши надежды совершились; для этого стóитъ только возбудить до значительной степени дѣятельность нервныхъ центровъ, и тогда простое содержаніе нашихъ мыслей предстанетъ намъ болѣе или менѣе отчетливо въ формѣ вещей, и наши ожиданія окажутся осуществленными. Нѣтъ нужды прибавлять, что какъ нравственность, такъ и разчетъ на счастіе прочное, протестуютъ противъ такого рода удовольствій, покупаемыхъ цѣной здраваго и свѣтлаго сознанія.

Справедливо, что никакой геній не можетъ пріобрѣсти знанія даннаго въ элементарныхъ ощущеніяхъ, если мозговые центры своимъ возбужденіемъ не представятъ душѣ повода къ порожденію этого знанія. Справедливо, что если элементарное ощущеніе не дано, не навязано намъ возбужденіями мозга, то вымыслить его, какъ-нибудь построить его, мы не можемъ. Участіе нервныхъ центровъ въ проис-

хожденіи этого элементарнаго знанія выше всякаго сомнѣнія. Но уже то замѣчательное обстоятельство, что изъ ощущеній, возникающихъ въ душевной жизни, мы построеваемъ міръ вещей, раскинутыхъ во внѣшнемъ для насъ пространствѣ, должно быть объясняемо изъ особеннаго внутренняго соотношенія ощущеній, а не изъ возбужденія нервныхъ центровъ. Мы не будемъ объяснять здѣсь, какъ вообще мы знаемъ о пространствѣ и почему мы видимъ вещи въ пространствѣ, тогда какъ въ нашихъ ощущеніяхъ нѣтъ ничего пространственнаго. Довольно замѣтить, что представленіе пространства не происходитъ въ насъ прямо и непосредственно отъ физіологическихъ возбужденій, какъ напримѣръ происходятъ ощущенія красокъ и тоновъ. Всякое ощущеніе имѣетъ различныя степени напряженности: цвѣтъ можетъ быть ярче и блѣднѣе, тонъ выше и ниже. Это самая характеристическая черта всякаго знанія, которое мы пріобрѣтаемъ вслѣдствіе возбужденія нервныхъ центровъ. Но представленіе пространства не имѣетъ ровно никакихъ степеней: пространство не можетъ быть дано намъ въ степени сильнѣйшей или слабѣйшей, не можетъ потрясать насъ болѣе или менѣе, не можетъ раздражать или притуплять пріимчивость нашего глаза. Кто не занятъ спеціально философіей, тотъ можетъ найдти въ этомъ фактѣ достаточное доказательство того, что представленіе пространства не происходитъ въ насъ подобно ощущеніямъ изъ дѣйствія внѣшнихъ стимуловъ на наши органы чувствъ, и слѣдовательно изъ возбужденія нервныхъ центровъ, или что это представленіе не есть „мозговое ощущеніе,“ но что его условія лежатъ въ области психическихъ, или умственныхъ процессовъ. Но также когда общій смыслъ и многіе физіологи воображаютъ, что каждую частную вещь мы видимъ сразу и непосредственно, видимъ благодаря только тому, что различные пункты этой вещи посылаютъ отъ себя стимулы на наши чувства и возбуждаютъ дѣятельность нервныхъ центровъ; то и съ этимъ психологія не можетъ согласиться. Простое наблюденіе, что ребенокъ въ первые мѣсяцы жизни смотритъ и не видитъ то-есть, не различаетъ, не группируетъ своихъ ощущеній въ формы вещей, могло бы убѣдить насъ въ томъ, что способность видѣть вещи не объясняется единственно изъ дѣятельности нервныхъ центровъ и изъ происхожденія мозговыхъ

ощущеній. Постепенное психическое развитіе должно родить въ ребенкѣ вѣру, что въ то время, какъ его ощущенія улетаютъ, причина ихъ остается, пребываетъ, *есть*. Эту чисто формальную идею ребенокъ наполняетъ своими ощущеніями, которыя вслѣдствіе того перестаютъ быть его внутренними состояніями и дѣлаются качествами вещи, качествами того что̀ *есть*. Когда созрѣваетъ онъ до состоянія, въ которомъ онъ *видитъ* вещи, то и здѣсь видѣніе каждой частной вещи зависитъ отъ сложнаго психическаго пріема, а не просто отъ „мозговыхъ ощущеній“. Въ поле яснаго зрѣнія падаютъ, въ опредѣленный моментъ наблюденія, немногіе пункты вещи: полный образъ ея мы построеваемъ, обозрѣвая вещь, окидывая ее взоромъ. При этомъ представленія, полученныя въ предыдущія мгновенія, мы слагаемъ съ свѣжими ощущеніями мгновенія настоящаго, какъ въ свою очередь къ этимъ ощущеніямъ присоединяемъ тѣ, которыя происходятъ въ моментѣ послѣдующемъ. Итакъ мы удерживаемъ въ памяти и воспроизводимъ внутренно представленія въ то время, какъ нервные центры заняты уже другимъ дѣломъ и испытываютъ возбужденія отъ стимуловъ, подающихъ поводъ къ повторенію не тѣхъ же самыхъ представленій, а къ знанію совершенно новаго содержанія. Постепенное сложеніе представленій внутренно воспроизводимыхъ съ представленіями настоящаго мгновенія не есть внѣшнее, механическое сопоставленіе, которое дало бы намъ только мысленный или существующій въ памяти рядъ различныхъ качествъ, а не пестрый образъ вещи. Это сложеніе опредѣляется двумя важными обстоятельствами, изъ которыхъ одно зависитъ безспорно отъ дѣятельности нервныхъ центровъ. Именно если мы одну краску помѣщаемъ сверху, а другую внизу, одну грань видимъ налѣво, а другую — направо, и т. д.; то эта локализація условливается дѣятельностію нервныхъ центровъ, именно, въ настоящемъ примѣрѣ, тѣми мозговыми ощущеніями, которыя происходятъ уже не отъ впечатлѣній дѣлаемыхъ частями вещи, а отъ различныхъ движеній и положеній нашего глаза во время наблюденія. Еслибы движенія и положенія глаза не сопровождались особенными ощущеніями, которыя присоединяются къ ощущеніямъ качествъ вещи, мы не имѣли бы никакого основанія размѣщать эти качества въ различныхъ пространственныхъ от-

ношеніяхъ. Ребенокъ не видитъ вещей еще и потому что его глаза въ первые мѣсяцы жизни испытываютъ движенія слишкомъ случайныя, неровныя, перепутанныя; за такими движеніями слѣдуютъ и ощущенія, которыя могли бы руководить его въ локализаціи качествъ вещи,—смѣшанныя, пестрыя, неопредѣленныя ощущенія, которыя вынуждаютъ локализацію непрочную и измѣнчивую. Также недостаточно вѣрно локализируетъ ощущенія и человѣкъ взрослый, если его, впрочемъ, здоровые глаза имѣютъ какія-нибудь ненормальности въ движеніи. Глазомѣръ основывается на прочныхъ и, сколько возможно, постоянныхъ направленіяхъ въ движеніи глазъ, а не на большей ихъ способности различать краски и тѣни издали, какъ способность ходить не спотыкаясь зависитъ отъ равномѣрности движеній нашихъ ногъ, а не отъ ихъ силы. Но вотъ второе обстоятельство, которое показываетъ намъ, что въ локализаціи качествъ по различнымъ мѣстамъ вещи далеко не все зависитъ отъ ощущеній, возбуждаемыхъ движеніями и положеніями органовъ чувствъ, что и здѣсь есть дѣятельности и формы, не имѣющія ничего сходнаго съ „мозговыми ощущеніями“. Когда вы осматриваете вещь нѣсколько разъ и въ различныхъ положеніяхъ съ лѣва на право, сверху внизъ, съ краевъ до средины и наоборотъ, то различныя мѣста вещи раздражаютъ одни и тѣ же пункты глаза и вызываютъ въ его мускулахъ одни и тѣже движенія, и обратно ощущеніе одного и того же качества возбуждаетъ движенія глаза не одинаковыя. Еслибы качества помѣщали мы на протяженіи вещи единственно по указанію ощущеній, то въ настоящемъ случаѣ образъ вещи совершенно помутился бы въ нашемъ сознаніи, потому что одинаковыя движенія глаза подавали намъ поводъ локализировать весьма разнородныя качества въ одномъ и томъ же направленіи, а движенія глаза не одинаковыя вынуждали бы насъ видѣть одно и тоже качество на мѣстахъ совершенно различныхъ. Все это происходило дѣйствительно во время многократнаго обозрѣнія вещи: лѣвая сторона дѣлалась правою, верхняя часть превращалась въ нижнюю, ближайшая въ отдаленную; и однакоже образъ вещи остался яснымъ и постояннымъ; мы хорошо знаемъ, что это одна и та же вещь, которая не измѣнилась и не замѣнилась другою вещью, хотя красный цвѣтъ оказался на той сторонѣ,

гдѣ прежде былъ синій, а кривыя линіи помѣстились тамъ, гдѣ прежде были линіи прямыя и т. д. Что же тутъ оставалось постояннаго и неизмѣняемаго въ то время, какъ все что̀ было *ощущаемо и видимо*, все разнообразіе качествъ передвигалось въ разныхъ направленіяхъ? Оставалось постояннымъ, неизмѣняемымъ незримыя отношенія частей вещи, оставалось постоянною, неизмѣняемою неощущаемая математическая пропорціональность въ положеніи этихъ частей. Кантъ называетъ эту пропорціональность апріорною схемой чувственнаго воззрѣнія, выражая этимъ очень вѣрную мысль, что эту схему не могутъ породить нервные центры и происходящія отъ нихъ мозговыя ощущенія", и что она есть форма принадлежащая чисто умственному процессу. А между тѣмъ это незримое отношеніе частей вещи, эта неощущаемая пропорціональность ихъ положенія и составляетъ существенный, главнѣйшій элементъ нашего чувственнаго воззрѣнія. Громадное и разноцвѣтное зданіе, которое видѣли вы въ натурѣ, вы узнаете на планѣ, хотя рисунокъ можетъ быть величиною съ табакерку и хотя онъ написанъ чернымъ карандашемъ; узнаете вы потому, что остался неизмѣняемымъ главнѣйшій элементъ воззрѣнія, осталась неизмѣняемою опредѣленная пропорціональность въ положеніи и отношеніи частей его. Такимъ же образомъ вы узнаете знакомую вамъ пѣсенку, будетъ ли она спѣта на низшихъ или на высшихъ тонахъ, скорѣе или медленнѣе, нежели какъ ее спѣли вамъ въ первый разъ. „Мозговыя ощущенія," которыя вы получаете въ настоящемъ случаѣ, вовсе не тѣ, какія вы получили, когда впервые слушали пѣсенку: не тѣ тоны, не тѣ и промежутки времени, протекающіе между тонами. И однакоже вы хорошо знаете, что это та же самая пѣсенка, знаете потому что формальныя отношенія тоновъ и также формальныя отношенія промежутковъ времени остались неизмѣнны. Этотъ случай показываетъ намъ, что и форма времени не навязывается намъ дѣятельностію нервныхъ центровъ и „мозговыми ощущеніями". Дитя въ три, четыре года слышитъ тоны очень хорошо, однакоже музыки оно не слышитъ, музыкой оно не наслаждается, не интересуется: пустые интервалы между тонами не суть ощущенія, также и опредѣленную пропорціональность въ теченіи этихъ интерваловъ слышать нельзя; тутъ тре-

буется развитіе и знаніе, которое было бы способно пробѣгать разстоянія между тонами, не наполненныя ощущеніями, измѣрять эти пустыя разстоянія опредѣленною единицей времени, и такимъ образомъ построевать и воспроизводить не слышимое, не ощущаемое отношеніе тоновъ. Въ настоящемъ случаѣ, какъ и въ томъ, когда мы огромное и разноцвѣтное зданіе узнаемъ въ миніатюрномъ и безцвѣтномъ рисункѣ, главнымъ элементомъ нашего чувственнаго воззрѣнія оказывается сознаніе закона, по которому построевается вещь, сознаніе постоянныхъ отношеній между частями вещи, сознаніе способа ихъ взаимной связи: вотъ почему простая перемѣна ощущеній еще не вынуждаетъ насъ признать, что мы видимъ вещь другую, или что мы слышимъ пѣсенку другую.

Мы занимались, можетъ-быть, слишкомъ долго физіологическимъ ученіемъ о томъ, что умственные процессы суть мозговыя ощущенія, и что они происходятъ, когда возбуждаются нервные центры передняго мозга. Мы показали, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это возбужденіе бываетъ, умственный процессъ сразу превращается въ ощущеніе, котораго качества хорошо извѣстны намъ и которое не имѣетъ ничего сходнаго съ мышленіемъ, воспоминаніемъ, съ умственнымъ знаніемъ. Также мы хотѣли доказать, что дѣлать топографическое размѣщеніе мыслей на поверхности мозга и заставлять ихъ встрѣчаться, соединяться, сходиться и расходиться на какихъ-то физіологическихъ путяхъ сообщенія, для всего этого нѣтъ ни физіологическихъ, ни психологическихъ основаній. Наконецъ анализомъ чувственнаго воззрѣнія мы хотѣли опредѣлить границы, очевидно отдѣляющія мозговыя ощущенія отъ умственныхъ процессовъ, и здѣсь мы встрѣтились съ психологическимъ ученіемъ, которое доказываетъ, что уже и наше обыкновенное воззрѣніе *идеально*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, мы хотѣли разсматривать ощущенія съ той точки зрѣнія, съ которой мы обыкновенно смотримъ на всѣ окружающія насъ вещи. Если дѣятельность мозга разъ содѣйствовала рожденію ощущеній, то можно бы подумать, что эти ощущенія и сами имѣютъ способность раждать, именно раждать новыя явленія душевной жизни. Говоримъ, что этотъ взглядъ мы считаемъ выше всякаго сомнѣнія, когда дѣло идетъ объ изъясненіи явленій, данныхъ во внѣшнемъ опытѣ. Итакъ

слѣдуетъ предположить, что происшедшія ощущенія, вступая между собою во внутреннія связи, въ различныя отношенія взаимнодѣйствія, произведутъ явленія, которыхъ не могли породить возбужденія нервныхъ центровъ, явленія, которыя уже никакъ не подходятъ подъ понятіе „мозговыхъ ощущеній“. Совокупность такихъ явленій, которыя не нуждаются непосредственно въ особенныхъ мозговыхъ центрахъ, извѣстна подъ именемъ умственныхъ процессовъ. Льюисъ очень хорошо знаетъ, что „мозговыя ощущенія“ даютъ содержаніе недостаточное даже и для того, чтобы построить изъ него представленіе о вещи. Онъ говоритъ, что „пальцы не осязаютъ того предмета, къ которому они прикасаются“ (251), что дитя, получая совершенно нормальныя ощущенія, не въ состояніи построить изъ нихъ образъ вещи, потому что „оно не понимаетъ еще идеи внѣшности“ (251). Способность относить ощущенія къ различнымъ мѣстамъ вещи основывается, по его мнѣнію, не просто на томъ, что эти мѣста возбуждаютъ въ насъ различныя ощущенія, но еще и на особенномъ знаніи этого различія. А этимъ само собою предполагается, что мы имѣемъ не только знаніе, данное въ ощущеніяхъ, но еще и знаніе объ этихъ ощущеніяхъ, или что въ насъ не только производится мозговыми возбужденіями измѣненіе ощущеній, но еще существуетъ знаніе объ этомъ измѣненіи. Онъ даже находитъ основательнымъ назвать умственные процессы безличными (252,96). Итакъ, для Льюиса есть въ актахъ видѣнія, слышанія и т. д. элементы знанія отличающіеся отъ „мозговыхъ ощущеній“, есть умственные процессы безличные, то-есть зависящіе не отъ случайныхъ положеній, возбужденій и ощущеній человѣка, въ которомъ они происходятъ, а отъ общихъ свойствъ и законовъ образованія душевной жизни. Эту мысль мы и развивали въ предыдущихъ замѣчаніяхъ, указывая на различіе между умственными процессами и мозговыми ощущеніями. Если тѣмъ не менѣе Льюисъ сливаетъ эти два разряда явленій, если умственные процессы онъ объясняетъ изъ возбужденій мозга, то съ одной стороны его общая мысль о духѣ, какъ источникѣ тѣлесныхъ явленій, даетъ этому ученію смыслъ далеко не тотъ, какой оно имѣетъ вообще въ физіологіи, а съ другой онъ находитъ въ немъ средство для оправда-

нія своего смѣлаго взгляда на соотношеніе душевныхъ состояній съ движеніями и дѣятельностями организма.

А что взглядъ этотъ дѣйствительно смѣлый, видно изъ слѣдующихъ, совершенно категорическихъ положеній: „мы, говоритъ Льюисъ, не признаемъ никакого дѣйствительнаго, никакого существеннаго различія между дѣйствіями произвольными и непроизвольными. Всѣ они произвольны. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ“ (172). Если нѣкоторыхъ движеній мы не можемъ начинать, или прекращать по нашему произволу, то это происходитъ отъ того, что „при обычномъ теченіи жизненныхъ процессовъ не представляется никакой надобности контролировать ихъ (188).“ „Мы не научились контролировать ихъ, хотя мы и могли бы до нѣкоторой степени подвергнуть ихъ нашему контролю“ *(тамъ же)*. „Еслибъ ежедневныя потребности нашей жизни были таковы, что для удовлетворенія ихъ мы должны бы были останавливать дѣятельность своего сердца, то мы научились бы контролировать ее.“ Льюисъ указываетъ на людей, которые по произволу ускоряли и замедляли біенія своего сердца; также замѣчаетъ, что были особы, которыя, лишившись рукъ, выучивались писать, шить и рисовать пальцами ногъ своихъ, или еще особы, которыя выучивались двигать ушами, жевать жвачку, потѣть по произволу. Какъ дѣйствія, считаемыя непроизвольными, способны подвергаться контролю, такъ и наоборотъ, дѣйствіе подчиняющееся произволу можетъ происходить совершенно непроизвольно. „Миганіе представляетъ превосходный примѣръ этого: оно можетъ совершаться и намѣренно, и непроизвольно.“ Кромѣ того: „каждый знаетъ, что дѣйствія произвольныя, вслѣдствіе ихъ постояннаго повторенія, становятся до нѣкоторой степени непроизвольными и называются въ такомъ случаѣ автоматическими (188).“ Ни физіологическаго, ни психологическаго различія нѣтъ между тѣми и другими дѣйствіями: и тѣ и другія „зависятъ отъ ощущенія“ (189), и тѣ и другія способны подвергаться контролю (185). А контроль возможенъ только потому что въ животномъ возбуждаются рефлективныя ощущенія. Ощущенія такъ быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, что прежде чѣмъ успѣетъ совершиться одно прямое дѣйствіе, возбуждается другое дѣйствіе, которое не допускаетъ того чтобы совершилось пер-

вое дѣйствіе, контролируетъ его.“ „Ощущенія возбуждаютъ другія ощущенія, идеи порождаютъ новыя идеи; исходомъ одной изъ этихъ идей можетъ быть дѣйствіе контроля.“ „Если собакѣ придавитъ хвостъ человѣкъ котораго она не знаетъ, она взвизгнетъ и тотчасъ же обернется, чтобъ укусить того, кто ее мучитъ. Но если случится, что хвостъ будетъ придавленъ хозяиномъ собаки или человѣкомъ котораго она любитъ, собака завизжитъ, вскочитъ, можетъ-быть даже обернется, чтобъ укусить: но она не укуситъ; если даже и схватитъ зубами за руку, она все-таки вовремя остановится. Этотъ контроль животнаго надъ своими дѣйствіями часто проявляется весьма трогательнымъ образомъ въ то время, какъ у собаки вынимаютъ изъ лапы занозу: боль возбуждаетъ рефлективныя дѣйствія, побуждаетъ собаку повернуть голову къ рукѣ оператора; но вмѣсто того чтобъ укусить, благодарное животное лижетъ эту руку“ (169). „Но сила контроля, способность воздерживаться отъ нѣкотораго рода дѣйствій, ограничена и не можетъ противостоять первоначальному стимулу, достигшему извѣстной степени напряженности“ (171). „Наша способность къ произвольной дѣятельности есть результатъ воспитанія, которое устанавливаетъ прочную связь между ощущеніями и движеніями“ (181). Маленькое дитя, страдающее отъ боли, барахтается и кричитъ. Но когда его тѣло случайно сдѣлаетъ движеніе такое, которое облегчаетъ эту боль, то дитя продолжаетъ только это движеніе. Такимъ образомъ оно научается связывать извѣстныя ощущенія съ нѣкоторыми движеніями, и „движенія становятся подлежащими контролю тѣхъ ощущеній, которыя существуютъ одновременно съ ними.“ Для происхожденія способности произвола, способности управлять движеніями сообразно съ цѣлію и контролировать ихъ, „нужна помощь случайностей, опыта, ошибокъ, потому что не существуетъ никакой прирожденной связи между различными чувствованіями и движеніями, относящимися къ каждому опредѣленному случаю“ (177—178). То же надобно сказать и о движеніи, которое контролируется не ощущеніемъ, а воспоминаніемъ или идеей. Наша способность начинать или останавливать дѣйствіе, вслѣдствіе какой-либо мысли, основывается опять на связи, которая установилась между дѣйствіями и ощущеніями, и которая пребы-

ваетъ въ памяти, или есть связь идеальная. „Но предположеніе, что эта идеальная связь придаетъ дѣйствію, зависящему отъ него, характеръ произвольнаго дѣйствія, характеръ противоположный характеру дѣйствій зависящихъ отъ связи перваго рода, не выдерживаетъ критики“ (182). „Идея ли составляетъ исходную точку, или ощущеніе, во всякомъ случаѣ въ результатѣ получается возбужденіе, извѣстнаго центра, и отвѣтъ на это возбужденіе, выраженный въ извѣстномъ дѣйствіи. Мы не можетъ отдѣлить нѣкоторыя дѣйствія отъ всѣхъ остальныхъ и назвать ихъ произвольными, на томъ основаніи, что дѣйствія эти зависятъ отъ связи чувствованій, потому что всѣ дѣйствія зависятъ отъ ощущенія; отъ души зависятъ всѣ движенія, а не нѣкоторыя только“ (189).

Мы изложили ученіе Льюиса о произвольныхъ и непроизвольныхъ движеніяхъ членовъ тѣла сколько возможно тщательно, и однако же мы не достигли совершеной ясности. Разъ Льюисъ объясняетъ возможность произвола изъ рефлективныхъ, или вторичныхъ ощущеній, которыя не даютъ первичнымъ ощущеніямъ разрѣшаться въ движенія, и такимъ образомъ контролируютъ эти движенія; въ другой разъ этотъ произволъ происходитъ у него мало-по-малу изъ соединенія чувствованій и движеній, происходитъ изъ воспитанія, между-тѣмъ, какъ въ первыя минуты жизни нѣтъ постоянной связи между ощущеніями и движеніями. Разъ основаніе произвола оказывается исключительно физіологическимъ, въ другой разъ исключительно психологическимъ, зависящимъ отъ того, что случайные опыты и ошибки дѣтства, а также и движенія, устраняющія боль и усиливающія пріятныя ощущенія, удерживаются въ памяти „еще съ первыхъ мгновеній умственной жизни“ (178).

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Льюисъ руководствовался психологическими идеями англійскаго мыслителя Бена (Bain), и нечего доказывать, что объясненіе возможности контроля, или самообладанія, изъ рефлективныхъ ощущеній и изъ способности ихъ уничтожить дѣятельную силу ощущеній первоначальныхъ, болѣе соотвѣтствуетъ его общему физіологическому взгляду, нежели объясненіе этого явленія изъ психическаго воспитанія и постепеннаго образованія связей между ощущеніями и движеніями. Выше мы видѣли, что, по мнѣнію Льюиса, всѣ нервные центры способны раждать ощу-

щенія, и что всѣ ощущенія сознательны. Если же всѣ движенія организма зависятъ отъ ощущеній (189), то слѣдуетъ сказать, что „сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ“ (178). Но еще Льюисъ доказывалъ, что только на рефлективныя ощущенія мы обращаемъ вниманіе, слѣдовательно необходимо предположить, что и движенія раждаемыя этими ощущеніями, будутъ также подлежать нашему вниманію, будутъ имѣть характеръ дѣйствій разчитанныхъ, управляемыхъ, или контролируемыхъ сознанною цѣлью. И какъ всякое ощущеніе можетъ разрѣшиться въ ощущеніе вторичное, то понятно сразу, что всякое движеніе можетъ сдѣлаться произвольнымъ, что мы могли бы контролировать всѣ движенія, еслибъ имѣли въ этомъ особенную нужду.

Нѣсколько разъ упоминаетъ Льюисъ, что ни физіологія, ни психологія не могутъ открыть въ движеніяхъ произвольныхъ, или подлежащихъ контролю воли, ни одного элемента, который бы не встрѣчался въ дѣйствіяхъ непроизвольныхъ (173—189). Если говорятъ, напримѣръ, что движенія такого-то аппарата подлежатъ контролю, потому что въ немъ находятся мышцы произвольнаго движенія, то Льюисъ считаетъ это не за объясненіе, а только за описаніе того же факта, сдѣланное въ другихъ выраженіяхъ. „Мышцы, говоритъ онъ, называются мышцами произвольнаго движенія, потому что онѣ подлежатъ контролю“. (166). Однакоже, замѣтимъ мы съ своей стороны, опытная физіологія вовсе не такъ учитъ объ этихъ мышцахъ; она находитъ, что онѣ какъ устройствомъ, такъ и отношеніемъ къ нервамъ, дѣйствительно отличаются отъ мышцъ движенія непроизвольнаго. У первыхъ, подъ микроскопомъ, замѣтны тонкія поперечныя полоски, которыхъ не встрѣчаемъ въ мышцахъ не подлежащихъ вліянію воли: эти послѣднія представляютъ устройство сравнительно простѣйшее, соотвѣтственно простому и однообразному отправленію, которое они совершаютъ въ организмѣ, и которое не видоизмѣняется, не осложняется, не затрудняется произвольными задачами сознанія. Сравните, напримѣръ, работу, исполняемую мышцами желудка и большей части кишекъ, съ работою, которую исполняютъ мышцы нашихъ рукъ. Мышцамъ рукъ приходится поднимать большія тяжести, быстро измѣнять свои сокращенія, напря-

гаться неестественно, и все это по капризу воли, который не имѣетъ никакого отношенія къ нуждамъ питанія цѣлаго организма этихъ же самыхъ мышцъ. Мышцы желудка и кишокъ сегодня дѣлаютъ то что̀ дѣлали онѣ вчера и что̀ будутъ дѣлать завтра; онѣ не только не подлежатъ возбужденіямъ неестественнымъ или насильственнымъ, но и свою обыкновенную работу выполняютъ соотвѣтственно нуждамъ своего собственнаго питанія. Всѣ эти обстоятельства показываютъ, что мышцы непроизвольнаго движенія ушли еще очень не далеко отъ устройства и отправленія нѣкоторыхъ тканей въ растеніи, которыя подъ вліяніемъ механическаго и химическаго раздраженія также измѣняютъ свою длину и обнаруживаютъ нѣчто похожее на сокращенія. Если, далѣе, физіологи замѣчаютъ, что поперечно-полосатыя мышцы никогда въ нормальномъ состояніи не развиваютъ всей своей силы, потому что ихъ черезмѣрному сокращенію противодѣйствуютъ сосѣднія части, и что напротивъ нѣкоторыя простыя мышечныя ткани не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой преграды, если наконецъ оказывается, что мышцы перваго рода весьма неудобно воспринимаютъ механическія раздраженія, непосредственно ихъ поражающія, и что простыя мышечныя волокна болѣе чувствительны къ подобнымъ механическимъ раздраженіямъ; то все это разности, которыя считать незначительными нѣтъ никакого основанія. Въ мышцахъ произвольнаго движенія есть способность сокращаться по требованію воли далѣе тѣхъ предѣловъ, которые указаны имъ нуждами питанія; онѣ устроены такъ, что охотно отвѣчаютъ на легкіе стимулы воли, а не на грубыя механическія раздраженія. Въ испугѣ вы можете поднять тяжесть, какой вы не поднимаете въ спокойномъ состояніи духа, можете сдѣлать прыжокъ, какого прежде вы никакъ не могли сдѣлать. Это необыкновенное дѣйствіе было бы невозможно для васъ, еслибы душевное состояніе испуга не находило *надлежащаго органа* въ запасныхъ силахъ поперечно-полосатыхъ мышцъ, въ силахъ которыя при нормальномъ теченіи жизни связаны противодѣйствіемъ сосѣднихъ частей тѣла, или еслибъ эти мышцы ничѣмъ не отличались отъ мышцъ движенія непроизвольнаго, какъ это утверждаетъ Льюисъ. И если только, во время этого необыкновеннаго развитія мышечной силы, не изломались и не вывихнулись кости вашихъ рукъ и

ногъ, то страданіе и поврежденіе вы ощутите скорѣе всего въ желудкѣ, котораго мышцы не имѣли запасныхъ силъ, чтобы противодѣйствовать не нормальному возбужденію, распространившемуся на подчиненныя имъ части тѣла и на нихъ самихъ. Аристотель называетъ руку органомъ души. Если вспомнимъ, что мышечныя волокна отъ продолжительной недѣятельности увядаютъ и дѣлаются рыхлыми; то мы найдемъ вѣроятнымъ, что мышцы нашей руки, еслибъ онѣ не получали достаточныхъ возбужденій отъ произвола души и совершали только движенія вызываемыя обыкновеннымъ обмѣномъ веществъ, очень скоро потеряли бы свое настоящее строеніе и ту силу, которая теперь развивается въ нихъ вслѣдствіе произвольныхъ движеній. Но здѣсь представляется намъ еще другое обстоятельство, которое указываетъ на физіологическія основанія произвола.

Если человѣкъ, и безъ психологическаго знанія, убѣжденъ, что его воля свободна, что онъ могъ бы и не сдѣлать того что̀ сдѣлалъ онъ въ данное время, и напротивъ могъ бы сдѣлать то чего онъ не сдѣлалъ въ это время; то въ основаніи этого убѣжденія лежатъ нѣкоторые физіологическіе факты, которые достаточны по крайней мѣрѣ для того чтобы породить и укрѣпить въ человѣкѣ представленіе о дѣйствіяхъ зависящихъ отъ *выбора*,—представленіе о дѣйствіяхъ, которыя могутъ быть совершаемы такъ или иначе, въ различныхъ направленіяхъ и видоизмѣненіяхъ, по собственному *усмотрѣнію* человѣка. Наша голова такъ прикрѣплена къ туловищу, что можетъ описывать дугу спереди назадъ почти въ 172°. Верхняя конечность руки можетъ дѣлать полный кругъ; предплечіе, сгибаясь, описываетъ дугу въ 140°; ручная кисть дѣлаетъ 120°—160°; первый суставъ большаго пальца 95°; первые суставы пальцевъ 90°, вторые 120°, и третьи также 90°. Бедро сгибается напередъ на 135°, назадъ на 42°, а поворачивается на 180°. При сгибаніи и выпрямленіи составляется дуга колѣннымъ суставомъ около 150°, а спиною въ 75°. Возьмите также во вниманіе, что нашимъ голосомъ мы можемъ сдѣлать гамму отъ 2 до 2½ октавъ [1]; возьмите въ разчетъ различ-

[1] Валентинъ. *Начальныя основанія физіологіи человѣческаго тѣла.* Изданіе второе. 1851. Стр. 285, 286, 300.

ныя положенія, которыя можетъ принимать нашъ языкъ, наши губы, глаза, движущіеся какъ въ своихъ орбитахъ, такъ и вмѣстѣ съ головою. Теперь, всѣ эти члены въ каждую минуту имѣютъ одно какое-нибудь совершенно опредѣленное положеніе: всѣ другія положенія ихъ остаются какъ возможности, которыя пока не осуществлены, но которыя могутъ быть осуществляемы по намѣренію, разчету, или произволу души; потому что—и это въ настоящемъ случаѣ главное обстоятельство—для питанія организма, для обмѣна веществъ въ тѣлѣ, всѣ эти чрезвычайно разнообразныя положенія названныхъ органовъ безразличны, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени и на извѣстное время, а съ другой стороны постоянный обмѣнъ веществъ самъ по себѣ не заставляетъ эти органы совершать всѣ движенія, какія только возможны для нихъ. Мнѣ одинаково не больно и мое чувство жизни не потрясается, подниму ли я руку ниже, или выше, положу ли я ее на колѣняхъ, или протяну, чтобы достать перо, отодвинуть свѣчу и т. д. Внутри возможностей, исполненіе которыхъ, повторяю, не связано непосредственно съ состояніемъ органическаго питанія, движется нашъ произволъ, и напротивъ, тамъ гдѣ новое положеніе члена оказывается невозможнымъ вслѣдствіе боли, возникающей при первой попыткѣ дать члену эти положенія, то-есть, тамъ, гдѣ противъ нашего намѣренія протестуетъ чувство жизни, существуютъ естественные предѣлы нашей произвольной дѣятельности. Эти предѣлы можно раздвигать далѣе и далѣе привычкою, упражненіемъ, самообладаніемъ, но уничтожить ихъ совершенно нельзя; они настаютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ непосредственнѣе связанъ извѣстный органъ съ жизненными отправленіями тѣла. Такъ мы очень мало можемъ измѣнять по произволу ритмъ дыханія, потому что внезапно-возникающая боль подавляетъ наши намѣренія уклонять дыхательные органы отъ ихъ обыкновеннаго, постояннаго положенія и движенія, которое предписывается имъ общею экономіей организма. Отъ физіологическихъ отношеній, на которыя мы указали здѣсь, и зависитъ прежде всего нашъ взглядъ на наши собственные поступки и на поступки другихъ людей. Когда представлялась намъ *физіологическая* возможность достигнуть опредѣленной цѣли, которая сильно интересуетъ насъ въ данное время, и мы однако же не достигли ея; мы жа-

луемся въ этомъ случаѣ на себя, журимъ себя, обвиняемъ себя за несообразительность, разсѣянность, забывчивость. Вамъ нужна рѣдкая книга, которая, какъ вамъ извѣстно, есть у одного изъ вашихъ пріятелей. Вы сейчасъ бы поѣхали къ нему, но какія-нибудь обстоятельства не позволяютъ вамъ отлучаться изъ дому ни на минуту, а послать не кого. На другой день, послѣ того какъ вы вспомнили о книгѣ, заѣхалъ къ вамъ пріятель вашъ. Онъ началъ разказывать вамъ о такихъ интересныхъ вещахъ, которыя поглотили все ваше вниманіе: вы разсуждали, спорили, горячились. Наконецъ вашъ пріятель взглянулъ на часы, пожалъ вамъ руку и уѣхалъ. Минутъ черезъ пять вы вспомнили о сочиненіи, и тутъ-то вы начинаете досадовать на самого себя за разсѣянность, за оплошность, за то, что потеряли удобный случай достать сочиненіе; пожалуй, хлопнете себя по лбу и назовете себя телятиной, какъ Гоголевскій почтмейстеръ, который такимъ образомъ казнилъ себя публично за свою несообразительность. Вообще вините вы самого себя, жалуетесь на себя, когда для достиженія вашей цѣли представлялась физіологическая возможность, которою однако же вы не воспользовались. Вы жалуетесь на дурныя обстоятельства, когда вы испытали всѣ средства, которыя представляются вамъ органами тѣла и ихъ возможными дѣятельностями, и при всемъ этомъ цѣли вашей все-таки не достигли. Какъ ни сильно видоизмѣняются эти отношенія вслѣдствіе постепеннаго образованія человѣка и многовѣковаго образованія человѣчества, они прежде всѣхъ другихъ условій даютъ смыслъ словамъ, каковы: произволъ, выборъ, контроль, свобода. Органы пищеваренія, напримѣръ, принимаютъ всѣ положенія, какія возможны для нихъ по устройству организаціи: тутъ нѣтъ такихъ *возможностей*, которыя не исполнялись бы подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующихъ органическихъ стимуловъ. Между тѣмъ наши руки, голова, губы, глаза, языкъ, ноги, не принимаютъ всѣхъ возможныхъ для нихъ положеній, находясь единственно подъ вліяніемъ органическихъ стимуловъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возможныхъ по устройству тѣла положеній исполняются только благодаря тому, что на органы, которые мы сейчасъ назвали, дѣйствуетъ непонятнымъ для насъ образомъ намѣреніе души, разчетъ, наше соображеніе, нашъ капризъ, нашъ произволъ. Этотъ произволъ прекращается

тамъ, гдѣ положеніе органа опредѣляется стимулами органическими и гдѣ вслѣдствіе этого противъ нашего намѣренія какъ-нибудь измѣнить это положеніе протестуетъ организмъ болью и страданіемъ.

Льюисъ говоритъ: „Контроль воли вовсе не зависитъ отъ того, какія мышцы входятъ въ составъ аппарата, совершающаго движеніе“ (167). Мы видимъ, что физіологическія данныя навязываютъ другое убѣжденіе: аппараты, повинующіеся произволу, находятся въ особенномъ отношеніи къ цѣлой экономіи организма и къ общему чувству жизни. Но Льюисъ также утверждаетъ, что наша способность къ произвольной дѣятельности есть результатъ воспитанія, что не существуетъ никакой прирожденной связи между различными чувствованіями и движеніями, что эта связь есть произведеніе совершенно *случайныхъ* встрѣчъ между нѣкоторыми ощущеніями и дѣйствіями, наконецъ, что въ нашемъ тѣлѣ есть дѣятельности непроизвольныя, лишь потому что мы не научились контролировать ихъ, такъ какъ „въ этомъ не представляется никакой надобности“ (188). Въ этой теоріи ассоціацій, безспорно, есть стороны истинныя, вполнѣ сообразныя съ дѣйствительностью, и однакоже предыдущія наши замѣчанія объ органахъ произвольнаго движенія напередъ даютъ чувствовать, что теорія эта частію не полна, а частію она прилагается къ объясненію фактовъ очень рано, ранѣе нежели это сообразно съ указаніями физіологіи. Кто же сомнѣвается въ томъ, что ощущенія, овладѣваютъ опредѣленными движеніями посредствомъ ассоціацій, которыя выростаютъ, крѣпнутъ и дѣлаются отчетливыми, вслѣдствіе случайныхъ опытовъ и горькихъ ошибокъ? Но все же эти ассоціаціи не суть нѣчто безусловное; ихъ направленіе обозначается уже физіологическимъ устройствомъ и различіемъ тѣлесныхъ органовъ. Мы не утверждаемъ этимъ, что каждое частное ощущеніе находится въ прирожденной связи съ тѣмъ или другимъ движеніемъ, но мы полагаемъ, что вообще всякое ощущеніе разрѣшается въ движеніе путемъ удобнѣйшимъ въ физіологическомъ отношеніи. Это положеніе мы оспаривали въ то время, какъ его защищалъ Льюисъ; мы доказывали, что оно не объясняетъ намъ потока представленій. Теперь мы хотимъ защищать это положеніе противъ Льюисова ученія объ ассоціаціяхъ между ощущеніями и движеніями,—объ ассоціаціяхъ, которыя

будто бы происходятъ совершенно случайно, и которыя будто бы не подготовляются нисколько физіологическимъ устройствомъ. Ощущенія, говоримъ мы, разрѣшаются въ движенія путемъ удобнѣйшимъ въ физіологическомъ отношеніи. Въ нѣкоторыхъ породахъ животныхъ, путь этотъ устроенъ такъ хорошо, что животное не нуждается ни въ воспитаніи, ни въ печальной опытности, для того чтобы владѣть своими членами по произволу. Цыпленокъ выбѣгаетъ изъ яйца довольно бойко, спѣшитъ къ свѣту и клюетъ зерна, хотя и не всегда попадаетъ во время первыхъ опытовъ. Жеребенокъ черезъ часъ послѣ рожденія слѣдуетъ за матерью и безопасно ходитъ между обрывами. „Молодой бизонъ, разказываетъ Кювье, едва родился, какъ всталъ на ноги и пошелъ почти бѣгомъ, не натыкаясь, по всѣмъ угламъ своего хлѣва и двигался такъ какъ будто бы онъ по опыту зналъ всѣ мѣста.“ Нѣкоторыя животныя почти не имѣютъ дѣтства, а дѣтство большей части изъ нихъ весьма короткое, и то наполненное не печальными опытами, а рѣзвыми играми, въ которыхъ изобличается большое умѣніе животнаго владѣть членами тѣла. Правда, человѣческое дитя не пользуется такою счастливою гармоніей между ощущеніями и движеніями; ему нужна помощь ошибокъ, случайностей и опытности; оно „научается“ только мало-по-малу управлять движеніями членовъ по произволу. Такъ говорятъ опыты. Но опыты же убѣждаютъ насъ, что, когда мы научаемся говорить, то мы не изобрѣтаемъ ни одного простаго тона, что опытности и воспитанію мы обязаны только разнообразнѣйшимъ сочетаніемъ и осложненіемъ движеній голосовыхъ органовъ, между тѣмъ какъ движенія простѣйшія совершаются этими органами съ первыхъ мгновеній жизни. „Если, говоритъ Льюисъ, очень маленькому дитяти что-нибудь причиняетъ боль, то дитя барахтается и кричитъ. Это все что̀ оно можетъ сдѣлать“ (177.) Да, это все, но это кругъ явленій очень опредѣленный. Воткнется ли булавка въ ножку, въ ручку, въ лицо, въ спину, дитя отвѣчаетъ одинаково барахтаньемъ и крикомъ, то-есть, движеніемъ рукъ, ногъ и голосовыхъ органовъ. Еслибы въ первые дни жизни за уколомъ булавкой слѣдовало въ тѣлѣ ребенка, разъ необыкновенное выпотѣніе, въ другой разъ смѣхъ, въ третій бурчанье въ желудкѣ, быстрое отложеніе жиру въ нѣкото-

рыхъ частяхъ, внезапное превращеніе крови венозной въ артеріальную, а иногда, пожалуй, барахтанье и крикъ; тогда можно было бы утверждать, что владычество ощущеній надъ нѣкоторыми органами движенія зависитъ единственно отъ воспитанія, и не облегчается первоначальнымъ физіологическимъ устройствомъ. Между тѣмъ надобно полагать, что и мы, изучающіе физіологію и психологію, отвѣчаемъ на каждую внезапную и сильную боль, какъ дитя въ первые мѣсяцы жизни, прежде всего крикомъ и движеніемъ рукъ и ногъ: такъ мало преобразованій произошло въ связи нашихъ ощущеній съ движеніями вслѣдствіе воспитанія и печальныхъ опытовъ. Безпорядокъ движеній, дѣлаемыхъ ребенкомъ, объясняется главнымъ образомъ изъ того, что дитя еще не имѣетъ знанія о вещахъ, съ другой стороны, что его тѣло мягкое, водянистое, поддерживаемое большею частію хрящами, легко вовлекается всею массой въ кругъ движеній, совершаемыхъ руками, ногами, голосовыми органами; тѣмъ не менѣе его ощущенія разрѣшаются въ движенія органовъ постоянно и вообще въ томъ же направленіи, въ какомъ они разрѣшаются и у взрослаго человѣка. Прежде всякаго воспитанія и прежде всякой опытности, *ощущенія раждаютъ движенія въ тѣхъ органахъ, въ которыхъ оказываются возможности различныхъ положеній, не исполняющіяся подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующихъ органическихъ стимуловъ*. Это общій законъ. Въ различныхъ животныхъ типахъ, такіе органы могутъ быть не одинаковы. Въ сильномъ гнѣвѣ человѣкъ сжимаетъ кулакъ, дикобразъ поджимаетъ иглы своей кожи, гимнотъ посылаетъ изъ своего хвоста электрическій ударъ, обезьяна-мандриль отдѣляетъ изъ своего тѣла извержения, которыми она бросается въ непріятеля и которыя получаетъ она при первой надобности. Какъ на этихъ примѣрахъ мы видимъ, что искусство творческой природы впервые дало опредѣленнымъ ощущеніямъ власть надъ опредѣленными органами, такъ и вообще слѣдуетъ признать, что настоящія и при томъ совершенно прочныя основанія человѣчности положены уже въ нашемъ физіологическомъ устройствѣ, а не вырабатываются сначала случайными опытами. Всякое душевное движеніе высказывается въ развитомъ человѣкѣ скорѣе всего и легче всего посредствомъ слова; такимъ же образомъ въ ребенкѣ, по-

средствомъ крика. Это, конечно, не случайность. Вы замѣчаете, по крайней мѣрѣ, что голосовые органы долѣе всѣхъ другихъ могутъ работать по разчету души, не уставая и не раждая въ душѣ непріятныхъ ощущеній, то-есть не испытывая значительныхъ потрясеній, вредныхъ для ихъ питанія и для общей экономіи тѣла; и вслѣдствіе этого физіологическаго обстоятельства, человѣкъ выходитъ животнымъ словеснымъ; вотъ почему, если можно такъ выразиться, изобрѣлъ онъ языкъ словъ, а не языкъ жестовъ или гримасъ. Человѣческое искусство только развиваетъ, осложняетъ и дѣлаетъ болѣе опредѣленными тѣ отношенія между ощущеніями и движеніями, которыхъ первыя, элементарныя и неизмѣняемыя основанія уже заключаются въ его природѣ. Льюисъ объясняетъ непроизвольность нѣкоторыхъ движеній изъ того, что контролировать ихъ мы не научились, такъ какъ для этого не представляется никакой надобности. Но точно ли не представляется надобности? Было бы не худо, еслибы желудокъ по нашему усмотрѣнію извергалъ пищу, которая, какъ мы узнаемъ послѣ ея пріема, заражена ядовитыми веществами. Было бы не худо, еслибы кишки по первому нашему желанію выпускали причиняющія боль вещества, какъ рука выпускаетъ при первой нуждѣ разгоряченный стаканъ. Однакоже, когда вы проглатываете кусочекъ булки, то въ горлѣ вы еще чувствуете его присутствіе; а затѣмъ, поступая въ желудокъ, онъ перестаетъ существовать для вашего ощущенія; только по воспоминанію вы знаете о немъ. Попробуйте же, научитесь же дѣйствовать вашимъ произволомъ на положенія и движенія этого куска, о которомъ ничего не говоритъ вамъ ни ваше непосредственное ощущеніе, ни ваше предметное, внѣшнее знаніе. Еслибы вамъ удалось это, тогда вы точно такимъ же образомъ научились бы передвигать во внѣшнемъ мірѣ тѣла, которыхъ вы не видите и не осязаете. Хотя нужда контролировать внутреннія части тѣла бываетъ настойчива, однако физіологическое устройство отказало нашимъ разчетамъ во власти надъ этими частями. Дѣйствуютъ ли тутъ основанія идеальныя, вслѣдствіе которыхъ съ человѣка сняты постоянныя заботы о пищевареніи, чтобъ онъ могъ направить свое сознаніе и свою сознательную дѣятельность на вещи, на міръ, на нравственное усовершенствованіе себя самаго и другихъ, или

же это устройство было неизбѣжно только физически, мы не рѣшаемъ здѣсь. Впрочемъ мы замѣтили выше, что всѣ движенія, какія возможны для внутреннихъ частей тѣла, исполняются сами собою, подъ вліяніемъ постоянныхъ органическихъ стимуловъ. Поэтому, еслибы ощущеніе боли, которое испытываетъ дитя, когда напримѣръ уколоть его руку булавкою, рефлектировалось на эти части, то оно вызывало бы въ нихъ движеніе уже не сообразное съ устройствомъ тѣла, и такимъ образомъ боль разрѣшалась бы въ другую боль что̀ конечно было бы не очень выгодно для сохраненія живыхъ существъ. При существующемъ устройствѣ, боль разрѣшается движеніемъ рукъ, ногъ, голосовыхъ органовъ, и т. д., движеніемъ, которое само не раждаетъ новой боли. Заучивать эти движенія, усовершать ихъ на основаніи опытности, ассоціировать ихъ опредѣленіе съ извѣстными ощущеніями въ самомъ дѣлѣ, необходимо для ребенка, потому что они, пока совершаются въ надлежащихъ предѣлахъ, не сказываются непосредственному жизнечувствованію никакими особенными потрясеніями: о нихъ дитя должно знать въ формѣ предметныхъ образовъ, съ ними оно должно знакомиться, какъ съ предметными измѣненіями, которыя не докладываютъ о себѣ посредствомъ ясныхъ и рѣзкихъ ощущеній. По всей вѣроятности, у животныхъ ощущенія относятся къ движеніямъ далеко не такъ какъ въ человѣческомъ организмѣ. Если цыпленокъ выбѣгаетъ изъ яйца, если жеребенокъ въ теченіи двухъ часовъ пріобрѣтаетъ столько опытности, что ходитъ очень хорошо по обрывамъ, если вообще животное или вовсе не нуждается въ воспитаніи, или же нуждается въ очень немногихъ опытахъ для того чтобы подчинить органы движенія своему произволу, то это повидимому доказываетъ, что у животныхъ различныя положенія и движенія этихъ органовъ рѣзко обозначаются во внутреннемъ чувствѣ спеціяльными ощущеніями, и что вслѣдствіе этого животное ходитъ хорошо, не дожидаясь пока въ его душѣ сложатся предметные образы движеній, исполняемыхъ ногами. Физіологи не разъ высказывали мнѣніе, что у нѣкоторыхъ животныхъ система симпатическаго нерва обладаетъ чувствительностію, и что животное оказывается чуткимъ къ тѣмъ внутреннимъ состояніямъ тѣла, которыя совершенно закрыты для человѣческаго сознанія. Мнѣніе это было

принимаемо за основаніе при объясненіи инстинктивныхъ дѣятельностей и искусства животныхъ сохранять свое существованіе, не думая и не соображая, не различая тщательно вещей, ихъ качествъ и отношеній. Эти условія сдѣлали бы для насъ понятнымъ, почему животное съ одной стороны созрѣваетъ скоро, а съ другой не развиваетъ предметнаго сознанія, такъ отличающаго человѣческую душу. Его сознаніе и его разчеты, можно бы подумать, заняты тѣми задачами питанія, которыя по нашему устройству сокрыты для нашего непосредственнаго знанія. Его контролю подлежатъ тѣ внутренніе органы, которые мы не можемъ контролировать, какая бы надобность ни представлялась въ этомъ.

На первыхъ страницахъ втораго тома своей физіологіи Льюисъ обезразличилъ всѣ нервныя нити ученіемъ о *нервности*, какъ общемъ свойствѣ всѣхъ нервовъ; онъ также обезразличилъ всѣ нервные центры ученіемъ о чувствительности, какъ ихъ общемъ свойствѣ. Эти двѣ мысли легли въ основаніе его системѣ, которая очень согласна сама съ собою, но не согласна съ опытами и фактами. О системѣ симпатическаго нерва Льюисъ не говоритъ ни слова, хотя этотъ нервъ особенно заинтересованъ въ дѣлѣ, которое теперь мы разбираемъ; онъ управляетъ растительными отправленіями организма. Кто не можетъ обойдтись, при объясненіи органическихъ явленій животнаго тѣла, безъ жизненной силы, тотъ могъ бы помѣстить ее въ гангліяхъ, какъ Льюисъ помѣщаетъ чувствительность въ центрахъ голово-спиннаго мозга. Какъ этотъ мозгъ управляетъ дѣйствіями сознательными, или *животными* (functiones animales), такъ система ганглій управляетъ дѣйствіями бозсознательными, или жизненными (functiones vitales). Въ человѣческомъ организмѣ эта система или вовсе нечувствительна, или же она имѣетъ чувствительность тупую, общую, неопредѣленную, во всякомъ случаѣ не поднимающуюся до предметнаго сознанія. Мы ничего не знаемъ во внутреннемъ чувствѣ объ обмѣнѣ веществъ, о движеніи соковъ, о напряженіи, разложеніи и подновленіи тканей. Можетъ-быть у ясновидящихъ, которые иногда такъ обстоятельно разказываютъ о томъ что̀ происходитъ внутри ихъ тѣла, эта система находится въ какомъ-нибудь особенно возбужденномъ состояніи и дѣлается чувствительною въ значитель-

ной степени. При томъ извѣстно, что она соединяется съ мозгомъ отдѣльными нитями. Можно представить себѣ организмъ, въ которомъ система эта будетъ имѣть какія-нибудь легкія особенности въ устройствѣ или въ отношеніи къ мозгу: тогда въ человѣкѣ или будетъ обнаруживаться общее стремленіе къ наблюденію за состояніемъ и дѣятельностію внутреннихъ частей тѣла, и такимъ образомъ будетъ существовать въ немъ естественное предрасположеніе къ ипохондріи; или онъ получитъ и дѣйствительную способность управлять по произволу какимъ-нибудь отдѣльнымъ органомъ, который помѣщается внутри тѣла. Такъ объяснялись бы факты, на которые ссылается Льюисъ, именно, что были люди, которые могли жевать жвачку, потѣть по произволу, ускорять и замедлять біенія своего сердца и т. д. Но эти факты съ одной стороны подходили бы подъ общій законъ, который мы доселѣ раскрывали: условія, облегчающія контроль, и въ настоящемъ случаѣ были бы прежде всего физіологическія, а съ другой, обозначали бы уклоненія организма отъ постояннаго обычая, которому слѣдуетъ тѣлесная и душевная жизнь человѣка.

Но вообще, какъ наши ощущенія имѣютъ различныя степени сознательности, такъ и физіологическія условія, которыя подчиняютъ нѣкоторые органы нашему произволу, представляютъ рядъ восходящій. Въ нашемъ тѣлѣ есть органы, которые дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ постоянныхъ органическихъ стимуловъ; есть органы, положеніе которыхъ произволъ души условливаемъ только общимъ и неопредѣленнымъ образомъ,—далѣе, органы, въ которыхъ по намѣренію души происходитъ кругъ движеній, хотя опредѣленный, но крайне ограниченный какъ по пространству, такъ и по времени; наконецъ органы, которые, какъ руки и голосовые органы, могутъ быть названы по преимуществу органами души. Впрочемъ, нѣтъ такого органа, который былъ бы безусловнымъ и безпристрастнымъ исполнителемъ движеній предписываемыхъ ему произволомъ души, и который, совершивъ опредѣленное, иногда слишкомъ большое число дѣйствій, сообразныхъ съ этимъ произволомъ, не протестовалъ бы противъ психическаго насилія и не отказался бы повиноваться ему, чтобъ отдаться жизни растительной и совершать монотонныя движенія, требуемыя непосредственными

нуждами питанія. Мистика жалуется на то, что нашъ духъ бодрый, не устающій желать, связанъ слабостію тѣла, которое отказываетъ ему въ достаточныхъ услугахъ; а практическая философія требуетъ, чтобы мы воспитывали и развивали въ себѣ только такія желанія, которыя были бы сообразны съ средствами. Физіологія съ своей стороны также могла бы показать, что, воспитываясь въ этомъ естественномъ направленіи, воспитываясь сообразно съ физіологическими условіями нашего тѣла, мы не сдѣлаемся ни атлетами, ни канатными плясунами, и что особенное развитіе тонкости и силы мускульныхъ движеній не можетъ быть принято за идеалъ человѣчности, уже потому что такой идеалъ направлялъ бы нашъ произволъ частію на такія мѣста тѣла, особенно же на такія положенія ихъ, которыя далеко не имѣютъ значенія лучшихъ и послушнѣйшихъ исполнителей нашихъ желаній и которыя болѣе служатъ нуждамъ питанія чѣмъ нашему произволу.

Мы показали, почему мы не согласны признать съ Льюисомъ мышцы и органы движеній произвольныхъ и непроизвольныхъ безразличными въ физіологическомъ отношеніи. Если нашъ физіологъ утверждаетъ еще, что и психологія не можетъ найдти различія между этими дѣйствіями, что и эта наука не въ состояніи указать на „элементъ“, который отличалъ бы движенія произвольныя отъ непроизвольныхъ; то намъ приходится развѣ жаловаться на неясную постановку задачи, которую нужно бы рѣшить здѣсь, и на сбивчивость языка, которымъ пользуются физіологи и психологи при описаніи разныхъ видовъ и направленій душевной дѣятельности. Вопервыхъ, вопросъ о произвольныхъ и непроизвольныхъ дѣятельностяхъ не имѣетъ ничего общаго съ философскимъ вопросомъ о свободѣ воли, хотя у насъ и поняли Льюиса такъ, будто бы онъ трактуетъ объ этой метафизической проблемѣ. Вопросъ о свободѣ воли говоритъ не объ отношеніи дѣятельностей къ желаніямъ или намѣреніямъ, а объ отношеніи желаній или намѣреній къ ихъ основаніямъ, къ ихъ опредѣляющимъ условіямъ. Когда движеніе, дѣйствіе или поступокъ вытекаетъ необходимо изъ желанія, изъ намѣренія, мы называемъ этотъ поступокъ, это дѣйствіе, это движеніе, свободнымъ, или произвольнымъ: за такіе поступки, которые совершаемъ мы потому что мы желали ихъ, мы несемъ от-

вѣтственность предъ нравственнымъ чувствомъ и предъ судомъ людей. Но теперь можно еще спросить: если свободнымъ, или произвольнымъ называемъ мы поступокъ, который произошелъ необходимо изъ нашего намѣренія, изъ нашего желанія; то самое намѣреніе, самое желаніе, изъ котораго выходитъ свободный поступокъ, опредѣлено ли съ необходимостію своими условіями, есть ли оно необходимое произведеніе достаточныхъ причинъ, есть ли оно необходимое послѣдствіе предшествовавшихъ ему процессовъ, или же это желаніе, это намѣреніе *свободно*, то-есть, произошло оно не изъ своихъ понудительныхъ условій и причинъ, но, какъ выразился очень характеристически Кларкъ въ письмѣ къ Лейбницу, *изъ способности души начинать безусловно?* Вообразите случай, котораго, конечно, нельзя встрѣтить въ дѣйствительности, именно, что человѣку предстоитъ выборъ между двумя видами дѣятельности и что эти виды дѣятельности одинаковы во всѣхъ отношеніяхъ, одинаково разумны, одинаково полезны, одинаково нравственны, и такъ далѣе. Очевидно, что представляя себѣ такія дѣятельности, размышляя о нихъ, человѣкъ не найдетъ никакого основанія предпочесть одну изъ нихъ другой. Онъ будетъ находится подъ вліяніемъ мотивовъ совершенно равносильныхъ. Если бы тѣмъ не менѣе онъ выбралъ одинъ изъ этихъ способовъ дѣятельности, пожелалъ одного изъ нихъ предпочтительно предъ другимъ; то въ этомъ случаѣ его воля оказалась бы свободною, въ ней обнаружилось бы присутствіе какой-то способности *начинать безусловно*. Въ этомъ случаѣ, хотя его свободный поступокъ былъ бы необходимо опредѣленъ его желаніемъ и выборомъ, однако самое желаніе, самый выборъ былъ бы дѣйствіемъ безъ причины, безъ условій, дѣйствіемъ безусловнымъ; это былъ бы тотъ абсолютный актъ, о которомъ такъ часто говорятъ философы. Повторяемъ, что этотъ метафизическій вопросъ о свободѣ воли не имѣетъ ничего общаго съ изслѣдованіемъ о психологическомъ различіи между дѣятельностями и движеніями произвольными и непроизвольными.

Второе замѣчаніе, какъ мы сказали, должно относиться къ языку физіологовъ и психологовъ. Для физіолога всякая дѣятельность, которая служитъ отвѣтомъ на какой угодно психическій стимулъ, есть уже про-

извольная: онъ противопоставляетъ ей непроизвольныя дѣйствія, которыя получаютъ свое начало въ возбужденіяхъ органическихъ, или растительныхъ. Было бы основательнѣе различать въ цѣлостномъ организмѣ дѣйствія растительныя (vitales) и животныя (animales), а въ послѣдней области дѣйствія непроизвольныя и произвольныя. Льюисъ отвергаетъ всѣ эти различія. Въ организмѣ животномъ всѣ дѣйствія происходятъ изъ ощущеній; сознательность есть общій источникъ ихъ; всѣ они произвольны (172—189). Съ этой точки зрѣнія, физіологія не можетъ говорить о дѣятельностяхъ растительныхъ въ отличіе отъ дѣятельностей животныхъ, а психологія не должна выдѣлять дѣятельности произвольныя и противопоставлять ихъ непроизвольнымъ. „По общепринятому мнѣнію, говоритъ Льюисъ, дѣйствіе называется произвольнымъ, когда побужденіе къ нему является вслѣдствіе сознательнаго представленія цѣли, которая должна быть достигнута этимъ дѣйствіемъ; и если мы скажемъ, что произволъ есть дѣятельность, опредѣляемая ясною, опредѣленною идеей, то мы довольно точно выразимъ общепринятое мнѣніе“ (167). Льюисъ доказываетъ, что это мнѣніе не вѣрно, потому что „съ одной стороны дѣйствія могутъ совершаться вслѣдствіе опредѣленныхъ идей, и между тѣмъ дѣйствія эти будутъ непроизвольны; а съ другой стороны дѣйствія могутъ быть произвольны, хотя совершаться они будутъ не вслѣдствіе какой-нибудь опредѣленной идеи, а просто вслѣдствіе ощущеній.“ Первое изъ этихъ положеній онъ оправдываетъ примѣромъ: когда мы твердо рѣшаемся и даемъ слово нашему пріятелю не моргать въ то время какъ онъ будетъ приближать свой палецъ къ нашему глазу, и однакоже моргаемъ, какъ только палецъ дѣйствительно приближается. Это миганіе, говоритъ Льюисъ, вызвано идеей, идеей опасности, а обыкновенно оно считается дѣйствіемъ непроизвольнымъ. Второе положеніе оправдывается фактами въ родѣ того, что если пощекотать только что проснувшагося человѣка, то въ результатѣ ощущенія, которое онъ получитъ, будетъ или то, что онъ попроситъ насъ оставить его въ покоѣ, или же то, что онъ пуститъ вамъ подушкой въ голову (171). Здѣсь мы имѣемъ дѣйствія, обыкновенно признаваемыя произвольными, а между тѣмъ они произошли „просто вслѣдствіе ощущенія“.

Множество примѣровъ, приводимыхъ Льюисомъ, повидимому доказываютъ, что изъ двухъ дѣятельностей, опредѣленныхъ однимъ и тѣмъ же мотивомъ, одна можетъ-быть такая, которую обыкновенно считаютъ произвольною, а другая можетъ имѣть характеръ, вслѣдствіе котораго ее обыкновенно признаютъ непроизвольною, и наоборотъ дѣятельности, зависящія отъ условій различныхъ, могутъ оказаться такими, которыя общепринятое мнѣніе находитъ или одинаково произвольными, или одинаково непроизвольными. Такимъ образомъ Льюисъ убѣждается, что эти подвижныя, какъ бы ускользающія изъ рукъ различія ничего не объясняютъ, что наука не находитъ ни одного элемента, которымъ бы отличалось дѣйствіе произвольное отъ непроизвольнаго, и что строгій анализъ считаетъ „всѣ возможныя наши дѣйствія только за отвѣты организма на стимулы, возбуждающіе его нервные центры“ (189).

Строгій анализъ считаетъ наши дѣйствія отвѣтами на стимулы; а это безъ сомнѣнія значитъ, что строгій анализъ видитъ въ нашихъ дѣйствіяхъ дѣйствія своихъ причинъ, видитъ дѣйствія происшедшія изъ своихъ условій, изъ своихъ источниковъ. Но эта формальная истина ничего здѣсь не объясняетъ. Она очевидна сама по себѣ, очевидна безъ строгаго анализа, и общепринятое мнѣніе, различающее дѣйствія произвольныя и непроизвольныя, знаетъ и охотно признаетъ эту формальную и общую истину. Льюису безсознательно предносится метафизическое ученіе о свободѣ воли, и вотъ онъ усердно противопоставляетъ ему формальное ученіе о всеобщей зависимости дѣйствій отъ своихъ причинъ или условій. Только выше мы показали, что здѣсь идетъ дѣло вовсе не объ этомъ; мы спрашиваемъ, почему нѣкоторыя дѣйствія, которыя имѣютъ свои полныя понудительныя причины, общепринятое мнѣніе считаетъ произвольными и дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за нихъ? Есть ли въ этихъ дѣйствіяхъ, которыя во всякомъ случаѣ суть отвѣты организма на стимулы, особенный психическій элементъ отличающій ихъ отъ дѣйствій непроизвольныхъ? Или: такъ какъ всѣ дѣйствія суть отвѣты организма на стимулы, то нѣтъ ли въ нѣкоторыхъ стимулахъ такого особеннаго элемента, который зависящія отъ нихъ дѣйствія дѣлаетъ произвольными? На эти ясные вопросы мнѣніе общепринятое, то-есть, съ давнихъ поръ

господствующее въ психологіи, даетъ отвѣтъ простой, но вполнѣ удовлетворительный. Если не для физіолога, то для психолога очень понятно различіе между ощущеніемъ, представленіемъ или идеей, и желаніемъ, хотѣніемъ, намѣреніемъ. Не все ощущаемое, представляемое или мыслимое есть уже желаемое. Когда дѣйствіе служитъ отвѣтомъ на стимулъ, состоящій изъ хотѣнія, желанія, намѣренія; то это дѣйствіе есть произвольное. Вы мигнули глазомъ, когда пріятель вашъ поднесъ свой палецъ къ нему, хотя вы имѣли рѣшительное намѣреніе не мигать. Положимъ, что это миганье, какъ думаетъ Льюисъ, произошло отъ идеи опасности: но все же ему не предшествовало намѣреніе или желаніе закрыть глаза въ то время, какъ палецъ пріятеля будетъ приближаться къ нимъ, все же это закрытіе глазъ не есть дѣйствіе, которое совершилось потому что вы *хотѣли* совершить его. Въ сущности это вызванное идеей, но вмѣстѣ невольное миганье, есть одинъ изъ случаевъ, доказывающихъ, что мы не всегда имѣемъ силу исполнить наше намѣреніе, не всегда имѣемъ силу совершить дѣйствіе, которое мы избрали. Пока мы взвѣшивали въ мысли силу впечатлѣнія, какое произведетъ на нашъ глазъ палецъ пріятеля, мы надѣялись, и потому рѣшились, удержаться отъ миганья: но когда произошло впечатлѣніе дѣйствительное, свѣжее, сила его оказалась гораздо больше, глазъ послѣдовалъ своей многолѣтней привычкѣ, и наше намѣреніе осталось неисполненнымъ. Это все равно, какъ еслибы мы рѣшились поднять тяжесть, но при первой попыткѣ отказались бы отъ нашего намѣренія, потому-что тяжесть была не по силамъ. Для психолога также понятна разность между наличными силами души и тѣми намѣреніями, желаніями, разчетами, которые могутъ соотвѣтствовать и не соотвѣтствовать этимъ силамъ. Примѣръ миганья, приведенный Льюисомъ, повторяется въ жизни иногда въ формахъ очень трагическихъ. Человѣкъ проклинаетъ свою страсть, хочетъ освободиться отъ нея, имѣетъ твердую рѣшимость не поддаваться, и однако же, какъ только представится дѣйствительное побужденіе, отдается ей слѣпо, глупо, отдается ей, несмотря на то что она губитъ его и что онъ знаетъ объ этомъ. Такой человѣкъ, по выраженію Сенеки, видитъ то что̀ лучше, и дѣлаетъ то что̀ хуже.

Ощущеніе, представленіе, идея, можетъ разрѣшиться въ

дѣйствіе безъ нашей воли, безъ нашей рѣшимости. Человѣкъ дрожитъ отъ холода, пыхтитъ отъ жара, чихаетъ отъ щекотанья въ ноздряхъ, кашляетъ отъ непріятныхъ ощущеній въ горлѣ, мигаетъ отъ зуда въ глазахъ, вскрикиваетъ отъ внезапной боли,—все это дѣйствія, которыя происходятъ и въ дѣтскомъ организмѣ, и которыя слѣдовательно вызываются ощущеніями съ помощію условій чисто физіологическихъ. Мать послышала, что ея старшій сынъ умеръ: она издаетъ стонъ и роняетъ изъ рукъ ребенка, который получаетъ рану въ високъ и умираетъ. Человѣкъ вскрикиваетъ и дрожитъ въ испугѣ отъ пожара, который вспыхнулъ въ его домѣ. Въ досадѣ человѣкъ рветъ на себѣ волосы. Тоска отнимаетъ у человѣка аппетитъ и напряженность мускуловъ. Въ припадкѣ сильнаго гнѣва, онъ наноситъ пощечину человѣку, оскорбившему его, и тутъ же, приходя въ себя, не можетъ дать себѣ отчета, какъ онъ это сдѣлалъ. Въ душевномъ волненіи, вызванномъ представленіемъ отчаяннаго и безвыходнаго положенія, онъ схватываетъ ножъ и перерѣзываетъ себѣ горло. Все это примѣры дѣйствій, которыя зависятъ отъ ощущеній, представленій, идей, но которыя возможны только въ человѣкѣ взрослымъ, имѣющемъ сильные интересы, страсти, наклонности, и т. д. Дѣйствія этого порядка происходятъ изъ мотивовъ, которые сразу, непосредственно, не дожидаясь особенной оцѣнки со стороны человѣка, овладѣваютъ его сознаніемъ и заставляютъ его сдѣлать то чего онъ не сдѣлалъ бы, еслибъ онъ былъ въ состояніи *взвѣшивать* и *избирать*. Мотивы эти какъ бы опустошаютъ сознаніе, вытѣсняютъ изъ него мгновенно всѣ другія представленія, которыя могли бы противодѣйствовать ихъ вліянію; человѣкъ забываетъ себя забываетъ то что сообразно съ постояннымъ и общимъ планомъ его жизни; онъ не можетъ *опомниться* какъ уже онъ совершилъ преступленье, которое, быть-можетъ, разрушитъ его счастіе навсегда. Практическій смыслъ народовъ и юридическія науки тщательно работаютъ надъ опредѣленіемъ справедливой мѣры, въ какой надобно вмѣнять человѣку преступленія совершаемыя имъ во время сильныхъ душевныхъ потрясеній, испуга, гнѣва, и т. д. Большею частію оказывается, что въ это время преступленіе совершилось несвободно, не намѣренно, что оно не было замышляемо или было,

какъ говорятъ, неумышленно. Въ самомъ дѣлѣ, легко замѣтить, что нѣкоторые мотивы, хотя состоятъ они изъ ощущеній, представленій, идей, дѣйствуютъ на человѣка съ силою почти объективною, какъ дѣйствуетъ, напримѣръ, камень, который всегда и вездѣ обнаруживаетъ одну и ту же силу давленія. Отдѣлить въ поступкѣ все что произошло изъ такихъ мотивовъ—не легко; однакоже это необходимо, для того чтобы нашъ судъ о человѣкѣ былъ точенъ.

Но какъ здоровый организмъ выдерживаетъ давленіе камня, а слабый падаетъ подъ его тяжестью, такъ и сила воли или сила характера открывается прежде всего въ способности останавливать и задерживать непроизвольныя дѣйствія, которыя, помимо нашихъ желаній, готовы послѣдовать за состояніями душевныхъ потрясеній. Человѣкъ, который развилъ въ себѣ сильную волю, сильный характеръ, имѣетъ способность самообладанія, и сознаніе этой способности раждаетъ въ немъ вѣру въ свободу воли. Онъ считаетъ свою волю свободною, потому что онъ чувствуетъ въ себѣ *силу* дѣйствовать только по мотивамъ, которые онъ взвѣсилъ, призналъ, одобрилъ, избралъ, по мотивамъ, на которые онъ *соизволилъ*, а съ другой стороны, чувствуетъ въ себѣ *силу* останавливать дѣйствія, которыя слѣдуютъ, безъ его выбора, изъ механическаго вліянія представленій на органы движенія. Здѣсь мы получаемъ понятіе о дѣйствіяхъ, которыя имѣютъ характеръ свободныхъ, въ высшемъ или въ строгомъ смыслѣ слова; а свободна ли воля, изъ которой происходятъ эти дѣйствія, вопросъ этотъ опять остается въ сторонѣ.

Итакъ, и дѣятельности зависящія отъ психическихъ стимуловъ, представляютъ постепенный рядъ, въ которомъ „элементъ произвола“ становится все сильнѣйшимъ и значительнѣйшимъ. Полную сознательность мы приписали представленіямъ, которыя развились до формы логическаго понятія. Вполнѣ свободною оказывается дѣятельность происходящая изъ мотивовъ, которые были взвѣшены, избраны, признаны и одобрены въ спокойномъ, владѣющемъ собою сознаніи. Способность къ такой дѣятельности есть идеалъ, который весьма рѣдко достигается дѣйствительнымъ развитіемъ воли и образованіемъ характера. Часто наши дѣйствія слѣдуютъ или просто изъ ощущеній,

помимо нашего желанія, или изъ такихъ желаній, которымъ не предшествовалъ сознательный выборъ, но которыя родились изъ случайной встрѣчи представленій или изъ игры фантазіи. Въ ежедневной жизни мы различаемъ хотѣніе и прихоть, или капризъ. Также весьма чисто дѣятельность оказывается свободною только со стороны средствъ, которыя избрали мы, а не со стороны цѣлей, которыя навязываются намъ постоянными или періодическими нуждами организма и невольнымъ потокомъ представленій. Наконецъ, почти всегда отъ сознательнаго выбора, отъ нарочитаго взвѣшиванія мотивовъ, зависятъ только начальныя и основныя направленія дѣятельностей, а подробности въ ихъ развитіи мы предоставляемъ исполнять психическому потоку представленій и зависящимъ отъ него автоматическимъ движеніямъ тѣлесныхъ органовъ. Все это случаи, въ которыхъ, говоря словами Льюиса, элементы произвольности и непроизвольности перемѣшаны въ одномъ и томъ же дѣйствіи. Все это случаи, гдѣ выборъ, одобреніе, рѣшимость, опредѣляютъ только нѣкоторыя формы сложнаго дѣйствія, которое во всѣхъ остальныхъ частяхъ исполняется механическими дѣятелями, существующими въ душевномъ образованіи и тѣлесномъ устройствѣ.

Льюисъ замѣчаетъ, что дѣйствія произвольныя, вслѣдствіе частаго повторенія, дѣлаются непроизвольными и совершаются автоматически. Это не подлежитъ сомнѣнію; но это не доказываетъ, что въ дѣйствіяхъ произвольныхъ нѣтъ особеннаго элемента, который отличалъ бы ихъ отъ дѣйствій непроизвольныхъ. Пока дѣвушка учится пѣть, танцовать и играть, она контролируетъ каждое движеніе своихъ ногъ, горла и пальцевъ. Послѣ продолжительной практики она совершаетъ эти дѣйствія автоматически, поетъ, играетъ, танцуетъ, не думая и почти не обращая вниманія на положеніе своихъ членовъ. Это такое явленіе, на которомъ главнымъ образомъ основывается возможность сильнаго и богатаго душевнаго образованія. Отъ выбора, отъ произвола, отъ сознательной рѣшимости, будетъ зависѣть только начало названныхъ дѣятельностей; позволительно думать, что дѣвушка, хотя играетъ, поетъ, танцуетъ автоматически, однако начинаетъ эти дѣйствія произвольно,—да еще соображеніе и разчетъ она будетъ направлять

на главныя формы дѣйствія, чтобы доставлять имъ все большее и большее совершенство. Чѣмъ автоматичнѣе совершается дѣятельность, тѣмъ болѣе нашъ произволъ контролируетъ то что̀ имѣетъ особенную важность въ этомъ дѣйствіи и что̀ придаетъ ему все бо́льшую и бо́льшую цѣну. Пока мы учимся писать, мы не думаемъ о томъ что̀ мы пишемъ. Когда же мы достигаемъ того, что наша рука пишетъ автоматически, тогда вся наша сознательная дѣятельность, всѣ разчеты и всѣ виды оцѣнки сосредоточиваются на мысляхъ, которыя мы хотимъ изложить на бумагѣ: мы не развлекаемся тогда обязанностями контролировать безконечно разнообразныя и мелкія движенія руки; мы отдаемся исполненію дѣла, которое мы считаемъ главнымъ и существеннымъ. Такимъ образомъ, чѣмъ обширнѣе дѣлается кругъ движеній автоматическихъ, тѣмъ болѣе дѣятельность, въ полномъ смыслѣ произвольная, направляется на преслѣдованіе высшихъ интересовъ и достиженіе достойнѣйшихъ цѣлей. Во всякомъ случаѣ, то самое обстоятельство, что произвольныя дѣйствія выполняются наконецъ автоматически могло бы доказывать физіологу, что „элементъ воли“ есть стимулъ также дѣйствительный, какъ и простое ощущеніе: этотъ элементъ обнаружилъ на систему движеній вліяніе до того сильное, что съ теченіемъ времени движенія эти повторяются сами собою и механически, какъ разъ въ томъ порядкѣ, какой сначала принимали они неохотно, принимали только вслѣдствіе особеннаго контроля воли.

Мы не думаемъ, что наши замѣчанія, какъ они ни длинны, сокращаютъ разстояніе между языкомъ психологіи и языкомъ физіологіи. Опредѣленія въ родѣ того, что ощущеніе есть отвѣтъ нервнаго центра на внѣшній стимулъ, что дѣйствіе есть отвѣтъ тѣлесныхъ органовъ на стимулъ внутренній, также, что дѣйствіе подлежащее контролю есть отвѣтъ тѣлеснаго органа на ощущеніе мозговое,—всѣ такія опредѣленія долго будутъ являться въ физіологіи, какъ достаточно ясныя и основательныя. Физіологъ смотритъ на вещи, которыя подлежатъ его изученію, со стороны. Онъ видитъ въ нихъ явленія, которыя существуютъ въ пространствѣ и измѣняются во времени, не имѣя никакого отношенія къ нашему сознанію. Въ этихъ вещахъ ровно ничто не измѣняется отъ того, знаемъ ли мы

о нихъ или нѣтъ. Наше знаніе по отношенію къ нимъ посторонній зритель, а не элементъ, въ которомъ они существуютъ. Слѣдуя этой привычкѣ чисто объективнаго наблюденія при изученіи душевныхъ явленій, физіологъ видитъ въ ощущеніяхъ, представленіяхъ, идеяхъ, процессы или измѣненія, которыя существуетъ не во внутреннемъ элементѣ, а существуютъ просто, какъ и всѣ вещи на свѣтѣ, въ опредѣленномъ пространствѣ и въ опредѣленное время. Съ этой точки зрѣнія онъ находитъ понятнымъ, что чувствительность есть свойство нервныхъ центровъ, что ощущеніе есть возбужденное состояніе этихъ центровъ, что различныя душевныя дѣятельности размѣщаются по различнымъ частямъ мозга, что одно ощущеніе разрѣшается въ другое, что ощущеніе можетъ быть пространственнымъ двигателемъ руки, ноги, и т. д. Хотя Льюисъ, какъ мы не разъ видѣли, очень хорошо понимаетъ особенность психическихъ явленій, которыя, говоря вообще, суть формы, положенія и состоянія сознанія, и которыя, внѣ этого элемента, не существуютъ еще какъ-нибудь на манеръ вещей и ихъ процессовъ; однако мы имѣли случай убѣдиться, что и онъ часто отдается физіологическимъ привычкамъ, часто смотритъ на психическія явленія какъ на какія-то нематеріяльныя вещи, которыя, пожалуй, могъ бы непосредственно видѣть и посторонній зритель, еслибъ ему удалось подступить къ мѣстамъ, гдѣ онѣ находятся. Отсюда у него тотъ физіологическій языкъ, которымъ психологъ не всегда можетъ пользоваться. Все вліяніе этого физіологическаго взгляда обнаруживается въ ученіи Льюиса о чувствительности спиннаго мозга и въ его теоріи рефлексивныхъ движеній. Общія относящіяся сюда положенія уже извѣстны намъ: чувствительность есть свойство каждаго нервнаго центра, слѣдовательно и спиннаго мозга. Всѣ дѣйствія или движенія рефлективны: но такъ какъ ощущенія составляютъ источникъ ихъ, то рефлектируется не физіологическая перемѣна нерва чувствительности на нервъ движенія, нѣтъ, на этотъ нервъ рефлектируется ощущеніе, которое происходитъ въ нервномъ центрѣ, когда возбуждаетъ его физіологическая перемѣна нерва чувствительности. Внѣшній стимулъ раздражаетъ нервъ чувствительности, это раздраженіе передается нервному центру и возбуждаетъ его

чувствительность, которая вслѣдствіе этого дѣлается ощущеніемъ. Это ощущеніе рефлектируется на нервъ двигательный, и разрѣшается такимъ образомъ въ движеніе тѣлесныхъ органовъ. Но въ какой мѣрѣ эти положенія достовѣрны или сомнительны, какія выгоды или неудобства представляютъ они для психологіи, къ какимъ общимъ воззрѣніямъ на жизнь тѣлесную и душевную предрасполагаютъ они — все это вопросы очень сложные. Они могутъ послужить предметовъ особой статьи, а теперь увлекли бы насъ слишкомъ далеко отъ предположенной задачи.

П. ЮРКЕВИЧЪ.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ[1]

Переводъ съ англійскаго.

МЕЖДУ СЦЕНАМИ.

I. Отъ Норы Ванстонъ къ мистеру Пендрилю.

Вестморландъ Гаузъ, Кенсингтонъ.
14 августа, 1846 года.

„Любезный мистеръ Пендриль, число и адресъ этого письма скажутъ вамъ, что совершилась и послѣдняя тягостная для насъ разлука. Мы оставили Комбъ-Ревенъ; мы распрощались съ нашимъ домомъ.

„Я серіозно думала о томъ, о чемъ вы говорили мнѣ въ среду, передъ отъѣздомъ. Согласна съ вами, что миссъ Гартъ болѣе разстроена всѣмъ выстраданнымъ ею ради насъ нежели показываетъ, и что мой долгъ — отстранять отъ нея, въ будущемъ, всѣ возможныя безпокойства касательно меня и сестры. Велика ли это услуга лучшему изъ нашихъ друзей, нашей второй матери! Во всякомъ случаѣ, за услугу эту примусь я отъ всего сердца.

„Но я должна сказать вамъ, и прошу за то извиненія,

[1] См. *Русскій Вѣстникъ*. № 7.

что, какъ и прежде, я далеко не согласна съ вашимъ мнѣніемъ о Магдалинѣ. Я такъ цѣню, въ нашемъ несчастномъ положеніи, вашу помощь, такъ дорожу участіемъ довѣреннаго совѣтника и стараго друга моего отца, что мнѣ крайне непріятно быть несогласною съ вами во мнѣніяхъ, и, со всѣмъ тѣмъ, я не согласна. Магдалина кажется странною и необъяснимою тѣмъ, которые не знакомы съ ней близко. Что она невинно смутила васъ и что она выказала себя съ самой дурной стороны,—это я допускаю. Но допустить, чтобы ея выраженія и поведеніе въ прошлую среду, основывались на томъ чувствѣ къ разорившему насъ человѣку, на которое вы намекали,—я рѣшительно не могу. Еслибы вы знали ея благородную натуру, какъ я знаю, васъ не удивило бы мое упрямое разногласіе съ вами. Не измѣните ли вы вашего мнѣнія? На слова мистера Клера я не обращаю вниманія; онъ ни во что не вѣритъ. Но вашимъ словамъ я придаю большое значеніе, и зная ваше доброе расположеніе къ намъ, я очень огорчена, что вы несправедливы къ Магдалинѣ.

„Облегчивъ себя этимъ признаніемъ, я приступаю къ самому предмету моего письма. Я обѣщала, если у васъ не найдется свободнаго времени посѣтить насъ сегодня, написать вамъ и разказать все что случилось послѣ вашего отъѣзда. День прошелъ, васъ не было, и я принимаюсь за перо, чтобъ исполнить свое обѣщаніе.

„Я должна сказать вамъ, не безъ грусти, что три особы изъ женской прислуги — горничная, кухонная прислужница, и даже наша дѣвушка (съ которою мы обращались всегда очень ласково), тотчасъ же по уплатѣ вами жалованья и вашемъ отъѣздѣ, поспѣшили уложить свои пожитки и оставить насъ. Онѣ пришли проститься съ нами такъ сухо и холодно, какъ будто уходили при обыкновенныхъ обстоятельствахъ. Кухарка, несмотря на свой вспыльчивый и грубый характеръ, поступила иначе; она прислала сказать намъ, что останется и будетъ помогать намъ, пока мы не уѣдемъ. Томасъ же (который нигдѣ еще кромѣ нашего дома не нанимался въ услуженіе) говорилъ съ такимъ чувствомъ о неизмѣнной добротѣ нашего дорогаго отца къ нему и такъ убѣдительно просилъ у насъ позволенія прислуживать намъ, пока позволятъ ему его небольшія сбереженія, что мы

съ сестрой отъ души пожали ему руку. Бѣдняжка вышелъ изъ комнаты весь въ слезахъ. Желаю ему всего лучшаго, и надѣюсь, что онъ найдетъ себѣ добраго барина и хорошее мѣсто.

„Нашъ послѣдній, нескончаемый, безмолвный и дождливый вечеръ въ Комбъ-Ревенѣ былъ для насъ тяжелымъ испытаніемъ. Мнѣ кажется, что будь это зимою, намъ не такъ было бы тяжело: опущенныя сторы, яркія лампы и привѣтливый огонекъ пособили бы намъ. Насъ оставалось въ домѣ всего пятеро, — а прежде домъ былъ такъ полонъ! Не могу выразить вамъ, какъ грустно глянулъ, около семи часовъ, вечерѣвшій день въ опустѣвшія комнаты. Длинные лѣтніе вечера хороши для счастливыхъ людей, не правда ли? Намъ оставалось только забыться въ хлопотахъ, и миссъ Гартъ пособляла намъ въ этомъ. Приготовленія къ отъѣзду, въ теченіе дня, представлялись намъ издали дѣломъ страшнымъ, а къ вечеру они уже казались намъ убѣжищемъ, въ которомъ могли мы спастись отъ самихъ себя. Сначала мы принялись укладываться, каждая въ своей комнатѣ; но одиночество стало для насъ невыносимо. Тогда мы снесли всѣ наши вещи внизъ, на большой обѣденный столъ, и начали укладываться вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Увѣрена, что мы не захватили ничего что не принадлежало бы собственно намъ.

„Сказавъ выше, что, по моему убѣжденію, Магдалина не была похожа на себя въ прошлую среду, я хочу теперь остановиться на этомъ и привести вамъ доказательство въ подтвержденіе моихъ словъ. Это—небольшое обстоятельство случившееся въ среду вечеромъ.

„Когда мы уложили наши платья и праздничные подарки, наши книги и ноты, то принялись разбирать письма перемѣшавшіяся на одномъ и томъ же столѣ. Нѣкоторыя изъ моихъ писемъ попали къ Магдалинѣ, нѣкоторыя изъ ея очутились у меня. Между этими послѣдними, я нашла карточку, данную ей, въ началѣ года, однимъ актеромъ, который устраивалъ домашній спектакль, гдѣ она участвовала. Онъ далъ ей карточку, съ своимъ именемъ и адресомъ, полагая, что она будетъ участвовать во многихъ другихъ спектакляхъ и не забудетъ рекомендовать его. Я разказываю вамъ всѣ эти мелкія подробности, чтобы по-

казать, какъ мало значенія можетъ имѣть сохраненіе подобной карточки въ нашихъ обстоятельствахъ. Естественно, что я швырнула ее черезъ столъ на полъ. Та упала у самаго мѣста, гдѣ сидѣла Магдалина. Она подняла карточку, прочла ее и съ жаромъ объявила, что не рѣшилась бы разстаться съ этою бездѣлкой ни за что въ мірѣ. Она даже разсердилась на меня за то, что я бросила карточку, разсердилась и на миссъ Гартъ за то, что та спросила къ чему она ей. Можно ли найдти лучшее доказательство тому, что наши несчастія, обрушившіяся на нее сильнѣе чѣмъ на меня, совершенно разстроили ее? Безъ сомнѣнія, слова и манеры ея не должны быть объясняемы въ дурную сторону, когда она не въ состояніи владѣть собою и блажитъ какъ ребенокъ по поводу пустѣйшей вещи.

„Когда минуло одиннадцать часовъ, мы отправились наверхъ, въ надеждѣ отдохнуть немного.

„Я отдернула занавѣсь и взглянула въ окно. О, какъ печальна была эта послѣдняя ночь! Не видно было ни мѣсяца, ни звѣздъ; мракъ былъ такъ глубокъ, что я не могла разсмотрѣть ни одного изъ знакомыхъ предметовъ нашего сада, а тишина—такая мертвая, что даже мои собственныя движенія пугали меня! Я попыталась лечь и заснуть, но чувство ужасной тоски одиночества снова овладѣло мною. Вы скажете, пожалуй, что мнѣ уже двадцать шесть лѣтъ, и что мнѣ слѣдовало бы лучше владѣть собою. Не знаю какъ, но я очутилась въ комнатѣ Магдалины, какъ бывало часто въ дѣтствѣ прокрадывались мы другъ къ другу. Она не ложилась еще, а сидѣла задумчиво, съ чернилами и бумагой передъ собою. Я сказала, что желала бы провести съ ней послѣднюю ночь; она поцѣловала меня и попросила ложиться, обѣщаясь скоро послѣдовать за мной. Я успокоилась немного и заснула. Уже совсѣмъ разсвѣло, когда я проснулась, и первое что бросилось мнѣ въ глаза была Магдалина, все также, въ задумчивости, сидѣвшая на своемъ стулѣ. Она вовсе не ложилась и не заснула во всю ночь.

„— Я высплюсь, когда мы уѣдемъ изъ Комбъ-Ревена, сказала она. — Мнѣ будетъ легче, когда все это кончится и когда я прощусь съ Франкомъ.—Въ ея рукѣ было завѣщаніе отца и его письмо къ вамъ; она передала ихъ мнѣ. — Ты старшая, сказала она, и эта дорогая память должна

храниться у тебя.—Я хотѣла предложить ей подѣлиться, но она отказалась.—Я для себя списала, отвѣчала она, — все, что̀ онъ говоритъ о насъ въ завѣщаніи и въ письмѣ.— Тутъ, она взяла съ своей груди бѣлый шелковый мѣшечекъ сшитый ею ночью, и положила въ него списанные отрывки, чтобы хранить ихъ всегда при себѣ.—Здѣсь, собственныя слова его будутъ говорить мнѣ о его послѣднихъ желаніяхъ, которыхъ предметомъ были мы обѣ, сказала она:—болѣе мнѣ ничего не нужно.

„Все это мелочи, и я удивляюсь себѣ, какъ мнѣ не совѣстно занимать васъ ими. Но съ тѣхъ поръ какъ я узнала о вашей давней пріязни съ отцомъ и матушкой, я привыкла считать васъ нашимъ старымъ другомъ. Кромѣ того, мнѣ такъ хотѣлось бы перемѣнить ваше мнѣніе о Магдалинѣ, что я не могу удержаться отъ передачи вамъ даже всякихъ мелочей, которыя, какъ мнѣ кажется, могутъ расположить васъ согласиться со мною.

„Собравшись къ завтраку (въ четвергъ утромъ), мы съ удивленіемъ нашли на столѣ престранное письмо. Оно было адресовано на имя миссъ Гартъ, окружено широкою траурною каймой и писано тѣмъ самымъ господиномъ, который однажды, прошлою весной, преслѣдовалъ насъ на прогулкѣ, капитаномъ Реггомъ [1]. Цѣль его, повидимому, еще разъ заявить свое дерзкое притязаніе на родство съ моею бѣдною матушкой, подъ предлогомъ соболѣзнованія. Онъ выражаетъ свое соболѣзнованіе о постигшемъ насъ ударѣ, о которомъ онъ узналъ изъ журналовъ, и спрашиваетъ, въ *postscriptum*'ѣ (очевидно, не зная всего происшедшаго), желательно ли было бы, чтобъ онъ вмѣстѣ съ другими родственниками присутствовалъ при чтеніи завѣщанія. Адресъ его: „Почтовая контора въ Бэрмингамѣ“. Вотъ все что̀ имѣю я сказать объ этомъ предметѣ. И письмо и писавшій его, по моему, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія ни съ нашей, ни съ вашей стороны.

„Послѣ завтрака, Магдалина оставила насъ и ушла одна въ утреннюю комнату. Погода была дождливая, и мы желали, чтобы Франсисъ Клеръ видѣлся съ нею въ этой

---

[1] Просимъ читателей исправить это имя въ первыхъ главахъ (*Р. В.* № VII), гдѣ оно значится *Редфэ*. По-англійски это имя пишется *Wragge*, а не *Wrage*, какъ, по недосмотру, показалось переводчику.

комнатѣ, когда придетъ прощаться. Я была на верху, когда онъ явился, и просидѣла тамъ болѣе получаса, сильно тревожась, какъ вы можете судить, за Магдалину.

Наконецъ я сошла въ низъ. Спустившись, я вдругъ услышала голосъ Магдалины, умолявшей и звавшей Франка, затѣмъ громкія рыданія, потомъ страшный смѣхъ и визгъ, вмѣстѣ раздавшіеся на весь домъ. Я тотчасъ же бросилась въ комнату и нашла Магдалину на диванѣ въ ужасной истерикѣ, а Франка стоявшаго съ выпученными глазами и раздраженнымъ лицомъ, и кусавшаго себѣ ногти.

„Мною овладѣло такое негодованіе,—хотя я и не знала, что̀ произошло между ними,—что я схватила мистера Франсиса Клера за плеча и вытолкнула его вонъ изъ комнаты. Я со всею аккуратностію разказываю вамъ, какъ я съ нимъ поступила и что̀ вызвало меня на это: я знаю, какъ онъ сердитъ на меня и какъ готовъ злословить мой, какъ онъ выразился, неблагопріличный поступокъ. На случай, если онъ станетъ говорить и вамъ объ этомъ, я спѣшу сама засвидѣтельствовать, что забылась,—но, какъ вы надѣюсь согласитесь, не совсѣмъ безъ повода.

„Я вытолкала его въ переднюю, оставивъ Магдалину на попеченіе миссъ Гартъ. Вмѣсто того чтобъ уйдти, онъ угрюмо усѣлся на одинъ изъ стульевъ въ передней.—Позвольте узнать причину вашего необыкновеннаго поступка, спросилъ онъ, дерзко смотря на меня. — Нѣтъ, отвѣчала я,—потрудитесь сами отыскать причину и оставьте насъ немедленно.—Онъ продолжалъ сидѣть, кусая ногти и раздумывая.—Чѣмъ заслужилъ я подобное обращеніе? спросилъ онъ, помолчавъ.—Я не стану вступать съ вами ни въ какія объясненія, отвѣчала я, и прошу васъ только оставить насъ. Если вы намѣрены дожидаться, чтобъ еще разъ видѣться съ сестрою, то я сейчасъ же отправлюсь къ вашему отцу.—Слова эти взбѣсили его.—Со мною поступили нечестно, произнесъ онъ. На мою долю пришлись всѣ непріятности и жертвы. Изъ всѣхъ васъ только у меня одного есть сердце; остальные всѣ какъ камень, не исключая и Магдалины. То она говоритъ, что любитъ меня, то отсылаетъ въ Китай. За что трактуютъ меня съ такою бездушною непослѣдовательностью? Самъ я послѣдователенъ; я желаю только остаться дома, а вотъ вы всѣ противъ меня.—Ворча, въ этомъ же родѣ, онъ спустился съ крыльца

и исчезъ для меня навсегда. Вотъ все что̀ было между нами. Все, что̀ онъ еще скажетъ вамъ, будетъ неправда. Онъ такъ и не возвращался. Черезъ часъ пришелъ отецъ его проститься. Онъ видѣлся только со мной и съ миссъ Гартъ, и сказалъ намъ, что съ вашею помощью онъ приметъ необходимыя мѣры, чтобы за сыномъ его крѣпко смотрѣли въ Лондонѣ, и когда придетъ время, спровадили бы на корабль. Визитъ былъ короткій, прощаніе грустное. Даже мистеръ Клеръ былъ огорченъ, хотя и скрывалъ это.

„По уходѣ мистера Клера, у насъ оставалось еще часа два до отъѣзда. Я возвратилась къ Магдалинѣ, и нашла ее спокойною, хотя ужасно блѣдною, изнуренною и убитою, вѣроятно, отъ мыслей, которыми подѣлиться она не рѣшалась. Она не хотѣла сказать мнѣ ничего тогда, не сказала мнѣ ничего и послѣ, о происшедшемъ между ею и Франсисомъ Клеромъ. Когда я съ досадой заговаривала о немъ (находя, что онъ разстроилъ и измучилъ ее, между тѣмъ какъ онъ обязанъ былъ ободрять и успокоивать ее всѣми силами), она не хотѣла меня слушать; она съ нѣжностію извиняла его, заступалась за него, и приписывала себѣ всю вину ужаснаго состоянія, въ которомъ я застала ее. Не правда ли моя, что у нея благородный характеръ? И не измѣните ли вы своего мнѣнія о ней, прочтя эти строчки?

„У насъ нѣтъ друзей, которые пришли бы пожелать намъ добраго пути, а незначительное число нашихъ знакомыхъ живутъ слишкомъ далеко, а можетъ-быть они и слишкомъ равнодушны къ намъ, чтобы пріѣхать проститься. Остававшіяся у насъ минуты употребили мы на то, чтобъ еще разъ обойдти весь домъ. Мы простились съ нашею старою учебною комнатой, съ нашими спальнями, съ комнатой, гдѣ скончалась матушка, съ маленькимъ кабинетомъ, гдѣ папа сводилъ свои счеты и писалъ письма,—простились съ ними, какъ съ старыми друзьями. Пользуясь минутой хорошей погоды, мы сошли потомъ въ садъ и нарвали себѣ по послѣднему букету цвѣтовъ, чтобъ высушить ихъ, когда они станутъ увядать, и хранить въ воспоминаніе о былыхъ счастливыхъ дняхъ. Когда мы распрощались съ садомъ, у насъ осталось всего полчаса. Мы пошли къ могилѣ, безмолвно склонились надъ нею, и облобызали священную землю.

Сердце мое разрывалось на части. Августъ былъ мѣсяцемъ рожденія моей матери, и годъ тому назадъ, въ это самое время, отецъ, Магдалина и я совѣщались тайкомъ, какой бы сюрпризъ сдѣлать ей въ день ея рожденія.

„Еслибы вы видѣли какъ страдала Магдалина, вы никогда не стали бы сомнѣваться въ ней. Я принуждена была почти силой отвести ее отъ могилы отца и матушки. Не успѣли мы оставить кладбище, какъ она вырвалась у меня и кинулась назадъ. Она упала на колѣни у могилы, съ страстнымъ движеніемъ сорвала горсть травы и что-то сказала про себя, чего я не могла разслышать, хотя и подошла вслѣдъ за ней. Когда я хотѣла приподнять ее, она обернулась ко мнѣ съ такимъ безуміемъ и посмотрѣла на меня съ такимъ дикимъ выраженіемъ въ глазахъ, что я окаменѣла. Къ счастію, пароксизмъ прошелъ такъ же скоро, какъ и пришелъ. Она скрыла пучокъ травы на груди, схватила меня за руку и бросилась бѣжать со мной съ кладбища. Я спросила ее, зачѣмъ она воротилась, и что за слова произнесла она надъ могилой.—Я дала обѣтъ покойному отцу, сказала она, и на лицѣ ея мелькнуло то же дикое выраженіе, которое поразило меня передъ этимъ. Я не хотѣла волновать ее дальнѣйшими распросами, и отложила ихъ до болѣе удобнаго и спокойнаго времени. Изъ всего этого вы поймете, какъ ужасно страдаетъ она, какъ дико и странно поступаетъ она въ сильномъ волненіи, и не станете объяснять не въ ея пользу сказанное, но не сдѣланное ею при васъ, въ прошлую среду.

„Мы возвратились домой какъ разъ, чтобы поспѣшить, не теряя ни минуты, къ поѣзду. Быть-можетъ, это было лучше для насъ,—лучше что мы лишь мелькомъ могли оглянуться на нашъ Комбъ-Ревенъ прежде чѣмъ онъ скрылся отъ насъ при поворотѣ дороги. На станціи мы не встрѣтили никого изъ знакомыхъ; никто не замѣчалъ насъ, никто не пожелалъ намъ добраго пути. Когда мы заняли мѣста въ вагонѣ, дождь пошелъ опять. Что чувствовали мы при видѣ желѣзной дороги, какія страшныя воспоминанія подняла она въ нашей душѣ о случаѣ лишившемъ насъ отца,—я не могу, да и не рѣшилась бы разказывать вамъ. Я старалась не придавать этому письму грустнаго тона, чтобы не огорчить васъ нашимъ горемъ въ отвѣтъ на ваше доброе расположеніе къ намъ. Быть-

можетъ, однако, я слишкомъ распространилась о маленькомъ эпизодѣ нашего разставанія съ домомъ. Въ оправданіе скажу только, что мое сердце переполнено имъ; того же, чего нѣтъ въ сердцѣ, перо не стало бы писать.

„Мы такъ недавно еще въ нашемъ новомъ жилищѣ, что я ничего не могу сказать о немъ, развѣ только то, что сестра миссъ Гартъ приняла насъ съ самымъ сердечнымъ радушіемъ. Она предоставила насъ самимъ себѣ, пока мы не будемъ въ состояніи подумать о томъ какъ намъ послѣ быть. Домъ такъ великъ, и наши комнаты выбраны такъ удачно, что я не знала бы о существованіи школы, еслибы не слышала смѣха дѣвочекъ въ саду.

„Миссъ Гартъ и сестра моя желаютъ вамъ всего лучшаго, а я прошу васъ,

любезный мистеръ Пендриль,
вѣрить моей признательности къ вамъ
Нора Ванстонъ.“

II. Отъ миссъ Гартъ къ мистеру Пендрилю.

Вестморландъ Гаузъ, Кенсингтонъ,
23-го сентября, 1846.

„Пишу вамъ эти строки въ неизъяснимомъ волненіи. Магдалина ушла отъ насъ. Рано утромъ сегодня, оставила она домъ, и съ тѣхъ поръ мы ничего не знаемъ о ней.

„Я сама пришла бы переговорить съ вами лично, но не смѣю оставить Нору. Я должна пересилить свое волненіе и попытаться писать.

„Ничто вчера не могло приготовить меня или Нору къ этому послѣднему,—я почти готова сказать,—самому ужасному изъ нашихъ бѣдствій. Единственная перемѣна, которую мы замѣтили въ несчастной дѣвушкѣ, была особенная нѣжность вечеромъ, когда мы расходились. Она поцѣловала меня, чего давно уже не дѣлала, и зарыдала, когда стала обнимать сестру. Мы такъ мало подозрѣвали въ чемъ дѣло, что въ этихъ проявленіяхъ воскресшей нѣжности и ласковости видѣли самые утѣшительные признаки.

„Сегодня утромъ, сестра, войдя въ ея комнату около восьми часовъ, нашла ее пустою; на туалетѣ лежала записка къ Норѣ. Нора не хочетъ разставаться съ этою запиской, и я могу послать вамъ только копію съ нея. Впрочемъ, изъ этихъ строкъ нельзя извлечь никакихъ указаній на то куда она скрылась.

„Зная цѣну времени, въ подобныхъ обстоятельствахъ, я осмотрѣла немедленно комнату, и, съ помощью сестры моей, распросила прислугу. Ея шкафъ съ платьемъ былъ пустъ, равно, какъ и всѣ ящики, исключая одного, который, вѣроятно, она взяла съ собой. Мы думаемъ, что она тайно продала всѣ свои платья и бриліанты, что единственный сундучокъ, взятый ею съ собой, она выпроводила изъ дому вчера еще, и что сегодня она отправилась пѣшкомъ. Отвѣты одной горничной были такъ сбивчивы, что мы подозрѣваемъ ее въ соучастіи и содѣйствіи Магдалинѣ къ побѣгу, который иначе едва ли бы удался ей.

„Я знаю съ какою цѣлью она скрылась отъ насъ.

„У меня есть основанія (которыя я сообщу вамъ въ болѣе удобную минуту) думать, что она ушла съ цѣлью попытать счастія на сценѣ. У нея была карточка одного актера, устраивавшаго домашній спектакль въ Клифтонѣ, въ которомъ она участвовала: къ нему-то, навѣрное, обратилась она. Когда-то я видѣла эту карточку, и знаю, что имя актера Гакстеблъ. Адреса я немогу припомнить въ точности, но почти увѣрена, что это гдѣ-то около театровъ, въ Боу-Стритѣ, близь Ковентъ-Гардена. Позвольте мнѣ попросить васъ, не теряя ни минуты, распорядиться начатіемъ розысковъ; первые слѣды ея, я убѣждена, будутъ открыты тамъ.

„Еслибы вся бѣда состояла только въ ея желаніи вступить на сцену, я не была бы такъ разстроена и огорчена. Сотни дѣвушекъ поступали такъ и кончали не дурно. Но мои опасенія не ограничиваются только этимъ однимъ рискомъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Комбъ-Ревенъ, что-то лежало у ней на душѣ, особенно въ послѣднее время. До отъѣзда Френсиса Клера изъ Англіи, она, я увѣрена, надѣялась тайно увидѣться съ нимъ. Когда она узнала, что мѣры принятыя вами для предупрежденія этого удались, и убѣдилась, что онъ уѣхалъ, ничто уже болѣе ни волновало, ни интересовало ее. Она

все болѣе и болѣе отдавалась занимавшимъ ее мыслямъ, которыя въ первый разъ запали въ ея голову, кажется, въ тотъ день, когда она узнала о полномъ разрушеніи плановъ, отъ которыхъ зависѣла ея свадьба. Она приняла какое-нибудь отчаянное рѣшеніе оспаривать права Михаила Ванстона на состояніе ея отца, а сцена для нея не болѣе какъ средство освободиться отъ всякой домашней зависимости, и имѣть возможность предпринимать что̀ угодно, внѣ всякаго контроля. Вы можете себѣ представить, чего мнѣ стоитъ писать о ней такимъ образомъ. Но ужь я не забочусь теперь о моихъ личныхъ чувствованіяхъ. Все что̀ можетъ ознакомить васъ съ истинною опасностью и усилить ваше убѣжденіе въ настоятельной необходимости предупредить ее, я высказываю, не щадя себя, съ полною рѣшимостью и откровенностью.

„Еще одно слово.

„Помните вы, какъ въ ваше послѣднее посѣщеніе, она смутила насъ своимъ вопросомъ о правѣ носить отцовское имя? Помните какъ настойчиво допрашивала она васъ до тѣхъ поръ пока не заставила признаться, что, говоря юридически, она съ сестрой остается безъ имени? Я припоминаю вамъ это, потому что вы завалены дѣлами сотни кліентовъ, и могли позабыть это обстоятельство. Какъ бы ни было въ ней сильно отвращеніе обманывать насъ и унижать себя принятіемъ чужаго имени, но оно, я увѣрена, изчезло въ ней послѣ этого разговора. Только по личнымъ примѣтамъ можемъ мы отыскивать ее.

„Ничего болѣе не приходитъ мнѣ въ голову для руководства вамъ въ розыскахъ. Ради Бога, не щадите ни издержекъ, ни усилій. Письмо это посылаю вамъ съ нарочнымъ: вы получите его не позже десяти часовъ утра. Позвольте мнѣ попросить у васъ строчки отвѣта, чтобъ я знала, что вы немедленно приметесь за дѣло. Единственная моя надежда успокоить Нору—показать ей слово отъ васъ. Примите и пр. Гарріета Гартъ.“

III. Отъ Магдалины къ Норѣ (въ конвертѣ предыдущаго письма).

„Голубка моя, прости меня. Я боролась съ собою, пока не обезсилѣла въ борьбѣ. Я — самое жалкое созданіе. Наша спокойная жизнь здѣсь выводитъ меня изъ себя; я не могу выносить этого долѣе, я должна бѣжать. Еслибы ты знала мои мысли, еслибы ты знала какъ упорно я боролась съ ними, и какъ страшно преслѣдовали онѣ меня въ уединенномъ затишьи этого дома, ты бы пожалѣла и простила меня. О, другъ мой, не огорчайся тѣмъ, что я не раскрываю тебѣ, какъ должна бы, всего моего сердца! Я не смѣю сдѣлать этого. Я не смѣю обнаружить всю себя передъ тобою.

„Пожалуста, не разыскивайте меня; я буду писать къ тебѣ и успокоивать всѣ твои тревоги обо мнѣ. Ты знаешь, Нора, что мы должны сами промышлять о себѣ; я выбрала для этого самый удобный для меня путь. Увѣнчаются ли мои усилія успѣхомъ или нѣтъ, вреда себѣ, ни въ какомъ случаѣ, я сдѣлать не могу. У меня нѣтъ положенія, котораго я могла бы лишиться, нѣтъ имени, которое могла бы унизить. Не сомнѣвайся въ моей любви, и не допускай миссъ Гартъ сомнѣваться въ моей благодарности. Сердце мое сжимается при мысли о разлукѣ съ вами; но я должна оставить васъ. Еслибъ я менѣе любила васъ, быть-можетъ, во мнѣ нашлось бы достаточно мужества, чтобы сказать все это въ вашемъ присутствіи; но могу ли я надѣяться устоять противъ вашихъ убѣжденій, при видѣ вашего горя? Прощай же, ангелъ мой. Цѣлую тебя, лучшаго, перваго друга моего, тысячу разъ, до свиданія.

„Магдалина.“

IV. Отъ сержанта Булмера (сыщика) къ мистеру Пендрилю.

Скотландъ Ярдъ, 29 сентября, 1846.

„Милостивый государь,—прикащикъ вашъ извѣстилъ меня, что лица интересующіяся нашими розысками о моло-

дой дѣвушкѣ, ждутъ извѣстій о ней. Я былъ сегодня въ вашей конторѣ, чтобъ поговорить съ вами объ этомъ. Не заставъ васъ дома, и не имѣя возможности зайдти опять ни сегодня, ни завтра, пишу вамъ эти строки, во избѣжаніе потери времени, и чтобы дать вамъ знать на сколько мы подвинулись.

„Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что со времени моего перваго донесенія, не сдѣлано никакого новаго открытія. Слѣды дѣвушки, отысканные нами за недѣлю предъ симъ, остаются до сихъ поръ послѣдними ея слѣдами. Издали дѣло это кажется очень просто; вблизи же, оно очень запутывается и становится, говоря правду, загадкой.

„Вотъ положеніе дѣла.

„Мы прослѣдили за дѣвушкой до театральнаго агента въ Боустритѣ. Мы знаемъ, что рано утромъ двадцать третьяго числа, агентъ, въ то время, какъ онъ одѣвался, былъ позванъ внизъ, къ молодой дѣвушкѣ, ожидавшей его у дверей въ извощичьей каретѣ. Мы знаемъ, что по предъявленіи карточки мистера Гакстебла, онъ написалъ на этой карточкѣ адресъ, и что она велѣла извощику ѣхать на станцію желѣзной дороги. Мы полагаемъ, что она уѣхала съ девятичасовымъ поѣздомъ. Мы послѣдовали за ней съ двѣнадцати-часовымъ поѣздомъ. Мы узнали, что въ половинѣ третьяго, она была на квартирѣ мистера Гакстебла, что она не застала его дома и услышавъ, что его не будетъ раньше восьми часовъ вечера, дала слово зайдти въ восемь часовъ, и что послѣ этого она вовсе не возвращалась. Мистеръ Гакстеблъ говоритъ, что онъ не видалъ ея. Первою моею мыслью было—вѣрить ли мистеру Гакстеблу? Я тщательно собралъ о немъ всевозможныя свѣдѣнія, и теперь знаю его столько же, если не болѣе, сколько онъ самъ себя знаетъ, и думаю, что мы *должны* вѣрить ему. По моему мнѣнію, онъ вполнѣ честный человѣкъ.

„Вотъ здѣсь-то и узелъ. Дѣвушка уѣзжаетъ съ опредѣленною цѣлью. Вмѣсто того чтобы стремиться къ ея достиженію, она вдругъ останавливается. Отчего остановилась она? и гдѣ? Къ сожалѣнію, на эти вопросы мы не можемъ пока отвѣчать.

„Вотъ мое мнѣніе о дѣлѣ. Я не думаю, чтобы съ ней случилось что-нибудь серіозное. Изъ десяти серіозныхъ случаевъ, девять обнаруживаются сами собою. Я полагаю,

что она попала въ руки людей заинтересованныхъ въ ея укрывательствѣ и довольно ловкихъ. Находится ли она у нихъ по собственному согласію или нѣтъ, этого я не могу сказать. Я не хочу возбуждать ни ложныхъ надеждъ, ни ложныхъ опасеній, и предпочитаю ограничиться высказаннымъ мною выше мнѣніемъ.

„Что до будущаго, то я оставилъ одного изъ моихъ помощниковъ для ежедневныхъ сношеній съ мѣстными властями. Я принялъ также мѣры для большаго распространенія объявленій, обѣщающихъ вознагражденіе за ея открытіе. Кромѣ того, я распорядился, чтобы мнѣ присылали всѣ афиши провинціяльныхъ театровъ и чтобы слѣдили за всѣми драматическими труппами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, это стоило бы значительной траты денегъ и времени. Къ счастію для насъ, провинціяльные театры въ плохомъ состояніи. Почти во всѣхъ второстепенныхъ городахъ, они закрыты, а за открытыми мы можемъ слѣдить безъ большихъ издержекъ и большихъ затрудненій.

„Таковы мѣры, которыя я счелъ полезнымъ принять теперь. Если вы не согласны со мною въ чемъ-нибудь, то вамъ стоитъ только сказать мнѣ, и я исполню по вашему. Я нисколько не сомнѣваюсь, что мы отыщемъ молодую дѣвушку, и возвратимъ ее живою и здоровою друзьямъ ея. Передайте имъ это, и позвольте увѣрить васъ въ почтеніи къ вамъ

Абрагама Булмера.“

V. Анонимное письмо къ мистеру Пендрилю.

„Милостивый государь! слово благоразумія. Друзья одной молодой дѣвицы напрасно тратятъ свое время и деньги. Вашъ довѣренный клеркъ и вашъ полицейскій сыщикъ ищутъ булавки въ сѣнѣ. Уже девятое октября, а они все еще не нашли ея: ужь лучше пускай ищутъ сѣверо-восточнаго пролива. Отзовите вашихъ собакъ, и вы узнаете о дѣвицѣ изъ ея же письма. Чѣмъ болѣе станете вы искать ея, тѣмъ долѣе останется она для васъ— потерянною.“

На этомъ послѣднемъ письмѣ надписано рукою мистера Пендриля:—„Нѣтъ видимой возможности узнать откуда эта записка. Почтовая марка: Чарингъ-Кроссъ. На внутренней сторонѣ конверта вырѣзано имя продавца бумаги. Почеркъ, повидимому, поддѣльный мужской. Авторъ, кто бы онъ ни былъ, знаетъ обстоятельства. Дальнѣйшихъ слѣдовъ младшей миссъ Ванстонъ не открыто до сихъ поръ."

СЦЕНА ВТОРАЯ

Скелдергетъ, Йоркъ.

I.

Въ той части Йорка, которая расположена на западной сторонѣ Аусы, есть узенькая улица называемая Скелдергетомъ и спускающаяся съ сѣвера на югъ, параллельно рѣкѣ. Ворота, которыя прежде вели въ Скелдергетъ, болѣе не существуютъ, а нѣсколько оставшихся въ улицѣ старыхъ домовъ оштукатурены и выбѣлены на новый манеръ. Мелкія и бѣдныя лавки, перемѣшанныя съ грязными товарными складами и печальными на видъ частными жилищами изъ краснаго кирпича, составляютъ теперешній Скелдергетъ. Со стороны рѣки, дома отдѣлены одинъ отъ другаго переулками, спускающимися къ рѣкѣ, и выходящими на небольшія площадки, за которыми возвышаются лѣса баржевыхъ мачтъ. У южнаго конца, улица оканчивается внезапно и открываетъ взору широкую Аусу, деревья, луга, публичное гуляніе по одному берегу рѣки и бичевую тропу—по другому.

Здѣсь, гдѣ обрывается улица, по ту сторону ея, которая далѣе отъ рѣки, есть небольшой узкій переулокъ выходящій къ пѣшеходному пути идущему посверхъ древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ Йорка. Въ этомъ переулкѣ всего только одинъ рядъ домовъ состоящихъ изъ дешевыхъ квартиръ, окна которыхъ прямо упираются въ массивную крѣпостную стѣну. Проходъ этотъ носитъ названіе Роз-

мери-лена. Мало свѣту проникаетъ въ него, мало людей живетъ въ немъ, ходящіе по Скелдергету минуютъ его, а посѣтители крѣпостныхъ стѣнъ, когда имъ приходится подыматься или спускаться глухимъ переулкомъ, стараются пройдти его какъ можно скорѣе.

Дворъ одого изъ домовъ этого затерянnаго уголка Йорка, тихо отворилась въ вечеру двадцать третьяго сентября тысяча восемьсотъ сорокъ шестаго года, и нѣкій мужчина напразился изъ Розмери-лена на Скелдергетъ.

Повернувъ къ сѣверу, господинъ этотъ направился потомъ черезъ мостъ къ торговому центру города. Онъ имѣлъ наружность почтенной бѣдности, держалъ въ рукахъ холщевой зонтикъ въ клеенкѣ, обходилъ тщательно всѣ грязныя мѣста мостовой и поглядывалъ вокругъ двумя разноцвѣтными глазами, — желчнокоричневымъ и желчнозеленымъ. Другими словами, незнакомецъ Розмери-лена былъ никто иной, какъ капитанъ Реггъ.

Понаружности, собственно, капитанъ не перемѣнился къ лучшему, съ того памятнаго весенняго дня, когда онъ представился миссъ Гартъ у воротъ Комбъ-Ревена. Манія акцій желѣзныхъ дорогъ этого пресловутаго года овладѣла даже осторожнымъ Реггомъ, отвлекла его отъ его обычныхъ аферъ и наконецъ совершенно его разстроила, какъ и многихъ почище его. Онъ утратилъ свою священническую наружность и поблекъ съ осеннею листвой. Его черный крепъ на шляпѣ,утративъ свой прежній цвѣтъ, сталъ коричневымъ.Его бѣлый воротничокъ и галстухъ скончались смертью стараго бѣлья и погребли себя на бумажной фабрикѣ, чтобъ ожить когда-нибудь снова въ стопахъ бумажной лавки. Сѣрая изпотенная охотничья жакетка, смѣнившая прежній фракъ, словно вѣрный слуга, хранила темныя секреты хозяйскаго бѣлья отъ глазъ любопытнаго. Съ головы и до ногъ, все платье капитана измѣнилось къ худшему, но самъ онъ оставался неизмѣненъ и непроницаемъ для дѣйствія общественной ржавчины. Онъ былъ такъ же любезенъ, разговорчивъ, исполненъ ласковаго достоинства, какъ всегда. Онъ такъ же прямо держалъ свою голову безъ воротничка, какъ и при немъ. Его истертый черный галстухъ былъ тщательно повязанъ, старые башмаки тщательно вычищены, а гладкостью своего подбородка онъ могъ ровняться съ высшими духовными сановниками Йорка.

Время, превратности, бѣдность, обрушивались не разъ на капитана, но не могли повергнуть его на земь. И теперь шагалъ онъ по улицамъ Йорка, какъ человѣкъ превыше всякихъ одѣяній и обстоятельствъ.

Достигнувъ моста, капитанъ Реггъ остановился и разсѣянно засмотрѣлся на суда въ рѣкѣ. Ясно было, что ему некуда спѣшить и нечего дѣлать. Въ это время, часы Йоркскаго собора пробили половину шестаго. Извощичьи кареты неслись мимо его, чрезъ мостъ, чтобъ успѣть встрѣтить лондонскій поѣздъ въ шесть часовъ безъ двадцати минутъ. Послѣ минутной нерѣшимости, капитанъ послѣдовалъ за каретами. Люди, имѣющіе привычку жить систематически на счетъ другихъ, любятъ посѣщать большія станціи желѣзныхъ дорогъ. Капитанъ Реггъ держался этой привычки, и заглянуть на станцію было для него очень кстати въ этотъ досужій вечеръ.

Онъ достигъ платформы нѣсколько минутъ спустя по прибытіи поѣзда. Неудовлетворительность административныхъ мѣръ для управленія большими стеченіями народа, составляющая національную особенность англійскихъ властей, нигдѣ такъ не выказывается какъ въ Йоркѣ. Три различныя линіи желѣзныхъ дорогъ, съ утра до вечера, сталкиваютъ здѣсь три толпы путешественниковъ подъ одною кровлей, предоставляя имъ поднимать совершенную сумятицу, которая еще усиливается содѣйствіемъ служащаго персонала. Обычный безпорядокъ достигъ своей высшей степени, когда капитанъ Реггъ приблизился къ платформѣ. Множество людей старались добраться до множества предметовъ по множеству направленій, толкаясь на одномъ мѣстѣ и не зная куда двинуться. Внезапно раздвинувшаяся толпа у вагоновъ втораго класса возбудила любопытство капитана. Онъ протолкался туда и увидѣлъ прилично одѣтаго господина, подбиравшаго съ полу, съ помощью прислужника и полисмена, печатные листки, вытолкнутые толпою изъ его рукъ.

Предложивъ свои услуги съ обычною своею предупредительностію, капитанъ Реггъ успѣлъ прочесть на подбираемыхъ листкахъ три отпечатанныя крупными литерами начальныя слова: „пятьдесятъ фунтовъ награды“, и тотчасъ же спряталъ одинъ листокъ, чтобы прочесть его при первомъ удобномъ случаѣ. Подымая листокъ,

онъ пристально и жадно слѣдилъ своими разноцвѣтными глазами за владѣльцемъ этихъ листковъ. Когда у человѣка нѣтъ пятидесяти пенсовъ въ карманѣ, то сердце его, если оно на мѣстѣ, начинаетъ крѣпче биться, а во рту, если онъ правильно устроенъ, непремѣнно появятся слюнки, при видѣ господина съ печатнымъ объявленіемъ о вознагражденіи въ пятьдесятъ фунтовъ.

Несчастный путешественникъ собралъ, какъ могъ, свою связку, и разспросивъ перваго попавшагося служителя бывшаго въ состояніи выслушать его, направился въ городъ. Онъ повернулъ вдоль по берегу рѣки и спустился къ переправѣ у Нортъ-стритскихъ воротъ. Капитанъ, слѣдовавшій за нимъ, сѣлъ также на паромъ и во время переправы, заглянулъ въ спрятанное имъ объявленіе. Тщательно отвернувшись отъ пріѣзжаго, капитанъ Раггъ прочелъ слѣдующее:

„ПЯТЬДЕСЯТЪ ФУНТОВЪ НАГРАДЫ.“

„*Молодая дѣвушка* оставила свой домъ, въ Лондонѣ, рано утромъ 23 сентября, 1846. Лѣтъ восьмнадцать. Одежда глубоко-траурная. Личныя примѣты: свѣтло-каштановые волосы; брови и рѣсницы темныя; свѣтлосѣрые глаза; цвѣтъ лица особенной блѣдности; нижняя часть лица кругла и полна; фигура прямая и стройная; походка замѣчательно свободная и граціозная; рѣчь открытая и рѣшительная; манеры и привычки образованной дамы. Особыя примѣты: два небольшія родимыя пятна на лѣвой сторонѣ шеи. Мѣтка на бѣльѣ „Магдалина Ванстонъ.“ Полагаютъ, что особа вступила или желаетъ вступить, подъ вымышленнымъ именемъ, въ драматическую трупу, находящуюся теперь въ Йоркѣ. При отбытіи изъ Лондона, кладжи съ ней было только одинъ черный ящикъ. Сообщившій требуемыя для отысканія ея свѣдѣнія получитъ вышеозначенное вознагражденіе. Обращаться къ стряпчему, мистеру Гарknессу, Коней-стритъ, въ Йоркѣ, или къ гг. Вайетту, Пендрилю и Гилту, Серль-стритъ, Линкольнсъ-Иннъ, въ Лондонѣ.“

Какъ ни привыкъ капитанъ Реггъ владѣть собою во всевозможныхъ житейскихъ случайностяхъ, однако глубокое удивленіе его при прочтеніи о мѣткѣ бѣлья пропавшей леди, заязилось восклицаніемъ поразившимъ даже перевоз-

чика. Пріѣзжій былъ менѣе внимателенъ и глядѣлъ съ нетерпѣніемъ на противоположный берегъ, на который и выскочилъ какъ только паромъ причалилъ. Капитанъ Реггъ между тѣмъ оправился, спряталъ объявленіе и снова послѣдовалъ за пріѣзжимъ.

Незнакомецъ повернулъ въ первую спускавшуюся къ рѣкѣ улицу, справился по своей книжкѣ о нумерахъ домовъ, и остановившись у одного, по лѣвой сторонѣ, позвонилъ. Капитанъ въ это время, подошелъ къ сосѣднему дому, сдѣлалъ такое движеніе какъ будто также позвонилъ, и повернулся спиной къ пріѣзжему, какъ будто ожидая, когда отворятъ ему, а въ сущности готовясь подслушать что-нибудь изъ словъ незнакомца.

Дверь быстро отворилась, и преинтересный разговоръ на порогѣ вознаградилъ ловкость капитана.

— Здѣсь живетъ мистеръ Гакстеблъ? спросилъ пріѣзжій.

— Здѣсь, сэръ, отвѣчалъ женскій голосъ.

— Дома онъ?

— Теперь, нѣтъ, сэръ; а будетъ дома въ восемь часовъ вечера.

— Кажется, одна молодая дама была здѣсь утромъ, а?

— Да, была сегодня пополудни.

— Такъ; я по тому же дѣлу. Видѣла она мистера Гакстебла?

— Нѣтъ, сэръ; его не было дома весь день. Молодая особа сказала мнѣ, что пріѣдетъ въ восемь часовъ.

— Такъ. Я приду повидаться съ мистеромъ Гакстебломъ въ это же время.

— Какъ доложить объ васъ, сэръ?

— Скажите просто: господинъ по театральному дѣлу; этого будетъ довольно. Позвольте на минуту. Я не знаю Йорка; не будете ли вы такъ добры указать мнѣ Конейстритъ?

Капитанъ Реггъ не счелъ нужнымъ слѣдовать за нимъ далѣе. Онъ зналъ изъ объявленія, что на Коней-стритѣ живетъ стряпчій, съ которымъ пріѣзжій долженъ былъ переговорить на счетъ обѣщанной награды.

Увидѣвъ и услышавъ покамѣсть довольно, капитанъ спустился по улицѣ, повернулъ направо и очутился на Эспланадѣ, которая въ этомъ мѣстѣ города идетъ вдоль рѣки отъ купалень до Лендальской башни. „Это дѣло семейное,“

разсуждалъ про себя капитанъ Реггъ, продолжая въ силу старой привычки считать себя родственникомъ матери Магдалины: „я долженъ хорошенько сообразить это дѣло.“ Онъ сунулъ свой зонтикъ подъ мышку, заложилъ за спину руки и погрузился въ размышленіе. Аккуратность и порядокъ, замѣчавшіеся въ бѣдной одеждѣ капитана Регга, были какъ бы отпечаткомъ той аккуратности и того порядка, съ которыми происходили разныя операціи въ его головѣ. Онъ всегда освѣщалъ лежавшій передъ нимъ путь цѣлымъ рядомъ альтернативъ; такъ поступилъ онъ и теперь.

По поводу замѣчательнаго, сдѣланнаго имъ теперь открытія, передъ нимъ лежало три пути. Вопервыхъ, онъ могъ не принять никакого участія въ дѣлѣ. Но этого нельзя допустить по фамильнымъ соображеніямъ; этого равномѣрно нельзя допустить по денежнымъ соображеніямъ; слѣдовательно это нейдетъ. Вовторыхъ, онъ могъ заслужить признательность друзей дѣвушки оцѣненную въ пятьдесятъ фунтовъ. Втретьихъ, своевременнымъ предостереженіемъ заслужить признательность самой дѣвушки, оцѣненную въ неизвѣстную величину. Между двумя послѣдними рѣшеніями, осторожный Реггъ заколебался, не изъ сомнѣнія въ денежныхъ средствахъ Магдалины (ибо онъ ничего не зналъ объ обстоятельствахъ лишившихъ сестеръ наслѣдства), но изъ боязни, не связанъ ли какой-нибудь неизвѣстный господинъ съ этимъ побѣгомъ. По зрѣломъ обсужденіи, онъ рѣшился выжидать и примѣняться къ обстоятельствамъ. Но прежде всего слѣдовало опередить лондонскаго посланнаго и отыскать дѣвушку. „Мнѣ жаль этой дѣвушки, бормоталъ онъ между тѣмъ, торжественно прохаживаясь по Эспланадѣ. Я всегда смотрѣлъ на нее, и всегда буду смотрѣть, какъ на племянницу.“

Гдѣ же была, въ это время, племянница? Другими словами, гдѣ могла дѣвушка, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ Магдалины, убить часы, остававшіеся до возвращенія мистера Гакстебла домой? Если, дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе какой-нибудь господинъ, то нечего и останавливаться на этомъ вопросѣ. Но если заключеніе, къ которому объявленіе подавало поводъ, вѣрно,— если она дѣйствительно одна, въ настоящую минуту, въ Йоркѣ,—то гдѣ бы могла она находиться?

Не въ шумныхъ улицахъ, безъ сомнѣнія. Не въ соборѣ осматриваетъ она достопримѣчательности, ибо и часы

осмотра уже миновали. Быть-можетъ, на станціи желѣзной дороги? Едва ли бы рѣшилась она на подобный рискъ. Быть-можетъ, въ какомъ нибудь отелѣ? Едва ли, принимая въ соображеніе, что она совершенно одна. Быть-можетъ въ кондитерской лавкѣ? Это немного вѣроятнѣе. Катается въ каретѣ? И это возможно. Или сидитъ себѣ гдѣ-нибудь, въ укромномъ мѣстечкѣ, подъ открытымъ небомъ? И это очень возможно въ такой прекрасный осенній вечеръ. Капитанъ остановился, и сравнивъ укромное мѣстечко съ кондитерскою лавкой, рѣшилъ дѣло въ пользу перваго. Оставалось еще довольно времени, чтобы поискать ее послѣ въ кондитерскихъ лавкахъ, справиться въ главныхъ отеляхъ, или же встрѣтить по сосѣдству дома мистера Гакстебла, отъ семи до восьми часовъ. А пока еще не стемнѣло, не дурно бы поискать ее въ укромныхъ мѣстечкахъ. Гдѣ же? Эспланада—мѣсто укромное, но ее нѣтъ здѣсь, какъ нѣтъ и на уединенной дорогѣ, которая спускается къ Аббей-Воллу. Гдѣ же еще? Капитанъ остановился, взглянулъ на другой берегъ рѣки, улыбнулся подъ впечатлѣніемъ новой мысли и быстро пустился къ переправѣ. „На крѣпостной стѣнѣ,“ сообразилъ нашъ смышленый господинъ, сверкнувъ своими разноцвѣтными глазами. „Это укромнѣйшее мѣстечко въ Йоркѣ, а между тѣмъ оно неизбѣжно посѣщается всѣми пріѣзжими.“

Черезъ десять минутъ, капитанъ Реггъ былъ уже на новомъ полѣ изслѣдованій. Онъ взошелъ на стѣну (окружающую всю западную часть города), у Нортъ-стрита, откуда начинается пѣшеходная дорога по стѣнамъ, оканчиваясь у южнаго края узкимъ спускомъ въ Розмериленѣ. Было семь часовъ, безъ двадцати минутъ. Солнце зашло уже съ полчаса; красный свѣтъ распространялся широко и низко на безоблачномъ западномъ небѣ; въ нѣжномъ полусвѣтѣ смягчались очерки предметовъ, но еще не терялись. Мелкими желтыми крапинками казались зажженные уже кое-гдѣ внизу фонари, когда пробирался нашъ капитанъ по одной изъ самыхъ поразительныхъ мѣстностей Англіи.

Направо разстилались поля, богатые зеленые луга, съ рядами порубежныхъ деревъ, со смѣлыми излучинами Аусы вдали, съ группами разбросанныхъ строеній ближе, прекрасными въ вечерней тишинѣ и вечернемъ покоѣ. Налѣво,

величественный западный фасадъ Йоркскаго собора высился надъ городомъ, отражая верхушками стройныхъ башень послѣдніе лучи темнѣющаго неба. Прекрасный видъ этотъ не привлекъ ли потерянной дѣвушки? Не засмотрѣлась ли она на него? Нѣтъ, до сихъ поръ, не видно никакихъ слѣдовъ ея. Капитанъ осмотрѣлся внимательно, и продолжалъ свой путь.

Онъ достигъ того мѣста, гдѣ желѣзная дорога пробивается, подъ арками, черезъ древнюю стѣну. Онъ остановился тутъ, гдѣ центральная дѣятельность желѣзно-дорожнаго предпріятія бьется всѣми пульсами своей громозвучной жизни, на ряду съ усопшимъ величіемъ прошедшаго сокрытымъ въ старыхъ историческихъ камняхъ, которые повѣствуютъ объ укрѣпленіяхъ Йорка и о выдержанныхъ имъ осадахъ,—онъ остановился на этомъ мѣстѣ, ища ее, но ища напрасно. Были тутъ кое-кто, праздно смотрѣвшіе внизъ, какъ шла работа на рельсахъ, но между ними не было ея. Раздумчиво взглянулъ нашъ капитанъ на темнѣющее небо, и пошелъ далѣе.

Онъ миновалъ Mukkельгетскія ворота, спустился и снова поднялся, тщательно смотря по сторонамъ. Вотъ онъ прошелъ еще саженей шестьдесятъ по стѣнѣ, съ одной стороны которой виднѣлись здѣсь предмѣстья Йорка, съ другой—узкая дорога и нѣсколько клочковъ огорода на незанятой землѣ. Съ пристальнымъ взглядомъ и ускореннымъ шагомъ двинулся онъ впередъ, ибо вдругъ завидѣлъ впереди фигуру женщины, уединенно стоявшей у крѣпостной стѣны и глядѣвшей на западъ. Осторожно сталъ приближаться онъ, чтобъ удостовѣриться она ли это, прежде чѣмъ та оглянется и замѣтитъ его. Нельзя было не узнать этого стройнаго темнаго образа, съ небрежною граціей прислонившагося къ стѣнѣ. Да, это она стояла здѣсь въ черномъ длинномъ платьи и плащѣ, въ нѣжномъ освѣщеніи вечерняго полусвѣта, который подалъ на ея блѣдное, рѣшительное юное лицо. Да, это она стояла здѣсь, она, три мѣсяца тому назадъ балованная любимица родителей, безцѣнное сокровище дома, она въ которой души не чаяли, которую никогда и никуда не пускали одну, теперь, на зарѣ своей жизни, одна въ чужомъ городѣ, выброшенная кораблекрушеніемъ.

Видъ дѣвушки смутилъ даже непоколебимую самоувѣ-

ренность капитана Регга, какой онъ ни былъ забулдыга. Въ то время какъ она, медленно обернувшись, взглянула на него, онъ приподнялъ свою шляпу, со всѣмъ почтеніемъ, на какое только былъ способенъ послѣ своей долгой безстыжей жизни.

— Если не ошибаюсь, я имѣю честь говорить съ младшею миссъ Ванстонъ? началъ онъ.—Очень, очень радъ, повѣрьте, и по многимъ причинамъ.

Съ холоднымъ удивленіемъ посмотрѣла она на него. Видя его, въ его новомъ костюмѣ и съ измѣнившимися манерами, она была далека отъ всякой мысли о томъ господинѣ, который однажды преслѣдовалъ ее съ сестрою и миссъ Гартъ, въ Комбъ-Ревенѣ.

— Вы, кажется, ошиблись, спокойно произнесла она.— Я васъ вовсе не знаю.

— Извините, пожалуста, возразилъ капитанъ,—я, въ нѣкоторомъ родѣ, родственникъ вашъ. Я имѣлъ честь видѣть васъ весною этого года. Я представлялся тогда почтенной воспитательницѣ въ домѣ вашего покойнаго отца. Позвольте мнѣ теперь представиться и вамъ. Имя мое Реггъ.

Онъ уже успѣлъ вполнѣ возвратить себѣ свою обычную наглость; разноцвѣтные глаза его весело забѣгали, и скромное представленіе свое онъ заключилъ низкимъ танцмейстерскимъ поклономъ.

Магдалина нахмурилась и отступила на шагъ. Но капитана не могъ смутить холодный пріемъ. Онъ сунулъ свой зонтикъ подъ мышку и шутливо, для вящаго уразумѣнія, повторилъ по складамъ свое имя.

— Р,е,г,г,ъ, — Реггъ, произнесъ онъ, считая литеры по пальцамъ.

— Я припоминаю ваше имя, отвѣчала Магдалина.—Извините, что я такъ скоро оставляю васъ. У меня есть дѣло.

Она хотѣла было пройдти мимо, направляясь на сѣверъ, къ станціи желѣзной дороги, но онъ остановилъ ее, поднявъ обѣ руки, и распластавъ въ почтительномъ протестѣ пару заштопанныхъ черныхъ перчатокъ.

— Не сюда, произнесъ онъ:—не сюда, миссъ Ванстонъ, прошу и умоляю васъ!

— Почему не сюда? гордо спросила она.

— Потому, отвѣчалъ капитанъ,—что эта дорога ведетъ къ мистеру Гакстеблу.

Въ крайнемъ удивленіи отъ его отвѣта, она быстро приступила къ нему и въ первый разъ посмотрѣла ему прямо въ лицо. Онъ выдержалъ ея подозрительный, пытливый взглядъ съ такимъ видомъ какъ будто она этимъ доставляла ему величайшее удовольствіе.

— Г, а, к, с,—Гакс, заговорилъ капитанъ;—т, е, б, л, ъ,—теблъ; Гакстеблъ.

— Что же вамъ извѣстно насчетъ мистера Гакстебла? спросила она.—Къ чему вы называете его мнѣ?

Кривыя губы капитана собрались и оттопырились. Онъ очень практически отвѣчалъ немедленно представленіемъ объявленія.

— Еще довольно свѣтло, произнесъ онъ,—молодые (и прекрасные) глаза могутъ еще прочесть это. Прежде чѣмъ вступать въ личныя объясненія на личный вопросъ вашъ, позвольте попросить васъ удѣлить минуту вниманія этому документу.

Она взяла у него объявленіе, и при послѣднихъ остаткахъ свѣта прочла строчки, въ которыхъ назначалась за возвращеніе ея награда и описывались ея примѣты, словно примѣты сбѣжавшей собаки.

Никакое дружелюбное предвареніе не приготовило ея къ этому удару, ничье ласковое слово не смягчило его послѣ. Бродяга, хитрые глаза котораго пристально слѣдили за нею во время чтенія, и самъ не зналъ, что украденное имъ объявленіе было заготовлено лишь на случай крайности и назначалось къ опубликованію только въ случаѣ неудачи всѣхъ другихъ попытокъ къ отысканію ея, какъ не знала и она этого. Листокъ выпалъ изъ ея рукъ, лицо ея сильно вспыхнуло. Она отвернулась отъ капитана, какъ бы совершенно забывъ о немъ.

— Ахъ, Нора, Нора! печально проговорила она про себя.— Послѣ моего письма, послѣ жестокой борьбы, которую я выдержала... Ахъ, Нора, Нора!

— А какъ поживаетъ Нора? спросилъ вдругъ капитанъ, съ величайшею любезностью.

Она повернулась къ нему, гнѣвно сверкнувъ своими большими сѣрыми глазами.—Что жь, опубликовано это? спросила она, наступая ногой на объявленіе.—И примѣта на моей шеѣ оглашена по всему Йорку?

— Сдѣлайте милость успокойтесь, просилъ убѣдительно

Реггъ. — Я увѣренъ, что въ настоящую минуту это единственный листокъ въ ходу. Позвольте мнѣ поднять его.

Прежде чѣмъ онъ могъ дотронуться до объявленія, она схватила его съ земли, разорвала на мелкіе кусочки и бросила ихъ за стѣну.

— Браво! воскликнулъ капитанъ.—Вы припоминаете мнѣ милую бѣдную матушку вашу. Фамильная черта, миссъ Вантонъ. Мы всѣ наслѣдовали нѣкоторую горячность отъ дѣдушки съ матушкиной стороны.

— Откуда у васъ это? спросила она внезапно.

— Дорогой другъ мой, я только что сказалъ вамъ, замѣтилъ капитанъ:—отъ дѣдушки съ матушкиной стороны.

— Откуда у васъ это объявленіе? повторила она съ досадой.

— Прошу тысячу разъ извиненія! Голова моя была занята фамильными качествами. Откуда? Вотъ откуда...

И капитанъ Реггъ принялся разказывать, съ своими обычными вокальными упражненіями въ произношеніи длиннѣйшихъ словъ англійскаго языка. Не имѣя въ виду выиграть что-нибудь отъ скрытія чего-либо, онъ отступилъ на этотъ разъ отъ своей привычки, и озадаченный новостью и оригинальностью своего положенія, позволилъ себѣ не солгать ни въ чемъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Магдалину разказомъ капитана Регга, нисколько не соотвѣтствовало предположеніямъ его. Она не была ни поражена, ни раздражена, и не показывала намѣренія ввѣриться ему и просить его совѣтовъ. Она пристально глядѣла ему въ лицо, и когда онъ выразительно выговорилъ свою послѣднюю фразу, сказала только:—Продолжайте же.

— Продолжать? повторилъ капитанъ. — Мнѣ, право, не хочется разочаровывать васъ, но дѣло въ томъ, что я кончилъ.

— Нѣтъ, не кончили, возразила она:—вы еще не сказали конца. Вотъ онъ: вы пошли искать меня, чтобы получить пятьдесять фунтовъ награды.

Эти откровенныя слова такъ поразили капитана Регга, что въ первую минуту онъ не зналъ что̀ сказать. Но ему такъ часто приходилось глотать всевозможныя непріятныя истины, что онъ уже ничѣмъ не могъ быть смущенъ на долю. Не успѣла Магдалина воспользоваться своимъ преиму-

ществомъ, какъ бродяга опомнился. Реггъ сталъ самимъ собою.

— Ого! произнесъ онъ, снисходительно смѣясь и барабаня зонтикомъ по землѣ.—Нѣкоторые, пожалуй, приняли бы это къ сердцу. Меня же не легко оскорбить. Извольте, продолжайте.

Въ нѣмомъ недоумѣніи посмотрѣла на него, въ темнотѣ, Магдалина. Вся ея небольшая свѣтская опытность ограничивалась кружкомъ людей имѣвшихъ чувство чести и понимавшихъ общественныя обязанности. Ей извѣстны были до сихъ поръ лишь одни удачные обращики изъ великой фабрики цивилизаціи. А теперь предъ ней находился бракованный экземпляръ, и при всей своей бойкости, она не знала что̀ дѣлать съ нимъ.

— Извините меня за возвращеніе къ нашему предмету, продолжалъ капитанъ.—Мнѣ вдругъ пришло въ голову, что вы говорили теперь вовсе не шутя. Бѣдное дитя мое! Какъ могу я получить пятьдесятъ фунтовъ, когда мнѣ еще не предлагаютъ награды? Объявленія эти могутъ быть не опубликованы цѣлую недѣлю. Какъ ни дороги вы для всѣхъ вашихъ родственниковъ (и для меня въ томъ числѣ), но будьте увѣрены, что господа взявшіеся за это дѣло не захотятъ платить пятидесяти фунтовъ, если можно будетъ избѣжать этого. Все ли вы еще думаете, что мои пустые карманы такъ сами собою и разѣваются за деньгами? Въ такомъ случаѣ, возьмите да застегните ихъ вашими хорошенькими пальчиками. Сегодня, въ три четверти десятаго, отправляется поѣздъ въ Лондонъ. Подчинитесь желаніямъ вашихъ друзей, и отправляйтесь домой съ этимъ самымъ поѣздомъ.

— Никогда! отвѣчала Магдалина, вспыхнувъ при одномъ этомъ предположеніи, какъ и ожидалъ капитанъ.—Еслибъ еще прежде я не приняла твердаго рѣшенія, то этотъ подлый листокъ заставилъ бы меня рѣшиться. Я прощаю Норѣ, прибавила она, поворачиваясь въ сторону и обращаясь къ самой себѣ,—но не прощу мистеру Пендрилю и миссъ Гартъ.

— Такъ, такъ! замѣтилъ капитанъ. — Фамильная черта. Въ ваши лѣта, я сдѣлалъ бы то же; это въ крови. Ба! часы бьютъ снова: половина восьмаго. Миссъ Ванстонъ! Извините, пожалуста, за это внезапное отступленіе. Но если

вы намѣрены привести въ исполненіе ваше рѣшеніе, если вы хотите остаться свободною долѣе, вы должны же предпринять что-нибудь до восьми часовъ. Предъ вами, съ одной стороны, случайности,—съ другой, я, дядя, исполненный участія и заботливости.

— Вообразите, что я выберу независимость и возможность дѣйствовать безъ помощи другихъ? сказала Магдалина.—Что тогда?

— Тогда, отвѣчалъ капитанъ, — вы попадетесь въ одну изъ четырехъ западней, разставленныхъ для изловленія васъ въ древнемъ и достопримѣчательномъ градѣ Йоркѣ. Первая западня—въ домѣ мистера Гакстебла; вторая—во всѣхъ отеляхъ; третья—на станціи желѣзной дороги; четвертая—на сценѣ. Въ распоряженіи этого господина съ объявленіями было довольно свободнаго времени. Если (съ помощію здѣшняго стряпчаго) онъ не успѣлъ разставить до сихъ поръ эти четыре западни, то онъ совсѣмъ не годится быть стряпческимъ клеркомъ, за котораго я принялъ его. Рѣшайтесь, рѣшайтесь, моя милая дѣвушка! Если у васъ нѣтъ кого-нибудь, чьи совѣты вы предпочитаете моимъ...

— Вы видите, что я одна, гордо перебила она.—Еслибы вы знали меня лучше, то поняли бы, что я завишу отъ одной себя.

Слова эти устранили послѣднее недоразумѣніе капитана на счетъ того, не мѣшаетъ ли ему кто-нибудь. Причиной ея побѣга, согласно съ словами объявленія, было вздорное желаніе поступить на сцену. „Одно изъ двухъ, разсуждалъ логично капитанъ. Она или стóитъ для меня болѣе пятидесяти фунтовъ, или нѣтъ. Если да, друзья ея ищи-свищи ее. Если нѣтъ, мнѣ стоитъ продержать ее только до публикаціи объявленій.“

Укрѣпившись этимъ простымъ планомъ дѣйствія, капитанъ возобновилъ атаку, и представилъ Магдалинѣ необходимость или довѣриться ему, или возвратиться къ ея друзьямъ.

— Я чту независимость характера, гдѣ бы я ни встрѣтилъ ея, произнесъ капитанъ съ суровостію добродѣтели. Въ молодой и прекрасной родственницѣ, я болѣе чѣмъ чту ее,—я восхищаюсь ею. Но (извините за смѣлое замѣчаніе) для того чтобъ идти независимо, надо сначала выбрать путь. Въ настоящихъ обстоятельствахъ, какой

путь выберете вы? Вопервыхъ, о мистерѣ Гакстеблѣ нечего и говорить.

— Сегодня, да, отвѣчала Магдалина:—но что̀ помѣшаетъ мнѣ написать ему и условиться завтра.

— Совершенно согласенъ; это такъ, совершенно такъ. Теперь позвольте сказать мнѣ въ свою очередь. Чтобы добраться до завтрашняго дня (извините еще разъ за смѣлое замѣчаніе), вы должны сначала переночевать. Гдѣ же вы намѣрены?

— Развѣ нѣтъ отелей въ Йоркѣ?

— Превосходные отели для большихъ семействъ; превосходные отели для мущинъ. Отвратительнѣйшіе въ мірѣ отели для хорошенькихъ дѣвушекъ, являющихся безъ мущины или горничной, и безъ всякаго багажа. Какъ ни темно теперь, а я бы замѣтилъ дамскій сундучокъ, еслибы таковой имѣлся здѣсь по близости.

— Мой багажъ остался на станціи. Развѣ я не могу послать мой билетъ для полученія его?

— Можете, если хотите, чтобъ узнали вашъ адресъ,—можете какъ нельзя больше. Но подумайте сдѣлайте милость, подумайте! Неужели вы воображаете, что ищущіе васъ люди такъ глупы, что не заглянутъ въ багажное отдѣленіе на станціи? Неужели вы думаете, что они не пойдутъ справляться по всѣмъ отелямъ, если вы не явитесь въ восемь часовъ къ мистеру Гакстеблу? Неужели вы думаете, что дѣвушка вашей поразительной наружности можетъ остановиться на какомънибудь подворьи, не сдѣлавшись предметомъ общаго любопытства и общихъ толковъ? Вы видите, что приближается ночь. Я не желаю докучать вамъ; но позвольте мнѣ спросить васъ еще разъ, гдѣ вы будете ночевать?

На этотъ вопросъ не было отвѣта; въ положеніи Магдалины, рѣшительно нечего было и отвѣчать. Она молчала.

— Гдѣ вы будете ночевать? повторилъ капитанъ.—Отвѣтъ ясенъ: въ моемъ домѣ. Мистриссъ Реггъ будетъ въ восторгѣ видѣть васъ. Смотрите на нее какъ на свою тетушку, сдѣлайте милость, смотрите на нее какъ на свою тетушку. Хозяйка—вдова, домъ въ двухъ шагахъ, въ немъ нѣтъ другихъ жильцовъ, а есть комната для найма. Чего же лучше? И замѣтьте, пожалуста, я ничего не говорю о завтрашнемъ днѣ; завтрашній день принадлежитъ вамъ: я безпокоюсь

только о нынѣшней ночи. Рѣшусь ли я или нѣтъ оказать вамъ для поступленія на сцену то содѣйствіе, которое я въ состояніи оказать? Сильно или не сильно будетъ во мнѣ чувство симпатіи и удивленія къ твердости вашего характера? Поднимутся или не поднимутся въ моей памяти вереницы блестящихъ свѣтилъ британской драмы, которыя также начали свое поприще, какъ теперь начинаете вы? Все это вопросы будущаго. Теперь же я ограничиваюсь исключительно тѣмъ что̀ внушаетъ мнѣ моя обязанность. Мы въ пяти минутахъ разстоянія отъ моего дома. Позвольте мнѣ предложить вамъ руку. Не хотите? Не рѣшаетесь? Не довѣряетесь мнѣ? Боже мой! Неужели я долженъ предположить, что вы слышали обо мнѣ что-нибудь неблагопріятное?

— Конечно, должны, отвѣчала Магдалина нисколько не затрудняясь.

— Позвольте узнать что̀ именно? спросилъ капитанъ со всевозможною вѣжливостью.—Не щадите меня; говорите, пожалуста, откровенно. Ну что̀ же вы слышали обо мнѣ?

Она отвѣчала съ совершенно женскимъ невниманіемъ ко всякимъ послѣдствіямъ,—отвѣчала не задумываясь:

— Я слышала, что вы плутъ.

— Будто? произнесъ неуязвимый Реггъ. — Плутъ? Ба! Въ послѣдствіи, въ минуту болѣе благопріятную, я постараюсь разъяснить вамъ этотъ пунктъ. Теперь же, положимъ, что я плутъ. А что такое мистеръ Гакстеблъ?

— Порядочный человѣкъ, иначе его не было бы въ томъ домѣ, гдѣ я встрѣтилась съ нимъ въ первый разъ.

— Прекрасно. Разсудите теперь. Вы намѣрены писать письмо къ мистеру Гакстеблу. Какъ, думаете вы, поступитъ порядочный человѣкъ относительно дѣвушки, которая прямо сознается, что она убѣжала изъ дому, чтобы стать актрисой? Милая дѣвушка, по вашимъ же словамъ, въ настоящемъ положеніи, вамъ нуженъ не порядочный человѣкъ. Вамъ нуженъ плутъ—подобный мнѣ.

Горько усмѣхнулась Магдалина.

— Отчасти это правда, сказала она.—Благодарю васъ, что напомнили мнѣ о себѣ и о моихъ обстоятельствахъ. У меня есть цѣль, которой я должна достигнуть,—и мнѣ ли разбирать пути? Напротивъ, я должна извиниться передъ вами. Я говорила, какъ дѣвушка съ фамиліей и по-

ложеніемъ. Ваша правда. *Ни чьи* дѣти могутъ ночевать подъ *чьей бы то ни было* кровлей,—и почему же не подъ вашей.

— Вотъ сюда, замѣтилъ капитанъ, быстро пользуясь внезапною перемѣной въ ней и остерегаясь выводить ее изъ себя излишними разсужденіями.—Сюда, милости прошу.

Она прошла за нимъ нѣсколько шаговъ и вдругъ остановилась.

— Положимъ, что меня найдутъ? отрывисто спросила она.—Кто имѣетъ власть надо мною? Кто можетъ взять меня, если я не пожелаю? Что изъ того, если всѣ они отыщутъ меня завтра? Развѣ я не могу сказать „нѣтъ“ мистеру Пендрилю? Развѣ я не могу устоять противъ миссъ Гартъ?

— А противъ вашей сестрицы? шепнулъ капитанъ, не забывшій упоминанія о ней, дважды вырвавшагося у Магдалины.

Голова ея опустилась. Она вздрогнула, какъ бы прохваченная холодомъ, и въ изнеможеніи прислонилась къ парапету стѣны.

— Нѣтъ, противъ Норы, нѣтъ, угрюмо проговорила она.—Противъ другихъ я устою, но не противъ Норы.

— Сюда, сюда, повторилъ капитанъ.

Она опомнилась, и взглянула на темнѣющее небо, оглянулась на темнѣющую мѣстность.—Пусть будетъ, что будетъ, рѣшила она и послѣдовала за нимъ.

Соборный колоколъ пробилъ три четверти восьмаго, когда они оставили крѣпостную аллею и стали спускаться къ Розмери-лену. Почти въ то же время клеркъ лондонскаго законника отдалъ послѣднія приказанія своимъ людямъ и занялъ, на противоположномъ берегу рѣки, мѣсто съ котораго могъ хорошо видѣть дверь мистера Гакстебла.

II.

Капитанъ Реггъ остановился почти у средины небольшаго ряда домовъ, образующихъ Розмери-ленъ, и отворилъ дверь своего дома находившимся при немъ ключомъ. Когда онъ съ своею гостьей вошелъ въ коррридоръ, ихъ встрѣтила, со свѣчою въ рукахъ, прискорбнаго вида женщина.

— Племянница моя, представилъ капитанъ Магдалину,—племянница моя, пріѣхавшая посмотрѣть Іоркъ. Она была

такъ добра, что согласилась занять вашу незанятую комнату. Считайте ее за моею племянницей, и не забудьте перемѣнить постельное бѣлье. Что, мистриссъ Реггъ наверху? Прекрасно. Вы можете отдать мнѣ вашу свѣчку. Душа моя, будуаръ мистриссъ Реггъ въ первомъ этажѣ; мистриссъ Реггъ можетъ принять васъ. Позвольте мнѣ показать вамъ дорогу.

Когда онъ поднялся первый на лѣстницу, прискорбнаго вида женщина жалобно шепнула Магдалинѣ:

— Надѣюсь, вы будете платить мнѣ какъ слѣдуетъ, миссъ; вашъ дядюшка не платитъ.

Капитанъ отворилъ, между тѣмъ, дверь лицевой комнаты перваго этажа, и глазамъ Магдалины представилась женская фигура, въ полиняломъ желтомъ атласномъ платьѣ, сидѣвшая уединенно на стулѣ, съ ветхими перчатками на рукахъ, съ истрепанною старою книжкой на колѣняхъ, и съ одною свѣчой въ маленькомъ ночномъ шандалѣ. Сверху эта фигура оканчивалась широкимъ, гладкимъ, бѣлымъ круглымъ, луноподобнымъ лицомъ, въ чепцѣ съ зелеными лентами, тускло освѣщеннымъ двумя вялыми и усталыми глазами, которые глядѣли впередъ безъ всякаго смысла, и не обратили ни малѣйшаго вниманія на появленіе Магдалины.

— Мистриссъ Реггъ! закричалъ ей капитанъ, какъ будто будя ее.—Мистриссъ Реггъ!

Госпожа съ усталыми глазами тихо поднялась, и вдругъ явилась неизмѣримою гигантшей. Когда она выпрямилась, въ ней было не менѣе шести футовъ и двухъ или трехъ дюймовъ. По особымъ видамъ Провидѣнія, гиганты обоихъ половъ, большею частію, бываютъ предобрые. Еслибы мистриссъ Реггъ поставить рядомъ съ агнцемъ, то сравненіе безспорно оказалось бы въ пользу ея.

— Прикажешь чаю, милый? спросила она, покорно смотря внизъ на своего мужа, котораго голова не доставала ей до плеча.

— Младшая миссъ Ванстонъ, произнесъ капитанъ, представляя Магдалину.—Дорогая наша родственница, случайно встрѣченная мною. Гостья наша на нынѣшній вечеръ. Гостья наша! повторилъ капитанъ, крича попрежнему, какъ будто бы высокая госпожа не просыпалась еще, несмотря на убѣдительное свидѣтельство ея глазъ.

На широкомъ, невыразительномъ лицѣ мистриссъ Реггъ, появилась улыбка.

— О? вопросительно воскликнула она.—Въ самомъ дѣлѣ? Пожалуста, миссъ, присядьте. Мнѣ непріятно, миссъ, ахъ, виновата! я хотѣла сказать пріятно...—Она остановилась и взглянула жалостно на мужа.

— Пріятно, безъ сомнѣнія! крикнулъ капитанъ.

— Пріятно, безъ сомнѣнія, повторила великанша въ желтомъ атласѣ, еще смиреннѣе.

— Мистриссъ Реггъ не то чтобы глуха, объяснилъ капитанъ,—она только немного медлительна. Она темперамента апатическаго, если позволите мнѣ выразиться такъ. Я говорю съ ней громко (и прошу васъ сдѣлать мнѣ честь, говорить съ ней также громко), для возбужденія ея мыслей. Крикните на нее, и мысли у ней поспѣютъ во время. Говорите съ ней обыкновенно, и она отстанетъ на нѣсколько миль. Мистриссъ Реггъ!

Мистриссъ Реггъ немедленно почувствовала силу возбужденія.

— Прикажетъ чаю, милый? спросила она снова.

— Поправьте вашъ чепецъ! крикнулъ мужъ.—Прошу тысячу разъ извиненія, продолжалъ капитанъ, обращаясь къ Магдалинѣ.—Дѣло въ томъ, что я мученикъ собственнаго чувства порядка. Всякая неопрятность, всякое отсутствіе системы и порядка, сильно раздражаютъ меня. Вниманіе мое отвлекается, расположеніе духа разстраивается, и я не могу успокоиться, пока вещи не будутъ снова приведены въ порядокъ. По наружности, мистриссъ Реггъ, къ безконечному моему сожалѣнію, самая неуклюжая женщина въ свѣтѣ. Еще одерните направо! крикнулъ капитанъ, когда мистриссъ Реггъ, словно вышколенное дитя, представилась мужу на одобреніе съ поправленнымъ чепцомъ.

Мистриссъ Реггъ тотчасъ же обдернула чепецъ налѣво. Тутъ Магдалина привстала и поправила на ней чепчикъ. Луноподобный ликъ великанши просвѣтлѣлъ. Она съ восхищеніемъ посмотрѣла на шляпку и платье Магдалины.

— Вы любите наряды, миссъ? вдругъ, шепотомъ, спросила она.—Я очень люблю.

— Покажите миссъ Ванстонъ ея комнату, произнесъ капитанъ повелительно, какъ будто весь домъ принадлежалъ ему: — запасную комнату хозяйки, въ третьемъ этажѣ.

Предложите миссъ Вандстонъ всѣ туалетныя вещи, въ которыхъ она можетъ нуждаться. При ней нѣтъ ея вещей, снабдите ее всѣмъ чего у ней не окажется, и потомъ приходите назадъ дѣлать чай.

На эти приказанія мистриссъ Реггъ отвѣчала покорно-безсмысленнымъ взглядомъ, и направилась изъ комнаты, показывая дорогу; Магдалина послѣдовала за ней со свѣчой, поданною ей внимательнымъ капитаномъ. Какъ только онѣ очутились однѣ, мистриссъ Реггъ подняла свою истрепанную книжку, которую читала при появленіи Магдалины и которую не выпускала съ тѣхъ поръ изъ рукъ, и медленно ударила себя по лбу.—О, моя бѣдная голова, жалобно проговорила она, обращаясь къ самой себѣ:—жужжитъ опять, какъ никогда!

— Жужжитъ? повторила съ изумленіемъ Магдалина.

Мистриссъ Реггъ, не отвѣчая ничего, продолжала подыматься по лѣстницѣ, потомъ остановилась у одной изъ комнатъ втораго этажа, и вошла въ нее.

— Это еще не третій этажъ, сказала Магдалина.—Кажется не тутъ моя комната?

— Подождите съ минутку, попросила мистриссъ Реггъ.—Погодите немножко, миссъ, дайте отдохнуть. У меня жужжитъ въ головѣ какъ никогда. Пожалуста, погодите, дайте мнѣ оправиться.

— Не позвать ли кого-нибудь? спросила Магдалина.—Не кликнуть ли хозяйку?

— Зачѣмъ? проговорила мистриссъ Реггъ.—Не безпокойтесь, мнѣ не нужно никакой помощи, я привыкла къ этому. У меня жужжитъ въ головѣ давно ужь... сколько лѣтъ!

Она остановилась, задумалась, потерялась, и, въ отчаяніи, спросила вдругъ съ большимъ любопытствомъ:—Бывали вы въ ресторацiи Дарча, въ Лондонѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала Магдалина, удивляясь странному вопросу.

— Тамъ началось у меня жужжаніе въ головѣ, сказала мистриссъ Реггъ, стараясь быть внимательною къ своимъ словамъ, чтобы не потеряться.—Я была служанкой въ ресторацiи Дарча, служила тамъ. Джентльмены приходили туда кучей, джентльмены были всѣ голодные, джентльмены всѣ разомъ отдавали приказанія...—Она остановилась и печально ударила себя по лбу истрепанною книжкой.

— И вы должны были удерживать въ памяти всѣ ихъ приказанія, такъ чтобъ они между собою не смѣшивались? спросила, помогая ей, Магдалина.—И это-то разстраивало васъ?

— Ахъ, именно! произнесла мистриссъ Реггъ, вдругъ страшно заволновавшись.—Вареной свинины съ зеленью и гороховый пуддингъ, для нумера перваго. Жареной говядины съ морковью и печеніе съ крыжовникомъ для нумера втораго. Порцію баранины, да поскорѣе, хорошенько прожаренной, съ жиромъ, для нумера третьяго. Порцію трески съ петрушкой, и двѣ бараньи котлетки для нумера четвертаго. Пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый, десятый. Морковь и кружевничное печеніе, гороховый пуддингъ, да поболѣе жиру, свинины, говядины, баранины, и подавай имъ всѣмъ, да проворнѣе, не то всю жизнь вашу отравлю, да живо,—стоуту для одного, элю для другаго, черстваго хлѣба сюда, мягкаго хлѣба туда, и этотъ джентльменъ любитъ сыръ, и этотъ не любитъ... Матильда, Тильда, Тильда, Тильда, пятьдесятъ разъ, пока я не забыла наконецъ своего имени... о Боже! Боже!! Боже!!!—всѣ вмѣстѣ, всѣ въ одно время, всѣ сердятся, всѣ жужжатъ въ бѣдной головѣ моей, словно сорокъ тысячъ милліоновъ пчелъ... Ахъ, только не говорите капитану, не говорите ему!—И несчастная женщина уронила при этомъ свою истрепанную книжку, и схватилась обѣими руками за голову, смотря, блѣдная отъ ужаса, на дверь.

— Успокойтесь, успокойтесь! проговорила Магдалина.—Капитанъ не слышалъ васъ. Я поняла теперь что̀ дѣлается съ вашею головой. Позвольте мнѣ освѣжить ее.

Она помочила полотенце въ водѣ и приложила его къ горячей головѣ мистриссъ Реггъ, отдавшейся ей съ покорностію больнаго ребенка.

— Какая у васъ хорошенькая ручка, почувствовавъ освѣженіе и съ восхищеніемъ взявъ руку Магдалины, произнесла несчастная женщина.—Какая мягенькая и бѣленькая! Я стараюсь быть дамой, держу всегда руки въ перчаткахъ, но моимъ рукамъ не быть какъ ваши. Я хорошо одѣта, не правда ли? Я люблю наряды; это мое утѣшеніе. Я всегда такъ счастлива, когда разбираю свои вещи. Послушайте, вы не разсердитесь на меня? Мнѣ бы очень хотѣлось примѣрить вашу шляпку.

Магдалина утѣшила ее, съ податливою симпатіей молодости. Та стояла передъ зеркаломъ, со шляпкою на макушкѣ, улыбаясь и любуясь собой.—У меня была однажды такая же хорошенькая шляпка какъ эта, замѣтила она,—только бѣлая, а не черная. Я носила ее, когда капитанъ женился на мнѣ.

— Гдѣ вы встрѣтились съ нимъ? спросила Магдалина, желая увеличить скудный запасъ свѣдѣній о капитанѣ Реггѣ.

— Въ ресторацiи, сказала мистриссъ Реггъ.—Изъ всѣхъ онъ былъ самый голодный и крикливый. Я чаще ошибалась подавать ему чѣмъ всѣмъ другимъ вмѣстѣ. Онъ бранился,—охъ, какъ бранился! А когда пересталъ, женился на мнѣ. Кромѣ его, многіе хотѣли жениться на мнѣ. Слава Богу, мнѣ было изъ кого выбрать. Когда вамъ оставили денежки, которыхъ вы не ожидали, развѣ вы не такая же порядочная дама какъ другія? Развѣ такая дама не можетъ поймать молодца? У меня были деньги, было изъ кого выбрать, и я выбрала капитана. Онъ былъ всѣхъ задорнѣе. Онъ позаботился обо мнѣ и о моихъ деньгахъ. Я осталась, деньги ушли. Ахъ, не кладите этого полотенца на столъ, онъ не любитъ этого! Ахъ, не трогайте его бритвъ, сдѣлайте милость, а то я забуду и перемѣшаю ихъ. Я должна знать это завтра вечеромъ. Капитанъ не брѣется самъ. Онъ выучилъ меня. Я брѣю его. Я чешу его, и обрѣзываю ему ногти; онъ очень заботится о ногтяхъ. Также о панталонахъ. И о башмакахъ. И о газетѣ утромъ. И о завтракахъ, полдникахъ, обѣдахъ, чаѣ...—Она остановилась, какъ бы пораженная внезапною мыслью, осмотрѣлась кругомъ, замѣтила свою истрепанную книжку на полу, и съ отчаяніемъ всплеснула руками. — Я потеряла мѣсто въ книгѣ! воскликнула она съ ужасомъ.—Ахъ, Боже милосердый, что̀ будетъ со мною! Я потеряла мѣсто.

— Не бойтесь, успокоила ее Магдалина:—я найду вамъ его.

Она подняла книгу, посмотрѣла на страницы и увидѣла, что предметомъ безпокойства мистриссъ Реггъ было просто старое кухонное руководство, раздѣлявшееся на три обыкновенныя части: о рыбѣ, мясѣ и живности, и заключавшее въ себѣ обыкновенныя рецепты. Перевертывая страницы, Магдалина остановилась на одной изъ нихъ, густо забрызганной капельками не совсѣмъ еще об-

сохшей влаги. — Удивительно! замѣтила она: — еслибъ это была не кухонная, а другая книга, я подумала бы, что кто-нибудь плакалъ надъ ней.

— Кто-нибудь? повторила съ изумленіемъ мистриссъ Раггъ.—Не кто-нибудь, а я. Благодарю васъ, это то самое мѣсто. Какъ мнѣ не плакать надъ ней! Вы стали бы также плакать еслибы вамъ пришлось готовить по ней обѣды для капитана. Какъ только я сажусь за эту книгу, въ головѣ у меня такъ и зажужжитъ. То мнѣ кажется что я схватила что надо, а глядь все разлетѣлось; а то кажется нѣтъ, не поймала, а глядь все вдругъ такъ и нахлынетъ на меня кучей. Посмотрите, вотъ что онъ заказалъ къ своему завтрашнему завтраку: яичница съ зеленью. „Взбейте два яйца съ небольшою долей воды или молока, соли, перцу, луку и петрушки. Крошите мельче.“—Вотъ оно! Крошите мельче. Да что же тутъ крошить, когда все тутъ жидко да перемѣшано? „Положите на сковороду кусочекъ масла величиной съ вашъ большой палецъ.“ Посмотрите на вашъ палецъ и на мой, о которомъ она говоритъ? „Поджаривайте, но такъ чтобы не побурѣло.“ Такъ какого же оно должно быть цвѣта? Этого она не говоритъ, и думаетъ что я знаю, а я совсѣмъ не знаю. „Вылейте на сковороду яичницу.“ Хорошо, это я сдѣлаю: „Дайте ей оттвердѣть, приподнимите съ краю, и когда будетъ готово, переверните.“ Ахъ, сколько разъ вертѣла я это и перевертывала въ моей головѣ передъ вашимъ приходомъ!“ Старайтесь не засушить; положите блюдо на сковороду и переверните.“ Что перевернуть? Ахъ, сдѣлайте милость, дайте мнѣ еще холодное полотенце, и скажите, блюдо или сковороду перевернуть?

— Положите блюдо на сковороду, объяснила Магдалина,— и потомъ переверните сковороду на первое. Это, кажется, слѣдуетъ сдѣлать.

— Благодарю васъ душевно, сказала мистриссъ Реггъ.— Мнѣ надо запомнить это. Пожалуста, скажите еще разъ

Магдалина повторила.

— И потомъ переверните сковороду, повторила за нею, съ внезапною энергіей, мистриссъ Реггъ.—Я поняла теперь! А то въ головѣ у меня все такъ и вертѣлись яичницы да яичницы, и все не такъ да не такъ. Очень благодарна вамъ. Вы успокоили меня; я только устала немного отъ разговора. И потомъ переверните сковороду,

потомъ переверните сковороду, потомъ переверните сковороду. Какъ будто стихи, не правда ли?

Голосъ ея оборвался, и она въ утомленіи закрыла глаза. Въ это самое время, дверь комнаты нижняго этажа отворилась, и медоточивые басовые звуки капитанова голоса раздались возбудительно.

— Мистриссъ Реггъ! кричалъ капитанъ. — Мистриссъ Реггъ!

При этомъ страшномъ зовѣ она вскочила на ноги.

— Ахъ, что бишь велѣлъ онъ мнѣ сдѣлать? спросила она, припоминая.—Много разныхъ вещей, а я совсѣмъ забыла что!

— Скажите, что все сдѣлали, когда онъ спроситъ васъ, замѣтила Магдалина.—Онъ говорилъ о вещахъ для меня, въ которыхъ я не нуждаюсь. Я помню все что нужно. Комната моя на улицу, въ третьемъ этажѣ. Ступайте внизъ, и скажите, что я сейчасъ приду.

Она взяла свѣчку и вытолкнула мистриссъ Реггъ на площадку лѣстницы.

— Скажите, что я сейчасъ приду, шепотомъ повторила она, и сама пошла наверхъ, въ третій этажъ.

Комната ея была мала, низка и очень бѣдно меблирована. Въ прежнее время, миссъ Гартъ не рѣшилась бы отвести подобную комнату никому изъ прислуги Комбъ-Ревена. Но Магдалина могла остаться тутъ наединѣ съ собою, и потому эта комнатка показалась ей не только сносною, а даже пріятною. Магдалина осмотрѣлась въ ней, и, слѣдуя первому движенію женщины въ чужой комнатѣ, направилась безсознательно къ уродливому столику съ тусклымъ маленькимъ зеркальцемъ. Она посмотрѣлась минуту и отвернулась потомъ съ какою-то презрительною досадою. „Что за бѣда, что я блѣдна? подумала она: Франкъ не можетъ меня видѣть теперь; такъ не все ли равно?“

Она сняла свой плащъ и шляпку, и сѣла, чтобы собраться съ мыслями. Но происшествія дня слишкомъ разстроили ее. Прошедшее, когда она пыталась припомнить его, только растравляло ея сердце. Будущее, когда она пыталась проникнуть въ него, покрывалось непроницаемымъ мракомъ. Она поднялась снова и стала у недрапированнаго окна, какъ будто ища, въ темнотѣ безутѣшной ночи, симпатіи для своей безутѣшной печали.

— Нора! проговорила она нѣжно про себя:—не знаю, думаетъ ли обо мнѣ Нора? О! еслибы могла я быть также терпѣлива, какъ она! Еслибъ я могла забыть нашъ долгъ Михаилу Ванстону!

Какимъ то мстительнымъ отчаяніемъ помрачилось ея лицо, и она заходила изъ конца въ конецъ своей крошечной комнатки.

— Нѣтъ; прежде нужно долгъ уплатить! произнесла она, и мысль ея снова возвратилась къ Франку.—Онъ все еще въ морѣ, бѣдняжка, онъ уходитъ все далѣе и далѣе отъ меня, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью. О, Франкъ, люби меня!

Глаза ея наполнились слезами. Она отерла ихъ, подошла къ двери, и съ какою-то отчаянною вѣтреностью засмѣялась, отворяя ее снова.

— Всякая компанія будетъ пріятнѣе моихъ мыслей, произнесла она, оставивъ комнату.—Я совсѣмъ забыла моихъ новыхъ родственниковъ, полоумную тетушку и плута дядюшку.—Она спустилась до площадки перваго этажа и остановилась тутъ въ минутной нерѣшимости.—Какъ кончится все это? спросила она себя.—Куда приведетъ меня мое слѣпое странничество? Кто это знаетъ, да и кому до этого дѣло?

Она вошла въ комнату.

Капитанъ Реггъ предсѣдательствовалъ за чайнымъ столомъ, словно какой-нибудь монархъ въ своей пиршественной залѣ. По одну сторону стола помѣщалась мистриссъ Реггъ, какъ голодная собака, слѣдившая за глазами своего мужа. По другую сторону стоялъ пустой стулъ, на который капитанъ и указалъ рукою при входѣ Магдалины.

— Какъ нравится вамъ ваша комната? спросилъ онъ.—Надѣюсь, что мистриссъ Реггъ была полезна вамъ. Не угодно ли сахару и молока? Попробуйте здѣшній хлѣбъ, сдѣлайте честь йоркскому маслу, испытайте свѣжесть яйца. Я предлагаю все что могу. Убогій хлѣбъ, душа моя, но приправленный джентльменскимъ гостепріимствомъ.

— Приправленный солью, перцемъ, лукомъ и петрушкой, пробормотала мистриссъ Реггъ, хватаясь за первое кухонное слово и задалбливая приготовленіе яичницы.

— Держитесь прямо за столомъ! крикнулъ капитанъ.—Немножко лѣвѣе, еще, еще; такъ, хорошо! Во время вашего пребыванія на верху, продолжалъ онъ, обращаясь къ

Магдалинѣ,—умъ мой не оставался безъ дѣла. Я соображалъ ваше положеніе, имѣя въ виду единственно вашу пользу. Если вы захотите завтра руководствоваться свѣтомъ моей опытности, я къ вашимъ услугамъ. Безъ сомнѣнія, вы можете сказать: „я мало знаю васъ, капитанъ, и то что̀ знаю о васъ, не даетъ мнѣ выгоднаго о васъ понятія.“ Согласенъ, съ однимъ лишь условіемъ, чтобы вы позволили мнѣ ознакомить васъ со мною и съ моимъ характеромъ послѣ чая. Я чуждъ ложнаго стыда. Вы видите мою жену, мой домъ, мой хлѣбъ, мое масло, таковыми, каковы они въ дѣйствительности. Того же я желаю и для себя, милая дѣвушка.

Когда чай отпили, мистриссъ Реггъ, по знаку своего мужа, удалилась въ уголъ съ своею вѣчною поваренною книжкой въ рукахъ.

— Крошить помельче, тайкомъ проговорила она, проходя мимо Магдалины.—Вотъ задача-то, не правда ли?

— Опять сѣла на пятки! закричалъ капитанъ, указывая на тяжелыя плоскія ступени своей жены шлепавшія по комнатѣ.—Ходить на носкахъ, мистриссъ Реггъ, ходить на носкахъ! Позвольте мнѣ провести васъ, продолжалъ онъ, предлагая руку Магдалинѣ и направляясь къ маленькому, волосяному дивану неопрятнаго вида.

— Вамъ нуженъ отдыхъ послѣ вашего путешествія, нуженъ непремѣнно.

Онъ придвинулъ свое кресло къ дивану и внимательно сталъ глядѣть на нее, какъ будто призванный къ ней врачъ, съ діагнозой въ головѣ.

— Очень радъ! очень радъ! произнесъ капитанъ, когда гостья его усѣлась на диванъ.—Вотъ я теперь совсѣмъ въ своемъ семейномъ кругу. Что же, не обратится ли намъ теперь къ нашему прежнему предмету, не заняться ли моею плутовскою особой? О, нѣтъ, нѣтъ! пожалуста, безъ всякихъ извиненій и протестовъ. Не заминайте матеріи; я, съ своей стороны, заминать не буду. Обратимся же къ фактамъ; сдѣлайте милость, обратимся къ фактамъ. Что̀ я за штука? Припомнимъ нашъ разговоръ на стѣнахъ этого достопримѣчательнаго города, и снова станемъ на вашу точку зрѣнія. Я плутъ, и въ этомъ качествѣ (какъ объяснилъ уже прежде) самый полезный для васъ теперь человѣкъ. Теперь послушайте. Есть множество оттѣнковъ

плута; позвольте мнѣ сказать, къ какой категоріи принадлежу я. Я надувала.

Такое полное безстыдство казалось не человѣческимъ. Ни капли краски не показалось на однообразно-желтомъ лицѣ его; улыбка скривила его губы такъ же пріятно, какъ всегда, а его разношерстные глаза смотрѣли на Магдалину съ самодовольною откровенностію добряка. Слышала ли его жена? Магдалина, черезъ его плечо, взглянула въ уголъ, гдѣ сидѣла та. Нѣтъ; самоучка стряпуха поглощена была своимъ занятіемъ. Въ мысленномъ изготовленіи своего блюда, она достигла того критическаго пункта, при которомъ слѣдовало класть масла въ не точно опредѣленномъ размѣрѣ большаго пальца. Мистриссъ Реггъ потерялась въ созерцаніи одного изъ своихъ большихъ пальцевъ, и покачивала съ недоумѣніемъ головой, какъ будто не удовлетворенная имъ.

— Не пугайтесь, продолжалъ капитанъ,—не удивляйтесь. Надувала—не болѣе какъ слово въ четыре слога: на-ду-ва-ла. Опредѣленіе: „моральный агрикультуристъ“, человѣкъ обрабатывающій поле человѣческой симпатіи. Я этотъ моральный агрикультуристъ, я этотъ воздѣлыватель. Узколобая посредственность, завидуя моимъ успѣхамъ въ моей профессіи, называетъ меня надувалой. Что жъ изъ этого? Та же посредственность нападаетъ такъ же на людей другихъ профессій, называетъ великихъ авторовъ писаками, великихъ полководцевъ мясниками, и такъ далѣе. Все это совершенно относительно, и зависитъ отъ точки зрѣнія каждаго. Становясь на вашу точку зрѣнія, я прямо признаю себя надувателемъ. Теперь, сдѣлайте мнѣ также одолженіе, и станьте на мою. Выслушайте что имѣю я сказать за себя, по дѣлу моей профессіи. Продолжать ли мнѣ откровенно?

— Продолжайте, сказала Магдалина,—а потомъ я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе.

Капитанъ откашлялся, сосредоточилъ въ умѣ всю свою словесную армію, съ кавалеріей, пѣхотой, артиллеріей и резервами, сталъ во главѣ ея, и, бросился въ дѣло, чтобы генеральною атакой овладѣть разомъ всѣми нравственными ретраншаментами общества.

— Вотъ извольте выслушать, началъ онъ.—Вотъ я человѣкъ въ нуждѣ. Прекрасно. Не усложняя вопроса объясне-

ніемъ обстоятельствъ, которыя привели меня къ этому, я спрошу только, обязано ли, или нѣтъ, христіанское общество помогать нуждающемуся? Если вы скажете нѣтъ, вы прямо пошабашите со мной, и дѣлу конецъ. Если вы скажите: да, то позвольте мнѣ спросить, въ чемъ же моя вина, если я заставляю христіянское общество исполнять свой долгъ? Вы можете возразить, обязанъ ли заботливый человѣкъ, скопившій деньги, тратить ихъ на беззаботнаго чужака, не скопившаго ихъ? Непремѣнно обязанъ. На какомъ основаніи? Да, Боже милосердый! на томъ основаніи, что заботливый человѣкъ какимъ нибудь манеромъ да добылъ же себя деньги. Человѣкъ, не имѣющій денегъ, добываетъ ихъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, у имѣющаго, и въ девяти случаяхъ изъ десяти—предлогъ бываетъ несправедливый. Какъ! ваши карманы полны, а мои пусты, и вы отказываетесь помочь мнѣ? Гнусный скаредъ! Неужели думаешь ты, что я позволю тебѣ, въ моемъ лицѣ, нарушать священныя обязанности человѣколюбія? Нѣтъ, я не позволю тебѣ этого, говорю рѣшительно—не позволю! Таковы правила мои, правила моральнаго агрикультуриста. Допускаютъ ли они надувательство? Непремѣнно. Виноватъ ли я, если поле человѣческаго сочувствія нельзя воздѣлывать иначе? Спросите собратій моихъ, настоящихъ земледѣльцевъ, сами ли собой даются имъ урожаи? Нѣтъ! они стараются обойдти скупую природу, какъ я стараюсь обойдти скупость людскую. Имъ приходится пахать, сѣять, удобрять, дренировать, и такъ далѣе. Отчего же мѣшать мнѣ въ обширномъ дѣлѣ обработки человѣчества? Можно ли преслѣдовать меня за то, что я постоянно возбуждаю благороднѣйшія чувства нашей человѣческой природы? Нечестно! Другаго слова нѣтъ,—нечестно! Не имѣй я увѣренности въ будущемъ, я сталъ бы отчаиваться въ человѣчествѣ; но я имѣю увѣренность въ будущемъ. Да, въ близкомъ будущемъ (когда я покину земное поприще), съ развитіемъ идей и успѣхами просвѣщенія, отвлеченныя достоинства профессіи, называемой теперь надувательствомъ, будутъ всѣми признаны. Когда наступитъ это время, не вырывайте праха моего изъ могилы и не совершайте надо мною торжественной церемоніи; не пользуйтесь невозможностію моей возвысить голосъ, и не оскорбляйте меня національнымъ памятникомъ. Нѣтъ! воздайте мнѣ должное на надгробномъ камнѣ моемъ,

и вспрысните меня приличною эпитафіей. Здѣсь покоится прахъ Регга, набальзированный позднимъ признаніемъ его достоинствъ: онъ обрабатывалъ своихъ братій, и просвѣщенное потомство воздаетъ ему честь за неизмѣнное превосходство жатвы его.

Онъ остановился, не потому что заврался и не отъ недостатка словъ, а просто отъ усталости.—Я высказался откровенно, проговорилъ онъ смѣясь.—Васъ все это смущаетъ? Смущаетъ?

Какъ ни утомлена и ни грустна была Магдалина, какъ ни склонна къ подозрительности, однако необыкновенное безстыдство капитана Регга, въ защитѣ надувательства, разсмѣшило ее и вызвало усмѣшку на ея губы.

— Ну, а что йоркширская жатва обильна теперь? спросила она, обращая противъ него его собственное оружіе.

— Такъ, такъ, попали! отвѣчалъ капитанъ, насмѣшливо выставляя напоказъ, въ фактическое объясненіе вопроса Магдалины, свою изношенную жакетку.—Душа моя, здѣсь, какъ и вездѣ, жатва всегда бываетъ; только одному человѣку не подъ силу убраться съ ней. Съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что я лишенъ разумнаго пособія. Я ничего не имѣю общаго съ чернью моей профессіи, обвиняющею себя передъ судами въ худшемъ изъ всѣхъ проступковъ, въ неисправимой глупости по исполненію обязанностей своего призванія. Я совершенно одинъ. Послѣ долгихъ лѣтъ успѣшной самостоятельности, я начинаю уже испытывать кару знаменитости. На пути съ сѣвера, я вотъ уже въ третій разъ останавливаюсь въ этомъ достопримѣчательномъ городѣ; чтобы оріентироваться, я справляюсь съ моими книжками, и нахожу подъ заглавіемъ: „Личное положеніе въ Йоркѣ“ буквы С. Х. И., означающія: „Слишкомъ Хорошо Извѣстенъ.“ Обращаюсь къ моему указателю, чтобы справиться на счетъ сосѣдней мѣстности. Тѣ же краткія отмѣтки поражаютъ мой глазъ. Лидсъ—С. Х. И. Скарборо—С. Х. И. Гарроге тъ—С. Х. И., и такъ далѣе. Какое же послѣдствіе этого? Я пріостанавливаю свои операціи, средства мои истощаются, и прекрасная родственница видитъ меня теперь въ кризисѣ.

— О какихъ это книжкахъ упоминаете вы? спросила Магдалина.

— Вы увидите, отвѣчалъ капитанъ. — Довѣряйте мнѣ или нѣтъ, я довѣряю вамъ вполнѣ. Вы увидите.

Съ этими словами, онъ ушелъ въ заднюю комнату. Магдалина воспользовалась этимъ, чтобы снова взглянуть на мистриссъ Реггъ. Неужели ея не коснулся словесный потокъ ея мужа? Вовсе не коснулся. Въ изготовленіи предполагаемаго яичнаго блюда, она дошла до послѣдняго процесса и изощрялась въ заключительной операціи переворачиванія сковороды, представляя своею ладонью блюдо, а книгой сковороду.—Я поняла теперь, произнесла мистриссъ Реггъ, обращаясь къ Магдалинѣ. — Сначала положить сковороду на блюдо и потомъ перевернуть вмѣстѣ.

Капитанъ Реггъ возвратился, неся въ рукахъ чистенькій черный портфель съ мѣднымъ замкомъ. Онъ вынулъ изъ него пять-шесть сѣренькихъ книжекъ въ кожаномъ купеческомъ переплетѣ.

— Да! произнесъ моральный агрикультуристъ. — Этимъ я не хвастаюсь; у меня въ натурѣ порядокъ. Все у меня должно быть записано, а не то я съ ума сойду! Вотъ моя коммерческая библіотека: Дневникъ, счетная книжка, окружная книжка, книжка писемъ, книжка записная, и такъ далѣе. Бросьте снисходительно глазки ваши на одну изъ нихъ. Я ласкаю себя увѣренностью, что вы не найдете ни одного пятнышка ни одной неровности съ первой страницы до послѣдней. Взгляните, потомъ, на эту комнату: есть ли въ ней что не на мѣстѣ. Нѣтъ. Посмотрите на меня. Запыленъ ли я? грязенъ ли? не добритъ ли? Короче, безупречно ли чистый я бѣднякъ, или нѣтъ? Не забудьте, я не хвастаюсь; это натура, милая дѣвушка, натура!

Онъ раскрылъ одну изъ своихъ книжекъ. Магдалина не могла оцѣнить удивительной точности, съ которою велась книжка, но она оцѣнила красоту почерка, правильность строкъ, математическую вѣрность разстояній черныхъ и красныхъ награфленныхъ линій, совершенное отсутствіе пятенъ, помарокъ и подскобокъ. Хотя врожденное чувство порядка было въ капитанѣ Реггѣ, какъ и вообще оно бываетъ, слишкомъ механическаго свойства, чтобъ оказывать какое-нибудь возвышающее нравственное вліяніе на его поступки, однако оно имѣло должное вліяніе на его привычки и сооб-

щило его надувательствамъ и плутовству порядокъ и систему, какъ будто бы они были обыкновенными торговыми дѣлами честнаго человѣка.

— Система моя можетъ иному показаться сложною, продолжалъ капитанъ,—а въ сущности это сама простота. Я только избѣгаю ошибокъ, въ которыя впадаютъ практики низшаго разряда. Я никогда не обращаюсь къ богатымъ людямъ: это двѣ страшныя ошибки, въ которыя постоянно впадаютъ люди низшаго сорта; у людей съ небольшими средствами бываютъ иногда великодушные порывы относительно денежныхъ дѣлъ, у богатыхъ—никогда. Какой-нибудь лордъ съ сорока тысячами годоваго дохода, какой-нибудь сэръ-Джонъ съ имѣніями въ двѣнадцати графствахъ, никогда не позабудутъ, что у нихъ какой-нибудь благородный бѣднякъ выманилъ гинею; эти тотчасъ же обращаются къ смотрителямъ за нищими, эти берегутъ свои денежки. Ну, кто, по одной небрежности, теряетъ шиллинги и сикспенсы? Прислуга да мелкіе клерки, для которыхъ шиллинги и сикспенсы составляютъ счетъ. Слышали ли вы когда-нибудь, чтобы Ротшильдъ или Берингъ уронили въ водосточную трубу четырехпенсовую монетку? Копѣйка въ карманѣ Ротшильда держится крѣпче, чѣмъ въ карманѣ вотъ той бабы что продаетъ морскихъ раковъ въ Скелдергертѣ. Поддерживаемый этими здравыми правилами, просвѣщенный запасами свѣдѣній моей коммерческой библіотеки, я дѣйствовалъ въ народѣ многіе годы и собиралъ жатву человѣколюбія съ большимъ успѣхомъ. Вотъ тутъ, въ первой моей книжкѣ, начерчены всѣ мои округи, съ обозначеніемъ предметовъ общественнаго сочувствія, на которыя я долженъ, по преимуществу, разчитывать. Военный округъ, церковный округъ, земледѣльческій округъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Во второй книжкѣ означены категоріи лицъ, за которыхъ я прошу: семейство офицера убитаго подъ Ватерлоо; жена бѣднаго священника разбитаго параличомъ; жена скотовода, смертельно пораженнаго бѣшенымъ быкомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ третьей книжкѣ означены лица слышавшія о семействѣ офицера, женѣ священника, вдовѣ скотовода, и лица не слышавшія; лица не отказавшія и отказавшія; лица, къ которымъ можно обратиться снова, лица которыхъ нужно

пошевелить какою-нибудь новою свеженькою исторіей; лица подозрительныя, лица которыхъ слѣдуетъ остерегаться, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ четвертой книжкѣ находятся обращики почерковъ моихъ въ общественныхъ сношеніяхъ; или свидѣтельства въ моей благонамѣренности и честности; или разрывающія сердце показанія офицерова семейства, священниковой жены и вдовы скотовода, орошенные слезами, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Въ пятой и шестой книжкахъ находятся отмѣтки моихъ собственныхъ благотворительныхъ пожертвованій, по правилу: не жалѣй червячка коли хочешь поймать рыбку; также дневникъ моихъ дѣйствій, мои разсужденія и замѣчанія, обозначеніе представляющихся затрудненій (въ родѣ затрудненія быть С. Х. И. въ этомъ доетопримѣчательномъ городѣ); мои разъѣзды, погода и вѣтеръ; политическія и общественныя событія; перемѣны въ моемъ здоровьѣ; состояніе головы мистриссъ Реггъ; превратности въ нашихъ средствахъ и нашихъ обѣдахъ; наши уплаты, предположенія, правила, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Такъ-то, милая дѣвушка, работаетъ надувательная машина. Теперь вы знаете меня. До нашей встрѣчи вамъ было уже извѣстно, что я живу своимъ умомъ. Ну, показалъ ли я вамъ, что у меня довольно ума для снисканія себѣ пропитанія?

— Я увѣрена, что вы отдали себѣ полную справедливость, замѣтила спокойно Магдалина.

— Я еще не всего себя исчерпалъ, продолжалъ капитанъ.—Меня станетъ на цѣлый вечеръ. Однако если я высказалъ все что̀ нужно, то объясненіе остающихся качествъ моихъ я могу отложить до будущаго времени. Теперь, я кончаю. Реггъ уходитъ съ сцены. Къ дѣлу! Позвольте мнѣ спросить васъ, какое впечатлѣніе произвелъ я на васъ? Или вы все еще думаете, что плутъ, довѣрившій вамъ всѣ свои тайны, захочетъ неблагородно воспользоваться положеніемъ своей прекрасной родственницы?

— Позвольте мнѣ подождать немного, прежде чѣмъ отвѣчать вамъ на этотъ вопросъ, сказала Магдалина.—Когда я сошла къ чаю, вы сказали мнѣ, что употребляли вашъ умъ на пріисканіе средства быть мнѣ полезнымъ? Могу я спросить, что̀ вы придумали?

— Всенепремѣнно, отвѣчалъ капитанъ Реггъ. — Вы узнаете результатъ цѣлаго умственнаго процесса. Процессъ

этотъ касается настоящихъ и будущихъ дѣйствій вашихъ огорченныхъ друзей и законниковъ, способствующихъ къ отысканію васъ. Настоящія ихъ дѣйствія, по всей вѣроятности, находятся въ слѣдующемъ положеніи: клеркъ законника не нашелъ васъ у мистера Гакстебла, не нашелъ также и въ отеляхъ. Послѣдняя его надежда, что вы пошлете за вашимъ багажомъ на станцію желѣзной дороги, а такъ какъ вы не посылаете за ней, то клеркъ (благодаря капитану Реггу и Розмери-лену) не знаетъ что̀ дѣлать. Онъ тотчасъ же сообщитъ обо всемъ этомъ въ Лондонъ, а законникъ (не пугайтесь) обратится къ полицейскому сыщику. Принимая въ соображеніе необходимыя задержки, спеціальный шпіонъ, при своей ловкости и съ этими указаніями въ объявленіяхъ для узнанія васъ, прибудетъ сюда, вѣроятно не позже какъ послѣзавтра, а быть-можетъ, и раньше. Если вы останетесь въ Йоркѣ и попытаетесь войдти въ сношеніе съ мистеромъ Гакстебломъ, шпіонъ этотъ отыщетъ васъ. Если же вы оставите городъ до его прибытія (уѣзжая не по желѣзной дорогѣ, безъ сомнѣнія), то вы поставите его въ такое же положеніе, какъ и клерка; онъ не отыщетъ вашихъ слѣдовъ. Таковъ вкратцѣ мой взглядъ на ваше дѣло. Что̀ вы думаете о немъ?

— Я думаю, что въ немъ есть одинъ недостатокъ, отвѣчала Магдалина. — Онъ не кончается ничѣмъ.

— Извините, возразилъ капитанъ: — онъ оканчивается принятіемъ нужныхъ мѣръ къ вашему благополучному выѣзду и къ полному удовлетворенію вашихъ желаній по отношенію къ сценѣ. Планъ начертанъ моею опытностью, и ожидаетъ, для своего выполненія, только вашего слова.

— Кажется, я понимаю какого слова, произнесла Магдалина, пристально глядя на него.

— Очень радъ слышать это, вѣрьте мнѣ. Вамъ нужно сказать только: „капитанъ Реггъ, возьмите меня на свои руки,“ и съ того самаго времени, планы мои будутъ вашими.

— Я подумаю о вашемъ предложеніи, сказала она послѣ минуты размышленія. — Завтра утромъ, вы узнаете мой отвѣтъ.

Капитанъ Реггъ былъ, по видимому, не совсѣмъ доволенъ. Онъ не ожидалъ, чтобы сдержанность съ его стороны встрѣтила такую же спокойную сдержанность съ ея.

— Почему же не рѣшить теперь? спросилъ онъ своимъ убѣдительнѣйшимъ тономъ.—Вамъ стоитъ сообразить только...

— Мнѣ нужно сообразить болѣе обстоятельствъ чѣмъ вы полагаете, отвѣчала она. — Кромѣ извѣстной вамъ цѣли, у меня есть другая...

— Могу я узнать..?

— Извините, капитанъ Реггъ, не можете. Позвольте мнѣ поблагодарить васъ за ваше гостепріимство, и пожелать вамъ доброй ночи. Я въ совершенномъ изнеможеніи. Мнѣ нужно отдохнуть.

Капитанъ благоразумно подчинился ей, съ самообладаніемъ опытнаго человѣка.

— Понятно,что въ изнеможеніи! съ сочувствіемъ произнесъ онъ.—Непростительно было, съ моей стороны, не подумать объ этомъ прежде. Завтра окончимъ мы нашъ разговоръ. Позвольте мнѣ предложить вамъ свѣчку. Мистриссъ Реггъ!

Утомленная умственнымъ упражненіемъ, мистриссъ Реггъ продолжала долбить приготовленіе своей яичницы уже въ сонныхъ грезахъ. Голова ея перегнулась въ одну сторону, а корпусъ въ другую. Она тихо храпѣла. Повременамъ, одна изъ ея рукъ подымалась на воздухъ, встряхивала воображаемую сковороду и падала шумно на кухонную книжку, лежавшую на ея колѣняхъ. При звукахъ голоса мужа, она вскочила на ноги, и. полузаспанная, предстала предъ нимъ съ вытаращенными глазами.

— Пособите миссъ Ванстонъ, произнесъ капитанъ. — Да когда, впередъ, случится вамъ заснуть на вашемъ стулѣ, такъ постарайтесь расположиться аккуратнѣе, а не такимъ кривымъ манеромъ.

Мистриссъ Реггъ еще болѣе выпучила свои глаза, и съ страшнымъ изумленіемъ посмотрѣла на Магдалину.

— Никакъ капитанъ завтракаетъ при свѣчахъ? смиренно спросила она.—А яичница-то еще не готова!

Прежде чѣмъ исправительный голосъ капитана успѣлъ раздаться возбудительно, Магдалина взяла ее за руку и увела изъ комнаты.

„Кромѣ извѣстной мнѣ цѣли, есть другая?“ повторилъ капитанъ, оставшись одинъ. „Нѣтъ ли у ней какого-нибудь господина? Чего добраго? Не собирается ли тамъ какая-нибудь бѣда въ темнотѣ, такъ что мнѣ ужь и соваться нечего?“

III.

На другой день, около шести часовъ утра, свѣтъ, упавшій на лицо Магдалины, разбудилъ ее въ ея комнатѣ, въ Розмериленѣ.

Она проснулась отъ своего глубокаго сна, съ тѣмъ жуткимъ чувствомъ недоумѣнія, которое извѣстно всѣмъ, кому случалось заснуть въ незнакомой комнатѣ. „Нора!“ произнела она въ просонкахъ, открывая глаза. Черезъ минуту она очнулась. Съ отвращеніемъ осмотрѣлась она въ своей жалкой комнатѣ. Непріятный контрастъ этой обстановки со всѣмъ что̀ привыкла она видѣть въ своей спальнѣ, контрастъ запущенной бѣдной мебели съ привычною ей изъ дѣтства изящною чистотой, оскорбилъ то чувство чистоплотности въ Магдалинѣ, которое составляетъ вторую природу порядочной женщины. Какъ ни ничтожны были эти впечатлѣнія въ настоящемъ ея положеніи, но одинъ взглядъ на умывальную посуду въ углу комнаты подѣйствовалъ на нее такъ сильно, что она рѣшилась немедленно оставить Розмери-ленъ.

Какъ же оставитъ она его? Съ капитаномъ Реггомъ или безъ него?

Она одѣлась, сжимаясь отъ всякаго прикосновенія ея рукъ или платья къ вещамъ находившимся въ комнатѣ, и потомъ открыла окно. Пріятно освѣжилъ ее прохладный осенній воздухъ, а маленькій клочокъ открытаго предъ ней неба горѣлъ ярко въ лучахъ восходившаго солнца. Лишь дальніе голоса судовщиковъ на рѣкѣ, да чириканіе птицъ въ кустовой поросли покрывавшей древнія крѣпостныя стѣны, нарушали утреннюю тишину. Она сѣла къ окну и задумалась, ища тѣхъ мыслей, на которыхъ, усталая, заснула она вчера.

Прежде всего она вспомнила объ оригинальномъ индивидуумѣ, капитанѣ Реггѣ.

„Моральному агрикультуристу“ не удалось уничтожить въ ней личнаго отвращенія къ нему, какъ ни хитро старался онъ преодолѣть его открытымъ признаніемъ въ своихъ надувательствахъ. Онъ возвысилъ ея мнѣніе о его ловкости, своимъ шутовствомъ, онъ позабавилъ ее, онъ удивилъ ее своею

самоувѣренностью, но не разубѣдилъ ее въ томъ, что онъ все тотъ же, какъ думала она, плутъ. Еслибъ единственною цѣлью ея было вступленіе на сцену, она тутъ же отказалась бы рѣшительно отъ болѣе чѣмъ сомнительнаго пособія капитана Регга.

Но опасное похожденіе, на которое она отважилась теперь, имѣло другую цѣль,—цѣль темную и дальнюю,—цѣль съ затрудненіями посильнѣе тѣхъ, которыя предстояли ей для поступленія на сцену. Въ таинственной тишинѣ утра, мысль ея обратилась къ этой второй, сокровеннѣйшей цѣли, и презрѣнный образъ плута возсталъ передъ ней въ новомъ видѣ.

Она попыталась отвязаться отъ него и обратиться снова къ чему-нибудь другому.

Занявшись немного своимъ туалетомъ, она сняла съ своей груди бѣлый шелковый мѣшочекъ, сшитый собственными ея руками въ послѣднюю ночь въ Комбъ-Ревенѣ. Вверху онъ былъ стянутъ тонкимъ шелковымъ шнуркомъ. Первое, что вынула она изъ него, была прядь волосъ Франка, перевязанная серебряною нитью; потомъ она вынула листокъ бумаги съ выписанными ею мѣстами изъ завѣщанія и письма отца; наконецъ, тугой пакетъ банковыхъ билетовъ, приблизительно на сумму двухъ сотъ фунтовъ, добытыхъ (какъ справедливо думала миссъ Гартъ) отъ продажи брилліантовъ и платьевъ, въ чемъ тайно помогла ей служанка школы. Она спрятала опять деньги, не взглянувъ на нихъ, и потомъ задумчиво засмотрѣлась на локонъ лежавшихъ на ея колѣняхъ волосъ. „Ты, локонъ мой, все же лучше чѣмъ ничто, заговорила она, обращаясь къ нему съ мечтательною дѣвическою нѣжностью. Я могу глядѣть на тебя, и воображать, что гляжу на Франка. О, милый мой! милый мой!“ Голосъ ея замеръ и, съ умиленіемъ и нѣгою, она приложила волосы къ своимъ губамъ. Изъ рукъ они упали на грудь ея. Краска покрыла ея щеки и зарумянила шею, какъ будто слѣдуя за укатившимся локономъ. Она закрыла глаза, и тихо опустилась ея прекрасная головка. Міръ исчезъ вокругъ нея, и на одно упоительное мгновеніе, любовь открыла вороты рая для дочери Евы

Обычный шумъ сосѣдней улицы, все прибывавшій, возвратилъ ее къ суровой дѣйствительности настоящаго. Съ глубокимъ вздохомъ подняла она свою голову, и снова оглянула

свою маленькую, жалкую каморку. Листокъ съ отрывками изъ завѣщанія и письма, эта послѣдняя память по отцѣ, теперь такъ тѣсно связанная съ занимавшею ее мыслью, все еще лежалъ передъ ней. Когда она стала раскрывать этотъ листокъ на колѣняхъ, минутный румянецъ исчезъ снова съ ея щекъ. Отрывокъ изъ завѣщанія былъ выписанъ на верхней части страницы, и заключалъ въ себѣ тѣ немногія трогательныя слова, въ которыхъ покойный отецъ просилъ у дочерей своихъ прощенія за грѣхъ ихъ рожденія, и умолялъ ихъ помнить любовь и заботы, которыми старался онъ искупить этотъ грѣхъ. Затѣмъ слѣдовалъ отрывокъ изъ письма къ мистеру Пендрилю. Громко прочла она себѣ послѣднія грустныя слова: „Бога ради, пріѣзжайте въ день полученія этого письма,—пріѣзжайте и избавьте меня отъ страшной мысли, что мои двѣ дорогія дѣвушки не обезпечены въ настоящее время. Если что-нибудь случится со мною, и если моя поспѣшность воздать должное матери кончится (вслѣдствіе моего несчастнаго незнанія закона) оставленіемъ Норы и Магдалины безъ наслѣдства, мнѣ не будетъ покоя въ могилѣ.“ Подъ этими строчками, у самаго конца страницы, было написано страшное объясненіе, вырвавшееся по поводу этого письма у мистера Пендриля. „Дочери мистера Ванстона—ничьи, найденыши, и законъ ставитъ ихъ въ зависимость отъ милости ихъ дяди.“

Сильно пораженная при произнесеніи этихъ словъ, она казалась не менѣе пораженною ими и теперь, послѣ всего на что рѣшилась, послѣ всего чѣмъ пожертвовала. Утвержденіе за собою и сестрою естественныхъ правъ своихъ освященныхъ положительнымъ заявленіемъ послѣдней воли отца, возвращеніе Франка изъ Китая, оправданіе своего побѣга передъ Норою, все зависѣло отъ ея отчаяннаго рѣшенія возвратить потерянное наслѣдство, во что бы то ни стало, отъ человѣка, который оскорбилъ и пустилъ по міру дѣтей своего брата. И человѣкъ этотъ былъ совершенно неизвѣстенъ ей. До сихъ поръ она даже не знала о мѣстѣ его жительства.

Она поднялась и заходила по комнатѣ съ беззвучною и небрежною граціей хищнаго звѣрка въ клѣткѣ.

— Какъ, въ этой тьмѣ, доберусь я до него? проговорила она про себя.—Какъ разыщу...?— Она вдругъ остановилась.

Прежде, чѣмъ кончила она эту мысль, фигура капитана Регга снова возстала въ ея умѣ.

Человѣкъ навычный въ темныхъ дѣлахъ, человѣкъ съ безконечною смѣлостью и хитростью, человѣкъ, который не погнушается никакимъ занятіемъ, лишь бы карманы его были за то полны, не такой ли человѣкъ нуженъ былъ ей въ настоящихъ обстоятельствахъ? Ей предстояло выполнить два дѣла, прежде чѣмъ могла она подвинуться на шагъ впередъ: узнать о братѣ ея отца болѣе чѣмъ знала она теперь, и чтобы не возбудить подозрѣній, затаиться самой во время этихъ развѣдокъ. При всей ея рѣшимости зависѣть только отъ самой себя, неизбѣжное шпіонское дѣло приходилось поручить другому. Подъ рукой у ней былъ бродяга, въ нижнемъ жильѣ, отлично способный на это дѣло. Никого болѣе не представлялось ей. Тревожно думала она объ этомъ, думала долго. Да, никого болѣе! Ей приходилось или взять въ помощь плута, или отказаться отъ цѣли.

Она остановилась посереди комнаты. „Что можетъ онъ сдѣлать мнѣ дурнаго? спросила она себя. Обобрать меня. Чтожь. Если онъ будетъ работать для меня изъ-за моихъ денегъ, чтожь? пускай беретъ ихъ!“ Безсознательно подошла она опять къ окну. Еще минута, и она рѣшилась. Еще минута, и она сдѣлала свой первый роковой шагъ по скату: она рѣшилась попытать капитана Регга.

Въ девять часовъ, хозяйка дома постучалась у дверей Магдалины, и объявила ей, съ привѣтствіями капитана, что чай поданъ.

Она нашла мистриссъ Реггъ одну, въ широкомъ темномъ холстинковомъ капотѣ, съ смятымъ воротничкомъ и съ уборомъ изъ полинялыхъ розовыхъ лентъ. Бывшая прислужница ресторація Дарча сидѣла погруженная въ созерцаніе большаго блюда, заключавшаго въ себѣ какое-то желтое, повидимому, твердое вещество, сильно испещренное черными крапинками.

— Вотъ наконецъ, проговорила мистриссъ Реггъ,— яичница съ зеленью. Хозяйка помогла мнѣ, и вотъ что вышло. Не спрашивайте этого кушанья у капитана. Не вкусно. Съ нимъ было много всякихъ бѣдъ. Оно свалилось сначала подъ рѣшетку въ печкѣ; потомъ упало на лѣстницѣ; потомъ

обожгло младшаго мальчика хозяйки, онъ пришелъ да сѣлъ было на него. Пожалуста не спрашивайте; оно совсѣмъ не такъ хорошо, какъ кажется! Не спрашивайте. Капитанъ можетъ быть не замѣтитъ, если вы не скажете ничего. Какъ вамъ нравится капотъ мой? Мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть бѣлый? Хороша на немъ уборка? Скажите, пожалуста.

Грозное появленіе капитана прервало ея рѣчь.

Къ счастію для мистриссъ Реггъ, мужъ ея такъ безпокоился о рѣшеніи Магдалины, что ему было не до стряпни. Тотчасъ послѣ завтрака, онъ отослалъ прочь мистриссъ Реггъ, и замѣтилъ мелькомъ, что она имѣетъ полное право выбросить собакамъ свою яичницу.

— Ну, надѣюсь, что утро вечера мудренѣе. Что порѣшили вы сегодня? спросилъ онъ, поставивъ стулья для Магдалины и для себя.—Какой отвѣтъ дадите вы мнѣ? „Капитанъ Реггъ, возьмите меня на свое попеченіе?“ или: „Капитанъ Реггъ, мое вамъ почтеніе?“

— Вы чейчасъ узнаете, отвѣчала Магдалина.—Но я должна прежде кое-что сказать вамъ. Вчера я говорила вамъ, что у меня есть другая цѣль въ виду, кромѣ необходимости зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба на сценѣ...

— Извините, перебилъ капитанъ: — вы никакъ сказали: зарабатывать хлѣбъ?

— Да. Мы съ сестрою должны зарабатывать себѣ хлѣбъ.

— Какъ! вскрикнулъ капитанъ, вскакивая и тараща глаза отъ изумленія. — Дочери моего богатаго и оплакиваемаго свояка принуждены зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба? Быть-не можетъ; это совершенно невозможно, до сумазбродства невозможно!—Онъ усѣлся снова, и посмотрѣлъ на Магдалину, какъ будто она лично оскорбила его.

— Вы не знаете всѣхъ нашихъ бѣдствій, сказала она спокойно.—Я разкажу вамъ въ чемъ дѣло.—И она разказала ему все, возможно ясно и возможно кратко.

Посреди глубокаго изумленія, въ головѣ капитана Регга выяснился только одинъ результатъ вслѣдствіе этого разказа: значеніе обѣщанныхъ стряпчимъ „пятидесяти фунтовъ награды“ поднялось въ его умѣ на высоту, которой не достигало прежде.—Значитъ, спросилъ онъ,—если я понялъ, вы лишены теперь всякихъ средствъ?

— Я продала мои бриліанты и платья, отвѣчала Магдалина, теряя терпѣніе отъ его корыстныхъ намековъ.—Если

на первое время мнѣ придется играть безъ платы, то я могу съ моими деньгами обойдтись до того времени, когда мнѣ будутъ платить.

Капитанъ Реггъ тотчасъ же сосчиталъ въ своемъ умѣ кольца, браслеты, ожерелья, шелки, атласы, кружева, дочери богатаго джентльмена, полагая ихъ въ треть настоящей цѣны. Черезъ минуту, пятьдесятъ фунтовъ награды упали очень низко во глубинѣ соображеній этого разчетливаго человѣка.

— Такъ, произнесъ онъ дѣловымъ тономъ.—Не можетъ быть ни малѣйшаго опасенія, милая дѣвушка, чтобы васъ не оцѣнили на театрѣ, если у васъ точно есть талантъ и если вы захотите воспользоваться моею помощью.

— Мнѣ нужна болѣе важная помощь чѣмъ та, которую вы предложили мнѣ, или же не нужно никакой, сказала Магдалина.—Мнѣ не одно только то нужно чтобъ уѣхать изъ Йорка безопасно и поступить на сцену; мнѣ предстоятъ болѣе важныя трудности.

— Что же такое? Я весь вниманіе; сдѣлайте одолженіе, объяснитесь.

Она тщательно обдумывала свои ближайшія слова прежде чѣмъ они появились на ея устахъ.

— Мнѣ нужны нѣкоторыя справки, произнесла она.—Если я стану собирать ихъ сама, то могу возбудить подозрѣніе этихъ людей, и ничего не узнаю или узнаю очень мало. Если же справки эти могутъ быть наведены чужимъ человѣкомъ, такъ чтобы я оставалась въ сторонѣ, то подобная услуга для меня гораздо важнѣе предложенной вами вчера.

Лицо капитана Регга выразило глубочайшую внимательность.

— Позволите ли вы мнѣ спросить, произнесъ онъ,—какого рода будутъ справки?

Магдалина не рѣшилась сказать. По необходимости, ей пришлось уже однажды произнести имя Михаила Вандстона, при разказѣ о потерѣ наслѣдства. Ей необходимо пришлось бы назвать его снова, еслибъ она приняла услуги капитана. Наконецъ, ему самому не трудно было бъ открыть это имя въ продолженіе разговора, какъ бы осторожно ни повела его Магдалина. При такихъ обстоятельствахъ, была ли какая-нибудь основательная причина скрывать имя Михаила Вандстона? Причины не было, но Магдалина не рѣшалась.

— Вотъ хоть это напримѣръ, продолжалъ капитанъ Реггъ:— справки эти касаются мущины или женщины, врага или друга...

— Врага, быстро перебила она.

Отвѣтъ ея могъ еще не просвѣтить капитана, но глаза ея просвѣтили его. „Михаилъ Ванстонъ!“ догадался хитрый Реггъ. „О, да она преопасная! Посондирую еще.“

— Что до особы, о которой вы хотите разузнать, продолжалъ онъ,—совершенно ли ясно опредѣлили вы себѣ то что̀ желаете разузнать?

— Совершенно ясно, отвѣчала Магдалина. — Я желаю знать, прежде всего, гдѣ этотъ человѣкъ живетъ?

— Да? Ну а послѣ?

— Я желаю знать о его привычкахъ, о людяхъ окружающихъ его, о томъ какъ тратитъ онъ свои деньги...— Она подумала немного.—И еще объ одномъ, прибавила она:—я желаю знать есть ли у него въ домѣ какая-нибудь женщина, родственница или ключница, имѣющая на него вліяніе.

— До сихъ поръ дѣло нетрудное, замѣтилъ капитанъ.— Что далѣе?

— Ничего. Остальное секретъ мой.

Расположеніе духа капитана Регга начало проясняться. Съ своею обычною точностью, онъ тотчасъ прибѣгнулъ къ дилеммѣ. „Справки эти, думалъ онъ, нужны ей или для мщенія, или для денегъ. Если для мщенія, я выскользну у ней между пальцами. Если для денегъ, я предложу свои услуги, чтобы попользоваться въ будущемъ.“

Внимательные глаза Магдалины подозрительно угадывали процессъ его размышленій.

— Капитанъ Реггъ, произнесла она:—если вы хотите прежде подумать, скажите это прямо.

— Нисколько, отвѣчалъ капитанъ.—Возложите на меня отъѣздъ вашъ изъ Йорка, вашу сценическую карьеру и всѣ частныя справки. Я весь къ вашимъ услугамъ. Скажите теперь, согласны вы?

Крѣпко забилось ея сердце, ссохлись губы, но она сказала:

— Согласна.

Наступило молчаніе. Магдалина сидѣла безмолвно, думая о будущемъ, которое наступало для нея послѣ этого по-

слѣдняго отвѣта. Капитанъ Реггъ, съ своей стороны, повидимому, опять погрузился въ свои вычисленія. Руки его опустились въ карманы и пророчески испытывали ихъ вмѣстимость, въ ожиданіи золота и серебра. Когда онъ заговорилъ, лицо его сіяло золотомъ, голосъ звучалъ серебромъ.

— Теперь, я долженъ спросить васъ на счетъ времени, сказалъ онъ.—Эти конфиденціальныя справки нужны къ спѣху, или можно подождать?

— Можно подождать, отвѣчала Магдалина.—Прежде я желала бы совершенно обезпечить мою свободу отъ вмѣшательства моихъ друзей.

— Прекрасно. Для этого, нужно сначала совершить ретираду,—извините военному человѣку военное выраженіе, — совершить ретираду изъ Йорка завтра же. До сихъ поръ дѣло для меня совершенно ясно; а вотъ дальнѣйшій маршрутъ затрудняетъ меня... Мы должны выбрать такой путь, который приближалъ бы васъ къ вашей сценической цѣли. Я все соображу и разсужу, какъ только узнаю ваши виды. Скажите, какимъ образомъ пришла вамъ мысль о театрѣ? Я вижу священный огонь въ вашихъ глазахъ; скажите, кто зажегъ его?

Магдалина могла дать ему лишь одинъ отвѣтъ. Она могла обратиться только къ былымъ, на вѣки миновавшимъ днямъ, и разказать ему объ участіи ея въ спектаклѣ въ Эвергринъ-Лоджѣ. Съ обыкновенною своею вѣжливостью выслушалъ ее капитанъ Реггъ, но очевидно не вынесъ удовлетворительнаго впечатлѣнія изъ слышаннаго. Публикѣ изъ друзей, онъ не довѣрялъ нисколько, а на мнѣніе режиссера смотрѣлъ какъ на мнѣніе человѣка, говорившаго съ полученною платой въ карманѣ и съ надеждой на приглашеніе впредь.

— Замѣчательно, очень, очень замѣчательно, проговорилъ онъ, когда Магдалина кончила:—но для практическаго человѣка не совсѣмъ убѣдительно. Образцикъ вашего сценическаго искусства просвѣтилъ бы меня. Я вѣдь и самъ поигрывалъ на сценѣ, и знаю комедію „Соперники“ отъ начала до конца. Мнѣ бы услышать только небольшой отрывокъ, если вы не забыли словъ, изъ „Люси“ и изъ „Юліи“.

— Я не забыла словъ, грустно отвѣчала Магдалина:—а

тетрадки съ ролями со мною; никогда я не разставалась съ ними; онѣ напоминаютъ мнѣ то время...

Губы ея задрожали, сердце защемило, и рѣчь ея оборвалась.

— Нервны, снисходительно замѣтилъ капитанъ. — Это хорошій знакъ. Великія актрисы всегда бываютъ нервны. Но слѣдуйте ихъ примѣру, и преодолѣвайте себя. Гдѣ же роли? Ахъ! вотъ онѣ! Очень мило написаны и замѣчательно чисты. Я буду подсказывать вамъ реплики. Пусть эта комната будетъ сцена а я—публика. Ну, звонитъ колокольчикъ, поднимается занавѣсь, въ галлереяхъ воцаряется порядокъ, въ партерѣ тишина, и входитъ Люси...

Она попыталась овладѣть собою; она оттѣснила свою грусть,—невинную, естественную, человѣческую грусть объ отсутствующихъ и отшедшихъ,—горько споривщую съ ней за удержанныя ею слезы. Скрѣпивъ сердце, сжавъ холодныя руки, начала она. Когда уста ея проговорили первыя слова, образъ Франка явился передъ ней изъ-за моря, вмѣстѣ съ лицомъ покойнаго отца, смотрѣвшимъ на нее съ улыбкой былыхъ счастливыхъ дней. Послышались ей голоса матери и сестры въ благоуханномъ затишьи деревни, и комбъ-ревенскія аллеи открылись предъ ней... Тутъ, съ тихимъ жалобнымъ воплемъ, упала она на стулъ; голова ея опустилась на столъ, и слезы страстно брызнули изъ глазъ.

Капитанъ Реггъ мгновенно вскочилъ, но она задрожала, когда онъ подошелъ къ ней, и сильно оттолкнула его рукой.

— Оставьте меня! проговорила она:—оставьте меня хоть на минуту!

Угодливый Реггъ отошелъ въ лицевую комнату, посмотрѣлъ въ окошко и засвисталъ тихонько. „Опять фамильная черта! замѣтилъ онъ: усложненная еще истериками.“

Выждавъ минуты двѣ, онъ снова подошелъ къ Магдалинѣ.

— Не могу ли я помочь вамъ чѣмъ-нибудь? спросилъ онъ. Не прикажете ли, холодной воды, жженыхъ перьевъ, спирта? Не послать ли за докторомъ? Не позвать ли къ вамъ мистриссъ Реггъ? Не отложить ли намъ до завтра?

Она встала, взволнованная и раскраснѣвшаяся, съ отчаянною рѣшимостью въ лицѣ и движеніяхъ.

— Нѣтъ! произнесла она.—Я должна принудить себя, и принужу. Сядьте и глядите.

— Браво! воскликнулъ капитанъ.—Начните только, красавица моя, и дѣло пойдетъ.

И она начала—бѣшено подзадоривая себя, съ напряженіемъ въ голосѣ, съ лихорадочною краской въ щекахъ. Вся безыскуственная, дѣвственная прелесть ея прежней игры, уже прошла. Въ замѣнъ, природный сценическій талантъ ея, не смягчаемый прежнею наивностью, но сильный и смѣлый, явился наружу. На человѣка съ чувствомъ она произвела бы тяжелое впечатлѣніе. Капитана Регга она всецѣло наэлектризовала. Онъ забылъ свою церемонность, забылъ свое многословіе. Вся эссенція, весь духъ его бродяжной жизни, неудержимо брызнулъ изъ него въ его первомъ восклицаніи.

— Кой чортъ подумалъ бы это! Да она въ самомъ дѣлѣ можетъ играть!

Какъ только слова эти сорвались съ его устъ, онъ опомнился и скользнулъ въ свои обычные разговорные каналы. Магдалина остановила его на первомъ комплиментѣ.

— Не надо, сказала она:—истина вырвалась у васъ. Мнѣ больше ничего не нужно.

— Извините, возразилъ Реггъ:—вамъ нужно немного поучиться, а я могу послужить вамъ уроками.

Съ этими словами, онъ предложилъ ей стулъ и началъ свою рѣчь.

Молча сѣла она. Какое-то унылое равнодушіе стало замѣтно въ ея манерѣ, щеки ея снова поблѣднѣли, а глаза устало и безсознательно уставились въ противоположную стѣну. Капитанъ Реггъ замѣтилъ эти признаки тоски и недовольства собою послѣ сдѣланныхъ ею усилій; онъ увидѣлъ необходимость ободрить ее прямымъ и непосредственнымъ обращеніемъ къ цѣли. Въ его корыстныхъ глазахъ, она пріобрѣла теперь новую цѣну. Она возбудила теперь въ его умѣ мысль объ эксплуатаціи ея красоты, молодости и несомнѣннаго замѣчательнаго сценическаго таланта. Старый милиціонеръ былъ скоръ на выдумки. Когда Магдалина сѣла, чтобы выслушать его, онъ уже сообразилъ свои планы.

— Мнѣніе мистера Гакстебла я раздѣляю вполнѣ, началъ онъ.—Вы природная актриса. Но вы должны поучиться прежде чѣмъ выйдите на сценѣ. У меня нѣтъ за-

нятій, я знаю дѣло; я училъ другихъ, я могу учить васъ. Если вы не довѣряете моимъ словамъ, то можете довѣриться моимъ эгоистическимъ разчетамъ. Изъ собственныхъ выгодъ я займусь вами и постараюсь повести дѣло какъ можно скорѣе. Вы будете платить мнѣ за мое обученіе изъ денегъ, которыя будете послѣ зарабатывать на сценѣ. Половину жалованія за первый годъ; треть за второй, и половину чистаго барыша отъ вашего перваго лондонскаго бенефиса. Что вы скажите на это? Не собственная ли моя выгода побуждаетъ меня пособлять вамъ? Такъ или нѣтъ?

Что до сцены, то, повидимому, было несомнѣнно, что онъ не отдѣлялъ своихъ интересовъ отъ интересовъ Магдалины. Она kratko высказала ему это, и стала ждать продолженія.

— Въ мѣсяцъ или мѣсяца въ полтара я съ полною ясностію увижу, на что вы болѣе способны, продолжалъ капитанъ.—У каждаго таланта, есть свое русло, а ваше слѣдуетъ еще найдти. Здѣсь намъ не найдти его; нельзя же держать васъ въ заперти нѣсколько недѣль въ Розмери-ленѣ. Спокойное загородное мѣстечко, безопасное отъ всякихъ вмѣшательствъ и докукъ, необходимо намъ на мѣсяцъ. Положитесь на мое знакомство съ Йоркширомъ, и считайте такое мѣстечко найденнымъ. Ни въ чемъ не вижу я затрудненій, кромѣ только нашей завтрашней ретирады.

— Кажется, вы уже сдѣлали распоряженія еще вчера, замѣтила Магдалина.

— Совершенно справедливо, согласился капитанъ.—Они были сдѣланы вчера, и вотъ въ чемъ они заключаются. Уѣхать по желѣзной дорогѣ мы не можемъ, потому что стряпческій дьякъ, навѣрно, стережетъ васъ на станціи. Прекрасно; вмѣсто желѣзной, мы отправимся по простой дорогѣ, и въ собственномъ экипажѣ. Откуда же добудемъ мы экипажъ? А у брата хозяйки, который отдаетъ въ наемъ свою лошадь и экипажъ. Я везу мою жену и племянницу за городъ, чтобы показать имъ окрестности. У насъ съ собою корзинка, съ первыми припасами, объясняющая публикѣ цѣль нашу. Вы обезображиваете себя шалью, шляпкой и вуалью мистриссъ Реггъ, мы обращаемъ тылъ къ Йорку, и отправляемся на увеселительную прогулку, я съ вами

на главномъ сидѣніи, а мистрисъ Реггъ съ корзинкой—на заднемъ. Прекрасно. Выѣхавъ на большую дорогу, что̀ мы дѣлаемъ? Ѣдемъ на первую за Йоркомъ станцію желѣзной дороги къ сѣверу, югу или востоку,—объ этомъ рѣшимъ послѣ. Тамъ васъ не будетъ стеречь стряпческій дьякъ. Вы съ мистриссъ Реггъ выходите, и при первомъ удобномъ случаѣ открываете корзинку. Вмѣсто ветчины и шампанскаго, въ немъ находится мѣшокъ со всѣми туалетными и постельными принадлежностями. На станціи вы берете себѣ билеты до опредѣленнаго мѣста, а я въ тезѣ возвращаюсь въ Йоркъ. Пріѣхавъ домой, я собираю оставленный здѣсь багажъ, и посылаю за хозяйкой. „Дамы такъ восхищаются такимъ-то и такимъ-то мѣстомъ, что не рѣшаются оставить его. Пожалуста, вмѣсто предупрежденія за недѣлю объ оставленіи квартиры, примите плату за недѣлю. Мое почтеніе.“ Стережетъ ли меня дьякъ на станціи? Зачѣмъ ему стеречь меня? Я, подъ самымъ его носомъ, беру билетъ, и слѣдую за вами съ багажомъ. Гдѣ тутъ слѣды вашего отъѣзда? Нигдѣ! Фея исчезла, и сыщики остались въ дуракахъ.

— Что же говорили вы о затрудненіяхъ? спросила Магдалина.—Повидимому, всѣ они устранены.

— За исключеніемъ одного, возразилъ капитанъ Реггъ, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.—Говорю о великомъ затрудненіи человѣчества отъ колыбели до гроба, говорю о деньгахъ.

Онъ медленно прищурилъ свой лѣвый глазъ, глубоко вздохнулъ и запустилъ свое несостоятельныя руки въ свои непроизводительныя карманы.

— Сколько вамъ нужно? спросила Магдалина.

— Сколько нужно, чтобы заплатить по счетамъ, отвѣчалъ капитанъ съ трогательною простотой.—Поймите, пожалуста! Собственно я никогда не имѣлъ и никогда не буду имѣть привычки уплачивать ни полушки какой бы то ни было человѣческой фигурѣ на всемъ земномъ шарѣ. Слѣдовательно и имѣю въ виду вашъ интересъ, а не свой!

— Мой?

— Непремѣнно. Вы не можете уѣхать завтра изъ Йорка, безъ экипажа. Я же не могу достать экипажа безъ денегъ. Братъ хозяйки дастъ намъ его, когда узнаетъ, что счеты сестры уплачены, и когда самъ получитъ плату впередъ. Позвольте мнѣ дать нашей сдѣлкѣ характеръ дѣловой.

Мы согласились, что я получу вознагражденіе за обученіе васъ изъ вашего будущаго жалованія въ театрѣ. Прекрасно. Я беру теперь только тратту на мои будущіе виды, а вы, отъ кого зависятъ эти мои виды, вы весьма естественно играете роль моего банкира. Чтобы рѣшить споръ, предположите, что моя доля въ вашемъ жалованіи за первый годъ составляетъ крайне незначительную сумму во сто фунтовъ. Половину суммы, четверть суммы...

— Сколько вамъ нужно? съ нетерпѣніемъ спросила Магдалина.

Капитану Реггу очень хотѣлось принять въ основаніе своихъ разчетовъ и требованій размѣръ „награды“ обѣщанной въ объявленіяхъ. Но понимая великую будущую важность настоящей скромности, нуждаясь теперь только въ двѣнадцати-тринадцати фунтахъ, онъ удвоилъ эту сумму и попросилъ „двадцать пять.“

Магдалина достала свой мешочекъ и отдала ему спрошенныя деньги, презрительно удивляясь длинной рѣчи, потраченной имъ на такую бездѣлку. Въ былое время, въ Комбъ-Ревенѣ, отъ одного почерка пера отца ея, двадцать пять фунтовъ летѣли въ руки всякаго въ домѣ, кому случалось попросить.

Глаза капитана Регга смотрѣли на кошелекъ Магдалины, какъ смотрятъ глаза любовника на любимую женщину. „Счастливый мѣшочекъ,“ проговорилъ онъ, когда она спрятала его обратно на груди. Онъ поднялся, отошелъ въ уголъ комнаты, вынулъ свой портфель и знаменательно раскрылъ его на столѣ, между собою и Магдалиной.

— Натура человѣка, милая моя дѣвушка, натура, произнесъ онъ, открывая одну изъ своихъ толстенькихъ книжекъ переплетенныхъ въ телячью кожу.—У насъ съ вами составлены условія; я долженъ тотчасъ же записать ихъ.—Онъ остановился на чистой страницѣ, и написалъ сверху тонкимъ красивымъ торговымъ почеркомъ:—„*Счетъ миссъ Вангтонъ младшей съ Гарацію Реггомъ, отставнымъ капитаномъ королевской милиціи. Дебетъ. Кредитъ. Сентября 24-го, 1846. Дтъ. Предполагаемая доля г. Регга въ жалованіи миссъ В—нъ за первый годъ—200 ф. ст. К—тъ. Изъ оной впередъ уплачено 25 ф. ст.*“ Внеся эту замѣтку и показавъ удвоеніемъ первой предполагаемой доли въ жалованіи Магдалины, что съ податливостью на его просьбу онъ уже не пре-

минулъ воспользоваться, капитанъ положилъ кусочекъ протечной бумаги на не обсохшее мѣсто и отправилъ на мѣсто книжку, съ видомъ человѣка совершившаго доброе дѣло и не желающаго хвастаться имъ.

— Извините меня, что я принужденъ внезапно оставить васъ, проговорилъ онъ.—Время очень дорого; я долженъ позаботиться о лошади. Если мистриссъ Реггъ явится къ вамъ, то не говорите ей ничего: она слишкомъ проста, и на нее никакъ нельзя положиться. Если она вздумаетъ разспрашивать васъ, вы тотчасъ же можете погасить ее. Вамъ стоитъ только заговорить громко. Сдѣлайте одолженіе, возьмите въ ваши руки мою власть, и кричите на мистриссъ Реггъ по моему.

Онъ накинулъ на голову свою высокую шляпу, поклонился, улыбнулся и зачастилъ изъ комнаты.

Магдалина была неспособна чувствовать что-нибудь еще, кромѣ отрады остаться одной; только какое-то смутное чувство сказывало ей, что въ ней и въ ея положеніи произошла важная перемѣна; въ умѣ ея, будто тѣни, проходили событія этого утра, и она томительно ожидала что̀ принесетъ ей день. Черезъ нѣсколько времени, дверь тихо отворилась. Колоссальная фигура мистриссъ Реггъ вошла въ комнату, и въ торжественномъ изумленіи остановилась передъ Магдалиною.

— Гдѣ же ваши вещи? спросила мистриссъ Реггъ со взрывомъ неудержимой тревоги.—Я была на верху посмотрѣть въ комодѣ. Гдѣ ваши спальныя кофты и чепчики? Ваши юпки и чулки? Ваши головныя шпильки и помада, и все остальное?

— Мой багажъ остался на станціи желѣзной дороги, сказала Магдалина.

Луноподобный ликъ мистриссъ Реггъ просвѣтлѣлъ. Неистребимый женскій инстинктъ любопытства силился было вспыхнуть въ ея поблекшихъ голубыхъ глазахъ, помелькалъ жалкимъ образомъ и погасъ.

— А сколько у васъ багажу? спросила она конфиденціально:—Капитана нѣтъ дома. Пойдемте, принесемте вашъ багажъ.

— Мистриссъ Реггъ! крикнулъ вдругъ страшный голосъ въ дверяхъ.

Въ первый разъ, въ присутствіи Магдалины, мистриссъ

Реггъ осталась глуха къ обычному возбужденію. Она рѣшилась даже на нѣкоторое прекословіе мужу.

— О, пускай она возьметъ свои вещи! ходатайствовала мистриссъ Реггъ.—О, бѣдняжка! пускай она возьметъ свои вещи.

Неумолимый указательный палецъ капитана показалъ на уголъ, и сталъ медленно опускаться по мѣрѣ удаленія ея, но вдругъ остановился на ея башмакахъ.

— Никакъ топотъ! воскликнулъ, съ выраженіемъ ужаса, капитанъ.—Такъ точно, топотъ. Опять на пятки. Теперь уже на лѣвую. Приподнимайте пятки мистриссъ Реггъ, приподнимайте! Экипажъ будетъ у подъѣзда завтра, въ девять часовъ утра, обратился онъ къ Магдалинѣ.—Что касается до багажа, то едва ли есть возможность получить его. Вотъ вамъ листикъ бумаги. Напишите что̀ вамъ особенно необходимо. Я самъ пойду по лавкамъ, расплачусь по вашимъ счетамъ и принесу покупки. А багажомъ должны мы пожертвовать; нечего дѣлать.

Въ то время какъ мужъ говорилъ съ Магдалиной, мистриссъ Реггъ снова оставила свой уголъ, и рѣшилась подойдти такъ близко, что могла разслышать слова: „лавки“ и „покупки“. Въ неудержимомъ волненіи всплеснула она своими огромными руками и совершенно забылась.

— Ахъ, если въ лавки, то возьмите меня! вскрикнула мистриссъ Реггъ.—Она идетъ за покупками! О, пустите меня съ нею, пожалуста пустите!

— Сядьте! крикнулъ капитанъ.—Держитесь прямѣе! Подайтесь направо! Еще! Ну, такъ хорошо!

Мистриссъ Реггъ сложила на колѣняхъ свои безпомощныя руки и залилась слезами.

— Я такъ люблю ходить по лавкамъ, проговорила жалобно бѣдная женщина:—я теперь почти никогда не хожу по лавкамъ!

Магдалина составила между тѣмъ списокъ необходимыхъ ей вещей, и капитанъ Реггъ вышелъ съ нимъ изъ комнаты.

— Не давайте моей женѣ надоѣдать вамъ, любезно замѣтилъ онъ, выходя.—Сразу обрѣжьте ее, бѣднягу, сразу!

— Ахъ, не плачьте, обратилась къ ней Магдалина, стараясь успокоить мистриссъ Реггъ и гладя ее по плечу.—Когда принесутъ покупки, вы ихъ осмотрите.

— Благодарю васъ, душечка, проговорила мистриссъ Реггъ, тихонько утирая слезы: — благодарю васъ очень. Ахъ, пожалуста, не смотрите на мой носовой платокъ! Онъ такой маленькій! У меня когда-то было много, съ кружевною обшивкой. Теперь всѣ ушли! Ну, ничего! Мнѣ очень пріятно будетъ разбирать ваши вещи. Вы очень добры ко мнѣ. Я люблю васъ. Вы не станете сердиться, нѣтъ? Ну, поцѣлуемтесь.

Магдалина наклонилась къ ней, съ свободною граціей и благородствомъ прежнихъ дней, и коснулась губами ея увядшихъ щекъ.

„Хоть что-нибудь доброе, думала она съ угрызеніемъ совѣсти,—хоть что-нибудь невинное и доброе, въ память стараго времени!“

Она почувствовала слезы на глазахъ и безмолвно отвернулась въ сторону.

Всю эту ночь она не могла успокоиться. Всю ночь, начала зла и добра боролись въ ней за обладаніе душою, и еще не окончили своей страшной битвы къ началу дня. Когда часы йоркскаго собора пробили девять, она сошла съ мистриссъ Реггъ внизъ и заняла въ коляскѣ мѣсто подлѣ капитана. Черезъ четверть часа, Йоркъ былъ назади, а впереди, открыто и широко, разстилалась, освѣщенная, утреннимъ солнцемъ, большая дорога.

Конецъ второй сцены.

О

ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ

ВЪ

КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКАХЪ

Въ настоящее время, когда столько улучшеній совершается или готовится въ другихъ сословіяхъ, предпринятъ въ казачьихъ войскахъ коренной пересмотръ ихъ отдѣльнаго сословнаго законодательства. Трудъ этотъ не ограничивается, впрочемъ, одною кодификаціей: въ составъ его должны войдти также соображенія о преобразованіяхъ, вызываемыхъ современными потребностями казачьихъ населеній и общимъ ходомъ государственной жизни. Въ организаціи этого труда особенно замѣчателенъ его чисто мѣстный характеръ. Онъ возложенъ на мѣстные комитеты, составленные изъ самихъ же казаковъ. Въ качествѣ общественныхъ органовъ, комитеты поставили себѣ долгомъ обратиться къ своимъ обществамъ съ циркулярнымъ приглашеніемъ помогать имъ частными мнѣніями и замѣчаніями, какія только могутъ внушить жизнь и опытъ. При такомъ способѣ дѣятельности, позволительно ожидать, что трудъ комитетовъ не останется безплоднымъ для правительственныхъ стремленій къ водворе-

нію лучшаго устройства, въ числѣ другихъ сословій, и въ трехмилліонномъ населеніи казачьихъ войскъ.

Встрѣчая полнымъ сочувствіемъ обращеніе комитетовъ къ общественному мнѣнію, мы рѣшаемся отозваться на ихъ голосъ простымъ и искреннимъ словомъ, и высказать наши мысли по вопросамъ болѣе или менѣе намъ доступнымъ. Полагаемъ, что тутъ ненужны предисловія, и приступаемъ прямо къ дѣлу.

Потребности казачьихъ населеній, несмотря на одинаковую цѣль ихъ существованія, весьма различны. Различіе это условливается уже самымъ несходствомъ мѣстныхъ положеній, мѣстныхъ обстоятельствъ и огромными разстояніями, отдѣляющими одно казачье населеніе отъ другаго. Въ силу мѣстныхъ обстоятельствъ, иначе слагается бытъ Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ выдвинутыхъ на первый планъ задачею умиротворенія Кавказа; иначе—бытъ Донскихъ казаковъ, населяющихъ одинъ изъ лучшихъ промышленныхъ краевъ; иначе—бытъ Уральскихъ, или Сибирскихъ казаковъ, находящихся въ мирномъ сосѣдствѣ съ пастушескими ордами и ихъ безчисленными стадами; и иначе, наконецъ, бытъ Забайкальскихъ и Амурскихъ казаковъ, оберегающихъ золотые промыслы и китайскую границу. Ясно, что для начертанія дѣльныхъ постановленій, могущихъ прямо отвѣчать мѣстнымъ нуждамъ того или другаго казачьяго населенія, вполнѣ способны только мѣстные комитеты при поддержкѣ ближайшаго общественнаго мнѣнія. Предложеніе сторонннихъ совѣтовъ и проектовъ, самыхъ полезныхъ въ теоріи, можетъ не принести никакой пользы дѣлу. При всемъ томъ, нельзя однакожъ не замѣтить, что казачьи войска, какъ ни разнообразны ихъ мѣстныя особенности, имѣютъ одинаковое сословное устройство, которое сближаетъ ихъ нравственно и дѣлаетъ изъ нихъ одну семью. Мы беремъ именно эту сословную сторону казачьихъ войскъ, и рѣшаемся высказать нѣсколько замѣчаній по вопросамъ общимъ для всей нашей казачьей семьи.

I.

Сословный строй казачьихъ населеній стоитъ на двухъ основныхъ обязанностяхъ, отъ которыхъ зависятъ всѣ остальныя обязанности и права, весь бытъ и вся судьба этихъ населеній. Первая изъ этихъ основныхъ обязанностей заключается въ томъ, что все населеніе мужескаго пола, поголовно и безъ исключенія [1], повинно нести военную службу во всю жизнь, безъ другой отставки кромѣ совершенной старческой неспособности. Хотя же и существуетъ постановленіе объ увольненіи отъ службы за выслугу двадцати пяти лѣтъ, но оно сглаживается другимъ, непосредственно за нимъ слѣдующимъ постановленіемъ, которое обязываетъ казака, и въ самой отставкѣ, сохранять положеніе служиваго человѣка и быть готовымъ исправно явиться на службу, когда обстоятельства того потребуютъ. Эта пожизненно-обязательная служба одинаково лежитъ какъ на народѣ, такъ и на его дворянствѣ. Вторая основная обязанность, составляя естественное слѣдствіе первой, требуетъ отъ всего населенія мужескаго пола неподвижнаго и наслѣдственнаго изъ рода въ родъ пребыванія въ одномъ и томъ же сословіи, въ предѣлахъ одной и той же земли.

А эта земля, къ которой человѣкъ прикрѣпленъ, можно сказать, такими же узами, какъ живое растеніе къ своей почвѣ, не допускаетъ права собственности ни для своихъ обитателей, ни, тѣмъ болѣе, для сторонихъ людей. Это земля войсковая, то-есть никому лично не принадлежащая и, при населеніи неподвижномъ, имѣющая характеръ подвижный. На ней допускается только временное, изъ рукъ въ руки переходящее пользованіе; право же собственности отрицается до такой крайности, что даже участки подъ усадьбами не считаются собственностію, и на владѣніе

[1] Исключенія не существуетъ даже и для духовенства войсковаго сословія: если дѣти священно- и церковнослужителей не находятъ себѣ штатныхъ мѣстъ при церквахъ, то они записываются въ казачью службу.

домомъ не можетъ быть совершенъ актъ крѣпостнымъ порядкомъ. Странно двоится, послѣ этого, значеніе казачьихъ населеній, какъ организованныхъ обществъ: по сословному устройству, они въ высшей степени осѣдлыя, а по отношенію къ обитаемой землѣ—кочевыя.

Подобный строй общества, гдѣ гражданское право такъ стѣснено, гдѣ личность безвозвратно поглощена сословіемъ, и гдѣ частному благосостоянію не дано прочнѣйшаго изъ его основаній, земельной собственности, могъ быть вызванъ одною только государственною необходимостію. Необходимость обезопасить благоустроенное государство отъ неустроенныхъ, полудикихъ и когда-то страшныхъ сосѣдей могла предписать казачьимъ обществамъ учрежденіе осѣдлыхъ и неподвижныхъ военныхъ лагерей. Но сила необходимости покорствуетъ другой высшей силѣ—времени. Требованіямъ времени подчиняется и все то что̀ создаетъ необходимость. Въ наше время, бо́льшая часть казачьихъ обществъ пришла въ мирное, ни отъ кого неугрожаемое положеніе, и въ эти осѣдлые лагери настоятельно проситься гражданская жизнь.

Вотъ современная сословная потребность, на которой мѣстные казачьи комитеты, безъ сомнѣнія, остановятъ прежде всего свое вниманіе. Они взвѣсятъ всѣ невыгоды сословной замкнутости, не говоримъ для самихъ казачьихъ населеній, но и для тѣхъ цѣлей, которыя государственная необходимость предпоставила подобному учрежденію. Они увидятъ ясно, что учрежденіе это начало уже, значительною долей, терять связь съ своимъ временемъ. Тогда они поставятъ себѣ задачей ограничить, на сколько возможно, поголовное обязательство къ службѣ и допустить въ этомъ важномъ дѣлѣ участіе личной охоты, сознательнаго личнаго выбора. Это будетъ важнымъ шагомъ не только къ улучшенію гражданскаго быта казачьихъ населеній, но и къ возвышенію самой казачьей службы. Она измѣнитъ свой теперешній безусловно принудительный характеръ и оживится прежнею энергіей, прежнимъ молодечествомъ охочихъ людей. Высказывая эту мысль, мы, конечно, убѣждены, что большинство казачьихъ населеній, по силѣ преданія и привычки и по природнымъ наклонностямъ, долго еще будетъ держаться своего наслѣдственнаго военнаго ремесла, и что только нѣкоторое меньшинство будетъ обра-

щаться къ торговому, промышленному и земледѣльческому состоянію. Для торговыхъ и промышленныхъ занятій необходимы матеріяльныя средства, которыхъ большинство имѣть не можетъ. Да и переходъ въ простое земледѣльческое состояніе не такъ легко можетъ состояться, какъ переборка изъ одного дома въ другой. На этотъ шагъ рѣшатся только люди очень мирнаго десятка, и тѣмъ лучше, что они пойдутъ по своему назначенію. Все это можно принять за безошибочное предсказаніе, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ старымъ, родовымъ казачествамъ, гдѣ исторія провела извѣстную черту въ народныхъ привязанностяхъ. Впрочемъ, чтобъ обезпечить положительнымъ образомъ существующую нынѣ сословную обязанность казачьихъ обществъ предъ государствомъ, и особенно имѣя въ виду необходимость казачьихъ населеній въ тѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ государство ведетъ еще борьбу съ враждебными хищными племенами, слѣдовало бы право перехода въ другое состояніе сдѣлать условнымъ, и для того опредѣлить, гдѣ въ большей, гдѣ въ меньшей цифрѣ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нормальную числительность военнослужащаго населенія, ниже которой дѣйствительное населеніе не должно убывать переходомъ въ гражданскій бытъ. Эта нормальная числительность будетъ составлять, такъ сказать, непарушимый капиталъ служиваго казачьяго населенія; избытокъ же можетъ перемѣщаться въ мирное состояніе, осуществляя такимъ образомъ право свободнаго выбора гражданской дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляя въ служивомъ сословіи людей, добровольно предпочитающихъ это сословіе всякому другому, значитъ людей охочихъ, истыхъ казаковъ. Но если бы число желающихъ выйдти одновременно изъ казачьяго сословія превысило избытокъ оставляемый нормою, то предпочтеніе въ дѣлѣ увольненія должно быть отдаваемо людямъ учившимся и желающимъ посвятить свою дѣятельность наукѣ, художеству или техническому производству, а также людямъ обладающимъ средствами для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, потомъ людямъ прослужившимъ большее число лѣтъ, и наконецъ, при равенствѣ правъ, рѣшать дѣло, по казацкому обычаю, жребіемъ. Для замѣщенія же потомъ людей, принужденныхъ оставаться по жребію, слѣдовало бы допустить пріі-

емъ охотниковъ изъ другихъ сословій. Такіе охотники будутъ, конечно, являться изъ народа, котораго натура высказалась въ пословицѣ: охота пуще неволи.

Считаемъ нелишнимъ оговорить, что опредѣленная для какого-либо войска норма не должна быть приложена къ дѣлу сразу, какъ новый штатъ, но осуществленіе ея должно зависѣть единственно отъ доброй воли казаковъ, изъ которыхъ никто не можетъ быть побуждаемъ къ оставленію своего сословія, и также точно никто не можетъ быть изъятъ изъ существующаго служебнаго порядка, доколѣ самъ, по своему личному побужденію, не заявитъ желанія перейдти въ другое состояніе. Изъ этого видно, что установленные нынѣ штаты и служебные порядки должны оставаться во всей своей силѣ тамъ гдѣ, за неимѣніемъ желающихъ оставить свое сословіе, заявленная норма не получила бы осуществленія. Тогда только опытъ показалъ бы, что сословіе держится не принудительною административною замкнутостью, а внутреннею силой добровольной привязанности къ своему назначенію.

Если мы не опредѣляемъ для предполагаемой нормы одного общаго пропорціональнаго числа, то это потому, что не всѣ казачьи населенія находятся въ одинаковыхъ условіяхъ, и что слѣдовательно правительство можетъ имѣть свои основательныя причины для одной мѣстности установить норму въ большемъ, для другой въ меньшемъ размѣрѣ, смотря по тому, въ какомъ положеніи находится край, какая гдѣ представляется потребность въ иррегулярной военной силѣ, и какое, наконецъ, расположеніе къ переходу въ мирное состояніе существуетъ въ самомъ казачьемъ населеніи. Мы высказываемъ только общую мысль, на основаніи которой казачьи общества могли бы выйдти изъ ихъ безплодной отчужденности и замкнутости, могли бы войдти въ гражданскую связь съ государствомъ, получили бы способность развивать свои живыя силы и нести свою сословную службу скорѣе по добровольному выбору чѣмъ по принудительному и безвыходному обязательству. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, припоминая не такъ давнее время, когда не всѣ казаки раждались казаками, мы желали бы возстановленія прежняго права казачьихъ обществъ принимать въ свое военнослуживое сословіе охотниковъ изъ другихъ сословій, въ такихъ, раз-

умѣется, случаяхъ, когда въ своихъ будетъ оказываться недостатокъ. Намъ извѣстно изъ опытовъ прошедшаго времени, что въ этихъ сторонникъ охотникахъ было особенно много казацкаго огня, какъ обыкновенно бываетъ, больше пламенной ревности въ новообращенныхъ прозелитахъ, чѣмъ въ устарѣвшихъ подвижникахъ.

Еслибы, по приведеніи въ исполненіе предполагаемой мѣры, обнаружилось въ томъ или другомъ казачьемъ населеніи очень мало стремленія къ переходу въ гражданское состояніе, и огромное большинство рѣшительно предпочло бы оставаться въ своемъ служивомъ сословіи, то это показало бы довольно ясно, что такое казацкое общество еще не отжило своего времени, что въ немъ есть еще здоровая сердцевина, и что, слѣдовательно, не совсѣмъ основательны возгласы раздающіеся иногда въ современной нашей литературѣ о существованіи казачества какъ чистаго анахронизма, поддерживаемаго только усиліями администраціи. Но это мы замѣчаемъ только такъ, мимоходомъ, и, развивая наше предположеніе, обращаемся къ нѣкоторымъ его подробностямъ. Коснемся сначала дворянскаго класса казачьихъ войскъ.

Не прошло еще одной человѣческой жизни послѣ наложенія сословной замкнутости на казачьи войска, какъ уже дворянскій классъ въ этихъ тѣсныхъ кружкахъ увеличился до пропорціи превышающей потребности службы и даже выходящей изъ обыкновеннаго отношенія чиновнаго сословія къ народу въ другихъ мѣстахъ государства. Возьмемъ для примѣра часть Кубанскаго войска, которая недавно была черноморскимъ войскомъ. Здѣсь, на 85.372 лица всего казачьяго населенія мужскаго пола, считается 2536 лицъ мужескаго же пола дворянскаго сословія, что̀ показываетъ, что менѣе чѣмъ на 34 простолюдина (считая тутъ же и нѣсколько тысячъ людей унтеръ-офицерскаго званія) приходится одинъ дворянинъ, большею частію не возбуждающій въ простонародьи зависти къ своему положенію. По штатамъ полагается всѣхъ служащихъ офицеровъ 416, а ихъ состоитъ 583 по служебнымъ спискамъ и 549 въ отставкѣ, то-есть въ ожиданіи быть потребованными на службу, въ случаѣ надобности. Не говоря уже объ этихъ ожидающихъ, мы спросимъ: что̀ должны дѣлать 167 строевыхъ офицеровъ, которымъ нѣтъ мѣста въ службѣ

и которые лишены права избрать себѣ какую-либо дѣятельность внѣ своего сословія, ни даже выдти ранѣе 22 лѣтъ въ свою бѣдную условную отставку? Спросимъ еще: какова перспектива для молодыхъ дворянъ, начинающихъ службу, особенно для тѣхъ, которые приготовляли себя къ ней какимъ-нибудь образованіемъ? Вотъ одинъ изъ простѣйшихъ результатовъ сословной замкнутости, и этого примѣра, кажется, достаточно, чтобы признать необходимость предоставленія казачьимъ дворянамъ права свободнаго выбора службы и дѣятельности, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ предѣловъ своихъ войскъ, и вмѣстѣ права свободнаго выхода въ отставку, какъ это предоставлено вообще дворянскому сословію въ государствѣ. Но, скажутъ, не разойдется ли тогда совсѣмъ казачье дворянство и не покинетъ ли оно казаковъ однихъ? Подобная мысль, правду сказать, ниже всякаго опроверженія. Куда идти? Гдѣ пристроиться? Будто это такъ легко, когда чиновнаго элемента вездѣ довольно и безъ насъ? Да и такими ли людьми создало насъ наше убогое воспитаніе, чтобы за насъ хватались, гдѣ только мы покажемся? А между тѣмъ рѣдкій изъ насъ не имѣетъ хоть какихъ-нибудь матеріяльныхъ и нравственныхъ привязанностей къ своему краю, которыми жертвовать безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ не въ натурѣ человѣка: несомнѣнно, что общаго передвиженія ни въ какомъ случаѣ произойдти не можетъ. На столько же представляется несбыточнымъ и другое опасеніе, что, съ устраненіемъ принудительнаго обязательства къ службѣ, казачьи дворяне не станутъ служить. Тутъ ужь довольно только указать на примѣръ общаго свободнаго дворянства. Быть внѣ общественной, или другой разумной дѣятельности, значитъ быть заживо ничтожествомъ, а къ подобному состоянію здоровый человѣкъ приходитъ также рѣдко, какъ и къ самоубійству. Положеніе казачьихъ офицеровъ на службѣ теперь значительно улучшено; можно надѣяться, что оно будетъ сравнено съ положеніемъ армейскихъ офицеровъ, какъ увеличеніемъ содержанія, такъ и установленіемъ пенсій. Для этого казачьи войска найдутъ средства у себя дома, съ нѣкоторымъ преобразованіемъ своего экономическаго быта, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Настоящій же вопросъ завершимъ тѣмъ, что, съ предо-

ставленіемъ казачьимъ дворянамъ свободнаго перехода въ другіе роды службы и въ другія мѣстности, было бы совершенно справедливо открыть доступъ и въ казачью службу сторонниимъ дворянамъ и чиновникамъ, когда своихъ не будетъ доставать.

Выходъ нижнихъ чиновъ изъ служиваго казачьяго сословія долженъ быть допущенъ цѣлыми семействами, нераздѣльно живущими, на основаніи закона воспрещающаго насильственное расторженіе семействъ.

По выходѣ изъ своего служиваго сословія, казакъ не долженъ находиться въ какомъ-либо переходномъ состояніи, но обязанъ приписаться къ одному изъ гражданскихъ сословій въ кратчайшій срокъ. Онъ можетъ законно проживать въ своей станицѣ, съ сохраненіемъ права собственности на свою усадьбу, но правомъ на поземельное довольствіе въ станичномъ юртѣ не можетъ уже пользоваться.

Дальнѣйшія послѣдствія выхода изъ служиваго казачьяго сословія будутъ объяснены нѣсколько ниже, въ предположеніяхъ о землѣ, къ которымъ теперь считаемъ нужнымъ перейдти.

По существующему нынѣ порядку, земли въ казачьихъ войскахъ раздѣляются на станичныя и войсковыя. Каждая станица получаетъ опредѣленный земельный надѣлъ, по числу своихъ жителей, съ извѣстнымъ запасомъ для имѣющаго увеличиться народонаселенія. Это составляетъ такъ-называемые станичные юрты, внѣ которыхъ отводятся особые земельные участки войсковымъ офицерамъ, въ ихъ пожизненное пользованіе. Сверхъ того дѣлаются еще нѣкоторые отводы земли для общественныхъ надобностей, какъ напримѣръ: для сборныхъ пунктовъ полковъ, для почтовыхъ станцій, соляныхъ озеръ и т. п. Затѣмъ вся остальная земля, подъ названіемъ войсковой, считается свободною и состоитъ въ непосредственномъ распоряженіи войсковаго начальства. Мы оставляемъ этотъ распорядокъ неприкосновеннымъ и направляемъ наши предположенія на свободную войсковую землю. На этихъ пространствахъ, въ видахъ улучшенія экономическаго быта казачьихъ населеній и развитія въ ихъ средѣ гражданственности, полезно допустить: вопервыхъ, право частной собственности, и вовторыхъ, водвореніе людей промышленнаго и земле-

дѣльческаго состоянія [1]. Для этой цѣли, войсковыя начальства могутъ отводить извѣстные отдѣлы свободной земли, назначать этой землѣ цѣну и опредѣлять наибольшіе и наименьшіе участки, которые могутъ быть пріобрѣтены въ однѣ руки. Заселеніе этихъ земель должно быть предоставлено прежде всего казакамъ выходящимъ изъ своего служиваго сословія, а при недостаткѣ ихъ, и иногороднымъ лицамъ земледѣльческаго и промышленнаго состоянія, съ предоставленіемъ преимущества первымъ (казакамъ) въ случаѣ какого бы то ни было соискательства. Общимъ же для поселенія тѣхъ и другихъ условіемъ должно быть пріобрѣтеніе извѣстнаго количества земли въ собственность, посредствомъ покупки, и потомъ плата постояннаго поземельнаго сбора, который, разумѣется, не долженъ быть отяготителенъ.

Поселенія эти должны составить гражданскія податныя сословія и устроиться во всемъ сообразно съ такими же сословіями въ губерніяхъ. Хотя они будутъ состоять подъ вѣдѣніемъ окружныхъ и войсковыхъ присутственныхъ мѣстъ; но, по управленію ими, мѣста эти должны руководствоваться губернскими учрежденіями, а не войсковыми положеніями. Само собою разумѣется, что сказанныя поселенія будутъ выполнять всѣ сословныя повинности, какъ государственныя, такъ и мѣстныя. Отбывкой мѣстныхъ земскихъ повинностей они доставятъ важное облегченіе служивому казачьему сословію, на которомъ отправленіе земскихъ повинностей лежитъ такою же сословною обязанностію, какъ и военная служба. Они окажутъ ему еще и другую не менѣе важную услугу усиленіемъ способовъ его общественнаго благоустройства.

Весь доходъ отъ продажи войсковыхъ земель и отъ поземельнаго сбора долженъ поступать въ войсковую казну и составлять особый капиталъ, съ двоякимъ назначеніемъ: вопервыхъ, изъ него производились бы расходы на улучшеніе сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, на производство дренажныхъ работъ и вообще на предпріятія въ видахъ оживленія мѣстной промышленности; вовторыхъ, изъ

[1] Начало этому сдѣлано уже на старыхъ земляхъ Кубанскаго войска. См. Положеніе о заселеніи предгорій западной части Кавказскаго хребта, высоч. утвержд. 10 мая 1862 года.

него же отдѣлялась бы значительная доля на составленіе пенсіоннаго капитала, съ помощію котораго была бы достигнута возможность производить заслуженнымъ войсковымъ офицерамъ пенсіи, на общемъ основаніи. Обращеніе дохода, взятаго отъ земли, на устроеніе той же самой земли, кажется вполнѣ приличнымъ; но и обращеніе его на образованіе пенсіоннаго капитала тоже не лишено справедливаго основанія, ибо, по нынѣшнимъ войсковымъ положеніямъ, вознагражденіе офицеровъ за долговременную службу, также какъ и вообще ихъ домашнее содержаніе, отнесено на землю.

Изъ вышесказаннаго видно, что гражданское населеніе казачьихъ войскъ будетъ состоять изъ однихъ собственниковъ, и что поэтому казачьи земли не сдѣлаются прибѣжищемъ какихъ-нибудь горемыкъ, которые ничего не прибавили бы къ служивому сословію, кромѣ лишней цифры въ итогѣ народонаселенія. Напротивъ, это будутъ надежные производители, способные широко раскрыть глохнущія силы нашихъ степей [1]; и, съ помощію ихъ, мы, конечно, оправдаемъ названіе „піонеровъ цивилизаціи," которое даютъ намъ иногда въ отношеніи къ нашимъ полудикимъ сосѣдямъ. А теперь этимъ сосѣдямъ, правду сказать, едва ли есть чему у насъ поучиться.

Что до юртовыхъ станичныхъ земель, съ ихъ служивымъ населеніемъ, то онѣ останутся на старомъ правѣ общиннаго пользованія, которое будетъ охранять ихъ отъ всякаго дробленія и вмѣстѣ служить преградой къ развитію въ станицахъ гражданскаго элемента въ ущербъ служивому. Впрочемъ, естественною мѣрой развитія гражданскаго элемента будетъ служить само количество свободной войсковой земли. Въ неприкосновенности же станичныхъ юртовъ правительство будетъ имѣть вѣрный залогъ неоскудѣнія потребнаго ему служиваго казачьяго населенія. Ясно, кажется, что служивое казачье населеніе не пожертвуетъ ни малѣйшею частью своихъ матеріяльныхъ удобствъ къ развитію въ его сосѣдствѣ мирнаго населенія, отдающаго свои руки исключительно земледѣльческому и промышленному труду,—

---

[1] Производительный трудъ въ казачьихъ войскахъ такъ ограниченъ въ настоящее время, что земледѣліе, напримѣръ, не вездѣ производитъ столько хлѣба, сколько даже нужно для пропитанія мѣстнаго населенія.

и еслибъ оно стало косо смотрѣть на это сосѣдство, то это была бы только тупая, безотчетная нетерпимость касты, нетерпимость худшая изъ всѣхъ, потому что она уединяетъ сословіе и погружаетъ его въ болотный застой. Ни отдѣльный человѣкъ, ни отдѣльный классъ людей не могутъ благоденствовать въ одиночку. Неестественъ складъ того общаго, гдѣ все живущее и надѣленное разнообразными силами для человѣческой дѣятельности состояло бы изъ одного элемента, и при томъ наименѣе производительнаго, каковъ военный. Такъ существуютъ орды, гдѣ все безъ исключенія носитъ кинжалъ, но за то онѣ никогда не были способны выдумать что-либо, кромѣ кинжала и конокрадства. Если чѣмъ отличались отъ этихъ ордъ старинныя казацкія общества, то именно тѣмъ, что осѣдлый бытъ казацкихъ обществъ не слагался исключительно изъ однихъ бойцовъ и рубакъ. Не говоря о другихъ болѣе домовитыхъ и устроенныхъ казачествахъ, въ составѣ которыхъ всегда была часть населенія отдававшаго свои руки мирному труду и промыслу, самая Сѣчь Запорожская, гдѣ не было ни семьи, ни общества, гдѣ былъ одинъ лагерь, и та имѣла мирное населеніе около своихъ зимовниковъ, даже около своихъ куреней, то-есть казармъ. Выходитъ, что наше предположеніе о присоединеніи гражданскаго производительнаго элемента къ служивому казачьему сословію нисколько не противно общественному духу и строю казачества даже героическихъ временъ.

Необходимо послѣ этого сказать, что право пріобрѣтать въ своихъ предѣлахъ землю въ собственность, посредствомъ покупки, должно быть предоставлено казаку, не только когда онъ выходитъ изъ своего служиваго сословія, но и когда въ немъ пребываетъ. Для этого послѣдняго случая необходимо однакожъ постановить условіе, чтобы земля пріобрѣталась въ собственность внѣ станичнаго юрта. Причина этому объяснена выше. Съ пріобрѣтеніемъ земельной собственности внѣ станичныхъ довольствій, казакъ не долженъ лишаться права на пользованіе своимъ паемъ въ чертѣ общинной станичной земли: на то онъ членъ служиваго общества.

То же самое, и съ бо́льшимъ еще основаніемъ, должно относиться и къ войсковымъ офицерамъ, которые также,

съ пріобрѣтеніемъ земли въ собственность, не должны лишаться своихъ пожизненныхъ земельныхъ участковъ.

Собственныя земли какъ чиновныхъ, такъ и простыхъ лицъ служиваго казачьяго сословія, должны бы, кажется, подлежать поземельному сбору, на томъ же самомъ основаніи какъ и земли собственниковъ гражданскаго войсковаго населенія.

Изъ всего сказаннаго довольно ясно видно, что мы не изобрѣтаемъ ничего новаго, ничего такого что̀ не существовало бы нынѣ въ другихъ сословіяхъ нашего отечества. Мы предполагаемъ только снятіе съ казачьихъ обществъ стѣснительныхъ запрещеній по входу въ нихъ и выходу изъ нихъ, и по владѣнію населяемою ими землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не упускаемъ изъ вида и государственныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ оставляемъ въ каждомъ казачьемъ войскѣ соразмѣрное число строевыхъ военныхъ частей. Скажемъ еще разъ, что открывая возможный просторъ гражданской жизни въ казачьихъ обществахъ, слѣдуетъ предоставить собственному побужденію этихъ обществъ — воспользоваться такимъ просторомъ, вполнѣ или отчасти, или же оставаться въ настоящемъ ихъ положеніи, впредь до того часа когда жизнь сама поведетъ ихъ по пути мирнаго гражданскаго преуспѣянія. Но еслибы, сверхъ нашего ожиданія, стремленіе казачьихъ обществъ къ переходу въ гражданскій бытъ приняло такой широкій размѣръ, что всякая норма строевой числительности оказалась бы для ихъ населеній слишкомъ стѣснительною, и изъ среды другихъ сословій государства не находилось бы достаточнаго числа охотниковъ для пополненія уменьшеній въ нормальной числительности, то такое явленіе представило бы полное и ясное доказательство, что идея казачества уже отжила свой вѣкъ, и что напрасно было бы искусственными мѣрами возбуждать къ жизни то что̀ угасаетъ естественною смертію. Тогда предстояло бы уже правительству рѣшить, какимъ образомъ пополнить въ системѣ нашей вооруженной силы пробѣлъ оставляемый падающимъ казачествомъ. Повторяемъ однакожь, что подобное предположеніе мы выражаемъ для того только чтобы вполнѣ исчерпать нашъ предметъ; лично же мы ни на одну минуту не оставляемъ нашего убѣжденія,

что родовое казачество выйдетъ иначе изъ этого испытанія, что оно обнаружитъ здоровую и сильную жизнь, которая только освѣжится и окрѣпнетъ отъ тѣснѣйшаго соприкосновенія съ гражданственностью.

II.

Доселѣ мы говорили о расторженіи сословной замкнутости казачьихъ населеній, о возстановленіи жизненной связи между ними и другими сословіями, и о распространеніи на нихъ главнѣйшихъ гражданскихъ правъ — права земельной собственности и свободнаго выбора состоянія, до возможной степени. Коснемся теперь нѣкоторыхъ второстепенныхъ предметовъ сословнаго устройства казачьихъ войскъ, не съ тѣмъ чтобы перестраивать существующее зданіе, въ чемъ не видимъ пользы, а съ тѣмъ только чтобы предложить нѣкоторыя частныя поправки и улучшенія, на которыя указываетъ лучшій изъ архитекторовъ—опытъ.

По двоякому своему назначенію—военнослужащаго человѣка и гражданина—казакъ поочередно находится подъ двумя вліяніями: военной службы и гражданскаго общества. Внѣ своего дома, несетъ онъ обязанности военнаго званія, а дома—повинности гражданскаго быта. Для того чтобы быть исправнымъ на службѣ, имѣть добраго коня, хорошее вооруженіе и прочее снаряженіе, и вмѣстѣ чтобы не покидать въ нуждѣ свою семью, казакъ, за извѣстный срокъ службы, получаетъ извѣстный срокъ домашней льготы. Льгота, слѣдовательно, входитъ въ разчетъ какъ необходимое условіе, безъ котораго казакъ не можетъ быть ни исправнымъ служивымъ, ни домовитымъ семьяниномъ. По самой сущности такого значенія, льгота должна быть временемъ, принадлежащимъ казаку какъ собственность, какъ полученное за службу жалованье, и если гдѣ особенно умѣстно приложить извѣстный афоризмъ, что время—капиталъ, то это здѣсь, въ казацкой льготѣ. Къ сожалѣнію, этотъ законно-пріобрѣтенный капиталъ не вполнѣ вѣренъ въ рукахъ своего обладателя, военнослужащаго казака. Смѣнившись съ полевой службы, онъ подпадаетъ подъ другую службу: его наряжаютъ въ отбывку земскихъ повинностей. Гражданское общество беретъ у него часть льготы, которою вознаградила его военная служба. При такомъ обще-

ственномъ устройствѣ, трудно даже самому старательному и предпріимчивому человѣку упрочить свое домашнее благосостояніе. Этого мало, отбывка повинностей налагается также на казака и въ тѣ молодые годы, въ которые ему предписано приготовляться къ военной службѣ. Съ семнадцатилѣтняго возраста онъ уже наряжается въ такъ-называемыя сидѣнки, то-есть въ общественныя отбывки по своей станицѣ. Въ то же самое время ему нужно снаряжаться конемъ, оружіемъ, обмундированіемъ, и, кромѣ того, приготовлять себя къ службѣ военными упражненіями: „щобъ бувъ козакъ, а не мугирь“ [1]. Очевидно, что что-нибудь изъ этого да не будетъ выполнено, и опытъ показываетъ, что молодые казаки являются на службу—не во гнѣвъ имъ будь сказано—„мугирями“, нисколько почти не приготовленными къ службѣ военнымъ образомъ, нерѣдко даже плохо снаряженными. Устранить эти неудобства или, точнѣе сказать, противорѣчія въ устройствѣ казачьихъ обществъ весьма не трудно. Есть въ каждомъ войскѣ разрядъ такъ-называемыхъ „внутренно-служащихъ“ людей, которые въ поле не ходятъ, а служатъ въ предѣлахъ своей земли разныя службы [2]. Разрядъ этотъ составляется изъ казаковъ рѣшительно неспособныхъ къ военной службѣ, по крайнимъ физическимъ недостаткамъ, и изъ военнослужащихъ, перечисляемыхъ въ эту категорію на три года по прослуженіи 22-хъ лѣтъ въ полевой службѣ. И тѣхъ и другихъ далеко не бываетъ достаточно для исполненія всѣхъ гражданскихъ повинностей, да и прямое назначеніе ихъ совсѣмъ не то: люди эти состоятъ въ распоряженіи не станичныхъ обществъ, а войсковыхъ и окружныхъ властей, и употребляются въ разные роды мѣстной службы, отправляемой въ губерніяхъ гарнизонными войсками, каковыхъ въ казачьихъ земляхъ не имѣется. Что же до общественныхъ земскихъ повинностей, то, по нынѣшнему учрежденію казачьихъ обществъ, ихъ здѣсь столько же, какъ и во всякомъ податномъ земствѣ, а исполненіе ихъ, по многимъ мѣстнымъ причинамъ (хоть бы, напримѣръ, потому что значительная часть домохозяевъ всегда въ отсутствіи, на по-

---

[1] Стихъ изъ извѣстной *Энеиды* Котляревскаго.

[2] На Дону они называются въ народѣ „годовцами“, потому что наряжаются въ свои службы не больше какъ на годъ.

левой службѣ), еще тяжелѣе чѣмъ въ губерніяхъ. Чтобы достигнуть освобожденія военнослужащихъ казаковъ и приготовляющихся къ службѣ подростковъ отъ нарядовъ въ отбывку повинностей, и черезъ то дать дѣйствительную возможность первымъ улучшать свое домохозяйство, а послѣднимъ снаряжаться и развиваться для службы, слѣдовало бы усилить внутренно-служащій разрядъ до возможно большей цифры. Это можно сдѣлать двумя ближайшими способами: вопервыхъ, зачислять молодыхъ казаковъ въ строевую службу съ большею разборчивостью и умѣренностью, и всѣхъ малоспособныхъ къ ней по физическимъ и другимъ качествамъ, какихъ довольно встрѣчается нынѣ въ строевыхъ казачьихъ рядахъ [1], помѣщать въ разрядъ внутренно-служащихъ (отъ этого выиграла бы и самая строевая служба), и вовторыхъ, перечисленіе военнослужащихъ казаковъ во внутреннослужащій разрядъ установить двумя годами ранѣе, а именно послѣ 20 лѣтъ полевой службы, и тѣмъ увеличить срокъ ихъ пребыванія въ сказанномъ разрядѣ до пяти лѣтъ, отъ чего увеличится и числительный составъ этого разряда. Двумя показанными способами, внутреннослужащій разрядъ могъ бы быть доведенъ до такого размѣра, что на него было бы удобно отнести всю отбывку земскихъ повинностей. Гражданское населеніе войсковыхъ земель, какъ уже было сказано, тоже взяло бы на себя значительную долю этихъ тягостей. Давъ такимъ образомъ казачьему обществу особую общественную силу, легко было бы постановить правило, что военнослужащіе казаки, доколѣ будутъ состоять въ строевыхъ спискахъ, равно какъ и малолѣтки, еще не поступавшіе на службу, должны быть свободны отъ всякихъ отбывокъ гражданскихъ повинностей. Кто близко знакомъ съ сельскимъ казачьимъ бытомъ, тотъ только въ состояніи сказать, какъ много выиграла бы черезъ это военная служба. Въ ней будетъ обращаться людей нѣсколько меньше, правда, но это будутъ тѣ казаки, которыхъ отрядные начальники, въ

[1] Станичныя общества стараются вносить въ строевые списки какъ можно большее число людей. Еслибы воля, они помѣщали бы туда и всякихъ калѣкъ; въ этомъ ихъ прямая выгода— очередь на службу не такъ скоро будетъ приходить. Замѣчаніе это относится къ значительному большинству казачьихъ войскъ, гдѣ установлена система личныхъ очередей. (См. ниже, въ третьей главѣ этой статьи).

военное время, желаютъ имѣть сотню вмѣсто иного какого-нибудь полка.

Перейдемъ къ другому предмету.

Срокъ военной службы полагается казаку тотъ же что̀ и военнослужащему въ арміи, но первому не дается такая же отставка, какую получаетъ послѣдній. По прослуженіи 25 лѣтъ, казакъ получаетъ лишь безсрочный отпускъ, называемый отставкою, ибо онъ увольняется съ условіемъ явиться во всей исправности на службу, по первому требованію. Не входя здѣсь въ подробное сравненіе службы казака и солдата, сравненіе, которое оставило бы насъ въ недоумѣніи, на какой сторонѣ больше жертвъ, скажемъ только, что какъ бы ни дологъ и ни труденъ былъ путь, но пѣшеходъ бодро его проходитъ и изъ всѣхъ силъ борется съ одолѣвающею его усталостью или лѣнью, когда есть для него на этомъ пути послѣдняя верста и надъ ней свѣтлая полоса еще не закатившагося солнца. Совсѣмъ не то—дорога безъ конца, безъ края и безъ свѣтлой полоски на крайнемъ горизонтѣ. Въ этомъ смыслѣ, развивать который нѣтъ надобности, признавалось бы полезнымъ для самой службы, чтобы казакъ получалъ отставку съ тѣми же правами, какъ получаетъ ее военнослужащій въ арміи, который освобождается отъ всякаго обязательнаго налога, не только въ отношеніи къ оставшейся позади его службѣ, но и къ встрѣчающему его гражданскому обществу. Намъ могутъ возразить, что правительство лишится тогда возможности призвать поголовно все казачье населеніе, въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. На это мы отвѣтимъ, что въ подобныхъ обстоятельствахъ отставной казакъ поднимется и безъ обязательства, формулированнаго въ какой-нибудь статьѣ войсковаго положенія. Онъ поднимется по другому обязательству, и ужь никакъ не дастъ опередить себя ополченному поселянину. Это мы говоримъ не для красоты рѣчи, а на основаніи фактовъ, совершавшихся до изданія постановленій о томъ, что казакъ обязанъ явиться на подвигъ и послѣ своей отставки. Мы просимъ только вспомнить о тѣхъ дняхъ, когда видѣли, что въ казачьихъ рядахъ бились вмѣстѣ и внукъ и дѣдъ.

Въ нынѣшнихъ войсковыхъ положеніяхъ вся жизнь казака покрыта непрерывною цѣпью обязанностей: съ семнадцати лѣтъ своего возраста онъ обязанъ вступить въ

отбывку повинностей и въ то же время добыть себѣ все необходимое для службы снаряженіе и сдѣлаться стрѣлкомъ, наѣзникомъ; съ двадцати лѣтъ онъ обязанъ служить военную службу; въ льготные промежутки между годами этой службы онъ обязанъ отбывать гражданскія повинности; и наконецъ, послѣ отставки, обязанъ исправно явиться на службу, когда потребуютъ. Такимъ образомъ для насъ нѣтъ другой дѣятельности, кромѣ обязательной. Это грустно. Пускай же дадутъ и намъ сдѣлать что-нибудь по доброй волѣ, по благородному чувству долга или по другому нравственному побужденію. Это улучшитъ насъ самихъ и нашу службу.

Вотъ въ какомъ смыслѣ желали бы мы нѣкоторыхъ поправокъ въ нынѣшнемъ сословномъ зданіи казачьихъ войскъ. Мы желали бы, не разрушая лежащихъ на нихъ сословныхъ обязанностей, видѣть только устраненіе крайностей этихъ обязанностей, чрезъ что сообщилась бы бо́льшая полнота праву. Сущность обязанностей тутъ не теряетъ, потому что право тоже обязываетъ въ свою очередь, но только обязательство его отраднѣе да вмѣстѣ съ тѣмъ и плодотворнѣе. Такого рода обязательство имѣетъ глубоко нравственный источникъ и создаетъ честныхъ людей. Въ военномъ дѣлѣ, это храбрые люди.

Отъ какихъ именно сословныхъ обязанностей требовалось бы устраненіе крайностей, это уже довольно высказано въ нашей статьѣ. Теперь перейдемъ къ устройству управленія и суда въ казачьихъ войскахъ.

Пока эти войска не имѣли правильнаго, особыми положеніями опредѣленнаго устройства (что́ началось съ 1835 года), пока они существовали по старинѣ, въ нихъ военное и гражданское управленіе сливалось въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ и лицахъ. Отъ такого смѣшенія разнородныхъ обязанностей и дѣлъ происходили большія неудобства, запутанность, злоупотребленія. Неудовлетворительность такого порядка была вполнѣ сознана при составленіи войсковыхъ положеній, и въ этомъ дѣлѣ принято было за основаніе отдѣлить военную часть отъ гражданской. Однако отдѣленіе это не во всѣхъ войскахъ осуществилось съ надлежащею полнотой. По убѣжденію опыта, мы желали бы сколько возможно бо́льшаго разграниченія гражданской части отъ военной, въ административномъ

отношеніи, за исключеніемъ, разумѣется, центральнаго управленія войсковыхъ атамановъ совмѣщающаго въ себѣ обѣ части. Кромѣ того что это разграниченіе обусловливается самою двойственностію казачьяго быта, военнаго и гражданскаго такой порядокъ былъ бы особенно необходимъ въ казачьихъ войскахъ при большемъ или меньшемъ развитіи въ ихъ предѣлахъ гражданскаго населенія. Въ нынѣшнемъ положеніи о Донскомъ войскѣ, вышедшемъ раньше всѣхъ другихъ, гражданская часть отдѣлена отъ военной такъ отчетливо, что столкновенія между ними невозможны, если только къ ясной буквѣ закона не примѣшается произволъ.

Въ системѣ войсковыхъ (губернскихъ) учрежденій есть весьма важный кругъ дѣлъ требующій самостоятельнаго устройства. Это хозяйственная или, если угодно, финансовая часть, потому что казачьи войска имѣютъ свое отдѣльное финансовое учрежденіе. Часть эта, довольно сложная и, для веденія своего, требующая научныхъ экономическихъ свѣдѣній, нынѣ входитъ въ составъ войсковыхъ правленій, гдѣ, подъ названіемъ экспедицій, совмѣщаются всѣ высшія гражданскія учрежденія, существующія въ губерніяхъ раздѣльно. Хозяйственное войсковое управленіе должно бы быть поставлено отдѣльно, въ видѣ особаго учрежденія, предсѣдательствуемаго, какъ и войсковое правленіе, наказнымъ атаманомъ.

Слѣдовало бы также обратить особенное вниманіе на улучшеніе станичнаго управленія. По существующимъ положеніямъ, всѣ станичныя дѣла рѣшаются міромъ, и для лучшаго обсужденія ихъ требуется сколько можно большее собраніе міра, такъ что приговоръ по какому-либо дѣлу признается только тогда дѣйствительнымъ, когда онъ подписанъ не менѣе какъ двумя третями станичныхъ гражданъ. Опытъ показалъ, что многолюдство не только не содѣйствуетъ, но часто мѣшаетъ здравому и безпристрастному обсужденію дѣлъ, и потому необходимо бы замѣнить это многолюдство извѣстнымъ числомъ лучшихъ выборныхъ людей. Такъ, каждый десятокъ дворовъ могъ бы избрать одного отъ себя представителя; собранію этихъ представителей было бы предоставлено обсужденіе и рѣшеніе станичныхъ дѣлъ во имя всей „честной станицы“. Затѣмъ каждый казакъ можетъ присутствовать на станичномъ сборѣ только въ качествѣ

свидѣтеля, безъ права вступать въ пренія. Однако же чтобъ эти выборные не образовали изъ себя своего рода олигархіи (въ казачьихъ войскахъ это чрезвычайно легко дѣлается), слѣдуетъ предоставить каждому гражданину, присутствующему безъ голоса, право отводить, во время преній, своего представителя въ сторону и имѣть съ нимъ частное совѣщаніе, когда нужно его поправить или сообщить ему свою мысль. Такъ дѣлаются народныя совѣщанія у нашихъ сосѣдей, закубанскихъ горцевъ. Тамъ имѣютъ право громкаго слова только выборные (буквально: языки народа); вся же толпа присутствуетъ, какъ говорится, съ печатью безмолвія на устахъ. Но зато каждый изъ присутствующихъ, когда ему приходитъ счастливая мысль, или когда онъ замѣчаетъ слабость своего представителя, можетъ взять его въ сторону и учинить съ нимъ частную аудіенцію.

Порядокъ станичныхъ собраній — вещь важная; но еще важнѣе порядокъ въ общинномъ пользованіи станичною землей. Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ правильность земельнаго пользованія обезпечивается личнымъ равенствомъ мужиковъ и, еще болѣе, подушнымъ окладомъ, платимымъ по тягламъ. Тамъ, кто больше забираетъ земли, тотъ больше и платитъ, а обдѣлили кого-нибудь, такъ съ того и копѣйки не возьмутъ. Въ станицахъ никто ничего не платитъ ради земли, и населеніе не стоитъ въ одинъ уровень, а размѣщается по разнымъ ступенямъ служебной іерархіи, отъ генерала до приказнаго, который у насъ тоже величается „чиновникомъ“. Отъ этого произвольные захваты земли и притѣсненія слабыхъ сильными суть явленія весьма обыкновенныя въ станичномъ быту. Существующія войсковыя положенія мало сдѣлали по этому важному предмету: они ограничились общими выраженіями, что пользованіе землей должно быть правильное и безобидное, и не организовали никакого дѣйствительнаго контроля. А тутъ нуженъ бы такой же контроль, какъ и въ денежныхъ дѣлахъ.

Относительно улучшеній въ устройствѣ земской полиціи, всѣ новыя постановленія, издаваемыя для губерній, могутъ вполнѣ прилагаться къ казачьимъ войскамъ.

То же слѣдуетъ сказать и объ устройствѣ суда. Права станичныхъ обществъ относительно судопроизводства,

нынѣ сравненныя съ правами волостныхъ правленій, могли бы быть значительно расширены, такъ какъ станичное казачье населеніе болѣе развито въ понятіяхъ о вещахъ, чѣмъ сельскія крестьянскія населенія. Да и есть станицы съ такимъ большимъ населеніемъ, что изъ одной выйдетъ нѣсколько волостей.

Выборное начало, существующее въ казачьихъ войскахъ въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ, конечно, должно быть удержано; но самое производство выборовъ нуждается въ гораздо лучшей организаціи. Выборы въ томъ видѣ, какъ они теперь производятся, не приносятъ особенной пользы.

Вообще, относительно гражданской части въ казачьихъ войскахъ можно сказать положительно, что чѣмъ меньше будетъ въ ней особенностей и чѣмъ больше будутъ распространяться на нее новыя учрежденія и постановленія въ государствѣ, тѣмъ будетъ лучше для казацкаго народа. Чиновный классъ, особенно старый, можетъ имѣть другія желанія. Но грустно оставаться одному сословію неподвижно въ своемъ уголку, когда всѣ другія двигаются впередъ.

III.

Остается еще вопросъ, одинъ изъ труднѣйшихъ вопросовъ въ организованіи двойственнаго казачьяго военнаго и вмѣстѣ гражданскаго общества. Дѣло идетъ о связи души съ тѣломъ: о согласованіи тактическаго устройства съ поселеннымъ устройствомъ станичниковъ, о формированіи полковъ, батальйоновъ и батарей, о нарядахъ и смѣнахъ, о равновѣсіи между службой и льготой. Въ общемъ своемъ видѣ, дѣло не представляетъ большой мудрости, но практическія его подробности—вотъ что составляетъ задачу, едва ли не труднѣйшую чѣмъ построеніе хорошей рекрутской системы. Трудность именно въ установкѣ юридической стороны дѣла—въ обезпеченіи правды очереди для многихъ тысячъ отдѣльныхъ одноправныхъ личностей. Постояннаго и однообразнаго порядка въ дѣлѣ нарядовъ и смѣнъ далеко еще нѣтъ ни въ одномъ казачьемъ населеніи. Правительство только опредѣлило для каждаго изъ этихъ населеній штатное число полковъ, батальйоновъ и батарей, но

въ нарядахъ и смѣнахъ этихъ частей многое предоставило требованію обстоятельствъ. Самые полки и батальйоны существуютъ въ дѣйствительности, то-есть съ непремѣннымъ личнымъ составомъ, только въ двухъ, трехъ войскахъ; въ остальныхъ же они являются въ видѣ временныхъ ополченій: набираются при нарядѣ на службу и разрушаются при роспускѣ на льготу, такъ что человѣкъ, служившій напримѣръ въ полку № 1, при слѣдующемъ нарядѣ будетъ уже служить въ № 21 [1]. Еще одно обстоятельство: въ большей части войскъ (на пространствѣ отъ Волги до Амура), несмотря на штатное учрежденіе строевыхъ частей, наряды на службу дѣлаются не штатными строевыми частями, а неопредѣленными командами, бо́льшаго или меньшаго состава, смотря по мѣстнымъ потребностямъ. Тутъ неизбѣжно крайнее усложненіе очереднаго разчета для военнослужащихъ личностей. Наконецъ,—и это опять затрудняетъ точное соблюденіе очередной правды,—наряды не штатными командами дѣлаются не на одинъ общій для всѣхъ ихъ срокъ, а такъ что одна изъ нихъ пробудетъ на службѣ большее, другая меньшее время.

Изъ сказаннаго видно, какъ мало согласовано тактическое устройство казачьихъ войскъ съ ихъ осѣдлымъ положеніемъ, и какъ много остается желать по этой части. Да нужно ли желать и чего именно? Вотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго неудобно подойдти иначе, какъ только посредствомъ объясненія самаго дѣла. Постараемся дать это объясненіе.

Въ прежнія времена, лишь въ двухъ казачествахъ Южной Руси, испытавшихъ вліяніе польской региментаціи, существовало дѣйствительное тактическое дѣленіе: Украинская гетманщина дѣлилась на полки и сотни, Запорожье на курени, которые были то же самое, что янычарскія орты. Но сѣверо-восточныя казачества, гдѣ основный элементъ былъ великорусскій, не допускали никакого дѣленія; въ нихъ господствовалъ духъ великорусской общины. Все населеніе составляло одно войско, въ смыслѣ не раздробля-

---

[1] Артиллерійскія баттареи и гвардейскія части во всѣхъ казачьихъ войскахъ имѣютъ непремѣнные личные составы. Это оружіе болѣе правильное, и потому необходимо удерживать при немъ людей, разъ къ нему пріученныхъ.

емой единицы, артели, дружины. Отъ этого цѣлаго могли отдѣляться большія или меньшія части—„отряды“, „станицы“; но это были только откомандировки, временныя отлучки, мелкіе хутора, наконецъ, отъ большаго села; войско все-таки оставалось войскомъ, то-есть одною недѣлимою артелью. Оно брало отъ днѣпровской гетманщины разный войсковой и полковой урядъ, но не брало ея полковъ и сотень,—ихъ отвергалъ духъ общины. Не подавило этотъ духъ и развитіе населенія, далеко вышедшее изъ размѣровъ артели, ни самое даже разселеніе по большому пространству земли. Войско осталось войскомъ въ первобытномъ смыслѣ. Такъ оно остается и подъ формами позднѣйшихъ преобразованій. Мы здѣсь имѣемъ въ виду особенно Донское войско, и потому останавливаемся прежде всего на его военномъ устройствѣ. Правительство ведетъ счетъ его военнослужащему населенію штатными строевыми частями и предписываетъ наряды на службу тѣми же частями; но само военнослужащее населеніе отнюдь не дѣлится на строевыя части, и составляя изъ себя одну громадную общинную артель, выходитъ на службу человѣкъ за человѣкомъ, по очереди, заведенной въ этой артели. Вышелъ очередной человѣкъ изъ артели: возьмите его, и стройте себѣ тамъ какіе угодно полки, а тутъ мы не знаемъ никакихъ полковъ,—мы знаемъ только свою артельную круговую очередь. Вотъ почему казакъ, служившій лѣтось въ полку № 1, попадаетъ нынче въ № 21. Что бы ни сказалъ тутъ военный человѣкъ,—положимъ, что это бѣда еще не большая; но бѣда въ томъ, что артель-то черезчуръ ужь велика, что она разбросана Богъ знаетъ на какія сотни верстъ и разбита не на одинъ десятокъ станицъ, такъ что намъ не только сходиться да считаться по каждому наряду, но и одинъ разъ въ жизни повидаться иногда не удастся. При такомъ положеніи дѣлъ, трудно вести одинъ общій артельный разчетъ и чередъ, трудно особенно въ отношеніи къ очередной правдѣ. Но онъ ведется посредствомъ весьма усложненной и напряженной администраціи. Каждая станица, сама по себѣ, ведетъ свой очередной списокъ; отдѣльные станичные счеты обобщаются по округамъ, въ окружныхъ дежурствахъ, а окружные счеты сводятся, наконецъ, въ одинъ высшій общій счетъ, въ войсковомъ дежурствѣ. Много любопытныхъ практическихъ подробностей представляетъ

этотъ административный механизмъ, гдѣ математическіе законы и истины не всегда удобоприложимы; но мы оставимъ ихъ покамѣсть въ сторонѣ и попытаемся представить наглядное движеніе очередной игры. Предъ нами раскрытъ очередной станичный списокъ. Въ немъ люди позднѣйшаго возвращенія со службы стоятъ въ самомъ низу, а люди давнѣйшаго прибытія домой въ самомъ верху. Приходитъ нарядъ: верхніе люди выбыли изъ списка и списокъ сократился; но тутъ же часть людей возвратилась со службы, и списокъ, сократившійся сверху, пополнился снизу. Стоявшіе здѣсь люди подвинулись кверху. Каждый нарядъ подвигаетъ такимъ образомъ нижняго человѣка все больше и больше кверху, пока наконецъ не вырветъ его вонъ изъ списка и не унесетъ куда-нибудь въ Финляндію или Бессарабію. Между тѣмъ, взамѣнъ убывающихъ сверху людей, списокъ пополняется все снизу. Такъ идетъ это очередное круговращеніе въ каждой станицѣ порознь. Сколько станицъ, столько и этихъ отдѣльныхъ колесъ. Вѣрность общаго войсковаго механизма зависитъ отъ совершенно равномѣрнаго обращенія станичныхъ колесъ, такъ чтобы ни одно изъ нихъ, ни на одинъ зубчикъ, не сдѣлало лишняго движенія противъ всѣхъ остальныхъ. Но возможно ли это? Жизнь не любитъ подчиняться такому утонченному математическому разчету; она неистощима на уклоненія и случайности, и вотъ эти-то случайности въ индивидуальномъ существованіи каждой личности (а это зубчикъ въ станичномъ колесѣ) оказываютъ неотразимое вліяніе на игру механизма.

Еще положительнѣе удержался общинный характеръ въ военномъ устройствѣ Уральскаго войска, несмотря на то что и его служивое населеніе разчитано правительствомъ на штатные полки. Здѣсь артель не переродилась въ утонченный административный механизмъ, но сохранилась въ своей естественной простотѣ, благодаря богатому рыбою Уралу, нѣсколько разъ въ годъ надѣляющему деньгами своихъ смышленыхъ и предпріимчивыхъ дѣтей. Въ этомъ войскѣ каждый частный нарядъ на службу получаетъ значеніе общаго наряда для цѣлаго войска и исполняется общими силами, гуртомъ. Поэтому искусственный составъ личныхъ очередей здѣсь неизвѣстенъ; онъ замѣненъ простѣйшимъ способомъ — складчиной. При каждомъ нарядѣ,

число людей, требуемыхъ на службу, превращается въ денежную сумму. На основаніи своихъ мѣстныхъ, издавна выработанныхъ данныхъ, исчисляется противъ цифры людей извѣстная цифра рублей, которая и раскладывается на все вообще военнослужащее населеніе. Тогда изъ этого населенія выдѣляются двѣ категоріи людей: одни желающіе, а другіе не желающіе идти на службу; первыхъ, разумѣется, меньше, а послѣднихъ больше. Дѣло кончается тѣмъ, что первые берутъ деньги, и отправляются себѣ куда-нибудь на Сыръ-Дарью, а послѣдніе даютъ деньги и остаются дома. Чего казалось бы проще, какъ такой порядокъ. Однако жизнь и тутъ вмѣшивается съ своими случайностями и аномаліями, и сообщаетъ этому простому акту нѣкоторыя утонченности, о которыхъ, впрочемъ, мы не будемъ распространяться. Довольно того, что изъ всѣхъ казачьихъ войскъ Уральское наименѣе пишетъ бумаги, и вся его администрація помѣщается за однимъ столомъ.

Общинная система, основана ли она на личной очереди или на денежной складчинѣ, представляетъ важныя неудобства съ военной точки зрѣнія. Строевыя части, при каждомъ вызовѣ на службу, наполняются новыми людьми и никогда не успѣваютъ окрѣпнуть въ своихъ личныхъ составахъ. Каждый разъ повторяется какъ бы рекрутскій наборъ: люди стягиваются съ обширнаго пространства, по небольшому количеству изъ каждой станицы цѣлаго округа, вмѣщающаго въ себѣ до 25 тысячъ военнослужащаго народа [1]. Они сходятся къ неизвѣстному знамени, къ незнакомымъ офицерамъ и незнакомые между собою. Это совсѣмъ не *односумы*. Полковые командиры получаютъ полки по жребію, — и какъ вчера не знали, какимъ полкомъ будетъ кто командовать, такъ сегодня не знаютъ, какіе люди у нихъ въ командѣ. Сотенные командиры попадаютъ въ полки тоже случайно, по волѣ очереди, которая для всѣхъ офицеровъ, равно какъ и для всѣхъ урядниковъ, ведется особо отъ казачьей. Тутъ обширное поприще для ин-

[1] При каждомъ нарядѣ, число людей, требуемыхъ на службу, раскладывается сперва на округи, а въ округахъ на станицы, такъ чтобы населеніе каждой станицы дало свою долю въ составъ полка. Вотъ какая необходимость дѣлаетъ полкъ разностаничнымъ и сборнымъ. А есть станицы съ такимъ населеніемъ, что одна поставила бы три или даже четыре полка.

тригъ своего рода. Во время службы, никто не заботится о сближеніи, о заведеніи чего-нибудь общаго; каждый думаетъ только о себѣ, ибо каждый носитъ въ себѣ одну и ту же мысль, что общество, куда его бросила судьба, не будетъ имѣть продолжительнаго существованія. Артели не составляются, полученная копѣйка прячется скорѣе за голенище, провіантъ разбирается по сумкамъ, и тамъ гдѣ обыватель не кормитъ, напримѣръ на Кавказѣ, мѣсячнаго пайка иногда не хватаетъ человѣку и на мѣсяцъ. Нравственной связи, общаго духа и этого собирательнаго самолюбія, оживляющаго каждую прочно-построенную военную часть, быть не можетъ. Выраженія: честь полка, слава стараго знамени, не имѣютъ значенія и не идутъ къ сердцу, потому что полкъ не имѣетъ своей собирательной личности и жизни: вчера онъ, на живую нитку, построенъ, завтра распадется. Придетъ ли онъ со службы увѣнчанный блескомъ подвига, или покрытый рубищемъ малодушныхъ поступковъ—все распадется на распускномъ пунктѣ и исчезнетъ въ обширномъ пространствѣ войсковой земли. И тотъ, кому бы я поклонился, или на кого указалъ бы пальцемъ передъ молодыми казаками, не будетъ со мною встрѣчаться.

Общинная система, не поддающаяся правильному и прочному тактическому устройству, имѣетъ свои выгоды для казака въ домашнемъ быту, потому что освобождаетъ его отъ всякихъ командирскихъ вліяній, — разумѣя тутъ не только войсковаго старшину, но даже и приказнаго,—и ставитъ военнослужащаго человѣка въ чистое положеніе гражданина. Не одинъ станичникъ благословляетъ, можетъ быть, подобный урядъ. Но можно ли упускать въ этомъ дѣлѣ изъ вида, что главная цѣль общественнаго призванія и послѣдняя развязка всѣхъ интересовъ казака есть война и бой, что только тамъ, въ дѣйствительномъ военномъ быту, произнесется послѣдняя оцѣнка и высшій судъ надъ войскомъ? Хорошо будутъ драться станичники, скажутъ: хорошее войско, а плохо—плохое войско, хотя бы его гражданскій бытъ былъ наилучшій. Нужно ли было отступать предъ однимъ страхомъ неблаговидныхъ командирскихъ вліяній въ домашнемъ быту? Не лучше ли было отодвинуть ихъ отъ служиваго народа, когда они дома, чѣмъ отъ нихъ отодвигать этотъ народъ въ неустроенное военное положеніе?

Вѣдь этакъ выходитъ, что волка боятся — и въ лѣсъ не ходить.

Въ нѣкоторыхъ войскахъ, какъ-то: Астраханскомъ, Оренбургскомъ и Сибирскомъ, народонаселеніе подѣлено на полки, и извѣстныя его части составляютъ полковые округи. Но это только административное дѣленіе; для строевой же службы принята вышеобъясненная система личныхъ очередей.

Изъ всѣхъ казачьихъ войскъ, только въ двухъ, Кубанскомъ и Терскомъ, тактическое устройство приложилось къ общественному быту, слилось съ народною жизнью. Тутъ полки сохраняютъ постоянно свои личные составы. Извѣстное число станицъ, смежно лежащихъ, образуютъ полкъ. Полкъ имѣетъ два комплекта, изъ которыхъ одинъ на службѣ, другой дома; по крайней мѣрѣ такова идея учрежденія. Вмѣсто общинной очередной системы, учреждены „пары,“ то есть каждый строевой человѣкъ выраженъ вдвойнѣ,—тоже что рядъ въ строю, составляемый изъ головнаго и задняго человѣка. Эти пары и дѣлаютъ два комплекта полка. Онѣ какъ бы двѣ руки, изъ которыхъ одна при оружіи, другая при хозяйствѣ. Трудно изобрѣсти болѣе счастливый способъ для поддержанія въ равновѣсіи служебной дѣятельности казака и его домашняго благосостоянія. Смѣло можно сказать, что только благодаря этому мудрому устройству, кавказскій казакъ выносилъ до сихъ поръ свою великую службу безъ крайняго разстройства въ домашнемъ быту. Уже то отрадно въ этомъ устройствѣ, что оно не расходится съ жизнью: казаки одной станицы не разбрасываются по разнымъ строевымъ частямъ, но переносятъ свой братскій домашній союзъ и подъ сѣнь своего роднаго, дорогаго знамени; вмѣстѣ живутъ, вмѣстѣ бьются и умираютъ. Полкъ и станица одно и то же. Здѣсь есть и нравственная часть и общій духъ и всѣ живые задатки воинскаго развитія. Слава подвига и позоръ малодушія не остаются на распускномъ пунктѣ, но приходятъ вмѣстѣ съ казакомъ въ его станицу и преслѣдуютъ его въ общественной и домашней жизни. Молодежь развивается для военнаго дѣла не по приказу, но по живымъ примѣрамъ и впечатлѣніямъ. Дружность, готовность на подмогу въ опасности—необыкновенная; только послышится тревога, и ужъ

одна часть полка летитъ къ другой на выручку. Не было примѣра чего-нибудь противнаго этому, и это лучшая сила кавказскихъ линій. Едва ли бы это было такъ при какомъ-нибудь другомъ устройствѣ, и жаль будетъ, если это превосходное устройство, столь близкое къ жизни и такъ сообразное съ духомъ русскаго человѣка, будетъ ниспровергнуто при нынѣшнихъ преобразованіяхъ казачьихъ войскъ Кавказа. Не нажить ужь его потомъ никакими искусственными усиліями. Конечно, можно бы, и даже должно бы, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя поправки и, прежде всего, отдѣлить гражданскую часть отъ военной; но самое основаніе слѣдуетъ сохранить. На этомъ основаніи развились превосходные боевые люди и совершились прекрасные подвиги. И не отсюда, конечно, вышла извѣстная въ казацкомъ мірѣ поговорка: „не нашу сотню рубятъ: хлебайте, братцы, уху.“

Есть еще одинъ оттѣнокъ военнаго устройства, похожій отчасти на предыдущее устройство и составляющій усовершенствованіе простодушной системы личныхъ очередей. Это, переходное между донскою и кавказскою системой, военное устройство существуетъ на Нижней Кубани, въ той части Кубанскаго войска, которая еще недавно, и къ большой своей невыгодѣ, составляла особое войско, подъ названіемъ Черноморскаго. Оно заключается въ слѣдующемъ: Все военнослужащее населеніе войска подѣлено на равные округи, а округи на равное число строевыхъ частей. Строевыя части, разъ организованныя, не измѣняютъ потомъ, ни при какихъ смѣнахъ, своихъ личныхъ составовъ. Но какъ эти составы имѣютъ только одинъ, а не два комплекта, которые могли бы очередоваться между собою, то отсюда естественно установился порядокъ, чтобы строевыя части смѣняли одна другую, и для того вели бы между собою очередь, по каждому округу. При такомъ порядкѣ, нѣтъ уже надобности дробить очереди между людьми, такъ такъ какъ люди постоянно привязаны къ однимъ и тѣмъ же строевымъ частямъ. Порядокъ этотъ значительно упрощаетъ станичную, окружную и войсковую администрацію и, надобно прибавить, наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ очередную правду. Для службы же онъ представляетъ ту важную выгоду, что, при всякомъ новомъ нарядѣ, строевыя части являются готовыя, прежде и одинъ разъ

навсегда составленныя. Здѣсь тоже могутъ быть и единодушіе и нравственная сила. Отличіе же этой довольно благовидной системы отъ коренной кавказской состоитъ, вопервыхъ, въ томъ что строевыя части, какъ уже замѣчено, имѣютъ только одинъ, а не два комплекта (это какъ бы строй въ одну, а не въ двѣ шеренги); и вовторыхъ, что строевыя части не обнимаютъ собою извѣстныхъ группъ станицъ,—иначе сказать: тактическое дѣленіе не совпадаетъ съ осѣдлымъ расположеніемъ военнослужащаго населенія, а напротивъ, даже съ умысломъ разчитано, чтобы люди одной станицы были разбросаны по всѣмъ строевымъ частямъ своего округа. Это сдѣлано, говорятъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ истребленія на войнѣ цѣлой строевой части, несчастіе это падало не на нѣкоторое лишь число станицъ, а на весь округъ, и отъ такого раздѣленія облегчалось бы бремя его послѣдствій. Опытъ показываетъ, что страхъ этихъ послѣдствій напрасно преувеличивается. Хотя рѣдко, а бывали подобныя катастрофы на верхней Кубани, и однакожь ни одна изъ станицъ той мѣстности не обезлюдѣла; напротивъ, онѣ люднѣе и благоустроеннѣе станицъ Нижней Кубани, гдѣ именно боялись упомянутыхъ послѣдствій. Гораздо, впрочемъ, основательнѣе предположить, что вышеозначенный образъ формированія каждой строевой части непремѣнно изъ людей всѣхъ станицъ округа былъ принятъ потому, что въ бывшемъ Черноморскомъ войскѣ издавна существовали всѣ три рода оружія: конница, пѣхота и артиллерія, и что неудобно было бы однѣ станицы дѣлать исключительно конными, а другія пѣшими. Съ этимъ можно согласиться, но считать это препятствіемъ къ приложенію кавказской системы отнюдь не слѣдуетъ. Стóитъ только все военнослужащее населеніе каждой станицы подѣлить, на основаніи принятыхъ условій, между тремя оружіями, и за тѣмъ постановить правило, чтобы всѣ конные люди поступали въ одинъ полкъ, всѣ пѣшіе—въ одинъ батальйонъ и всѣ артиллеристы въ одну батарею. Такимъ образомъ одностаничники не будутъ разбиты по разнымъ строевымъ частямъ одинаковаго оружія.

Теперь мы кончили обзоръ военнаго устройства въ разныхъ полосахъ казачьихъ населеній, и позволимъ себѣ сдѣлать небольшой выводъ. Главная задача военнаго

устройства въ казацкомъ мірѣ, независимо отъ тактическихъ соображеній, заключается въ возможно вѣрномъ обезпеченіи очередной правды. Цѣль эта никогда не будетъ достигнута во всей ея полнотѣ, доколѣ система личныхъ очередей не уступитъ мѣста системѣ очередей собирательныхъ,—доколѣ наряды и смѣны будутъ дѣлаться количествами людей, а не строевыми частями,—если не цѣлыми полками, батальйонами и батареями, то, по меньшей мѣрѣ, сотнями, ротами и взводами. Считаться очередьми постанично да поименно, когда войску даны штаты строевыхъ частей и когда правительство имѣетъ дѣло съ этими штатами, а не съ нашими станичными очередными списками,—считаться, говоримъ, по именно—это простота, младенчество, изъ котораго пора уже выйдти. А для замѣны очередей личныхъ очередьми собирательными, необходимо, чтобы мы не оставались ордой внутри, имѣя правильную военную организацію снаружи; необходимо, чтобы данные войску строевые штаты не носились какими-то призраками на поверхности военнослужащаго населенія, но вошли въ самый казацкій бытъ, въ самый строй осѣдлой жизни, чтобы полкъ былъ полкомъ, чтобъ онъ имѣлъ свою душу, свою личность, свое имя,—имя, а не нумеръ.

Вмѣстѣ на гумнѣ, вмѣстѣ и на войнѣ; одна огорожа дома, одна сума въ походѣ, одна могила въ чистомъ полѣ—вотъ старинное казацкое правило. И повѣрьте, что оно мудрѣе самыхъ премудрыхъ системъ личныхъ очередей, идущихъ въ разладъ съ строевыми установленіями.

ЕСАУЛЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О
НЕСТОРІЯНАХЪ.

Въ № 30 *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника* помѣщено извѣстіе о прибытіи въ Лондонъ двухъ членовъ несторіянской секты, священника Йоганана (вѣроятно, Іоанны, по нашему Іоанна) и діакона Йицксхака (Исаака), которые явились туда въ надеждѣ обратить вниманіе могущественнаго и благоденствующаго народа на свою бѣдствующую и въ настоящее время мало кому извѣстную общину.

Всѣхъ несторіянъ въ настоящее время насчитывается около 30.000 семействъ. Живутъ они по обѣимъ сторонамъ Курдскаго хребта, отдѣляющаго Персію отъ Азіятской Турціи: въ Персіи, нѣкогда главномъ мѣстопребываніи несторіянъ, теперь ихъ не болѣе 8.000 семействъ, которыя помѣщаются по деревнямъ, въ окрестностяхъ города Урміи, близъ озера того же имени [1]. Въ азіятской Турціи, по другому склону Курдскаго хребта, въ области Хяккязи, ихъ полагаютъ въ числѣ 20.000 съ небольшимъ семействъ. Здѣсь, около города Джуламерга, въ деревнѣ Оджалусъ (иные выговариваютъ: Кудчанусъ), живетъ ихъ патріархъ, имѣющій постоянное имя маръ-Шимона (Симеона). Кромѣ

[1] Въ *Современной Лѣтописи* пишется Ороміа, мы же предпочли остаться при названіи, къ которому пріучилъ насъ учебникъ. Сами несторіяне называютъ городъ Урмію Руми-сехиръ: сехиръ—городъ; Руми—Урмія (метатезисъ).

того, близь тѣхъ же мѣстъ, но только внѣ черты Курдскаго хребта, по долинамъ лежащимъ у его подошвы, около городовъ Мосула, Багдада и др., насчитывается около 10.000 семействъ бывшихъ несторіянъ, обращенныхъ въ XVII вѣкѣ въ латинство и составляющихъ особую отъ другихъ католическихъ на Востокѣ прозелитовъ общину Латинъ-Халдеевъ, подъ управленіемъ особаго патріарха, носящаго также постоянное имя маръ-Юсуфа (Іосифа).

Этотъ обычай присвоенія патріархамъ и другимъ важнѣйшимъ архіереямъ постоянныхъ именъ встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ восточныхъ христіанскихъ церквахъ. Такъ, въ яковитской церкви патріархъ, сверхъ своего собственнаго имени, называется непремѣнно Игнатіемъ, въ честь Св. Игнатія Богоносца, отъ котораго, какъ отъ антіохійскаго епископа, онъ производитъ свое іерархическое родословіе. Подобно тому, мосульскій (яковитскій) митрополитъ присвоиваетъ себѣ второе имя Василія, почитая себя преемникомъ Св. Василія Великаго, а іерусалимскій (яковитскій же) архіерей—имя Григорія, производя свое родословіе отъ Св. Григорія Неокесарійскаго. Въ честь какихъ святителей патріархъ Несторіянъ называется маръ-Шимономъ, а патріархъ Латинъ-Халдеевъ маръ-Юсуфомъ, намъ неизвѣстно.

Кромѣ Персіи, есть, какъ говорятъ путешественники, небольшой остатокъ несторіянъ и въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ Китая; но сколько ихъ тамъ, опредѣлить никто доселѣ не могъ. Наконецъ, въ небольшомъ тоже числѣ, встрѣчались несторіяне, подъ именъ христіанъ Св. Ѳомы, въ Остъ-Индіи, на Малабарскомъ берегу; но въ весьма недавнее время они слились съ обществомъ живущихъ на томъ же берегу монофизитовъ яковитской церкви.

Итакъ, если не считать Халдеевъ-католиковъ, обращенныхъ въ латинство, какъ сказано, въ XVII вѣкѣ, то всѣхъ несторіянъ, на всемъ земномъ шарѣ, будетъ около 30.000 семействъ, то-есть, никакъ не болѣе 150.000 душъ: вотъ ничтожный остатокъ церкви, нѣкогда весьма могущественной и многочисленной.

Происхожденіе несторіянской ереси относится къ началу V вѣка. Корреспондентъ *Современной Лѣтописи* замѣчаетъ, что отъ константинопольскаго патріарха Несторія она получила только названіе, а существовала будто бы и до него.

Вѣроятно, замѣчаніе корреспондента имѣетъ тотъ смыслъ, что неправославныя мнѣнія о соединеніи въ Богочеловѣкѣ лицъ божескаго и человѣческаго встрѣчались и прежде Несторія. Дѣйствительно, докеты, манихеи, Павелъ Самосатскій, Діодоръ Тарсійскій, Ѳеодоръ Мопсуетскій и многіе другіе еретики погрѣшали противъ апостольскаго ученія объ этомъ предметѣ и за то осуждены церковію. Но, при всемъ томъ, Несторію собственно принадлежитъ то рѣшительное опредѣленіе и возведеніе въ положительный догматъ неправаго ученія о неипостасномъ соединеніи (*κατὰ σχέσιν ἀλλ' οὐ καθ' ὑπόστασιν ἕνωσις*) въ Спасителѣ божескаго и человѣческаго лица, которое послужило причиной отдѣленія отъ апостольской церкви значительнаго числа христіанъ, основавшихъ особую, донынѣ существующую, несторіанскую церковь. И въ этомъ смыслѣ Несторій есть истинный родоначальникъ своей секты, точно также какъ напримѣръ Лютеръ по справедливости почитается истиннымъ основателемъ протестантской церкви, хотя и у него, какъ у Несторія, были предшественники: Виклефъ, Гусъ, Іеронимъ и другіе.

Ученіе Несторія, обличенное Св. Кирилломъ Александрійскимъ, было осуждено приговоромъ III вселенскаго собора, созваннаго въ Ефесѣ въ 431 году. Но ясныя и строгія запрещенія собора и знаменитыя въ церковной исторіи двѣнадцать анаѳематствъ Св. Кирилла не могли остановить быстраго распространенія новой ереси по Месопотаміи, Сиріи и вообще по востоку, гдѣ Несторій, какъ сирійскій уроженецъ, былъ всѣмъ извѣстенъ, и какъ человѣкъ ученый и по жизни строгой, пользовался великимъ уваженіемъ. Неблагоразумныя мѣры мірской власти, вызванныя ревнителемъ православія, эдесскимъ епископомъ Равулою, и устремленные противъ послѣдователей Несторія, привели къ тому, что они всѣмъ обществомъ удалились изъ предѣловъ подчиненныхъ власти византійскихъ императоровъ и переселились въ Персію, гдѣ въ скоромъ времени успѣли овладѣть полнымъ довѣріемъ правительства и въ свою очередь воздвигнуть гоненіе на обитавшихъ въ Персіи православныхъ.

Персидскіе цари, естественные и постоянные враги византійскихъ императоровъ, были не довольны тѣмъ, что весьма значительная часть ихъ подданныхъ, исповѣдовав-

шихъ христіянскую вѣру, находилась съ Византіей, какъ съ средоточіемъ восточнаго православія, въ непрерывныхъ и живыхъ сношеніяхъ, въ которыхъ византійская политика относительно Персіи почерпала важныя выгоды. Посему персидское правительство весьма охотно согласилось на предложенную вкрадчивыми несторіянами мѣру, которая разомъ пресѣкала всѣ сношенія персидскихъ христіянъ съ Византіей, именно: на признаніе несторіянскаго вѣроисповѣданія изъ всѣхъ христіянскихъ исключительно терпимымъ въ Персіи. Мѣра удалась совершенно. Послѣ страшныхъ гоненій, воздвигнутыхъ царемъ Ѳерозомъ на православныхъ, не согласившихся на вѣроотступничество, всѣ христіянскія церкви въ Персіи очутились въ рукахъ несторіянъ, и съ тѣхъ поръ сношенія персидскихъ христіянъ съ Византіей, вслѣдствіе укоренившагося разномыслія, совершенно прекратились.

Въ самомъ концѣ V вѣка былъ созванъ большой несторіянскій соборъ, утвердившій всѣ заблужденія Несторія и всѣ измѣненія въ церковномъ чинѣ, сдѣланныя его послѣдователями. На этомъ соборѣ несторіянскій епископъ Селевкій, именемъ Бабей, былъ окончательно признанъ патріархомъ несторіянской церкви и названъ патріархомъ всего востока: именованіе, принадлежавшее до той поры единственно антіохійскому патріарху [1]. Это время почитается обыкновенно началомъ самостоятельнаго существованія несторіянской церкви.

Вслѣдъ затѣмъ несторіянство съ необычайнымъ успѣхомъ и быстротой распространилось по всей средней и южной Азіи: въ началѣ VI вѣка несторіянъ встрѣчали уже въ Индіи, Китаѣ, Счастливой Аравіи, Сокотрѣ и другихъ мѣстахъ востока. Въ Китаѣ, какъ и въ Персіи, это ученіе пользовалось полною свободой проповѣди не только въ народѣ, но и при дворѣ.

Въ VII вѣкѣ, когда вмѣстѣ съ ученіемъ Магомета распространилось по востоку владычество его послѣдователей, несторіяне успѣли стать къ новымъ повелителямъ востока еще въ лучшія отношенія чѣмъ къ персидскимъ царямъ.

---

[1] Православный антіохійскій патріархъ доселѣ сохраняетъ въ своемъ титулѣ это именованіе: Патріархъ Божія града Антіохіи и всего Востока.

Самъ Магометъ былъ къ нимъ очень благосклоненъ и даровалъ имъ особыя льготы и права, неизвѣстныя подвластнымъ ему христіянамъ другихъ исповѣданій; обыкновенно полагаютъ, что ту часть своего ученія, которая отзывается христіянскими понятіями, Магометъ заимствовалъ изъ несторіянскихъ источниковъ. Преемники Магомета, аравійскіе халифы, извѣстные покровители искусствъ и знаній, съ особеннымъ благорасположеніемъ смотрѣли на эту секту, отличавшуюся любовію къ наукѣ, и во многихъ отрасляхъ человѣческаго вѣдѣнія оказавшую значительные успѣхи.. Наука не можетъ безъ искренней признательности вспомнить о томъ, что сохраненіемъ многихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ умственной дѣятельности древнихъ она обязана несторіянамъ.

Понятно, что несторіяне успѣли занять при дворѣ халифовъ всѣ важныя должности, требовавшія особыхъ познаній и умственныхъ даровъ. Своимъ вліяніемъ они упрочили положеніе своей церкви въ предѣлахъ подвластныхъ халифамъ, и изъ раззоренной Селевкіи перенесли каѳедру своего патріарха въ резиденцію халифовъ, Багдадъ. Многія episkopскія каѳедры были вновь учреждены по различнымъ мѣстамъ востока, такъ что въ половинѣ XIII вѣка подъ властію несторіянскаго патріарха насчитывалось до тридцати митрополій, разсѣянныхъ по всему обширному пространству средней и южной Азіи.

Ударъ, нанесенный владычеству Аравитянъ татарскими ордами, былъ также тяжкимъ ударомъ и для несторіянской церкви. Сначала впрочемъ ханы не только не преслѣдовали несторіянъ, но даже покровительствовали имъ; одна изъ татарскихъ династій, Окъ-Ханъ, принадлежала сама къ несторіянскому исповѣданію. Полагаютъ также, что жена знаменитаго Чингисъ-хана была несторіянка. Но къ концу XIII вѣка, обстоятельства несторіянъ измѣняются, и на нихъ воздвигаются, одно за другимъ, страшныя гоненія, изъ которыхъ самое безпощадное и губительное для нихъ было при Тамерланѣ. Этотъ кровожадный ханъ преслѣдовалъ ихъ съ неутомимостію, приводящею въ изумленіе; такъ что къ концу его царствованія, отъ этой могущественной, недавно столь цвѣтущей, счастливой и просвѣщенной секты, остались небольшія жалкія кучки, успѣвшія скрыться въ неприступныхъ возвышенностяхъ Курд-

скаго хребта, около котораго они живутъ и донынѣ претерпѣвая безпрестанныя гоненія отъ Турокъ и Персовъ. Изъ преслѣдованій постигшихъ несторіянъ въ болѣе близкое къ намъ время, особенно памятны для нихъ тѣ, которымъ они подверглись въ XVII вѣкѣ по вліянію латинскихъ миссіонеровъ, видѣвшихъ въ этомъ вѣрное и простое средство для успѣха въ своихъ намѣреніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, предпринятыя латинами мѣры оказались дѣйствительными: выше было сказано, что въ XVII вѣкѣ всѣ несторіяне, живущіе по долинамъ облегающимъ турецкую часть Курдскихъ горъ, были обращены въ латинство, въ которомъ и до нашего времени пребываютъ. Только тѣ изъ нихъ сохранили независимость своего исповѣданія и спасли самостоятельное бытіе своей церкви, которые успѣли скрыться въ горахъ недоступныхъ гонителямъ. Въ этомъ главная причина общей ненависти несторіянъ къ латинской церкви, которая, несмотря на крайнія усилія своихъ миссіонеровъ и неисчислимыя вещественныя средства находящіяся въ ихъ распоряженіи, почти вовсе не пріобрѣтаетъ между ними прозелитовъ.

Въ настоящее время несторіяне находятся въ крайнебѣдственномъ положеніи. Кромѣ нѣкоторой ихъ части, состоящей подъ вліяніемъ американскихъ миссіонеровъ (къ ихъ числу принадлежатъ, какъ мы видимъ изъ *Современной Лѣтописи*, и лондонскіе гости), помогающихъ имъ какъ въ нравственныхъ, такъ и въ вещественныхъ нуждахъ, остальные живутъ въ бѣдности, въ совершенномъ невѣжествѣ и постоянномъ страхѣ не-христіанскихъ правительствъ, которымъ они подвластны. Не говоря уже о мірянахъ, въ самомъ духовенствѣ ихъ почти вовсе нѣтъ людей просвѣщенныхъ въ настоящемъ значеніи слова; немногіе изъ представителей несторіянскаго клира въ состояніи съ точностію опредѣлить основныя положенія ихъ вѣроисповѣданія и разъяснить существенныя отличія его отъ иныхъ христіянскихъ вѣроученій. Собственная ихъ исторія также очень мало имъ извѣстна, и всѣ свѣдѣнія о ней, какія мы имѣемъ, почерпаются обыкновенно изъ изслѣдованій европейскихъ ученыхъ. Лучшимъ сочиненіемъ по этой части почитается книга Англичанина Баджера; не мало также извѣстій объ этой сектѣ,

этнографическихъ и историческихъ, заключается въ періодическихъ изданіяхъ латинскихъ миссіонеровъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ англійскомъ народѣ, къ сочувствію котораго обратились несторіяне чрезъ посредство священника Іоганны и діакона Йицкехана, всегда найдутся люди, готовые съ теплымъ участіемъ внять воплю всякой бѣдствующей христіянской церкви; что же касается до несторіянъ, то они, по нѣкоторымъ причинамъ, могутъ надѣяться на особое вниманіе и покровительство Англичанъ.

Главная причина состоитъ конечно въ томъ, что Англія считаетъ одною изъ священнѣйшихъ своихъ обятанностей поддерживать дѣйствія протестантскихъ миссіонерскихъ обществъ на всемъ земномъ шарѣ, и на этотъ предметъ тратитъ, какъ извѣстно, огромныя суммы; несторіяне же до сихъ поръ ни съ кѣмъ изъ представителей всѣхъ христіянскихъ исповѣданій не вступали въ такія тѣсныя отношенія, какъ съ американскими протестантскими миссіонерами, дѣйствующими преимущественно въ Персіи и пользующимися постояннымъ покровительствомъ британскаго посольства.

Американскіе миссіонеры успѣли уже подчинить своему вліянію болѣе половины урмійскихъ несторіянъ; но это не потому, какъ думаютъ иные, что несторіяне близки будто бы къ протестантамъ по своимъ церковнымъ понятіямъ. Правда, что изъ всѣхъ восточныхъ христіянскихъ церквей нѣтъ ни одной, которая такъ далеко ушла бы отъ апостольскаго ученія и преданій первенствующей церкви, какъ несторіянская; справедливо также и то, что ни одно изъ христіянскихъ обществъ на востокѣ не отличается такою разрозненностію въ понятіяхъ о собственномъ вѣроисповѣданіи, какъ несторіянское; яковиты, напримѣръ, или Армяне, или Копты, имѣютъ строго опредѣленныя догматическія понятія, стройный чинъ богослуженія и вообще имѣютъ видъ религіозныхъ обществъ, хотя и заблуждающихся въ нѣкоторыхъ предметахъ вѣры, но въ точности знающихъ свои вѣрованія и свое отличіе отъ другихъ церквей. Несторіяне же не имѣютъ точной, строго опредѣленной символики, и даже образованнѣйшіе люди изъ ихъ духовенства затруднились бы изложить всѣ особенности нынѣшняго несторіянскаго вѣроученія, а тѣмъ болѣе объяснить ихъ историческое происхожденіе. Они находятся

въ состояніи разрозненности и смущенія, и въ этомъ смыслѣ дѣйствительно подобны протестантамъ. Но въ числѣ ихъ вѣрованій есть такія, какихъ не согласится признать ни одно отдѣленіе протестантской церкви: кромѣ основнаго догмата Несторіева, въ ихъ ученіи есть слѣды вліянія Пелагіянскаго, Оригеновскаго и даже языческихъ сектъ. И наоборотъ въ ихъ ученіи, и особенно въ обрядословіи, есть такія древнія церковныя черты, по которымъ они гораздо ближе къ другимъ церквамъ апостольскимъ, преимущественно къ православной, нежели къ протестантству. И потому несправедливо приписывать успѣхи протестантскихъ миссіонеровъ между несторіянами какой-либо положительной близости вѣрованій того и другаго общества; гораздо вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, объяснять эти успѣхи тѣмъ, что американскіе протестанты вовсе не касаются тѣхъ вопросовъ христіянской догматики, которые могли бы подать поводъ къ препирательству и раздору. Они не имѣютъ прямаго и непремѣннаго намѣренія обращать несторіянъ въ свою вѣру (что было бы отчасти и не сообразно съ ихъ собственнымъ ученіемъ о свободѣ въ дѣлѣ вѣры всякаго личнаго убѣжденія) и довольствуется тѣмъ, что помогаютъ бѣдствующей общинѣ во всѣхъ ея нуждахъ, вещественныхъ, нравственныхъ и гражданскихъ. Во имя христіянской любви, они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знаній и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволенію самихъ несторіянъ.

Когда американскіе протестанты въ первый разъ проникли въ селенія урмійскихъ несторіянъ (это было лѣтъ 30 тому назадъ), они не нашли у нихъ ни одного экземпляра какой бы то ни было печатной книги: даже Св. Писаніе и другія богослужебныя книги были у нихъ рукописныя. И доселѣ у нихъ въ большой чести нѣкоторыя рукописные экземпляры Св. Писанія, которымъ они насчитываютъ безъ малаго 1000 лѣтъ, и которые до введенія печатныхъ экземпляровъ были особенно для несторіянъ важны, какъ вѣрнѣйшіе, по ихъ мнѣнію, кодексы Св. Писанія [1]. Американцы первые познакомили несторіянъ

[1] Вотъ истинная причина уваженія ихъ къ книгамъ Св. Писанія, а не та, о которой говоритъ корреспондентъ *Современной Лѣтописи:* это вовсе

съ искусствомъ книгопечатанія; они завели у нихъ (въ Персіи) типографію, въ которой напечатали всѣ священныя ихъ книги. Въ настоящее время, даже тѣ изъ урмійскихъ несторіянъ, которые чуждаются Американцевъ (а такихъ половина), пользуются плодами ихъ просвѣтительной дѣятельности и имѣютъ печатные экземпляры слова Божія, выпущенные изъ заведенной Американцами типографіи, не только на древнемъ сирскомъ языкѣ, но и въ переводѣ, совершенномъ тѣми же миссіонерами, на нынѣшній халдейскій языкъ.

Американцы же поспѣшили завести во всѣхъ несторіянскихъ селеніяхъ, подчинившихся ихъ вліянію, приспособленныя къ потребностямъ и умственному состоянію жителей школы. Въ 1860 году ихъ было по разнымъ селамъ болѣе 50; кромѣ того, двѣ въ самомъ городѣ Урміи, одна для мальчиковъ, другая для дѣвочекъ; наконецъ въ Сыръ-Дагѣ они учредили центральное училище, въ родѣ нормальной школы, въ которомъ приготовляются изъ несторіянскихъ же юношей учители въ сельскія и урмійскія училища.

Американцами же заведена тамъ аптека, раздающая безмездно врачебныя пособія; при ней состоитъ и безмездный врачъ, готовый всегда и всюду спѣшить на приглашенія больныхъ бѣдняковъ.

Нечего и говорить о томъ, что во всякихъ другихъ житейскихъ нуждахъ Американцы не оставляютъ несторіянъ безъ своей щедрой помощи: они дарятъ имъ земледѣльческія и другія ремесленныя орудія, хлѣбныя сѣмена и т. п.

Наконецъ во всѣхъ непріятныхъ встрѣчахъ Несторіянъ съ персидскими мѣстными властями, которыхъ лихоимство превосходитъ всякое вѣроятіе, Американцы поручаютъ ихъ крѣпкой и надежной защитѣ британскаго посольства.

Для представителей такъ-называемой *высокой церкви* (high church) существуютъ еще особыя побужденія быть внимательными къ несторіянскимъ путешественникамъ, если только съ ихъ прибытіемъ связанъ какой-либо церковный вопросъ. Поставленная изначала во враждебныя от-

---

не протестантская черта, какъ думаетъ корреспондентъ, а понятное благоговѣніе къ священнымъ спискамъ, хранящимъ истинный образъ Божія слова.

ношенія къ церкви римской и, по одному изъ основныхъ своихъ принциповъ, почитающая протестантство важнымъ религіознымъ заблужденіемъ, эта церковь съ весьма понятнымъ сочувствіемъ обращаетъ взоры свои къ христіянскому Востоку и ищетъ съ нимъ соглашенія и союза въ дѣлѣ вѣры. Извѣстно обращеніе ея къ новоучрежденному русскому синоду въ 1723 году и отвѣтъ на это обращеніе восточныхъ патріарховъ, которымъ мы немедленно сообщили грамоту англиканцевъ. Не кончившаяся полнымъ успѣхомъ попытка осталась во всякомъ случаѣ знакомъ искренняго и сильнаго сочувствія англиканцевъ къ православной церкви, и кто знаетъ? можетъ-быть залогомъ новыхъ болѣе успѣшныхъ сношеній и переговоровъ.

Съ тѣхъ поръ, не смотря на то что никакихъ офиціяльныхъ сношеній [1] между англиканскою и православною церковію не было, сочувствіе англиканцевъ къ намъ не уменьшилось, но достигло напротивъ весьма значительныхъ размѣровъ, ооособенно со временъ извѣстнаго доктора Пьюзея, котораго послѣдователи, обратившись къ глубокому изслѣдованію писаній древнихъ отцовъ церкви и вообще церковной древности, пришли къ неизбѣжнымъ для безпристрастныхъ изслѣдователей выводамъ о превосходствѣ нашего вѣроученія передъ всѣми другими христіянскими, другими словами, о преимущественно апостольскомъ характерѣ православной восточной церкви.

Въ такомъ духѣ писали многіе изъ ученыхъ представителей высокой церкви: Ниль, Аллайисъ (Allies) и особенно извѣстный въ Россіи Палмеръ, бывшій архидіаконъ англиканской церкви, въ настоящее же время латинскій священникъ. Извѣстно, что этотъ замѣчательный человѣкъ искалъ соединенія съ православною церковію, которую предварительно изучилъ съ пристыжающею насъ обстоятельностію, и для этой цѣли долго жилъ въ Россіи и

---

[1] Кромѣ впрочемъ одного случая, бывшаго въ 1857 г. Когда живущій въ Іерусалимѣ англиканскій епископъ Гоббатъ позволилъ себѣ присоединить къ англиканской церкви нѣсколькихъ православныхъ жителей Востока; тогда огромное число членовъ High Church составили на греческомъ языкѣ протестъ противъ такого небратолюбиваго поступка своего епископа и представили этотъ поступокъ на видъ восточнымъ патріархамъ и нашему синоду. Намъ случилось видѣть и прочесть этотъ протестъ; но о томъ, какъ онъ былъ принятъ, мы нечего не знаемъ.

на Востокѣ; но разность въ чинѣ пріятія иновѣрцевъ въ лоно церкви, существующая съ 1756 году между Русскою и Греческою церковію и къ великому сожалѣнію и вреду до сихъ поръ не уничтожаемая, послужила тому препятствіемъ.

Въ недавнее время нашлись впрочемъ между Англичанами болѣе рѣшительные люди, которые не запнулись и объ это препятствіе и сдѣлались членами православной церкви: мірянинъ Стефанъ Гадерлей (Gatherley) въ 1553 году принятъ былъ въ нѣдра православія настоятелемъ греческой въ Лондонѣ церкви, по чину греческому, то-есть, черезъ повтореніе надъ нимъ крещенія; и священникъ англиканской церкви, Ричардсонъ, въ прошломъ году вступилъ въ православную церковь въ Ниццѣ, гдѣ настоятель нашей посольской церкви совершилъ надъ нимъ таинство муропомазанія. [1]

Но, отдавая честь и преимущество нашей церкви, churchmen'ы не почитаютъ ея однако единою истинною; въ противномъ случаѣ они обязаны были бы передъ своею совѣстію немедленно къ ней присоединиться. Какъ извѣстно, они смотрятъ на раздѣленіе христіянскихъ церквей съ своей особенной точки зрѣнія: не почитая ни одной изъ нихъ, въ томъ числѣ и своей, исключительнымъ хранилищемъ откровенной истины, ясно опредѣленной апостолами и соборами, они полагаютъ, что всѣ собственно апостольскія церкви, то-есть, имѣющія правильную и въ непрерывномъ преемствѣ отъ апостоловъ идущую іерархію, получили въ свой удѣлъ храненіе, одна большей, другая меньшей доли христіянской истины, и находятся только въ наружномъ раздѣленіи и отчужденіи, на самомъ дѣлѣ существенно свя-

---

[1] Древняя христіанская церковь, для принятія въ свое лоно отступившихъ отъ общенія съ нею и вновь къ ней обращающихся, учредила три способа или чина, соотвѣтственно разнымъ степенямъ уклоненія отъ истины: самыхъ злыхъ еретиковъ перекрещивали, второй степени отщепенцевъ мазали муромъ, наконецъ впавшихъ въ легкое разномысліе съ нею обязывали къ всенародному отреченію отъ заблужденія. На Московскомъ соборѣ 1667 г. мы были вразумлены восточными патріархами и стали латинъ принимать по второму чину, вмѣсто перваго, котораго держались по ошибочному опредѣленію московскаго же собора 1621 года; сами же Греки въ послѣдствіи, именно въ 1756 году, издали новое опредѣленіе (ὅρος), которымъ повелѣвалось съ той поры латинъ вновь крестить, какъ не погруженныхъ, а потому будто бы и не крещенныхъ (ἀβαπτίστους ἀκολούθως ἀβαπτίστους).

заны между собою таинственнымъ союзомъ и составляютъ единое тѣло. Этимъ взглядомъ на взаимныя отношенія христіянскихъ церквей объясняется то горячее участіе, которое принимаютъ представители англиканской высокой церкви въ судьбѣ всѣхъ древнихъ не-православныхъ (о православномъ уже говорено) исповѣданій Востока. Участіе ихъ выражается не въ однихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ прошедшей исторіи и современнаго состоянія этихъ малоизвѣстныхъ міру церквей, но и въ человѣколюбивыхъ предпріятіяхъ имѣющихъ цѣлію внести свѣтъ науки и благодѣянія цивилизаціи въ нѣдра этихъ обществъ, погруженныхъ въ глубокій мракъ.

Въ нашихъ духовныхъ журналахъ (*Прав. Обозр.* 1860. Іюнь) была въ сокращеніи напечатана переписка знаменитаго англиканскаго миссіонера Вульфа, служившаго на Востокѣ дѣлу христіанства болѣе сорока лѣтъ, съ ученымъ профессоромъ Кембриджскаго университета, г. Вильямсомъ, также весьма извѣстнымъ на востокѣ, гдѣ онъ прожилъ довольно долго въ 40-хъ годахъ и вошелъ въ близкія сношенія съ представителями всѣхъ христіянскихъ церквей. Переписка эта касалась учрежденія въ какомъ-либо мѣстѣ Англіи такихъ училищъ, въ которыхъ восточные юноши и отроки изъ Армянъ, коптовъ, яковитовъ и друг. (также и изъ православныхъ) могли бы, сохраняя полную независимость религіозныхъ убѣжденій, получать столь дорогое для нихъ и, къ сожалѣнію, столь рѣдкое между ними общечеловѣческое просвѣщеніе.

Г. Вильямсъ имѣлъ намѣреніе учредить для этой цѣли въ Кембриджскомъ университетѣ двѣ особыя коллегіи, одну для православныхъ учениковъ другую для монофизитскихъ (Армянъ, яковитовъ, Коптовъ). Для осуществленія своей превосходной мысли онъ ѣздилъ еще разъ, въ томъ же 1860 году, на востокъ, былъ и въ Россіи, гдѣ надѣялся найдти ей сочувствіе и поддержку; но, какъ кажется, не имѣлъ успѣха.

Несторіянская церковь, съ англиканской точки зрѣнія, заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и церкви монофизитскія. Хотя она, какъ сказано выше, гораздо далѣе ушла отъ древнихъ церковныхъ постановленій чѣмъ церковь, напримѣръ, яковитская или армянская; но въ глазахъ англиканцевъ и она есть малая числомъ членовъ, но великая значеніемъ, отрасль христіянства. Несторіянская цер-

ковь сохраняетъ доселѣ непрерывно преемственную іерархію, чего нельзя сказать о самой англиканской церкви, хотя, дорожа этимъ высокимъ преимуществомъ, она и усиливается доказать, что происшедшая въ Англіи въ XVI вѣкѣ церковная реформа ни на минуту не прерывала іерархическаго преемства. [1]

Несторіянская церковь хранитъ въ своемъ ритуалѣ такія важныя особенности, которыя весьма дороги для защитниковъ истинной церковной древности и могутъ служить преимущественно для православнаго полемика весьма сильными и ясными доказательствами, съ одной стороны, противъ латинскихъ, съ другой, протестантскихъ заблужденій. Въ числѣ другихъ особенностей этого рода, о которыхъ не находимъ умѣстнымъ распространяться, не можемъ не указать на одну: несторіяне пріобщаются не только подъ двумя видами (sub utraque specie): но и порознь отъ тѣла и крови, какъ было въ самыя древнѣйшія времена христіянской исторіи.

Наконецъ должно указать и на то, что несторіяне не въ первый разъ видятъ Лондонъ и входятъ въ сношеніе съ Англичанами. Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія тотъ же самый Палмеръ, о которомъ выше была рѣчь, тогда еще англиканскій архидіаконъ, имѣлъ отъ своей церковной власти порученіе вести съ ними переговоры о соединеніи церквей чрезъ посредство несторіянина Расама, бывшаго въ то время собственно для этой цѣли въ Лондонѣ, въ настоящее время англійскаго консула (если намъ не измѣняетъ память) въ Мосулѣ. Переговоры эти не имѣли никакихъ важныхъ послѣдствій; но въ подобныхъ дѣлахъ было бы неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Не малый успѣхъ слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ случаяхъ и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбныя и довѣрчивыя сношенія. Эта религіозная жадность, если можно такъ выразиться, составляющая одну изъ непріятныхъ чертъ

---

[1] Въ 1860 г. намъ случилось видѣть въ рукахъ г. Вильямса только что отпечатанную книгу, въ которой исчислены по ряду всѣ архіепископы англиканской церкви, отъ перваго просвѣтителя Англіи до нынѣшняго ея примаса, именно съ этимъ намѣреніемъ.

въ поведеніи латинскихъ миссіонеровъ, должна быть чужда всякому, кто въ сношеніяхъ съ разномыслящими христіянами желалъ бы придти къ успѣшному и въ то же время достойному предмета концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени. *О семъ слово есть истинное, яко инъ есть сѣяй, и инъ есть жнѣй.*

Впрочемъ, обличая непріятную черту церкви римской, мы не имѣли нисколько въ виду ея безпокойной, лихорадочной дѣятельности противупоставить, какъ достоподражаемый образецъ, наше собственное равнодушіе и бездѣйствіе. Нѣтъ! мы далеки отъ подобнаго ласкательства, или ослѣпленія, и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую впрочемъ имѣютъ нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно *стоять* въ ней и нѣтъ обязанности *ходить* съ ея благовѣствованіемъ по всему лицу земли. Такіе мертвые хранители случайно и безъ всякой съ ихъ стороны заслуги принадлежащей имъ истины забываютъ, что истина болѣе чѣмъ что-либо другое *обязываетъ*, и что не исполнившій дѣломъ своихъ обязанностей передъ нею напрасно сталъ бы уповать на то, что онъ исповѣдовалъ ее устами. *Покажи мнѣ вѣру твою отъ дѣлъ твоихъ.*

Даръ истины и вѣры дается не для скупаго храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто, по судьбамъ Промысла еще не одаренъ ихъ свѣтомъ. Наше общее спасеніе вѣрено нашимъ же общимъ усиліямъ, союзу нашей взаимной любви. Эти сонливые христіане не замѣчаютъ того, что ихъ понятія о долгѣ благовѣстія, еслибъ они по несчастію сдѣлались у насъ общими (чего конечно не будетъ), могли бы доставить латинамъ самое полное и легкое торжество надъ нами и покрыть насъ стыдомъ: ибо кто могъ бы сохранить уваженіе къ церкви, которая бездѣйствуетъ не по силѣ встрѣчаемыхъ ею препятствій и по недостатку средствъ къ дѣятельности, даже не по равнодушію, а по сознательному убѣжденію? Они забываютъ и то, что съ ихъ точки зрѣнія представляются безполезными и суетными апостольскіе труды нашихъ собственныхъ, не многочисленныхъ, но достойныхъ вѣчной и неувядаемой славы благовѣстниковъ, съ самоотверженіемъ обходящихъ безлюдныя и суровыя пустыни Камчатки, Сѣверной Америки, острововъ Восточ-

наго океана и Алтая, чтобы пріобрѣсти Христу сидящихъ во тьмѣ людей.

Не вспоминаютъ они и того, что наше собственное просвѣщеніе христіянскою вѣрою, равно какъ и всѣхъ прочихъ Славянъ, [1] есть плодъ благовѣстительныхъ подвиговъ греческой церкви. И если въ IX и X вѣкахъ восточная церковь почитала дѣло проповѣди святымъ и апостольскимъ, то почему въ настоящее время было бы позволительно намъ измѣнить о немъ мнѣніе? Неужели только потому, что противники нашей церкви въ этой отрасли христіянской дѣятельности успѣваютъ несравненно болѣе насъ? Причина не достойная истинной церкви, къ которой мы имѣемъ счастіе принадлежать и которая, вопреки странному заблужденію нѣкоторыхъ своихъ членовъ, никогда не отречется отъ послѣдованія божественному примѣру Спасителя.

Тѣ части православной церкви, которыя стонутъ на востокѣ подъ игомъ невѣрныхъ и въ то же время отражаютъ безстыдные натиски западной лжебратіи, конечно не могутъ и подумать въ настоящее время о трудахъ благовѣстія. Сами нуждаясь во всемъ, могутъ ли они благотворить неимущимъ? Сами лишенные средствъ къ образованію, могутъ ли они дѣлиться съ другими тѣмъ чего не имѣютъ? Имъ не до миссій: единственная забота ихъ въ настоящее время — собственная оборона. Съ нихъ пока довольно и той славы, что въ страшный четырехсотлѣтній періодъ порабощенія они соблюли неизмѣнную вѣрность своему исповѣданію.

Но мы, свободные, сильные и имущіе, можемъ ли пренебречь дѣломъ благовѣстія безъ опасенія подвергнуться общему порицанію и, что̀ гораздо важнѣе, удалить отъ нашихъ собственныхъ начинаній и дѣлъ благословеніе Божіе?

Конечно, и въ нашей жизни могутъ быть такія времена, когда иныя заботы и трудности важныхъ общественныхъ задачъ не дадутъ заняться этимъ дѣломъ съ полнымъ вни-

---

[1] Изслѣдованіями ученыхъ славянскихъ положительно доказано, что всѣ славянскіе народы приняли христіянство первоначально отъ восточной церкви, и только въ послѣдствіи западная часть ихъ подпала подъ власть папъ.

маніемъ и удѣлить на него такое количество средствъ, какого оно, по важности своей, заслуживало бы. Къ такимъ временамъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ и то, которое мы переживаемъ. Но и въ такую трудную пору мы должны, въ возможной для насъ мѣрѣ, пользоваться всѣми случаями просвѣщать незнающихъ Христова ученія и вразумлять тѣхъ, которые въ чемъ-либо уклонились отъ праваго разумѣнія его, и вмѣстѣ съ свѣтомъ вѣры распространять между обдѣленными судьбою народами блага знаній и общежитія.

Конечно, у насъ въ этомъ отношеніи не мало заботъ, такъ сказать, домашнихъ: въ нашемъ отечествѣ много еще язычниковъ, магометанъ, Іудеевъ; у насъ есть поповщина, безпоповщина, молоканы, скопцы, духоборцы, странники и т. п. Но какъ ни велики эти домашнія заботы, онѣ не могутъ однако освободить насъ отъ всякаго попеченія о внѣшнихъ сношеніяхъ по дѣламъ вѣры. Не говоримъ объ общеніи въ вѣрѣ и въ вещественныхъ благахъ съ нашими единовѣрцами: эту обязанность мы стараемся по возможности исполнять съ усердіемъ. Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что и эти дѣла могли бы идти лучше: напримѣръ, мы могли бы лучше знать единовѣрный намъ востокъ, его дѣйствительное положеніе и нужды, взаимныя отношенія входящихъ въ составъ православной церкви народовъ; могли бы изучать языки и исторію нашихъ единовѣрцевъ и т. д. Мы многое могли бы еще дѣлать кромѣ того что̀ дѣлаемъ; но теперь не о томъ рѣчь.

Мы полагаемъ, что и неправославныя восточныя церкви, издревле отдѣлившіяся отъ общенія съ нами, должны бы по всему возбуждать въ насъ гораздо болѣе участія чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ возбуждаютъ, возбуждать по крайней мѣрѣ нашу любознательность. Многіе ли у насъ знаютъ, что Копты и Абиссинцы исповѣдаютъ христіанскую вѣру? Кто слыхалъ о яковитахъ? А между тѣмъ всѣ эти отдѣлы одной древней монофизитской церкви, за исключеніемъ своего основнаго заблужденія [1], которое большею ихъ ча-

[1] Въ противность несторіянамъ, монофизиты признаютъ во Христѣ не только единое лицо, но и одну природу.

стію поддерживается по недоразумѣнію, весьма близки къ нашей церкви и сохраняютъ въ своемъ обрядѣ много весьма замѣчательныхъ особенностей, подтверждающихъ древность и истину православнаго преданія. Они гораздо ближе къ намъ чѣмъ къ какой-либо западной церкви; и они нисколько насъ не чуждаются. Напротивъ, по свидѣтельству всѣхъ, входившихъ съ ними въ сношенія, оказываютъ не малую готовность къ сближенію съ нашею церковью.

Объ Абиссинцахъ и Шойцахъ, составляющихъ особую отрасль этого племени, но содержащихъ ту же вѣру, сказать въ этомъ отношеніи нечего, ибо никто изъ Русскихъ не проникалъ къ нимъ и не заводилъ съ ними никакихъ сношеній: хотя этотъ народъ, съ 8.000.000 населенія, имѣющій своего независимаго царя и исповѣдующій вѣру весьма близкую къ православной, конечно заслуживалъ бы нашего вниманія. Для предпріимчиваго русскаго путешественника мало, по нашему мнѣнію, болѣе заманчивыхъ задачъ, какъ посѣщеніе этого мало извѣстнаго и столь любопытнаго народа. Съ Коптами, патріарху которыхъ подчинена и абиссинская церковь, ознакомиться и сблизиться было бы гораздо удобнѣе: они и живутъ не въ такой дали (ихъ довольно и въ Іерусалимѣ), и очень хорошо знаютъ православную церковь и свою близость къ ней. Недавно (въ прошломъ, кажется, году) скончавшійся коптскій патріархъ, по свидѣтельству знаменитаго путешественника нашего архимандрита Порфирія (Успенскаго), питалъ къ нашей церкви живое сочувствіе.

Даже въ Армянахъ, которые пользуются несравненно бо́льшимъ благоденствіемъ и независимостію, имѣютъ свою богатую исторію и связанныя съ нею преданія, обыкновенно препятствующія признанію чужаго превосходства, въ послѣднее время замѣчается наклонность къ сближенію съ православною церковью, чему доказательствомъ могутъ служить довольно многочисленныя и конечно совершенно добровольныя обращенія Армянъ, совершающіяся на Востокѣ.

Яковиты, живущіе въ Сиріи, Месопотаміи и частію въ англійской Индіи (на Малабарскомъ берегу), въ 1851—1853 годахъ вели дѣятельные переговоры съ нашимъ константинопольскимъ посольствомъ и, по увѣренію посредника

ихъ [1], были весьма не далеки отъ рѣшительнаго соединенія съ нами. Война 1853—56 годовъ прервала эти сношенія, которыя были впрочемъ съ ихъ стороны возобновлены тотчасъ по заключеніи мира; но неизвѣстныя намъ причины помѣшали развитію этихъ сношеній и вожделѣнному для церкви исходу ихъ [2].

Не такъ близка къ нашему вѣроисповѣданію церковь несторіянская; но и на нее мы имѣемъ обязанность обратить свое вниманіе и пользоваться тѣми случаями и обстоятельствами, которые представляются намъ для общенія и сближенія съ нею.

По окончаніи послѣдней персидской войны (1829 г.), около ста несторіянскихъ семействъ переселилось изъ окрестностей Урміи въ наши предѣлы и помѣстились въ Закавказьи, именно: близъ Эривани, въ трехъ селеніяхъ, Куйласарѣ, Дуйюнѣ и Гкёли. Лѣтъ черезъ десять послѣ переселенія, они приняли православную вѣру; имъ построена была (конечно не безъ препятствій со стороны мѣстной полиціи) церковь, при которой священникомъ и до сихъ поръ состоитъ обращенный изъ несторіянъ священникъ же Іоаннъ (бывшій маръ-Йоганна) Ильинъ; часть православнаго богослуженія была переведена тогда же на ихъ айсорскій (халдейскій) языкъ [3].

---

[1] Сирійскаго уроженца Н. Г. Шаміе. Г. Шаміе происходитъ изъ древняго и всѣми православными на востокѣ уважаемаго рода. Онъ защитникъ правъ своего отвсюду притѣсняемаго племени и вѣрный слуга Россіи, оказавшій ей не малыя услуги во время послѣдней турецкой войны. Ему же принадлежитъ начинаніе радостнаго для православной церкви событія. недавно совершившагося присоединенія къ ней мелькитовъ (Грекo-уніитовъ). Г. Шаміе племянникъ, извѣстнаго логоѳета антіохійскаго престола г. Шаміе, котораго церковныя заслуги недавно почтены царскимъ даромъ.

[2] Въ 1852—53 годахъ, когда происходили эти переговоры, бывшій настоятель нашей посольской церкви въ Константинополѣ, ученый архимандритъ Софонія, перевелъ, при участіи того же г. Шаміе, яковитскую литургію на русскій языкъ. Тому же архимандриту Софоніи принадлежитъ превосходная записка о современномъ состояніи и бытѣ яковитовъ. Къ сожалѣнію, и тотъ и другой трудъ о. Софонія доселѣ остается въ рукописи, слѣдовательно неизвѣстнымъ для русскаго общества, которое слѣдовало бы знакомить съ учеными трудами духовныхъ лицъ, способными уничтожать весьма сильно распространенное предубѣжденіе противъ духовенства.

[3] Несторіяне имѣютъ очень много названій. Турки зовутъ ихъ Наза-

Какъ слышно, религіозное и умственное состояніе этихъ недавнихъ нашихъ единовѣрцевъ не таково, чтобы мы могли почить отъ всякихъ заботъ о нихъ. До сихъ поръ они не только не имѣютъ полнаго круга православныхъ бого-, служебныхъ книгъ на своемъ языкѣ; но и та небольшая часть ихъ, которая переведена была въ самую минуту ихъ соединенія съ нами, требуетъ тщательнаго исправленія и въ особенности пополненія. Изъ переписки съ лицомъ, бывшимъ въ ихъ селеніяхъ и внимательно обозрѣвшимъ положеніе православныхъ Айсоровъ, намъ извѣстно, что у нихъ нѣтъ очень важныхъ принадлежностей богослуженія: они не знаютъ ни тропарей, ни кондаковъ, ни прокимновъ, ни причастныхъ, ни стихиръ и т. д. Даже литургія переведена далеко не вся, такъ что у нихъ нѣтъ и Херувимской пѣсни.

Между тѣмъ Айсоры не знаютъ славянскаго языка и слѣдовательно по необходимости остаются при томъ укороченномъ и изуродованномъ чинѣ богослуженія, который находятъ въ своихъ неудовлетворительно переведенныхъ служебникѣ и часословѣ. Не лежитъ ли на насъ прямой и неотмѣнной обязанности позаботиться о немедленномъ и исправномъ переводѣ всего православнаго богослужебнаго круга на языкъ Айсоровъ и такимъ образомъ доставить имъ средство узнать ближе ученіе и чинъ той церкви, въ которую они вступили?

Съ другой стороны не достойно ли нашей просвѣтительной ревности завести въ этихъ айсорскихъ селеніяхъ русскія школы, въ которыхъ дѣти недавно пріобрѣтенныхъ нами братьевъ изучали бы русскій и славянскій языки (кромѣ конечно другихъ предметовъ первоначальнаго обученія) и чрезъ то получили бы еще особый, лишній способъ уразумѣвать свою церковь и ея ученіе, а сверхъ того мало-по-малу знакомиться съ русскою, и чрезъ нее съ общечеловѣческою, образованностію.

реями (Насара), какъ христіанъ; Персы, кажется, также; Армяне зовутъ ихъ Айсорами, или Ассори (Ассурами, Ассиріянами); мы зовемъ ихъ именемъ ереси, котораго они не терпятъ, почитая себя совершенно православными. Сами себя зовутъ они Халдеями, съ гордостію указывая на древность своего рода.

400—500 человѣкъ православныхъ Айсоровъ (это все населеніе ихъ въ предѣлахъ Россіи) могли бы и въ житейскихъ своихъ нуждахъ быть успокоены нашимъ братолюбивымъ участіемъ. И всѣ эти предпріятія такъ легко исполнимы и такъ мало стоили бы жертвъ и трудовъ (кромѣ перевода священныхъ книгъ), что мы позволяемъ себѣ выразить надежду на ихъ осуществленіе. Нашъ голосъ, какъ онъ ни слабъ, можетъ-быть, достигнетъ чьего-либо воспріимчиваго слуха; намъ кажется, что удовлетвореніе всѣмъ означеннымъ духовнымъ нуждамъ православныхъ Айсоровъ составляетъ одну изъ самыхъ прямыхъ и въ то же время самыхъ легкихъ задачъ Общества распространенія православія на Кавказѣ.

Между тѣмъ наши православные Айсоры находятся въ непрестанныхъ и живыхъ сношеніяхъ, по торговымъ и другимъ дѣламъ, съ бывшими своими единовѣрцами, которые въ числѣ 1500—2000 человѣкъ ежегодно приходятъ къ намъ въ Тифлисъ, Эривань и другія мѣста, на заработки и не рѣдко въ своихъ *требахъ*, особенно въ смертныхъ случаяхъ, обращаются къ православнымъ священникамъ. Такимъ образомъ, чрезъ посредство нашихъ Айсоровъ, возможно было бы дѣйствовать и на ихъ соплеменниковъ, живущихъ внѣ нашихъ предѣловъ и внѣ ограды православной церкви, и можетъ-быть, со временемъ, привести ихъ къ единомыслію въ вѣрѣ.

Не подражая въ этомъ случаѣ уже укоренной нами жадности латинъ, мы сдѣлаемъ все, чего требуетъ отъ насъ долгъ нашъ, если съ усердіемъ и умѣньемъ займемся судьбою уже пріобрѣтенныхъ нами Айсоровъ и, сколько отъ насъ будетъ зависѣть, пріобщать къ изливаемымъ на нихъ благамъ просвѣщенія и тѣхъ Айсоровъ, которые живутъ въ Персіи и Турціи. Успѣхъ весьма возможенъ.

Такъ какъ при этомъ не будетъ и не должно быть никакихъ политическихъ цѣлей (да и какимъ политическимъ цѣлямъ могло бы послужить это малочисленное, необразованное и забитое племя?), то по крайней мѣрѣ персидское правительство не будетъ имѣть никакого повода подозрѣвать насъ и мѣшать нашимъ *чисто* христіанскимъ цѣлямъ. Оно терпитъ же тамъ американскихъ и латинскихъ миссіонеровъ: почему мы могли бы казаться ему опаснѣе и вреднѣе?

Намъ извѣстенъ одинъ случай, изъ котораго можно отчасти заключать, что персидское правительство болѣе расположено уважать наше вѣроисповѣданіе чѣмъ, напримѣръ, латинское.

Извѣстно, что ни въ Тегеранѣ, при нашемъ посольствѣ, ни въ Таврисѣ, при нашемъ генеральномъ консульствѣ, нѣтъ, къ сожалѣнію, православной церкви; посему, для исполненія православными членами нашего посольства и генеральнаго консульства христіанскаго долга, ежегодно вызывается туда изъ Тифлиса какое-либо духовное лицо. Въ началѣ 50-хъ годовъ іеромонахъ, отправленный съ этою цѣлію въ Тегеранъ, былъ, по желанію шаха, ему представленъ, долго бесѣдовалъ съ нимъ о главнѣйшихъ положеніяхъ нашей вѣры и такъ понравился шаху, что получилъ отъ него въ даръ трость осыпанную дорогими каменьями.

Въ то время жена нашего посланника только что обратилась въ православную вѣру изъ латинства. Переводчикъ нашего посольства, бывшій посредникомъ между шахомъ и о. Моисеемъ (имя іеромонаха) былъ католикъ. Шахъ, тутъ же узнавъ объ этомъ, спросилъ у него: „Для чего же ты, служа православному царю, не хочешь присоединиться къ такой превосходной вѣрѣ? Вотъ, княгиня обратилась къ ней и очень хорошо поступила.“

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о томъ предубѣжденіи, съ которымъ бо́льшая часть нашего общества смотритъ на восточныхъ христіанъ, не только иновѣрныхъ, но и православныхъ. Ихъ невѣжество, хитрость, жадность къ деньгамъ, продажность и другіе пороки, которые отрицать было бы странно, внушаютъ намъ какое-то брезгливое отвращеніе къ этимъ несчастнымъ народамъ и не находятъ на нашемъ слѣпомъ судѣ никакого оправданія; тогда какъ это оправданіе, по крайней мѣрѣ условное и относительное, само напрашивается на наше вниманіе. Эти народы—рабы.

Можетъ-быть нѣкоторымъ изъ указанныхъ нами пороковъ восточныя племена причастны и по своей природѣ. Такъ: о Грекахъ мы имѣемъ простодушное и безспорное свидѣтельство нашего честнаго Нестора, который говоритъ,

что они были *лъстивы* и въ его время, и прежде, слѣдовательно еще во дни своей свободы.

Объ Армянахъ сохранились такого же рода показанія, болѣе раннія; напримѣръ: въ знаменитомъ надгробномъ словѣ Василію Великому, произнесенномъ другомъ и совоспитанникомъ его Григоріемъ Богословомъ, разказывается чрезвычайно занимательный случай, бывшій съ Св. Василіемъ въ Аѳинской школѣ и особенно сблизившій его съ Св. Григоріемъ. Случай этотъ состоялъ въ томъ, что армянское отдѣленіе Аѳинской школы, завидуя необычайной ученой славѣ и геніальнымъ дарамъ Василія, составило противъ него заговоръ, имѣвшій цѣлію унизить его и лишить того всеобщаго почета, который онъ успѣлъ пріобрѣсти имѣя шестнадцать лѣтъ отъ рожденія. Св. Григорій, успѣвшій уничтожить злой умыселъ Армянъ, повѣствуя объ этомъ въ надгробной рѣчи, сдѣлалъ общій о нихъ отзывъ: что Армяне скрытны, коварны и вѣроломны.

Но сколько бы ни было въ восточныхъ племенахъ природной склонности къ порокамъ, столь поражающимъ Европейца, мы, именно мы, сами причастные еще многимъ восточнымъ пороками, должны быть разсудительнѣе въ своихъ порицаніяхъ и умѣрять наши неистовые вопли, которые могутъ обратиться на нашу собственную голову: вотъ, могутъ сказать про насъ, обрадовались, что нашли хуже себя.

Главное же, мы не должны забывать, что восточные пороки порождаются, развиваются и поддерживаются рабствомъ. Вспомнимъ то, давно ли и нашему народу дарована благодать свободы, и не осталось ли на насъ самихъ слѣдовъ только что уничтоженнаго рабства, безъ сравненія болѣе мягкаго и слѣдовательно менѣе растлѣвающаго чѣмъ то, подъ игомъ котораго стонутъ наши восточные братья, не предвидя ему конца.

Почтимъ же божественный даръ свободы глубокимъ и теплымъ сочувствіемъ къ менѣе насъ счастливымъ членамъ человѣческаго рода, которымъ суждено еще (Богъ знаетъ сколько лѣтъ) терпѣть унизительное и развращающее ярмо *неволънаго* порабощенія, и въ особенности щедрымъ и братолюбивымъ общеніемъ въ духовныхъ и вещественныхъ благахъ

съ тѣми изъ нихъ, которые насъ ищутъ и которыхъ мы сами можемъ найдти, чтобы протянуть имъ благодѣющую руку. Перестанемъ оскорблять и безъ того переполненныя скорбію сердца ихъ жесткими и преувеличенными укорами и устыдимся по крайней мѣрѣ великаго язычника, который, задолго до проповѣди Освободителя всѣхъ человѣковъ [1], своимъ всепостигающимъ геніемъ уразумѣлъ, что было бы неправедно однимъ и тѣмъ же судомъ судить свободнаго и раба:

Ἥμισυ γάρ τ' ἀρετῆς ἀποαίνυται εὐρύοπα Ζεὺς
Ἀνέρος, εὖ τ' ἂν μιν κατὰ δούλιον ἦμαρ ἕλῃσιν [2].

Т. ФИЛИПОВЪ.

---

[1] Такъ названъ Спаситель въ 8-мъ правилѣ III вселенскаго собора.

[2] Половину доблести отнимаетъ Зевсъ у человѣка, когда его постигаетъ день рабства.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ

ВЪ

РОССІИ И ВЪ ПРУССІИ.

Упраздненіе крѣпостнаго права въ Россіи есть уже фактъ, есть событіе, въ нашихъ глазахъ совершающееся. Всякому серіозно изучающему этотъ предметъ любопытно проникнуть въ него глубже, любопытно сравнить явленія этого событія съ явленіями сопровождавшими освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ другихъ государствахъ Европы, въ тѣхъ именно, гдѣ, какъ и въ Россіи, оно совершилось дѣйствіемъ правительства, а не исчезло само, какъ напримѣръ въ Англіи и Даніи, въ переворотахъ народной жизни. Ближе всего, по сходству внѣшнихъ событій предшествовавшихъ освобожденію крестьянъ, стоитъ къ намъ Пруссія; она по этому, какъ и по многимъ другимъ соображеніямъ, должна особенно обратить на себя наше вниманіе. Тамъ, какъ и въ Россіи, этой реформѣ предшествовала война. Тамъ, какъ и здѣсь, сознаніе неравенства борьбы вызывало народное содѣйствіе къ отраженію враждебнаго нападенія. Пруссію военная гроза Наполеона I

застигла въ такомъ положеніи, когда она не могла противопоставить ему многочисленнаго войска. Министръ короля Фридриха Вильгельма III, Штейнъ, считалъ необходимымъ возбудить и выдвинуть впередъ народныя массы и вдохнуть въ нихъ мужество несокрушимой силы. Средствомъ, которое представлялось тогда самымъ дѣйствительнымъ, было упраздненіе крѣпостнаго права.

У насъ въ Россіи этой реформѣ предшествовала осада Севастополя, тоже неравная борьба съ цѣлою почти Европой, вызвавшая необходимость народнаго ополченія и показавшая самой Россіи, что если у нея и много нетронутыхъ силъ, то онѣ не достаточно развиты для борьбы съ такими могущественными государствами какъ Англія и Франція. Но здѣсь и конецъ сходства.

Въ Пруссіи реформа была только однимъ изъ многихъ важныхъ дѣлъ правительства, она не выдается выпукло, какъ въ Россіи, изъ ряда другихъ государственныхъ преобразованій: финансовъ, арміи и т. п. Она начала совершаться постепенно, еще съ 1702 года (16 декабря), когда король Фридрихъ I, въ изданномъ имъ положеніи „о деревняхъ и мѣстечкахъ“ объявилъ упраздненіе личнаго рабства въ казенныхъ имѣніяхъ, и продолжалась до начала девятнадцатаго столѣтія. Эдиктомъ 9 октября 1807 года между прочимъ постановлено было, что съ будущаго Мартынова дня 1810 года, всякая личная крѣпостная зависимость вообще прекращается безусловно въ цѣломъ государствѣ. Напротивъ, у насъ почти неожиданно былъ обнародованъ рескриптами Императора Александра II, въ ноябрѣ 1857 года, призывъ дворянству освободить крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, сначала только въ формѣ улучшенія ихъ быта; и съ этимъ начался процессъ, охватившій Россію изъ конца въ конецъ, котораго завершеніе, по всѣмъ вѣроятностямъ, едва увидитъ идущее за нами поколѣніе. Отчего же это событіе представляетъ у насъ такой характеръ, обнимающій всѣ стороны и явленія народной жизни, тогда какъ въ Пруссіи оно стоитъ въ ряду другихъ преобразованій? Отчего у насъ освобожденіе крестьянъ только начинается съ отмѣненія навсегда, положеніемъ 19 февраля 1861 года, крѣпостнаго права въ Россіи, тогда какъ подобнымъ объявленіемъ въ Пруссіи реформа собственно окончилась, хотя и тамъ разборъ прежнихъ

отношеній, между помѣщиками и крестьянами, еще продолжался нѣкоторое время?

Въ Германіи вообще порабощеніе обитавшихъ въ ней издревле племенъ частью пришлыми феодальными дружинами, частью туземною знатью (эделинги), получившею тоже военный феодальный характеръ, положило начало двумъ сословіямъ зависимымъ одно отъ другаго, дворянъ и ихъ подданныхъ. Раздача земель вассаламъ и призваніе колонистовъ, съ другими разнообразными, прямыми и косвенными, причинами развитія народной жизни и со всѣми послѣдствіями завоеванія, выразили тамъ отношеніе поселянъ къ помѣщикамъ въ юридическихъ понятіяхъ: *рабства, крѣпостной принадлежности и наслѣдственнаго подданства.* [1] Всѣ проживавшіе въ имѣніи помѣщика въ Пруссіи относились къ нему какъ къ мѣстному господину, которому въ предѣлахъ его имѣнія принадлежала и судебно-полицейская власть, такъ что каждое имѣніе составляло особое такъ-сказать замкнутое цѣлое, и крестьяне въ полномъ значеніи слова были крѣпки землѣ, и она состояла изъ участковъ, отдѣльно принадлежавшихъ каждому: дворовыхъ мѣстъ съ опредѣленнымъ количествомъ прирѣзанныхъ къ нимъ однажды навсегда огородовъ, полей и луговъ; только нѣкоторыми угодьями, выгонами, лѣсными дачами и т. п., всѣ осѣдлые обыватели пользовались нераздѣльно между собою. Такимъ образомъ дворъ съ своимъ участкомъ представлялъ одно недѣлимое цѣлое, одну податную хозяйственную единицу.

Наука, рядомъ съ жизнію, вырабатывала тамъ всѣ юридическія отношенія, законодательство постоянно съ точностію опредѣляло степень власти господина и сумму обязанностей къ нему крестьянъ, такъ что передъ началомъ упраздненія крѣпостной зависимости въ Пруссіи *нѣкоторые* крестьяне владѣли участками на правѣ полной собственности, могли свободно отчуждать и закладывать ихъ; *другіе* пользовались правомъ потомственнаго владѣнія, *третьи* правомъ владѣнія пожизненнаго, срочнаго, а иногда и безсрочнаго (не потомственнаго). Всѣ такіе участки входили въ составъ крестьянской земли, отдѣльной отъ земель помѣщика.

---

[1] См. статью: „Упраздненіе крѣпостнаго права въ Пруссіи“ Юрія Самарина въ журналѣ *Сельское Благоустройство* 1858 года № 1-й стр. 38.

Казна черезъ своихъ чиновниковъ получала отъ самихъ крестьянъ бо́льшую часть податей и наряжала ихъ на исправленіе натуральныхъ повинностей; въ этомъ случаѣ помѣщикъ могъ отвѣчать за нихъ только косвенно, если было доказано, что крестьяне пришли въ несостоятельность вслѣдствіе его вымогательствъ. Бо́льшая часть государственныхъ податей лежала на землѣ и именно крестьянской, потому что господская, подъ фольварками, пользовалась значительными привилегіями. Слѣдовательно раздѣленіе земли на господскую и крестьянскую имѣло въ Пруссіи государственное значеніе.

Относительно повинностей крестьянъ къ помѣщику надо замѣтить, что всѣ онѣ соотвѣтствовали болѣе феодальному характеру ихъ подданства, и имѣли какъ бы видъ податей; онѣ всѣ опредѣлялись закономъ и были очень разнообразны, какъ напримѣръ: 1) *монополіи* дворянъ, обращенныя въ доходныя статьи; 2) *повинности* поземельныя, лежавшія на податныхъ участкахъ и взимавшіяся по праву вотчинной собственности, всѣ виды натуральной повинности, оброкъ деньгами и сельскими произведеніями; 3) нѣкоторыя *личныя* повинности, вытекавшія изъ понятія о крѣпостномъ правѣ, срочная, обязательная служба крестьянъ, не имѣвшихъ участковъ, пошлины за дозволеніе вступать въ бракъ, и тому подобное; наконецъ 4) *судные доходы*, на покрытіе расходовъ, сопряженныхъ съ патримоніальною, то-есть вотчинною юрисдикціей, въ видѣ пошлинъ за труды.

Въ этомъ обзорѣ не должно оставлять безъ вниманія того, что крестьяне со стороны управленія—полиціи и суда—относились къ правительству не прямо, а черезъ господина, а въ хозяйственномъ отношеніи были отдѣльныя единицы передъ правительствомъ, и отвѣчали передъ нимъ лично въ податяхъ и повинностяхъ. Что́ же мы видимъ во всемъ этомъ? Мы видимъ:

1) Сословную зависимость и подчиненіе одного класса общества другому, рядомъ съ привилегіями, закономъ утвержденными за высшимъ изъ всѣхъ сословій въ государствѣ.

2) Раздачу земель поселянамъ, изъ которой образовались и укрѣпились постоянныя отношенія ихъ къ землѣ.

3) Владѣніе и пользованіе землями раздѣльное и опредѣленное, выработавшее вполнѣ понятіе о собственности.

4) Централизацію управленія, основанную на началѣ подданства вассала своему господину.

Обратимся къ Россіи. Элементъ чужой народности, въ началѣ нашей исторіи внесенный къ намъ пришлыми князьями приведшими съ собой немногочисленную дружину, утратился въ обычаяхъ коренныхъ ея жителей, Славянъ, несравненно болѣе значительныхъ по числу. Удѣльная система, въ противоположность феодальной, образовала и поставила за князьями въ первомъ ряду только служилое сословіе. Земля, по широкому и свободному ея у насъ пространству, считалась владѣніемъ Божіимъ, и поступала въ руки нашихъ предковъ по праву перваго ее занявшаго; даже и послѣ, при сплоченіи разрозненныхъ удѣловъ, силою единодержавія, въ одно государство, много земель лежало впустѣ; онѣ были ничьи, а потому естественно, и согласно общему понятію, ихъ присвоило себѣ государство. Оно раздавало ихъ за службу, для кормленія, какъ самую доступную для него плату, при дороговизнѣ въ то время драгоцѣннаго металла и рѣдкости денегъ. Такимъ образомъ, съ самаго начала мы видимъ какую важную роль должна была играть на Руси *рабочая сила*, которая долго одна боролась съ дикою природою, чтобы сдѣлать ее подвластною человѣку и обратить потомъ на пользу государства. Съ древнѣйшихъ временъ, самый бѣдный классъ общества, ролейные закупы (по Русской Правдѣ, старѣйшему нашему юридическому памятнику), нуждаясь въ средствахъ и орудіяхъ, садились на земли частныхъ владѣльцевъ, которые были въ возможности пріобрѣсти или занять ихъ и въ силѣ оградить поселенцевъ своею защитой. Это были свободныя сдѣлки, по взаимному уговору. За позволеніе жить у хозяина, иногда при доставленіи имъ земледѣльческихъ орудій, поселенцы обязывались обрабатывать землю, за условленную плату естественными произведеніями, или обрабатывать часть земли, съ тѣмъ чтобы пользоваться другою. Отъ одного землевладѣльца они свободно могли переходить къ другому, сначала во всякое время, а потомъ, по псковскому закону, въ концѣ XIII-го и началѣ XIV-го столѣтій, въ одинъ опредѣленный срокъ въ году: *о филипповомъ заговѣйнѣ*, а съ XV-го вѣка *въ Юрьевъ день осенній* (грамота великаго князя Ивана Васильевича суздальскимъ и юрьевскимъ намѣстникамъ въ 1466—1478 годахъ). Также сво-

бодно переходили сельскіе жители въ города, и городскіе въ села. Рядомъ съ этимъ поселяне, соединяя дружно свои силы, часто устраивались и на свободныхъ земляхъ общинами, и хотя изъ общины они получали участки или выти, но большой опредѣленности во владѣніи и способѣ пользованія землями тогда быть не могло. Въ отношеніяхъ къ правительству, къ общинѣ, въ которой всѣ ея члены тянули во всѣ общинные разметы и разруды, и къ землевладѣльцу, на первомъ планѣ стояла *рабочая сила*, представлявшая свою единицу—*тягло*. Правда, былъ и у насъ видъ рабства съ древнѣйшихъ временъ, но какъ явленіе случайное: это были военноплѣнные или преступники или люди добровольно отдавшіе себя въ кабалу. Они уже не входили въ составъ общества и считались собственностію господъ.

Общинное владѣніе и пользованіе имуществомъ придало своеобразныя формы отношеніямъ гражданскаго быта. Управленіе, при отсутствіи государственнаго единства, основывалось на выборномъ началѣ: каждая община составляла отдѣльное административное цѣлое, свободное, а не замкнутое, имѣла своихъ начальниковъ: головъ, сотскихъ, старостъ и другихъ; къ одной высшей общинѣ тянули низшія, то-есть, села и большія деревни приписанныя къ ней, а къ селамъ малыя деревни, починки и другіе поселки. У крестьянъ жившихъ на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, общину составляла вотчина, то-есть всѣ села и деревни принадлежавшія къ одному имѣнію, въ одномъ уѣздѣ. У мелкихъ землевладѣльцевъ крестьяне тянули или къ общинамъ волостнымъ, или составляли общины изъ нѣсколькихъ мелкихъ имѣній находившихся въ сосѣдствѣ. [1] Люди всѣхъ классовъ, кромѣ рабовъ, были членами общества земли Русской.

Отношенія общины къ правительству были болѣе внѣшнія; члены общины, жители деревень, какъ и жители городовъ, поселенные на собственныхъ земляхъ, какъ и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, всѣ, по старинному русскому выраженію, *судомъ и данью тянули по землѣ и водѣ*, то-есть по мѣсту жительства, и хотя правительство собирало подати съ земли, но въ ея совокупности съ рабочею

[1] „Крестьяне на Руси Бѣляева“ въ *Русской Бесѣдѣ* 1859 года кн. I, Отд. Наукъ стр. 74.

силою, въ частныя же дѣла общины оно, кажется, и не вмѣшивалось.

Только въ XV и XVI столѣтіяхъ государственная власть занялась законодательствомъ, и судебники 1497 и 1550 годовъ утвердили силою закона отношенія уже до нихъ сложившіяся. Съ начала царствованія преемника Іоанна Грознаго, Ѳедора Іоанновича, стали сильно чувствоваться нужды правительства вслѣдствіе внѣшнихъ отношеній: дѣла съ Крымомъ, Литвою и Швеціей привели его къ необходимости содержать большое войско; требовались кормы. Подати въ царскую казну и разные налоги и повинности, уже и прежде не нравившіеся народу, поддерживали въ немъ и даже усилили привычку къ побѣгамъ, какъ единственному средству избавиться отъ отягощеній и всякаго рода утѣсненій, столь обыкновенныхъ въ тѣ времена, чтобы земли, на которыхъ они жили, показывать лежащими впустѣ, и не платить казнѣ. Тогда правительство, по разстройству финансовыхъ дѣлъ, нашлось вынужденнымъ прибѣгнуть къ насильственному средству. Около 1591 года, послѣдовало прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ.

Эта мѣра съ самаго начала сдѣлалась ненавистною какъ крестьянамъ, *такъ и землевладѣльцамъ*, потому что она ограничивала волю однихъ и право собственности другихъ на землю, обращая свободный договоръ въ установленіе правительства, въ обязательную сдѣлку. Доказательствомъ непріязненнаго къ ней расположенія тогдашняго общества служитъ то, что крестьяне долго еще бѣгали, а владѣльцы принимали ихъ къ себѣ, такъ что правительство должно было въ продолженіи болѣе ста лѣтъ преслѣдовать равно какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Отсюда, можно сказать, начинается борьба государства съ бытомъ и привычками народа, продолжавшаяся до конца осьмнадцатаго столѣтія, отъ начала котораго постоянно затягивается все крѣпче узелъ крѣпостной зависимости крестьянъ. Служилое сословіе, по необходимости, помогаетъ потомъ на этомъ пути правительству.

Уложеніе 1649 года утверждаетъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ; оно лишаетъ ихъ даже возможности уйдти отъ неволи, уничтоженіемъ существовавшей передъ тѣмъ, по закону, пятилѣтней давности на право отыски-

ванія помѣщиками бѣглыхъ крестьянъ, къ землѣ ихъ приписанныхъ. Правительство, имѣя тогда дѣло еще съ тяглomъ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, съ разрѣшенія верховной власти (указъ 13-й октября 1675 года), переноситъ его съ земли на личность крестьянина, помѣщики начинаютъ мѣняться, съ вѣдома правительства, крестьянами безъ земли, исчезаетъ уже и прикрѣпленіе ихъ и Юрьевъ день, теряется личность крестьянина, хотя признакомъ полноправности крестьянства передъ государствомъ стоитъ еще общинное управленіе, въ лицѣ выборныхъ его начальниковъ. Осьмнадцатому уже столѣтію суждено было довести порабощеніе крестьянъ до послѣднихъ его предѣловъ.

Въ царствованіе Петра произошло преобразованіе Россіи; здѣсь мы уклонимся нѣсколько отъ прямой нашей цѣли, чтобъ еще болѣе выяснилось дѣло. Регламентація въ это царствованіе подвела всѣ стороны народной жизни подъ чуждыя намъ формы. Администрація была заимствована у другихъ европейскихъ государствъ. Россіи между прочимъ дано было областное устройство съ начальниками губерній и централизаціей власти; городамъ—управленіе купечества и мѣщанства отдѣльное отъ другихъ классовъ; судебнымъ мѣстамъ — новое коллегіяльное устройство, взятое, вмѣстѣ съ предыдущимъ, изъ шведскаго законодательства, и наконецъ введено контрольное и инквизиціонное начало правительственной опеки. Здѣсь надо замѣтить, что со временъ монгольскаго ига внѣшнія обстоятельства и отношенія Россіи къ сосѣдямъ всегда почти слагались для нея неблагопріятно, не въ нашу пользу. Не мѣсто входить здѣсь въ историческое изслѣдованіе причинъ тому, но одною изъ важныхъ конечно было отчужденіе ея отъ остальной Европы, съ которою она самою природой поставлена была въ естественную связь. Есть въ жребіяхъ народовъ поразительное сходство съ судьбою отдѣльныхъ человѣческихъ личностей. Если не принимаешь участія въ дѣлѣ по которому связанъ съ другими положеніемъ и чуждаешься его, то вскорѣ теряешь и права на это участіе; товарищи труда перестаютъ обращать вниманіе на отставшагося, а наконецъ, съ отдѣленіемъ своихъ интересовъ, становятся и положительно враждебными къ нему. Эту истину постигъ Петръ,

какъ неутомимый дѣятель, и схватился за мысль вдвинуть Россію въ европейскій союзъ державъ; но человѣческая сила не создаетъ жизни, и такъ какъ по естественному закону природы великія мысли и дѣла стоятъ рядомъ съ великими заблужденіями и ошибками, то преобразованія его, основанныя на чуждыхъ намъ началахъ, порвали въ Россіи нить связующую ея настоящее съ прошедшимъ. Наружный блескъ и видъ покрыли глубокое, внутреннее неустройство; только пока Петрова рука все двигала, въ Россіи еще все двигалось.

Но возвратимся къ народу, для котораго въ другихъ государствахъ, и именно въ тѣхъ, откуда Петръ заимствовалъ образецъ, занималась въ то самое время зоря освобожденія. Первая народная ревизія 1719 года сравнила крестьянъ съ кабальными слугами. Въ 1722 году они всѣ внесены въ подушный окладъ. Указомъ 5-го февраля того же года, велѣно помѣщикамъ платить подати со всякой души за своихъ крестьянъ. Непосредственныя отношенія между государствомъ и крестьянами прекратились; крѣпостные люди перестали быть членами общества, они стали отвѣтственны только передъ своимъ господиномъ, *сливаясь съ нимъ въ государственномъ отношеніи въ недѣлимое цѣлое;* земля вышла изъ виду правительства, оно начинаетъ считать души. Конечно, вмѣстѣ съ этимъ, и преобразованія не касаются народа; они совершаются въ верхнихъ сферахъ общества, а низшій его слой еще хранитъ, хоть только по преданію, связь съ старинною народною жизнію. Строгое требованіе Петромъ дворянской службы, съ непремѣнною обязанностью каждаго вступать въ нее, налагаетъ и на все это сословіе общее тягло, такое точно, какое прежде лежало на простолюдинѣ. Затѣмъ, при преемникахъ Петра (до конца XVIII столѣтія), идетъ рядъ распоряженій все болѣе и болѣе расширяющихъ помѣщичью власть надъ рабами, и когда Петръ III, манифестомъ 18-го февраля 1762 года, снялъ опять тягло съ дворянства, освободивъ его отъ обязательной службы государству, тогда самое главное условіе подъ которымъ даровано было этому сословію владѣніе крестьянами, рушилось, и дворяне, бывшіе дотолѣ передъ правительствомъ какъ бы заложниками крестьянскихъ обя-

зательствъ, по общему съ ними тяглу, потеряли этотъ характеръ: послѣ того крестьяне обратились въ полную собственность помѣщика. Освобожденіе господъ отъ обязательной службы блеснуло и для крестьянъ послѣднимъ, угасающимъ лучомъ надежды, что послѣдуетъ расширеніе и ихъ воли, но имъ было объявлено, вслѣдствіе разсѣваемыхъ объ этомъ между ними ложныхъ слуховъ, запрещеніе подавать челобитныя на господъ своихъ, и такимъ образомъ отнято было у нихъ и послѣднее ограждение личности. Потомъ, послѣ дикой, жестокой и печальной для помѣщиковъ катастрофы 1773 и 1774 годовъ, крестьяне утихли, и Екатерина II грамотой, пожалованною россійскому дворянству 24-го апрѣля 1785 года, подтвердила и укрѣпила всѣ дарованныя ему права на крѣпостныхъ людей.

Такъ установилось крѣпостное состояніе въ Россіи. Пробѣжавъ его исторію, мы видимъ въ началѣ слѣдующія самобытныя явленія:

1) Полную сословную свободу и равенство передъ закономъ всѣхъ классовъ людей и всѣхъ членовъ общества, въ противоположность феодальной зависимости класса поселянъ отъ дворянства въ Германіи.

2) Обычай бѣдныхъ работниковъ и крестьянъ садиться на чужихъ земляхъ и жить за господиномъ, по взаимному договору, тогда какъ въ Пруссіи мы видѣли выше раздачу земель поселянамъ, съ налогомъ на нее или податью.

3) Рядомъ съ этимъ общинное владѣніе землею, съ неопредѣленнымъ понятіемъ о неприкосновенности собственности, *при отсутствіи потребности ея раздѣла и особняка* въ способѣ пользованія землею, въ противоположность участковому, отдѣльному пользованію и неприкосновенному владѣнію, въ Пруссіи.

4) Самоуправленіе въ дѣлахъ общественныхъ, основанное на выборныхъ началахъ, между тѣмъ какъ Пруссія представляетъ намъ централизацію управленія.

Послѣ преобразованій Петра Великаго въ Россіи, отъ которыхъ ускользнуло отчасти крѣпостное сословіе, крестьяне стали въ слѣдующее положеніе:

А) *Къ правительству.* Относительно органовъ его управ-

ленія, полиціи и суда, по дѣламъ гражданскимъ они вышли совсѣмъ изъ рукъ государства, но за то обычай сохранилъ общинное пользованіе отводимымъ имъ надѣломъ въ большей части Россіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ во многихъ имѣніяхъ, преимущественно оброчныхъ, полное самоуправленіе въ дѣлахъ хозяйственныхъ и домашнихъ.

Б) *Къ помѣщику.* 1) Крѣпостные его люди слились съ нимъ въ *недѣлимое цѣлое*, образовавъ по отношенію къ государству *одну хозяйственную единицу*. 2) По способу пользованія крестьянъ землями и угодьями, въ имѣніи владѣльца, онъ съ ними въ большей части случаевъ жилъ нераздѣльно. 3) При способѣ надѣла крестьянъ землею и за отсутствіемъ опредѣленныхъ закономъ отношеній крестьянъ къ помѣщику, остался старый порядокъ вещей, именно личность крестьянина потеряла для помѣщика значеніе; отвѣтственною передъ нимъ осталась единица его рабочей силы—*тягло*.

Такъ вопреки всѣмъ регламентаціямъ и правиламъ, вопреки человѣческой мудрости и противополагаемымъ препонамъ, народная жизнь пробивается своимъ естественнымъ ключомъ, пока не разрушенъ совсѣмъ организмъ живаго общества.

При такомъ положеніи дѣла, посмотримъ въ чемъ же омгла состоять задача правительства при упраздненіи крѣпостнаго состоянія въ Пруссіи и при поворотѣ Россіи къ новой эпохѣ ея жизни?

Мы видѣли, что исторія утвержденія крѣпостнаго права въ Россіи во всѣхъ чертахъ различна съ исторіей его происхожденія въ Пруссіи. Тамъ оно, истекая изъ феодальныхъ отношеній, выразилось совокупностью юридическихъ правъ высшаго сословія на подданство ему другаго и особыми, закономъ признанными за дворянствомъ, привилеліями, при чемъ всѣ почти крѣпостные люди пользуясь (къ самому началу XVIII столѣтія) постояннымъ и отдѣльнымъ владѣніемъ землею, въ нѣкоторомъ смыслѣ сдѣлались собственниками въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, только въ разныхъ степеняхъ крѣпости. Общество и государство выработали свои прочныя, въ то время, формы управленія, соотвѣтственно духу и потребностямъ народа. Слѣдовательно, вся задача правительства, при освобожденіи крестьянъ въ

Пруссіи, состояла въ отмѣнѣ нѣкоторыхъ юридическихъ правъ, ставшихъ несовременными при общественномъ движеніи; въ уравненіи другихъ изъ этихъ правъ въ обоихъ сословіяхъ; въ уничтоженіи привилегій высшаго изъ нихъ, и юридическомъ, болѣе точно выраженномъ признаніи права крестьянской собственности на поземельные участки, съ вознагражденіемъ дворянства за потерю матеріяльныхъ выгодъ отъ принадлежавшихъ ему исключительно правъ и привилегій; наконецъ въ регулированіи новыхъ поземельныхъ отношеній.

Въ Россіи исторія крѣпостнаго состоянія крестьянъ ознаменовывается, въ концѣ XVIII столѣтія, лишеніемъ ихъ всѣхъ гражданскихъ правъ личности и голоса, и обращеніемъ ихъ въ собственность дворянства, и такимъ образомъ, это высшее сословіе въ государствѣ, безъ всякихъ впрочемъ особыхъ исключительныхъ правъ и привилегій [1], получаетъ въ неограниченное распоряженіе и употребленіе на себя рабочую силу значительной части народа, не прикрѣпленнаго уже болѣе къ землѣ, и все это совершается среди общества не выработавшаго себѣ ясныхъ понятій о собственности, ея неприкосновенности и раздѣльности поземельнаго владѣнія, — среди общества, долго принимавшаго, съ увлеченіемъ ребенка, все иностранное, не существенное конечно, а случайное, только внѣшнюю об-

---

[1] Изъ правъ принадлежащихъ дворянскому сословію въ Россіи, *исключительнымъ* было одно—*владѣть крѣпостными людьми*; оно упразднилось съ ихъ освобожденіемъ; затѣмъ а) *право вступать въ государственную службу* дворянство раздѣляетъ съ купеческимъ сословіемъ (53 ст. III т. *Св. Зак.* изд. 1857 г.) и притомъ лицамъ всѣхъ другихъ сословій открытъ, посредствомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, входъ въ сословіе дворянъ, съ пріобрѣтеніемъ чина или знаковъ отличія; б) *право выборовъ* принадлежитъ, по нашимъ законамъ, въ разныхъ степеняхъ, всѣмъ сословіямъ, и каждое имѣетъ свои отдѣльные выборы; в) *право изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній*, по состоянію, распространяется у насъ и на другія сословія, до купцовъ первыхъ двухъ гильдій включительно (приложеніе къ 19 ст. XV т. *Св. Зак.*), и сверхъ того многія другія лица подлежатъ особо этому изъятію; наконецъ г) *право не считаться въ подушномъ окладѣ* дворянство раздѣляетъ съ сословіемъ почетныхъ гражданъ (601 ст. IX т. *Св. Зак.*). Итакъ русское дворянство не имѣетъ нынѣ ни одного исключительнаго права, а пользуется разными правами всѣхъ другихъ сословій въ государствѣ.

становку. Слѣдовательно упраздненіе крѣпостнаго права въ Россіи есть собственно возвращеніе всему крестьянскому сословію прежней воли; признаніе его гражданской полноправности; уничтоженіе холопства; прекращеніе барщины, какъ права и привычки располагать произвольно рабочею силою и трудомъ народа; осторожная развязка разнообразныхъ въ цѣлой Россіи и перепутанныхъ нашею исторіей отношеній крѣпостныхъ людей къ собственности землевладѣльца, затянутыхъ въ крѣпкій узелъ лежавшими на нихъ нераздѣльно государственными обязанностями и требованіями гражданской жизни; не *регулированіе* поземельныхъ отношеній, какъ въ Пруссіи, но полное *размежеваніе* помѣщичьихъ земель и угодій, не вездѣ измѣренныхъ, съ землями крестьянскаго пользованія въ большинствѣ случаевъ, а иногда и съ дачами сосѣдей; подтвержденіе колеблющагося права собственности владѣльцевъ, какъ это и сдѣлано Положеніемъ 19 февраля 1861 года, на всѣ земли ихъ имѣній, не исключая и тѣхъ, кои состояли въ пользованіи крестьянъ, коль скоро устраненъ выкупъ ихъ личности, въ видахъ справедливаго вознагражденія за матеріяльное разстройство, которое для русскаго дворянства, главнымъ образомъ, должно заключаться *въ потерѣ рабочей силы*, бывшей у него въ даровомъ распоряженіи; принятіе дѣйствительныхъ мѣръ къ обращенію освобожденнаго крестьянина въ поземельнаго собственника. Единственнымъ къ тому средствомъ представляется намъ признаніе за каждымъ крестьяниномъ, внесеннымъ въ послѣднюю народную перепись, *юридическаго права*, закономъ укрѣпленнаго, на *выкупъ* того надѣла, который будетъ отведенъ помѣщикомъ, по Положенію, изъ его земли—за всѣмъ обществомъ, тамъ гдѣ оно сохраняется, или за отдѣльными крестьянами, при участковомъ пользованіи. Пользованіе землею за установленныя повинности должно было бы продолжаться непрерывно, до окончательной развязки дѣла, то-есть до совершенія выкупа, если крестьянинъ добровольно не выйдетъ прежде времени изъ своего общества или не покинетъ земли помѣщика. Такой выходъ конечно прекращалъ бы предоставленное крестьянину закономъ право на выкупъ земли, состоящей у него въ пользованіи. Это дозволеніе выхода и прекращеніе съ нимъ права выкупа не представляетъ, ка-

жется, опасности обезземелить крестьянъ, потому что никто не захочетъ безъ особыхъ побудительныхъ причинъ и выгодъ лишиться какого бы то ни было обезпечивающаго его права, и при такомъ условіи свободный переходъ крестьянина въ другое общество или состояніе могъ бы быть, по нашему мнѣнію, разрѣшенъ немедленно, ибо съ одной стороны право пріобрѣсти въ собственность часть земли того имѣнія, въ которомъ онъ родился и жилъ, есть самое естественное прикрѣпленіе его къ землѣ и совершенно достаточный способъ предупредить бродяжничество крестьянъ, праздношатаніе и безпорядочные переходы съ мѣста на мѣсто, а съ другой стороны, это право выкупа, закономъ признанное, казалось бы, должно устранить необходимость немедленнаго и настоятельнаго принятія правительствомъ на себя всѣхъ по этому предмету сдѣлокъ. Вмѣстѣ съ этимъ такое положеніе было бы для крестьянина постоянно сильнымъ побужденіемъ къ добыванію денегъ и къ самостоятельной дѣятельности для покупки собственности, и предупреждая бездѣйствіе его отъ возложенія всѣхъ надеждъ на правительство, предохранило бы *рабочую силу* отъ упадка ея и разстройства, а по важному ея значенію въ Россіи, о которомъ говорено было выше, сбереженіе этой силы необходимо для поднятія благосостоянія всего государства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ крестьяне многихъ имѣній могли бы, при полной свободѣ гражданскихъ отношеній, выкупить своими средствами предоставленную имъ по отмежеваніи помѣщиками землю, и правительству осталось бы только остальной части крестьянъ придти на помощь своимъ кредитомъ и ссудою.

Въ подкрѣпленіе изложеннаго, и въ заключеніе этой статьи, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о трехъ самостоятельныхъ и совершенно различныхъ системахъ освобожденія крестьянъ, имѣвшихъ мѣсто тамъ, гдѣ оно совершалось путемъ правительственной реформы. Эти системы слѣдующія: 1) Bauerland въ нашихъ Остзейскихъ провинціяхъ, 2) вѣчное или безсрочное пользованіе землею (чиншъ въ Польшѣ), и наконецъ 3) выкупъ, совершившійся напримѣръ въ Пруссіи, единственная изъ всѣхъ этихъ системъ окончательно развязывающая дѣло. Надо прежде всего об-

ратить вниманіе на то, что при всѣхъ этихъ трехъ системахъ ни одно правительство, совершая реформу, не освобождало крестьянъ безъ земли.

Въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ основаніе освобожденія крестьянъ положена была *неприкосновенность крестьянской земли* (Bauerland), состоявшей всегда у нихъ въ отдѣльномъ отъ дворянскихъ земель и участковомъ пользованіи, какъ въ Пруссіи. Тамъ было запрещено обращать крестьянскія земли въ распоряженіе помѣщика. Это положеніе ограждено обоюдно: со стороны помѣщиковъ тѣмъ, что имъ дозволяется располагать крестьянскою землей только посредствомъ отдачи ея въ оброчное содержаніе или продажи членамъ крестьянскихъ обществъ, а въ случаѣ неизъявленія никѣмъ изъ нихъ согласія принять освободившійся участокъ за предложенную повинность, помѣщику предоставляется завѣдывать участкомъ непосредственно въ продолженіе самаго короткаго срока, по истеченіи котораго всякое непосредственное пользованіе для помѣщика прекращается; со стороны крестьянъ положеніе Остзейскихъ губерній ограждено было тѣмъ, что крестьянамъ этихъ губерній запрещенъ былъ выходъ изъ нихъ, и они должны были селиться только на крестьянской землѣ, считающейся собственностію помѣщиковъ. Слѣдовательно все это положеніе есть не что иное какъ *сервитутъ*, наложенный правительствомъ на всѣ дворянскія имѣнія, въ пользу *всего крестьянства* трехъ губерній. Этотъ сервитутъ соотвѣтствуетъ особенному характеру законодательства этихъ провинцій, которое допускаетъ сервитуты вообще относительно собственности, напримѣръ существованіе майоратства; но оно есть въ существѣ все-таки освобожденіе крестьянъ съ землею, потому что хотя участки и не принадлежатъ отдѣльнымъ крестьянамъ, но всѣ крестьянскія земли въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (Bauerland) принадлежатъ всему крестьянству Остзейскихъ провинцій, владѣлецъ располагать этими землями по произволу, какъ собственникъ, не можетъ, а полученіе имъ съ крестьянъ повинности или оброка можно принимать за ежегодный и безконечный выкупъ не земли или ея участковъ, а сервитута, наложеннаго въ пользу крестьянъ на чужую собственность. Поэтому вообще освобожденіе крестьянъ представляется тамъ

какъ бы дѣломъ не конченнымъ и ведетъ ко взаимному стѣсненію.

Вѣчное или безсрочное пользованіе землею помѣщиковъ есть контрактъ неограниченный никакимъ срокомъ и совершенный правительствомъ за обѣ стороны: владѣльца и крестьянъ разъ навсегда, помимо воли собственника. Эта система соотвѣтствуетъ духу законодательства проявляющагося въ Литовскомъ статутѣ, который признаетъ вообще за правительствомъ право на этотъ способъ распоряженія частнымъ имѣніемъ, то-есть заключать за стороны контракты въ опредѣленныхъ случаяхъ. Примѣромъ тому можетъ служить *экздивизія*. Когда долги превышаютъ стоимость имѣнія, и по нашимъ законамъ правительство приступило бы къ публичной его продажѣ съ аукціоннаго торга, то-есть къ отчужденію, Литовскій статутъ отдѣляетъ право пользованія, владѣнія и распоряженія имѣніемъ отъ права собственности, обращающагося тогда въ какую-то отвлеченность, и въ этомъ случаѣ все имѣніе, напримѣръ домъ, дѣлится на множество частей по числу кредиторовъ. Это и есть *экздивизія*, причемъ отдается каждому изъ кредиторовъ во владѣніе и полное распоряженіе, въ *традицію*, такая часть, доходы съ которой должны выплатить въ опредѣленный срокъ весь долгъ. Эта *традиція* есть не что иное какъ аренда, или контрактъ, заключенный правительствомъ за обѣ стороны, и по Статуту, далѣе извѣстнаго, общаго для традицій, закономъ опредѣленнго срока, такая аренда продолжаться не можетъ. Эти отношенія къ собственности вели всегда къ совершенному разстройству чужаго имущества; при возвращеніи его собственнику или же его наслѣдникамъ оно представляло только жалкіе остатки. Установивъ право традицій, отдѣльное отъ права собственности, при чемъ оба подлежали различному перекрѣпленію по закону или передачѣ другому лицу, Литовскій статутъ породилъ, какъ извѣстно, въ западныхъ губерніяхъ безконечные, весьма сложные процессы. Система безсрочнаго пользованія, по неудовлетворительности своей, представляетъ вѣчныя и запутанныя отношенія неполнаго права собственности разныхъ лицъ къ одному и тому же имуществу и хотя есть тоже освобожденіе крестьянъ съ землею, ибо они ею навсегда обезпечены, но не приводитъ дѣла къ окончательной его развязкѣ.

Наконецъ *выкупъ* надѣла земли есть единственный исходъ изъ всѣхъ неопредѣлительныхъ отношеній. Онъ одинъ совершенно соотвѣтствуетъ духу нашего законодательства, которое признаетъ за правительствомъ только одно право располагать частною собственностью: отчуждать ее въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ случаяхъ (575 ст. 1 ч. и 40 ст. 2 ч. X. т. Св. Зак. изд. 1857 г.), но отнюдь не присвояетъ ему права входить за стороны въ договоръ, или налагать по произволу сервитуты на частныя имущества. При томъ безсрочныхъ договоровъ у насъ законъ не допускаетъ вовсе. Единственныя ограниченія, которыя представляетъ наше законодательство относительно права полной собственности, слагающейся изъ правъ владѣнія, пользованія и распоряженія имуществомъ, суть временное отдѣленіе первыхъ двухъ съ сохраненіемъ за собственникомъ права *распоряженія*, или же отдѣленіе этого послѣдняго съ сохраненіемъ за нимъ первыхъ двухъ правъ, то-есть *владѣнія и пользованія* (ст. 432 X. т. Св. Зак. 1 ч. изд. 1857 года). Затѣмъ у насъ есть виды сервитутовъ, какъ частное явленіе, именно а) *право общаго и частнаго участія въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества*, напримѣръ право проѣзда по дорогамъ (этотъ видъ сервитута всегда и постоянно лежитъ у насъ въ пользу всякаго посторонняго лица, въ силу закона, на всѣхъ частныхъ имѣніяхъ въ государствѣ, кому бы они ни принадлежали); б) *право угодій*, напримѣръ въѣзжіе лѣса (это право, принадлежа къ первобытному порядку сельскаго хозяйства, отжило свое время и вновь не установляется законодательствомъ [1]; наконецъ в) *заповѣдныя наслѣдственныя имѣнія* или майораты (они учреждаются у насъ правительствомъ весьма рѣдко, при самомъ ихъ пожалованіи, въ другихъ случаяхъ не иначе какъ по волѣ собственника, и съ особаго каждый разъ разрѣшенія на то верховной власти). Между тѣмъ право выкупа существуетъ у насъ самостоятельно въ законѣ, по силѣ котораго родственники пользуются правомъ выкупа родоваго имѣнія у посторонняго его покупщика, въ теченіи трехъ лѣтъ со дня совершенія

[1] Сочиненія Неволина ч. 4 408 стр. § 365.

купчей крѣпости (1363 ст. 1 ч. X. т. Св. Зак. изд. 1857 года). Если на отвлеченномъ понятіи о принадлежности къ одному роду создалось такое право, при чемъ пользующійся имъ не имѣетъ никакаго прикосновенія къ самому выкупаемому имуществу, то нѣтъ сомнѣнія, что это право выкупа можетъ быть по справедливости распространено и на другой случай,—для обращенія крестьянъ въ поземельныхъ собственниковъ. Крестьяне пользовались у насъ извѣстною частью земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ теченіе долгихъ лѣтъ, переходящихъ всѣ сроки установленной нашими законами давности на владѣніе; это пользованіе продолжалось въ силу того кореннаго условія, подъ которымъ дворянству даровано было право владѣть крѣпостными людьми. Обязанность послѣдняго надѣлять крестьянъ землею вошла въ систему нашего законодательства о правахъ состояній. Все это представляетъ, кажется, весьма достаточное основаніе пріобщить и ихъ къ праву выкупа, у насъ уже безъ того существующему въ законѣ.

Всѣ три приведенныя системы освобожденія крестьянъ, а) *сервитутъ*, налагаемый правительствомъ на части дворянскихъ имѣній въ пользу всего крестьянства (Bauerland) б) безсрочный или вѣчный контрактъ на пользованіе крестьянами землею въ имѣніи помѣщика, и наконецъ в) *выкупъ* или право крестьянина на обязательное для помѣщика отчужденіе части его земель, представляютъ такое рѣзкое и наглядное различіе въ своемъ характерѣ, что невозможно понять какъ бы онѣ могли совмѣститься въ одномъ и томъ же дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Очевидно, что *первая система* есть обязательство помѣщика, принимаемое имъ относительно всѣхъ крестьянъ цѣлаго края; если допустить при этой системѣ выкупъ, который есть обязательство продажи опредѣленнаго количества земли владѣльца бывшимъ его крѣпостнымъ крестьянамъ, то можетъ ли владѣлецъ въ одно и то же время принять обязательство на одно и то же имѣніе къ цѣлому крестьянству всей пространной Россіи? *Вторая система* есть полное обезпеченіе крестьянъ землею помѣщика, по насильно заключенному за нихъ договору или контракту. При такомъ обезпеченіи и неотъемлемомъ пользованіи чужою собствен-

ностію, установленномъ *безсрочно*, естественно устраняется всякая необходимость для крестьянъ въ ея пріобрѣтеніи покупкой. Гдѣ же тутъ мѣсто обязательной продажѣ или праву выкупа?

Это все можетъ, кажется, достаточно убѣдить въ необходимости принятія у насъ изъ всѣхъ трехъ изложенныхъ системъ, взаимно себя уничтожающихъ, одной опредѣленной, а именно *выкупа*, такъ какъ другія двѣ не соотвѣтствуютъ вовсе духу нашего законодательства и характеру нашего народа, требующаго во всякомъ дѣлѣ скорѣйшей развязки, простоты и ясности отношеній. Вотъ почему въ Россіи конечнымъ исходомъ крестьянскаго дѣла представляется намъ обязательный для помѣщиковъ *выкупъ* крестьянами опредѣленнаго земельнаго надѣла въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, что̀ и принято уже въ основаніи Положенія 19 февраля 1861 года относительно усадебной осѣдлости. Установленіе этого права выкупа должно по справедливости опираться не на правѣ отчужденія правительствомъ частной собственности, присвоенномъ ему въ извѣстныхъ только и опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, а прямо и непосредственно на особомъ правѣ выкупа, которое въ нашемъ законодательствѣ для одного случая уже существуетъ.

Уравненіе сословныхъ правъ, регулированіе опредѣленныхъ съ точностію новыхъ отношеній, дарованіе лучшаго законодательства, какъ это было въ Пруссіи, есть *преобразованіе*. Но отступленіе отъ пройденнаго, въ продолженіи почти трехсотъ лѣтъ, пути, сдѣлавшееся у насъ необходимымъ; устраненіе чуждой намъ регламентаціи, непонятной массѣ народа, въ постановленіяхъ правительства; общественное воздержаніе отъ наклонности довольствоваться внѣшнею обстановкой, при внутреннемъ неустройствѣ; отреченіе отъ привычки быть большею частію въ страдательномъ положеніи относительно нуждъ и потребностей общества; вызовъ новыхъ отношеній быта, основанныхъ на тѣхъ самостоятельныхъ началахъ, связь которыхъ съ прошедшимъ разорвана; настоятельность отысканія средствъ къ поднятію благосостоянія общества, которыми ни высшее, ни низшее сословія государства доселѣ вполнѣ не пользовались; введеніе въ новую, полноправную жизнь болѣе двадцати

милліоновъ личностей, переставшихъ быть членами общества, и наконецъ исцѣленіе всѣхъ наболѣвшихъ язвъ и страданій цѣлаго народа, нанесенныхъ силою внѣшнихъ событій, такъ часто слагавшихся въ нашей исторіи въ ущербъ самостоятельности русскаго быта,—все это есть болѣе чѣмъ простое преобразованіе, и для всего этого недостаточно одного законодательства, а нужно время и дружное содѣйствіе всѣхъ частныхъ силъ Россіи. [1]

Н. СЕМЕНОВЪ.

29 декабря 1861 года.

---

[1] Когда въ нашей печати обсуждался крестьянскій вопросъ, мы высказывались противъ обязательнаго выкупа, но къ сожалѣнію, по обстоятельствамъ, вопросъ объ обязательномъ выкупѣ не былъ вполнѣ исчерпанъ, а потому мы съ удовольствіемъ дали мѣсто настоящей статьѣ почтеннаго автора, который самъ участвовалъ въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій. Онъ снова поднимаетъ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ и вѣроятно вызоветъ разносторонніе сужденія по этому важному и еще не разъясненному предмету, что и дастъ намъ возможность досказать въ послѣдствіи то, что мы имѣли въ виду представить на судъ публики, когда крестьянское дѣло еще ожидало своего разрѣшенія. *Ред.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКОВАГО ТОМА.

ІЮЛЬ.

	Стр.
Мѣстное населеніе Россіи. *К. П. Побѣдоносцева.* . .	5
Изъ Кавказской жизни. 1848 годъ въ Дагестанѣ. *Кавказца.*	35
Прошлое лѣто въ деревнѣ. Часть вторая. I.—IV. *С. Безыменнаго.*	67
Очерки современныхъ нравовъ. Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. *Д. В. Григоровича.*	115
Романъ въ Англіи. *М. В. Шаврова.*	153
Передѣланная сцена изъ донъ Жуана. Письмо къ издателю *гр. А. К. Толстаго.*	213
О значеніи классическихъ языковъ въ гимназическомъ курсѣ. *Z.*	228
Безъ роду и племени. Романъ Вильки Коллинза. Сцена I. Переводъ съ англійскаго.	249
Къ послѣдней изъ могиканъ. Стихотвореніе *Б. М. Алмазова.*	349
О нашемъ нигилизмѣ по поводу романа Тургенева. .	402

АВГУСТЪ.

Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Гр. *А. К. Толстаго*. 427
О различныхъ системахъ податей. *Л. В. Гечевича*. . 580
Прошлое лѣто въ деревнѣ. Часть вторая. V.—VII. *С. Безыменнаго*. 610
Передъ барельефомъ. (Подражаніе А Шенье.) Стихотвореніе. *Б. Н. Алмазова*. 659
Языкъ физіологовъ и психологовъ. *П. Д. Юркевича*. 661
Безъ роду и племени. Романъ Вильки Коллинза. Сцена II. Переводъ съ англійскаго. 705
О преобразованіи въ казачьихъ войскахъ. *Есаула*. . 768
Нѣсколько слова о несторіянахъ. *Т. И. Филипова*. 798
Освобожденіе крестьянъ въ Россіи. *Н. П. Семенова*. 821